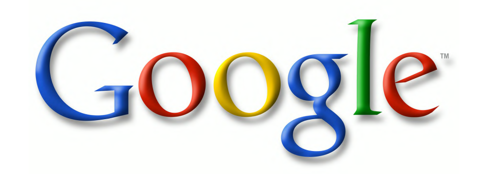

Й. П. ХРУЩОВЪ.

СБОРНИКЪ

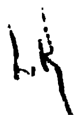
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ,

ИСТОРИЧЕСКИХЪ и ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ и ЗАМѢТОКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 14.
1901.

ОТЪ АВТОРА.

Издаваемый Сборникъ содержитъ въ себѣ написанныя въ разное время и напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ статьи. Нѣкоторыя изъ нихъ донынѣ не утратили своего научнаго значенія, другія интересны лишь какъ отраженіе литературы давно минувшихъ годовъ, или же сохраняютъ за собою цѣнность личныхъ воспоминаній о приснопамятныхъ лицахъ.

Къ перепечатываемымъ статьямъ здѣсь присоединены и три новыя, впервые появляющіяся въ свѣтъ.

Первая изъ нихъ: **О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи**. Статья эта теперь не представляетъ ничего новаго. Прочитанная въ свое время въ ученомъ обществѣ, она имѣетъ общій интересъ, и я придаю ей значеніе введенія въ спеціальную отрасль археологіи—введенія, въ которомъ изложена исторія вопроса и обобщены главнѣйшіе факты открытій какъ за границей, такъ и на русской почвѣ. Къ тому же въ статьѣ этой отразились впечатлѣнія Цюрихскаго музея, которыми я дѣлился тогда съ моими просвѣщенными сочленами.

Вторая статья — поминка **по преосвященномъ Порфиріи Успенскомъ**. Доложенная въ засѣданіи Императорскаго Археологическаго Общества, она была присуждена къ напечатанію въ «Извѣстіяхъ», но, по моей винѣ, не была своевременно доставлена редактору.

Третья, наиболѣе обширная статья, помѣщается въ дополненіяхъ и написана мною для Сборника. Названіе ея: **Объ издательской дѣятельности коммисіи народныхъ чтеній**.

Сверхъ того мною сдѣлано нѣсколько примѣчаній подстрочныхъ и отдѣльныхъ въ видѣ дополненій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Первые германисты.

Поворотъ къ національности въ литературѣ и наукѣ германской— отъ Готшеда до «исторической грамматики» Якоба Гримма *).

Періодъ искусственной поэзіи и ученой религіозности XVI вѣка повсемѣстно оторвалъ общество отъ роднаго прошедшаго, перенесъ вниманіе людей мыслящихъ на почву классицизма и теологіи, заставилъ забыть рыцарскія пѣсни и развилъ презрѣніе къ народному эпосу. Разрывъ ученаго общества съ народомъ и стариною былъ въ свое время необходимостью; но и во время этого разрыва ученыхъ съ своимъ народомъ, въ Германіи самые ярые приверженцы этого направленія науки, не придавая особенной цѣны нѣмецкимъ рукописямъ прошедшихъ вѣковъ, однако же берегли ихъ. Связь нѣмцевъ съ ихъ стариною поддерживалась грамотеями, и такъ-называемая народная печатная литература уже процвѣтала въ XVII столѣтіи, когда поэма «Рейнгартъ-Фуксъ» была издаваема до двѣнадцати разъ, когда появились Фаустъ, Вѣчный Жидъ, Eselkönig и другія полународныя повѣсти, еще до сихъ поръ не забытыя простолюдинами. Но сближеніе людей образованныхъ съ народною стариною началось не прежде, какъ въ половинѣ XVIII вѣка.

Въ это время два писателя одновременно обратили свое ученое вниманіе на древнюю отечественную литературу: то были лейпцигскій профессоръ философіи Готшедъ и цюрихскій ученый Бодмеръ. По своему литературному направленію они шли

*) Напечатано въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. подъ заглавіемъ: «Историческое изученіе отечественной литературы въ Германіи».

различными путями и находились между собою въ литературной враждѣ. Готшедъ былъ сторонникъ французской классической теоріи и поклонникъ Буало. Врагъ Клопштока, въ послѣдствіи осмѣянный Лессингомъ, онъ долго поддерживалъ въ Саксоніи старое литературное направленіе, и единственною его заслугою была любовь къ отечественному языку. Готшедъ занимался исторіей языка; его «Beiträge zur kritischen Historie der deutschen Sprache» не безъ уваженія упоминаются современными намъ германистами. Задумавъ писать исторію нѣмецкой поэзіи, онъ сталъ заниматься древними рукописями, для чего предпринималъ ученыя путешествія въ города, славившіеся библіотеками. Трудъ этотъ не былъ имъ выполненъ, а изданное предисловіе къ исторіи драматическаго искусства было осмѣяно молодымъ берлинскимъ фельетонистомъ, будущимъ авторомъ «Мины Барнгельмъ» и «Натана». И не мудрено: новое вино вливалось въ старые мѣхи; со старыми, отживавшими теоріями не легко примирялись національныя стремленія Готшеда. Но за нимъ есть еще заслуга по изданію поэмы «Рейнгартъ-Фуксъ» на верхне-нѣмецкомъ языкѣ. До Готшеда эта поэма была много разъ издаваема, но все на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи; Готшедъ первый издалъ этотъ любимый народомъ памятникъ средне-вѣковой поэзіи на нарѣчіи высшаго общества, церкви и ученой поэзіи.

Бодмеръ, хотя и былъ нѣсколько старше Готшеда, но принадлежалъ къ людямъ болѣе юнаго направленія. Главная особенность Бодмера и основанной имъ швейцарской литературной школы было тяготѣніе къ англичанамъ и враждебное отношеніе къ французамъ и ихъ лейпцигскимъ сторонникамъ. Англійская литература имѣла на Бодмера такое вліяніе, что онъ измѣнилъ французамъ, освободился отъ ихъ ложныхъ въ искусствѣ теорій и сталъ самостоятельнымъ литературнымъ дѣятелемъ. Таково было всегда вліяніе англичанъ на нѣмцевъ. Можно смѣло сказать, что Виландовъ переводъ Шекспира подготовилъ будущихъ читателей Лессинга и Гете. Бодмеръ, съ своей стороны, перевелъ «Потерянный рай» Мильтона, и этотъ трудъ его имѣлъ непосредственное вліяніе на Клопштока, задумавшаго писать «Мессіаду» подъ впечатлѣніемъ Мильтоновой поэмы, но никакъ не въ подражаніе

ей. Однимъ изъ первоначальныхъ трудовъ Бодмера былъ переводъ Гомера на нѣмецкій языкъ. Позднѣе, въ обширной области нѣмецкой литературы, уже пестрѣвшей классическими и неклассическими произведеніями разныхъ національностей, Бодмеръ отмежевалъ себѣ особый уголокъ. Въ то время, какъ Гердеръ обратилъ вниманіе на древній востокъ, а Лессингъ, подъ вліяніемъ Дидро, рѣшился пересоздать драму,—Бодмеръ занялся изданіемъ древне-нѣмецкихъ стихотвореній. Надобно замѣтить, что въ то время очень многіе ученые, съ высоты своей латинской мудрости, презирали родную рѣчь, а офранцуженные дворяне стыдились читать литературное произведеніе, написанное по нѣмецки: такъ велико было отчужденіе общества отъ своей собственной народности. Извѣстенъ отвѣтъ Фридриха Великаго профессору Мюллеру [1]), когда тотъ поднесъ ему только-что изданную впервые поэму о Нибелунгахъ: «Любезный Мюллеръ, я не знаю, что дѣлать съ твоей книгой; но чтобъ она не была на всегда забыта въ моей библіотекѣ, я передамъ этотъ хламъ въ публичное книгохранилище». Но ничто не помѣшало Бодмеру проводить въ литературѣ національныя тенденціи и пробуждать въ публикѣ любовь къ забытой поэзіи среднихъ вѣковъ. Въ 1848 году, въ Цюрихѣ, Бодмеръ издалъ Proben der alten schwäbischen Poesie des XIII Jahrhunderts»—отрывки изъ стихотворнаго сборника, писаннаго въ Цюрихѣ по заказу нѣкоего Рюдгера Манессе, почему и рукопись получила названіе Манессовой. Бодмеръ досталъ эту рукопись, принадлежавшую Парижской королевской библіотекѣ, по особому дозволенію французскаго короля и по ходатайству страсбургскаго профессора Шепфлина. Въ предисловіи къ своему изданію Бодмеръ предложилъ читателямъ исторію рукописи и сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о личностяхъ древнихъ поэтовъ. Въ концѣ книги онъ приложилъ грамматическія объясненія древнихъ формъ и глоссарій. Другое изданіе Бодмера: «Месть Хримгильды и жалоба; два героическія стихотворенія швабской эпохи, съ отрывками изъ

[1]) Этотъ Мюллеръ, Христіанъ-Генрихъ, цюрихскій уроженецъ и согражданинъ Бодмера, былъ профессоромъ Іоахимтальской гимназіи въ Берлинѣ. Въ 1782 году онъ издалъ «Нибелунговъ» и позднѣе сборникъ древне-нѣмецкихъ стихотвореній XII, XIII и XIV вѣковъ.

поэмы о Нибелунгахъ и изъ Іосафата» любопытно по своему предисловію. «Басни изъ временъ минезингеровъ»—говоритъ издатель—«достойны хвалы, какъ памятникъ, служащій народу, среди котораго онъ былъ воздвигнутъ, наилучшимъ патентомъ на благородство». Послѣднее выраженіе понятно при существовавшемъ во время Бодмера разъединеніи общества съ своею національностью. Въ предисловіи авторъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ поэмы о Нибелунгахъ и изобрѣтаетъ заглавія всѣмъ пѣснямъ поэмы. Взглядъ его на древнихъ поэтовъ таковъ: онъ не ищетъ въ нихъ искусства и теорій, а признаетъ только инстинктъ, или геній. Послѣ нѣсколькихъ словъ о пріемахъ минезингеровъ (такъ Бодмеръ называетъ безразлично всѣхъ древнихъ нѣмецкихъ поэтовъ), издатель переходитъ къ описанію тѣхъ кодексовъ, въ которыхъ помѣщены издаваемыя имъ древнія стихотворенія, при чемъ съ негодованіемъ говоритъ о пренебреженіи къ этимъ драгоцѣннымъ памятникамъ старины. Онъ разсказываетъ, какъ въ одной изъ цюрихскихъ церквей, органъ былъ оклеенъ изрѣзаннымъ на куски пергаментомъ. Указавъ на три извѣстные ему списка «Іосафата», Бодмеръ выражаетъ желаніе, чтобы какой-нибудь «искусный человѣкъ» потрудился сличить эти три кодекса и приготовилъ правильное изданіе этой любопытной поэмы. Бодмеръ желаетъ, чтобы такой человѣкъ нашелся въ его отечествѣ—Швейцаріи, на томъ основаніи, что этотъ памятникъ найденъ въ Цюрихской области, въ монастырѣ Цистерпскомъ, у горы Альбы, куда былъ доставленъ нѣкіимъ аббатомъ Гвидономъ. Саксонскимъ ученымъ, имѣющимъ охоту къ подобнаго рода трудамъ, Бодмеръ предлагаетъ поискать въ библіотекахъ двѣ другія древне-нѣмецкія поэмы—объ Еленѣ греческой и о Троянской войнѣ, на слѣды которыхъ онъ уже напалъ и знаетъ по отрывкамъ, что авторы этихъ стихотвореній восхваляли саксовъ.

Изданіе упомянутыхъ выше «героическихъ стихотвореній» имѣетъ гораздо болѣе ученый, чѣмъ литературный характеръ. Памятники изданы безъ измѣненій въ языкѣ, хотя впрочемъ Бодмеръ позволилъ себѣ поддѣлать начало пѣсни о Кримгильдѣ и выпустилъ обременительныя, по его мнѣнію, мѣста. Трудъ его въ теченіе многихъ лѣтъ оставался безъ читателей. Наука его времени была еще далека отъ минезинге-

ровъ, а литературѣ, въ пору совершавшихся радикальныхъ переворотовъ, тѣмъ болѣе было не до старины. Рѣшимость Бодмера издать стихотворенія безъ перевода мы объясняемъ себѣ его цюрихскимъ происхожденіемъ. Въ Цюрихѣ говорятъ, какъ извѣстно, на особомъ нарѣчіи (züridеutsch, по мѣстному произношенію—цюридючь), подходящимъ къ языку «Нибелунговъ», то-есть, къ древне-средне-нѣмецкому нарѣчію. И теперь цюрихскому уроженцу гораздо легче понять пѣснь о Хримгильдѣ, чѣмъ жителю Тюрингіи, Франконіи или Бранденбурга; намъ кажется, что и глоссарій Бодмера приспособленъ къ цюрихскому нарѣчію. Въ послѣдствіи Бодмеръ издалъ еще «Парсиваля».

Литературная дѣятельность Бодмера имѣла свое значеніе: онъ боролся противъ устарѣлыхъ требованій искусства и установилъ новый взглядъ на лирику. Этимъ требованіямъ соотвѣтствовала лирика Клопштока, и оды и гимны I. Фосса, Штолберга и другихъ поэтовъ Клопштоковой школы. У насъ требованіямъ и вкусамъ Бодмера соотвѣтствуетъ лирика Державина въ ея широкомъ объемѣ. Отъ самого Бодмера осталось любопытное и характеристическое для своего времени дидактическое стихотвореніе «Character der deutschen Gedichte», написанное имъ по образцу эпистолы «Ad Pisones» или можетъ-быть, въ подражаніе «L'art poètique». Подобно Буало, Бодмеръ дѣлаетъ въ своемъ стихотвореніи очеркъ нѣмецкой поэзіи; сначала говоритъ о германскихъ бардахъ (?), представляя ихъ воспѣвающими боговъ, подъ тѣнью священныхъ деревъ, и воодушевляющими воиновъ передъ битвою съ римлянами. Съ желчью протестанта говоритъ Бодмеръ вслѣдъ затѣмъ о монастырскихъ труженикахъ и клеймитъ ихъ вліяніе:

«Die Mönchen kamen drauf, der Barden schlimres Blut,
«Und erbten ihren Hass: sie übten ihre Wuth
«Nicht an der Stadt allein und an der Römer Ländern,
«Dasselbe Schicksal sole auch den Geschmack verändern:
«Gelehrsamkeit und Witz uud Künste untergehn,
«Und bey der Tyranei der Aberglauben stehn;
«Sie schlossen mit dem Leib auch die Vernunft in Bände»[1]).

[1]) *Переводъ*: «Затѣмъ явились монахи—худшее потомство бардовъ, и унаслѣдовали ихъ ненависть; они не только устремили свою ярость на городъ

Послѣ нѣсколькихъ словъ о проблескахъ лирической поэзіи во времена Гогенштауфеновъ, Бодмеръ указываетъ на варварскій мракъ, постигшій послѣ того Германію:

«Und Teutschland fiel zurück in die barbarsche Nacht.
«Kein Dante kam hernach wie im Ausonschen Lande» [1]).

Вслѣдъ затѣмъ Бодмеръ упоминаетъ о мрачной астрологіи, о дикой фантазіи суевѣрныхъ поэтовъ, о пѣвцѣ дураковъ Себастіанѣ Брандтѣ («Der Narr war sein Gesang Materie zu verschwenden, den er mit Fleiss und Müh gesucht in allen Ständen»), о возрожденіи, объ Эразмѣ; хвалитъ поэта Опица и коритъ его послѣдователей—многорѣчивыхъ, но скудныхъ мыслью творцовъ напыщенныхъ одъ: «An Worten sind sie mehr, als an Gedancken reich». Бодмеръ глумится надъ близкими къ нему по времени нѣмецкими псевдо-классиками, которые имѣли цѣлую толпу поклонниковъ: «geputztes, prächtig's Volk in güldenem Gewand». Очертивъ кистью сатирика поэтовъ—придворныхъ льстецовъ, Бодмеръ переходитъ наконецъ къ живымъ источникамъ поэзіи: къ природѣ и человѣческимъ обыденнымъ чувствованіямъ. Эстетическія теоріи и литературныя работы въ подтвержденіе этихъ теорій увлекли Бодмера. Въ подражаніе бывшему своему ученику Клопштоку онъ написалъ «Ноахиду», поэму, проникнутую библейскими воззрѣніями протестанта и позднѣе поэму «Вильгельмъ Оранскій». Во всякомъ случаѣ Бодмеръ сталъ по своимъ литературнымъ теоріямъ и по стремленію къ народности во главѣ школы, названной, по мѣсту его жительства, Швейцарскою, и имѣлъ многихъ послѣдователей изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ Брейтингеръ, писавшій о состояніи нѣмецкой драмы и о содержаніи эпической поэзіи.

Рядомъ со школою Бодмера возникла другая, нѣсколько подобная ей по направленію, въ Австріи, имѣвшая главой іезуита Михаэля Дениса, ученаго библіографа и переводчика Оссіана, писавшаго къ тому же и оды въ духѣ поэзіи сѣвер-

(Римъ) и римскія земли,—та же участь должна была постигнуть и вкусъ; ученость, остроуміе и искусство должны были погибнуть и подвергнуться рабству суевѣрія. Вмѣстѣ съ тѣломъ они связали и смыслъ».

1) *Переводъ*: «И снова варварская ночь спустилась надъ Германіей, и не явилось въ ней затѣмъ Данта, какъ въ Авзоніи».

«Gedichte nach den Minnesingern» (Berlin 1773) и «Gedichte nach Walter von den Vogelweide» (Leipzig 1779). Оба написаны были подъ вліяніемъ изданій Бодмера, но пропитанныя наивною моралью, съ одной стороны, и классическимъ колоритомъ, съ другой, оба подражанія далеки отъ образцовъ своихъ.

Двумя годами старше Глейма былъ другой ученикъ философовъ Галле — Винкельманъ. Винкельманъ, Лессингъ и Гердеръ совершили радикальный переворотъ въ литературѣ. Ихъ дѣятельностью начинается періодъ оригинальнаго классическаго творчества и классической же критики.

Дѣятельность Гердера имѣетъ для нашей цѣли особенное значеніе, и мы на ней нѣсколько остановимся. Подобно тому какъ Винкельманъ углубился въ произведенія греческаго пластическаго искусства и разгадалъ его идеалы, Гердеръ вчитался въ Гомера и свободнымъ отъ предубѣжденій умомъ постигъ въ немъ безъискусственность. Ту же красоту и ту же безъискусственность Гердеръ открылъ и въ поэзіи Евреевъ, и Библія дала ему новый богатый матеріалъ для поэзіи и прекраснаго. Вмѣстѣ съ Лессингомъ Гердеръ придалъ нѣмецкой литературѣ всемірное значеніе, расширивъ ея область черезъ внесеніе въ нее чужеземныхъ элементовъ. Вмѣстѣ съ Лессингомъ Гердеръ поставилъ теорію эстетики на общечеловѣческую почву. Но за нимъ однимъ остается заслуга признанія народной поэзіи и постиженія красотъ ея. Отъ проницательнаго и безпристрастнаго взора Гердера не могла утаиться и отечественная народная пѣсня. Онъ первый сталъ собирать образцы устной народной поэзіи Volkslieder, (Leipzig, 1778); первый началъ сопоставлять однородныя поэтическія произведенія разныхъ народовъ (Lieder der Liebe, Leipzig, 1778); первый объяснилъ психологію народа по произведеніямъ безъискусственнаго эпоса (Stimmen der Volker in Liedern). Подъ непосредственнымъ его вліяніемъ будущій творецъ «Фауста», еще юный и не твердый въ своихъ стремленіяхъ, сталъ искать матеріала для своего творчества въ явленіяхъ отечественной исторіи. Такъ же хорошо-классически образованный, какъ Винкельманъ и Лессингъ, Гердеръ имѣлъ передъ ними преимущество въ томъ, что получилъ еще сверхъ того серіозное богословское и философское образованіе въ Кенигсбергѣ, гдѣ

учился у Канта. Какъ философъ, Гердеръ всю жизнь оставался на почвѣ космополитическихъ интересовъ, и никакъ нельзя сказать, чтобы національное чувство было въ немъ преобладающимъ. Тѣмъ не менѣе онъ много сдѣлалъ для нѣмецкой народной поэзіи и для исторіи отечественной литературы: первой онъ указалъ почетное мѣсто въ эстетикѣ; второй онъ опредѣлилъ путь развитія, давъ поощрительную оцѣнку трудамъ Бодмера и другихъ его послѣдователей. Для читателя, интересующагося зарожденіемъ народности въ наукѣ германской, мы позволимъ себѣ привести здѣсь выдержку изъ литературныхъ писемъ Гердера, изданныхъ въ 1793 году, подъ рубрикою: «Andenken an einige ältere deutsche Dichter».

«Если»—начинаетъ Гердеръ первое письмо свое—есть у какого-либо народа воспоминаніе о древнихъ пѣвцахъ его, такъ это, конечно, у нѣмцевъ. Здѣсь неумѣстно исчислять тому причины. Но тѣмъ пріятнѣе мнѣ, что вы мнѣ объ этомъ напоминаете, и, желая имѣть свѣдѣнія о замѣчательныхъ вещахъ, какія могли мнѣ встрѣтиться на этомъ поприщѣ, вы возвращаете меня самого снова къ тѣмъ отрывкамъ, которымъ, въ мои ранніе годы, посвящалъ я съ пользою для себя нѣкоторое время. Но прежде всего я долженъ сказать вамъ, что я никогда не собиралъ матеріала для исторіи нѣмецкаго творчества (deutsche Dichtkunst); у меня на это не было случая, досуга и терпѣнія. Поэтому я вамъ не даю ничего цѣльнаго, а только то, что мнѣ попадалось подъ руку, или что произвело на меня впечатлѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендую вамъ, рядомъ съ извѣстными вамъ указаніями и набросками по части исторіи, нѣмецкихъ поэтовъ, недавно начавшійся издаваться *Магазинъ* (*Bragur*, ein literarisches Magazin der deutschen und nordischen Vorzeit, herausgegeben von *Bökh* und *Gröter*, Leipzig), которому желаю процвѣтанія. Въ немъ два человѣка хотятъ исполнить то, за что не взялись многія нѣмецкія общества. Счастіе привело къ нимъ дѣльныхъ сотрудниковъ. Я буду ссылаться на это изданіе и на прежніе сборники и только изрѣдка намекну на то, что вспомню самъ по себѣ. Большаго не требуйте».

Изъ этого вступленія видна дѣятельность Гердера по отношенію къ исторіи отечественной поэзіи. Послѣ вступленія

онъ переходитъ къ разбору одной древней военной пѣсни, которую приводитъ въ переводѣ, по частямъ, съ объясненіями эстетическаго свойства. Пѣснь эта, по его указанію, помѣщена въ «*Schilter's* Thesaurus antiquitatum teutonicarum» 1). Говоря о необработанномъ языкѣ пѣсни, Гердеръ выражаетъ желаніе имѣть къ ней, сверхъ словаря, и грамматическія объясненія. Говоря о размѣрѣ стиха, онъ угадываетъ двѣ эпохи древне-нѣмецкой версификаціи: одну древнюю, до провансальскаго вліянія, и другую, такъ-называвшуюся въ то время, «швабскую» эпоху миннезингеровъ. Второе письмо Гердера посвящено разбору монашескаго стихотворенія «темной эпохи» о св. Аннонѣ,—любопытнаго по историческому взгляду, въ немъ выраженному. Гердеру нравится главнымъ образомъ «достойная древнихъ грековъ любовь къ нѣмецкой отчизнѣ». Въ третьемъ письмѣ Гердеръ отмѣчаетъ многія граціозныя стихотворенія, помѣщенныя въ *Bragur* и въ *Deutscher Magazin* Еттера. Онъ говоритъ, что изъ массы такихъ прекрасныхъ пѣсенъ могъ бы возникнуть нѣмецкій Гомеръ или Оссіанъ, или Эдда. Онъ жалѣетъ, что Бодмеръ не прибавилъ историческаго комментарія къ Манессовой рукописи. Приводимъ слѣдующее, весьма характеристичное негодованіе Гердера: «Отчего, другъ мой, эти рѣдкости (пѣсни изданныя Бодмеромъ) произвели такъ мало впечатлѣнія въ нашемъ отечествѣ и возбудили такъ мало вниманія? Отчего изданіе Бодмера погибло въ книжныхъ лавкахъ» Вслѣдъ за этимъ упрекомъ Гердеръ начинаетъ хвалить Бодмера, говоря, что онъ былъ на хорошемъ пути, но что никто въ Германіи не изучалъ изданныхъ имъ вещей, и мало кто читалъ ихъ: «Никому не пришло въ голову объяснить, кто былъ Венцель, Конрадъ, Рудольфъ и проч., и никто не связалъ этихъ поэтовъ съ исторіей». Въ концѣ этого письма Гердеръ говоритъ, что сравне-

1) Полное заглавіе этой книги: Thesaurus antiquitatum teutonicarum ecclesiasticarum, civilium, litterariarum. Tomis tribus. Primus sacra continet monumenta: Francica, Alemanica, Saxonica: Biblica et Ecclesiastica. Alter,— Civilia-Leges, Bella, Triumphos, etc. Tertius glossarium teutonicum, non scriptoribus solum et linguae inserviturum, sed et antiquitatibus abundans. Ulmae MDCCXXVIII. Изданіе это принадлежитъ къ старому схоластическому направленію. Комментаріи указываютъ преимущественно на источники богословскихъ свѣдѣній.

ніе памятниковъ древняго творчества повело бы къ объясненію образованія различныхъ нѣмецкихъ діалектовъ. Въ остальныхъ своихъ письмахъ о древне-нѣмецкой поэзіи Гердеръ слегка говоритъ о «Рейнгартъ-Фуксѣ» и о другихъ древне-нѣмецкихъ басняхъ; не хвалитъ мейстерзингеровъ и по поводу ихъ ссылается на Лессинговы *Beiträge zur Geschichte und litteratur* [1]). Какъ бы для примѣра, Гердеръ предложилъ публикѣ, также въ видѣ письма, изслѣдованіе о жизни и твореніяхъ одного поэта XVI вѣка, Валентина Андреа.

Эти письма Гердера принадлежатъ къ послѣднему десятилѣтію прошлаго вѣка, когда зарождалась эпоха такъ-называемаго романтизма. Ранѣе того и самому Гердеру, какъ видно изъ его введенія къ первому письму о древне-нѣмецкой поэзіи, было не до отечественной старины. То былъ блестящій періодъ оригинальнаго творчества и новой литературной и критической дѣятельности, открывавшей новые элементы прекраснаго на почвѣ всемірнаго міросозерцанія, словомъ, періодъ Лессинга, Гердера, Гёте и Шиллера. Не смотря на различіе ума, таланта, пріемовъ, рода дѣятельности, всѣ писатели этого блестящаго періода нѣмецкой литературы были по своему направленію космополиты. Старшимъ изъ нихъ выпала на долю борьба, младшимъ — наплывъ новыхъ познаній, разработка литературнаго матеріала другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Борьба происходила на почвѣ общечеловѣческихъ воззрѣній, наплывъ чужеземныхъ литературныхъ стихій подавлялъ исключительное патріотическое чувство. Самъ творецъ «Фауста» и «Германа и Доротея», не смотря на то, что содержаніе своихъ произведеній заимствовалъ изъ германскаго быта, былъ не патріотъ, а только національный писатель, и міровое его значеніе сдѣлало его классикомъ новой европейской литературы въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Гёте и въ преклонныхъ годахъ, когда измѣнились времена и нравы, также мало былъ патріотомъ, какъ и въ послѣднюю четверть XVIII вѣка. Онъ сочувствовалъ Наполеону, врагу своей родины: въ 1815 году онъ искренно желалъ, чтобы за Наполеономъ осталась хотя

1) Журналъ этотъ издавался съ 1773 года Лессингомъ въ сотрудничествѣ: сперва съ Ешенбургомъ, а потомъ съ Лейсте. Матеріалы черпались изъ Вольфенбютельской библіотеки.

бы Франція. Будь Гете министромъ гдѣ-нибудь въ Италіи или Швеціи, онъ былъ бы такимъ же полезнымъ дѣятелемъ, какъ и въ Веймарѣ; это ясно видно изъ всѣхъ его біографій и изъ собственнаго его дневника. Вотъ, между прочимъ, что писалъ онъ о народной древне-нѣмецкой поэзіи въ отвѣтъ на жалобы, что у нѣмцевъ нѣтъ родины и нѣтъ патріотизма:

«Когда мы имѣемъ мѣсто, гдѣ можемъ спокойно жить и пользоваться своимъ достаткомъ; когда у насъ есть поле, способное насъ прокормить, и домъ, всегда готовый кровъ: не тутъ ли тогда наше отечество?... Зачѣмъ напрасно стремиться къ возбужденію чувства, котораго мы не можемъ и не должны имѣть, и которое у извѣстныхъ народовъ и въ извѣстныя эпохи было и бываетъ результатомъ нѣкоторыхъ счастливо совпавшихъ обстоятельствъ»

Такъ думалъ Гете всю жизнь и «несъ тяжесть своей сѣверной обстановки», вздыхая по Италіи и Римѣ.

Шиллеръ, народный поэтъ по духу своихъ стихотвореній, стоялъ не менѣе, чѣмъ Гете, на почвѣ чужеземной. Стоитъ вспомнить его драмы и историческіе труды, чтобы видѣть, какъ онъ былъ безпристрастенъ ко всему отечественному, и насколько человѣческіе интересы были для него дороже патріотическихъ. Вотъ что писалъ онъ о патріотизмѣ въ литературѣ, и вотъ какъ думалъ онъ о народности:

«Хотѣли оказать услугу отечественной поэзіи тѣмъ, что поэтамъ указывали на національныя явленія, предлагая имъ разработывать ихъ. Отъ того-то,—говорили державшіеся этого мнѣнія—и греческая поэзія такъ могущественно дѣйствовала на душу, что воспроизводила жизнь собственнаго народа и увѣковѣчивала его дѣянія. Нельзя отрицать, что по этой самой причинѣ поэзія древнихъ имѣла такое вліяніе на людей, какимъ новая поэзія не можетъ похвалиться. Но развѣ впечатлѣніе произведено было не поэтомъ и не искусствомъ? Горе генію греческой поэзіи, если онъ передъ геніемъ поэзіи новыхъ временъ имѣлъ только одно это случайное преимущество, и горе греческому художественному такту, если онъ только по причинѣ однихъ историческихъ обстоятельствъ проявился въ твореніяхъ поэтовъ. Только варварскій вкусъ нуждается въ возбужденіи и посредствомъ частнаго интереса приманивается

къ прекрасному... Поэзія не должна пролагать путь черезъ область памяти и не должна обращать ученость въ своего истолкователя; интересъ не долженъ говорить за нее. Поэзія должна трогать сердца, потому что истекаетъ изъ души, и цѣль ея—произвести впечатлѣніе не на гражданина, а на человѣка».

Припомнимъ въ заключеніе слова историка нѣмецкой литературы Юліана Шмидта о классическомъ ея періодѣ: «Творчество нашего классическаго времени искало своихъ идеаловъ у язычниковъ, у католиковъ, у индійцевъ, искало ихъ въ учебникахъ физики и химіи, въ миѳахъ варварскихъ народовъ, искало ихъ повсюду, но только *не въ своемъ народѣ*».

Третій періодъ преобразованной нѣмецкой литературы, періодъ романтиковъ, расширилъ еще болѣе область нѣмецкаго міросозерцанія. Стоявшіе во главѣ писателей этого періода, братья Шлегели и Тикъ основательно и широко ознакомили отечественную публику съ литературою романскихъ народовъ. Идя путемъ Гердера, Шлегели дошли до дальняго востока: Августъ Вильгельмъ Шлегель былъ одинъ изъ первыхъ, по времени, любителей и знатоковъ санскрита; Фридрихъ Шлегель написалъ сочиненіе «О языкѣ и мудрости Индійцевъ». Многосторонніе и искавшіе идеаловъ повсюду, подобно своимъ классическимъ учителямъ, романтики обратились, между прочимъ, и къ древне-нѣмецкой поэзіи, Тикъ и А. В. Шлегель познали красосу ея. Не увлекаясь пристрастіемъ къ формамъ, они искали только подтвержденія своимъ доктринамъ. А. В. Шлегель обратилъ вниманіе на «Тристана» и «Нибелунговъ». Онъ понялъ красоту и естественность этихъ древнихъ поэмъ, но увлекся содержаніемъ ихъ лишь на столько, на сколько оно отвѣтствовало его восторженной любви къ среднимъ вѣкамъ. Читанныя имъ въ Берлинѣ лекціи по исторіи средневѣковой литературы возбудили горячее сочувствіе къ рыцарскимъ временамъ. Хотя эти лекціи и не имѣли ученаго характера, однако же въ нихъ впервые указано различіе между минезингерами и древними странствующими пѣвцами [1]), которыхъ обыкновенно до тѣхъ поръ смѣшивали такъ, что эпическія

[1]) *Koberstein*, Grundrise der Geschicht der deutschen National-Litteratur, т. III. 1866.

пѣсни о Нибелунгахъ, о Дитрихѣ Бернскомъ приписывались творчеству минезингеровъ. Даровитый авторъ «Кота въ сапогахъ», Тикъ, заинтересовавшись народною печатною литературою, пользовался мотивами старинныхъ повѣстей для своихъ живыхъ разсказовъ, и кромѣ того, обработалъ «Minnelieder aus dem Schwäbischen Zeitalter» (1803 года). Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ представилъ первое ученое изслѣдованіе о поэзіи минезингеровъ. Ю. Шмидтъ признаетъ за романтиками ту заслугу, что изъ ихъ дилетантскихъ симпатій къ среднимъ вѣкамъ возникла новая обширная наука—наука нѣмецкой древности. Съ другой стороны, по словамъ того же Шмидта, романтики положили начало наукѣ сравнительнаго языкознанія. Прибавимъ къ этому, что они же положили основаніе исторіи литературы, или точнѣе, исторіи поэзіи. Поэзію они принимали въ эстетическомъ, но не въ національномъ смыслѣ, и главнымъ образомъ заняты были объединеніемъ законовъ прекраснаго. Такимъ образомъ романтики продолжали дѣло Лессинга и Гердера, но отличались отъ классиковъ большею разсудочностью, въ послѣдствіи же, во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка,—восторженнымъ патріотизмомъ. Интересъ поэзіи привелъ нѣмецкихъ романтиковъ къ изученію многихъ языковъ; они искали прекраснаго въ произведеніяхъ Сервантеса и Кальдерона, равно какъ и въ эпическихъ пѣсняхъ санскрита занимала ихъ наравнѣ съ однообразною и сентиментальною лирикою минезингеровъ.

«Существуетъ только одна поэзія»,—писалъ Тикъ въ предисловіи къ «Minnelieder»—«которая въ самой себѣ представляетъ одно неразрывное цѣлое. Въ составъ ея входятъ произведенія давняго прошедшаго и отдаленнаго будущаго,—произведенія, доставшіяся намъ въ наслѣдство и потерянныя для насъ, а равно и тѣ, еще не существующія, которыя однако мы можемъ предчувствовать.

Такимъ образомъ романтики искали «перловъ» поэзіи вездѣ и всюду, примѣняя найденное къ своей эстетической доктринѣ. Въ періодъ ихъ литературнаго господства явилась потребность привести въ порядокъ свѣдѣнія о поэзіи во всемъ мірѣ, понадобились справки о поэтахъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ и стремленіе опредѣлить достоинства ихъ произве-

деній, вслѣдствіе чего и явились историко-литературные труды. Одни изъ нихъ, систематизировавшіе свѣдѣнія о поэзіи разныхъ народовъ, имѣли характеръ историко-литературныхъ лексиконовъ: другіе, цѣлью которыхъ была или оцѣнка поэтическихъ произведеній одной какой-либо народности, или же одного рода поэзіи у разныхъ народовъ, были скорѣе эстетическими, чѣмъ историко-литературными сочиненіями. Къ первымъ принадлежатъ: Вахлера «Versuch einer allgemeinen Geschichte der Litteratur» (Lemgo, 1793) и Ейхгорна Allgemeine Geschichte der Cultur und Litteratur des neuern Europa (Göttingen, 1796—1799). Ко вторымъ принадлежатъ: книга Флегеля «Geschichte der komischen Litteratur», самого Фридриха Шлегеля «Geschichte der Poesie der Griechen und Römer» и нѣкоторыя другія.

Между тѣмъ, въ самой нѣмецкой литературѣ, въ годы послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ, произошелъ переворотъ: національныя стремленія проявились съ особенною силой и въ свою очередь подавляли космополитическіе интересы. Во главѣ этого переворота стали тѣ же романтики. Но къ тому времени преобразовавшаяся, подъ вліяніемъ классической литературы, филологическая наука уже принесла свои плоды, и дилетантизмъ долженъ былъ уступить мѣсто строгой научной критикѣ и таковому же изслѣдованію.

II.

Второй періодъ науки о германской древности начинается съ того времени, когда утвердилась связь между школой и литературою и когда классическая филологія отказалась отъ своей односторонней замкнутости. До послѣдней четверти прошлаго столѣтія изученіе древнихъ классиковъ въ германскихъ университетахъ было направлено на пользу богословія и права. На произведенія древнихъ авторовъ смотрѣли, какъ на незамѣнимые образцы всего великаго и прекраснаго, какъ на складъ богатѣйшихъ мыслей и неопровержимыхъ принциповъ. «Только съ помощью древнихъ можно

изобрѣтать новыя научныя системы, только съ помощью *ихъ* расширяется кругъ нашихъ свѣдѣній»: такъ думали профессора, такъ и учили они своихъ слушателей. Они читали и комментировали древнихъ ораторовъ, поэтовъ и историковъ, при чемъ въ виду была одна цѣль—подражаніе. Молодое поколѣніе училось соперничать съ древними греками и римлянами въ краснорѣчіи, стихотворствѣ и искусствѣ изложенія отечественной исторіи. На древній міръ, по словамъ Фридриха-Августа Вольфа, смотрѣли какъ на великое цѣлое, и каждую частицу этого, богатаго идеями и явленіями цѣлаго старались примѣнять къ своимъ потребностямъ, переносить въ свою жизнь. Долго филологическая наука держалась старинныхъ воззрѣній и была не столько самостоятельною наукою, сколько орудіемъ другихъ наукъ. Литература Готшедова времени и періода оригинальнаго творчества Лессинга, Гердера и Гете была чужда корпораціи университетскихъ мудрецовъ до тѣхъ поръ, пока не повліяла на студентовъ. Реформа въ сферѣ университетской была произведена тѣми учеными мужами, которые, помимо своихъ профессоровъ, воспитались подъ живительнымъ вліяніемъ новой литературы. Эти люди еще на студенческихъ скамьяхъ, благодаря своему литературному образованію, выступали, часто вопреки своимъ дидаскаламъ, на новую дорогу.

Однимъ изъ первыхъ, примѣнившихъ теорію Гердера къ строгой наукѣ, былъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ. Обстоятельства его жизни въ молодости довольно схожи съ обстоятельствами жизни другихъ его современниковъ—ученыхъ и писателей, созрѣвшихъ скорѣе подъ вліяніемъ свободной литературы, чѣмъ подъ ферулою академической науки. Вольфъ провелъ дѣтство въ Нордгаузенѣ, гдѣ отецъ его былъ школьнымъ учителемъ и органистомъ. Гимназія, гдѣ учился Фридрихъ-Августъ, не принесла ему особенной пользы. Ректоромъ ея былъ Фабриціусъ, отъявленный педантъ Мальчикъ не выдержалъ сухости преподаванія и мало-по-малу пересталъ посѣщать классы. Онъ обладалъ живымъ, свободнымъ умомъ, съ дѣтства возбужденнымъ народными пѣснями и сказками, которыя мать его была мастерица пѣть и сказывать. Родители, довольные любовью сына къ чтенію, не принуждали его ходить въ гимназію; а

сынъ между тѣмъ свелъ дружбу съ канторомъ своего прихода и сталъ у него учиться по французски. Этотъ канторъ-самоучка зналъ по французски, по англійски, по голландски, по испански и отыскивалъ, гдѣ только могъ, людей этихъ націй, чтобы прислушаться къ ихъ произношенію. Никто не сочувствовалъ его любви къ изученію языковъ, да и онъ самъ занимался иностранными языками безъ всякой особенной цѣли, по одной безотчетной, страстной къ нимъ охотѣ. Жизнь улыбнулась кантору съ той поры, какъ у него появился ученикъ, столь же большой охотникъ до иностранныхъ языковъ, какъ и онъ самъ. Когда ученикъ сладилъ съ французскимъ языкомъ и прочелъ съ грѣхомъ пополамъ «Мизантропа» и «Тартюфа», учитель принялся посвящать его въ тайны англійской рѣчи. Мальчикъ до того увлекся этимъ послѣднимъ языкомъ, что перестал брать въ руки латинскія и даже нѣмецкія книги. Съ годами (16-ти лѣтъ) Вольфъ опять взялся за произведенія современныхъ писателей: онъ читалъ новыхъ нѣмецкихъ классиковъ вмѣстѣ съ одною пожилою вдовою, нордгаузенскою Аспазіей, въ обществѣ которой онъ обучился также танцамъ и свѣтскому обхожденію. Около того же времени онъ снова принялся за латинскій и греческій языки, и на этотъ разъ съ цѣлью составить сравнительный лексиконъ, для чего выучился у простаго жида по еврейски. Стремленіе составлять сравнительные словари было тогда распространено въ Германіи. Безъ всякихъ научныхъ основаній—ихъ и не было—старались черезъ звуковое сходство однозначащихъ словъ разрѣшить вопросъ о происхожденіи и о сродствѣ языковъ.—Эту науку параллельнаго языкосравненія разбили и безслѣдно уничтожили великія открытія въ области языкознанія Вильгельма Гумбольдта, Боппа, братьевъ Гриммовъ Раска и Добровскаго. Наука эта вела свое начало отъ швейцарскаго ученаго XVI вѣка Конрада Гесснера, котораго «Mithridates» привелъ въ извѣстность многіе языки Европы, между прочимъ, и главныя славянскія нарѣчія. Вольфъ увлекся «Митридатомъ» Гесснера и новымъ «Митридатомъ» Аделунга, подобно тому какъ ими увлекся тогда же извѣстный берлинскій писатель, другъ Лессинга, Николаи, и наша Екатерина Великая. Эта старая школа языкознанія, перенесенная на нашу почву,

имѣла на Руси своихъ представителей—отъ Леванды до Шишкова.

Впрочемъ, еще до вступленія въ университетъ, Вольфъ бросилъ мысль о составленіи сравнительнаго словаря и обратился къ живому чтенію классиковъ, безъ предвзятыхъ схоластическихъ идей. По пріѣздѣ въ Гетингенъ, Вольфъ сталъ хлопотать, чтобы его записали студентомъ-филологомъ, а не теологомъ и не юристомъ. Въ этомъ дѣлѣ помогъ ему профессоръ Гейне (Heyne), который уже давно предлагалъ открыть для филологіи и эстетики особый факультетъ. Гейне ввелъ въ изслѣдованіе классической литературы методъ историко-антикварный. Онъ группировалъ историческіе факты, на основаніи ихъ строилъ гипотезы и не чуждъ былъ воззрѣній Винкельмана на древнее искусство. Интересы его были преимущественно эстетическаго и историческаго свойства, но розысканія его были слишкомъ умозрительны и основывались на нетвердыхъ гипотезахъ. Другой профессоръ того же времени—Эрнести, въ Лейпцигѣ, выходилъ изъ ряда теологовъ-филологовъ по своему грамматическо-критическому направленію. Онъ подыскивалъ и группировалъ факты для объясненія *языка* древнихъ писателей. Оба направленія грамматико-критическое и историческоантикварное соединились въ Вольфѣ.

Гейне принесъ Вольфу существенную пользу своими полными живаго интереса чтеніями о греческихъ миѳахъ. Число слушанныхъ Вольфомъ лекцій было гораздо менѣе числа тѣхъ лекцій, какія обязаны были слушать его товарищи—медики, теологи и юристы. Изъ предметовъ каждаго факультета Вольфъ выбиралъ наиболѣе подходящіе къ филологіи. Кромѣ лекцій Гейне, онъ слушалъ римское право, исторію церкви съ объясненіемъ церковныхъ писателей, исторію медицины и съ особеннымъ интересомъ,—изъясненія ветхаго завѣта у профессора Михаэлиса. Черезъ два года по вступленіи въ университетъ Вольфъ читалъ при многочисленной публикѣ о твореніяхъ Ксенофонта и Демосѳена.

Окончивъ курсъ, Вольфъ опредѣлился учителемъ элементарной школы въ Ильфельдѣ, и пробывъ тамъ три года, былъ сдѣланъ ректоромъ школы въ Остероде, гдѣ также пробылъ не долго. Ему досталась въ вѣдѣніе школа, до нельзя распущенная въ

силу ложно понятыхъ и дурно примѣненныхъ принциповъ педагогики Локка и Руссо. Вольфъ сталъ бороться съ этою болѣзнью времени. Дѣломъ и перомъ онъ произвелъ въ педагогикѣ коренной переворотъ. По предложенію прусскаго министра Зейдлица, Вольфъ получилъ каѳедру педагогики и философіи въ Галльскомъ университетѣ, гдѣ началъ и продолжалъ въ теченіе многихъ лѣтъ свою знаменитую профессорскую дѣятельность. Все то, что относится до древняго міра, Вольфъ сдѣлалъ предметомъ особой науки—чего до него не было. Курсъ его распадался на двое. Во-первыхъ, онъ читалъ науку древностей (Alterthumswissenschaft), которая по его мнѣнію, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о всемъ томъ, что касается быта, культуры, языка, искусства, нравовъ, характера, образа мыслей и науки древнихъ грековъ и римлянъ. Во-вторыхъ, онъ читалъ разборъ всѣхъ существовавшихъ до него филологическихъ доктринъ, развивалъ однѣ изъ нихъ, оспаривалъ другія, уничтожалъ третьи; эти лекціи онъ называлъ курсомъ методологіи. Вольфъ сильно протестовалъ противъ подражанія древнимъ и примѣненія выработаннаго ими къ нашей жизни. Конечная цѣль изученія древности, училъ онъ, есть познаніе человѣчества древняго міра. По своему развитію, таланту и свободнымъ отъ схоластики воззрѣніямъ, Вольфъ стоялъ наравнѣ съ славными писателями своего времени. Онъ былъ поклонникомъ Лессинга, бюстъ котораго украшалъ его аудиторію. Гете пріѣзжалъ послушать его лекціи и былъ отъ нихъ въ восхищеніи. Путемъ ученаго изслѣдованія Вольфъ доказалъ то, о чемъ догадывался Гердеръ, когда говорилъ, что у всѣхъ народовъ эпопея возникаетъ изъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Муза романсовъ и балладъ, говорилъ онъ, пропѣла Иліаду и Одиссею, и поэмы эти были для своего народа ничто иное, какъ баллады, романсы и народныя пѣсни. Еще въ 1779 году двадцатилѣтній Вольфъ подалъ своему профессору Гейне разсужденіе, въ которомъ онъ заподозривалъ единство твореній Гомера, видя въ нихъ продуктъ цѣлой эпохи. Въ Галле Вольфъ сталъ заниматься каждою рапсодіей въ отдѣльности—ея мотивомъ, ея историческою обстановкою, сталъ подмѣчать сходныя и несходныя черты въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Годъ за годъ, работа подвигалась впередъ, и наконецъ составилось то

имѣла на Руси своихъ представителей—отъ Леванды до Шишкова.

Впрочемъ, еще до вступленія въ университетъ, Вольфъ бросилъ мысль о составленіи сравнительнаго словаря и обратился къ живому чтенію классиковъ, безъ предвзятыхъ схоластическихъ идей. По пріѣздѣ въ Гетингенъ, Вольфъ сталъ хлопотать, чтобы его записали студентомъ-филологомъ, а не теологомъ и не юристомъ. Въ этомъ дѣлѣ помогъ ему профессоръ Гейне (Heyne), который уже давно предлагалъ открыть для филологіи и эстетики особый факультетъ. Гейне ввелъ въ изслѣдованіе классической литературы методъ историко-антикварный. Онъ группировалъ историческіе факты, на основаніи ихъ строилъ гипотезы и не чуждъ былъ воззрѣній Винкельмана на древнее искусство. Интересы его были преимущественно эстетическаго и историческаго свойства, но розысканія его были слишкомъ умозрительны и основывались на нетвердыхъ гипотезахъ. Другой профессоръ того же времени—Эрнести, въ Лейпцигѣ, выходилъ изъ ряда теологовъ-филологовъ по своему грамматическо-критическому направленію. Онъ подыскивалъ и группировалъ факты для объясненія *языка* древнихъ писателей. Оба направленія грамматико-критическое и историческоантикварное соединились въ Вольфѣ.

Гейне принесъ Вольфу существенную пользу своими полными живаго интереса чтеніями о греческихъ миѳахъ. Число слушанныхъ Вольфомъ лекцій было гораздо менѣе числа тѣхъ лекцій, какія обязаны были слушать его товарищи—медики, теологи и юристы. Изъ предметовъ каждаго факультета Вольфъ выбиралъ наиболѣе подходящіе къ филологіи. Кромѣ лекцій Гейне, онъ слушалъ римское право, исторію церкви съ объясненіемъ церковныхъ писателей, исторію медицины и съ особеннымъ интересомъ,—изъясненія ветхаго завѣта у профессора Михаэлиса. Черезъ два года по вступленіи въ университетъ Вольфъ читалъ при многочисленной публикѣ о твореніяхъ Ксенофонта и Демосѳена.

Окончивъ курсъ, Вольфъ опредѣлился учителемъ элементарной школы въ Ильфельдѣ. и пробывъ тамъ три года, былъ сдѣланъ ректоромъ школы въ Остерроде, гдѣ также пробылъ не долго. Ему досталась въ вѣдѣніе школа, до нельзя распущенная въ

силу ложно понятыхъ и дурно примѣненныхъ принциповъ педагогики Локка и Руссо. Вольфъ сталъ бороться съ этою болѣзнью времени. Дѣломъ и перомъ онъ произвелъ въ педагогикѣ коренной переворотъ. По предложенію прусскаго министра Зейдлица, Вольфъ получилъ каѳедру педагогики и философіи въ Галльскомъ университетѣ, гдѣ началъ и продолжалъ въ теченіе многихъ лѣтъ свою знаменитую профессорскую дѣятельность. Все то, что относится до древняго міра, Вольфъ сдѣлалъ предметомъ особой науки—чего до него не было. Курсъ его распадался на двое. Во-первыхъ, онъ читалъ науку древностей (Alterthumswissenschaft), которая по его мнѣнію, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о всемъ томъ, что касается быта, культуры, языка, искусства, нравовъ, характера, образа мыслей и науки древнихъ грековъ и римлянъ. Во-вторыхъ, онъ читалъ разборъ всѣхъ существовавшихъ до него филологическихъ доктринъ, развивалъ однѣ изъ нихъ, оспаривалъ другія, уничтожалъ третьи; эти лекціи онъ называлъ курсомъ методологіи. Вольфъ сильно протестовалъ противъ подражанія древнимъ и примѣненія выработаннаго ими къ нашей жизни. Конечная цѣль изученія древности, училъ онъ, есть познаніе человѣчества древняго міра. По своему развитію, таланту и свободнымъ отъ схоластики воззрѣніямъ, Вольфъ стоялъ наравнѣ съ славными писателями своего времени. Онъ былъ поклонникомъ Лессинга, бюстъ котораго украшалъ его аудиторію. Гете пріѣзжалъ послушать его лекціи и былъ отъ нихъ въ восхищеніи. Путемъ ученаго изслѣдованія Вольфъ доказалъ то, о чемъ догадывался Гердеръ, когда говорилъ, что у всѣхъ народовъ эпопея возникаетъ изъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Муза романсовъ и балладъ, говорилъ онъ, пропѣла Иліаду и Одиссею, и поэмы эти были для своего народа ничто иное, какъ баллады, романсы и народныя пѣсни. Еще въ 1779 году двадцатилѣтній Вольфъ подалъ своему профессору Гейне разсужденіе, въ которомъ онъ заподозривалъ единство твореній Гомера, видя въ нихъ продуктъ цѣлой эпохи. Въ Галле Вольфъ сталъ заниматься каждою рапсодіей въ отдѣльности—ея мотивомъ, ея историческою обстановкою, сталъ подмѣчать сходныя и несходныя черты въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Годъ за годъ, работа подвигалась впередъ, и наконецъ составилось то

органическое цѣлое, которое онъ напечаталъ, какъ предисловіе, къ новому, имъ самимъ сдѣланному, изданію Гомера. Это и были его знаменитыя «Prolegomena ad Homerum».

Научно и осязательно доказанная Вольфомъ теорія происхожденія Иліады изъ народныхъ пѣсенъ, сильно оспариваемая учеными того времени, имѣла огромное вліяніе на литературу. Только-что расцвѣтавшая школа романтиковъ перенесла свои интересы исключительно на эпическія произведенія среднихъ вѣковъ и оставила въ сторонѣ лирику, которою до тѣхъ поръ исключительно занимались, воскрешая то и дѣло небывалыхъ нѣмецкихъ бардовъ и пародируя минезингеровъ въ духѣ Бодмера и Глейма. Какъ произведеніе народнаго творчества, какъ нѣмецкая Иліада, поэма о Нибелунгахъ получила тогда новый интересъ историческій и національный. Многіе писатели и ученые обращаютъ на нее исключительное вниманіе, и въ 1807 году выходитъ ея новое изданіе, съ поясненіями и пересказомъ содержанія для публики—«Erneuerung des Nibelungenliedes». Трудъ этотъ принадлежалъ фонъ-деръ-Гагену. Вскорѣ послѣ появленія «Prolegomena ad Homerum» профессоръ Зибольдъ въ Тюбингенѣ сравнивалъ на каѳедрѣ Иліаду съ Нибелунгами. У этого профессора былъ тогда слушателемъ будущій знаменитый поэтъ и изслѣдователь народной поэзіи Уландъ.

Со времени Вольфа союзъ науки и литературы сдѣлался тѣснѣе и прочнѣе. Филологи пошли тѣмъ же путемъ анализа, какой былъ проложенъ для эстетики и литературной критики Лессингомъ и Гердеромъ. Лейпцигскій профессоръ Германъ обратилъ вниманіе на критическую провѣрку рукописей; Гетингенскій—Диссенъ высказалъ новый взглядъ на метрику древнихъ, разгадавъ ея естественные, основанные на свойствахъ языковъ, законы. Старый Гейне теперь остался позади и съ неудовольствіемъ отзывался о придирчивыхъ требованіяхъ своихъ слушателей, какъ мы знаемъ это изъ біографіи Карла Лахмана, который, вмѣстѣ съ своими товарищами, съ перваго года своего студенчества уже не поклонялся старымъ авторитетамъ филологіи и стремился къ созданію новыхъ методовъ.

Въ началѣ XIX столѣтія профессора-филологи уже стоятъ на одномъ уровнѣ развитія съ литераторами, пишутъ и

читаютъ для просвѣщенной публики, а литераторы читаютъ публичныя лекціи. Элементомъ, наиболѣе сблизившимъ ученыхъ съ литераторами, былъ романтизмъ. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, изъ младшихъ романтиковъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ старшихъ, образовались первые ученые германисты. Романтизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ его въ началѣ нынѣшняго столѣтія, или въ Гейдельбергскій періодъ его, былъ въ свою очередь обогащенъ выводами новой науки; онъ усвоилъ себѣ теорію Вольфа о происхожденіи эпоса и обратился къ историческому интересу, благодаря новымъ трудамъ Іоганна Мюллера, котораго «Исторія Швейцаріи» имѣла вліяніе на Шиллера, написавшаго, вскорѣ послѣ ея появленія, своего «Вильгельма Теля». Въ годы Наполеонова владычества младшіе романтики — фонъ-деръ-Гагенъ, Іоахимъ фонъ-Арнимъ, Клеменсъ Брентано, Новалисъ, Вакенродеръ и др., воспитанные твореніями Тика въ любви къ національности и къ родной старинѣ, выступаютъ подъ новымъ знаменемъ, на арену дѣятельности. Первый изъ нихъ, фонъ-деръ-Гагенъ, издалъ «Нибелунговъ» въ то самое время, когда патріотически настроенная публика съ жадностью хваталась за все, что было произведеніемъ отечественной, а не иностранной почвы. Этимъ упрочился успѣхъ Гагена, который вскорѣ затѣмъ издалъ для публики же «Deutsche Gedichte des Mittelalters», а для желающихъ серіозно заниматься нѣмецкою литературой — исторію ея. Книга эта имѣетъ характеръ библіографическій и была необходима, какъ сводъ разбросанныхъ по разнымъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ свѣдѣній о древней нѣмецкой литературѣ. Мѣстомъ дѣятельности фонъ-деръ-Гагена была Пруссія (сперва Бреславль, потомъ Берлинъ), гдѣ патріотизмъ въ обществѣ не переставалъ заявлять себя и по заключеніи Тильзитскаго мира. Чужеземное владычество заставило романтиковъ и въ другихъ углахъ Германіи проповѣдывать о національности. Они заставляли соотечественниковъ искать себѣ утѣшеніе въ славномъ прошедшемъ и указывали на любовь ко всему отечественному, какъ на синонимъ честности и правоты. Голосъ романтика сталъ голосомъ пророка.

«Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ»,—писалъ тогда Фридрихъ Шлегель,—«какъ лучшія нѣмецкія силы обращены на эстетику, и до такой степени, что строгая мысль о Богѣ, объ отечествѣ, равно какъ и воспоминанія о древней славѣ, исчезли безслѣдно. Пора бросить эстетическія грезы, пора перестать играть въ красоту: и то, и другое недостойно великой эпохи мировыхъ событій, въ которую мы живемъ. Сила правды, строгость убѣжденій, твердое упованіе на Бога должны войдти въ свои права».

Изъ этихъ словъ видно, насколько теоріи романтиковъ были согрѣты чувствомъ. Еще ранѣе перваго десятилѣтія XIX вѣка, недовольные современными нравами, сильно распространеннымъ невѣріемъ и равнодушіемъ общества къ судьбамъ отечества, романтики противополагали «безбожному вѣку» вѣка теплаго чувства и дѣтской вѣры, философскому и классическому направленію въ литературѣ ставили въ примѣръ поэзію рыцарскихъ временъ, а затѣмъ—нравственному элементу старины, рыцарской доблести, вѣрѣ въ Бога и святыхъ его, древней любви къ отечеству отдавали предпочтеніе передъ холоднымъ анализомъ вещей и космополитическимъ направленіемъ писателей-классиковъ. Переживая въ своихъ романахъ и повѣстяхъ идеалы церковно-католической поэзіи, романтики почувствовали нераздѣльность средневѣковой культуры и поэзіи съ католицизмомъ. Какъ въ искусствѣ за эпохою возрожденія они разглядѣли готику,—и Кельнскій соборъ сталъ для Вакенродера тѣмъ, чѣмъ Лаокоонъ былъ для Лессинга—такъ и въ религіозной поэзіи за разсудочными гимнами временъ реформаціи они разглядѣли поэзію католичества. Одна реформація рѣзко отдѣляетъ новый міръ отъ очаровательной старины—учили они—и въ возвращеніи къ католичеству видѣли возобновленіе прежнихъ нравственныхъ силъ Германіи. Шлегели открыто перешли въ католичество и искали въ немъ спасенія нравственности и вѣры народной. Другіе романтики остались вѣрными Лютеру и реформаціи, но возвратились къ идеалу національнаго нѣмецкаго монарха, связывая его или съ австрійскимъ императоромъ, или съ королемъ прусскимъ. Для насъ, русскихъ, любопытно было бы провести параллель между нѣкоторыми изъ этихъ романтиковъ и нашими такъ-называемыми славянофилами. Любовь къ народу и его пѣснямъ, симпатія къ старинѣ, несочувствіе къ реформаціи и эпохѣ возрожденія (у насъ въ ре-

формѣ Петра), и наконецъ, философски надуманный возвратъ къ наивнымъ вѣрованіямъ, все это черты общія романтикамъ и нашимъ славянофиламъ. На романтизмъ и на славянофильство можно смотрѣть, какъ на два самостоятельныя, совершенно своеобразныя, но однородныя и схожія по своей основѣ явленія.

Послѣ Берлина, гдѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Германіи, былъ успѣхъ романтиковъ, новымъ центромъ патріотической литературы и романтическаго направленія становится Гейдельбергъ. Въ 1805 году переѣхалъ туда изъ Берлина Іоахимъ фонъ-Арнимъ, и въ томъ же году, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Брентано приступилъ къ изданію сборника народныхъ пѣсенъ, подъ названіемъ: «Des Knaben Wunderhorn». Сынъ зажиточнаго помѣщика, Арнимъ, по свидѣтельству лично знавшихъ его, былъ рыцарь съ головы до ногъ. Его благородная осанка, мягкость въ обращеніи, теплая и задушевная рѣчь, всегда смѣлая откровенность производили на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе. Въ университетѣ онъ изучалъ естественныя науки и потомъ долго путешествовалъ по Германіи. Во время своихъ странствованій онъ сталъ собирать народныя пѣсни по деревнямъ. Съ Клементомъ Брентано его рано сблизила любовь къ народной поэзіи и сочувствіе къ среднимъ вѣкамъ. Отъ другихъ романтиковъ Арнимъ отличался тѣмъ, что сочувствовалъ Лютеру, въ которомъ видѣлъ народнаго дѣятеля. Идеалъ германской монархіи былъ идеаломъ Арнима. Онъ ожидалъ отъ Пруссіи его осуществленія. Повѣсти Арнима замѣчательны тѣмъ, что онъ въ нихъ поэтически изобразилъ различныя эпохи германской исторіи и съ этой стороны былъ близокъ къ Вальтеръ-Скотту, хотя фантазія Арнима не имѣла сдержанности англійскаго романиста, и онъ не достигъ ни разу до полной художественной стройности своихъ произведеній. Изданіе «Des Knaben Wunderhorn» было предпринято Арнимомъ съ цѣлью внести новый элементъ въ литературу, и конечно, не съ этнографическою цѣлью. Выборъ пѣсенъ былъ сдѣланъ съ большимъ тактомъ. Къ сборнику былъ приложенъ разборъ эстетическаго достоинства нѣкоторыхъ пѣсенъ, но безъ всякихъ изслѣдованій о времени ихъ происхожденія. Въ отдѣльной статьѣ, также приложенной къ сборнику, Арнимъ объя-

сняеть читателю свѣжесть и красоту деревенскихъ пѣсенъ. Трудъ этотъ, посвященный Гете, имѣлъ большой успѣхъ въ публикѣ и оказалъ вліяніе на молодое поколѣніе нѣмецкихъ лириковъ. Еще за годъ до появленія сборника, въ письмѣ къ одному музыканту (Рейхарту), Арнимъ разсказывалъ о сильномъ впечатлѣніи, какое производитъ на него каждый разъ пѣсня, пропѣтая крестьяниномъ.

«Въ народныхъ пѣсняхъ»,—говоритъ онъ, «насъ привѣтствуетъ наше здоровое будущее, то будущее, когда посредствомъ великаго искусства забвенія, все чужеземное исчезнетъ и останется одно туземное... Художникъ, умѣющій трогать сердце народа, собираетъ жатву безъ труда и усилій, потому что его труду предшествуетъ творчество многихъ вѣковъ. Мудрость вѣковъ отрываетъ передъ художникомъ книгу, изъ которой онъ можетъ выбирать, что ему угодно для передачи народу: пѣсни, сказанія, поговорки, исторію и даже мелодію».

Вскорѣ послѣ изданія «Des Knaben Wunderhorn» Арнимъ и Брентано стали издавать журналъ *Zeitung für Einsiedler*, который продолжался не долго и былъ вскорѣ замѣненъ періодическимъ, но не срочнымъ изданіемъ *Heidelberger Jahrbücher*. Сотрудниками этихъ изданій были профессора Гейдельбергскаго университета Крейцеръ, Герресъ и молодые, только-что выступившіе на поле общественной дѣятельности братья Гриммы, изъ Касселя, также Уландъ и Гельдерлингъ изъ Тюбингена, Доценъ изъ Мюнхена, и нѣкоторые другіе. Крейцеръ принадлежалъ вмѣстѣ съ А. В. Шлегелемъ къ тѣмъ немногимъ, которые впервые обратили ученое вниманіе на колыбель народовъ Европы. Въ своихъ книгахъ: «Dionysos» (1809 г.) и «Symbolik und Mythologie der alten Völker besonders der Griechen (4 тома, 1810—1812 гг.), онъ поставилъ себѣ задачею низвести боговъ Греціи съ тѣхъ пьедесталовъ, на которые возвели ихъ писатели-классики отъ Винкельмана до Шиллера. Крейцеръ видѣлъ въ олимпійцахъ подражаніе, копіи съ оригинальныхъ божествъ другихъ народовъ. Въ объясненіи греческихъ божествъ и ихъ происхожденія онъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на философскую сторону миѳа, оставляя въ сторонѣ историческое и образное воплощеніе религіозной идеи. Въ ущербъ греческой религіозной

мысли Крейцеръ ставилъ на видъ глубину религіозныхъ воззрѣній древней Индіи. Миѳическимъ представленіямъ древнихъ германцевъ онъ также давалъ предпочтеніе передъ «болѣзненными» представленіями грековъ, миѳологію которыхъ ставилъ даже ниже миѳологіи этрусковъ. Крейцеръ разумѣлъ миѳологію народовъ-варваровъ точно такимъ же образомъ, какъ Гете и Шиллеръ понимали Олимпъ. Онъ увлекся широтою собственнаго воззрѣнія и дошелъ до несправедливаго взгляда на грековъ. У него, какъ у защитника варваровъ, замѣтно какое-то озлобленіе противъ «бѣлой кости» народа, превозносимаго классиками. Это чувство совпадало какъ нельзя болѣе съ общимъ всѣмъ романтикамъ стремленіемъ потрясти классицизмъ. Крейцеръ проложилъ однако новый увлекательный путь въ изслѣдованіи миѳовъ, по которому пошли Герресъ, Каннэ, Гриммы, въ первый періодъ ихъ дѣятельности; позднѣе послѣдователемъ его былъ Шеллингъ.

Второй изъ названныхъ нами сотрудниковъ Арнима и Брентано, Герресъ, еще въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ А. В. Шлегеля, получилъ непреодолимую любовь къ отечественной старинѣ. Въ описываемое время онъ былъ доцентомъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, и первый по времени изъ профессоровъ сталъ читать лекціи о древне-нѣмецкой литературѣ. Герресъ не былъ глубокимъ ученымъ, но обладалъ необыкновенною способностью примѣнять фантазію къ дѣлу научнаго изслѣдованія. Въ 1807 году появилось его сочиненіе о нѣмецкихъ народныхъ книгахъ, въ которомъ онъ представилъ осмысленную картину средневѣковыхъ понятій и умственныхъ интересовъ. Въ *Einsiedler Zeitung* Герресъ помѣстилъ статью подъ названіемъ «Сигфридъ и Нибелунги». Въ этой статьѣ Герресъ сравнилъ скандинавскіе источники народной поэзіи съ нѣмецкими и указалъ на сродство нѣмецкаго эпоса съ сѣверною миѳологіей. Сѣвернымъ народамъ онъ отказалъ въ историческомъ характерѣ, а нѣмцамъ въ миѳологіи. Вообще же статья эта не довольно тверда и ясна. Запутанны, гадательны и неясны сдѣланныя Герресомъ сравненія нѣмецкаго эпоса съ персидскимъ. Послѣ его книги Гете съ негодованіемъ сталъ смотрѣть на изслѣдователей Нибелунговъ. «Г. Герресъ и имъ подобные», острилъ онъ «наводятъ еще большій ту-

манъ (Nebel) на Nibelungenlied и тѣмъ дѣлаютъ невозможнымъ всякое критическое изысканіе по этому предмету». Хотя «хаосъ» этихъ новыхъ идей и не нравился Гете, однако же въ этомъ хаосѣ были всѣ стихіи новаго, яснаго ученія, которое вышло въ свѣтъ нѣсколько позднѣе, въ послѣдствующихъ трудахъ братьевъ Гриммовъ. Герресъ имѣлъ непосредственное вліяніе на ученыхъ братьевъ. Взглядъ Гриммовъ на эпическую поэзію сходенъ со взглядомъ на нее Герреса, и Вильгельмъ Гриммъ отзывается о Герресѣ съ большимъ уваженіемъ. Взглядъ Герреса на поэзію, изложенный имъ въ «Mythengeschichte der asiatischen Welt», радикально измѣнялъ теорію ея происхожденія. Фридрихъ Шлегель, при всей простотѣ своего взгляда на эпическую поэзію, признавалъ въ рапсодѣ или народномъ поэтѣ надуманное вдохновеніе и особенный талантъ изобрѣтать предметы для пѣсенъ; въ художественныхъ образахъ чудеснаго онъ видѣлъ скорѣе искусство одного лица, чѣмъ творчество цѣлаго народа. Герресъ же говорилъ, что человѣкъ въ первобытную эпическую пору былъ какъ бы въ состояніи сомнамбулизма. Его думы — сновидѣнія, но сновидѣнія эти правдивы, потому что черезъ нихъ природа открываетъ ему себя, и онъ воспринимаетъ эти откровенія такими, какими они ему представляются. Измѣнять ихъ онъ не въ силахъ, потому что не имѣетъ ничего предвзятаго, потому что чистъ и не испорченъ опытомъ. Герресъ доказывалъ также существованіе пра-народа и пра-государства въ сердцѣ Азіи, на горахъ Гималайскихъ; религія этого народа и его миѳы лежатъ въ основаніи религіи и миѳовъ всѣхъ другихъ народовъ. Миѳъ, по мнѣнію Герреса, это первый звукъ умственной жизни человѣка, вступившаго въ борьбу съ силами природы. Всякій миѳъ есть поэзія, и поэзія есть миѳъ. Древнѣйшія поэтическія представленія образовались въ пра-государствѣ и достались въ наслѣдіе народамъ, которые унесли ихъ съ собою въ различныя далекія страны. Въ каждомъ отдѣльномъ народѣ религія образовалась по своему, обособилась согласно съ обстоятельствами; но общія первоначальныя идеи, не смотря на разнообразіе формъ, въ которыхъ онѣ выразились у разныхъ народовъ, однѣ и тѣ же во всѣхъ религіяхъ. Герресъ сравниваетъ эти основныя религіозныя идеи съ оплодотворящею си-

лою природы, которая производитъ растенія: всѣ растенія—растенія, однако же они видоизмѣняются вслѣдствіе различныхъ условій климата и почвы.

Кромѣ Герреса сотрудникомъ *Heidelberger Jahrbücher* былъ Арнольдъ Каннэ, который соединилъ изслѣдованіе о миѳахъ съ изслѣдованіемъ о свойствахъ самаго языка того народа, которому принадлежитъ миѳъ. Въ своемъ сочиненіи «Pantheum» Каннэ сдѣлалъ очеркъ теогоніи и космогоніи разныхъ народовъ. Въ различныхъ религіяхъ, равно какъ въ эпическихъ сказаніяхъ, онъ находитъ однѣ и тѣ же темы. Ради символики онъ уничтожаетъ исторію, или лучше сказать, онъ еще не дошелъ до историческаго взгляда на преданія и миѳы. Говоря о древней израильской исторіи, онъ отрицаетъ дѣйствительное существованіе даже Моисея, принимая его за миѳъ. Въ ѳиванской и троянской войнахъ онъ видитъ борьбу боговъ жизни съ великанами тьмы. Въ историческихъ преданіяхъ разныхъ народовъ онъ старается найти аналогію и всѣ символы религіозныхъ вѣрованій приводитъ къ одному знаменателю съ помощью философскаго истолкованія миѳовъ и этимологическихъ соображеній. Его этимологическія изысканія были большимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ поверхностными методами лингвистовъ старой школы, разбиравшими только сходство звуковъ.

Взгляды Герреса и Каннэ имѣли большой успѣхъ въ средѣ романтиковъ. Впечатлительный Фридрихъ Шлегель быстро усвоилъ ихъ себѣ, и въ своихъ чтеніяхъ «Ueber die Geschichte der alten und neuen Litteratur», въ Вѣнѣ, онъ рядомъ съ идеями Вольфа о Гомерѣ и Нибура о Ливіи ставитъ гипотезы о миѳической основѣ нѣмецкой народной поэзіи. Эти же самыя чтенія Фр. Шлегеля лучше всего показываютъ состояніе науки, когда она была въ рукахъ романтиковъ. Представляя въ своихъ лекціяхъ исторію средновѣковой поэзіи, авторъ забываетъ одно—національность. Отсутствіе историческаго смысла и исключеніе исторіи изъ всей теоріи, богатой объясненіями символовъ и миѳовъ, было главною и самою крупною ошибкою романтиковъ. По ихъ понятію, всякій историческій фактъ народной поэзіи есть миѳъ, облеченный въ историческія краски. Романтики забывали, что впечатлѣнія,

производимыя на человѣка его собственною жизнью и событіями, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, и которыя связаны съ его выгодами или съ его потерей, какъ напримѣръ, война — что всѣ такія впечатлѣнія гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ, которыя навѣяны созерцаніемъ природы. Внести историческую истину въ эти теоріи романтиковъ о народной поэзіи значило возвести ихъ на степень реальной науки. Для этой великой задачи нужны были люди, воспитанные на строго ученыхъ работахъ. И такіе люди нашлись въ лицѣ знаменитыхъ братьевъ Гриммовъ, начавшихъ свою литературную дѣятельность, подъ вліяніемъ Каннэ и Герреса, въ *Heidelberger Jahrbücher*, которыя издавались Арнимомъ.

Якобъ и Вильгельмъ Гриммы родились въ Гессенъ-Ганау. Это было маленькое княжество, независимое отъ Касселя и Гессенъ-Дармштадта. Отецъ ихъ былъ сперва адвокатомъ, а потомъ высоко-княжескимъ Гессенъ-Ганаускимъ секретаремъ въ Ганау. Жена его, дочь мѣстнаго пастора, была нѣжно любима сыновьями, которыхъ у нея было пятеро. Старшіе мальчики-погодки, Якобъ и Вильгельмъ, съ ранняго дѣтства были дружны между собой. Они вмѣстѣ учились азбукѣ, даже спали на одной кровати, и мать всегда одинаково ихъ одѣвала. Религіозное направленіе матери оказывало на дѣтей сильное вліяніе. О своемъ религіозномъ чувствѣ Якобъ говоритъ въ своей автобіографіи слѣдующее:

«Мы всѣ были воспитаны въ строго-реформатскомъ духѣ, и я въ дѣтствѣ смотрѣлъ на небольшое число лютеранъ, жившихъ въ нашемъ городѣ, какъ на чуждыхъ мнѣ людей, которымъ никакъ нельзя довѣриться; а о католикахъ, которые пріѣзжали къ намъ въ городъ изъ близь лежащихъ деревень, я дѣлалъ себѣ очень оригинальныя представленія. И теперь еще, когда мнѣ случается войдти въ реформатскую церковь, я всегда проникаюсь чувствомъ благоговѣнія: такъ, всякое вѣрованіе крѣпко связано съ впечатлѣніями дѣтства. Фантазія можетъ наполнить образами и оживотворить даже пустыя, лишенныя всякаго украшенія стѣны. Никогда въ душѣ моей не возникало бо̀льшаго чувства благоговѣнія, какъ въ день принятія мною конфирмаціи, отецъ и мать причащались тогда вмѣстѣ со мною въ церкви, въ которой когда-то дѣдъ мой стоялъ на каѳедрѣ»!

Вслѣдъ за тѣмъ Якобъ Гриммъ говоритъ о своей любви къ родинѣ:

«Не знаю, какимъ путемъ проникло въ насъ, дѣтей, это чувство,— не знаю, потому что никогда о любви къ родинѣ не было говорено при насъ. Мы считали нашихъ князей за самыхъ лучшихъ государей въ мірѣ и нашу землю за благословенную отъ Бога. Къ дармштадтцамъ, напримѣръ, относились мы свысока».

Въ 1796 году умеръ старикъ Гриммъ. Якобу было тогда одинадцать лѣтъ. Состояніе у вдовы осталось маленькое, и семейство ея принуждено было перейдти изъ казенной квартиры въ наемную—тѣсную и плохую. Черезъ два года послѣ того Якобъ и Вильгельмъ поступили въ лицей въ Касселѣ; ихъ взяла на попеченіе тетка, камеръ-фрау курфирстины Гессенской. Ректоромъ лицея былъ Рихтеръ, филологъ изъ школы Эрнести. Якобъ Гриммъ, въ своей автобіографіи, высказываетъ недовольство преподавателями лицея и самою его программой, которая болѣе тянула къ философіи, чѣмъ къ филологіи. У гувернера пажескаго корпуса Штера братья научились, изъ милости, по просьбѣ тетки, французскому языку. Весною 1802 года Якобъ поступилъ въ Марбургскій университетъ, а черезъ два года поступилъ туда же и Вильгельмъ, отставшій отъ брата по причинѣ жестокой болѣзни.

«Въ Марбургѣ»,—говоритъ Якобъ,—«слушалъ я одно за другимъ у Беринга логику и естественное право, но безъ особенной пользы; у Вейса—institutiones, pandecta и examinatorium latinum, у Екслебена—canonicum, у Роберта—гусударственное право, ленное право и практическія упражненія; у Бауера—нѣмецкое частное право и уголовное. Ученый и энергичный Вейсъ нравился мнѣ болѣе другихъ. Но что могу сказать о лекціяхъ Савиньи, кромѣ того, что онѣ имѣли вліяніе на всю мою жизнь и опредѣлили мои будущія занятія? Онъ читалъ juristische Methodologie и государственное право (1802—1802 гг.), исторію римскаго права, institutiones и право обязательствъ (1803—1804 гг.). Въ 1803 году я съ жадностью изучалъ его книгу: Ueber den Besitz».

Что Фридрихъ-Августъ Вольфъ сдѣлалъ для разъясненія народнаго эпоса, то самое сдѣлалъ Савиньи для разъясненія права. Онъ первый снялъ ореолы съ законодателей и указалъ, какъ подъ сѣнью великихъ именъ пріютились законы, выработанные жизнью народа въ теченіе многихъ вѣковъ. Савиньи отличался отъ Вольфа своими научными пріемами: онъ не искалъ въ матеріалѣ подтвержденія своимъ блистательнымъ

гипотезамъ, а дѣлалъ строгій выводъ изъ самихъ фактовъ только тогда, когда въ истинѣ вывода убѣждалъ его долгій опытъ. Любовь юношей Гриммовъ къ лекціямъ Савиньи сливалась въ одно чувство съ любовью къ самой личности профессора. Савиньи предлагалъ своимъ слушателямъ на лекціяхъ различные вопросы, и тѣхъ изъ нихъ, которые не отвѣчали словесно, онъ обязывалъ подавать ему письменные труды. Такой пріемъ въ преподаваніи сближалъ его съ слушателями. Молодежь ходила къ нему на домъ и пользовалась его книгами. Легко дышалось студентамъ въ обществѣ этого профессора. Онъ не давилъ ихъ собою, а возвышалъ духъ ихъ и тѣмъ возбуждалъ охоту къ труду. Умъ Якоба Гримма увлекся наукою въ томъ видѣ, какъ излагалъ ее и какъ работалъ надъ нею Савиньи, а сердце привязалось къ наставнику. По окончаніи третьяго университетскаго года Савиньи взялъ Якоба съ собою въ Парижъ, какъ помощника въ ученыхъ трудахъ. Требованіе науки и ученые пріемы были быстро поняты и усвоены Гриммомъ, и онъ съ успѣхомъ работалъ для своего наставника по римскому праву. Еще въ Марбургѣ Якобъ напалъ случайно въ библіотекѣ Савиньи на Бодмерово изданіе минезингеровъ. Что-то новое зашевелилось въ душѣ его при первомъ чтеніи памятниковъ родной старины. Онъ былъ уже не равнодушенъ къ древней нѣмецкой поэзіи, когда появилось новое изданіе минезингеровъ съ увлекательнымъ предисловіемъ Тика. Въ душѣ Якоба глубоко запечатлѣлись теплыя слова романтика, причемъ также сказалась уже готовая, зрѣвшая въ Гриммѣ съ малыхъ лѣтъ, сила любви къ отечеству. Онъ увидѣлъ передъ собою цѣлый міръ нѣмецкаго національнаго творчества, обширное поле для изслѣдователя, тѣмъ болѣе привлекательное, что плугъ ученаго еще не прошелъ по немъ. Въ Парижѣ Яковъ съ жадностью разсматривалъ знаменитыя нѣмецкія рукописи, и въ томъ числѣ лицевой Манессовъ кодексъ, о которомъ писалъ Бодмеръ. Послѣ почти годоваго пребыванія въ Парижѣ Якобъ возвратился въ Кассель, куда переѣхала мать его, и гдѣ уже находился окончившій курсъ въ университетѣ Вильгельмъ. Въ январѣ 1806 года Якобъ получилъ мѣсто помощника секретаря при курфирстской военной коллегіи, что обязывало его носить мундиръ со шпагой и

украшать голову пудрой и косою. Незанимательная и трудная работа въ коллегіи отвлекала его отъ ученыхъ занятій, и онъ понемногу отсталъ отъ римскаго права. За то литературное движеніе романтиковъ продолжало оказывать на Якова свое дѣйствіе, и незамѣтно для самаго себя онъ увлекался и ихъ теоріями, и самими памятниками древней отечественной литературы. Въ 1806 году курфирстъ лишился престола, и Кассель сдѣлался столицею новаго Вестфальскаго королевства. Такая судьба отечества сильно огорчила обоихъ братьевъ. Якобъ къ тому же лишился своего мѣста въ коллегіи; наконецъ въ томъ же году умерла мать ихъ. Выше мы уже говорили о космополитическомъ направленіи Гете и другихъ его современниковъ классиковъ, которые питали сочувствіе къ Наполеону и съ его успѣхами связывали идеи о свободѣ и всеобщемъ мирѣ. Скажемъ кстати, что въ Германіи люди, стоявшіе на высотѣ классическаго величія, всегда рѣзко и не сочувственно относились къ Россіи, и никто такъ не желалъ ея паденія во имя общечеловѣческихъ интересовъ, какъ Гете въ 1812 году. За то намъ, русскимъ, не слѣдуетъ забывать, что романтики, возбудившіе столько прекрасныхъ чувствъ въ своихъ соотечественникахъ и между прочимъ чувство патріотизма, выказали горячее сочувствіе къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ, которымъ проникнуты между прочимъ благородные, искренніе и прекрасные стихи Кернера о Москвѣ и о русскихъ. Вслѣдъ за политическими интересами появились и литературные интересы, общіе Россіи и Германіи. Звеномъ, соединившимъ нашу литературу съ нѣмецкою, былъ тотъ же романтизмъ.

Но обратимся къ Гриммамъ. Изъ своего горестнаго положенія Якобъ былъ выведенъ содѣйствіемъ историка Іоганна Мюллера, который выхлопоталъ ему мѣсто библіотекаря въ Касселѣ. Самъ Іоганнъ Мюллеръ былъ тогда министромъ короля Вестфальскаго. Человѣкъ, не чуждый національнымъ стремленіямъ, поклонникъ и апологистъ Фридриха Великаго, онъ положилъ на себя неизгладимое пятно тѣмъ, что прославлялъ въ Берлинѣ великаго императора, даровавшаго нѣмцамъ своего родного брата въ короли. Этотъ фактъ невольно приводитъ на память Лейпцигскихъ профессоровъ, посвятившихъ имени Бонапарта вновь открытое созвѣздіе. И вотъ благородный, чистый Якобъ, до-

казавшій въ послѣдствіи свое гражданское мужество, сталъ теперь слугою короля Іеронима. Вмѣсто всякихъ инструкцій по новой должности Гримму было велѣно изобразить на дверяхъ бывшей курфирстской библіотеки большими буквами: «Bibliothèque privée du roi». Мѣсто это обезпечило Якоба и дало ему возможность трудиться для избраннаго имъ предмета. Вильгельмъ получилъ мѣсто его помощника, при той же библіотекѣ, и оба брата посвящали бо́льшую часть времени германской, уже возникавшей въ ихъ трудахъ, наукѣ. Въ концѣ 1807 года Іоахимъ фон-Арнимъ писалъ изъ Касселя: «Здѣсь есть замѣчательный знатокъ нѣмецкаго языка и литературы — г. секретарь Гриммъ. У него богатое собраніе памятниковъ древней поэзіи». Арнимъ и другіе Гейдельбергскіе романтики познакомились съ Якобомъ черезъ Брентано, который былъ женатъ на сестрѣ Савиньи.

Въ 1807 году Якобъ и Вильгельмъ стали помѣщать статьи свои въ *Heidelberger Jahrbücher*. Между первыми статьями Якоба и статьями другихъ романтиковъ много сходства: то же сильное изображеніе всего того, что автору представляется яснымъ, и та же неточность и шаткость въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ только угадываетъ истину. У Якоба Гримма замѣчается отсутствіе сдержанности и строгости въ постройкѣ гипотезъ. Онъ — символикъ, какъ Фридрихъ Шлегель, натурфилософъ, какъ Герресъ и Канне, и часто слабый критикъ, какъ Арнимъ. Образность языка мѣшаетъ ходу его мыслей; слогъ его угловатъ, какъ у Арнима, и страдаетъ неточною разстановкою знаковъ препинанія. Что же касается до Вильгельма, то онъ установился ранѣе брата. Онъ ѣздилъ въ Галле, гдѣ свелъ дружбу со многими романтиками. Проѣздомъ черезъ Веймаръ онъ былъ у Гете, который ласково принялъ юношу и съ участіемъ распрашивалъ о стремленіяхъ обоихъ братьевъ къ изученію германской древности. — Разница между братьями обозначилась рано. Она состояла въ томъ, что Якобъ обладалъ преимущественно способностью творческою, тогда какъ Вильгельмъ изслѣдовательною. Вильгельмъ бралъ памятникъ или извѣстное литературное явленіе и обработывалъ взятое имъ до конца. Его интересовалъ самый памятникъ, само явленіе, если только они соотвѣтствовали его поэтическому

вкусу. Онъ не имѣлъ терпѣнія дочитать до конца книгу, если она не относилась прямо къ тому, чѣмъ онъ былъ заинтересованъ. Матеріалъ своимъ содержаніемъ производилъ на него впечатлѣніе, онъ влюблялся въ него, издавалъ, объяснялъ, изслѣдовалъ и въ это время не развлекался ничѣмъ постороннимъ. Якобъ, на оборотъ, никогда не увлекался памятникомъ или частнымъ явленіемъ. Онъ читалъ все, что могъ, и изъ разбросанныхъ фактовъ выводилъ заключеніе, изъ хаоса творилъ стройное цѣлое. Матеріалъ былъ ему интересенъ не самъ по себѣ, а только для уясненія тѣхъ вопросовъ, которые возникали въ его головѣ. Онъ не могъ быть издателемъ памятника и не имѣлъ терпѣнія заниматься возстановленіемъ текста; но за то могъ безропотно перечитать сотни памятниковъ, ища въ нихъ или оправданія, или опроверженія гипотезы, на которую его наводило ученое чтеніе.

Въ первые годы своей литературной дѣятельности и сотрудничества въ *Heidelberger Jahrbücher* Вильгельмъ занимался тѣми нѣмецкими народными сагами, которыя можно назвать героическими. Въ журнальныхъ статьяхъ онъ доказывалъ сродство этихъ сагъ съ сѣверными нѣмецкими былинами. Взгляды его на народную поэзію схожи со взглядами Гѐрреса, но у него болѣе знанія и болѣе сдержанности. Онъ пополнилъ сдѣланное Гєрресомъ, отчетливо объяснивъ, какъ былина распространяется въ народѣ и какъ измѣняется въ содержаніи. Всю массу нѣмецкаго народнаго творчества онъ старается привести въ порядокъ и утверждаетъ новое понятіе о романтической поэзіи среднихъ вѣковъ. На послѣднемъ мы нѣсколько остановимся.

Мы говорили выше, что теоріи романтиковъ отличались отсутствіемъ историческаго сознанія. Шлегели смѣшивали средневѣковую искусственную поэзію съ народною, Тикъ и Арнимъ — древнія миѳическія преданія съ христіанскою поэзіей легендъ, съ позднѣйшими суевѣріями. Сигфридъ, рыцари, чудовища, гномы, католическіе святые, все это являлось у нихъ какъ-бы въ калейдоскопѣ, и все это вмѣстѣ, по ихъ мнѣнію, составляло содержаніе *романтической* поэзіи. Отсюда ложное понятіе о романтической поэзіи и невѣрное ея опредѣленіе. Позднѣе это понятіе о средневѣковой романти-

ческой поэзіи было перенесено на поэзію самихъ романтиковъ, на произведенія Тика, Арнима, Новалиса, на баллады Бюргера, Уланда и прочихъ. Иной взглядъ на романтизмъ и романтическую поэзію былъ высказанъ въ *Einsiedler Zeitung* Уландомъ, который смотрѣлъ на это явленіе съ философской точки зрѣнія и видѣлъ въ немъ воспроизведеніе грустныхъ сторонъ жизни, стремленіе къ безконечному, стремленіе примирить горестную дѣйствительность съ Божіимъ правосудіемъ и т. д. Эту теорію романтизма перенесъ къ намъ Бѣлинскій [1]). но она не выдерживаетъ исторической критики и нисколько не объясняетъ роматизма. На основаніи ея образцемъ романтической поэзіи можетъ служить Софокловъ «Эдипъ въ Колонѣ». Бѣлинскій самъ въ одномъ мѣстѣ какъ будто сознаетъ неприложимость своей теоріи къ тому, что называется романтизмомъ. Вильгельмъ Гриммъ опредѣляетъ романтическую поэзію, какъ искусственкую поэзію романскихъ народовъ въ XII и XIII вѣкахъ. Ея образцы—поэмы о Карлѣ Великомъ, объ Артурѣ, лирическая любовная поэзія. Въ Германіи романтическая поэзія возникла подъ французскимъ вліяніемъ. Отъ нея, какъ отъ поэзіи заимствованной, подражательной, В. Гриммъ строго отдѣляетъ туземную поэзію, выросшую на преданіи и возникшую изъ источниковъ нѣмецкаго народнаго творчества. Ея образцы—героическія былины (Sagen) о Нибелунгахъ, о Дитрихѣ Бернскомъ. Такимъ образомъ В. Гриммъ впервые отдѣлилъ средневѣковой романтизмъ отъ народной германской поэзіи, какъ достоянія собственно германскихъ народовъ. Второю наиболѣе крупною заслугой его было опредѣленіе отношенія нѣмецкой народной поэзіи къ сѣверной, скандинавской. Это отношеніе В. Гриммъ опредѣлилъ слѣдующими тремя выводами: 1) у скандинавовъ и у нѣмцевъ была общая и тѣмъ и другимъ древняя поэзія, преимущественно миѳологическая, которая сохранилась у первыхъ, но забыта послѣдними; 2) героическая поэзія, общая и скандинавамъ, и нѣмцамъ, сохранилась у обоихъ народовъ:

---

1) Талантливо изложенная Бѣлинскимъ, но сбивчивая Уландова теорія романтизма оказывала сильное вліяніе на нѣкоторыхъ учителей словесности нашихъ гимназій: юношамъ и дѣвицамъ задавались сочиненія о романтизмѣ. Какъ по темному лѣсу, бродилъ учитель по этой теоріи, тратя часы на объясненіе ея. Какъ же ясно понимали ее ученики, предоставляю судить всякому.

«Нибелунги»; 3) «Дитрихсъ-сага» есть произведеніе чисто-нѣмецкаго происхожденія и занесена на сѣверъ въ переводѣ. Такой опытный, строго историческій и трезвый анализъ можно назвать противоположнымъ гадательному, умозрительному, лишенному историческаго сознанія, анализу другихъ романтиковъ. Вслѣдъ за этимъ выводомъ В. Гриммъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ; онъ указалъ на историческую сторону въ народномъ эпосѣ и сталъ доказывать дѣйствительность существованія героевъ «Nibelungenlied» и «Dietrich's Sage». «У насъ, нѣмцевъ»,—говорилъ онъ— «исторія слилась бы съ поэзіей, какъ у грековъ, еслибы источники народной поэзіи не были возмущены крестовыми походами и тѣмъ новымъ значеніемъ «бѣсовскихъ», которое имъ придали попы». Когда Ф. Шлегель выразилъ желаніе, чтобы публика ознакомилась съ датскими народными пѣснями, В. Гриммъ перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ *Einsiedler Zeitung*. Въ 1811 году появился первый большой трудъ Вильгельма Гримма: ««Altdänische-Heldenlieder»». Это былъ полный переводъ всѣхъ извѣстныхъ въ печати датскихъ народныхъ пѣсенъ. Хорошо знакомый съ датскою литературою, Нибуръ призналъ въ Вильгельмѣ Гриммѣ умѣнье передавать въ переводѣ самый складъ народной поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, а именно героическія, увлекли и самаго переводчика, и онъ вскорѣ принялся за Эдду.

Въ томъ же 1811 году появился первый большой трудъ Якоба Гримма: «Ueber den altdeutschen Meistergesang». Это былъ результатъ его занятій лирикою XII, XIII и XIV столѣтій. Основное положеніе, высказанное авторомъ, слѣдующее: совершенно отдѣлять минезингеровъ отъ мейстерзенгеровъ, какъ дѣлали то другіе, нельзя. Поэзія мейстерзенгеровъ, по мнѣнію Я. Гримма, была чадомъ поэзіи минезингеровъ и относится къ первой, какъ подражательная къ оригинальной. Подобно брату, Якобъ писалъ въ *Einsiedler Zeitung* объ отношеніи народной саги къ исторіи. Затѣмъ, по просьбѣ Фр. Шлегеля, онъ принялся за сравненіе древне-нѣмецкихъ стихотвореній съ французскими и испанскими. Сравненіе это излагалось имъ въ комментаріяхъ къ изданію испанскихъ романсовъ. Однако, не смотря на то, что было объявлено о скоромъ появленіи этого сборника, таковой не вышелъ въ свѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Якобъ сталъ заниматься сравненіемъ романа «du Renard съ Reinhart-Fuchs», для чего выписалъ изъ Рима, именемъ короля Вестфальскаго, Ватиканскую рукопись. Труду этому пришлось осуществиться гораздо позднѣе.

Оба брата не разъ уже высказывали свои мысли о новой, малоизвѣстной области народной поэзіи—о сказкахъ. Якобъ писалъ о необходимости спасать остатки сказокъ, списывая ихъ со словъ народа. Въ 1812 году Арнимъ посѣтилъ Гриммовъ въ Касселѣ, и ознакомясь съ ихъ собраніемъ сказокъ, уговорилъ ихъ не медлить изданіемъ. Еще въ 1797 году Тикъ издалъ собраніе народныхъ сказокъ, но передалъ ихъ литературнымъ языкомъ своего времени и безъ того оттѣнка правды, съ какимъ они передаются народомъ. Изданіе это не имѣло успѣха. Были и другія изданія сказокъ (Музеуса, г-жи Ноберть), въ которыхъ сказки (Märchen) были смѣшаны съ былинами (Sagen) и также не произвели особаго впечатлѣнія. Въ декабрѣ 1812 года вышелъ первый томъ «Kinder-und Haus-Märchen», съ предисловіемъ В. Гримма. Въ немъ издатель отчетливо объяснилъ различіе между былиною—произведеніемъ, основаннымъ на исторической истинѣ или на глубокомъ народномъ вѣрованіи, и сказкою, которая обходится безъ исторической обстановки и имѣетъ свою собственную идеальную область. Сказки пересказаны были братьями (преимущественно Вильгельмомъ) съ тою безъискусственностью и съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ передаетъ ихъ старая бабушка своимъ внучатамъ. Успѣхъ изданія былъ чрезвычайный. Образованная публика, знакомая только со сказками Перро, съ восторгомъ привѣтствовала новыя для нея произведенія своего собственнаго народа. Бытъ Германіи, нравы и образъ мыслей народа всецѣло отражаются въ сказкахъ, которыхъ появленіе удовлетворяло какъ возбужденному чувству національности (1813 годъ), такъ и развитому романтиками вкусу къ чудесному. Съ Kinder-und Haus-Märchen» начинается рядъ общихъ трудовъ Якоба и Вильгельма. Въ 1812 же году вышло: Die beiden ältesten deutschen Gedichte: das Lied von Hildebrand und Hadubrand und das Weisselnbrunner Gebet»; въ 1813 году—«Altdeutsche Wälder», сборникъ древнихъ стихотвореній; въ 1815 году—«Der arme Heinrich von Hart-

mann von der Aue» и «Lieder der alten Edda», а также «Irmenstrasse und Irmensäule» и «Silva de romances viejos», Якоба Гримма. Всѣ эти изданія сопровождаются теплыми, исполненными сочувствіями къ поэтическимъ достоинствамъ памятниковъ предисловіями; однако то не были еще ученыя изданія въ строгомъ смыслѣ. На текстъ и на его провѣрку не было обращено никакого вниманія. Время для ученыхъ изданій еще не подоспѣло. Въ «Irmenstrasse und Irmensäule», изслѣдованіи о памятникахъ германскаго язычества, Якобъ вступилъ на путь историческаго изслѣдованія миѳовъ. По нѣкоторымъ намекамъ въ этомъ небольшомъ трудѣ виденъ будущій авторъ «Deutsche Mythologie».

Послѣ паденія Наполеоновской монархіи, братья Гриммы съ восторгомъ привѣтствовали возвращеніе курфирста въ Кассель. Положеніе ихъ улучшилось: Якобъ получилъ бо̀льшое содержаніе и остался библіотекаремъ, Вильгельмъ сдѣланъ былъ секретаремъ той же библіотеки на Wilhelmshöhe». Время отъ 1813 до 1830 года было самымъ благопріятнымъ для ученыхъ работъ братьевъ Гриммовъ. Многостороннія стремленія Якоба обращались на всевозможные словесные памятники отечественной старины. Отъ тяжебнаго процесса, отъ приходскаго списка до народнаго заговора, отъ укуса змѣи и до пѣсни деревенскихъ дѣтей о дождикѣ, все обращалось къ Якобу своею жизненною стороною, все давало пищу его изслѣдованію, и Германія была уже наканунѣ появленія исторической грамматики и исторіи языка своего и воскрешенія древней забытой миѳологіи. Якобъ Гриммъ уже вызывалъ къ жизни изъ забытаго прошедшаго древнія германскія нарѣчія и опредѣлялъ законы живаго германскаго языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, когда появилась новая сила германской науки въ лицѣ автора вышедшей въ 1816 году книги «Ueber die ursprüngliche Gestalt des Gedicht's von der Nibelungen Noth». Молодой авторъ ея, Карлъ-Конрадъ Лахманъ воспитанникъ университетовъ Лейпцигскаго и Гёттингенскаго, ученикъ знаменитаго теолога Даніила Бека и филологовъ Гейне, Германа и Диссена, былъ однимъ изъ горячихъ поклонниковъ Фридриха-Августа Вольфа. Филологъ-классикъ, онъ еще въ Гёттингенѣ былъ побуждаемъ профессоромъ иностран-

ныхъ языковъ Бенеке къ занятію древне-нѣмецкимъ языкомъ и литературою. Самъ Бенеке (Георгъ-Фридрихъ) стоитъ какъ-то особо, поодаль отъ романтиковъ, и между тѣмъ его можно назвать однимъ изъ основателей германской филологіи. Онъ не увлекался эстетикой и не мѣрилъ достоинства памятниковъ по масштабу современнаго вкуса. То, что писалъ Бенеке, было не для публики: онъ первый сдѣлалъ древне-нѣмецкую литературу предметомъ строгой академической науки. Его «Beiträge zur Kenntniss der altdeutschen Sprache und Litteratur» (1810 года) были главнымъ подспорьемъ для Якоба Гримма, когда онъ сталъ трудиться надъ историческою грамматикой. Лахманъ былъ въ университетѣ, когда вышли первые труды Гриммовъ. Не вступая въ почти пережитую эпоху теорій романтиковъ и не увлекаясь ими, Лахманъ сразу сталъ на твердую почву. Его первый трудъ, о которомъ мы упомянули, былъ началомъ ученой критики въ области германской науки. Трудъ этотъ стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ германской филологіи—умозрительной Гейдельбергской, и новой реальной, трезвой филологіи, которая начинается съ появленіемъ Гриммовой «Грамматики». Свое разсужденіе о Нибелунгахъ Лахманъ начинаетъ съ того, что объясняетъ переворотъ, сдѣланный въ наукѣ Ф. А. Вольфомъ. Далѣе онъ пользуется готовымъ взглядомъ Гриммовъ на историческую сторону народной саги. Такимъ образомъ онъ въ первыхъ же строкахъ очерчиваетъ оканчивающуюся эпоху германской филологіи. Принимая «Nibelungen Lied» за произведеніе, составленное изъ народныхъ пѣсенъ, Лахманъ тѣмъ не менѣе твердо стоитъ за существованіе единичнаго составителя поэмы, какъ за лицо, жившее на рубежѣ XII и XII столѣтій. Эта основательно доказанная истина и анализъ древне-нѣмецкой метрики были тою новостью, которую Лахманъ вносилъ въ науку. Черезъ два года послѣ его первой книги вышла «Историческая Грамматика» Якоба Гримма, и самъ Лахманъ, какъ и всѣ другіе представители германской науки, выступили на новую дорогу. Изученіе отечественнаго языка легло въ основу новаго зданія германской науки.

Исторія отечественной литературы, какъ предметъ университетскаго преподаванія *).

Исторія русской литературы—наука новая, не установившаяся. Представителемъ этой науки можно назвать покойнаго профессора Московскаго университета, Степана Петровича Шевырева. Онъ первый сгруппировалъ явленія нашей древней словесности, объяснилъ ихъ съ строго ученою послѣдовательностью и далъ намъ, по возможности, полную картину нашего христіанскаго просвѣщенія. Въ 1845 году почтенный профессоръ прочелъ публичный курсъ лекцій по древней отечественной литературѣ (отъ начала ея до XV-го вѣка включительно) и тѣмъ возбудилъ въ обществѣ сочувствіе къ забытой, невѣдомой родной старинѣ. Годъ спустя, онъ издалъ свои лекціи въ 4-хъ частяхъ подъ названіемъ—«Исторія Русской Словесности. Черезъ 13 лѣтъ Шевыревъ дополнилъ свой трудъ и вновь его издалъ. Время не благопріятствовало успѣху втораго изданія, блескъ статей проф. Буслаева затмилъ заслугу его предшественника по каѳедрѣ. Новый свѣтъ, пролитый на литературныя явленія Буслаевымъ, назначившимъ имъ мѣсто въ ряду литературныхъ явленій средне-вѣковой Европы, широта общечеловѣческихъ воззрѣній новаго профессора, наконецъ духъ времени, ничто не соотвѣтствовало школѣ, представителемъ которой былъ Шевыревъ. А между тѣмъ въ исторіи словесности Шевырева для образованнаго читателя найдутся интересныя живыя страницы. Что же касается до занимаю-

*) Вступительная лекція, читанная въ началѣ $187^{6}/_{7}$ учебнаго года, въ Университетѣ Св. Владиміра. Напечатано въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Кіевъ, 1877 г.

щихся серьезно наукою—то для нихъ трудъ Шевырева, снабженный примѣчаніями, есть весьма хорошее пособіе со стороны библіографіи, палеографіи и оцѣнки источниковъ. Главнымъ же достоинствомъ его труда остается систематичность и хронологическая послѣдовательность въ обзорѣ литературныхъ явленій. Въ своемъ предисловіи почтенный ученый помянулъ добрымъ словомъ всѣхъ потрудившихся для русской филологіи, библіографіи, палеографіи и исторіи литературы. Онъ помянулъ своихъ современниковъ и младшихъ братій по наукѣ (изъ коихъ многіе были его учениками) и съ должнымъ уваженіемъ отозвался и о своихъ предшественникахъ. Мы же съ своей стороны, ставя имя покойнаго профессора на ряду съ самыми почетнѣйшими именами изслѣдователей нашей науки, не можемъ отказать ему въ первомъ мѣстѣ, какъ историку русской литературы. До него была только одна книга по этому предмету—Греча «Опытъ Исторіи Русской Литературы», но и та, что касается до древней литературы, не выдерживаетъ ученой критики. Шевыревъ въ своемъ предисловіи не забылъ упомянуть и объ этомъ слабомъ трудѣ, равно какъ и о другомъ серьезномъ трудѣ Кепена: Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи русской словесности 1819—трудѣ, изъ названія котораго видно, что его вызвала мысль о необходимости и возможности исторіи нашей словесности. Близокъ по времени къ труду Шевырева былъ другой трудъ—книга подъ названіемъ: «Исторіи древней русской словесности», 1839 г., охарактеризованная Шевыревымъ въ слѣдующихъ словахъ: «въ ней драгоцѣнны филологическія основанія, касающіяся особенностей русскаго языка, сравнительно съ другими славянскими». Но драгоцѣнныя филологическія основанія еще не составляютъ всего достоинства книги: въ ней опредѣленъ характеръ періодовъ—литературы нашей. Имя автора есть одно изъ именъ, украшающихъ русскую науку и имъ Кіевскій университетъ будетъ долго напоминать о первыхъ годахъ своего существованія. Несмотря на достоинства книга М. А. Максимовича есть скорѣе объясненіе судебъ и свойствъ нашего языка, чѣмъ исторія литературы въ строгомъ смыслѣ слова *).

* Максимовичъ упоминаетъ кромѣ Греча о руководствахъ и опытахъ исторіи литературы—Тимаева, Плаксина, Глаголева, Георгіевскаго (1832—1836 г.).

Отъ предшественниковъ и современниковъ Шевырева перейдемъ къ его послѣдователямъ. Преемнику его по каѳедрѣ Ѳ. И. Буслаеву надлежало продолжать дѣло своего предмѣстника относительно исторіи литературы. Но у Буслаева были другія задачи, и онъ исполнилъ ихъ съ честью. Талантливый профессоръ произвелъ радикальный переворотъ во всемъ ученіи о русской словесности; онъ перенесъ на нашу почву воззрѣнія на языкъ и на народную стихію въ литературѣ, выработанныя братьями Гриммами. Искусснымъ методомъ привилъ онъ къ нашей наукѣ истины общечеловѣческія и частныя, добытыя для народовъ индо-германской семьи. Буслаевъ расшевелилъ сокровища, разбросанныя по памятникамъ нашей древней письменности, счастливо напалъ на слѣды миѳологіи въ языкѣ и народной поэзіи, оцѣнилъ и заставилъ оцѣнить эпическое богатство сельской народной рѣчи. За Буслаевымъ кромѣ того остаются заслуги по филологіи русской (историческая грамматика, историческая христоматія, памятники русскаго письма и языка), заслуги историка русскаго искусства и археолога и наконецъ заслуги историка литературы. Но исторіи литературы г. Буслаевъ еще не написалъ: онъ намъ далъ пока только однѣ монографіи — изслѣдованія памятниковъ древней словесности. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ изслѣдованій (Меркурій Смоленскій, Муромская легенда) ученый авторъ прослѣдилъ измѣненіе памятника въ теченіи вѣковъ, отдѣлилъ основное народное отъ книжнаго, областное отъ обще-русскаго. Въ изслѣдованіяхъ проф. Буслаева сравнительно критическій методъ и многостороннее широкое воззрѣніе на литературныя явленія производятъ сильное впечатлѣніе. Часто памятникъ, разсмотрѣнный Шевыревымъ со стороны нравственно-религіозной и поэтической, получаетъ у Буслаева новое значеніе политическое и народное въ эпическомъ отношеніи. Справедливо вступившій въ иной лучшій, чѣмъ Шевыревъ, путь, проф. Буслаевъ однако же не послѣдовалъ примѣру своего предшественника во всемъ томъ, что относится до хронологіи и порядка въ выборѣ предметовъ изслѣдованій. Ни одна эпоха не остановила на себѣ исключительнаго вниманія Ѳ. И. Буслаева, ни одно столѣтіе не отмѣчено рядомъ его послѣдовательныхъ статей. Въ своихъ историко-литератур-

ныхъ статьяхъ, названныхъ имъ самимъ—«Очерками», Ѳ. И. Буслаевъ является скорѣе талантливымъ наблюдателемъ, знатокомъ и судьею многихъ литературныхъ явленій, чѣмъ авторомъ одного законченнаго, до конца обдѣланнаго изслѣдованія. «Очерки» его широко захватываютъ область нашей древней литературы и не всегда легко услѣдить быстрые переходы отъ одного къ другому, не легко собрать въ одно, систематизировать счастливыя догадки автора, его богатыя мысли и остроумные намеки. Лекціи проф. Буслаева, на сколько мнѣ извѣстно, были эпизодичны, и едва-ли пришлось его слушателямъ прослушать полный курсъ исторіи Русской литературы, хотя бы и древней, которою исключительно занимался Буслаевъ.

Изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ русской литературы были предметомъ курсовъ и другихъ профессоровъ въ нашихъ столичныхъ университетахъ и можно безошибочно сказать, что исторіи литературы, за послѣднія десять лѣтъ, въ нихъ не читалось въ цѣломъ ея объемѣ, въ хронологической послѣдовательности. Наиболѣе интересные и подвигавшіе науку впередъ курсы были спеціальны и имѣли предметомъ своимъ или древнюю литературу, или поэзію народную. Причина такого предпочтенія заключается въ новизнѣ предмета, въ непочатости матеріала. Стоящій на высотѣ академическихъ интересовъ профессоръ сообщаетъ слушателямъ результаты своихъ ученыхъ работъ. Слушателямъ остается освоиться съ мастерской профессора, воспользоваться его познаніями и пріемами, и благо имъ, если они къ тому подготовлены, или же въ послѣдствіи будутъ имѣть возможность приложить къ дѣлу свои спеціальныя познанія, равно какъ и пополнить пробѣлы. Но не всѣ подготовлены къ такимъ спеціальнымъ курсамъ и не всѣмъ рядъ послѣдующей дѣятельности дастъ возможность доучиться. Не могу не сказать, что отсутствіе общихъ курсовъ въ университетскомъ преподаваніи имѣетъ свою дурную сторону. Многіе изъ окончившихъ образованіе кандидатовъ, дѣлаясь учителями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, переносятъ и туда свои академическія воззрѣнія, свои предпочтенія—и древняя русская литература или словесность народная вытѣсняетъ отечественныхъ классическихъ, образо-

вательныхъ писателей. Неизбѣжныя послѣдствія переходной эпохи: — Что же касается до того, что историко-литературныя задачи не входятъ въ программу трудовъ первоклассныхъ ученыхъ нашихъ, то это объясняется господствующимъ въ ихъ средѣ мнѣніемъ о преждевременности этой науки. Занимающіеся отечественною словесностью ученые нуждаются въ изданіяхъ рукописныхъ источниковъ и въ разъясненіи многихъ частныхъ вопросовъ; они не торопятся подводить итоги и выжидаютъ того времени, когда посредствомъ монографій, разъяснятся крупныя сомнѣнія и освѣтятся многія темныя стороны предмета. Направленіе въ разработкѣ русской словесности въ наше время скорѣе библіографическое и филологическое, чѣмъ историко-литературное. И въ самомъ дѣлѣ — что дѣлать историку литературы, когда матеріалъ еще не приведенъ въ извѣстность, не изданъ, не изслѣдованъ и не годится въ дѣло? Естественно, что ему приходится приниматься за подготовительную работу.

Въ Германіи отъ этихъ самыхъ причинъ происходитъ замедленіе въ ходѣ исторіи литературы, а у насъ эта наука остановилась на нѣкоторое время. Никто не въ правѣ ставить въ вину нашимъ ученымъ увлеченіе работою надъ источниками. Однако нельзя не пожалѣть, что у насъ нѣтъ серьезныхъ историко-литературныхъ трудовъ. Разработка изданныхъ матеріаловъ въ системѣ и съ историко-литературною цѣлью принесла-бы свои плоды.

Чтенія въ университетахъ, въ возможной полнотѣ обнимающія исторію русской литературы, равно какъ и книги по этому предмету, писанныя талантливыми учеными, должны приносить большую пользу, сплачивая интересы науки нашей *). Что за дѣло, что есть темныя стороны въ области нашего предмета? За то сколько есть изданнаго, обработаннаго, что теряетъ свою цѣну и значеніе потому, что остается изолированнымъ, не находитъ себѣ мѣста въ общемъ.

Исторія отечественной литературы не въ одной Россіи

*) Такую пользу принесла книга О. Ѳ. Миллера, который въ предисловіи къ ней говорить о преждевременности у насъ исторіи литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ насущную потребность исторіи литературы какъ пособія. Тоже можно сказать и о книгѣ г. Порфирьева.

есть предметъ новый, не установившійся. И въ Германіи, имѣвшей своихъ Гриммовъ и ихъ сверстниковъ первыхъ профессоровъ германской науки (Лахмана, въ Берлинѣ, Уланда въ Тюбингенѣ), до сихъ поръ еще нѣтъ исторіи литературы, которая удовлетворяла-бы современныхъ намъ ученыхъ. Отечественная литература въ Германіи ждетъ своего Бернарди. Современные намъ профессоры-германисты еще заняты черновою работою и прилагаютъ силы свои преимущественно къ среднимъ вѣкамъ. Представители второго поколѣнія германистовъ, они продолжаютъ дѣло своихъ учителей, издавая и изслѣдуя древнюю отечественную поэзію, и никто изъ нихъ не принимался за исторію литературы. Здѣсь припоминаю слова покойнаго Шлейхера, сказанныя мнѣ въ Іенѣ, въ 1868 году: «у насъ, въ Германіи, много книгъ по исторіи литературы, но ихъ не писали знатоки дѣла. Они же еще не читали на каѳедрахъ исторіи литературы». Профессоръ Цахеръ въ Галле называлъ мнѣ науку свою (онъ германистъ) юною и объ исторіи отечественной литературы говорилъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Шлейхеръ.

Но книги по исторіи литературы, не всегда писанныя строгими учеными, интересны и пользуются большимъ уваженіемъ со стороны первоклассныхъ знатоковъ дѣла. Труды по исторіи литературы возбуждаютъ интересъ къ филологическимъ трудамъ, служатъ связью между ними и образованными читателями. Ученому они полезны какъ справочныя книги и какъ результатъ того, что сдѣлалъ онъ самъ и его товарищи по наукѣ, кромѣ того они указываютъ ему на недодѣланное. Такими книгами установляется система и порядокъ въ выборѣ филологическихъ темъ. Почему же и намъ рядомъ съ филологическими трудами не желать и историко-литературныхъ. Доселѣ пользуемся мы преимущественно книгою г. Галахова, распространенною по среднимъ учебнымъ заведеніямъ и пока еще незамѣнимою.

«Исторія русской словесности древней и новой» имѣетъ видное мѣсто въ литературѣ нашего предмета. Задачею автора было воспользоваться наличнымъ матеріаломъ историко-литературныхъ изслѣдованій, какъ говоритъ онъ самъ, въ предисловіи своемъ, и внести въ свою книгу результаты этихъ

изслѣдованій, чтобы она не представляла пробѣловъ по самымъ виднымъ и существеннымъ статьямъ науки. Авторъ книги отличается необыкновенною добросовѣстностью, а между тѣмъ первая часть ея и въ особенности первая половина этой части представляетъ пробѣлы. Сверхъ того многія страницы поражаютъ сухостью, отсутствіемъ историческихъ красокъ, безъ которыхъ, какъ сознаетъ и самъ г. Галаховъ, исторія литературы невозможна. Остановлюсь нѣсколько на разборѣ книги г. Галахова, для того, чтобы опредѣлить состояніе литературы моего предмета и доказать важность ученыхъ трудовъ по исторіи нашей словесности. Разсказывая о памятникахъ, перечисляя ихъ, авторъ остается чуждымъ древней Руси и далеко не исчерпываетъ и рѣдкія сокровища нашей древней письменности. Посвятивъ нѣсколько сухихъ страницъ живой эпохѣ XII в., авторъ не останавливается на такихъ любопытныхъ и прекрасныхъ произведеніяхъ, какъ оба житія Бориса и Глѣба. Въ этихъ повѣствованіяхъ впервые противупоставленъ христіанскій идеалъ князя языческому мрачному образу (Борисъ и Святополкъ). Сравненіе этихъ двухъ памятниковъ важно и съ эстетической точки зрѣнія, какъ характеристика нашего древняго творчества. Не отмѣтить—хотя бы и краткимъ образомъ этихъ двухъ памятниковъ нельзя было и потому, что они имѣли вліяніе на послѣдующія поколѣнія и перешли и въ народные стихи. Еще строже приговоръ можно произнести тѣмъ строкамъ, гдѣ говорится о лѣтописяхъ. Лѣтописи наши, этотъ сводъ живыхъ, разнообразныхъ разсказовъ, не воодушевили г. Галахова, нисколько не обрисовавшаго ихъ съ литературной стороны. Даже слово о Полку Игоревѣ передано авторомъ съ замѣчательною схоластическою сухостью. Оно не поставлено въ тѣсную связь съ историческими событіями. Тусклый, нѣсколько бѣглый пересказъ его содержанія не увлекаетъ читателя эстетическими красотами этого прекраснаго произведенія, равно и не даетъ яснаго представленія о поэмѣ великой внутренней войны. Историческія сказанія какъ напр. повѣсть объ убіеніи Михаила, повѣсть объ Александрѣ Невскомъ не заслужили разбора—хотя бы краткаго въ книгѣ г. Галахова: тогда какъ первая отразила въ себѣ нашу нравственную независимость отъ татаръ, во второй въ послѣдній

разъ воспѣто княжеское богатырство и впервые высказано сознаніе единства отдѣльныхъ русскихъ земель, подъ стягомъ князя ополчившихся на нѣмцевъ. О Задонщинѣ, сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ—имѣемъ краткіе, едва-ли достаточные и для учебника, отзывы. Религіозныя произвольныя представленія, дополнявшія и распространявшія библейскую и евангельскую исторію, съ самыхъ древнихъ временъ перешли въ нашу письменность и воспитали нашу религіозную поэзію подобно тому, какъ воспитали онѣ и на западѣ драматическое творчество и искусство. Наши апокрифы были однако строже, возвышеннѣе западныхъ, почему и имѣли не такое вулгарное значеніе. Г. Галаховъ долго умалчиваетъ обо всемъ этомъ и только въ концѣ XIV вѣка говоритъ объ апокрифахъ свое первое слово, между тѣмъ какъ они уже входятъ и въ Повѣсть Временныхъ лѣтъ и составляютъ особенность нѣкоторыхъ поэтическихъ проповѣдей Кирилла Туровскаго. Сбивчивъ и труденъ для неопытнаго и самый порядокъ статей: такъ напримѣръ разорванъ разсказъ о Геннадіи о Іосифлянахъ, чѣмъ нарушается и самая историко-литературная послѣдовательность (стр. 98 и 135). Послѣ обзора кіевскаго періода, послѣ славяно-греко-латинской академіи и братьевъ Лихудовъ, читатель снова возвращается къ старой византійской эпохѣ, чтобы потомъ опять перейти къ періоду кіевской схоластики. Этотъ XVI-й вѣкъ, помѣщенный между 123 и 142 статьею, есть большая ошибка въ книгѣ, предназначенной для новичковъ въ наукѣ, очевидно—авторъ падаетъ подъ тяжестью непосильной работы и старается какъ бы не пропустить чего-либо. Г. Галаховъ желалъ только представить результаты чужихъ изслѣдованій, но ихъ порою не имѣлось на-лицо, а нѣкоторыя, какъ напримѣръ изслѣдованія Шевырева, Максимовича, отброшены Галаховымъ, какъ вышедшія изъ моды. Чтобы хорошо свести въ одно результаты, добытые трудами другихъ, г. Галахову надо было самому ознакомиться съ памятниками нашей древней письменности, надо было пережить, перечувствовать ихъ. А что онъ на это способенъ—доказываетъ вторая половина его книги, новый періодъ русской словесности, которымъ онъ самостоятельно занимался. Читателю легко и отрадно

остановиться на вѣкѣ Екатерины, живо и интересно изображенномъ въ литературномъ отношеніи.

Потребность въ спеціальныхъ курсахъ велика и польза ихъ очевидна, но, мнѣ кажется, что эти послѣдніе нисколько не исключаютъ интереса и пользы общихъ курсовъ, которыхъ ждутъ университеты. Здѣсь я подѣлюсь свѣдѣніями о преподаваніи исторіи отечественной литературы въ германскихъ университетахъ. Строго говоря, каѳедры исторіи отечественной литературы еще нѣтъ въ Германіи. Самый же предметъ раздѣленъ между профессорами философіи и профессорами германскихъ нарѣчій. Эстетики читаютъ исторію отечественной литературы для не-филологовъ. Теологъ, юристъ, медикъ, техникъ, математикъ—каждый, получающій высшее образованіе юноша, отдыхаетъ въ свободные часы, по 2 раза въ недѣлю, въ аудиторіи профессора отечественной литературы, которая есть общее достояніе людей образованныхъ. Отъ знанія литературы не хотятъ отказаться тѣ люди, которымъ другія занятія не позволяютъ самостоятельно заниматься ею. Такъ по вечерамъ сходятся въ аудиторіи профессора отечественной литературы тѣ молодые люди, которые еще отроками съумѣли полюбить отечественную словесность, когда въ ober-secunda или unter-prima, среди глубокаго молчанія товарищей, каждому изъ нихъ приходилось читать Vortrag—свое робкое произведеніе о Шиллеровомъ Теллѣ, или о любимыхъ съ дѣтства балладахъ Уланда. И вотъ почему механикъ, химикъ, инженеръ политехнической школы посѣщаетъ по вечерамъ лекціи по исторіи отечественной литературы, гдѣ знакомится съ біографіей писателей и лучшими образцами ихъ произведеній. Передъ нимъ быстро проходитъ рядъ напыщенныхъ лавровѣнчанныхъ поэтовъ; за ними Готшедъ, Бодмеръ, Клопштокъ заставляютъ его переживать Sturm-und-drang-Periode, освобожденіе отъ французскаго классическаго вліянія и сближеніе съ здоровою англійскою литературою. Гердеръ, Лессингъ, Виландъ, Гете, Шиллеръ проходятъ передъ слушателями съ кружкомъ философовъ, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на литературу своего времени. Вспоминаются знакомыя съ дѣтства произведенія, и теперь онѣ получаютъ болѣе глубокій смыслъ и иное, чѣмъ, прежде, значеніе. Но вотъ за «Олимпійцами»

выступаютъ на сцену литераторы, подъ чьимъ перомъ проснулись средне-вѣковые идеалы, ожила отечественная древность, возродилось теплое чувство томительной, меланхолической любви съ одной стороны, а съ другой трезвое чувство свободы и любви къ народу. Профессоръ говоритъ объ Іоахимѣ фонъ-Арнимѣ, тепломъ, задушевномъ романистѣ, о Брентано съ его любовью къ народу, о Вакенродерѣ, для котораго Кельнскій соборъ, какъ произведеніе искусства, былъ тѣмъ, чѣмъ для Винкельмана Лоокоонъ; говоритъ объ Уландѣ, Шамиссо, Ленау и о многихъ другихъ...

Но здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, возможно-ли у насъ подобное чтеніе по отечественной литературѣ и было-ли бы оно настолько же интересно и образовательно, какъ чтеніе по отечественной литературѣ въ Германіи? Мнѣ, хотя и пристрастному въ этомъ дѣлѣ, слѣдуетъ сказать правду. Конечно, и числомъ, и достоинствомъ произведеній наша новая литература уступаетъ нѣмецкой, но тѣмъ не менѣе въ ней отразилась сполна наша образованность, запечатлѣлось все прожитое нами, перечувствованное, передуманное. И въ ней, въ литературѣ нашей, много есть драгоцѣннаго, забытаго, пренебреженнаго современнымъ обществомъ. Въ своемъ сочиненіи о Фонвизинѣ нашъ маститый литераторъ кн. Вяземскій замѣтилъ когда-то слѣдующее: «Русское общество не воспитано на чтеніи отечественныхъ книгъ. У насъ нѣтъ любви къ отечественной литературѣ». И теперь тоже, что и тогда, что и въ 30-хъ годахъ, когда высказалъ К. Вяземскій свою вѣрную мысль. Кто напримѣръ изъ насъ знаетъ Дмитріева поэта недавно умершаго, котораго прекрасныя стихотворенія печатались въ Москвитянинѣ? Будь онъ въ Германіи, онъ пользовался бы извѣстностью подъ именемъ Дмитріева младшаго, въ отличіе отъ Ивана Ивановича Дмитріева. Батюшковъ нашъ, какъ современникъ романтикамъ и самъ неромантикъ, задушевный, полный жизни и силы Батюшковъ, по странному совпаденію, весьма напоминаетъ нѣмецкаго поэта Гелдерлинга; та же любовь къ родинѣ Торквато и тотъ-же несчастный конецъ. О Гелдерлингѣ профессоромъ Фишеромъ въ Штутгартѣ былъ прочтенъ, въ мою бытность въ этомъ городѣ, цѣлый рядъ лекцій—въ политехнической высшей школѣ. А у насъ кто

когда читалъ о Батюшковѣ [1])? Но это только частные примѣры, и мнѣ кажется неумѣстнымъ говорить здѣсь объ извѣстныхъ всѣмъ крупныхъ явленіяхъ нашей изящной словесности отъ Екатерины II до нашего времени, еще не подвергнутыхъ суду исторіи литературы. Забвеніе или пренебреженіе къ новой отечественной литературѣ быть можетъ произошло отъ того долгаго гнета, который лежалъ на печати Мы издавали лучшихъ авторовъ съ пропусками, не дерзали приводить собственныхъ именъ, и это стѣсненіе было до такой степени крайне, что теперь трудно этому повѣрить. Въ настоящее время матеріалы за матеріалами, находившіеся подъ запретомъ, забытые, погребенные въ архивахъ, недоступные изслѣдователю— выходятъ на свѣтъ Божій. Настаетъ новая пора науки, новая эпоха знанія и быть можетъ дождемся мы и историко-литературныхъ трудовъ, которые одни могутъ создать изъ матеріаловъ что-нибудь стройное.

Проводя дальнѣйшую паралель между состояніемъ науки въ Россіи и въ Германіи, мы должны опять возвратится къ курсамъ исторіи литературы и въ университетахъ этой послѣдней страны. Ученымъ образомъ, хотя и элементарно, въ видѣ подготовленія къ спеціальнымъ работамъ по германской наукѣ, курсы по исторіи литературы читаются въ Германіи нѣкоторыми профессорами германскихъ нарѣчій. Предметъ такихъ курсовъ—преимущественно средне-вѣковая литература, а цѣль— ознакомить слушателей съ литературными явленіями, возбудить въ нихъ интересъ къ спеціальнымъ, филологическимъ работамъ [2]). Спеціальный курсъ ведется тѣмъ же профессоромъ и имѣетъ своимъ предметомъ по большей части разборъ средневѣковой эпопеи или одной части ея (Nibelungenlied, Gudrun, Dietrich's sage, Beowulf) съ коментаріями бытовыми, миѳологическими, лингвистическими, метрическими. Словомъ, методъ и пріемы тѣже, что у лучшихъ филологовъ-классиковъ. На каѳедрѣ германскихъ нарѣчій сосредоточивается отечественная

---

1) Тогда, въ 1870 году, еще не было и слуху объ ученомъ изданіи Батюшкова и Леонида Николаевича Майкова.

2) Подобный общій обзоръ литературы ежегодно читаетъ проф. Царнке въ Лейпцигѣ. Другіе профессоры читаютъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Шлейхеръ, профессоръ сравнительнаго языкознанія, бралъ на себя обязанность читать общій курсъ отечественной литературы.

наука въ широкомъ объемѣ: палеографія, библіографія, исторія литературы, археологія и разумѣется главнымъ образомъ языковѣдѣніе (althochdeutsch, mittelhochdeutsch, alt sächsisch, gotthisch и древнія нарѣчія бургундское, алеманское, фризское). Такъ какъ подобный трудъ не подъ силу одному человѣку, то предметъ обыкновенно раздѣленъ между двумя преподавателями.

Сколько я могъ замѣтить профессоры германскихъ нарѣчій принадлежатъ двумъ школамъ: одни изъ нихъ лингвисты, другіе историки литературы. Такимъ образомъ, каѳедра германскихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ у насъ цѣлымъ двумъ каѳедрамъ: каѳедрѣ русской словесности и каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій. У насъ каждая изъ этихъ каѳедръ соединяетъ въ себѣ и языковѣдѣніе и исторію литературы. Раціональнѣе бы было профессору славянскихъ нарѣчій разработывать и русскій языкъ, а профессору исторіи литературы не ограничиваться одною русскою. При такомъ положеніи дѣла, ожила-бы наука русскаго языка, почти изгнанная изъ нашихъ университетовъ.—Отъ преподаванія перейдемъ опять къ внутреннему содержанію, какъ то мы сдѣлали выше, когда рѣчь наша коснулась литературы новаго времени.

Литература древне-русская рѣзко отличается отъ средневѣковой нѣмецкой литературы, составляющей предметъ разработки со стороны профессоровъ германскихъ нарѣчій. Западно-европейская литература изобилуетъ памятниками народной поэзіи, обработанной древними странствующими пѣвцами. Памятники сохранились въ современныхъ обработкѣ ихъ рукописяхъ. Германія первая стала дорожить этими рукописями и еще въ прошломъ вѣкѣ стала издавать ихъ съ ученою цѣлью (Бодмеръ, Мюллеръ), а въ нынѣшнемъ столѣтіи, со временъ Вильгельма Гримма и Лахмана началась и самая научная разработка ихъ. Имѣя въ рукахъ своихъ древнее произведеніе народнаго творчества, записанное въ XII и XIII вѣкѣ, ученый стоитъ лицомъ къ лицу передъ памятникомъ и имѣетъ полную возможность отличить искусственность передѣлки отъ первоначальнаго пересказа, подмѣтить дѣло переписчика и распознать пріемы составителя данной поэмы. На все на это у него есть множество данныхъ въ языкѣ и видоизмѣнявшемся стихотворномъ размѣрѣ. Наблюденія надъ размѣромъ привели къ по-

знанію періодовъ его развитія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ точному опредѣленію времени появленія тѣхъ или другихъ стиховъ. Но судьбы нашей народной поэзіи не таковы. Въ княжескія времена и у насъ пѣлись историческія пѣсни и народные мотивы подверглись передѣлкѣ со стороны княжескихъ, дружинныхъ пѣвцовъ. Но не дошла до насъ эта поэзія въ современныхъ творчеству спискахъ. О существованіи ея мы догадываемся, вчитываясь въ поэтическія страницы лѣтописей и въ случайно уцѣлѣвшее Слово о полку Игоревѣ.

Скудные остатки дружинной поэзіи въ лѣтописяхъ и еще живущія въ народѣ пѣсни—вотъ все, что имѣемъ какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы. Но за то въ глуши, на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ народъ роворитъ чистымъ, прекраснымъ русскимъ языкомъ, сохранилась народная устная поэзія. Мы помнимъ то впечатлѣніе, какое произвелъ 1-й т. сборника Рыбникова. Для маловѣрныхъ не лишнимъ считаю сказать, что здѣсь, въ этой залѣ, находятся двое, наслаждавшихся языкомъ нашей вѣковой поэзіи изъ устъ Кузьмы Романова, одного изъ тѣхъ сказителей, которые пропѣли свои былины г. Рыбникову, на берегу Онежскаго озера.

Наши народныя былины обратили на себя серьезное вниманіе и германскихъ ученыхъ, которые дали имъ почетное мѣсто въ ряду индо-европейскихъ народно-эпическихъ цикловъ поэзіи*). Но нѣкоторые изъ германистовъ никакъ не могли примирится съ тѣмъ, что былины русскія не находятся въ древнихъ рукописяхъ нашихъ. Съищите, говорили они и мнѣ, древній списокъ былинъ, посреди вашихъ рукописныхъ сокровищъ—и вы тогда опредѣлите древность и значеніе вашей устной редакціи. Но намъ хорошо извѣстно, что былина русская не была занесена въ рукописи и на историческую пѣснь не нападешь, сколько ни перебирай пергаминныхъ и не пергаминныхъ сборниковъ. Гдѣ же искать намъ слѣдовъ

*) 1-й т. сборника Рыбникова былъ сплошь покрытъ замѣтками Якоба Гримма (прим. О. Ѳ. Миллера къ IV т. сборн. Рыбникова). Ученикъ основателя науки сравнительнаго языкознанія. Раска, Тюбингенскій профессоръ Раппъ, владѣющій русскимъ языкомъ, перевелъ сполна всего Киршу Данилова на нѣмецкій языкъ размѣромъ подлинника. Шлейхеръ,—этотъ страстный поклонникъ Гоголя,—высоко ставилъ наши народныя пѣсни.

нашего Ильи Муромца—и отчего не удостоился онъ письменной поэтической обработки? Какъ отвѣчать на это...

На дняхъ посѣтилъ я колыбель нашей грамотности, литературы науки, откуда первыя церкви русскія снабдились книгами, гдѣ подготовились просвѣтители береговъ Оки и Волги, гдѣ воспитались первые русскіе іерархи, составители житій и проповѣдники, гдѣ возникла русская историческая литература. Тамъ, въ 9-вѣковомъ подземельѣ, среди именъ затворниковъ, повторяется имя Ильи Муромца—и тамъ получаемъ отвѣтъ о судьбахъ русской литературы: она была монашеская. Типъ русскаго богатыря предсталъ предъ нами въ письменности, но роль его тогда измѣнилась: онъ сталъ подвижникомъ и дружина его назвалась братіею. Постриженіе богатыря въ иноки отразилось въ народной поэзіи:

А узнали цари невѣрные,
Что въ Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри.—
Обступила сила чорная стольный Кіевъ градъ.

Богатырь новаго времени получаетъ силу на подвиги только тогда, когда его благословитъ на это богатырь-инокъ. Подчиненіе всего внутренняго строя жизни высшимъ духовнымъ цѣлямъ уже совершилось въ то время, когда письменность настолько развивалась, что могла-бы сойтись съ народнымъ эпическимъ творчествомъ. Но встрѣча была поздняя, и народная языческая поэзія уже не могла получить права на литературную обработку.

Но не одна поэзія составляетъ предметъ литературы, особенно же въ средніе вѣка, когда письменность была слабѣе, чѣмъ въ новое время. Исторія литературы есть исторія внутренней жизни народа: она опредѣляетъ его идеалы, вѣрованья, степень образованности. Смотря на исторію нашей литературы съ такой точки зрѣнія можно найдти и въ нашей, относительно скудной письменности, богатый матеріалъ для изслѣдованія. Богатые византійскимъ просвѣщеніемъ и отставшіе отъ западной Европы—мы съ начала XVI-го вѣка начинаемъ близится къ ней. Мы не чужды ея медицинскимъ, астрологическимъ понятіямъ и въ естествовѣдѣніи идемъ съ нею рука объ руку.

Въ XVI вѣкѣ мы усердно переводимъ съ латинскаго и можетъ быть съ нѣмецкаго. Такъ напримѣръ у насъ тогда появился переводъ Герберштейна. Но что еще замѣчательнѣе: мы имѣемъ въ XVI столѣтіи въ нѣсколькихъ спискахъ разсказы объ открытіи Америки, о поѣздкахъ Колумба и Америка Веспуція.

Главнымъ же украшеніемъ нашей древней литературы остаются лѣтописи. Отечественной письменности обязаны мы свѣдѣніями о первыхъ временахъ Руси, тогда какъ на западѣ Европы только въ XIII-мъ столѣтіи латинскія хроники и аналы уступаютъ мѣсто исторической литературѣ—на языкѣ отечественномъ. Въ этомъ слава наша, за это хвала просвѣтителямъ славянскихъ народовъ.

О просвѣтительной дѣятельности Екатерины II *).

Мм. Гг.

Сегодня открывается рядъ лекцій. Животрепещущіе вопросы по разнымъ отраслямъ науки будутъ темами этихъ чтеній; цѣль же ихъ посильнаго сбора извѣстна каждому. Такимъ образомъ Университетъ (и не въ первые) является въ лицѣ своихъ дѣятелей посредникомъ между дѣломъ народной благотворительности и обществомъ. Рядъ такихъ чтеній сверхъ того даетъ возможность установить живое общеніе съ публикою. И вотъ начало такого добраго и возвышающаго духовные интересы Кіева дѣла совпало со днемъ знаменательнымъ.

Сегодня въ 2 часа пополудни въ сѣверной столицѣ открытъ памятникъ Екатеринѣ Великой.

Величавая, съ свѣтлымъ и спокойнымъ выраженіемъ лица Матушка царица, какъ звалъ ее народъ, окружена своими сотрудниками, фигуры и имена которыхъ — живая лѣтопись ея царствованія: побѣдъ на сушѣ и на морѣ, упрочившихъ положеніе Россіи,— администраціи, иногда ошибочной, но живой, просвѣтительной, стремившейся прежде всего ко благу человѣчества, — просвѣщенія, общественной благотворительности, патріотической пламенной поэзіи и поучительной образовательной литературы. Вотъ эти славныя имена: Румянцовъ, Суворовъ, Орловъ-Чесменскій, Чичаговъ, Потемкинъ, Безбородко, Бецкій, Державинъ, Дашкова.

Нашему времени по праву принадлежитъ оцѣнка Екатерины и ея сотрудниковъ. Насъ отдѣляетъ отъ нея эпоха, наложившая печать на источники исторіи вѣка, оковы на пе-

*) Читано въ торжественномъ залѣ университета Св. Владиміра 24-го Ноября 1875 г., вечеромъ.

чать, выпускавшую въ свѣтъ даже стихи Державина обрѣзанными.

Семьдесять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ Александра I-го, обѣщавшаго править по сердцу и завѣту бабки своей, Карамзинъ, представитель новой эпохи, написалъ Похвальное Слово Екатеринѣ Великой. Въ Словѣ этомъ онъ отчетливо опредѣлилъ ея заслуги въ войнѣ и мирѣ и горячо прочувствовалъ ихъ. Чувствительный конецъ его произведенія: загробный голосъ Екатерины и всѣ патетическія, не во вкусѣ нашего времени мѣста нисколько не портятъ полновѣснаго впечатлѣнія, какое производитъ обдуманное и художественное Слово. «Сограждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуетъ за ней на сихъ трехъ путяхъ славы».

Раздѣливъ такимъ образомъ слово на три части, Карамзинъ центромъ ихъ дѣлаетъ вторую часть. Тема ея: слава героини затмѣвается славою образовательницы государства. На первомъ планѣ ея гумманность: она въ подданномъ уважала санъ человѣка, приступила къ искорененію лихоимства словомъ истины и правосудія. Карамзинъ упоминаетъ объ указахъ сенату, о наставленіи губернаторамъ, не хочетъ останавливаться на бесчисленныхъ распоряженіяхъ, опредѣлившихъ ясно всѣ должности въ государствѣ и осмысլившихъ ихъ духомъ чести и благородства, а подготовляетъ слушателей къ великому ея дѣлу: составленію уложенія. «Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствѣ Россіи».

Распространившись о Наказѣ, Карамзинъ переходитъ къ заботамъ Екатерины о народномъ здоровьѣ, о торговлѣ и объ образованности купцовъ и наконецъ о томъ, какія доблести и какія обязанности предписывала она дворянству. Учрежденіе о губерніяхъ, среднее сословіе, городовое положеніе; сиротскій домъ, воспитательный домъ, Воскресенское училище для дѣвицъ, занимаютъ третью часть слова. Тутъ же упоминается улучшеніе кадетскаго корпуса, учрежденіе другихъ заведеній, процвѣтаніе Московскаго университета, ученыя путешествія

академиковъ и проч. Въ самой Екатеринѣ Карамзинъ дивится проницательности и знанію Россіи, знанію мѣры своихъ благодѣяній и намекаетъ на непрактичность нововведеній Іосифа II-го, уже отмѣненныхъ его преемникомъ; дивится твердости ея въ политическихъ дѣлахъ, когда она во дворцѣ своемъ исчисляла выстрѣлы кораблей шведскихъ, въ то время какъ Англія и Пруссія вооружались, а арміи наши находились за отдаленными предѣлами отечества.

Карамзинъ останавливается на непостижимой дѣятельности Императрицы, которая для всего находила время: для государственныхъ дѣлъ, для ученыхъ трудовъ, для обширнѣйшей (прибавимъ къ этому) переписки. Духъ порядка достигъ въ ней идеальнаго осуществленія. Вотъ главныя существенныя черты Похвальнаго Слова, законченнаго клятвою, что память Екатерины будетъ благословляться въ Россіи.

Но слово это замерло, и замыслы Екатерины почили на долго. Въ началѣ XIX вѣка не до воспоминаній было людямъ горячаго прогресса, и ломки. Слишкомъ близко стоявшіе къ прошлому, они видѣли одни его недостатки. Такова судьба преемниковъ. По близорукости мы видимъ недостатки нашихъ предшественниковъ и не въ силахъ, въ пылу начинающейся собственной дѣятельности, опираться на то доброе, что досталось намъ въ наслѣдство. Сверхъ того духъ французскаго образованія внесъ въ русское общество ту односторонность, которую преслѣдовала Екатерина въ неумѣренныхъ преемникахъ Вольтера, отчасти и въ самомъ Вольтерѣ. И не мудрено, что отъ вѣка Екатерины невѣжественные Фамусовы сохранили свое своеобразное воспоминаніе и облетѣвшіе Европу, но незнавшіе отечества и его свѣтлаго прошлаго, Чацкіе поминали славную эпоху не добрымъ словомъ:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ не жалѣя.

Конечно въ словахъ этихъ есть правда; особаго рода общественные недостатки развились при Екатеринѣ въ силу обстоятельствъ, и она сама уступала этой стихійной силѣ, не

смотря на высоту ума, подобно тому, какъ уступалъ годамъ ея организмъ, долго державшійся свѣжимъ и бодрымъ.

И такъ слово Карамзина замерло. Внукъ не вполнѣ царствовалъ по сердцу бабки. Между имъ и ею можно бы было провести параллель противоположностей: она была тверда, онъ всегда колебался. Она избирала по достоинству людей, терпѣла ихъ, считая полезными, и не отнимала у нихъ довѣрія своего; онъ увлекался людьми по личному чувству, любилъ ихъ и не довѣрялъ лучшимъ. Она вмѣняла себѣ въ славу жить для пользы русскаго народа, онъ тяготился властію. Но эта параллель отвлекла бы насъ въ сторону.

Много лѣтъ спустя, когда созрѣлъ Пушкинъ—онъ какъ бы чутьемъ изъ разсказовъ стариковъ съумѣлъ разгадать тотъ великій образъ, который виднѣлся ему въ стихахъ Державина, какъ будто въ чащѣ Царскосельскихъ рощъ—и поэтъ создалъ въ своей «Капитанской дочкѣ» какъ нельзя болѣе вѣрный дѣйствительности, привлекательный образъ—гуманный и величавый, пылкій и безпристрастный, исполненный достоинства и простоты, смягченный очаровательной женственностью при сильномъ характерѣ.

Въ сороковыхъ годахъ горячо забилось сердце Бѣлинскаго, когда онъ, обозрѣвая литературу русскую, коснулся Державина и вѣка Екатерины. Его воспріимчивая природа откликнулась на ту живую патріотическую поэзію, которою прославился пѣвецъ Фелицы и Оды на взятіе Измаила. Но и Бѣлинскаго скоро забыли и долго не могли издавать его сочиненія, затерявшіяся въ грудѣ томовъ ежемѣсячнаго изданія.

И только нашему времени, преимущественно послѣднему десятилѣтію, довелось разбудить славное прошедшее. Матеріалы Екатерининскаго времени стали то и дѣло появляться на свѣтъ Божій, и съ ними появилась ученая оцѣнка, провѣрка, поясненіе. Передъ нами теперь множество записокъ, мемуаровъ, переводы иностранныхъ современниковъ Екатерины; біографіи, автобіографіи; дѣла судебныя, административная переписка; проекты, письма разнаго рода, дающія фотографію времени. Ея собственноручные указы, наказы, инструкціи, замѣтки, наброски мыслей, сочиненій. И изо всего этаго выдѣляется личность царицы въ блескѣ ума и мягкости души—увлекательный

образъ женщины на тронѣ, какого другаго не знаетъ исторія.

Изъ всѣхъ изданій, обогатившихъ русскую историческую науку, назову самыя замѣчательныя. Академія наукъ издала сочиненія Державина въ 7 большихъ *) in-4° томахъ—трудъ академика Грота. Это изящное изданіе съ портретами, рисованными съ Лампи, Тончи, Левицкаго, Боровиковскаго, съ виньетками, рисованными другомъ и свояком Державина Львовымъ — съ подробными поясненіями академика Я. К. Грота— есть своего рода живая, образная хроника эпохи.

Второе Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи обратило вниманіе на хранившіяся, какъ государственная тайна, дѣла Коммисіи депутатовъ, созванныхъ Екатериною въ 1767 г. со всѣхъ концевъ Россіи. Два объемистыхъ тома передъ нами и два новыхъ уже готовы къ изданію. Изъ предисловія ученаго издателя **) мы узнали, что депутаты безъ различія сословій сидѣли всѣ рядомъ по старшинству лѣтъ: сановники между купцами и хлѣбопашцами, что никто не надѣвалъ знаковъ отличія, а всѣ безъ различія и исключенія украшены были особо установленною медалью. Мы узнаемъ, что имъ была дана такая твердая охрана правъ ихъ, что они безъ всякой опасности для себя могли говорить свободно. Мнѣнія ихъ составляютъ пока неистощимый матеріалъ для нашихъ ученыхъ юристовъ. Самое изданіе этого труда принадлежитъ открывшемуся въ С.-Петербургѣ въ 1867 году Историческому Обществу, сборники котораго и сверхъ того богаты матеріалами о Екатеринѣ.

Знаменательно, мм. гг. и то, что инціатива этого Общества равно какъ и предсѣдательство въ немъ принадлежитъ Государю Наслѣднику. Съ горячностью молодаго человѣка вникаетъ онъ въ труды Общества, которое собирается въ Аничковскомъ дворцѣ и симпатія Цесаревича къ Екатеринѣ сказывается въ отысканіи и обнародованіи многихъ интересныхъ документовъ. По предначертанію Цесаревича академикъ Пекарскій издалъ первый томъ собственныхъ бумагъ Екатерины, хранившихся въ государственномъ архивѣ подъ печатью.

Дневникъ Храповицкаго, секретаря Императрицы, былъ

*) Это относится къ 1875 году. Послѣ того вышли въ свѣтъ томы VIII и IX.
**) Д. В. Полѣнова.

также изданъ въ Москвѣ въ недавнее время, но съ большими неточностями. Но теперь найденъ его подлинникъ, и онъ изданъ вновь знатокомъ дѣла *). Эти драгоцѣнныя записки, веденныя изо дня въ день, рисуютъ Императрицу въ ея домашней жизни. Мы слышимъ ея самыя искреннія слова, сказанныя невзначай и тѣмъ болѣе очаровываетъ она насъ.

Переводы замѣтокъ Сегюра, принца de Ligne, записки Энгельгардта; книга объ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ и многое другое появилось въ послѣднее десятилѣтіе.

Едва-ли не одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ принадлежитъ Русскому Архиву, обогатившему насъ массой драгоцѣнныхъ данныхъ, которыя вызваны теперь изъ частныхъ рукъ, изъ семейныхъ архивовъ, и по большей части провѣрены и пояснены ученымъ редакторомъ. По тому же пути идетъ и Русская Старина.

При такомъ обиліи матеріаловъ возможно появленіе капитальныхъ сочиненій и мы вправѣ многаго ждать отъ XXV и слѣдующихъ томовъ исторіи Россіи С. М. Соловьева.

Какого бы вопроса изъ наиболѣе крупныхъ, прославившихъ нашу эпоху, мы не коснулись; будетъ-ли то освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, отмѣна монополіи откупа или даже преобразованіе тюремъ — начало его найдемъ въ замыслахъ Екатерины, ея проектахъ, соображеніяхъ и найдемъ во всей чистотѣ и такъ сказать радикальности принципа. Рядомъ съ правительственными реформами, которымъ мы сочувствуемъ, у насъ возникаютъ общественныя потребности и желанія: онѣ касаются народнаго здоровья, сбереженія лѣсовъ, уничтоженіе которыхъ грозитъ бѣдствіями, устройства народнаго хозяйства, наконецъ путей сообщенія, правильнаго женскаго образованія, устройства народныхъ театровъ. И всѣ эти вопросы были не только затронуты Екатериною, но часто были осуществляемы ея распоряженіями и по меньшей мѣрѣ озабочивали ее.

Наше ограниченное временемъ чтеніе не даетъ возможности подтвердить все это доказательствами, но да будетъ мнѣ до-

*) Дневникъ Храповицкаго, изданный по подлинной его рукописи съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Н. П. Барсуковымъ, вышелъ въ свѣтъ въ 1874 году.

зволено, ради знаменательнаго дня поговорить передъ вами о самой Екатеринѣ и ея просвѣтительной дѣятельности на сколько это возможно.

Преимущественно обратимъ вниманіе на нѣкоторые факты ея самовоспитанія, объясняющаго ея просвѣтительную дѣятельность.

Она училась съ самаго ранняго возраста, и дома въ Германіи, и еще болѣе въ Россіи, когда была великой княгиней, и продолжала учиться до старости.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Россію сюда пріѣхалъ нѣкто графъ Гиленбургъ, шведъ, съ которымъ родители Екатерины были знакомы въ Германіи. «Это былъ очень умный человѣкъ, уже не молодой, пишетъ Екатерина въ своихъ мемуарахъ—мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе, потому что въ Гамбургѣ, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ упрекалъ ее въ этомъ, находя, что я дитя выше своихъ лѣтъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ посѣтилъ насъ и такъ какъ въ Гамбургѣ онъ говорилъ, что у меня философское расположеніе ума, то спрашивалъ, что сталось съ моей философіей въ суетѣ придворной жизни.

Онъ мнѣ совѣтывалъ читать жизнеописаніе знаменитыхъ мужей Плутарха, а также жизнеописаніе Цицерона и сочиненіе Монтескье о причинахъ величія и паденія Римской республики».

Плутархъ, Монтескье, которыми она зачитывалась, переносили ее изъ міра пустоты, волненій, интригъ, семейныхъ непріятностей, въ міръ гражданской доблести и чистыхъ, возвышенныхъ идей. Ея часто страдальческая жизнь, которую она живо изобразила въ своихъ мемуарахъ, выработала въ ней чуткость, наблюдательность и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучила ее находить счастіе въ умственномъ трудѣ. Плутархъ имѣлъ на нее сильное вліяніе.

Вспомнимъ, что этотъ же писатель далъ возможность Шекспиру воскресить въ живыхъ образахъ древній міръ, и его Юлій Цезарь былъ лучшимъ выраженіемъ тѣхъ республиканскихъ прициповъ, которые подъ скипетромъ Елисаветы Англійской готовили будущіе гражданскіе перевороты. «У меня сердце республиканское», писала позднѣе Екатерина въ своихъ замѣткахъ. Плутархъ оставался ея любимою книгою. Въ тяжелые

дни царствованія, какъ напримѣръ во время шведской войны и разлада съ Англіей, когда записываетъ Храповицкій: «Ночь не спали, великое безпокойство», — она читала Плутарха и, передавая книгу секретарю своему, сказала: «Это одно утѣшеніе. Cela me fortifie l'âme».

Мы не знаемъ еще другихъ подробностей о чтеніи Екатерины кромѣ того, что она читала романы и перестала ихъ читать, послѣ перваго знакомства съ сочиненіями Вольтера. Мысли о человѣкѣ, его достоинствѣ, правѣ и угнетеніи этихъ правъ, этихъ достоинствъ, идеи религіозной терпимости и ѣдкіе нападки на лицемѣріе и суровость догматиковъ, на омертвѣлыя формы средне-вѣковыхъ, когда-то живыхъ вѣрованій, мысли о государствѣ, какъ объ обществѣ гражданъ и сатира на чиновничій складъ государственнаго устройства, на итогъ установившихся въ обществѣ узкихъ понятій вмѣстѣ съ новымъ ученіемъ о Богѣ, ученіемъ умозрительнымъ, съ высокими моральными требованіями и съ насмѣшками надъ религіозною практикою—все это предстало передъ Екатериною въ театральныхъ пьесахъ, повѣстяхъ, анекдотахъ, сказкахъ и мелкихъ разсужденіяхъ Вольтера.

Потомъ она стала изучать «Духъ законовъ» Монтескье. Указанія французскихъ писателей заставили ее обратить вниманіе на страну, опередившую всѣ другія страны въ развитіи; Екатерина любила Англію и многому отъ нея поучалась. «Въ продолженіе всей моей жизни я дорожила уваженіемъ англійской націи», писала она швейцарцу Циммерману. Во время разрыва съ этимъ государствомъ и послѣ, когда партія мира восторжествовала въ парламентѣ и она приказала поставить бюстъ Фокса рядомъ съ бюстомъ Демосѳена—она писала тому-же Циммерману: «уваженіе англійской націи всегда мнѣ было дорого и пристрастіе мое къ ней оказалось не напраснымъ». Она стала читать Локка о воспитаніи. — Чтеніе Бэля имѣло также благотворное вліяніе на великую княгиню «Вольтеръ только отнималъ возможность безсознательно слѣдовать усвоеннымъ большинствомъ воззрѣніямъ; Бэль же могъ дать человѣку, предрасположенному къ принятію современныхъ идей, возможность полнаго міросозерцанія.

Немудрено то, что, богато одаренная отъ природы, Ека-

терина читала и работала надъ книгою въ лихорадочную литературную пору, когда всѣ философствовали, но изумительна ея способность усвоивать добрыя начала. Теорія о благѣ не сдѣлала ее мечтательницею подобно Іосифу II, не знавшему своей страны и не съумѣвшему познать ее. У Екатерины рано появилось стремленіе узнать и полюбить свое новое отечество. Вольтеръ и другіе писатели расширили кругъ человѣческой семьи: они въ примѣръ и назиданіе старой Европѣ указывали на Азію и Америку. Екатерина внесла Россію въ семью народовъ, предназначенныхъ къ великой исторической роли. Что же изъ русской жизни особенно благотворно повліяло на нее? Прежде всего идеалъ Петра, геніально изображенный Ломоносовымъ въ стихахъ и прозѣ.

Еще до восшествія на престолъ она могла бы доставить Вольтеру матеріалы для предпринятой имъ исторіи Петра, еслибы ей это было возможно — говоритъ она сама позднѣе. Нѣтъ прямыхъ указаній на вліяніе Ломоносова на Екатерину, но за умственную и нравственную связь между ними говорятъ, во-первыхъ, очаровательно пересказанный свидѣтельницею визитъ къ больному Ломоносову, когда она звала его откушать своихъ щей и во-вторыхъ самые его привѣтственные стихи къ ней, какъ къ представительницѣ новыхъ свѣтлыхъ умственныхъ началъ и вмѣстѣ какъ представительницѣ всего русскаго—прямой преемницѣ Петра, спасшей Россію отъ грозившаго новаго ига иноземцевъ, грозившаго въ ту пору, когда Петръ III въ присутствіи всѣхъ палъ на колѣна передъ портретомъ Прусскаго короля и заключилъ съ нимъ постыдный и унизительный для Россіи миръ. Заключеніе этого мира и рѣшило судьбу ея; она стала не во главѣ заговора, а во главѣ русской партіи, какъ это теперь доказано между прочимъ и тѣмъ, что Румянцовъ, стоявшій во главѣ войскъ и не находившійся въ Петербургѣ, по собственному почину присягнулъ ей. И дѣйствительно она издавна уже понимала русскіе интересы и сочувствовала ненависти къ тѣмъ иностранцамъ, которые презирали насъ.

Въ 1755 году отрядъ голштинцевъ прибылъ въ Ораніенбаумъ. Петръ Ѳеодоровичъ не зналъ какъ лучше чествовать ихъ; придворные русскіе негодовали, солдаты не скрывали досады и называя ихъ измѣнниками, изъ послушанія прислуживали

имъ. Узнавши объ этомъ я твердо рѣшилась — говоритъ она въ мемуарахъ—держать себя дальше отъ нихъ—и прибавляетъ, что во время прогулокъ избѣгала приближаться къ этому непопулярному лагерю.

Въ собственноручныхъ бумагахъ Екатерины сохранились драгоцѣнныя записки, указывающія на то, что занимало ея философскій умъ въ концѣ царствованія Елисаветы. Мы видимъ, что благое французское просвѣщеніе приноситъ ей пользу тѣму что, всѣ думы ея обращаются къ Россіи и ея интересамъ. Тутъ мы видимъ осужденіе порядковъ русскихъ: «ничто такъ не ненавистно мнѣ, какъ конфискація имѣній виновнаго, потому что кто можетъ у дѣтей отнимать наслѣдство? Не знаю, но мнѣ кажется, что у меня всю жизнь будетъ отвращеніе къ назначенію чрезвычайной коммиссіи особенно, когда коммиссія должна оставаться негласною». Тутъ мы видимъ живые при насъ осуществляющіеся и осуществившіеся принципы правосудія: преступленіе и производство дѣла должно быть оглашено для того, чтобы общество могло распознать правоту.

«Виданъ ли болѣе варварскій обычай и достойный Турокъ способъ дѣйствовать какъ тотъ, который, заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія». Этотъ многосторонній умъ вглядывается въ бытъ народный: «ступайте въ деревню, спросите у крестьянина, сколько было у него дѣтей и онъ вамъ скажетъ десять, двѣнадцать, иногда двадцать; сколько изъ нихъ живыхъ? онъ отвѣтитъ: одинъ, два, три. Слѣдуетъ искать средствъ противъ такой смертности, совѣтываться съ врачами болѣе философами, чѣмъ обыкновенные и постановить нѣсколько общихъ правилъ, которые мало-по-малу введутъ владѣльцы имѣній, потому что я увѣрена, что недостатокъ ухода за очень маленькими дѣтьми тутъ главная причина зла: они бѣгаютъ нагіе въ рубашкахъ по снѣгу и по льду».

Тутъ же высказана программа отношеній государя къ народу, которая и легла въ послѣдствіи въ основу Наказа. Среди набросанныхъ мыслей о причинахъ дурнаго состоянія фабрикъ въ Москвѣ и разныхъ финансовыхъ соображеній читаемъ: «Желаю и хочу блага странѣ, въ которую меня привелъ Господь. Слава ея сдѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйство-

вать». Тутъ мы находимъ первый проектъ училища для воспитанія женщинъ. Но самыми крупными выдающимися строками намъ кажутся слѣдующія:

«Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными. Одинъ соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ въ Германіи, Франціи и, при осуществленіи такой рѣшительной мѣры, конечно нельзя будетъ заслужить любви здмлевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ», и въ слѣдъ за тѣмъ предлагается способъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ.

Таковы были плоды умственнаго образованія Екатерины. По восшествіи на престолъ она стремится осуществить всѣ эти свѣтлыя начала, но многаго не принимаетъ неподготовленная русская почва.

Дѣйствительность остановила ея увлеченія. Ей предстояла борьба со средою, съ первыми своими помощниками. Предоставивъ права и вольности дворянству, Екатерина сдѣлала шагъ отъ азіатскаго раболѣпнаго порядка вещей къ европейскому болѣе человѣческому, и этотъ классъ помощниковъ и защитниковъ отечества она задумала нравственно и умственно преобразовать, смягчить, направить. Всю жизнь она воспитывала его, а съ нимъ и все русское общество духомъ своихъ распоряженій, прямыми наставленіями, указами, рѣшеніями дѣлъ, доходившихъ до трона, и наконецъ литературою, которую всецѣло направила къ поучительной и философской цѣли.

Но пока шли долгіе годы; еще не скоро образовались въ глуши какой-нибудь Симбирской губерніи кружки братства между дворянами, клявшимися быть защитниками слабыхъ и непреклонными передъ сильными, какъ напримѣръ, кружокъ отца Карамзина, въ которомъ духъ Екатерины благотворно дѣйствовалъ на ребенка, въ послѣдствіи знаменитаго исторіографа и литературнаго реформатора. Общество враждебно принимало нововведенія, и борьба съ обществомъ была за каждый шагъ. Неудивительно, что въ борьбѣ этой она иногда должна была уступать тѣмъ, для блага которыхъ царствовала. Одинъ Наказъ чего стоилъ ей. Вотъ что пишетъ она въ одной отрывочной запискѣ *):

*) Рус. Арх. 1865 г.

«Я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы и счастія Имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго въ особенности. Потомъ я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способности и между прочими князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: ce sont des axiomes à renverser les murailles. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ. Наконецъ заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей Имперіи, дабы лучше спознать каждой округи состояніе. Съѣхались они, я назначила разныхъ персонъ вельми разномыслящихъ дабы выслушать Наказъ... Тутъ при каждой статьѣ явились пренія... Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли». Въ первоначальной редакціи Наказа Екатерина дѣлала выписки изъ Бекаріи о несообразности суда господина надъ рабомъ, но выписки эти не прошли сквозь цензуру судій. Къ мысли объ освобожденіи крестьянъ всѣ отнеслись совершенно враждебно. Мы знаемъ только четыре имени, заявившихъ свое сочувственное отношеніе къ этому вопросу: князь Орловъ, предложившій премію за трудъ объ улучшеніи экономическаго быта, А. И. Бибиковъ, предлагавшій ввести въ Костромской губерніи вольное хлѣбопашество, графъ Шереметевъ, готовый освободить своихъ крестьянъ и наконецъ воспитанный за границей, первый по времени нашъ законовѣдъ Полѣновъ, написавшій разсужденіе объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи.

Но за то Болтинъ, Панинъ, Дашкова и литераторъ Сумароковъ не скрывали своего негодованія на вмѣшательство верховной власти въ отношенія между помѣщиками и крестьянами.

Хотя мнѣнія депутатовъ исполнили свои задачи, помогли «спознать (по выраженію Екатерины) каждой округи состояніе» но все таки они въ общемъ поражаютъ узкостью, грубостью требованій, за весьма рѣдкими, но правда свѣтлыми исключеніями. Депутатъ Баскаковъ требовалъ возстановить пытку.

Мнѣ кажется, что на этомъ сеймѣ, гдѣ выработалось много и добраго—выразилась весьма отчетливо идея равенства всѣхъ русскихъ подданныхъ передъ закономъ. Подобно эстляндцамъ и лифляндцамъ, депутатъ г. Кіева Іосифъ Гудимъ стоитъ за удержаніе въ Кіевѣ Магдебургскаго права, дарованнаго еще польскими королями. На это ему возражаютъ, о необходимости равныхъ для всѣхъ русскихъ узаконеній, потребныхъ для благополучія.

Нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Екатерины обрисовываютъ лучше всего ея правительственную дѣятельность по отношенію къ государственнымъ учрежденіямъ. Вотъ что пишетъ она митрополиту Дмитрію Сѣченову изъ Нижняго Новгорода: «Здѣшній преосвященный кажется человѣкъ слабый — онъ выбираетъ также людей слабыхъ и такихъ, кои мало его слушаютъ и по большей части всѣ простаки. При томъ въ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Здѣсь же (по причинѣ большаго числа раскольниковъ) нужнѣе всего имѣть священство просвѣщенное ученіемъ право-кроткаго и добраго житія, кои бы тихостью, проповѣдью и безпорочностью добронравнаго ученія подкрѣпляли Евангельское слово». Къ князю Вяземскому, генералъ-прокурору Сената,—въ Сенатѣ рѣшалось дѣло о колдунахъ—«Куда какъ бы я любопытна была видѣть нашихъ колдуновъ. Ну какъ статься, чтобы пуская по вѣтру червей за человѣкомъ онъ бы оттого умеръ? И подобнымъ баснямъ въ Сенатѣ вѣрятъ и потому осуждаютъ! Виноваты они въ томъ, что отъ Бога отреклись, а что чорта видѣли, то всклепали на себя. Мое мнѣніе есть, чтобъ сихъ людей привести сюда, чтобы съ ними толковѣе поговорить». (Р. Арх. 1866 г. стр. 69).

«По восшествіи моемъ на престолъ — пишетъ сама она, Сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ Имперіи—оныхъ считали 16 милліоновъ.

«Я посадила князя Вяземскаго и Мельгунова и они сочли 28 мил., 12 мил. больше нежели Сенатъ видѣлъ» — «Всуе будетъ всякое доброе учрежденіе, ежели не падетъ жребій исполненія онаго на людей совершенно способныхъ. На семъ основаніи возвращаю я докладъ Сената о чинахъ, помѣщаемыхъ въ палаты судныя Тверскаго и Смоленскаго намѣстни-

чествъ. Я не могла оный утвердить, потому что не вижу тутъ людей, искусившихся въ дѣлахъ сихъ родовъ». Но какъ противорѣчатъ подобному взгляду письма многихъ знатныхъ людей ея времени: они другъ у друга выпрашиваютъ мѣстъ для родственниковъ и сердоболей своихъ! Изданныя въ послѣднее время ея указы, письма, проекты представляютъ слишкомъ обильный матеріалъ для того, чтобы его обозрѣть хотя и бѣгло, а между тѣмъ я не могу не привести одного письма къ князю Вяземскому, которымъ обрисовывается ея безпристрастіе къ родственникамъ въ укоръ нашимъ сердобольнымъ предкамъ (Р. Арх. 1866 г. стр. 63).

«Писала ко мнѣ моя невѣстка родная, княгиня Ангальтъ Цербтская, прося чтобы помогла Цербтскимъ подданнымъ, кои голодъ терпятъ. Ея коммиссіонеръ прибавилъ, что тысячъ до тридцати великая имъ помочь будетъ. Но я не дамъ, ибо если дамъ, то братецъ мой оныя себѣ возьметъ въ Швейцарію, гдѣ живетъ, а обыватели его земли останутся въ нуждѣ, чему, чаю, не мало онъ и самъ причиною. Но мое мнѣніе есть: приказать отселѣ, а еще лучше изъ остъзейскихъ городовъ купить хлѣба на двадцать или тридцать тысячъ и оной черезъ купца Фридрихса, мимо коммиссіонера, послать въ Гамбургъ, гдѣ по Эльбѣ дойдетъ до цербтскихъ областей, адресовавъ оный къ цербтскому правительству: an der fürstlichen Anhalt Zerbstischen Regierung».

Ставя высоко дворянское сословіе, дорожа имъ и опираясь на него въ дѣлѣ правленія и просвѣщенія, Екатерина умѣла быть неподкупнымъ судьею въ дѣлахъ тяжбъ, если эти дѣла доходили до нея. Одинъ изъ вельможъ женился на своей крѣпостной, родные просили Императрицу разрушить бракъ и увѣряли, что жена незаконная. Гордость ихъ заставляетъ спорить, что холопка имъ не родня—пишетъ Екатерина къ духовнику своему.

Таже справедливость видна въ другомъ, весьма характерно переданнымъ Державинымъ случаѣ, въ то время когда онъ состоялъ при Государынѣ секретаремъ. Генералъ-губернаторъ московскій князь Прозоровскій отказалъ въ пособіи и въ содѣйствіи въ дѣлахъ бѣднымъ благороднымъ дѣвицамъ — онѣ написали по почтѣ Императрицѣ. Дѣвицъ стали притѣснять

чины полиціи. Державина требуютъ къ Государынѣ. Пылая гнѣвомъ, она подаетъ ему письмо: «возьми, я вижу этихъ сиротъ угнетаютъ за то, что онѣ пожаловались генералъ-губернатору»—и велитъ ихъ перевезти въ Петербургъ.

Нельзя не остановиться на ея знаніи Россіи, когда, напримѣръ, она входитъ въ подробности водяного сообщенія и устройства канала между рѣчками Кельтмами для сообщенія Сибири съ Устюжскою провинціею. Тоже видно и въ разсужденіяхъ о монополіяхъ, мѣрахъ противъ голода, который она всегда старалась предупредить, не щадя казенныхъ интересовъ. Такъ напримѣръ она пишетъ графу Брюсу: «Изъ письма вашего усматриваю, что въ Петербургѣ паки поднимаются цѣны на хлѣбъ—и что вы причины приписываете худымъ всходамъ хлѣба. Божиться можно, что вездѣ, гдѣ мы проѣзжали хлѣбы хороши, какъ только желать можно; а въ Петербургѣ хлѣбомъ торгуютъ лишь пять или шесть купцовъ, кои суть изъ плутовъ не послѣдніе, а стараться надлежитъ вводить въ хлѣбный торгъ болѣе купцовъ, чтобы вывести сей торгъ изъ рукъ перекупщиковъ».

Ставъ на твердую почву знанія, Екатерина грудью отстаивала Россію отъ предубѣжденныхъ иностранцевъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ, съ швейцарцемъ Циммерманомъ, съ которымъ сошлась по несочувствію къ нѣмецкому мистицизму, грозившему въ ея глазахъ испортить все дѣло умѣренныхъ философовъ и энциклопедистовъ. Требовала она знанія Россіи отъ тѣхъ, кто хотѣлъ писать о ней и вступила въ бой съ Abbé Chappe d'Auteroche, написавъ опроверженіе его глупой книгѣ. Въ дали прошедшаго она видѣла Русь древнюю, до-Петровскую и въ ней искала идеала.

Академикъ Пекарскій открылъ 6 фоліантовъ ея работъ по русской исторіи. Вотъ нѣкоторые образчики: выпись о преп. Сергіи—съ замѣтнымъ желаніемъ удержать обороты древняго языка. Обширное собраніе актовъ, объясняющихъ отношеніе Новгорода къ Москвѣ до Іоанна III. Пекарскій указываетъ на выписку о великомъ князѣ Дмитріи Донскомъ, изъ которой видно, что Екатерина не чужда была ученыхъ увлеченій. Храповицкій пишетъ; «Показывалъ я Сить въ Ярославской губерніи, она впадаетъ въ Мологу, а Молога въ Волгу. На Сити убитъ

князь Владиміръ Юрьевичъ Рязанскій отъ Татаръ. Думали, что онъ перешелъ Волгу гораздо ниже, чтобъ атаковать Татаръ, но рѣка Сить показываетъ, что Владиміръ бѣжалъ къ Твери. Симъ открытіемъ не очень довольны для сочиняемой исторіи». Съ просвѣтительною цѣлью она брала сюжеты для своихъ драмъ и оперъ. Образы во всѣхъ этихъ драмахъ были туманны— это были просто идеи, высказанныя дѣйствующими лицами. Древняя Русь одѣлась въ одежду французскихъ классиковъ, и творческаго идеала русскаго пошиба тамъ нечего было ждать. Хотя у нея Рюрикъ и Олегъ были проповѣдниками мыслей Локка и Монтескье, подобно Велизарію у Мармонтеля и всѣмъ лицамъ Вольтеровыхъ пьесъ, но и живая народная струя ворвалась въ ея пьесы въ безъискусственныхъ народныхъ пѣсняхъ, вопреки ложно-классическимъ правиламъ. Припомнимъ, что Фридрихъ Великій, хотя народный человѣкъ въ политическомъ смыслѣ, не писалъ иначе какъ по французски и съ презрѣніемъ назвалъ «соромъ» поднесенный ему первый періодъ народныхъ пѣсень о Нибелунгахъ. Учрежденіе департамента для переводовъ и собственные переводы Екатерины и ея приближенныхъ можетъ быть болѣе всего содѣйствовали просвѣщенію и обогатили читателей разнообразными свѣдѣніями.—На дорогѣ въ Казань Екатерина спѣшитъ перевесть Мармонтелева Велизарія, чтобы скорѣе подѣлиться возвышенной моралью съ обществомъ. Она съ удовольствіемъ сближаетъ проповѣдь Тверскаго архіерея съ этой пьесой и посвящаетъ пьесу преосвященному. Латинскіе писатели, прозаики и поэты, англійскіе романисты и французскіе классики отъ Corneille до Bernardin de Saint Pierre, и философы французскіе, какъ перваго значенія, такъ и второстепенные, теперь забытые, были переведены для русскихъ читателей.

Литературное значеніе Екатерины, какъ писателя-художника собственно говоря очень небольшое: ея комедіи не пережили своего времени. Въ нихъ интересна возня съ недостатками своей петербургской и дворянской сферы, съ модничествомъ, ханжествомъ, фанфаронствомъ—и съ непониманіемъ нововведеній. Осмѣянныя личности въ комедіяхъ были иногда нѣсколько вѣрны дѣйствительности, но за то добродѣтельныя были безжизненны и представляли собою безцвѣтныхъ оракуловъ. Муж-

чины добродѣтельные были всегда чиновники средней руки. какихъ желала образовать Екатерина, или доблестные офицеры; женщины, добродѣтельныя или по крайней мѣрѣ оцѣнивающія безобразіе поступковъ дурныхъ, были преимущественно горничныя, видѣвшія изнанку всего того, что дѣлается у господъ. Горничныя эти находятъ понятія о добрѣ въ нравоучительныхъ романахъ. Это конечно говоритъ за вліяніе демократическихъ комедій на наши и за отсутствіе мѣстнаго колорита и правды. Таковы статьи Екатерины какъ автора Былей и Небылицъ, имѣвшія образовательное, но очень кратковременное значеніе. Своими сатирическими сочиненіями она исправляла тѣхъ, кого знала. Но лучше выдержекъ изъ комедій ея слова и поступки, составляющіе неистощимую тему правдивыхъ анекдотовъ — цѣлую эпопею, записанную въ свое время и позднѣе, по преданію ея современниковъ. Въ той запискѣ, которой я коснулся, гдѣ изложена какъ бы программа ея позднѣйшей дѣятельности, сильно и желчно Екатерина говоритъ о лести, которой въ особенности поддаются государи. Посмотримъ, какъ относилась она къ лести. Разъ (мы беремъ это изъ Храповицкаго) ей говоритъ кто-то о любви къ ней народа и указываетъ на толпы передъ окнами дворца (это было во время ея путешествія) «сказали: да и медвѣдя сходятся смотрѣть».

Въ комедіяхъ Екатерины виднѣется то общество, съ которымъ столкнулась ея просвѣтительная дѣятельность: невѣжество, худое воспитаніе, худое обращеніе съ людьми крѣпостными — вотъ его черты. Общество это воспитано было на иныхъ преданіяхъ и обычаяхъ. Такъ говоритъ о недалекомъ прошломъ этого общества Державинъ, противуполагая его общія современности:

Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

При Императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему либо доносу попадали въ тайную канцелярію. То-же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пир

шествахъ не выпивали большаго бокала вина, подносимаго за здравіе государыни.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.

Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ Императорскомъ титулѣ было что-нибудь подскоблено или поправлено. Только со временъ Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую; а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, наказывались плетьми.

Тамъ свадебъ шутовскихъ не правятъ
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клокчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Велико было дѣло общественнаго перевоспитанія, совершеннаго Екатериной; дѣлу воспитанія въ собственномъ смыслѣ она послужила прежде всего перомъ своимъ. Припомнимъ параграфъ Наказа, въ которомъ она указываетъ на воспитаніе, какъ на единственное средство для приготовленія полезныхъ гражданъ. Этотъ параграфъ и инструкція, данная воспитателю великихъ князей—внуковъ, Салтыкову, а равно и сказки ея о царевичѣ Хлорѣ, о Февеѣ—красномъ солнушкѣ, переработывали идеи Локка о воспитаніи. «Знаніе пригодно ребенку; надо, чтобы ребенокъ полюбилъ учиться тогда же, когда полюбитъ и добродѣтель. Надо возбудить въ ребенкѣ чувства стыда и благородное побужденіе быть честнымъ». Развитіе нравственнаго чувства и укрѣпленіе тѣла здоровьемъ—вотъ два начала, которыя поставлены выше званія. Воспитатель только помощникъ, другъ юношей, а не строгій начальникъ. Свобода, терпимость и кроткое обхожденіе вмѣстѣ съ твердостью воли—вотъ что требуется отъ воспитателя. Въ Инструкціи Императрица указываетъ на трудолюбіе, какъ на

качество, при которомъ человѣкъ не погибнетъ въ жизни. Надо, чтобы дѣти и юноши не боялись затрудненія въ книгѣ, старались одолѣть препятствія и никогда не бросали бы начатаго. Екатерина хотѣла въ мальчикахъ развить смѣлость, приличную мужчинѣ. Если дѣти чего бояться, то поваживать ихъ исподоволь къ зрѣлищу тому. Кто не слушается, тотъ боленъ, слѣдовательно его надо лишить выгодъ здороваго. Такимъ образомъ по мнѣнію ея развивается самостоятельность и устраняется самодурство. «Душевная крѣпость сказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній».

Изъ писемъ Екатерины, во время путешествія, къ Салтыкову и къ великой княгинѣ, матери ея внуковъ, видно, какъ Государыня на практикѣ понимала воспитаніе. Она входитъ въ воспитаніе съ такимъ практическимъ вниманіемъ къ каждой болѣзни дѣтей; въ одномъ мѣстѣ спрашиваетъ не болятъ ли у Константина глаза послѣ кори; слѣдитъ своими вопросами за здоровьемъ и за гигіеной всей маленькой семьи. Повсему видно, что ничто ей не было такъ противно, какъ изнѣженность и баловство русскихъ дѣтей, и за то съ какимъ восхищеніемъ она относится къ выдержанности. Въ Кіевѣ ей полюбился маленькій Браницкій. «Я здѣсь забавляюсь съ маленькимъ Браницкимъ. Мать, насмотрясь, какъ содержали великихъ князей, точно соблюдаетъ съ сыномъ мои правила и то столь удачно, что сей мальчикъ таковъ, какъ только по его лѣтамъ желать можно: здоровъ, проворенъ, не упрямъ и такого свободнаго обращенія, какъ будто съ нами вѣкъ жилъ, отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ».

«Вѣкъ не отгадать, кто съ нами поѣдетъ на галерѣ! маленькой Браницкой, которому по моему совѣту привили оспу. По выздоровленіи сталъ еще веселѣе—всякій вечеръ въ моей комнатѣ рѣзвится со мною... Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется съ prince de Ligne, и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкій съ палкою парируетъ и съ такой замашкой, что удивительно».

Жизнь кадетъ и воспитанницъ Смольнаго устроивалась по идеямъ Государыни. Сохранились воспоминанія стараго кадета. (Р. Арх. 1869).

Бывало, если случится какая-нибудь шалость, графъ

Ангальтъ (избранный Екатериною начальникъ) не разыскивалъ преступника; онъ созывалъ кадетъ, говорилъ имъ объ обязанности, о правилахъ человѣка, говорилъ, что онъ даже не хочетъ знать, кто пятнаетъ свое доброе имя—говорилъ долго, возбуждалъ въ дѣтяхъ слезы умиленія. И послѣ, когда я отвозилъ своихъ дѣтей въ корпусъ—продолжаетъ разсказщикъ, дитя Екатериненскаго вѣка—ужаснулся перемѣнѣ, какую я нашелъ. Куда дѣвалась вѣжливость, благородное обращеніе! Бывало Государыня пріѣдетъ въ корпусъ, маленькіе кадеты бросались къ ней какъ къ матери, лѣзли къ ней на колѣна, когда она садилась въ кресла, и она ни подъ какимъ видомъ не позволяла ихъ отгонять отъ себя».

Еще ближе стояла она къ дѣвочкамъ—смольнянкамъ: она знала личныя свойства каждой, руководила чтеніемъ способныхъ, входила въ ихъ дѣтскіе интересы и находила время отвѣчать на ихъ записочки, писала для нихъ пьесы—и въ добавокъ дѣлилась этими своими педагогическими интересами съ Гриммомъ.

Бесѣду, увлекающую составителя и не исчерпывающую темы, я заключу эпизодомъ, имѣющимъ мѣстный интересъ, я именно о пребываніи Екатерины въ Кіевѣ во время путешествія ея въ Крымъ. Она прибыла сюда 29 января 1787 г. Она хотѣла отдохнуть въ Кіевѣ и выждать очищенія рѣкъ отъ льда и потомъ ѣхать по Днѣпру водою. Сегюръ разсказываетъ, что когда онъ и посланники австрійскій и англійскій осмотрѣли городъ, Императрица спросила ихъ каковымъ они его нашли. Кобенцель съ жаромъ отвѣчалъ, что не видывалъ города прекраснѣе, великолѣпнѣе и который внушалъ-бы столько благоговѣнія; Фицъ-Гербертъ—что Кіевъ по правдѣ жалкій: однѣ развалины да хижины, а Сегюръ—что Кіевъ представляетъ вмѣстѣ и памятникъ и надежду, что онъ будетъ великимъ городомъ. Императрица замѣтила, что эти отвѣты даютъ понятіе о духѣ трехъ государствъ, которымъ принадлежали лица, давшія ихъ. Тутъ она поясняла Согюру почему даетъ праздники и балы, а именно: чтобы открыть доступъ къ себѣ. Она распрашивала лично духовныхъ, помѣщиковъ, чиновниковъ, торговцевъ о ихъ нуждахъ, положеніи, желаніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ Сегюръ. Кіевъ, не смотря на 20-градусный

морозъ, казался ей мягкимъ по климату, и завесновавъ въ немъ, она все болѣе и болѣе восхищалась климатомъ въ письмахъ къ Салтыкову и цесаревичу Павлу Петровичу. «Я безпрестанно восхищаюсь сладостью воздуха, сплю по 9 часовъ, ѣмъ съ рѣдкимъ апетитомъ».

Храповицкій записываетъ: «7 Февраля были у обѣдни въ дѣвичьемъ монастырѣ, къ вечеру при разборѣ почты говорили о ханжествѣ игуменьи графини Апраксиной. Она была при Дворѣ Фрейлиной; графиня Анна Павловна Ягужинская. 13-го пріобщались, начавъ говѣть съ 8 числа; 15 были въ обѣихъ пещерахъ; 18 читано начало манифеста о дуэляхъ» и т. д. идетъ перечень ея дѣлъ и заботъ по управленію.—«7 марта сдѣлана въ манифестѣ прибавка: «До обѣдни допущенъ на аудіенцію племянникъ короля, польскій князь Станиславъ Понятовскій». 8 въ день именинъ Іосифа балъ и ужинъ у графа Кобенцеля.

«11 апрѣля обѣдъ отъ купечества въ магистратскомъ домѣ. Епископу Нарушевичу подарили сочиненія Ломоносова, Обольщеннаго Шамана, Рюрика, Олега да лексиконъ 200 язычный: «Онъ сочинитель хорошей исторіи польской и переводчикъ Тацита и Горація». Прп чтеніи рапорта объ убійствахъ въ Малоросіи: «cela est affreux; многое относится къ несмотрѣнію».

«22 выѣхали изъ Кіева на галерахъ; 25 пріятное свиданіе съ польскимъ королемъ на галерѣ предъ Каневымъ».

Екатерина пишетъ изъ Кіева; «съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, все ищу, гдѣ городъ, но до сихъ поръ ничего не обрѣтаю кромѣ двухъ крѣпостей».... И въ другомъ письмѣ: «Я здѣсь, въ Кіевѣ уже девятый день; вижу двѣ крѣпости и предмѣстьи, но города не нахожу, и сіи разбросанныя жилища называются Кіевомъ, изъ чего заключаю, что прежде сего сей городъ былъ безмѣрно великъ и люденъ. У насъ здѣсь четыре гранъ д'Еспань, князья имперскіе безъ счету; Поляковъ тьма, Англичане, Американцы, Французы, Нѣмцы, Швейцарцы. Съ роду столько иноязычныхъ я не видала, и все сіе по Кіевскимъ хижинамъ живетъ и не понимаю какъ умѣщаются».

Изъ записокъ Мамонова узнаемъ, что Императрица за-

мѣтила, что въ Кіевѣ улицы грязны и дурно мощены, а постройки вообще въ плохомъ состояніи и лишены всякаго изящества. Тогда вышло повелѣніе о привозѣ булыжника по Днѣпру. Однажды, когда въ Петербургѣ настала ранняя зима, государыня вспомнила о Кіевѣ и Кременчугѣ: Ma seconde pensée y est toujours—передаетъ Храповицкій. Изъ писемъ къ Цесаревичу—видно, что къ концу пребыванія государыню полюбили въ Кіевѣ, присмотрѣлись къ ней. Она говоритъ, что чувствуетъ себя какъ въ Петербургѣ и велитъ при вскрытіи Днѣпра по петербургскому обычаю стрѣлять изъ пушекъ.

Екатерина должно быть имѣла замыслы о перенесеніи столицы на югъ. Храповицкій записываетъ въ дневникѣ: «1788, 4 января. За туалетомъ хвалили климатъ полуденнаго края: здѣсь вѣкъ живемъ въ ожиданіи хорошей погоды; хорошъ будетъ по мѣстоположенію Екатеринославль». Не съ этою цѣлью ли заложенъ тамъ громадный соборъ?

Эпизодъ этотъ свидѣтельствуетъ, что Екатерина полюбила Кіевъ. И сегодня Кіевъ въ лицѣ вашемъ, М.м. Г.г., переносится въ *золотой вѣкъ* Екатерины, когда уже ясно обрисовались замыслы благихъ реформъ, осуществленныхъ въ наше время, вглядывается въ ея свѣтлый духовный образъ и любуется на ея портретъ.

Передъ нами портретъ ея—одно изъ замѣчательныхъ произведеній вѣка, кисти Лампи *). Въ духѣ классицизма вы видите храмъ правосудія. Побѣдоносный орелъ покоится на законахъ. Она граціозно несетъ въ рукѣ жезлъ и весело смотритъ—какъ будто ее привѣтствуютъ радостныя толпы.

Тонъ всей фигуры роскошенъ. Обратите вниманіе на пушистость живописи, на прозрачность колорита. Вы такъ и видите величавую эпоху побѣдъ, роскоши, приволья, свѣтлой мысли и гуманности—эпоху, которую такъ полно олицетворила собою Екатерина. Вамъ приходятъ на память слова Державина:

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога

*) Обязательно присланный на этотъ вечеръ въ Университетъ П. П. Демидовымъ.

Покрылъ, одѣлъ и накормилъ.
Котораго законъ, десница
Даютъ даютъ и милости и судъ...

или слова позднѣйшаго поэта *), въ эпоху забвенія напоминавшаго новымъ поколѣніямъ о Ней:

Всѣ минувшія преданья
Вся поэзія тѣхъ дней,
Какъ восточныя сказанья
Блещутъ въ памяти людей.

Твердый бытъ, ума свобода,
Жизнь безъ завтрашнихъ заботъ—
Вотъ что въ памяти народа
Незабытое живетъ.

Вотъ чѣмъ вѣкъ минувшій славенъ,
Чѣмъ Русь старая горда,
Отчего могъ льстить Державинъ
Безъ укора и стыда.

Отъ того еще и нынѣ,
Какъ полвѣка протекло,
Мыслью въ дань Екатеринѣ
Свѣтитъ старости чело.

И на вѣки сохраняя
Память силы и добра,
Помни Русь: *она вторая*
Послѣ перваго Петра.

---

*) М. А. Дмитріевъ.

Александръ Первый.

Очеркъ отношеній къ нему русскихъ писателей.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Университета Св. Владиміра, 9 января 1878 года.

Мѣсяцъ тому назадъ въ рѣчахъ представителей науки и въ статьяхъ публицистовъ, по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія Благословеннаго Императора, воскресла слава его царствованія, и возникъ передъ нами образъ Александра I, благодушнаго, возвышеннаго и двигателя великихъ міровыхъ событій.

Вспомянувъ славу царствованія Александра Павловича, мы вновь вглядѣлись въ человѣка, склонившагося подъ бременемъ того, что было нашей славой, а его подвигомъ, нашимъ покоемъ, а его бдѣніемъ, нашей безопасностью, а его попеченіемъ—по выраженію витіи митрополита Платона, смѣло и талантливо выразившаго въ своей рѣчи на коронацію господствовавшія тогда въ литературѣ мысли о власти верховной, обязанной народу и человѣчеству.

Въ наше время Александръ I уже предсталъ передъ судомъ потомства какъ царь и какъ человѣкъ—и, если исторія еще не сказала своего рѣшительнаго слова о *царѣ*, то человѣкъ во всякомъ случаѣ намъ ближе и понятнѣе, чѣмъ будущимъ поколѣніямъ. Мы не изъ книгъ, а изъ живыхъ преда-[illegible]ставили себѣ представленіе объ Александрѣ Благосло-[illegible] такое наше представленіе—болѣе вѣрный отблескъ

дѣйствительности, чѣмъ измышленія и догадки отдаленнаго потомства.

Въ предлагаемомъ благосклонному вниманію вашему, мм. гг. и мм. г-ни, чтеніи я остановлюсь только на писателяхъ нашихъ, сперва современныхъ Александру, а потомъ и позднѣйшихъ, въ произведеніяхъ которыхъ является этотъ Императоръ. Отношеніе того или другого представителя извѣстнаго взгляда и поколѣнія къ Александру будетъ моею темою. Начну съ поэта, унаслѣдованнаго Александромъ отъ Екатерины.

Трудно было рутинному поэту велерѣчивою одою произвести впечатлѣніе на умную, живо мыслившую Екатерину, которая не любила стиховъ и предпочитала моральную философію и ѣдкую сатиру туманности классическихъ, не естественныхъ по формѣ и безсодержательныхъ лирическихъ произведеній. Только на двадцатый годъ своего царствованія «Минерва» дождалась поэта, съумѣвшаго шутливымъ тономъ, легкимъ стихомъ, насмѣшкою надъ слабостями ея приближенныхъ, а главное оцѣнкою ея нрава, обычая и образа мыслей растрогать и охватить ея душу обаяніемъ небывалой на Руси поэзіи. Но «Ода къ Фелицѣ» не была первымъ замѣтнымъ произведеніемъ Державина въ духѣ, еще новой въ то время, анакреонтической поэзіи, первымъ представителемъ которой былъ нѣмецкій поэтъ Глеймъ. Еще за три года до появленія «Оды къ Фелицѣ» неопытный въ стихотворствѣ и мало извѣстный Державинъ задумалъ прославить рожденіе первороднаго внука своей Государыни. Тогда великому князю Александру Павловичу было уже два года. Всѣмъ было извѣстно, что Императрица лелѣяла внука и на колыбель его возлагала надежды на счастливую будущность государства. Классическое имя Александра, покорившаго весь историческій міръ древности, связавшаго Востокъ съ Западомъ — Александра, человѣчнаго, добродѣтельнаго завоевателя, бывшаго героемъ многочисленныхъ поэмъ въ средніе вѣка и идеаломъ монарха въ классической французской литературѣ, соотвѣтствовало величавымъ замысламъ Екатерины. Державинъ остановился на самомъ днѣ рожденія Александра, днѣ 12 декабря, когда, по русской поговоркѣ, солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ. Смѣлый образъ русскаго Борея съ сѣдой бородой—

ственныя оды на пріѣздъ невѣсты и на бракъ Александра повторяютъ указанія на будущую славу его царствованія и на ожидаемое отъ него успокоеніе государствъ, уже потрясенныхъ въ то время событіями французской революціи.

Въ царствованіе Павла, когда Державинъ отдался легкому анакреонтическому творчеству и порою высокопарнымъ стихомъ пѣлъ о побѣдахъ Суворова, только разъ въ его произведеніяхъ встрѣчается имя Александра. «Ода на введеніе Соломона въ судилище» написана въ псаломскомъ стилѣ по случаю назначенія Александра Павловича въ сенаторы.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра оды обильно полились изъ подъ пера пѣвца Фелицы.

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ...

Александръ объявилъ манифестомъ, что будетъ править Богомъ врученный ему народъ по законамъ и сердцу премудрой бабки своей. Державинъ вызываетъ образъ Екатерины и видитъ въ Александрѣ ея духъ и умъ. Искренность восторга въ этихъ стихотвореніяхъ не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ что говоритъ живое воспоминаніе Вигеля: «Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина отъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена... Не знаю какъ описать что происходило тогда: всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, дыханіе свободнѣе... Всѣ пишутъ въ похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ; пишутъ то, что прежде чувствовали и что нынѣ чувствуютъ. Ода г. Державина не была еще напечатана, но съ нея у многихъ были списки и читались съ жадностью».

Подобно одамъ и хоры Державина на коронацію отличаются неподдѣльнымъ восторгомъ. Долго во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ одинъ изъ этихъ хоровъ «Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ» замѣнялъ прежній гимнъ: «Громъ побѣды раздавайся...... славься симъ, Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать......» пока не заступилъ его

мѣсто, уже послѣ 1802 г.: «о Александръ, живи, царствуй, царь любви» на голосъ англійскаго національнаго гимна: «God save the king».

Въ томъ же 1801 году встрѣчаемъ еще два стихотворенія Державина: первое — «Появленіе Аполлона и Дафны на Невскомъ берегу» написанное на прогулку по набережной Александра и Елисаветы, возвратившихся въ Петербургъ, послѣ коронаціи, и—второе подъ названіемъ «Голубка», сочиненное по поводу намѣренія Императора освободить крестьянъ. Мысль Державина та, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властью помѣщиковъ, чѣмъ на волѣ. Это первый намекъ на разладъ, происшедшій между Александромъ и старшимъ поколѣніемъ. Однако же, стоявшій на высотѣ сановника Державинъ хотѣлъ попасть въ тонъ идей и стремленій юнаго Императора. Онъ вспомнилъ какую дорогу указывала своему преемнику Фелица, и, вдохновившись прежнимъ вдохновеніемъ, написалъ «Посланіе отъ брамина къ царевичу Хлору, Фелицыну внуку...»

Такъ шепчутъ: будто саму власть,
Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
Ты чтишь какъ власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
Что царь законовъ только стражъ...

И нѣсколько далѣе:

Еще толкуютъ тожь, что гласъ
Къ тебѣ народа тайно входитъ.

Поэтъ здѣсь говоритъ о томъ, какъ Александръ читалъ самъ все, что было адресовано на его имя: не только прошенія, но мнѣнія и проекты частныхъ лицъ. Потомъ онъ говоритъ о свободѣ печати и о простотѣ быта двора царскаго

.... На себѣ кафтанъ
Народу подлежащимъ мыслишь;
Убранство, роскошь презираешь,
Въ чертогахъ низменныхъ живешь.

Любопытны объясненія самого Державина къ этому стихотворенію.

«Государь — поясняетъ онъ — будучи въ министерскомъ комитетѣ, въ которомъ и авторъ присутствовалъ, сказалъ при случаѣ требованія денегъ на нѣкоторые не столь нужные расходы, что онъ долженъ отчетомъ въ томъ народу, ибо деньги не его, а принадлежатъ государству. Государь не любилъ великолѣпія и роскоши; жилъ лѣтомъ большею частію на Каменномъ островѣ, въ небольшомъ домѣ».

Въ 1804 году Державинъ, воспѣвая маневры, произведенныя Александромъ, проводитъ мысль, что Россіи уже не нужно завоеваній, что она должна быть посредницей европейскихъ народовъ и водворять вездѣ миръ.

Въ длинномъ стихотвореніи: «Монументъ милосердію» (1805 г.) Державинъ восхваляетъ Александра за уничтоженіе секретныхъ дѣлъ, за повелѣніе даже дѣла по оскорбленію Величества производить обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ. Въ концѣ этого стихотворенія слышится предчувствіе войны съ Наполеономъ, мысль о которой прорывалась въ лирикѣ и драмѣ того года. Державинъ не желалъ войны, и когда началась она, считалъ ее безполезною и при неудачахъ обвинялъ тѣхъ, кто втянулъ Россію въ войну.—Однакоже и мирное время не благопріятствовало вдохновенію пѣвца «Взятія Измаила», который не могъ пѣть, какъ прежде, и чувствовалъ, что вдохновеніе погасло въ его груди:

Звукъ торжественныя лиры
Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли въ честь ты Хлору,
Иль Добрадѣ *) въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору;
Дни ихъ тихи, какъ листы.
Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ,
Та покоитъ вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ
Такъ зима готовитъ плодъ.
Не видать ея работы,

*) Императрица Марія Өеодоровна.

Не слыхать ея машинъ,
Но по скукѣ зрятся льготы,
И земля цвѣтетъ, какъ кринъ.

Не радостны были обстоятельства, при которыхъ возвратился Государь въ Петербургъ, послѣ Аустерлица, въ ноябрѣ 1805 года, и старый поэтъ тутъ то и привѣтствовалъ Монарха отъ имени С.-Петербургскаго общества теплыми строфами любви и преданности, ожидая отъ Александра не побѣдъ, а умиротворенія Европы. Въ 1806 г. Державинъ, припоминая Непрядву и Полтаву. предрекаетъ побѣду и восторженно напутствуетъ сперва Каменскаго, отправлявшагося въ армію, а потомъ и гвардію, выступавшую въ походъ.

За гвардіею, весною 1807 года, и Александръ поѣхалъ на театръ войны, а Державинъ вновь молится не о побѣдѣ, но о мирѣ. Отдыхая сельскою жизнью на Званкѣ, поэтъ живописуетъ другу своему, Евгенію Болховитинову, Новогородскому викарному архіерею, въ послѣдствіи митрополиту Кіевскому, свой бытъ и свои деревенскія наслажденія. Нѣсколько куплетовъ посвящаетъ онъ здѣсь раздумью о войнѣ, которая, по его мнѣнію, какъ-то не идетъ къ Александру:

Видъ лѣта краснаго намъ—Александровъ вѣкъ;
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ...
Но мещетъ днесь и онъ перуны!
Умолкнутъ-ли они?

Геройство Платова и подвиги казаковъ однако-же вдохновили Анакреона села Званки написать живое, въ духѣ народной поэзіи, военное стихотвореніе.

«Ода на Тильзитскій миръ» не была политична: Державинъ называетъ въ ней новаго союзника Россіи, Наполеона, кичливымъ, строптивымъ и ненасытнымъ. Государь не пожелалъ, чтобы эта ода была напечатана. Однако же Державинъ въ ней ближе стоялъ къ тогдашнему настроенію русскаго общества, чѣмъ обыкновенно: русское общество не заключило мира.

Простота новаго времени, проникнутаго гражданскимъ духомъ и отмѣченнаго произведеніями такъ называемой «бур-

жуазной» литературы, отразилась на стихотвореніи Державина на смерть дочери Императора, Елисаветы Александровны. Не богиня, не ангелъ отлетѣлъ изъ храма солнца, а просто, буржуазно оплакивается смерть ребенка:

Стонетъ матерь, стонетъ свѣтъ:
Нѣтъ, ахъ, Лизы, Лизы нѣтъ!

Въ 1810 году проснулся патріотизмъ Державина, и поэтъ въ цѣломъ рядѣ одъ воскрежеталъ на возвысившагося надъ царями Наполеона. Его стихотворенія 1812, 13 и 14 годовъ по формѣ и содержанію становятся анахронизмомъ въ эпоху «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Стихотворенія Державина тѣхъ годовъ не имѣли уже живаго обращенія въ обществѣ, за исключеніемъ одной кантаты, неподражаемо исполнявшейся знаменитою пѣвицею Каталани:

Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!
Ты возвратился, царь нашъ милый,
И счастье наше возвратилъ!

Таковы были отголоски пѣвца Екатерины о царственномъ ея внукѣ.

Но въ запискахъ Державина есть мѣста, весьма характеристичныя для объясненія встрѣчи Екатериненскаго служаки и сенатора на дѣлѣ съ новымъ временемъ.

Стоявшій при Александрѣ во главѣ юстиціи, поклонникъ закона и боецъ за его строгое выполненіе, Державинъ не былъ приглашенъ къ составленію указа о министерствахъ. Вотъ его слова объ этомъ.

«Указъ сочиняли гр. Воронцовъ и г. Новосильцовъ или, лучше сказать, тогда составляющіе дружескій, или партикулярный совѣтъ Государя; съ помянутыми двумя кн. Чарторижскій и г. Кочубей—люди ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ не знающіе».

Когда открылись министерства, Державинъ не понималъ того свободнаго хода, который былъ предоставленъ ихъ развитію; онъ стоялъ за команду и требовалъ отъ Государя весьма настойчиво инструкцій. Державинъ разсказываетъ тотъ слу-

чай, когда, подъ вліяніемъ духа времени, засѣданія Сената потеряли чиновно-торжественный характеръ: начались споры; всякій хотѣлъ сказать свое мнѣніе, пока наконецъ Державинъ не ударилъ молоткомъ по столу и не призвалъ къ порядку чиновъ засѣданія. Многіе поблѣднѣли, всѣ сѣли на свои мѣста; старый порядокъ въ эту минуту воскресъ, какъ будто въ Сенатѣ послышался стукъ дубинки Петра Великаго. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ самъ Державинъ.—Холодность Государя къ нему стала замѣтною послѣ дѣла о жидахъ. Дѣло шло объ оставленіи винной продажи въ рукахъ жидовъ. Евреи подкупали Державина, и одинъ агентъ привозилъ ему на домъ 200,000 рублей. Обнаруживая подкупъ и мошенничество, Державинъ тутъ главнымъ образомъ накидывается на «выскочку» Сперанскаго.—Такимъ образомъ Державинъ еще до окончательнаго возвышенія Сперанскаго является пристрастнымъ врагомъ его и представителемъ той партіи, которая начинала рыть яму подъ ногами реформатора государственнаго строя.

Открыто подозрѣвая Сперанскаго въ подкупности, по дѣлу о евреяхъ, за которыми оставили исключительное право торговать виномъ, Державинъ скорбѣлъ о разореніи народа. «Іуда продалъ Христа за 30 серебрениковъ, а вы за сколько Россію? сорвалось однажды съ устъ раздраженнаго новшествами пѣвца Фелицы, видѣвшаго вредъ нанесенный собственно русскимъ интересамъ рѣшеніями вопросовъ въ духѣ безпристрастія. Старикъ нападалъ на произволъ молодыхъ министровъ.

Слѣдующее мѣсто въ «Запискахъ» Державина знакомитъ еще ближе съ основными убѣжденіями его, въ укоръ молодому царю. «Румянцовъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ подлой трусости, средства, какими сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ, какъ это любимая была мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ учителемъ Лагарпомъ, то Румянцовъ, чтобы подольститься Государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою Чарторижскаго, Новосильцова, подалъ проектъ, чтобы дать крестьянамъ свободу отъ господъ своихъ откупаться». Закрывая глаза на бѣдствія крѣпостнаго права, Державинъ былъ только съ одной стороны правъ: онъ предвидѣлъ бѣдствія народа русскаго, оторваннаго отъ земли. Освобожденіе крестьянъ

съ надѣломъ землею не приходило на мысль молодымъ реформаторамъ того времени.

Одно послѣднее дѣло, вскорѣ послѣ рѣшенія котораго Державинъ долженъ былъ выдти въ отставку изъ министровъ, касалось здѣшняго края и вопроса, недавно бывшаго предметомъ бесѣдъ въ состоящемъ при Университетѣ Юридическомъ Обществѣ, а равно и статей въ мѣстной газетѣ. Чиншевое сословіе здѣшняго края тогда, какъ и теперь, столкнулось съ новыми владѣтелями мѣстечекъ и деревень. Русскіе помѣщики стали налагать на чиншевиковъ большій противу прежняго оброкъ. Тѣ сослались на привилегіи свои и подали жалобу Государю. Дѣло рѣшить было трудно: съ одной стороны мѣстечки были пожалованы русскимъ подданнымъ со всею землею, съ другой — чиншевой шляхтѣ были оставлены прежнія права. Державинъ зналъ, что покойная Императрица имѣла намѣреніе выселить ту шляхту на порожнія земли въ полуденныхъ губерніяхъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и составилъ проектъ, проектъ суровый, передъ выполненіемъ котораго, быть можетъ, и не остановилась бы мощная рука Екатерины. Но «члены партикулярнаго совѣта государева» вознегодовали. Чарторыйскій бросилъ проектъ Державина въ каминъ — насилу выхватилъ его изъ камина производитель дѣлъ.

Вышедшему въ отставку Державину осталась еще возможность высказать свое негодованіе на «партикулярный совѣтъ» Александра въ литературной формѣ, и онъ написалъ нѣсколько басенъ, гдѣ соболѣзнуетъ о молодомъ царѣ. Такова между прочимъ и басня: Жмурки.

Хозяинъ молодой разыгрался въ жмурки и долго не хотѣлъ снять съ глазъ повязки, увлекаясь игрой. Игравшіе съ нимъ ребята сперва шутили осторожно, мяукая или крича пѣтухомъ въ углахъ. Потомъ стали смѣлѣе, заставили его стукнуться о печь, о дверь, разбить себѣ носъ и наконецъ такъ утомили его, что онъ кружась, запнулся—

Упалъ и растянулся;
И тѣмъ во всемъ дому
Такую поднялъ кутерьму,
Что описать ее не можно никому.

Черезъ десять лѣтъ послѣ написанія этой басни, въ 1815 г., страхъ «произвесть кутерьму» сталъ лозунгомъ эпохи Метерниховской, на языкѣ Европы, Аракчеевской примѣнительно къ Россіи. Такимъ образомъ устарѣлый писатель однимъ слабымъ произведеніемъ выразилъ цѣлую сторону жизни общества, хранившаго въ себѣ тѣ враждебныя нововведеніямъ элементы, которые взяли верхъ надъ «партикулярнымъ совѣтомъ» и заклеймили позднѣе Сперанскаго именемъ измѣнника, какъ прежде Державинъ говорилъ о немъ въ одной баснѣ, какъ о паукѣ, погубившемъ прекрасный цвѣтъ:

Сей басни смыслъ понять—ходить не надо въ школы:
Подъ сѣтью пауковъ валятся и престолы.

Отъ поэта, унаслѣдованнаго Александромъ, перейдемъ къ тому писателю, чье имя въ это царствованіе пріобрѣтаетъ то значеніе, какое Ломоносовъ и Державинъ имѣли по отношенію къ эпохамъ Елизаветы и Екатерины II.

Уже пользовавшійся большею извѣстностью авторъ «Бѣдной Лизы» и «Писемъ русскаго путешественника», умилявшійся надъ добродѣтелью, ждавшій всего лучшаго отъ просвѣщенія и свободы, Карамзинъ еще прежде, чѣмъ это сдѣлалъ Державинъ, новымъ, мягкимъ, простымъ стихомъ въ двухъ одахъ привѣтствовалъ восшествіе на престолъ и коронацію Александра. Въ нихъ онъ преподаетъ юному царю совѣты въ духѣ Лагарпа и русскихъ наставниковъ Александра. Не лести жаждалъ Александръ, и ему болѣе всего по сердцу пришлись оды москвича-писателя. Въ слѣдъ за одами, вторя словамъ манифеста, Карамзинъ пишетъ «Историческое похвальное слово Екатеринѣ». Указывая на просвѣщеніе и гуманныя начала Екатерины, Карамзинъ выясняетъ здѣсь передъ юнымъ монархомъ все то, въ чемъ должно слѣдовать примѣру великой Государыни. Слово, гдѣ на видъ выставленъ гуманный духъ «Наказа» заключается слѣдующими словами: «Екатерина служила вамъ, монархи, примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ и, видя съ какимъ умиленьемъ, съ какою трогательною любовью до нынѣ говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ царей добродѣтельныхъ и что память ва-

ша, если вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ священною».

Духу этого «Слова» примѣнительно къ Александру соотвѣтствуетъ басня Дмитріева: «Три льва». Три брата льва подлежатъ избранію въ цари звѣрей; старшій обѣщаетъ побѣды, средній желаетъ обогатить народъ—

.... а я бъ его любилъ—
Сказалъ меньшой съ невиннымъ взоромъ;
И тутъ же нареченъ владыкой всѣмъ соборомъ.

Законодатель новаго литературнаго направленія, близкій Карамзину по школѣ и дружбѣ, Дмитріевъ, стоялъ къ Императору, и какъ сановникъ, и какъ человѣкъ, весьма близко. Черты искреннихъ отношеній Дмитріева къ Государю были недавно, по поводу юбилея, вспомянуты въ газетныхъ статьяхъ и нѣкоторыхъ брошюрахъ: онѣ обрисовываютъ гуманность и простоту того, кто настолько выработалъ въ себѣ человѣка, что даже страдалъ глубоко сознаннымъ имъ самимъ подвигомъ—царя.—Одна басня Дмитріева весьма отчетливо обрисовываетъ расположеніе духа молодаго государя.

Какой то государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ:
Нѣтъ хуже нашего—онъ мыслилъ—ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое.
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля: чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну....
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги.
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ;
Бояре лишь чины берутъ;
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь—никакъ не успѣваю *).

Какъ эти строки соотвѣтствуютъ настроенію Александра, слишкомъ рано дошедшаго до разочарованнаго взгляда на возможность осчастливить народъ свой, такъ и нѣкоторыя

*) Басня: «Царь и два пастуха».

строфы Карамзина даютъ ключъ къ объясненію той недовѣрчивости, съ которою Государь относился къ людямъ, иногда не различая преданныхъ и благонамѣренныхъ отъ льстецовъ:

Есть родъ людей, царю опасный—
Ихъ рѣчи какъ индійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны;
По виду—ихъ добрѣе нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы;
Ихъ имя—хитрые льстецы;
Снаружи ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ Богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится,
Твой слухъ во вѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой!

Такіе стихи Карамзина были по сердцу впечатлительному Александру; онъ внималъ имъ, какъ новымъ совѣтамъ Лагарпа. Они не столько поучали царя, сколько формулировали его собственныя мысли.

По духу, по настроенію Александръ ближе подходилъ къ писателямъ идеалистамъ, чѣмъ къ дѣятелямъ.

Жизнь своею неподатливостью отталкивала его отъ дѣйствительности, и онъ по немногу переставалъ смотрѣть этой послѣдней въ глаза. Говорятъ: онъ не зналъ Россіи. Да, онъ не могъ согласить своихъ возвышенныхъ, идеальныхъ требованій съ грубою поверхностью родной почвы. Онъ искалъ истинныхъ, вѣрныхъ патріотовъ вездѣ, повсюду; открылъ къ себѣ доступъ всякому, кто хотѣлъ дать ему благой совѣтъ, указать зло, но рефлексія возбуждала въ немъ недовѣріе и къ лучшимъ, преданнѣйшимъ друзьямъ.

Оды Карамзина были лебединою пѣснью московскаго литератора. Свою оду на коронованіе онъ заключилъ такими словами:

Я въ храмъ исторіи иду,
И тамъ—дѣла твои найду.

Карамзинъ въ храмѣ исторіи! другими словами: въ трудахъ науки,—отряхающій пыль съ нетронутыхъ харатейныхъ списковъ; Карамзинъ археографъ и изслѣдователь, и въ тоже время вдохновленный авторъ—это неистощимый и всегда живой предметъ бесѣды передъ просвѣщенными слушателями. Но для цѣли нашей рѣчи мы ограничимся только воспоминаніемъ объ отношеніяхъ писателя—историка къ своему государю, весьма характеристичныхъ для эпохи Александра I.—Карамзинъ еще въ Москвѣ сошелся съ великой княгинею Екатериною Павловною. Это была женщина гуманная, просвѣщенная, заслужившая по смерти своей, во второмъ замужествѣ за королемъ Виртембергскимъ, похвальное стихотвореніе Уланда за тѣ человѣческія достоинства, которыя примирили крайне либеральнаго поэта съ «человѣкомъ въ порфирѣ».

Въ Твери великая княгиня сблизила Карамзина съ державнымъ братомъ своимъ. Въ Твери читалъ Карамзинъ Государю первыя главы своей исторіи и тамъ великая княгиня вручила Императору записку Карамзина «О древней и новой Россіи». Въ этой запискѣ Государь нашелъ рѣзкую критику всего того, что было совершено въ первое десятилѣтіе царствованія. Нельстивый голосъ подданнаго нанесъ первые удары благонамѣренному, но черезъ чуръ быстрому, стремленію впередъ. Первое время Государь былъ недоволенъ; потомъ недовольство перешло въ постоянное благоволеніе къ Карамзину.

Въ 1816 году Карамзинъ переселился въ Петербургъ, и, скучая по Москвѣ, сталъ жить скромною, уединенною семейной жизнью. Но въ этомъ уединеніи Царскаго Села одно семейство оберегало и любило семейство Карамзина: то было семейство Александра I. По просту, на прогулкѣ, за чашкой чая проводилъ Государь часы отдыха въ бесѣдахъ съ Карамзинымъ. «Подданный не искалъ у Государя никакихъ для себя благъ, и Государь цѣнилъ эту независимую къ себѣ любовь подданнаго». Писатель не разъ отказывался отъ поста министра народнаго просвѣщенія и оставался частнымъ лицомъ, семейнымъ другомъ своего государя.

«Я любилъ Его искренно и нѣжно» пишетъ Карамзинъ для сыновей своихъ «любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ Нимъ на свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели». Карамзинъ употреблялъ свое вліяніе только на добрыя дѣла, заботясь о судьбѣ писателей, объ обезпеченіи семействъ не богатыхъ друзей.

О важныхъ государственныхъ вопросахъ собесѣдники Царскаго Села также говорили. Терпѣливо, кротко выслушивалъ Александръ мнѣнія, противуположныя своимъ. — «Мнѣніе русскаго гражданина», въ которомъ Карамзинъ объяснялъ, что возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, раздѣлило друзей. Идеалистъ-Александръ не хотѣлъ разстаться съ задуманнымъ въ духѣ свободы планомъ своимъ. Тутъ Карамзинъ стоялъ на почвѣ знанія и фактовъ. Ученая работа отрезвляетъ отъ идеализаціи. Карамзинъ давно уже установился, остановился, оглянулся назадъ. Въ Александрѣ были еще живы прежнія упованія.

Надломленный событіями отъ 1812—до 15 года, Императоръ самъ наконецъ способенъ былъ остановиться и не только оглянуться на прошлое, но и пойти назадъ. Но не добродѣтельный Карамзинъ направилъ его въ другую сторону, а Метернихъ, освѣщавшій всѣ средства для священной цѣли мира, котораго жаждала уставшая отъ войнъ Европа. Не писатель историкъ началъ руководить дѣлами Имперіи, а трудолюбецъ другаго закала, — старый другъ Александра, съ которымъ онъ, будучи еще великимъ княземъ, дѣлилъ труды свои по должности 2-го С.-Петербургскаго генералъ-губернатора. Другъ по казармѣ шелъ къ цѣли ровнымъ, твердымъ шагомъ. Онъ умѣлъ вырыть яму подъ ногами друзей Царя, и въ эпоху утомленія и разочарованнаго отношенія Императора къ отечеству съумѣлъ сдѣлаться двигателемъ государственной машины. Когда Аракчеевъ былъ всесильнымъ, идеалистъ—монархъ черпалъ идеалы въ области духовнаго міра.

Литература наша, съ перваго десятилѣтія царствованія Александра, развилась внутреннимъ содержаніемъ и существенно измѣнилась и въ формѣ. Карамзинъ имѣлъ право сказать

въ одѣ на коронацію, что «музы сняли съ себя трауръ».

Въ литературѣ сложились болѣе опредѣленные, чѣмъ прежде кружки и начало яснѣе выражаться общественное направленіе. Желаніе дѣйствовать совмѣстно, собрать однородныя силы было уже извѣстнымъ успѣхомъ. «Бесѣда» Державина собрала литературныхъ старовѣровъ; въ «Арзамасѣ» собрались представители новаго литературнаго вкуса, романтики, поклонники Карамзина. Наконецъ былъ еще умѣренный, изящный и ученый кружокъ Оленина и другой кружокъ писателей молодаго, либеральнаго закала, примыкавшій къ благотворительному обществу соревнователей просвѣщенія *).

Множество сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ образовали многочисленную публику читателей. Лирика и театръ стали выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Послѣ Тильзитскаго мира общественное мнѣніе не боялось раздражить Государя своимъ, противуположнымъ его воззрѣнію, требованіемъ. «Враждебное чувство къ французамъ не заключало мира, и литература первая на Руси начала перестрѣливаться съ непріятелемъ. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ Русскаго Вѣстника» (слова кн. Вяземскаго).

Въ 1812 году общая бѣда отечества слила идеалиста-Александра съ его народомъ. Новая роль выпала на долю друга человѣчества. Царь мира ведетъ народъ на встрѣчу врагу. Но будемъ лучше говорить словами писателя современника, Глинки:

«Въ 9 часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый; явился, какъ Ангелъ Божій, подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: ура, да здравствуетъ царь Государь! Веди насъ, куда хочешь. Веди насъ, нашъ отецъ! Умремъ или побѣдимъ! Такъ восклицало душевное ополченіе народа, и Александръ Первый въ сердцѣ народа русскаго, въ стѣнахъ Москвы, Іюля двѣнадцатаго, убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи...... Въ день Іюля двѣнадцатаго Але-

*) Общественное движеніе при Александрѣ I. А. Н. Пыпина, С.-Петербургъ, 1876 г., стр. 418.

ксандръ украшался не утварью царскою, а любовью народною.......... На ступеняхъ крыльца Государь часъ отъ часу стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники подвигались раздвигать ряды. Государь, кланяясь во всѣ стороны, говорилъ: «не троньте! Не троньте ихъ! Я пройду». И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!»

Такъ писалъ Глинка, трибунъ народный, за которымъ массы двинулись на поклонную гору, требуя оружія, чтобы идти противъ врага. Этому то писателю патріоту отпущено было безотчетно на народныя нужды 100,000 р., и онъ возвратилъ ихъ въ цѣлости, не рѣшившись по своему усмотрѣнію израсходовать эти деньги.

Новое поколѣніе писателей Александрова времени въ дѣтствѣ пережило великіе дни. Въ стѣнахъ училищъ дѣти завидовали тому,

Кто умирать шелъ мимо насъ.
И племена сразились;
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.
Вы помните-ль, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался?
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы.

Такъ Пушкину, въ лучшій періодъ его дѣятельности, отзывались блестящія, живыя воспоминанія отроческихъ лѣтъ.

Новое поколѣніе писателей унаслѣдовало отъ старшихъ братьевъ то, что было мечтою самого Александра въ юности. Узнавъ про существованіе «Союза благоденствія», остановившійся Александръ сказалъ Васильчикову: они тоже, что были мы въ юности.

Но юность нетерпѣлива и требовательна.... И не могла она оставаться спокойною, когда померкли надежды свободы, когда Россія, врываясь въ святилище германской семьи, за-

клеймила официозною брошюрою Стурдзы въ сущности невинное и скорѣе поэтическое, чѣмъ политическое движеніе въ средѣ профессоровъ и студентовъ, какъ опасную крамолу, и тѣмъ вызвало убійство нашего агента Коцебу—когда съ своей стороны Австрія, давя Италію и страшась карбонаріевъ, возводила въ народный бунтъ частный случай безпорядка въ Семеновскомъ полку.

Духъ реформъ и ожиданіе ихъ жило въ обществѣ. Разсказывая о клобныхъ крикунахъ, какой нибудь взяточникъ—предсѣдатель въ интимной бесѣдѣ твердилъ:

Я вамъ скажу: знать время не приспѣло.....
Но что безъ нихъ не обойдется *дѣло*.

И вывѣтрившій въ себѣ всѣ задатки возвышеннаго и прекраснаго кутила Репетиловъ еще твердилъ съ просонья:

Но *государственное дѣло*......
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ......

И тѣ же люди, тотъ же Фамусовъ клеймитъ Чацкаго за первое нравственное слово противъ подлости гнусною австрійскою бранью—

Чацкій...... да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ,
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ: Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Духъ австрійской полиціи слился съ духомъ вражды къ просвѣщенію. Кто видитъ заразу въ басняхъ, кто въ училищахъ съ ладнкастерскою методою; кто въ химіи видитъ расколъ и безвѣріе, а болѣе отсталые, подъ вліяніемъ екатерииенскаго гоненія на массоновъ, не понимаютъ зла помимо «франмасонства и вольтеріанства». А Скалозубы утѣшаютъ всѣхъ:

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій—
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два.
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

И утѣшеніе это, или угроза, не были одни слова. И вотъ, въ эту-то пору, когда «Горе отъ ума» было произведеніемъ запрещенной, *подпольной* литературы, задыхавшаяся молодежь собиралась во имя добра и правды, не замѣчая своей оторванности отъ почвы.

Заточенный въ деревнѣ Пушкинъ, въ день лицея, подымая чашу, восклицаетъ:

Но за кого? О други угадайте.
Ура, нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!
Онъ человѣкъ—имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей.
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ лицей!

Взялъ Парижъ и создалъ лицей! вотъ богатая тема для славы Александра. Съ основаніемъ лицея соединены воспоминанія объ Александрѣ—преобразователѣ и основателѣ многихъ высшихъ училищъ.

Въ недавній юбилей въ Москвѣ профессоръ Университета Н. С. Тихонравовъ привелъ въ восторгъ слушателей духомъ Александровскаго университетскаго устава и гуманнымъ воззрѣніемъ на самостоятельность высшихъ всеучилищъ попечителя Московскаго Университета Михаила Никитича Муравьева, одного изъ наставниковъ Александра Павловича. Въ тоже время, въ Петербургѣ, вдохновительно говорилъ о просвѣтителѣ—Александрѣ профессоръ Университета Ѳ. Ѳ. Соколовъ и тамъ же, въ Академіи Наукъ, академикъ М. И. Сухомлиновъ, въ своей юбилейной рѣчи, представилъ слушателямъ блистательную картину просвѣщенія въ златые дни Александра.

А взятіе Парижа и роль Александра, объединившаго силы Европы воспроизведены. тоже къ юбилею, въ полной жизни и ума книгѣ С. М. Соловьева. Историкъ Россіи, въ заключеніи труда своего объ Александрѣ I, не могъ не повторить названія Агамемнона, такъ художественно примѣненнаго къ Александру выше приведеннымъ стихомъ Пушкина.

Въ царствованіе Императора Николая, Александръ I жилъ въ памяти общества русскаго подъ именемъ «Благословеннаго», слитый въ представленіи съ ангеломъ, поставленнымъ

клеймила официозною брошюрою Стурдзы въ сущности невинное и скорѣе поэтическое, чѣмъ политическое движенiе въ средѣ профессоровъ и студентовъ, какъ опасную крамолу, и тѣмъ вызвало убiйство нашего агента Коцебу—когда съ своей стороны Австрiя, давя Италiю и страшась карбонарiевъ, возводила въ народный бунтъ частный случай безпорядка въ Семеновскомъ полку.

Духъ реформъ и ожиданiе ихъ жило въ обществѣ. Разсказывая о клобныхъ крикунахъ, какой нибудь взяточникъ—предсѣдатель въ интимной бесѣдѣ твердилъ:

Я вамъ скажу: знать время не приспѣло.....
Но что безъ нихъ не обойдется *дѣло.*

И вывѣтрившiй въ себѣ всѣ задатки возвышеннаго и прекраснаго кутила Репетиловъ еще твердилъ съ просонья:

Но *государственное дѣло*......
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ......

И тѣ же люди, тотъ же Фамусовъ клеймитъ Чацкаго за первое нравственное слово противъ подлости гнусною австрiйскою бранью—

Чацкiй...... да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ,
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ: Ахъ, Боже мой, онъ карбонарiй!

Духъ австрiйской полицiи слился съ духомъ вражды къ просвѣщенiю. Кто видитъ заразу въ басняхъ, кто въ училищахъ съ ладнкастерскою методою; кто въ химiи видитъ расколъ и безвѣрiе, а болѣе отсталые, подъ влiянiемъ екатерипенскаго гоненiя на массоновъ, не понимаютъ зла помимо «франмасонства и вольтерiанства». А Скалозубы утѣшаютъ всѣхъ:.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназiй—
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказiй.

И утѣшеніе это, или угроза, не были одни слова. И вотъ, въ эту-то пору, когда «Горе отъ ума» было произведеніемъ запрещенной, *подпольной* литературы, задыхавшаяся молодежь собиралась во имя добра и правды, не замѣчая своей оторванности отъ почвы.

Заточенный въ деревнѣ Пушкинъ, въ день лицея, подымая чашу, восклицаетъ:

Но за кого? О други угадайте.
Ура, нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!
Онъ человѣкъ—имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей.
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ лицей!

Взялъ Парижъ и создалъ лицей! вотъ богатая тема для славы Александра. Съ основаніемъ лицея соединены воспоминанія объ Александрѣ—преобразователѣ и основателѣ многихъ высшихъ училищъ.

Въ недавній юбилей въ Москвѣ профессоръ Университета Н. С. Тихонравовъ привелъ въ восторгъ слушателей духомъ Александровскаго университетскаго устава и гуманнымъ воззрѣніемъ на самостоятельность высшихъ всеучилищъ попечителя Московскаго Университета Михаила Никитича Муравьева, одного изъ наставниковъ Александра Павловича. Въ тоже время, въ Петербургѣ, вдохновительно говорилъ о просвѣтителѣ—Александрѣ профессоръ Университета Ѳ. Ѳ. Соколовъ и тамъ же, въ Академіи Наукъ, академикъ М. И. Сухомлиновъ, въ своей юбилейной рѣчи, представилъ слушателямъ блистательную картину просвѣщенія въ златые дни Александра.

А взятіе Парижа и роль Александра, объединившаго силы Европы воспроизведены, тоже къ юбилею, въ полной жизни и ума книгѣ С. М. Соловьева. Историкъ Россіи, въ заключеніи труда своего объ Александрѣ I, не могъ не повторить названія Агамемнона, такъ художественно примѣненнаго къ Александру выше приведеннымъ стихомъ Пушкина.

Въ царствованіе Императора Николая, Александръ I жилъ въ памяти общества русскаго подъ именемъ «Благословеннаго», слитый въ представленіи съ ангеломъ, поставленнымъ

на высоту колонны его имени—въ духѣ воззрѣній Жуковскаго, приносившаго въ стихахъ и прозѣ дань благодарности Александру за величіе, за кротость, «за вѣру въ страшный часъ къ народу своему».

О кроткой, ангельской улыбкѣ покойнаго Государя, о кончинѣ Александра (нашъ ангелъ на небесахъ!) намъ въ дѣтствѣ съ умиленіемъ повѣствовали родители. Художнику грезился величавый образъ Агамемнона, или благодушный ликъ мягкаго, набожнаго царя. Во время наводненія въ Петербургѣ—

.... Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.

Либеральный кружокъ Москвы, оставившій своимъ послѣдователямъ имя «западниковъ» отдыхалъ на воспоминаніяхъ объ Александрѣ и съ особымъ сочувствіемъ относился къ его мечтѣ—сложить власть и поселиться въ виноградникахъ южной Германіи.

Негодовали и негодуютъ славянофилы на Александра за Польшу, за Галицію и за Восточный, отвергнутый Александромъ, вопросъ.

Юбилей Карамзина ярко высказалъ и достоинства и политическія ошибки Александра и осужденіе многихъ его свойствъ стало общимъ вопросомъ журнальной литературы.

Въ 1873 г., въ день открытія въ Петербургѣ памятника Екатерины Великой, на мою долю выпала честь здѣсь, въ этомъ самомъ залѣ, говорить о ея просвѣтительной дѣятельности. Вспоминая Похвальное ей Слово, написанное Карамзинымъ, я между прочимъ прибавилъ: «Внукъ не вполнѣ царствовалъ по сердцу Бабки. Между нимъ и ею можно бы было провести параллель противуположностей: она была тверда, онъ всегда колебался. Она избирала по достоинству людей, терпѣла не любимыхъ и не отнимала скоро своего довѣрія; онъ увлекался людьми и, мѣняя свое расположеніе, ли-

алъ своего довѣрія лучшихъ друзей. Она вмѣняла себѣ въ іаву жить для пользы русскаго народа, онъ тяготился влаію....»

Эти слова были отголоскомъ обнародованныхъ матеаловъ, замѣтокъ, разсужденій объ Александрѣ I. Благослонный Императоръ предсталъ передъ нами въ тѣ годы съ ртами новыми, не согласными съ живымъ преданіемъ и тановившимся представленіемъ. Мы праздновали юбилей перанскаго. Его невинность, ссылка возбуждали въ насъ гоичее сочувствіе къ этому дѣятелю. Нѣсколько ранѣе того арамзинскій юбилей, какъ мы уже сказали, рѣчами и трумми прославителей историка вызвалъ мнѣнія, объ Александрѣ, ікъ о не народномъ человѣкѣ, объ Александрѣ космополитѣ, ведшемъ Россію на долгіе годы въ политическія ошибки. Заıты были нами его свѣтлыя стороны, и все вниманіе соедоточилось на увлеченіяхъ, ошибкахъ, пристрастіи.

Не праздновали мы юбилея Аракчеева: но множество обродованныхъ матеріаловъ объ этомъ временщикѣ держало асъ въ теченіи годовъ, на страницахъ Русскаго Архива, Руссой Старины и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, подъ гнетуимъ впечатлѣніемъ узкости и невѣжества Аракчеева, при споминаніяхъ о событіяхъ военныхъ поселеній.

Замѣтки, поясненія къ трудамъ и матеріалы для біограи писателей первой четверти нынѣшняго столѣтія, то и дѣ воскрешаютъ передъ нами все тѣ-же годы послѣдняго періа царствованія Александра, отъ Вѣнскаго конгресса до конины его.

Личность этого государя стояла уже передъ судомъ помства, и читающая публика вмѣстѣ съ будущимъ историмъ его царствованія переживаетъ мысли и чувствованія, соtтствующія подготовительной работѣ. Провѣривъ эту работу, временемъ историкъ придетъ къ правдивой, не одностонней оцѣнкѣ.

Но, если послѣдніе годы царствованія Александра Павлоича однимъ обнародованіемъ фактовъ производили на насъ рачныя впечатлѣнія, то и о свѣтлыхъ годахъ его правленія, гда онъ шелъ по пути улучшеній съ чистыми, безкорыстми намѣреніями, съ любовью къ народу и странѣ до са-

мозабвенія, когда никакія внѣшнія обстоятельства не нарушали гармоніи его дѣлъ и помышленій, услышали мы строгій приговоръ. Годы вліянія Чарторыйскаго и Строганова были признаны за годы вредныхъ для государства увлеченій. Не вникая въ подробности, произносили слово осужденія юношѣ царю за незнаніе Россіи, за непониманіе ея задачъ. Императоръ Николай цѣльностью своей природы, твердостью, русскимъ направленіемъ предсталъ противуположнымъ Александру народнымъ русскимъ царемъ:

Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

Эти строки можно было поставить эпиграфомъ къ итогу всего того, что между строкъ говорилось о Николаѣ, какъ бы въ противуположность Александру. Иной горячій поклонникъ Императора Николая указываетъ своему гостю съ особымъ подчеркиваніемъ мысли, что среди изображеній русскихъ, ему сочувственныхъ дѣятелей, гдѣ первыя мѣста занимаютъ Петръ Великій и Николай I, у него въ кабинетѣ нѣтъ портрета Александра Благословеннаго, какъ царя не русскаго по направленію. Люди такого воззрѣнія ставятъ Александру въ вину всѣ несочувственныя имъ явленія позднѣйшей эпохи и повторяютъ съ убѣжденіемъ изреченіе Наполеона: «le grec du Bas-Empire». Общее обоимъ вѣнценоснымъ братьямъ ускользаетъ отъ предубѣжденныхъ судій. Взглядъ на обоихъ императоровъ раздѣляетъ нашихъ мыслителей на два лагеря.

Но до сихъ поръ мы говорили объ одномъ взглядѣ. Представителемъ другаго является г. Пыпинъ въ сочиненіи: *Общественное движеніе при Александрѣ I-мъ.* Объясняя несовершенства Александра нѣкоторыми, однакоже существенными, недостатками его воспитанія, ученый отдаетъ ему полную справедливость, какъ человѣку и царю.

Вопросъ народности—вопросъ обоюдуострый. Только народность даетъ силу и прочную свободу государству; но катехизисомъ народности можно на оборотъ дѣйствовать въ пользу застоя и движенія назадъ.

Г. Пыпину принадлежитъ заслуга возстановленія эпохи умственнаго движенія,—свободнаго, неудержимаго, давшаго

русскому обществу тѣ стремленія, которыя осуществились въ годы: освобожденія крестьянъ, отмѣны тѣлесныхъ наказаній, устройства гласнаго суда.

Возвратившіеся декабристы, по словамъ г. Пыпина, стояли въ уровень съ лучшими стремленіями молодыхъ поколѣній, искренно сочувствовали новому совершавшемуся движенію и успѣли внести въ него свою нравственную долю. Тогда какъ сверстники ихъ и даже люди слѣдовавшаго за ними поколѣнія отказались отъ всякихъ идеаловъ и общественныхъ задачъ и перешли въ задерживающій прогресъ лагерь, въ которомъ находили себѣ житейское благополучіе.

Великое народное движеніе сказалось въ наше время. Подвигомъ и славою на Балканахъ вновь заслуживаемъ мы имя великаго народа. Но народность орудіе обоюдуострое. Да не задержитъ она у насъ, во имя искусственно создаваемыхъ затрудненій, того движенія впередъ, которое было завѣтною мыслью Александра Благословеннаго и къ которому постепенно ведетъ рядъ реформъ исполненныхъ, исполняемыхъ и обѣщаемыхъ Александромъ Освободителемъ.

Есть общечеловѣческое, несомнѣнное благо. Какъ ошиблись тѣ, которые говорили: «можетъ-ли быть добро отъ Назарета?» И какъ ошибемся мы, не сочувствуя тому хорошему, что выработала Европа, только потому, что это выработано не у насъ, хотя на нашей почвѣ всегда находились туземныя данныя для всякаго общественнаго и нравственнаго прогреса.

Заключу словами еще здравствующаго, маститаго поэта Александровой эпохи:

Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка *).

Рѣчь напечатана въ Извѣстіяхъ Университета св. Владиміра, 1878 года.

*) «Слово примиренія» стихотв. Князя П. А. Вяземскаго.

О памятникахъ, прославившихъ куликовскую битву *).

Литературные памятники, прославившіе Куликовскую битву, состоятъ изъ видоизмѣненныхъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ трехъ самостоятельныхъ произведеній: 1) Сказанія, вошедшаго въ лѣтописные своды; 2) Поэтическаго Сказанія, или Повѣданія о Мамаевомъ побоищѣ, приписываемаго Іерею Софоніи и 3) открытой и изданной Ундольскимъ «Задонщины».

Въ исторіяхъ литературы обыкновенно не упоминается о Лѣтописномъ Сказаніи, а разбираются послѣднія два. Карамзинъ основалъ свой разсказъ на Лѣтописномъ Сказаніи; онъ съ недовѣріемъ отнесся къ Повѣданію какъ къ сказкѣ, и возмущался его анахронизмами. Шевыревъ подъ впечатлѣніемъ Карамзина тоже скептически отнесся къ этому сказанію, хотя и находилъ въ немъ поэзію. Костомаровъ, какъ историкъ, повѣдалъ о Димитріи Донскомъ на основаніи поэтическаго Сказанія, (Повѣданія) довѣряя ему болѣе, чѣмъ лѣтописному. Послѣ того, какъ стала извѣстна «Задонщина», академикъ Срезневскій, издавая новый текстъ ея, отмѣтилъ въ Повѣданіи всѣ мѣста, отличающіяся своимъ гусельнымъ складомъ и задалъ вопросъ: не было ли особыхъ, не записанныхъ пѣсенъ, которыми славили Димитрія и Куликовскую битву?

Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ.

Вниманію и суду членовъ Съѣзда я позволю себѣ подвергнуть мой взглядъ на эти памятники, имѣвшіе большое значеніе въ нашей литературѣ, за что говоритъ множество спи-

---

*) Рефератъ читанъ въ публичномъ засѣданіи III Археол. съѣзда. Напечатано въ Трудахъ Съѣзда и позднѣе (въ 1879) въ чтеніяхъ въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, книга первая.

сковъ трехъ сказаній. Ихъ переписывали, слегка измѣняя, въ теченіи трехъ столѣтій. Сказанія о Куликовской битвѣ были чѣмъ то въ родѣ народной излюбленной героической поэмы для нашихъ книжниковъ и, не смотря на варіанты, онѣ сохранили цѣльность и неприкосновенность своей первоначальной письменной обработки. Всѣ извѣстныя намъ во множествѣ списковъ повѣствованія о Задонскомъ бою, всѣ безъ исключенія представляютъ каждое только редакцію или Повѣданія или рѣже Лѣтописнаго Сказанія, или еще рѣже Задонщины. По мнѣнію моему это три особыхъ произведенія—независимыя одно отъ другаго и принадлежащія каждое особой литературной школѣ.

Первая школа—это сѣверно-русское лѣтописаніе. Школа эта произвела нѣсколько лѣтописныхъ повѣстей, какъ напр. объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Тохтамыша. Школа эта отличается слишкомъ большою искусственностью, строгою книжностью, офиціальностью, общими мѣстами. Событіе Задонской битвы получило въ этой школѣ свою обработку.

Офиціальный раскащикъ, какъ видно, описалъ въ Москвѣ, спустя нѣсколько времени по возвращеніи туда Димитрія Ивановича, великое событіе. Отсутствіе подробностей въ описаніи похода и битвы ясно говоритъ за то, что онъ не только не былъ очевидцемъ, но мало и вслушался въ разсказы свидѣтелей и участниковъ похода. Авторъ воодушевляется текстами священнаго писанія: и въ бранныхъ приговорахъ Олегу Рязанскому и Мамаю (враже, измѣнниче Ольже) видѣнъ тотъ же офиціальный тонъ, съ которымъ черезъ столѣтіе будутъ писать «о благочестивомъ дѣлателѣ Иванѣ III и объ окаянной Марѳѣ». Сказаніе это, блѣдное, какъ и всѣ подобныя сказанія; писано оно однако при жизни великаго князя—героя дѣла и чуждо анахронизмовъ. При отсутствіи живыхъ подробностей есть однако точность въ опредѣленіи дней и часовъ битвы.

Димитрій представленъ первымъ лицомъ, героемъ, одухотвореннымъ и сознающимъ свой подвигъ. Въ его уста влагаются молитвы, которыми обрисовывается его отвага и упованіе на Бога. Димитрій все дѣлаетъ самъ и черезъ него Богъ помогаетъ ему и Русскимъ. О преп. Сергіи сказано вскользь—въ одномъ мѣстѣ: что отъ него пришла грамота.

Не смотря на сухость и извѣстную искусственность, въ этомъ памятникѣ есть черты, указывающія намъ на то, что прежде всего прозвучала пѣсня славы о Куликовской битвѣ и что въ этой пѣснѣ пролитая кровь сравнивалась съ дождемъ, какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, и говорилось, что Мамай бѣжалъ *неготовыми дорогами.* Не смотря на приверженность къ своей школѣ, авторъ Сказанія не могъ оставаться совершенно чуждымъ тѣмъ поэтическимъ выраженіямъ, которыми не перомъ, а голосомъ славился подвигъ Русскихъ, не допустившихъ Мамая повторить Батыево нашествіе. Въ первоначальныя словесныя похвалы входилъ разсказъ объ отбытіи великаго князя изъ Москвы, и плачъ великой княгини и боярынь занималъ въ нихъ видное мѣсто. Не желая пропустить этого плача, авторъ лѣтописнаго сказанія переложилъ его на свой ладъ: «и бысть въ градѣ Москвѣ плачъ горекъ и гласъ рыданія... Рахиль плачущися чадъ своихъ съ великимъ рыданіемъ и въздыханіемъ, не хотяше утѣшитися, занеже пошли съ великимъ княземъ за всю землю Русскую на острая копія..... Увы намъ, убогая наша чадца» и т. д.

Второе сочиненіе о Куликовской битвѣ есть наиболѣе пространное и наиболѣе распространенное поэтическое сказаніе, или Повѣданіе. Преосв. Филаретъ,на основаніи Карамзина, приписалъ его рязанцу Софоніи или Софронію. Соловьевъ принялъ это положеніе, и оно стало общепринятымъ.

Открытіе автора въ лицѣ Софоніи прежде всего основалось на томъ, что только въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ, и самомъ позднѣйшемъ, Сказаніе это встрѣчается съ слѣдующимъ написаніемъ: «Исторія, или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны Рязанца іерея Сафоніи». Карамзинъ поправилъ: Софронія; Строевъ остался при Сафоніи, передѣлавъ его въ Софонію. Снегиревъ въ 1838 г. въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Общ. Ист. и Древн. издалъ этотъ памятникъ, сличивъ многіе списки. И такъ какъ нигдѣ онъ не нашелъ имени Софронія или Софоніи, то счелъ этого рязанца за переписчика или даже владѣтеля рукописи. Снегиревъ отрицалъ эту авторскую личность еще и потому что рязанецъ иначе бы отзывался о своей землѣ и о князѣ

Олегѣ, а іерей не могъ бы сохранить подробности въ описаніи битвы и доспѣховъ ратныхъ.

Открытіе Ундольскимъ третьяго рода описанія Куликовской битвы, гдѣ поминается Рязанецъ Софонія какъ лицо, прославившее это событіе, окончательно утвердило авторскія права Рязанца Софонія, какъ сочинителя пространнаго Поэтическаго Сказанія, дошедшаго до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ, XVI в.— прекрасный списокъ, принадлежащій преосв. Порфирію—нынѣ находится на выставкѣ нашего Съѣзда. Бѣляевъ, въ предисловіи къ изданной Ундольскимъ Задонщинѣ (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. кн. 14) утверждаетъ, что Софонія былъ современникомъ событія,—и въ этомъ онъ совершенно правъ; Софонія былъ современникомъ событія, но его произведеніе не дошло до насъ, а, приписываемое ему по ошибкѣ, Повѣданіе полно анахронизмовъ и не современно событію. Бѣляевъ и преосв. Филаретъ всѣ анахронизмы, встрѣчающіеся въ Повѣданіи, считаютъ за искаженія переписчиковъ.

По изданіи XV т. П. С. Р. Л., гдѣ вновь встрѣчается имя Софонія Рязанца, еще къ тому же «Брянскаго боярина», писавшаго на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу, споръ о томъ, кто былъ авторомъ поэтическаго сказанія прекратился: сомнѣнія изчезли. Тверская лѣтопись сохранила начало и конецъ Софоніева произведенія, которое она приписываетъ Софонію рязанцу, Брянскому боярину, «А се писаніе Софонія рязанца Брянскаго боярина на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу: Вѣдомо ли вамъ русскимъ государямъ—царь Мамай пришелъ изъ Заволожья.... Переписчикъ не захотѣлъ переписывать памятникъ, но приведя его начало, привелъ и заключительныя слова: «чести себѣ добыли и славнаго имени».

Но однако-же авторомъ Поэтическаго Сказанія не былъ приснопоминаемый Рязанецъ, и оно не сомнѣнно писано въ XV столѣтіи. Задонщина древнѣе его, а Софоній былъ однимъ изъ первыхъ прославителей задонской побѣды. Его произведеніе не дошло до насъ всецѣло, а только въ отголоскахъ, въ занесенныхъ по памяти въ сказанія, въ мѣняющихся, колеблющихся поэтическихъ эпизодахъ.

Поэтическое Сказаніе, или Повѣданіе проникнуто духомъ поэзіи религіозной, монашеской и представляетъ собою округленное цѣлое. XV-й вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ монашества. Въ лѣсистыхъ пустыняхъ появились монастыри. Сила духа, смирявшаяся подъ ударами судьбы, въ первую половину татарскаго ига, стала силою дѣятельною, созидающею, устрояющею спасеніе братіи. Изъ народа выдѣлились дружины, сомкнутыя около мужественныхъ игуменовъ и пошли онѣ на встрѣчу подвигу, опасностямъ, трудностямъ всякаго рода. Но только цѣль ихъ была отличная отъ цѣли богатырей—защитниковъ отечества. Польза душевная, спасеніе души—вотъ побужденіе, для котораго твердымъ, непреклоннымъ подвижникамъ прежде всего нужно было смиреніе. Этимъ то духомъ смиренія и проникнуто Повѣданіе. Главнымъ героемъ его является преп. Сергій. Его благословеніемъ и молитвами совершается великое дѣло. Опоэтизированная личность Радонежскаго игумена, отца новаго сѣвернаго русскаго монашества, только въ XV в. могла явиться въ такомъ блескѣ и съ такимъ значеніемъ.

Сказаніе это—религіозная поэма, съ живымъ, отчасти народнымъ характеромъ. Это въ своемъ родѣ Лузіада московскаго творчества, гдѣ элементъ профанный, народный мирится съ монашескимъ воззрѣніемъ. Анахронизмы, о которыхъ говорятъ ученые—будто бы они вставлены переписчиками, составляютъ существенную часть въ организмѣ Повѣданія и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что Повѣданіе несовременно событію. Но анахронизмы эти естественны, ихъ легко можно объяснить. Для полноты автору необходимо было очертить отношенія смиреннаго великаго князя къ его отцу—митрополиту всея Руси. Память о Кипріанѣ въ XV в. была свѣжа, его помнили, какъ [illegible] пастыря и [illegible], что онъ былъ современникомъ Димитрія Ивановича, [illegible] было довольно, чтобы [illegible] въ Москвѣ во время походовъ Димитрія, хотя Кипріанъ не былъ митрополитомъ во время [illegible] похода. [illegible] великимъ княземъ [illegible] Ольгерда, который [illegible] Москвѣ. Авторъ Повѣданія [illegible] Ольгерда: онъ [illegible] Ольгерда [illegible] Димитрія.—[illegible]—

это молитва великаго князя передъ образомъ Богородицы, перенесеннымъ изъ Владиміра на Клязьмѣ уже при сынѣ его. Во время написанія Повѣданія образъ Владимірской Богородицы былъ неотъемлемой и первостепенной святыней Москвы и авторъ, водя князя изъ церкви въ церковь, воодушевлялся поочередно святынями кремля, ему хорошо извѣстными. Онъ не помнилъ торжественнаго перенесенія иконы изъ Владиміра въ Москву. Еще доказательство тому, что памятникъ писанъ не прежде XV вѣка.

Согласно идеалу князя благочестиваго и смиреннаго, покорнаго судьбамъ, Димитрій не дерзаетъ идти противъ Татаръ. Не тѣ тексты, не тѣ молитвы произноситъ онъ, что въ Лѣтописномъ Сказаніи. Молитвы его проникнуты смиреніемъ, но въ нихъ не видно духа отваги и рѣшимости. Усиленно, настойчиво Повѣданіе говоритъ о томъ, какъ упорно Дмитрій отклонялъ отъ себя борьбу съ Мамаемъ и старался склонить гнѣвъ хана на милость. Вотъ наконецъ собрался великій князь съ духомъ—и пошелъ на совѣщаніе къ митрополиту. Въ этой бесѣдѣ авторъ испытываетъ словами митрополита чистоту намѣреній великаго князя въ войнѣ съ Мамаемъ и правоту его по отношенію къ великимъ князьямъ Литовскому и Рязанскому. Война съ Мамаемъ получаетъ характеръ религіозный: ханъ хочетъ искоренить вѣру православную и разорить церкви. Для священной борьбы должна быть и помощь свыше. Орудіемъ Божьей помощи является Сергій, обитель котораго посѣщаетъ великій князь.

На такомъ воззрѣніи на монастырь народная поэзія сошлась съ Повѣданіемъ. Въ былинахъ позднѣйшаго времени объяснено куда дѣвалось богатырство: оно ушло въ келіи монастырскія. Въ одной былинѣ воспроизведенъ пиръ Владиміра: вѣчно юный князь смущенъ вѣстью о нашествіи враговъ. Сила черная узнала—провѣдала, что богатыри ушли въ честные монастыри, и обступила стольный Кіевъ градъ Князь вызываетъ охотника на силу невѣрную,. но большой богатырь хоронится за средняго, средній за младшаго, а отъ младшаго отвѣта нѣтъ. Въ концѣ концовъ, послѣ третьяго призыва, появился богатырь, но его сила никому неизвѣстна, онъ

И разумомъ глупешенекъ
И ростомъ малешенекъ.

Откуда же этотъ новичекъ почерпнетъ силы богатырской? изъ своего чудеснаго бѣла горюча камня не дохнетъ на него богатырь стараго времени: камень отжилъ свое; онъ нѣмъ и ничего не говоритъ новому времени.

Поворачиваетъ онъ коня къ монастырю пречестному
Да ко тѣмъ ли ко келіямъ монастырскимъ;
Да въ ту пору мать сыра земля сколыбалася,
Старчище чернище въ землѣ засовалося.

Богатырь—инокъ благословляетъ своего юнаго преемника и посылаетъ его отыскивать въ чистомъ полѣ коня богатырскаго. Бурушка косматый прибѣгаетъ на богатырскій свистъ. По указанію того же старца выкапывается изъ земли глубоко зарытая въ нее богатырская сбруя и палица булатная, и новый богатырь во всеоружіи летитъ на встрѣчу невѣрной силы. И вотъ въ Повѣданіи являются богатыри схимники.

Повѣданіе какъ и житіе преп. Сергія, подробно говоритъ о томъ какъ Сергій напутствовалъ Пересвѣта и Ослябу. Первому предоставляется подвигъ единоборства съ Телябугою, а при Ослябѣ былъ юный сынъ его Іаковъ Ослябятинъ, о которомъ знаетъ Лѣтописное Сказаніе и о которомъ упоминали первоначальныя пѣсни славы, какъ это видно изъ Задонщины. Проводы великаго князя, его молитвы въ различныхъ храмахъ, видѣнія передъ битвою, новыя молитвы и наконецъ возвращеніе въ Москву и благодарственное путешествіе къ Сергію, гдѣ преподобный старецъ уже заранѣе извѣстилъ братію о счастливомъ исходѣ битвы – все это составляетъ органическое цѣлое со стороны основной идеи автора. У Сергія-Троицы завязка и развязка всего, и тамъ прощаются съ Димитріемъ его пособники, Ольгердовичи, безкорыстно приходившіе защищать вѣру Христову. Такимъ образомъ все въ Повѣданіи подчинено религіозной идеѣ. Произведеніе это округлено и закончено.— Но могъ ли авторъ, несовременный событіямъ, при составленіи такого обширнаго сказанія, обойдтись безъ источниковъ? Конечно они у него нашлись: то были записки о походѣ, доставившія ему числа дней, собственныя имена, подробности

пути и сраженія, такъ что по его произведенію возможно начертить планъ Куликовской битвы. Но болѣе всего послужили автору дошедшія до него преданія и гусельныя слова, былины и Софоніевы, не дошедшія до насъ, складки о Задонщинѣ. Многое авторъ старался передѣлать, но въ передѣлкѣ видна первоначальная основа. По нѣкоторымъ признакамъ можно возстановить эпическій источникъ. Такъ, напримѣръ, замѣтенъ слѣдъ былины о томъ, какъ Димитрій узнасть о нахожденіи Мамая. Былина начиналась пиромъ у тысяцкаго Микулы. Среди пиру возговорилъ великій князь и сталъ вызывать охотниковъ идти къ Татарамъ добывать языка. Вызвались крѣпкіе юноши, крѣпкіе оружники: Родіонъ Ржевскій, Андрей Волосатый (Усатый) и Василій Тупикъ, и ихъ то посылаетъ князь великій на Быструю Сосну. Стража замедлила въ полѣ, послали трехъ другихъ, имена которыхъ въ различныхъ спискахъ не точны и колеблются по созвучью. Они встрѣтились съ Тупикомъ, а онъ несъ не добрыя вѣсти и такое слово Мамая: «пойдемъ на Русь, обогатимся русскимъ златомъ, и пусть никто изъ васъ не пашетъ хлѣба; будьте готовы на русскіе хлѣба». Послышалъ это князь великій и проговорилъ своимъ князьямъ и воеводамъ: Братья князи Русскіе! мы гнѣздо великаго князя Ивана Даниловича, постраждемъ за вѣру до смерти. И отвѣчалъ ему князь Владиміръ Андреевичъ и всѣ князи Русскіе и воеводы: готовы умереть съ тобою, готовы головы положить за твою великую обиду.

Въ плачѣ княгини, не смотря на книжный характеръ также, видна эпическая основа. «Господи Боже, сподоби мя видѣти своего государя... азъ имѣю двѣ отрасли малыя: Василія да Юрія; еда поразитъ ихъ солнце сіяющи или вѣтръ ихъ подвѣваетъ противу запада—обое не могутъ терпѣти». Тутъ видна распространенная передѣлка обычнаго въ былинахъ выраженія: Ихъ солнышко не опекетъ и буйные вѣтры не обвѣютъ.

Не буду приводить извѣстныхъ мѣстъ, совершенно схожихъ съ гусельными словесы Задонщины. Скажу только, что мѣста эти имѣютъ множество варіантовъ, что несомнѣнно говоритъ за то, что онѣ вносились переписчиками въ памятникъ по памяти, а не съ грамоты. Оставляя въ неприкосновенномъ видѣ все религіозное, всю основу Повѣданія, переписчики пе-

реиначивали гусельныя выраженія, а также измѣняли собственныя имена начальниковъ отрядовъ и соглядатаевъ и вносили нерѣдко имена своихъ земляковъ, на самомъ дѣлѣ не принимавшихъ никакого участія въ знаменитомъ походѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ спискахъ, тѣмъ же вольнымъ складомъ описано участіе Новгородцевъ въ Донскомъ бою. Книжная, городская, офиціальная литературная школа была дальше отъ народа, чѣмъ монастырская, возникшая въ сердцѣ народа.

Эпизодъ гаданья, въ Повѣданіи, не настолько чуждъ религіозности XV вѣка, какъ это кажется на первый разъ. Испытаніе яленій природы граничило близко съ христіанскою религіозностью. И если иные монахи говорили, что «Не наше есть разумѣти тайны Божіи», то другіе въ своихъ молитвословахъ отмѣчали счастливые и не счастливые дни, по лунѣ, или по зодѣямъ.

Много можно найти выраженій въ Повѣданіи», которыя уцѣлѣли въ обломкахъ и въ Задонщинѣ. Это то цѣлое въ своей первоначальной письменной или словесной обработкѣ могло принадлежать творенію Рязанца Софоніи. Задонщина вспоминаетъ этого пѣвца временъ Куликовской битвы и старается воспроизвести его складныя похвалы.

Изо всѣхъ ошибокъ и искаженій, попадающихся въ многочисленныхъ спискахъ Повѣданія самою крупною ошибкою оказывается приписаніе этого произведенія Рязанцу Софоніи. Ошибка эта повела къ другимъ ложнымъ заключеніямъ въ родѣ того, что будто авторъ Задонщины (произведенія древнѣйшаго) подражалъ автору Повѣданія (памятника позднѣйшаго).

Задонщина представляетъ если не прямой источникъ, то образецъ источниковъ Повѣданія и несомнѣнно древнѣе этаго послѣдняго, полнаго анахронизмовъ.

Задонщина принадлежитъ къ третьей литературной школѣ, самой бѣдной у насъ по количеству произведеній: къ письменной обработкѣ пѣсней славы или гусельныхъ словесъ. Произведеніе же рязанца Софоніи—повторяю—не дошло до насъ въ цѣлости. Да неизвѣстно было-ли оно предано письму. Быть можетъ оно было на памяти у писателей, какъ лучшая и первая по времени похвала побѣдоносной битвѣ.

Ровно черезъ 10 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ нашей статьи появилась въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія статья С. Тимоѳеева: «Сказаніе о Куликовской битвѣ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія» *). Формулируя свои выводы, въ концѣ статьи, г. Тимоѳеевъ подъ цифрой VIII говоритъ: «Литература имѣющая предметомъ изучаемыя произведенія крайне скудна и вовсе не соотвѣтствуетъ тому интересу, который вызывается содержаніемъ памятниковъ и ихъ популярностью въ древней Руси».

Однако же при этой скудости авторъ не замѣтилъ дважды изданной въ ученыхъ сборникахъ статьи нашей, которая открыла многое, что считаетъ онъ за исключительно свое. Укажемъ хотя-бы на выводы о несовременности Повѣданія событію Куликовской битвы, объ утраченномъ первоначальномъ сказаніи или объ особомъ происхожденіи Задонщины.

Въ общемъ выводы г. Тимоѳеева нѣсколько отличаются отъ нашихъ. Онъ утверждаетъ, совершенно умалчивая о лѣтописномъ сказаніи, что существовали двѣ отдѣльныя редакціи одного и того же произведенія. Мы находимъ, что было три различныхъ произведенія, каждое особой литературной школы. По мнѣнію г. Тимоѳеева Словомъ о Полку Игоревѣ руководились оба автора (уже не редакторы): составитель Повѣданія и составитель Задонщины. Мы же доказываемъ, что утраченный памятникъ былъ изложенъ гусельнымъ складомъ, складомъ Слово о Полку Игоревѣ и отразился въ стилѣ позднѣйшихъ, намъ извѣстныхъ произведеній, а болѣе всего въ Задонщинѣ. Многія частныя доказательства г. Тимоѳеева подтверждаютъ наши выводы, хотя и отличаются отъ подобныхъ же, приводимыхъ нами, доказательствъ. Изслѣдованіе г. Тимоѳеева, нисколько не опровергая нашихъ выводовъ, затемняетъ вопросъ о памятникахъ. Не то бы было, если-бы, отнесшійся строго къ задачѣ, авторъ свелъ счеты съ своимъ ближайшимъ предшественникомъ по вопросу. Будущему изслѣдователю не обойтись безъ нашей статьи, какъ и безъ статьи г. Тимоѳеева, для окончательной постановки ученаго вывода о памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву.

---

*) Жур. М. Нар. Просв. Августъ и Сентябрь 1885 г.

Князь инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ *).

Историко-литературный очеркъ.

Древняя Россія весьма не богата литературными дѣятелями, имена которыхъ извѣстны. Выдающіеся по своему особому направленію, не вторившему господствующимъ убѣжденіямъ вѣка, авторы тѣмъ болѣе рѣдки.

Въ XVI-мъ столѣтіи одинъ только писатель, князь Курбскій, поражаетъ живыми чертами своеобразности и отрицательнымъ взглядомъ на явленія московской жизни.

Шестнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ осуществленія тѣхъ надеждъ, которыми Москва жила издавна,—когда серединное великое княженіе достигло наконецъ своего царственнаго и властнаго значенія. Въ началѣ этого столѣтія, великій князь Василій Ивановичъ еще не рѣшался называться царемъ, несмотря на то, что духовные писатели неизмѣнно величали его этимъ саномъ. Все упоеніе славою и величіемъ царскаго имени выпало на долю его сына, вскормленнаго на ученіи о своемъ правѣ—по наслѣдству, по происхожденію и по Божьей благодати, даровавшей міру новое православное царство.— При Іоаннѣ Грозномъ установилось политическое тѣло Русскаго государства, установились и идеалы нравственной и религіозной жизни. Идеалы домашняго быта тогда получили узаконеніе въ «Домостроѣ». Разногласія въ дѣлахъ вѣры умолкли передъ твердыми положеніями «Стоглаваго собора». Ученіе о священныхъ правахъ царя нашло себѣ провозвѣстника въ самомъ царѣ, какъ писателѣ. Москва, собравшая земли,

*) Напечатано въ Древней и Новой Россіи 1875 г., т. II.

стала собирать во едино мѣстныя вѣрованія. Московскія церкви наполнились чудотворными иконами, прославленными въ различныхъ скромныхъ углахъ обширнаго государства. Съ листковъ маленькихъ монастырскихъ тетрадей поэтическія сказанія о жизни и чудесахъ мѣстныхъ святыхъ переписались на роскошныя страницы великихъ Миней-Четій митрополита Макарія. Нельзя не сознаться, что съ тѣмъ вмѣстѣ настали долгіе годы застоя и нѣкотораго, иногда необходимаго для упроченія народныхъ силъ, самодовольства. Литература на долгое время закоснѣла въ своей офиціальной формѣ, въ своей стройности византійскихъ, укоренившихся на Руси воззрѣній. И среди этаго однообразія, среди отсутствія оттѣнковъ въ направленіи, съ изумленіемъ останавливаешься на писаніяхъ князя Курбскаго, нарушающихъ общій строй московскихъ воззрѣній. Явленіе это странно, пока оно одиноко, исключительно. Однако же появленіе въ русской жизни особаго взгляда на царя и его самовластные и жестокіе поступки, на теорію верховной власти и отношенія царя къ его «синклитамъ» объясняется взглядомъ этого же писателя на не современныхъ ему дѣятелей, жившихъ при отцахъ и дѣдахъ. Православный русскій человѣкъ, москвичъ, Курбскій становится судьею и обличителемъ самыхъ авторитетныхъ лицъ, ему не современныхъ. Это одно указываетъ на исторію его направленія: Курбскій былъ не одинъ: онъ унаслѣдовалъ взгляды своихъ предшественниковъ. У его противниковъ были предшественники, и къ нимъ то онъ и относится враждебно.

Курбскій съ особымъ чувствомъ уваженія относится къ Максиму Греку, своему учителю, и къ памятному на Москвѣ князю иноку Вассіану Патрикѣеву, а между тѣмъ оба эти лица были заточены по приговору освященнаго собора, какъ еретики. Курбскій строго осуждаетъ всѣхъ «осифлянъ» и ихъ зловредному вліянію приписываетъ перемѣну въ Іоаннѣ. Между тѣмъ главою осифлянъ былъ Іосифъ Волоцкій, сначала чтимый за святаго въ монастырѣ своемъ, а въ послѣдствіи причтенный и въ Москвѣ къ лику русскихъ святыхъ. Такимъ образомъ видна рознь въ воззрѣніяхъ на лица, стоявшія во главѣ извѣстныхъ партій. Рознь эта началась въ эпоху

государствованія Ивана III-го, и совпала она съ уничтоженіемъ самостоятельности послѣднихъ княжествъ и новгородской вольницы—совпала не случайно, а въ силу сродства религіозныхъ и политическихъ воззрѣній.

Оглянемся на послѣднюю четверть XV-го столѣтія, когда выступили впередъ люди съ новыми мыслями, и завязалась первая борьба въ средѣ русскихъ писателей. То былъ вѣкъ торжества православной вѣры. Религіозное развитіе въ городахъ сдѣлало большіе успѣхи и вмѣстѣ съ религіозною силою выросла и государственная. Послѣ паденія Царяграда русскій писатель (въ Повѣсти о взятіи Царяграда) такимъ образомъ взываетъ къ побѣдителю послѣдняго Константина: «Но познай, о окаянне: свершится пророчество, свершатся предзнаменованія, бывшія при основаніи города: Русскій родъ, предъ избранной отъ Бога, побѣдитъ всего Измаила и возметъ седмихолмный и въ немъ воцарится». Погибель греческаго царства объяснялась отступленіемъ грековъ отъ православной вѣры, а Русь являлась преемницею Византіи, хранительницею чистаго православія. Оглядываясь на русское прошедшее, близкое къ нему по времени, другой писатель конца XV-го вѣка (Іосифъ Волоцкій въ «Просвѣтителѣ» говоритъ о своемъ отечествѣ: «Солнце евангельское нашу землю освѣщаетъ, громъ апостольскій оглашаетъ насъ. Устроились божественныя церкви, составились честные монастыри; святители и преподобные чудотворцы наши взлетали какъ бы на золотыхъ крыльяхъ на небеса». И вотъ, неожиданно для всѣхъ, въ угнетенномъ и раздраженномъ Новгородѣ, проявились новыя мысли о догматахъ вѣры и о церковныхъ обычаяхъ. Въ средѣ же невѣжественныхъ клириковъ проявилось ожесточенное и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушное, отношеніе къ святынѣ. Ересь возбудила лучшія силы русскихъ грамотниковъ къ борьбѣ. Защитники укоренившихся вѣрованій являются безпощадными въ спорѣ, или даже не въ спорѣ—потому что они не считали еретиковъ достойными спора—а въ опроверженіи еретическихъ мыслей. Они провозглашаютъ страшное ученіе нетерпимости, вводятъ въ русскую жизнь р о з ы с к ъ и требуютъ смертной казни еретикамъ. Но на русской почвѣ въ тоже время появляется и другое ученіе, несогласное съ нетерпимостью Новгородска-

го архіепископа Геннадія и Волоколамскаго игумена Іосифа: то было ученіе, такъ называемыхъ Заволожскихъ старцевъ— ученіе снисходительное, предлагавшее мягкое, выжидающее обращеніе съ еретиками. Ученіе это было изгнано и заподозрѣно въ еретичествѣ. Насильственное нарушеніе стараго политическаго строя не прошло даромъ: единство религіозныхъ интересовъ дрогнуло, совѣсть народная помутилась. Новгородъ видитъ послѣднія времена въ возникающемъ Московскомъ царствѣ; Москва обвиняетъ Новгородъ въ латинствѣ и безбожіи и тѣмъ оправдываетъ погромъ, называя его, притомъ дѣломъ благочестія. Защитники православія скрѣпляютъ союзъ вѣры и государства, и великій князь, незамѣтно для себя, привыкаетъ смотрѣть на еретиковъ, какъ на враговъ своего могущества. Борьба боярскаго вліянія съ самодержавіемъ Ивана III-го была приведена въ связь съ еретическимъ движеніемъ. Опала на бояръ и заключеніе наслѣднаго внука совпали съ рѣшительнымъ преслѣдованіемъ еретиковъ. Ученіе Іосифа Волоцкаго, изложенное въ обширныхъ главахъ «Просвѣтителя», воспитало убѣжденія Іоанна Грознаго. На страницахъ этой книги первый царь поучался тому, какъ надо быть твердымъ и безпощаднымъ въ преслѣдованіи измѣнниковъ церкви. Отсюда легко было перенести эти воззрѣнія на своихъ государевыхъ измѣнниковъ. Въ этой книгѣ Грозный обрѣлъ готовыя понятія о высотѣ и священномъ значеніи своего царскаго достоинства и объ отвѣтственности своей за послабленіе измѣнѣ.

И такъ, въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка, при дѣдѣ и отцѣ перваго царя, происходила въ русскомъ обществѣ рознь и борьба, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей былъ съ одной стороны Іосифъ Санинъ, основатель богатаго монастыря на Волокѣ-Ламскомъ, съ другой инокъ Вассіанъ, вь мірѣ князь Василій Косой Патрикѣевъ. Если Іосифъ повліялъ своими сочиненіями на Грознаго, то направленіе Вассіана нашло себѣ преемника въ Курбскомъ.

Объ Іосифѣ довольно писано въ нашей ученой и церковной литературѣ. Любопытной во многихъ отношеніяхъ личности князя-инока посвящаемъ предлагаемый очеркъ.

Со времени Димитрія Донскаго начинаются брачные союзы между потомками Калиты и Гедимина. Дочь великаго князя Димитрія Ивановича была за Семіономъ Ольгердовичемъ. Владиміръ Андреевичъ Храбрый женился на Ольгердовнѣ и наконецъ великій князь Василій Дмитріевичъ на Витовтовнѣ. Вскорѣ и потомкамъ Гедимина стало тѣсно на Литвѣ и, не поладивъ съ родственниками, многіе изъ нихъ искали счастія гдѣ могли, шли на службу къ сильнымъ сосѣднимъ державцамъ. При великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ пріѣхали на службу въ Москву братья князья Патрикѣевичи, внуки Гедиминова сына Наримонта *). Старшій изъ нихъ, Өедоръ, прозвался Хованскимъ и имя это навсегда удержалось за его потомствомъ; младшій, Юрій, назвался по имени дѣда Патрикѣевымъ. Дѣти Юрія назывались также, какъ и отецъ, но внуки получили каждый особое прозвище, а именно дѣти Василія Юрьевича Патрикѣева назвались: Иванъ Булгакомъ, а Данило Щенятеою. Этотъ послѣдній, князь Данило Васильевичъ Щеня, храбрый воевода Ивана III, сдѣлался родоначальникомъ князей Щенятевыхъ, а Иванъ Булгакъ былъ отцемъ князя Михаилы Голицы и князя Андрея Кураки, прозвища которыхъ сохранилось до нашего времени въ фамильныхъ именахъ ихъ прямыхъ потомковъ, князей Голицыныхъ и Ку-

*)

ракиныхъ. Только одинъ изъ внуковъ Юрія Патрикѣевича, князь Василій Ивановичъ, по прозвищу Косой, именовался подобно отцу княземъ Патрикѣевымъ. По пріѣздѣ въ Москву, младшій изъ двухъ Патрикѣевичей, князь Юрій, женился на дочери великаго князя Василія Димитріевича и Софіи Витовтовны, на сестрѣ Темнаго, а племянницу свою, привезенную изъ Литвы, (дочь третьяго брата) выдалъ за-мужъ за велико-княжескаго брата, князя Андрея Дмитріевича Можайскаго.

Въ Москвѣ тогда пользовались среди бояръ особымъ значеніемъ потомки знатныхъ выходцевъ: Кобылы, Ратши, Ховры, Мурзы-Чета—бояре Кошкины-Голтяи, Челяднины, Ховрины, Сабуры. Потомки первыхъ звались уже въ слѣдующемъ столѣтіи Романовыми и Шереметевыми, потомки Челядниныхъ стали именоваться Бутурлиными, Пушкиными и многими другими именами, Ховрины назывались Головиными, а происходившіе отъ Мурзы-Чета-Годуновыми и Сабуровыми. Гордые своимъ положеніемъ въ Москвѣ, бояре эти не очень-то охотно поступались мѣстами своими для вновь пріѣзжихъ князей. Когда князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ (Хованскій) занялъ мѣсто, на свадьбѣ своего брата съ великой княжной, выше боярина Сабура, то послѣдній указалъ ему, что Хованскому не уступятъ мѣста подобно тому, какъ уступили мѣсто младшему его брату; но то сдѣлали не ради его самаго, а ради жены его, дочери великаго князя: «У него Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога нѣтъ». Кика головной уборъ княгини.

Князь Юрій Патрикѣевичъ сослужилъ многія службы великимъ князьямъ, тестю своему Василію Димитріевичу и шурину Василію Темному. Послѣ пожара, послѣдній со всѣмъ семействомъ своимъ переѣхалъ въ домъ Юрія Патрикѣевича. Сынъ Юрія Патрикѣевича, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, удержалъ за собою высокое положеніе отца, Съ нимъ соперничать могли только князья Ряполовскіе и бояре Ховрины. Первые обязаны были своими мѣстами не тому, что происходили отъ Всеволода-Большое Гнѣздо, а тому, что оказали значительныя услуги Темному въ пору борьбы его съ Шемякою. Знатнѣйшій Москвичъ Володиміръ Григорьевичъ Ховринъ былъ такъ популяренъ, что лѣтописцы называютъ его просто по имени-«Володиміръ». У него у перваго воздвиглись каменныя палаты

и на дворѣ своемъ онъ построилъ каменную-же церковь Воздвиженья. Великій князь Иванъ Васильевичъ дружилъ съ нимъ, отдалъ ему на руки всю казну и былъ крестнымъ отцемъ его старшаго сына Ивана Головы *).

Князь Иванъ Юрьевичъ породнился съ обоими домами: самъ онъ женился на дочери Володиміра Ховрина, а позднѣе дочь свою выдалъ за князя Семена Ряполовскаго. Но если Володиміръ Григорьевичъ былъ казначеемъ великаго князя, то князь Иванъ Юрьевичъ былъ его большимъ намѣстникомъ и московскимъ воеводою. О высокомъ значеніи князя Патрикѣева въ государствованіе Ивана III говорятъ многія лѣтописныя извѣстія. Родные братья великаго князя, ища примиренія съ Державнымъ, прибѣгли къ посредничеству Ивана Юрьевича. Изъ завѣщанія князя Патрикѣева видно, что у него богатства было: двѣ слободы, двадцать девять селъ главныхъ, кромѣ селъ и деревень, приписанныхъ къ селамъ. Сверхъ того, у него были луга и мѣста городскія. Челядь у него многочисленная: былъ свой дьякъ и свой серебряный мастеръ, были свои бронники, трубники, стрѣлки. — Когда перестроивали дворецъ великаго князя, то «Иванъ Васильевичъ поселился—гласитъ лѣтопись — въ домѣ князя Ивана Юрьевича и съ женою своею и съ дѣтьми, съ невѣсткою своею и внукомъ своимъ». О домѣ Патрикѣева сохранилось въ лѣтописяхъ извѣстіе, что онъ находился въ самомъ кремлѣ, у Боровицкихъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ митрополичій при Петрѣ митрополитѣ.

Родственникъ велико-княжескій, по своему положенію и по родству съ знатнѣйшими боярами, князь Иванъ Юрьевичъ сдѣлался естественнымъ представителемъ боярства и дорожилъ его давними дружинными правами. Права-же эти трудно было согласить съ новымъ царственнымъ значеніемъ великаго князя, начинавшаго рѣшать дѣла по своему разуму безъ совѣта боярскаго. Князь Иванъ Юрьевичъ не могъ сочувственно отнестись къ новой великой княгинѣ грекинѣ, или римлянкѣ, какъ называютъ ее лѣтописи. Грекиня и ея потомство съ царственными правами послѣдняго Константина пришлись не по духу бояръ, которые и составили династическую партію въ

*) Родной внукъ этого Головы стяжалъ себѣ печальную извѣстность клеврета Малюты, подъ прозвищемъ Грязнаго.

пользу потомства великаго князя отъ перваго брака его съ княжной Тверскою. Старшій сынъ Ивана III, Иванъ Ивановичъ, умеръ скоропостижно въ то время, когда брату его Василію, сыну Софіи, было одинадцать лѣтъ, а его собственному сыну Димитрію всего семь. Знатнѣйшіе бояре твердо стали за Димитрія, не смотря на то, что со смертью отца, при жизни дѣда, права внука были не по старинѣ.—Хотя Герберштейнъ, посѣтившій Москву черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Софіи, и передаетъ свѣдѣнія о ея властномъ и вліятельномъ значеніи, но можно съ достовѣрностью утверждать, что грекиня пріобрѣла его довольно поздно, а именно въ послѣдніе годы жизни своей, въ то время, когда сынъ ея достигъ зрѣлаго возраста. Изъ всего видно, что положеніе Софіи въ теченіи долгихъ лѣтъ было не вліятельное, и что самъ супругъ смотрѣлъ на грекиню съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и даже заподозрилъ ее въ намѣреніи и даже попыткахъ отравить его потомство отъ перваго брака. Софія не была любима въ Москвѣ. На той же страницѣ лѣтописей, гдѣ съ уваженіемъ говорится о великой княгинѣ, матери Ивана Васильевича, высидѣвшей въ Москвѣ все то время, когда Ахматъ шелъ осаждать стольный городъ, и всѣ были въ страхѣ,—съ насмѣшкой упоминается о Софіи, которая бѣгала къ Бѣлу Озеру, (бѣгала, хотя никто не гонялъ ее). Въ царствованіе Василія Ивановича, опальный бояринъ Берсень жаловался такъ Максиму Греку: «Какъ пришла сюда великая княгиня Софія съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія». Когда же Максимъ ему на это замѣтилъ, что Софія была роду великаго, то Берсень отвѣчалъ: какова-бы она ни была да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ». Эта перестановка обычаевъ, какъ оказалось изъ дальнѣйшаго разговора, состояла только въ приниженіи боярскаго значенія. Но пока еще это приниженіе не окончательно установилось, бояре стараются ослабить вліяніе грекини. Борьба продолжается цѣлое десятилѣтіе и ведется съ осторожностью до тѣхъ поръ, пока Софія и сынъ ея не получаютъ опору въ новой силѣ, которая идетъ имъ на подмогу противъ бояръ, противъ Димитрія и его матери. Сила эта была—монашество

въ лицѣ крупнаго своего представителя, Іосифа Санина, ревностнаго гонителя еретиковъ, строгаго игумена въ основанномъ имъ, и уже славившемся богатствомъ и благоустройствомъ, монастырѣ на Волокѣ-Ламскомъ.

Сліяніе интересовъ полетическихъ съ религіозными доводитъ борьбу до страстной и безпощадной схватки. Въ Софіи, или скорѣе, въ сынѣ ея, воплощается мысль о новомъ православномъ царствѣ Русскомъ. Упроченіе за Василіемъ престола представляется торжествомъ вѣры. Такое значеніе пріобрѣлъ потомокъ Палеологовъ по матери не вдругъ, а только тогда, когда ересь жидовствующихъ заразила Елену, мать Димитрія.

Великій князь Иванъ Васильевичъ въ одну изъ мирныхъ поѣздокъ своихъ въ покоренный уже Новгородъ, сблизился тамъ съ протопопомъ Алексѣемъ, ученикомъ астролога и распространителя ереси жидовствующихъ Схаріи. Алексѣй былъ взятъ великимъ княземъ въ Москву, опредѣленъ тамъ къ Благовѣщенской велико-княжеской церкви и сдѣланъ былъ духовникомъ Державнаго.

Ересь сдѣлала въ Москвѣ быстрые успѣхи, и по смерти митрополита Геронтія, митрополитомъ всея Руси поставленъ былъ одинъ изъ крайнихъ еретиковъ, Зосима, архимандритъ Симонова монастыря. Еще при митрополитѣ Геронтіи послышался голосъ обличителя ереси. Іосифъ Волоколамскій обращался ко всѣмъ іерархамъ и умолялъ ихъ собрать соборъ на еретиковъ. Но ересь въ томъ видѣ, въ какомъ зналъ о ней великій князь, не представлялась вредною до тѣхъ поръ пока наконецъ архіепископъ Новгородскій Геннадій не прислалъ въ Москву имъ уличенныхъ еретиковъ, безчинно ругавшихся надъ святыней. Дѣло стало такимъ образомъ, что самъ еретикъ митрополитъ долженъ былъ собрать соборъ на хулителей вѣры. На этомъ соборѣ были обличены въ ереси протопопъ Алексѣй, другіе попы, крестовый дьякъ великаго князя и еще нѣкоторыя лица, обнаружившія нечестивую жизнь и кощунство надъ предметами религіознаго поклоненія. Еретиковъ, по осужденіи, отослали, какъ извѣстно, къ Геннадію, который, нарядивъ ихъ въ одежды «сатанина воинства», устроилъ имъ позорный въѣздъ въ Новгородъ и всенародно сжегъ на головахъ ихъ соломенные вѣнцы съ мочальными кистями. Потомъ ихъ за-

ключили въ темницы по смерть.—Великій князь не пощадилъ духовника своего и покаралъ уличенныхъ въ ереси, несмотря на то, что прежде, пока не перешли они границъ въ размышленіяхъ о вѣрѣ, онъ самъ былъ единомысленъ съ ними. Но преслѣдователи ереси недовольны были и самою строгостію государя; они указывали на то, что еретики братья Курицыны оставались въ покоѣ и даже въ почетѣ; они жаловались на то, что осужденные за оскорбленіе святыни хулители святыни не были преданы смерти.—Послѣ осужденія еретиковъ, Курицыны еще нѣсколько лѣтъ оставались въ прежнемъ положеніи государевыхъ дьяковъ. Близь Ивана Васильевича видимъ и Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ. Патрикѣевъ сынъ сопровождаетъ Державнаго въ Новгородъ и оттуда посылается воеводою на Гамскую землю *), князь Семенъ Ряполовскій исполняетъ послѣ того весьма важное порученіе; онъ беретъ въ плѣнъ велико-княжьяго брата, по указу Державнаго. Онъ же, Ряполовскій вмѣстѣ съ Патрикѣевымъ и Ѳедоромъ Курицынымъ устраиваетъ бракъ дочери Ивана III-го съ великимъ княземъ Литовскимъ. Такимъ образомъ партія Елены и сына ея, несмотря на нѣкоторое соприкосновеніе съ ересью и на грозную опалу, постигшую еретиковъ, имѣетъ силу. Великій князь въ эти годы держитъ внука безотлучно при себѣ. Для полной побѣды боярамъ оставалось одно: поссорить великаго князя съ супругою и ея сыномъ и утвердить престолъ за внукомъ. Пора дѣйствовать наконецъ настала, и семнадцатилѣтній сынъ великаго князя, Василій, вдругъ обвиненъ былъ въ глазахъ отца, какъ заговорщикъ, намѣревавшійся похитить казну и бѣжать съ нею въ Вологду. Обвиненіе подкрѣплено было свидѣтельствами, и великій князь опалился на сына своего и на жену. Послѣднюю обвинили въ томъ, что она призывала къ себѣ женокъ чародѣекъ, лихихъ отравительницъ. Безъ сомнѣнія Софію обвиняли въ попыткѣ отравить Димитрія-внука, хотя впрочемъ лѣтопись и не поясняетъ причины, зачѣмъ великой княгинѣ нужны были отравительницы. Дорожа правомъ своимъ быть полнымъ, безотчетнымъ хозяиномъ въ государствѣ и единолично распоряжаться преемствомъ власти своей, великій князь какъ бы въ

*) Гамская, Емьская земля—Финляндія.

отмщеніе лиходѣямъ, провозгласилъ внука соправителемъ и наслѣдникомъ и вѣнчалъ его царскимъ вѣнчаніемъ въ Успенскомъ соборѣ. Патрикѣевы и Ряполовскіе торжествовали, но не дремала и Софія и, прежде чѣмъ погубить невѣстку и внука, она рѣшилась напасть на явныхъ враговъ своихъ, на Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ. Дѣйствовать противъ нихъ она могла, затрогивая въ душѣ супруга то непріязненное чувство, которое онъ испытывалъ, сознавая силу большихъ бояръ. Обстоятельства, при какихъ дѣйствовала Софія, неизвѣстны: извѣстно только то, что черезъ одинадцать мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія внука, Иванъ Васильевичъ положилъ грозную опалу на большихъ бояръ, его сторонниковъ. Князю Семену Ряполовскому, не смотря на всѣ заслуги его, отрубили голову, а Патрикѣевыхъ —говоритъ лѣтопись— великій князь помиловалъ, велѣлъ ихъ постричь въ монахи. Весьма вѣроятно, что великаго князя убѣдили въ томъ, что большіе бояре извѣтомъ и клеветою очернили въ его глазахъ супругу и сына. Непосредственно послѣ казни бояръ, Иванъ Васильевичъ пожаловалъ опальнаго сына великимъ княженіемъ Новгорода и Пскова.

Торжественность вѣнчанія, запечатлѣвшая величіе Димитрія, препятствовала Ивану Васильевичу поставить Василія на мѣсто внука, и Димитрій еще три года будетъ именоваться наравнѣ съ дѣдомъ великимъ княземъ всея Руси.—Съ нанесеніемъ такого сильнаго удара боярству въ лицѣ самыхъ главныхъ его представителей уже можно было предвидѣть близкое торжество Софіи. И «грекиня» вскорѣ достигла своего. Въ 1502 году, когда исполнилось Димитрію столько же лѣтъ, сколько было юному дядѣ его во время опалы, опала, гораздо болѣе грозная, постигла великаго князя-внука и мать его Елену. Софія могла употребить противъ невѣстки сильное орудіе, а именно, ея еретичество. Вскорѣ по заключеніи вѣнчаннаго внука, сильнѣе сталъ раздаваться въ Москвѣ голосъ безпощаднаго къ ереси Іосифа, игумена Волоцкаго, и тутъ же вскорѣ Иванъ Васильевичъ схоронилъ супругу свою, наконецъ дождавшую того, что сынъ ея, назвался великимъ княземъ всея Руси и сталъ признаннымъ наслѣдникомъ великаго государства.

Софія умерла весною 1503 года, а лѣто того же года великій князь посвятилъ разсматриванію и рѣшенію церковныхъ вопросовъ. Первый по важности вопросъ касался права монастырей владѣть селами. Отнятіемъ имѣній отъ новгородскихъ церквей и монастырей Ивана III затронулъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли владѣть монастырямъ селами или нѣтъ? Съ 1500 года, со времени войны съ Литвою, значительно прибавилось число пріѣхавшихъ къ Ивану III на службу князей и бояръ, которыхъ нужно было одѣлить волостями. Великій князь, съ благословенія митрополита Симона, роздалъ новогородскія церковныя земли людямъ своимъ. Но что казалось вполнѣ законнымъ примѣнить къ Новгороду, обвиненному въ склонности къ латинству и въ измѣнѣ государю, то трудно было сдѣлать въ своихъ прирожденныхъ земляхъ, свѣтившихся православіемъ. Великій князь искренно желалъ убѣдиться въ правотѣ или неправотѣ монастырскаго владѣнія и предоставилъ собору рѣшить этотъ сомнительный вопросъ. На соборѣ Иванъ Васильевичъ желалъ выслушать мнѣнія и тѣхъ, кто возставалъ противъ монастырскихъ богатствъ и съ этой цѣлью вызвалъ въ Москву безкорыстнаго старца, Паисія Ярославова, игумена Сергіевой обители, и изъ дальнихъ заволжскихъ странъ — знаменитаго Нила Майкова, основателя скитовъ на рѣкѣ Сорѣ. Подъ защитой этого послѣдняго прибылъ въ Москву и опальный бояринъ, родственникъ великокняжескій, князь Василій Ивановичъ Косой-Патрикѣевъ, подъ скромнымъ именемъ Вассіана-пустынника. Послѣ смерти Софіи, появленіе Патрикѣева въ Москвѣ было возможно.

Паисій и Нилъ подняли голосъ противъ монастырскаго владѣнія, но голосъ ихъ былъ заглушенъ огромнымъ большинствомъ голосовъ со стороны митрополита Симона и всего московскаго духовенства. Митрополичьи дьяки отъ имени собора читали великому князю пространныя выписки изъ ветхаго завѣта о левитахъ, многочисленные примѣры изъ житій святыхъ, выдержки изъ церковныхъ правилъ и изъ русской жизни припоминали чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. Подавленный такими доказательствами, великій князь уступилъ, и дѣло выиграно было монастырями. Но князь-

инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, не возвышавшій на соборѣ своего опальнаго голоса, распространилъ въ кругу грамотныхъ людей, написанное имъ самимъ, отъ имени Заволжскихъ старцевъ, письменное разсужденіе о томъ, что монастырямъ не подобаетъ владѣть селами. Писаніе это произвело сильное дѣйствіе на сторонниковъ монастырскаго владѣнія, и Іосифъ Волоцкій, бойкій и многоглаголивый писатель, тотчасъ же написалъ свое «Отвѣщаніе любозазорнымъ». Не называя по имени Вассіана, «Отвѣщаніе» намекаетъ на того, «кто величавъ велехваленъ и высокошіявъ». Однакоже гордый бояринъ-инокъ на первый разъ былъ остороженъ въ словахъ и старался выразить свои мысли какъ можно смиреннѣе. Онъ молитъ «возлюбленныхъ отцовъ и братій покоряться царю и великому князю, Богомъ избранному, благовѣрному, и благовѣрнымъ князьямъ русскимъ, которымъ свыше дана власть». Влѣдъ за наставленіемъ инокамъ, слѣдуетъ наставленіе мірянамъ — какъ держать иноковъ: ихъ не надо ни осуждать, ни гнѣвить, давать урочныя милостыни, но никакъ не давать вотчинъ и волостей.—«Цари, раздающіе волости инокамъ, не могутъ сдержать своего царства. Цари должны владѣть міромъ сами и совмѣстно съ своими князьями и боярами, но никакъ не слѣдуетъ имъ дѣлить свое могущество съ мертвецами, отрѣшившимися отъ міра, не подобаетъ отдавать свое владѣніе, свой міръ, данный Богомъ не мірскимъ людямъ, какъ бы какимъ то поганымъ иноземцамъ».

«Не съ иноками Господь повелѣлъ царство держати, а со князи и бояры». Въ послѣднихъ словахъ слышится голосъ бывшаго посла, князя и боярина. Далѣе Вассіанъ указываетъ на вредъ, происходящій отъ сближенія государя съ монахами и даже находитъ, что совѣтываться съ ними о мірскихъ дѣлахъ не достоитъ». Цари — продолжаетъ невольно постриженный инокъ — простотою своею совращаютъ иноковъ и вводятъ ихъ въ гибель тѣмъ, что даютъ царскія вотчины въ монастыри. А иноки не хотятъ исполнять уставъ десятаго ангельскаго чина, накупаются на мірскія слезы, хотятъ сыты быти отъ царя по своему ложному челобитью. Таковые иноки не богомольцы, а иконоборцы, таковые малосмысленные цари Христу противники». Но обли-

читель идетъ далѣе: онъ укоряетъ монаховъ за то, что отрекшіеся отъ міра, они между тѣмъ пользуются трудами крестьянъ и работниковъ монастырскихъ (трудниковъ): ѣдятъ лучше этихъ послѣднихъ, строятъ для себя каменныя ограды и кельи свои превращаютъ въ палаты. «О безумніи и заблужденные пьяницы, невѣгласи мы, иноци, угождаемъ мамонѣ, а души своей не разсудимъ». Утратившее уже давно тонъ монашескаго смиренія, посланіе Вассіана оканчивается кроткою просьбою не осудить автора за его неученую рѣчь.

Слово Вассіана не привело къ желаемой имъ цѣли и рѣшеніе собора, какъ мы уже сказали, состоялось въ пользу монастырскаго владѣнія. Но тѣмъ не менѣе ученіе его о нестяжательности монашеской не могло не казаться опаснымъ игуменамъ монастырей, которые пользовались сочувствіемъ князей и бояръ и богатѣли воочію. Обнесенныя деревянными изгородями обители, въ теченія не многихъ лѣтъ, превращались въ величественныя столпостѣны.

Представитель этого общественнаго монашества съ его широкимъ хозяйственнымъ значеніемъ, питавшій въ монастырѣ своемъ толпы голодныхъ мірянъ во время неурожая, Іосифъ Волоцкій видѣлъ въ мысляхъ Вассіана о монастырскомъ владѣніи посягательство на домъ Божій и церковь, словомъ видѣлъ ничто другое, какъ опасную ересь.

Заволжскіе старцы, какъ тогда называли Нила Сорскаго и его единомышленниковъ, по тремъ вопросамъ разошлись съ представителями московскаго монашества. О первомъ, касающемся монастырскаго владѣнія селами, мы уже говорили. Второй вопросъ касался поголовнаго отрѣшенія отъ сана всѣхъ вдовствующихъ священниковъ. Заволжскіе старцы говорили, что достойные люди, не смотря на вдовство свое, а за ними и остальные москвичи, стояли за поголовное отрѣшеніе всѣхъ вдовствующихъ священниковъ отъ сана. Въ такомъ требованіи выразилось безпощадное недовѣріе къ человѣчеству, подобное чувству, высказывавшемуся въ убѣжденіи о не раскаянности и о окаянствѣ еретиковъ.

Еретики были третьимъ пунктомъ разногласія между обоими партіями, и тутъ заволжскіе старцы стояли за пощаду и прощеніе. Такимъ образомъ воззрѣнія учениковъ Нила отли-

чались терпимостью, мягкостью и человѣчностью. Но такими свойствами не вполнѣ отличался провозвѣстникъ этихъ началъ, рѣзкій обличитель направленія Іосифа Волоцкаго, князь Патрикѣевъ. Какъ писатель, онъ является тѣмъ же высокоумнымъ— по выраженію Ивана III-го,—высокошіявымъ, велехвальнымъ— по выраженію Іосифа Волоцкаго—какимъ онъ былъ въ мірѣ, на службѣ своего государя. Однажды, когда Иванъ Васильевичъ отправлялъ пословъ къ королю Польскому, то далъ имъ слѣдующее наставленіе: «И вы бы во всемъ себя берегли, а не такъ бы дѣлали, какъ князь Семенъ Ряполовскій высокоумничалъ съ княземъ Васильемъ, сыномъ Ивана Юрьевича». Но сынъ Ивана Юрьевича остался вѣренъ себѣ и подъ монашескимъ куколемъ.

Первое время иноку Вассіану пришлось быть свидѣтелемъ торжества іосифлянъ. Вопросы религіозные рѣшены были по мысли строгаго Волоцкаго игумена. Самъ Іосифъ, по пріѣздѣ въ Москву, былъ обласканъ Державнымъ, и престарѣлый государь просилъ у него прощенія за прежнее послабленіе ереси. Вопросъ о казни еретиковъ былъ уже на очереди. Великій князь все еще остерегался казнить еретиковъ: они пока были на свободѣ; Волкъ Курицынъ все еще оставался великокняжескимъ дьякомъ, а въ Новгородѣ еретикъ Кассіанъ оставался архимандритомъ Юрьевскаго монастыря.

По возвращеніи въ свою обитель, Іосифъ съ новою энергіею сталъ дѣйствовать въ пользу окончательнаго истребленія еретиковъ и съ этою цѣлью писалъ къ духовнику великаго князя и къ сыну Державнаго, великому князю Василію Ивановичу. Въ тоже время Іосифъ, въ видѣ дополненія къ написаннымъ имъ ранѣе того главамъ «Просвѣтителя», прибавилъ новое ученіе о томъ, что грѣшника или еретика одинаково можно убить молитвою и рукою, что смертная казнь есть въ такомъ случаѣ не болѣе какъ облегченіе загробной участи погибшихъ безвозвратно отступниковъ. Въ 1504 году вновь созванъ былъ соборъ, на которомъ изрекли казнь еретикамъ, и несчастные сожжены были въ клѣткахъ въ Москвѣ и Новгородѣ. Въ числѣ ихъ былъ Волкъ Курицынъ и новгородскій вышеупомянутый архимандритъ Кассіанъ. Вскорѣ послѣ этого собора Иванъ III умеръ. Уцѣлѣвшіе отъ казни, но уже заклю-

ченные еретики стали просить помилованія, и ходатаемъ за нихъ передъ новымъ великимъ княземъ явился Вассіанъ Патрикѣевъ. Послѣдній, какъ видно съумѣлъ войдти въ милость у новаго государя. Если свѣдѣнія о томъ, что Патрикѣевы находились и въ родствѣ съ Сабуровыми, изъ чьихъ рода была великая княгиня Соломонида, супруга Василія Ивановича. Князь-инокъ находился въ близкихъ сношеніяхъ въ семействомъ Державнаго, проживая то въ Симоновѣ, то въ Чудовѣ монастырѣ. Онъ не стремился къ высшимъ духовнымъ должностямъ и не искалъ священства, довольствуясь скромнымъ чиномъ старца и пустынника.—Живя въ монастырѣ, Вассіанъ вновь сталъ жить по боярски, привольно и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая заниматься вопросами церковными, выступилъ какъ писатель—обличителемъ ученія Іосифа Волоцкаго. О жизни Вассіана въ московскихъ монастыряхъ сохранилось любопытное преданіе, занесенное въ книгу инока Зиновія Отенскаго, писанную противъ ересей пятьдесятъ лѣтъ спустя. «А князь Вассіанъ,—сказано въ ней,—какъ жилъ въ Симоновѣ, не угодно ему было Симоновскихъ блюдъ кушать—хлѣба ржанаго, щей, свекольника, каши и пива монастырскаго промозглаго не пилъ: вмѣсто этого онъ питался сладкими кушаньями и нерѣдко со стола великокняжескаго, а пилъ же нестяжатель романею, бастръ, мушкатель, рейнское вино».

Около Вассіана составился кружокъ людей недомышлявшихъ и размышлявшихъ о вѣрѣ. Тутъ былъ какой то старецъ митрополичій Вассіанъ, старецъ Селиванъ, сынъ извѣстной своею религіозностью боярыни вдовы Ѳеодосіи Медоварцовой, Михаило, и наконецъ знаменитый Максимъ Грекъ. Весьма вѣроятно, что Максимъ Грекъ былъ вызванъ въ Москву великимъ княземъ по мысли Вассіана Патрикѣева. Самъ Вассіанъ недовѣрялъ переводамъ и занимался провѣркой и даже передѣлкой Кормчей книги. Въ сочиненіи Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть селами встрѣчается нѣсколько горячихъ строкъ о невѣжествѣ переписчиковъ священныхъ книгъ. Въ Максимѣ Грекѣ Патрикѣевъ нашелъ поддержку и сочувствіе по вопросу о монастырскомъ владѣніи. Сильный духомъ, хотя уже и пожилой, Патрикѣевъ мечталъ достигнуть своего идеала въ дѣлахъ церковныхъ, и поддержка со стороны мудреца.

присланнаго патріархомъ, давала ему новую силу. Митрополитъ Варлаамъ, заступившій мѣсто Симона, рѣшавшаго вопросы въ духѣ Іосифа Волоцкаго, былъ также на сторонѣ Вассіана. Волоцкому игумену было запрещено писать противъ князя-инока. Въ кельяхъ митрополита Вассіанъ не разъ оскорблялъ старцевъ Іосифова монастыря и укорялъ ихъ начальника. Такъ продолжалось цѣлые годы, пока наконецъ обстоятельства не перемѣнились на бѣду заносчивому иноку.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ обстоятельствахъ, обратимъ вниманіе на полемику, возникшую при вступленіи великаго князя Василія Ивановича на престолъ, по поводу вопроса о казни еретиковъ, за которыхъ ходатаемъ явился Патрикѣевъ. Отъ имени Заволжскихъ старцевъ князь—инокъ написалъ соборное посланіе, которое Іосифъ назвалъ «любопрепирательнымъ». Въ этомъ посланіи видна ѣдкость и иронія, которою въ послѣдствіи отличались «кусательныя» письма Курбскаго. Въ ученіи о необходимости казнить еретиковъ Іосифъ приводилъ неоднократно въ примѣръ апостола Петра, молитвою разбившаго Симона волхва, и Льва епископа Катанскаго, сжегшаго своею эпитрахилью Ліодора. На это Вассіанъ въ посланіи возражаетъ: «А Петръ апостолъ Симона волхва разбилъ, понеже прозвася сыномъ Божіимъ прелукавый злодѣй, при Неронѣ царѣ, и тогда достойный судъ прія отъ Бога за великую лесть. И ты, господине Іосифе, сотвори молитву да недостойныхъ еретиковъ пожретъ земля» и далѣе: «А ты, Іосифе, почто не испытаеши своей святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣже бы онъ сгорѣлъ, а мы бы тебя, какъ единаго отъ трехъ отроковъ, изшедшаго изъ пламени, приняли.... Поразумѣй, яко много разни промежь Моисея и Иліи, да и тебя отъ нихъ».

Въ другомъ своемъ посланіи князь—инокъ вооружился противъ всѣхъ положеній Іосифа, не согласныхъ съ убѣжденіями Заволжскихъ старцевъ. Посланіе это, довольно обширное, названо было авторомъ: «Тетрадями». По вопросу о монастырскомъ владѣніи селами, Вассіанъ поражаетъ своего противника осужденіемъ рабовладѣльческаго характера этого права и рисуетъ картину того, какъ иноки правежемъ добываютъ съ крестьянъ оброки. Іосифъ въ своемъ Уставѣ, забо-

тясь о благочиніи, велѣлъ судить крестьянъ за стѣнами монастыря. Вассіанъ на это говоритъ слѣдующее: «отвергшіеся страха Божія повелѣваютъ нещадно мучити и казнями различными истязати не отдающихъ монастырскіе долги, обаче не внутрь монастыря, а внѣ, передъ враты. Нѣчто бо безгрѣшно возмнѣша еже внѣ монастыря казнити христіанина. Но, о законоположителю, паче же рещи, законопреступниче, аще безгрѣшно мниши еже внутрь мучити христіанъ-братіи, то и еже внѣ мучити грѣхъ есть». Послѣ укоровъ о забвеніи Іосифомъ евангельскаго ученія, Вассіанъ восклицаетъ: «Кто убо умъ имѣя не въсплачется, видя твое безуміе!» Противъ ученія о нетерпимости, ученія, основаннаго на суровыхъ примѣрахъ изъ Ветхаго Завѣта, Вассіанъ мѣтко приводитъ выдержки изъ евангелія о прощеніи и милосердіи. По вопросу о вдовствующихъ священникахъ, онъ обвиняетъ Іосифа въ человѣкоугодничествѣ, а за обвиненіе самаго себя въ ереси, мститъ врагу своему, сравнивая его съ Новатомъ еретикомъ, не признававшимъ покаянія. Іосифъ писалъ, что Нилъ и Вассіанъ похулили св. Антонія и Ѳеодосія; на это Вассіанъ ему возражаетъ: «Сіе, Іосифе, на мя и на старца моего лжеши. Мы ихъ на помощь призываемъ; жили они по евангелію, а не такъ какъ ты и твои ученики—живете не какъ міряне, а хуже того. А ты, Іосифе, именуеши себя святымъ и знаменосцемъ и пріявшимъ даръ пророчества, и ученики твои тоже о тебѣ проповѣдаютъ».

Іосифъ запрещалъ ученикамъ своимъ сближаться съ Ниловыми и Вассіановыми учениками, быть съ ними въ дружествѣ и совѣтѣ. Въ своихъ «Тетрадяхъ» Вассіанъ ополчился на таковое запрещеніе словами Іисуса Христа: Возлюбиши искреннаго своего и любите враги ваша. «И ты презрѣлъ всѣ эти заповѣди и гнѣваешься на насъ не за истину Божію и законъ. Охъ! что будетъ тебѣ, Іосифе, предъ Христомъ въ день судный. Ниже у насъ потребовалъ прощенія, ниже самъ насъ простилъ». Такъ оканчиваетъ Вассіанъ довольно растянутую полемику и послѣдними словами своими напоминаетъ послѣдователя своего, Курбскаго, когда тотъ въ концѣ письма, наполненнаго упреками, кладетъ перстъ на уста и отдаетъ Грознаго на судъ Божій. Вообще Патрикѣевъ въ своихъ писа-

ніяхъ на Іосифа, и Курбскій въ письмахъ къ Грозному, схож
между собою не только по пріемамъ, но и потому что оба он
высказываютъ взгляды противурѣчащіе официально-церковным
воззрѣніямъ. Оба писателя язвятъ врага его же оружіемъ, осно
вывая свои укоры на ложности религіозныхъ убѣжденій про
тивника и поражаютъ подъ конецъ и самую благочестиву
репутацію своихъ антагонистовъ.

Врагъ Патрикѣева былъ другаго рода, чѣмъ враг
Курбскаго, и потому Патрикѣеву слѣдовало бы отдѣлит
личность Іосифа отъ его убѣжденій и, преслѣдуя ученіе
щадить личность подвижника—игумена, еслибы послѣдні
самъ не пускалъ въ ходъ на счетъ Вассіана страшное обви
неніе въ еретичествѣ. Іосифъ былъ человѣкъ искренній, и ег
жестокость вытекала изъ ревности по Богѣ и по русском
православіи. Но личнымъ свойствомъ его было переносит
чувство неприязни на лица своихъ антагонистовъ. Искренн
и глубоко ненавидѣлъ онъ враговъ своихъ принциповъ
всѣхъ, кто угрожалъ благосостоянію монастырей русскихъ
въ особенности созданной имъ самимъ обители. Самые соста
вители жизнеописанія Іосифа и современные намъ историк
церкви не въ силахъ выставить въ благопріятномъ свѣт
ссору Іосифа съ его владыкою, архіепископомъ новгородским
Серапіономъ, послѣдствіемъ которой было осужденіе архі
пископа. Но побѣда надъ Серапіономъ совершилась въ п
слѣдніе годы государствованія Ивана III-го, въ эпоху митроп
лита Симона, поддерживавшаго всѣ мнѣнія Іосифа на собор
о церковномъ устроеніи. Теперь обстоятельства перемѣнили
и при митрополитѣ Варлаамѣ и дружескихъ отношеніяхъ
ликаго князя Василія къ Вассіану, значеніе Іосифа
Москвѣ понизилось значительно. Преслѣдованія ерети
прекратились: старцы Іосифова монастыря подвергались
смѣшкамъ вельможнаго Вассіана въ самыхъ кельяхъ м
полита; Іосифу запрещено было писать на Вассіана.

Въ это время два постриженника Іосифовой обители
вились за Волгу испытать житіе пустынножителей и т
рѣли ересь и свидѣтелемъ этой ереси явился въ Москв
попъ. Съ укоромъ обратился великій князь къ Васс
твоихъ пустынниковъ ересь». Но Вассіанъ объяснялъ

ветою и, несмотря на то, что попу-свидѣтелю сломали ногу на пыткѣ, и онъ не отступилъ отъ своихъ показаній, гнѣвъ Державнаго постигъ Іосифовыхъ постриженниковъ.

Семнадцать лѣтъ жилъ Вассіанъ въ Москвѣ и, казалось, со смертью Іосифа, уже ни что не могло угрожать его спокойствію. Но самая смерть Іосифа вновь открыла путь вліянію Іосифлянъ на великаго князя. Предъ кончиною Іосифъ завѣщалъ свой монастырь великому князю. Такое завѣщаніе имѣло свое дѣйствіе. Василій Ивановичъ сталъ навѣщать переданную па его попеченіе славную обитель и сблизился тамъ съ преемникомъ и послѣдователемъ Іосифа, игуменомъ Даніиломъ и вскорѣ поставилъ его митрополитомъ на мѣсто Варлаама. Настала перемѣна въ Василіи, и прежде всего тяжко пала она на бездѣтную супругу его, съ которою онъ прожилъ мирно цѣлые двадцать лѣтъ. Лѣтопись повѣтствуетъ, что разъ, засмотрѣвшись на гнѣздо горлицъ, великій князь заплакалъ. Бояре ласкатели намекнули ему на безплодную смоковницу, и онъ, поддерживаемый ласкателями, рѣшился на неслыханное дѣло развода и на принудительное постриженіе великой княгини. Мы знаемъ, что никто такъ не желалъ устройства въ Москвѣ новаго, незыблемаго, властнаго царскаго сана, какъ Іосифъ, видѣвшій въ царѣ вообще опору православія, а въ Василіи отрасль вѣтви послѣднихъ православныхъ царей. Іосифляне видѣли въ разводѣ и новомъ бракѣ царя Божіе произволеніе. Когда у Василія отъ Елены Глинской родился сынъ, этотъ будущій первый царь всея Руси, то монахи придавали чудесный характеръ этому рожденію, приписывая его молитвамъ Іосифа и знаменію чудотворца Пафнутія Боровскаго, духовнаго отца и наставника Іосифова. Въ крестные отцы своего первороднаго сына великій князь избралъ сподвижника Іосифова, старца его же обители, Касьяна Босаго, и Іосифлянинъ митрополитъ насильно постригъ первую супругу Державнаго и вѣнчалъ его съ Еленою Глинской. Теперь митрополиту Даніилу въ его новомъ положеніи представилась возможность отмстить врагамъ Іосифлянъ, а въ особенности тому, кто сравнивалъ ихъ главу съ еретикомъ Новатомъ. Въ кругу Патрикѣева великій князь не нашелъ поддержки въ дѣлѣ развода. Герберштейнъ, разсказывающій о насильственномъ постриженіи великой княгини,

со словъ бояръ не сочувствовавшихъ этому дѣлу, отзывается непріязненно и о митрополитѣ Даніилѣ; Курбскій ссылается на свидѣтельство Герберштейна и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляетъ взгляды его на нечестивый разводъ. Но послушаемъ Курбскаго, писавшаго по разсказамъ отцевъ и старшихъ братьевъ о разводѣ и о роли, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ Вассіанъ Патрикѣевъ. «Князь великій Московскій ко многимъ злымъ и супротивъ закона Божія дѣломъ и сіе приложилъ: живши съ женою своею первою Соломонидою двадесять и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество, не хотящей и не мыслящей ей о томъ, и заточилъ въ далечайшь монастырь —въ землѣ Каргопольской лежащь и затворити казалъ ребро свое въ темницу, сирѣчь жену Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ, не токмо мнихомъ, но синклитомъ (сановникомъ) его; отъ нихъ же единъ Васьянъ пустынникъ, сродникъ ему сущь по матери своей (здѣсь Курбскій смѣшиваетъ два поколѣнія: не по матери, а по бабкѣ), а по отцѣ внукъ княжати Литовскаго, Патрикѣевъ,—и оставя мірскую славу, въ пустыню вселился и тамъ жестоко и свято житіе препровождалъ во мнишествѣ, подобно великому древнему Антонію. Да не зазритъ кто дерзостнѣ рещи, Іоанну Крестителю ревностію уподобился: бо и оный о законопреступномъ бракѣ царю возбранялъ, беззаконіе творящу».

Какъ по образу жизни бояринъ-инокъ не похожъ былъ на древняго Антонія, такъ и протестъ его противъ второго брака былъ далекъ отъ подвига Господня Крестителя. Нѣтъ сомнѣнія, что Вассіанъ не сочувствовалъ нарушающему старину поступку самовластнаго великаго князя. Но, наученный опытомъ, онъ не вступалъ въ борьбу и держалъ себя въ сторонѣ. Послѣ брака Василія съ Еленой Глинской Нилова пустынь получила оброчную дань «по ходатайству старца Вассіана Патрикѣева». Но не сочувствіе второбрачію, хотя бы и сдержанное, могло поселить въ душѣ Василія Ивановича непріязнь къ Патрикѣеву, и съ тѣмъ вмѣстѣ могли воскреснуть старые счеты.

Великая княгиня Соломонида была обвинена, для оправ-

данія жестокаго поступка съ нею, въ волшебствѣ; она будто бы привораживала къ себѣ мужа. Противъ Вассіана въ рукахъ у митрополита Даніила было болѣе сильное оружіе, а именно обвиненіе въ еретичествѣ. Тѣсная связь Патрикѣева съ Максимомъ Грекомъ, мудрецомъ, присланнымъ патріархомъ, была опасна для Іосифлянъ—и митрополитъ сталъ собирать свидѣтельства для обличенія этихъ двухъ мужей въ еретичествѣ.

«1531 года, мая 11-го, сѣлъ соборне господинъ Даніилъ митрополитъ всея Руси со архіепископы и епископы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ. На томъ же соборѣ былъ и бояринъ великаго князя Михаилъ Юрьевичъ и дьяки великаго князя. И поставили на томъ соборѣ старца Вассіана князя Іоаннова сына, Юрьева». Такъ начинается соборное дѣяніе, сохранившееся до нашего времени, но не вполнѣ; конецъ его утраченъ [1]).

Прежде всего Вассіана обвиняли въ разрушеніи Кормчей. «Како смѣлъ еси на таковая дерзнути?» Спросилъ его митрополитъ. Вассіанъ отвѣчалъ смѣло: «Варлаамъ меня понудилъ митрополитъ со священнымъ соборомъ, и были тамъ Васьянъ архіепископъ Ростовской и Семіонъ Суздальской, Досифей Крутицкій». Послѣдній изъ этихъ іерарховъ присутствовалъ на соборѣ; его тотчасъ же спросили, но онъ съ рѣзкостью отрицалъ показанія Вассіана: «Васьянъ священныя правила разрушилъ тому четырнадцать лѣтъ, а Семіонъ Суздальской преставился тому шеснадцать лѣтъ. А на меня Вассіанъ возвелъ ложь, а совѣтники у него свои Максимъ Грекъ, Михайло Медоварцовъ, старецъ Селиванъ, Васьянъ старецъ митрополичъ и иные». Но такое полное опроверженіе своего показанія, со стороны архіерея старецъ князь отвѣчалъ кротко и сдержанно: «ино господине, воленъ Богъ да ты».

Тогда начались новыя укорительныя слова со стороны митрополита: «стропотная и развращенная глаголеши, учиши и пишеши». «Что мое, господине, стропотство и развращеніе?» спросилъ въ свою очередь обвиняемый, а митрополитъ ему на это сказалъ: «Правила отъ св. Духа писанныя назы-

[1]) Напечатано въ Чт. Общ. Ист. и Древн. № 9, 1844.

ваешь кривила, а Христа называешь тварію, а въ нетлѣнную мнимую ересь вѣруеши, и чудотворцевъ называеши смутотворца, потому что они у монастырей села имѣютъ и люди». Вассіанъ, не признавая себя повиннымъ въ первыхъ трехъ обвиненіяхъ, отвѣчалъ только на послѣднее, твердо стоя на своемъ, что онъ писалъ о селахъ, основываясь на евангеліи. Въ отвѣтъ на это обвиняемый долженъ былъ выслушать многочисленныя свидѣтельства изъ отечниковъ, правилъ и законоположеній византійскихъ—цѣлую апологію монастырскаго владѣнія. Выслушавъ доводы, Вассіанъ краткимъ возраженіемъ свелъ дѣло на русскую почву: тѣ держали села, но пристрастія къ нимъ не имѣли. «А по чему ты думаешь—возразилъ митрополитъ—что нынѣшніе чудотворцы пристрастны?» Авторитетъ русскихъ монастырскихъ владѣтелей, какъ чудотворцевъ, былъ сильнымъ оружіемъ противъ сомнѣвающагося Вассіана, но смѣлое слово горделиваго боярина старца заставило митрополита перейдти къ другимъ обвинительнымъ пунктамъ: «Азъ того не вѣдаю чудотворцы-ли то были».

Новые укоры митрополита касались того, что Вассіанъ Патрикѣевъ приложилъ къ священнымъ правиламъ еллинскія ученія—Аристотеля, Омира, Филиппа, Александра, Платона. «Тогда азъ не помню. Къ чему убо то написалъ, а буде что не гораздо, и ты исправи», спокойно возразилъ обвиняемый.

Тогда митрополитъ сталъ съ горячностью обвинять непокорнаго старца въ его отзывахъ о вѣрующихъ, которыхъ Патрикѣевъ въ писаніяхъ клеймилъ еретиками и отступниками. Митрополитъ остерегался произнести имя своего чудотворца Іосифа.

«Азъ себѣ писалъ, на воспоминаніе души, а тѣхъ не похваливаю, которые села держатъ».

Отвѣты Вассіана на обвиненія въ томъ, что будто онъ еретически мыслилъ о дѣвѣ Маріи, а плоть Іисуса Христа признавалъ за нетлѣнную до воскресенія—были кратки. Перваго мнѣнія онъ не призналъ за собой, а второе онъ подтвердилъ за истинное. Когда Вассіанъ отрицалъ показанія свидѣтелей о его еретическихъ рѣчахъ—то отвѣчалъ слѣдующими кроткими фразами: «того есми не говаривалъ» или: «ино воленъ Богъ да ты. Ино вѣдаетъ Богъ да твои чюдотворцы».

Сознаваясь въ своемъ убѣжденіи о нетлѣнной плоти, Вассіанъ не хотѣлъ вступать въ богословскія пренія съ своими врагами и ограничился такими отвѣтами: «А то вѣдаетъ Богъ да ты; кто хоцетъ, тотъ найдетъ».

Но длиннѣйшее опроверженіе его убѣжденія все таки было предложено обвиняемому, и онъ молча выслушалъ опроверженія ересей іуліянитовъ и гаіанитовъ, отрывки изъ словъ и толкованій на евангеліе и выдержки изъ соборныхъ постановленій. На этомъ весьма продолжительномъ чтеніи оборвано соборное дѣяніе на Вассіана, въ единственномъ сохранившемся спискѣ.

О дальнѣйшей судьбѣ Вассіана, сочувствующій ему Курбскій, говоритъ, сводя на дѣло развода великаго князя, который будто бы отмстилъ Патрикѣеву за протестъ: «онъ же предреченный Василій, великій паче же въ прегордости и лютости, князь,—онаго блаженнаго Васьяна, по плоти сродника своего, изымавъ, заточити повелѣлъ и связанна святаго мужа, аки злодѣя, въ прегорчайшую темницу къ презлымъ осифляномъ, въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертью уморити повелѣлъ. Они же яко лютости его потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ».

Судьба горькаго заточенія постигла Максима Грека въ тоже самое время. Смиреніе, съ которымъ держалъ себя чужестранецъ на соборѣ судившихъ его русскихъ епископовъ, не спасло его отъ заточенія. Тѣсная связь философа съ гордымъ княземъ-инокомъ дѣлала его опаснымъ для установившихся воззрѣній на монастырское устройство и на значеніе тогдашнихъ столповъ отечественной церкви.

Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ.

Напечатано въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1873 г. и перепечатано въ Чтеніяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца, книга первая 1879 г. Вошло въ первую главу— стр. 31—40 книги „*О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ*". Кіевъ, 1878 г.

Ксенія Ивановна Романова.

Великая старица-инокиня Марѳа *).

I.

1590—1613.

Шестовы.—Замужество Ксеніи.—Опала.—Толвуйскій погостъ.—Возвращеніе въ Москву.—Жизнь въ Москвѣ и событія въ семьѣ Романовыхъ до 1612 г.—Осада Кремля.—Отъѣздъ на сѣверъ.

Царева мать, великая старица-инокиня Марѳа, въ мірѣ боярыня Ксенія Ивановна Романова Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, была дочерью дворянина Ивана Васильевича Шестова и жены его Маріи. Родъ Шестовыхъ происходилъ отъ славянскаго князя, выходца изъ поморской Пруссіи, который одновременно съ Ратшей (родоначальникомъ Челядниныхъ, Бутурлиныхъ, Кологривовыхъ, Пушкиныхъ и др.) пришелъ на службу къ великому князю Александру Невскому. Отличившійся въ Невской битвѣ Миша Прушенинъ былъ родоначальникомъ Салтыковыхъ, Морозовыхъ, Шеиныхъ и Шестовыхъ.

Отъ отца въ наслѣдство Ксенія Ивановна получила старинную отчину дѣда своего, Василія Михайловича Шестова, прославленное впослѣдствіи подвигомъ Сусанина, село Домнино, съ деревнями и починками, число которыхъ доходило до пятидесяти семи—въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Шачебольскомъ стану, на рѣкѣ на Шачѣ **). Сверхъ того, Ксенія была награждана отъ матери другою вотчиною: углицкаго уѣзда, въ городскомъ стану, селомъ Климянтинымъ на Суходолѣ, съ

---

*) Напечатано въ «Древней и Новой Россіи» 1876 г., т. III и издано особою брошюрою дважды: въ 1877 г. въ Кіевѣ и въ 1882 г. въ С.-Петербургѣ.

**) Вотчина эта была пожертвована матерью царя Новоспасскому монастырю, гдѣ были похоронены братья и сестра Михаила Ѳеодоровича и гдѣ впослѣдствіи положено было тѣло и самой великой старицы. (Исторія россійской іерархіи, ч. II, стр. 290).

14 деревнями и пустошами *). Какъ кажется, у Ксеніи не было братьевъ, но сестра ея, по всей вѣроятности, была замужемъ за родичемъ своимъ Салтыковымъ, ибо въ лѣтописяхъ Салтыковы названы племянниками царевой матери **). Отецъ Ксеніи умеръ гораздо ранѣе жены своей. О немъ достовѣрно извѣстно, что въ 1557 году, въ походѣ на ливонскихъ нѣмцевъ, онъ былъ «головою въ правой рукѣ» ***). Марія Шестова выдала дочь свою за самаго виднаго и знатнаго юношу въ Москвѣ. Представитель рода славившихся при державныхъ великихъ князьяхъ бояръ Кошкиныхъ, родственникъ московскимъ государямъ по бабкѣ Ивана III, Марьѣ Голтяевой-Кошкиной, Θедоръ Никитичъ, сверхъ того, по отцу своему приходился роднымъ племянникомъ первой супруги покойнаго царя и двоюроднымъ братомъ тогда царствовавшаго Θедора Ивановича. Кровное родство съ бездѣтнымъ царемъ было опаснымъ преимуществомъ царскаго тезки и крестника, при возраставшемъ значеніи царскаго шурина Годунова. Но отецъ юноши, старый шуринъ Грознаго, Никита Романовичъ, казалось, обезопасилъ судьбу дѣтей своихъ клятвою, взятою имъ на смертномъ одрѣ съ Годунова, что этотъ послѣдній будетъ беречь дѣтей Никитиныхъ и не сотворитъ имъ зла. Увѣренный въ томъ, что Борисъ не преступитъ крестнаго цѣлованья, столпъ боярской думы, заступникъ невинныхъ въ памяти народа, старый шуринъ Грознаго умеръ спокойно, принявъ предъ смертью монашество съ именемъ Нифонта.

Свадьба Θедора Никитича и Ксеніи Ивановны совершилась около 1590 года. Самъ царь Θедоръ и Годуновъ участвовали въ обрядѣ. Первый сынъ молодой четы получилъ имя Бориса, въ честь правителя. Молодые Романовы наслаждались жизнью и семейнымъ счастьемъ. Θедоръ Никитичъ любилъ охотиться, отличался ловкостью и щегольствомъ. Наряды его, по свидѣтельству современника, были особенно изящны и служили образцомъ для всѣхъ царедворцевъ. Онъ былъ склоненъ къ европейскимъ обычаямъ, подстригалъ бо-

*) См. тамъ же, стр. 2?7. Царь пожаловалъ родовую матери своей инокини Марθы Ивановны вотчину и т. д.

**) Полн. собр. рус. лѣтописей, т. V, стр. 65.

***) Разрядныя книги. Русск. истор. сборникъ, т. II, Москва, 1838 года.

роду и не носилъ длинныхъ волосъ на головѣ. О любви его къ дѣтямъ и женѣ свидѣтельствуютъ трогательныя слова, произнесенныя имъ въ ссылкѣ и сохранившіяся въ донесеніи его пристава царю Борису: «Малыя мои дѣтки! маленьки бѣдныя остались. Кому ихъ кормить и поить? Мнѣ же что надобно? Лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ помянешь, ино што рогатиной въ сердце толкнетъ».

Годуновъ, по восшествіи своемъ на престолъ, все еще помнилъ клятву, данную Никитѣ Романовичу: въ день вѣнчанія своего на царство онъ пожаловалъ боярство Өедору и Александру Никитичамъ; третьему брату, Михаилу, даровалъ чинъ окольничаго. На сестрѣ ихъ, Иринѣ Никитишнѣ, Борисъ женилъ своего племянника, Ивана Ивановича Годунова. Но не прошло двухъ лѣтъ по воцареніи Бориса, какъ бѣда обрушилась на всѣхъ Романовыхъ. Борисъ, какъ и слѣдовало ожидать, преступилъ клятву, данную боярину Никитѣ. Авраамій Палицынъ пишетъ въ своемъ Сказаніи, что Борисъ услыхалъ отъ «волхвовъ и звѣздочетцевъ, что отъ рода Романовыхъ возстати имать скипетродержецъ россійскій. Царь же Борисъ таковая слыша отъ волхвовъ и умысля, яко да потребитъ родъ сей». Во всякомъ случаѣ Романовы были опасны Борису въ будущемъ, какъ возможные соперники его сына, — въ настоящемъ, какъ сила въ средѣ бояръ, готовыхъ, въ минуты недовольства на Годунова, вспомнить о покойномъ царскомъ шуринѣ и указать на дѣтей его, какъ на двоюродныхъ братьевъ послѣдняго прирожденнаго царя. Недовольные Годуновымъ бояре, быть можетъ, уже начали возбуждать молодыхъ Никитичей противъ царя, измѣнившаго понемногу прежній мягкій образъ дѣйствія. Первенство Семена Годунова при царѣ было не по душѣ Өедору Никитичу, помнившему тѣ мѣста, которыя занимали отцы ихъ при прежнихъ царяхъ.

До Годунова дошли слухи объ обидахъ на него, и онъ сталъ ожидать повода къ опалѣ. Карамзинъ говоритъ, что гоненіе требовало предлога для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство. «Лѣтопись о многихъ мятежахъ» слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ объ опалѣ: царь Борисъ научалъ людей ихъ (Романовыхъ) доводить на государей своихъ и по тѣмъ доводамъ многихъ брали и

пытали разными пытками. Потомъ же «вложи врагъ въ раба Александрова Никитича, во Второго Бартенева, казначея», мысль, подобную той, какую древне возъимѣлъ Кучковичъ, когда задумалъ убить государя своего, князя Андрея. Окаянный Второй пришелъ тайно къ Семену Годунову и объявилъ ему, что онъ все готовъ сдѣлать надъ своими государями, что бы ни повелѣлъ царь. Семенъ же придумалъ положить всякое коренье въ мѣшки и повелѣлъ Второму положить эти мѣшки въ казну Александра Никитича. Исполнивъ это, Второй пришелъ донести на государя своего: что у него въ казнѣ берегутся какіе-то коренья. Тотчасъ былъ сдѣланъ обыскъ; коренья нашлись въ казнѣ—и ничего больше не искали, ибо знали, что въ дому ничего неправеднаго нѣтъ. Мѣшки привезены были на дворъ къ патріарху Іову. Окольничій Салтыковъ (давнишій врагъ Романовыхъ) велѣлъ высыпать коренья на столъ и свидѣтелемъ поставилъ того же доводчика, Второго Бартенева.—Ѳедора Никитича и всѣхъ братьевъ привели сюда же. Они пришли, какъ агнцы непорочные на закоденіе, и, возлагая упованіе на Бога, ничего не боялись; не боялись ничего, потому, что не знали за собой никакой вины и неправды. Многіе же пылали противъ нихъ гнѣвомъ и кричали. Обвиненные въ волшебствѣ Никитичи ничего не могли отвѣчать отъ «многонароднаго шуму».

Романовыхъ отдали подъ стражу вмѣстѣ со всѣми кто былъ съ ними въ близкомъ родствѣ, или тѣсной дружбѣ,— князьями Черкаскими, Репниными и Сицкими, Карповыми и Шестовыми. Начались допросы, пытки. Пытали слугъ, добиваясь клеветы, но ничего не обнаружилось. Одною уликою оставались коренья, будто бы приготовленные на лихо царю.

Годуновъ не рѣшился на смертную казнь, быть можетъ и потому, что помнилъ свою клятву. Онъ думалъ произвести доброе впечатлѣніе милостивымъ рѣшеніемъ участи своихъ «злодѣевъ и измѣнниковъ», какъ открыто назвали всѣхъ осужденныхъ бояръ. Удалить цѣлый, тѣсный дружбою и родствомъ кружокъ изъ Москвы и разметать членовъ его по глухимъ концамъ сѣверныхъ окраинъ казалось достаточнымъ для Бориса. Изгнаніе и ссылка постигли сыновей и дочерей стараго шурина царя Грознаго.

Всего опаснѣе для Годунова былъ старшій Никитичъ—Өедоръ—и вотъ насильственнымъ постриженіемъ въ монахи, казалось, уничтожено было мірское значеніе двоюроднаго брата и тезки послѣдняго царя—Рюриковича.

У молодыхъ Романовыхъ во время опалы было трое дѣтей: Михаилъ, Иванъ и дочь Татьяна. Трое старшихъ: Борисъ, Никита и Левъ умерли еще прежде, въ младенческомъ возрастѣ. Дѣтей разлучили съ матерью: младшій вскорѣ умеръ, а двое старшихъ, Михаилъ и Татьяна, были отправлены съ теткою, княгинею Мароою Никитишною Черкаскою, на Бѣлоозеро. Тогда же приставъ Вельяминовъ повезъ въ Чебоксары, въ Николаевскій дѣвичій монастырь, вдову Шестову, мать Ксеніи Ивановны.

Разлученныя съ мужемъ и дѣтьми, матерью и всѣми близкими, по разореніи дома и хозяйства, по отнятіи всего движимаго имущества и описаніи наслѣдственныхъ селъ и домовъ на государя, молодая боярыня ждала въ заключеніи рѣшенія своей участи. До слуха ея доходило, между тѣмъ, что ея молодого боярина приводили къ пыткѣ и что, наконецъ его навсегда отняли у нея, что онъ уже болѣе не ея Өедоръ, а чернецъ Филаретъ. Вскорѣ совершился обрядъ насильственнаго постриженія надъ женщинами. Ксенія Ивановна и сестра Өедора, Евфимія Никитишна, жена ненавистнаго Борису князя Ивана Васильевича Сицкаго, были пострижены—первая подъ именемъ Мароы, вторая подъ именемъ Евдокіи. Новыхъ инокинь сослали въ самыя глухія отдаленныя мѣста—Мароу въ Заонежье, въ одинъ изъ погостовъ, Евдокію въ пустыню Сумскаго острога. Чернеца Филарета заключили въ Сійскомъ монастырѣ. Братьевъ, его Василія и Ивана Никитичей, сослали въ Пелымъ, Александра и Михаила Никитичей въ Пермскій край. Можно съ достовѣрностью предположить, что узница Ксенія, или Мароа Ивановна не знала о томъ, гдѣ находятся ея мужъ и дѣти. По крайней мѣрѣ, Филаретъ Никитичъ, какъ видно изъ донесенія его пристава Борису Годунову, не зналъ ничего о женѣ и дѣтяхъ. «Гдѣ они, милые мои? Кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива-ли? Чаю, она

гдѣ близко такого-же замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ».

Горести Ксеніи не остались безъ послѣдствій для ея здоровья: съ нею сдѣлалась припадочная болѣзнь, происхожденіе которой она приписывала своимъ злодѣямъ и которая слыла тогда подъ именемъ портежной болѣзни. Припадки возвращались къ Марѳѣ Ивановнѣ и въ послѣдствіи, въ благополучные годы ея жизни, какъ это видно изъ путевой переписки ея съ патріархомъ Филаретомъ.

Толвуйскій погостъ въ Заонежьѣ, въ нынѣшнемъ Петрозаводскомъ уѣздѣ, былъ назначенъ мѣстомъ пребыванія Ксеніи. Мѣстность эта была избрана ради отдаленности ея отъ городовъ и малоизвѣстности, но не представляла особыхъ неудобствъ. Тихая, хотя и суровая зима, сухое постоянное лѣто, здоровый воздухъ, обиліе рыбы, гостепріимный, добродушный характеръ жителей—все это благопріятно подѣйствовало на здоровье узницы. Пріѣздъ ссыльной боярини-инокини произвелъ впечатлѣніе на За-онежанъ. Чуждые всякаго раболѣпства, не знавшіе городскаго обычая, они берегли и покоили какъ могли знатную московскую гостью въ своихъ просторныхъ, теплыхъ домахъ. Священникъ, и до нашего времени часто избирающійся въ этой странѣ изъ крестьянъ, слѣдовательно человѣкъ вполнѣ народный, особенно радѣлъ боярынѣ-инокинѣ. Годъ, проведенный Марѳою Ивановною въ Толвуѣ, оставилъ ей добрыя воспоминанія. Въ дни государствованія она вспомнила о гостепріимствѣ толвуйскихъ жителей и въ особенности о попѣ Ермолаѣ Герасимовѣ, который былъ вызванъ въ Москву, гдѣ и былъ награжденъ мѣстомъ ключаря Архангельскаго собора. Въ грамотѣ царя Михаила дѣтямъ этого попа Ермолая припоминается одна изъ его главныхъ заслугъ: «про отца нашего здоровье провѣдывалъ и матери нашей обвѣщалъ» *). Сынъ ключаря Ермолая былъ подъячимъ Казанскаго дворца и получилъ помѣстья отъ царя Михаила «по упрошенію царевой матери». Освобожденная, по отдаленности края, отъ строгаго надзора, изгнанница, благодаря независиму характеру обывателей, легко вошла въ сношенія съ

*) Акты истор., т. III, 1614 г.

окрестными монастырями и пользовалась вниманіемъ со стороны иноковъ. Въ послѣдствіи она пожаловала пустоши— обители Палеостровской, на островѣ Онежскаго озера, и дала вклады въ Яшеозерскую пустынь, донынѣ существующую въ окрестностяхъ Петрозаводска *).

Нѣкоторыя крестьянскія семейства Толвуйскаго Егорьевскаго погоста и сосѣдняго Челмужскаго были по упрошенію Мароы Ивановны обѣлены повелѣніемъ царя, сына ея. Потомки ихъ предъявляли свои обѣльныя грамоты при Петрѣ Великомъ **). Потомки попа Ермолая доселѣ живутъ въ Заонежьѣ и слывутъ подъ именемъ вотчинниковъ Ключаревыхъ. Обѣльныя грамоты хранятся и теперь въ крестьянскихъ семьяхъ и пользующіеся правами бѣлопашества поселяне твердо знаютъ, что предки ихъ обѣлены за то, что у нихъ на Толвуѣ жила въ ссылкѣ «царица Мароа Ивановна»: такъ они называютъ великую старицу ***).

По ходатайству ли племянницы своей, Ирины Никитишны Годуновой, урожденной Романовой, или по чувству раскаянія, или опасенія, но только Борисъ вскорѣ смягчилъ участь Романовыхъ. Изъ донесеній приставовъ и изъ царскихъ указовъ имъ видно, что Борисъ сперва пожелалъ облегчить участь изгнанниковъ, какъ бы оберегая ихъ въ силу клятвы, данной отцу ихъ. Василію Никитичу, сосланному въ Яренскъ, велѣно давать съ его человѣкомъ по калачу, да по два хлѣба, въ мясные дни по двѣ части говядины, да по части баранины, въ рыбные дни по два блюда рыбы да квасъ житный. Приставъ Василія, Некрасовъ, превысилъ мѣру усердія; онъ доносилъ царю, что «его государевъ злодѣй и измѣнникъ» укралъ у него, пристава, дорогою, ключъ отъ оковъ своихъ и бросилъ въ воду. «Но я другой ключъ прибралъ и цѣпь, и желѣзо положилъ на Василья за его воровство». На это царь указывалъ приставу: «по нашему указу Ивана и Василья

---

*) Палеостровъ, его судьба и значеніе въ Обонежскомъ краѣ, Е. Барсова. Москва. 1868 г.

**) См. тамъ же.

***) Двое изъ обѣльныхъ крестьянъ Толвуйскаго погоста приходили пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ, въ 1873 году, и передавали пишущему эти строки, что у нихъ хранятся грамоты обѣльныя и что ихъ обѣлила царица Мароа.

Романовыхъ ковать вамъ не велѣно: вы то сдѣлали мимо нашего указу». Однако же, Василій Никитичъ, соединенный потомъ съ братомъ своимъ, Иваномъ, въ Пелымѣ, вскорѣ умеръ, вслѣдствіе перенесенныхъ имъ страданій. Александръ Никитичъ также умеръ въ ссылкѣ.

Михайло Никитичъ оставилъ по себѣ память въ селѣ Ныробѣ, близъ Чердыни. Карамзинъ, въ примѣчаніяхъ къ исторіи, приводитъ разсказъ старика Пономарева, въ началѣ нынѣшняго столѣтія любившаго повѣствовать съ сочувствіемъ о необыкновенной силѣ узника, Михаила Романова, уморен-наго, по Чердынскому преданію, своими сторожами. «Лѣтопись о многихъ мятежахъ», упоминая о насильственной смерти того же Михаила Никитича прибавляетъ, что «надъ гробомъ его выросли два древа, именуемыя кедръ, едино въ головахъ, а другое въ ногахъ». Въ книгѣ Берха: «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей» (Спб., 1821 года) собраны отъ того же столѣтняго Пономарева преданія о Михаилѣ Никитичѣ. Привезенъ онъ былъ въ Ныробъ (въ 48 верстахъ отъ Чердыни) въ наглухо закрытой кибиткѣ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Съ нимъ былъ приставъ Романъ Тюшинъ и шесть человѣкъ сторожей. Узника посадили въ землянку, входъ въ которую былъ заваленъ, а для свѣта и воздуха оставлена лишь малая отдушина вверху. Съ наступленіемъ зимы, сторожа сдѣлали въ землянкѣ небольшую печь. Не смотря на свое богатырское здоровье, Михаилъ Нникитичъ не могъ вынести такого ужаснаго заключенія и скончался черезъ годъ. Тѣло Михаила Никитича было предано землѣ, сперва въ церкви села Ныроба, а, потомъ, въ 1607 г., перевезено въ Москву въ усыпальницу Романовыхъ, въ Новоспасскій монастырь. Гробница его находится до сихъ поръ въ Ныробской церкви и на доскѣ существуетъ надпись, передающая судьбу Михаила Никитича, смерть и перенесеніе тѣла его въ Москву. Цѣпи Михаила Никитича, вѣсомъ въ 3 пуда, хранятся у гробницы его и чтутся Ныробцами, какъ святыня.

Зятья Романовыхъ: князь Борисъ Черкаскій и постриженный подъ именемъ Іоны, князь Иванъ Сицкій, не дожили до

облегченія своей участи. По всей вѣроятности, и мать Ксеніи, старушка Шестова, скончалась въ опалѣ.

Въ мартѣ 1602 года, царь Борисъ снялъ съ Романовыхъ позорное имя злодѣевъ. Ивану Никитичу онъ указалъ ѣхать въ Уфу на службу, а оттуда въ Нижній Новгородъ, а наконецъ, и въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкаскимъ. Ѳедору Никитичу, или старцу Филарету, дозволилъ царь стоять на клиросѣ въ церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ всѣмъ его довольствовать. Строгое заключеніе окончилось; ворота Сійскаго монастыря открылись для богомольцевъ, и Филаретъ могъ получать живыя вѣсти о бѣдной женѣ и милыхъ дѣтяхъ. Дѣти его были перевезены съ ихъ теткою, Марѳою Никитишною Черкаскою, изъ Бѣлозерскаго края въ старинную вотчину Романовыхъ, въ село Клинъ, Юрьевскаго уѣзда, куда прибыла и изъ за-онежской дали мать ихъ, инокиня Марѳа Ивановна. Иноческій санъ невольной постриженницы, какъ видно, не обязывалъ ее жить въ монастырѣ. Она осталась при своихъ мірскихъ обязанностяхъ, обязанностяхъ матери. Съ этихъ поръ сынъ и дочь находятся безотлучно при ней. Марѳа Ивановна, по всей вѣроятности, вступила въ права домохозяйки, подобно тому, какъ въ послѣдствіи, приняла она на себя заботы, лежавшія на царицахъ по домостроительству и веденію порядка въ государевомъ обиходѣ. Къ своему иноческому сану Марѳа Ивановна относилась съ чувствомъ благоговѣйнымъ и въ путешествіяхъ по обителямъ находила для себя утѣшеніе. Монастыри не разъ оказывали ей гостепріимство. Много предстояло ей горя въ тяжкое смутное время, когда, наконецъ она укрылась въ стѣнахъ Ипатьевской обители, чтобы выйдти оттуда «великой государыней, царевой матерью».

Не нарушая семейнаго спокойствія Марѳа Ивановна, при которой жили однако два пристава, находившіеся съ семействомъ ея въ добрыхъ отношеніяхъ, Борисъ внимательно слѣдилъ за Филаретомъ и, даровавъ ему льготы, хотѣлъ сдѣлать невозможнымъ возвращеніе его къ мірскимъ дѣламъ, — и Филаретъ былъ рукоположенъ во іереи.

Когда распространились слухи о сынѣ Грознаго царя, и чудесный врагъ Бориса уже двинулся ратью къ Москвѣ, —

тогда и Сійскій постриженникъ не въ силахъ былъ скрывать своихъ предчувствій; онъ стряхнулъ монашескую обстановку, насколько это было возможно: сталъ ѣздить на охоту, иногда бѣгалъ и радовался невѣдомо чему, къ удивленію чернецовъ и своего пристава, доносившаго о всѣхъ подробностяхъ быта узника царю *). Борисъ, искавшій опоры вокругъ себя, не дерзалъ возбудить негодованіе новыми жестокостями и, чтобы еще болѣе закрѣпить Филарета на поприще священства, даровалъ знатному іеромонаху санъ архимандрита.

Прошли мѣсяцы. Грозный врагъ Бориса приближался къ Москвѣ, и всѣ пострадавшіе отъ царя и недовольные имъ видѣли или старались видѣть въ Лжедимитріи истиннаго и законнаго мстителя своихъ обидъ. Умеръ Борисъ; погибла семья его; Москва встрѣтила Димитрія, и разосланные въ глухіе края гонцы вызвали въ Москву Борисовыхъ измѣнниковъ. Романовы прибыли съ честью въ столицу, гдѣ ихъ приняли, какъ царскихъ родственниковъ, по родству съ отцемъ названнаго Димитрія и по свойству съ царевой матерью и родомъ Нагихъ. Филаретъ встрѣтился, наконецъ, съ бѣдною женою своею и милыми дѣтками. Надо полагать, что архимандритъ помѣстился въ лучшемъ монастырѣ, а Мареа вновь увидала стѣны романовскихъ палатъ.

Знатная боярыня инокиня была свидѣтельницею въѣзда и вѣнчанія Марины, встрѣчи царевой матери, другой инокини Мареы, вдовы Грознаго, признавшей Самозванца за сына. Тревожныя рѣчи Москвичей о польскихъ обычаяхъ въ Кремлѣ смущали Мареу, когда, наконецъ, она узнала о постыдной смерти Димитрія и его самозванствѣ. Въ теченіи этого полнаго событіями года, бывшій мужъ Мареы былъ хиротонисанъ въ Москвѣ въ санъ митрополита Ростовскаго, а двѣнадцатилѣтній сынъ ея Михаилъ отличенъ былъ званіемъ стольника.

Съ воцареніемъ Шуйскаго жизнь Мареы Ивановны не измѣнилась. Царь Василій вскорѣ женился, и новая царица была въ дружбѣ съ инокинею Романовою. Царица Марья Петровна Шуйская конечно не предвидѣла, что ей самой,

*) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. VIII.

послѣ страданій и лишеній всякаго рода, придется получать милость и жалованье отъ Мароы Ивановны и что роли ихъ перемѣнятся: бывшая инокиня-боярыня станетъ великою государынею, а она, царица, смиренною инокинею Еленою, вдовою сведеннаго царя, умершаго въ чужой землѣ плѣнникомъ. Чѣмъ ближе стояла Мароа къ Шуйскимъ, тѣмъ страшнѣе для нея была смута, возраставшая вновь подъ знаменемъ второго самозванца. Въ 12-ти верстахъ отъ Москвы, возникла другая столица—Тушино, откуда разсылались грамоты, куда стекались самовольные ратники, гдѣ бояре и дворяне достигали высшихъ званій и почестей, откуда измѣнники и ляхи ходили отрядами по землѣ святорусской. Слабая, нерѣшительная Москва находилась какъ-бы въ осадѣ; надежда ея—Скопинъ находился на сѣверѣ, ища опоры у шведовъ.

Весною 1609 года, окончилась продолжительная и безуспѣшная осада Троицкой обители поляками. Войска Лжедимитрія и ляхи отправились по другимъ городамъ. Тогда сдался и древній Суздаль. Примѣру Суздаля послѣдовали и Переяславль-Залѣскій, очернившій себя, по выраженію Карамзина, гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его, соединившись съ ляхами, приступили къ Ростову, гдѣ въ то время находился митрополитъ Филаретъ. Онъ съ немногими гражданами отклонилъ предложеніе бѣгства и въ полномъ облаченіи, въ соборной церкви, ожидалъ враговъ. Храмъ былъ осажденъ, двери выломаны, граждане перебиты, а митрополита, босаго и переодѣтаго въ литовское рубище, съ татарскою шапкою на головѣ, повезли въ Тушино. Самозванецъ, не забывая своей роли, встрѣтилъ съ честію Филарета, какъ родственника и назвалъ патріархомъ. Вѣсть о плѣнѣ Филарета была сильнымъ ударомъ для Мароы Ивановны и сына ихъ. Но доброе имя Романова не пострадало отъ временнаго и невольнаго подчиненія второму Лжедимитрію. «Самъ партіархъ Гермогенъ, не щадившій измѣнниковъ въ своихъ возваніяхъ къ народу, оберегалъ это имя и отзывался о Филаретѣ, какъ о страдальцѣ и плѣнникѣ» *).

Въ декабрѣ того же года, вслѣдствіе побѣдъ Скопина и

*) Костомаровъ: Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, стр. 731.

Іосифовъ монастырь, съумѣлъ удалить изъ Москвы и другихъ соперниковъ Владислава: Голицына и сильнаго Филарета, который былъ опасенъ, какъ отецъ отрока, предназначавшагося на престолъ Мономаха. Посольство московское, наряженное въ Литву, для предложенія своихъ условій вмѣстѣ съ престоломъ Владиславу, состояло кромѣ Голицына и Филарета Никитича въ челѣ, изъ окольничаго князя Мезецкаго, троицкаго келаря Авраамія Палицына и другихъ дворянъ, дьяковъ и духовныхъ. Сентября 11 (1610 г.), послы выѣхали изъ Москвы; а 7 октября они прибыли въ королевскій станъ, подъ Смоленскомъ. На долю Филарета теперь выпалъ лучшій подвигъ его жизни—мужественно отстоять Русь отъ притязаній Сигизмунда. Онъ былъ стоекъ и тогда, когда боярская дума, подъ вліяніемъ засѣвшихъ въ Москвѣ поляковъ, указывала Филарету отступить отъ первоначальнаго договора. Жена и сынъ его остались съ боярами и поляками Гонсѣевскаго въ Москвѣ.

Весною 1611 года Марѳа и Михаилъ были очевидцами кровавыхъ схватокъ москвичей и поляковъ на улицахъ московскихъ и сильныхъ пожаровъ. Они скорбѣли о заключеніи патріарха Гермогена, объ измѣнѣ думы боярской дѣлу отечества; они узнали, наконецъ, что возстали города, и вмѣстѣ съ поляками и остальными боярами, принуждены были искать защиты за кремлевскими стѣнами, когда къ Москвѣ стали подходить ополченія Ляпунова, князя Трубецкого и другихъ. Это былъ самый тяжкій годъ лишеній и страха.

1 апрѣля 1611 года началась осада Москвы русскими ополченіями. Первое время осажденнымъ было особенно трудно. «Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая; сидятъ въ Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить, ѣсть нечего»—писали поляки своимъ, подъ Смоленскъ. Тщетно ждали они гетмана Ходкѣвича и скоро сдались бы осаждавшимъ русскимъ, не случись въ станѣ послѣднихъ раздора, окончившагося убійствомъ Прокопія Ляпунова. Со смертію Ляпунова (въ іюлѣ), осажденнымъ стало нѣсколько легче, потому что осада велась не дружно, и казаки Заруцкаго ходили по сторонамъ за добычей. Въ августѣ, пришелъ подъ Москву Сапѣга съ съѣстными припасами, и полякамъ удалось переправиться черезъ Москву-рѣку и снабдить осажденныхъ всѣмъ необхо-

димымъ. Въ октябрѣ, подошелъ, наконецъ, и Ходкѣвичъ, но, благодаря враждѣ между военачальниками польскими и ослабленію утомленнаго войска, не могъ оказать существенной пользы осажденнымъ.

Прошла осень, наступила зима, и оскудѣли припасы. Ходкѣвичъ отступилъ отъ Москвы, и съ нимъ удалились многіе изъ сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ поляковъ. Начался 1612 годъ, и скоро долженъ былъ наступить второй годъ осады. Бояре и во главѣ ихъ духовное лицо, грекъ—митрополитъ Арсеній, задумали послать новое посольство къ Сигизмунду, ожидая отъ него одного прекращенія бѣдствій. Участь ихъ такъ тѣсно соединена была съ участью поляковъ Гонсѣвскаго, что имъ ничего другого не оставалось, какъ назвать себя вѣрноподданными иновѣрнаго государя. Посольство, имѣя во главѣ двухъ Салтыковыхъ, отправилось къ Сигизмунду съ грамотой отъ духовенства и бояръ. Но въ челѣ перваго стояло имя иноплеменника, архіерея Арсенія грека. Никто не въ силахъ былъ принудить заключеннаго патріарха Гермогена поставить на грамотѣ свое имя. А въ числѣ бояръ, по юности лѣтъ, не подписался стольникъ Михаилъ Романовъ. Эти двѣ личности: старецъ, благословившій возстаніе народа, и юноша изъ среды бояръ, страдавшій въ осадѣ вмѣстѣ съ матерью, какъ бы искупили собою поступокъ духовенства и боярства.

А между тѣмъ, троицкія грамоты оказывали свое дѣйствіе на Поволжьѣ. Нравственныя силы чистаго общественнаго народонаселенія, по словамъ историка, были напряжены по прежнему, и по прежнему раздавались увѣщанія стать за вѣру отцовскую *).

Въ январѣ 1612 года, значительная часть поляковъ покинула Москву, избравъ себѣ особаго предводителя. Вскорѣ послѣ того, четыре тысячи сапѣжинцевъ также ушли въ Литву; Ходкѣвичъ бездѣйствовалъ, не рѣшаясь бороться съ осаждающими, однако же дѣлалъ все, что могъ, для снабженія осажденныхъ съѣстными припасами. И такъ шли мѣсяцы. Только въ концѣ августа Ходкѣвичъ двинулся изъ Вязьмы къ Москвѣ и 22 числа, перейдя Москву-рѣку, у Новодѣвичьяго

*) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. VIII, стр. 450.

монастыря, вступилъ въ бой съ дружинами Пожарскаго. Послѣ битвъ 23 и 24 августа, гетманъ долженъ былъ отступить отъ Москвы. Тогда усиліями ополченій къ сидѣвшимъ въ китаѣ и кремлѣ не были пропущены съѣстные припасы. Осада продолжалась по прежнему, безъ приступа со стороны осаждающихъ, безъ вылазокъ со стороны осажденныхъ. Это были самыя ужасныя недѣли для послѣднихъ. Наступилъ голодъ, и уже были случаи людоѣдства.

22 октября казаки пошли на приступъ и взяли китай-городъ. Тогда поляки, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ, велѣли русскимъ выслать всѣхъ женъ и дочерей изъ города. Неистовства казаковъ и ожесточенной голытьбы извѣстны были боярамъ, и они послали просить Пожарскаго и всѣхъ ратныхъ людей, чтобы пожаловали—приняли ихъ женъ безъ позора. Пожарскій обнадежилъ и свято сдержалъ свое слово.

Но одна женщина не вышла изъ кремля со всѣми другими. Кремль былъ близокъ къ сдачѣ и вскорѣ, по призыву Пожарскаго, всѣ русскіе покинули его, а поляки охотно ихъ выпустили. Когда бояре—въ числѣ которыхъ были Романовы: Михаилъ съ матерью и Иванъ Никитичъ—вступили на мостъ, ведущій изъ кремля черезъ Неглинную, казаки хотѣли броситься на нихъ, но ихъ защитило ополченіе Пожарскаго. Отогнавъ казаковъ, Пожарскій встрѣтилъ своихъ съ большою честію. Поляки сдались на другой день.

Когда происходило очищеніе кремля, инокиня Мароа съ сыномъ, не охраняемая болѣе разошедшимися ратниками, поѣхала изъ Москвы по направленію къ своей костромской отчинѣ. Съ нею двинулась на сѣверъ кучка бояръ, измѣнившихъ русскому дѣлу во время осады. Въ Москвѣ знали о Мароѣ только то, что путь ея лежалъ на Ярославль. Изъ Ярославля Романовы двинулись въ Домнино, гдѣ ихъ застала зима. Оттуда Мароа съ сыномъ отправилась въ Кострому, гдѣ и нашла себѣ пріютъ въ Ипатьевской обители, по странному стеченію обстоятельствъ, облагодѣтельствованной царемъ Борисомъ, врагомъ и гонителемъ Романовыхъ.

А Москва, между тѣмъ, освящала молитвою и крестными ходами оскверненный Кремль, гдѣ поселился Трубецкой, на дворѣ Годунова.

II.

Избраніе.—Мареа и великое посольство.—Приближеніе царя къ Москвѣ и прибытіе въ столицу.—Общественное положеніе великой старицы. Отношенія къ царицамъ-инокинямъ.—Хозяйственная дѣятельность великой старицы.—Бытъ ея и обстановка.

Вскорѣ узнали въ Москвѣ, что король двинулся изъ-подъ Смоленска. Вотъ подступилъ къ Москвѣ отрядъ поляковъ, съ молодымъ Жолкѣвскимъ во главѣ, для приведенія столицы въ подданство Владиславу. Не смотря на сильный страхъ москвичей, которыхъ оставили казаки и другіе люди, всѣ они рѣшились умереть за вѣру и отечество и пошли на встрѣчу Жолкѣвскаго; польскій воевода принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Ни одинъ русскій городъ не сдавался королю. Волоколамскъ трижды отразилъ королевское войско, и Сигизмундъ принужденъ былъ возвратиться въ отечество. Москвичи обрадовались, узнавъ, что поляки покинули русскую землю, и, наученные опытомъ, всѣ безъ изъятія, стали думу думать объ избраніи природнаго царя.

Въ началѣ заговорили страсти, образовались партіи, но ни одна не брала верхъ надъ другою, пока наконецъ не произнесено было имя отрока, настрадавшагося въ осадѣ, о комъ за два года до того шла рѣчь, какъ о наслѣдникѣ царей, по указанію умершаго мученическою смертью патріарха Гермогена. Отецъ Михаила былъ въ плѣну, отстаивая мужественно договоръ бояръ съ Владиславомъ отъ притязаній Сигизмунда; Иванъ Никитичъ Романовъ не былъ одаренъ энергіей и, если была партія Романовыхъ, то она, дѣйствуя въ пользу юноши, тѣмъ самымъ была далека отъ крамолы, или угодничества. Какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ въ соборъ письменное мнѣніе о томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ ближе всѣхъ по родству къ прежнимъ царямъ и потому долженъ быть избранъ на престолъ царскій. Подобное же мнѣніе подалъ и донской атаманъ, и Михаилъ былъ провозглашенъ царемъ безъ смуты и споровъ. Послали надежныхъ людей по ближнимъ городамъ вывѣдать мысли народа о новомъ избранникѣ. Посланные возвратились и говорили, что народъ съ ра-

достью признаетъ Михаила царемъ. Пріѣхали въ Москву знат-ные бояре, Мстиславскій съ товарищами, уступившіе на вре-мя первенство побѣдителямъ: Трубецкому и Пожарскому; со-брались выборные люди. Стали писать мнѣнія, и мысли всѣхъ сошлись на Михаилѣ. Спросили съ Лобнаго мѣста у народа уже расположеннаго въ пользу избранника—и имя царя Ми-хаила пронеслось по Красной площади.

Соборъ отрядилъ посольство, долженствовавшее бить че-ломъ новоизбранному царю, чтобы «пожаловалъ—ѣхалъ на свой царскій престолъ», и его матери, «чтобы государыня по-жаловала—благословила сына на царство». Въ случаѣ отказа послы должны были умолять Михаила «всякими обычаями чтобы милость свою показалъ: такое великое Божье дѣло сдѣ-лалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣніемъ, по избранью Богъ учинилъ его государемъ». 21 февраля совер-шилось избраніе; 25-го того же мѣсяца розосланы были гра-моты по городамъ: соборъ предписывалъ пѣть молебны за го-сударево многолѣтіе и увѣрялъ, что Богъ избралъ Михаила не по чьему либо заводу, а всѣмъ людямъ въ сердце вло-жилъ одну мысль и утвержденіе.

2 марта послы выѣхали къ Михаилу въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ. Не найдя Михаила въ Ярославлѣ отправились въ Кострому. 13 марта, въ субботу четвертой седьмицы поста, около вечерни, Михаилъ и Мароа узнали о прибытіи въ Кострому великаго посольства. А на другой день костромской воевода и всѣ горожане шествовали за крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Во главѣ духовенства шелъ Ѳеодоритъ, архіепископъ Рязанскій, и съ нимъ прибывшіе изъ Москвы три архимандрита: Чудовскій, Новоспасскій и Симо-новскій. Затѣмъ шли три протопопа и знаменитый келарь троицкій, Авраамій Палицынъ.

Во главѣ бояръ шествовалъ родственникъ Романовыхъ Ѳе-доръ Ивановичъ Шереметевъ. Онъ былъ дворяниномъ при ца-рѣ Ѳеодорѣ, наравнѣ съ младшими Романовыми; при Борисѣ онъ былъ воеводою и осаждалъ Кромы въ войнѣ съ первымъ Лжедмитріемъ. Вмѣстѣ съ Басмановымъ призналъ онъ въ само-званцѣ истиннаго Димитрія, при воцареніи котораго и полу-чилъ боярство, одновременно съ Иваномъ Никитичемъ Рома-

новымъ. Шуйскій послалъ его съ войскомъ для усмиренія Астрахани. Потомъ онъ дѣйствовалъ за одно съ Скопинымъ, приводя Низовскіе города подъ Шуйскаго, сражаясь съ Лжедмитріемъ вторымъ и поляками Сапѣги. Подобно Филарету, Шереметевъ увлекся признаніемъ перваго Лжедимитрія; подобно Филарету, онъ стоялъ, пока это было возможно, за Шуйскаго, а вмѣстѣ съ боярами и Филаретомъ вступилъ въ договоръ съ Жолкѣвскимъ о предоставленіи престола королевичу Владиславу. Восемьнадцать мѣсяцевъ высидѣлъ Шереметевъ въ кремлѣ, въ осадѣ, вмѣстѣ съ Михаиломъ и Мароою, и вотъ теперь шелъ онъ преклонять колѣна передъ юнымъ товарищемъ по горю и родичемъ своимъ отъ имени всей земли Русской и великаго собора. Съ Шереметевымъ былъ тутъ и другой бояринъ, престарѣлый князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, и окольничій Ѳедоръ Головинъ; были и еще многіе стольники, стряпчіе, приказные люди, жильцы и выборные изъ городовъ.

Марѳа и Михаилъ встрѣтили крестный ходъ за монастыремъ и тутъ же, передъ святыми воротами, послы объявили имъ, зачѣмъ они присланы. Михаилъ отвѣтилъ съ плачемъ, что государемъ быть не хочетъ, а Марѳа сказала, что не благословляетъ сына на царство, и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь. Въ церкви стали читать имъ грамоты отъ собора и говорили рѣчи и ждали отвѣта отъ Марѳы.

Боярыня-инокиня заранѣе могла обдумать свой отвѣтъ: слухи объ избраніи Михаила достигли Костромы еще до пріѣзда посольства; наканунѣ Марѳа была извѣщена о его прибытіи. Ей живо представились всѣ событія многомятежнаго времени. Она помнила названную мать Самозванца, съ почетомъ помѣщенную въ Вознесенскомъ монастырѣ, и какъ она, Марѳа, вмѣстѣ съ нею, этою другою Марѳою, проливала горькія слезы предъ гробомъ младенца Димитрія, привезеннымъ Филаретомъ Никитичемъ изъ Углича, при Шуйскомъ. Она помнила тѣ успокоительныя для москвичей минуты, когда два патріарха: возвращенный изъ ссылки Іовъ и Гермогенъ стояли въ Успенскомъ соборѣ, и первый разрѣшалъ москвичей отъ присяги, данной ими Растригѣ. Она, какъ и всѣ москви-

чи, искала опоры въ Шуйскомъ, а потомъ видѣла его сведеніе съ престола, невольное постриженіе его царицы, ей близко знакомой. Договоръ съ Владиславомъ былъ заключенъ ея супругомъ, еще не возвратившимся изъ Польши, куда онъ былъ посланъ съ предложеніемъ престола королевичу. И вотъ новая присяга и, быть можетъ новая жертва измѣны и клятвопреступленія, и сынъ ея обрекается на эту жертву! Страшно было Мареѣ за сына, страшно и за Филарета, которому поляки могутъ отмстить за новую измѣну москвичей. Образъ Марины Мнишекъ, которую Мареа видѣла во всемъ величіи московской царицы и которая была теперь въ союзѣ съ Заруцкимъ, представлялся ей, какъ живое свидѣтельство не прекращающихся мятежей и раздоровъ.

Мареа, близкая къ престолу, недоумѣвала, какъ быть новому государю государемъ, при безпорядкѣ и неустройствѣ. Мысль о правахъ сына ея на престолъ не была чужда Мареѣ, супругѣ двоюроднаго брата послѣдняго прирожденнаго царя. Сверхъ того, она знала, что предъ присягой Владиславу многіе указывали на ея сына, какъ на законнаго преемника царя Феодора. Увѣренность въ томъ, что сынъ ея принесетъ счастіе и устроитъ престолъ дяди своего, вполнѣ уступала опасенію. И вотъ, въ соборномъ храмѣ Мареа искренно стала говорить съ послами. Она припомнила имъ все, чему была свидѣтельницею: измѣну Годуновымъ, Самозванцу и Шуйскому. «Видя такія прежнимъ государямъ клятвопреступленія, позоръ, убійства и поруганія—говорила она—какъ быть на московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ?» Да и потому еще нельзя—продолжала Мареа Ивановна—московское государство разорилось до конца; прежнія сокровища царскія вывезены въ Литву. Всѣ дворцовыя села розданы въ помѣстья и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому Богъ повелитъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять? Мареа Ивановна говорила, что митрополитъ Филаретъ теперь въ плѣну у короля въ Литвѣ и какъ свѣдаетъ король, что на государствѣ учинился сынъ его, то сдѣлаетъ надъ нимъ зло. А ему, Михаилу, безъ благословенья отца на своемъ государствѣ никакъ нельзя быть.

Цѣлые шесть часовъ пробыли послы съ Мароою и Михаиломъ въ соборной церкви. На возраженія Мароы ей давались отвѣты. Отвѣты эти установили офиціальный взглядъ на событія смутнаго времени и на права Михаила. Послы говорили, что Богъ мстилъ Борису Годунову за убіеніе Димитрія богоотступникомъ Гришкою; что воръ Растрига получилъ злую смерть отъ Бога по дѣламъ своимъ; что Шуйскаго выбрали немногіе люди, а многіе города отъ него отложились, что все то междоусобіе дѣлалось по грѣхамъ нашимъ волею Божьею и что теперь московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе. О Филаретѣ говорили, что бояре посылаютъ къ литовскому королю и за государева отца даютъ на обмѣнъ многихъ литовскихъ людей. Обѣщали устроить царскую казну.

Уже мать почувствовала особенность избранія своего сына, въ воцареніи котораго видѣла прекращеніе бѣдствій, волю Божію и желаніе народа; но теперь сынъ, подъ впечатлѣніемъ всего того, что слышалъ изъ устъ матери, сталъ рѣшительно отказываться отъ царства. Тогда послы перешли къ угрозѣ: что Богъ взыщетъ на немъ конечное разореніе государства. Мароа первая уступила силѣ этой угрозы и, воодушевясь нравственнымъ смысломъ избранія, съ неподдѣльною горячностью произнесла слѣдующія слова, тогда же занесенныя въ повѣсть объ избраніи Михаила: «Се тебѣ, о Богомати Пречистая Богородицѣ! въ твои руцѣ, Владычице, чадо свое предаю, и яко-же хощеши, устроиши ему полезныя и всему православному христіанству!» «Многа же и ина предъ образомъ Богоматере со многими слезами государыня изрече и тако дарова имъ царемъ и государемъ благовѣрнаго и благороднаго сына своего». Михаилъ принялъ отъ архіепископа царскій посохъ, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что пойдетъ скоро въ Москву.

Чрезъ пять дней, Михаилъ съ великою государынею, матерью своею, выѣхалъ въ Ярославль, куда прибылъ 21 марта въ день, когда исполнился мѣсяцъ избранію его на царство. Въ этомъ городѣ всѣ сословія жителей, равно какъ и окрестные дворяне и торговые люди встрѣтили новаго царя съ образами, хлѣбомъ-солью и дарами. Непритворная радость всѣхъ

была очевидна. Конечно не безъ вліянія матери Михаилъ остался въ Ярославлѣ встрѣтить Пасху и пробылъ тамъ всего около мѣсяца. Съ несвойственною его возрасту осторожностью юный царь писалъ въ Москву къ собору о томъ, что у него и въ мысляхъ не бывало быть на такихъ великихъ государствахъ.

Въ грамотахъ, писанныхъ къ собору, повторяется все тоже опасеніе, какое высказала Мароа въ церкви Ипатьевскаго монастыря. Упреки москвичей въ малодушествѣ и въ невѣрности присягѣ вызвали новыя увѣренія въ преданности, новыя мольбы къ царю, чтобы онъ спѣшилъ ѣхать въ Москву и не оставлялъ сирыхъ. Въ перепискѣ царя съ соборомъ замѣтна житейская опытность царевой матери: царь медлитъ ѣхать потому что въ Москвѣ еще нѣтъ кормовъ и запасовъ: сборщики, посланные по городамъ, еще не вернулись.

Изъ Ярославля царь выѣхалъ только 16-го апрѣля и съ полъ-дороги писалъ, чтобы бояре приготовили для него золотую палату царицы Ирины, а для матери его хоромы жены царя Шуйскаго. Бояре отвѣчали на это, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Мароа Нагая. Тѣхъ же хоро́мъ—писали они — что государь приказалъ приготовить, скоро отстроить нельзя да и нечѣмъ; денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли; мостовъ и лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ. Надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть. Но Мароа Ивановна недовольна была такимъ отвѣтомъ и сынъ ея вновь повторялъ боярамъ прежнее приказаніе: «А если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей изготовлены хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; но въ этихъ хоромахъ матери нашей жить не годится» *).

Бояре-послы остались при царѣ и руководили его въ дѣлахъ правленія, которое сосредоточилось въ станѣ царя, приближавшагося къ Москвѣ. Уже въ Ярославлѣ къ Михаилу стали поступать просьбы, жалобы и донесенія о воровскихъ

*) Ист. Россіи, Соловьева, т. IX.

и душегубныхъ дѣлахъ. Новое посольство, съ княземъ Воротынскимъ во главѣ, явившееся къ царю съ моленіемъ поспѣшить въ Москву, застало Мареу и Михаила стоявшими станомъ въ 30 верстахъ отъ столицы. Имѣя ежедневно извѣстія изъ Москвы, царь и мать его достаточно убѣдились въ спокойствіи и единомысліи москвичей и потому самому объявили посламъ, что 2-го мая, въ воскресенье, они въѣдутъ въ престольный градъ.

Всякихъ чиновъ люди вышли за-городъ, на встрѣчу государю и матери его. Михаилъ и Мареа слушали молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, и было торжественное цѣлованіе руки царской.

Единодушно избранный царь не спѣшилъ царскимъ вѣнчаніемъ, которое совершилось только 11 іюля, наканунѣ именинъ Михаила. Родственники царя, дядя Иванъ Никитичъ, да двоюродный братъ князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій, да старикъ Шереметевъ, вмѣстѣ съ другими столбовыми боярами, правили дѣлами еще далеко не обезпеченнаго государства. Предстояла борьба съ Заруцкимъ и Мариною. На сѣверѣ шла война со шведами, и новое столкновеніе съ Польшею грозило въ близкомъ будущемъ.

Увѣрившаяся въ прочности положенія сына на престолѣ великихъ государствъ, мать царя принялась за устройство царскаго хозяйства. Мы видѣли, что Мареѣ Ивановнѣ на первый разъ не хотѣлось поселиться въ Вознесенскомъ монастырѣ. Однако же, уступивъ необходимости, она поселилась въ хоромахъ мнимой матери Лжедимитрія. Устроившись въ обители, какъ подобало инокинѣ, Мареа Ивановна повела жизнь, какъ царица и истинная хозяйка, сосредоточившая въ своихъ хоромахъ всѣ нити сложнаго царскаго домоводства. Великая старица, какъ стали называтъ ее, подчинила дворецъ Вознесенской обители и поддерживала, какъ и прежде, тѣснѣйшее общеніе съ сыномъ.

Въ грамотахъ имя Мареы Ивановны ставилось на видъ, какъ имя единственной представительницы царской семьи, и Михаилъ, оповѣщая о своемъ избраніи, всегда повторялъ, что «учинился на великихъ государствахъ, по благословенію матери своей, великія государыни, старицы иноки

Мареы Ивановны». Сказанія о воцареніи Романова придаютъ царевой матери особое значеніе. Такъ, въ одномъ изъ нихъ встрѣчаемъ слѣдующія слова: «Боголюбивая его (Михаила) мати, великая старица Мареа, правя подъ нимъ и поддержая царство со своимъ родомъ, еще бо сущу отцу его въ плѣну у короля Польскаго». Непосредственное вліяніе Мареы на дѣла видимъ въ жалованныхъ грамотахъ различнымъ монастырямъ, появившимся на второй годъ царствованія. Грамоты эти начинаются обыкновенно словами: Божіею милостію мы великій государь... и мать наша государыня великая старица инока Мареа Ивановна пожаловали богомольца нашего игумена такого-то.

Есть жалованныя грамоты и отъ имени самой великой старицы. Въ одной изъ нихъ Мареа рѣшаетъ въ пользу челобитчика, архимандрита Паисіева монастыря, спорное дѣло о владѣніи двумя починками съ сѣнными покосами *). Въ другой грамотѣ «отъ великія государыни иноки Мареы Ивановны въ домъ боголѣпнаго Преображенія и преп. отецъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, иже на островѣ великаго моря океана», великая старица убѣждаетъ игумена Иринарха уничтожить распространившееся въ обители многоказненное піянственное питіе, какъ о томъ дошелъ до нея слухъ» **).

На первыхъ порахъ великая старица оказала милости Новоспасскому монастырю, гдѣ погребены были ея дѣти-младенцы и дочь, княгиня Кафтырева-Ростовская ***).

На первыхъ же порахъ вспомнила Мареа Ивановна и о другихъ обителяхъ, оказавшихъ ей гостепріимство,—вспомнила и о попѣ Толвуйскаго погоста и, наградивъ его имѣніемъ, вызвала въ Москву на почетное мѣсто ключаря Архан-

*) Акты истор., т. III, № 45,
**) Рукопись Имп. П. Библ., № 67 коллекціи Толстого.
***) Монастырю этому пожалована была въ 1615 г., родовая вотчина Мареы Ивановны въ Углицкомъ уѣздѣ: село Клемятино съ деревнями и, сверхъ того, вотчины въ Ряжскомъ уѣздѣ на р. Воронежѣ и рыбныя ловли въ разныхъ мѣстахъ Въ 1616 г., монастырь получилъ въ особенность два перевоза на Москвѣ-рѣкѣ и колоколъ въ 129 пудъ 29 фунтовъ. Въ 1625 году, Мареа Ивановна пожаловала Новоспасскому монастырю купленную свою вотчину Увесь Касимовскаго уѣзда, а передъ смертью отдала всѣ свои родовыя Шестовскія помѣстья съ селомъ Домнинымъ.

гельскаго собора. Не были забыты и братья Глездуновы и всѣ другіе, радѣвшіе когда либо о ссыльной боярынѣ. Судьба насильственно постриженныхъ знатныхъ инокинь вызывала особое сочувствіе испытанной страданіями великой старицы. Изъ таковыхъ постриженницъ находились тогда въ живыхъ двѣ царицы: Дарья (Анна) Колтовская, четвертая супруга Грознаго, и Елена (Марья Петровна) Шуйская; двѣ жены царевича Ивана Ивановича: Соловая и Сабурова, да еще княжна Ирина Мстиславская, предназначавшаяся въ жены бездѣтному царю Ѳеодору и насильственно постриженная Годуновымъ. Царицѣ Дарьѣ, постриженницѣ Тихвинской обители, было пожаловано село Никифоровское съ деревнями и, сверхъ того, ей не разъ посылались и въ Суздаль, въ Покровскій монастырь, къ царицѣ Александрѣ Сабуровой. Царица Прасковья Соловая была переведена изъ Владиміра въ Москву и помѣщена въ Ивановскомъ монастырѣ. Царица Шуйская устроилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и пользовалась постояннымъ вниманіемъ со стороны царевой матери.

Въ 1615 году, Москва пришла въ прежнее благоустройство, послѣ осады и разоренія. Знатные люди, одинъ въ слѣдъ за другимъ, праздновали новоселье во вновь отстроенныхъ хоромахъ. Тогда и инока царица Елена Петровна Шуйская праздновала новоселье въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и получила въ даръ отъ царя два сорока соболей *).

Тогда праздновала новоселье и Ирина Никитишна Годунова, когда-то благодѣтельствовавшая своимъ братьямъ Романовымъ — и ей пожалованъ былъ по этому случаю одинъ сорокъ соболей.

Черезъ два года (1617 г.), царица Шуйская уже переселилась въ кремль-городъ и ее вновь жаловали соболями, «на новоселье». По запискамъ верховаго взносу видимъ, что царица Шуйская не разъ получала отъ великой старицы въ подарокъ дорогія ткани на одежды Княжнѣ-старицѣ Мстиславской, помѣщенной на жительство въ Вознесенской обители, шьются рясы и сарафаны, въ хоромахъ Марѳы Ивановны.

*) См. приложенія къ труду г. Забѣлина: Домашній бытъ русскихъ царицъ, подъ рубрикой: Матеріалы.

Всѣхъ родныхъ своего мужа Марѳа Ивановна помнила и дарила, въ особенности же жену боярина Ивана Никитича Романова, Ульяну. Изъ своихъ кровныхъ родныхъ великая старица въ особенности была близка съ инокинею Салтыковою, матерью двухъ молодыхъ бояръ, которыхъ близость къ царю совпадаетъ съ годами значенія и силы Марѳы Ивановны, до возвращенія Филарета. По всей вѣроятности, Марѳѣ Ивановнѣ обязаны были и Морозовы, ея родичи, своимъ приближеніемъ къ царю, а жены ихъ своимъ высокимъ положеніемъ при дворѣ царицы Евдокіи Лукьяновны. Дочь одного изъ любимыхъ племянниковъ Марѳы Ивановны, Михайлы Михайловича Салтыкова, вышедши замужъ за князя Юрья Еншевича Сулешова, приблизила эту фамилію къ царскому двору.

Всѣ драгоцѣнности и пожитки прежнихъ царицъ, уцѣлѣвшіе въ Кремлѣ, поступили въ собственность и вѣдѣніе великой старицы. Дьяки ея повели счетъ всѣмъ кикамъ, опашнямъ, охабнямъ, лѣтникамъ, шубамъ, всему запасу соболей, дорогихъ тканей, жемчугу, золотымъ вещамъ, алмазамъ и яхонтамъ.

Въ Мастерской палатѣ закипѣла дѣятельность: передѣлывали, перекраивали, строили вновь всякое платье и всякую утварь для царскаго обихода и для подарковъ. Царицыны слободы, работавшія на государевъ дворъ, пришли въ прежній порядокъ. Марѳа Ивановна устроила новую ремесленную слободу за Москвой-рѣкой и завела рукодѣльныя работы и садовое хозяйство въ своемъ собственномъ подмосковномъ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ, сдѣлавшемся отнынѣ любимомъ мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ царской семьи.

Великая старица жаловала царицъ и боярынь соболями, камками, бархатомъ, тафтою; невѣстъ—запястьями, серьгами, новобрачныхъ—иконами въ драгоцѣнныхъ окладахъ, родильницамъ посылала золотые кресты, украшенные жемчугомъ и каменьями, со святыми мощами. Мастерицъ, старицъ Вознесенской обители, Марѳа Ивановна жаловала остатками тканей и мѣховъ, то на рукава, то на шапку. Особенной любовью государыня пользовалась уродивая старица Марѳа, которой то и дѣло шлютъ—какъ это видно изъ расходныхъ записокъ — нарядныя цвѣтныя ряски, шубки, а иногда сарафаны черной камки съ шелковыми пуговицами.

Нерѣдко встрѣчаемся въ этихъ любопытныхъ записяхъ съ заботами великой старицы о нарядахъ ея придворной шутихи-дурки Манки. Это лицо носило, между прочимъ, опашни суконные, краснаго и желтаго цвѣта, съ окладнымъ ожерельемъ молодаго медвѣдя, на которое нашивались три огромныя оловянныя пуговицы. Опашень и красная шапка дурки были изукрашены мишурнымъ кружевомъ. Кромѣ дурки, при великой старицѣ состояла для ея государственной потѣхи карлица Афимья.

Великая старица окружена была царственною роскошью и удобствомъ. При ней находился цѣлый штатъ свѣтскихъ прислужницъ и особыхъ старицъ-инокинь. Ея дѣлами завѣдывали состоявшая при ней боярыня, Марья Юрьевна Головина и казначея Анна Сумина. Первая изъ нихъ обыкновенно приказывала ея государынинымъ словомъ. Изъ лицъ мужскаго пола въ хоромахъ Мароы Ивановны жили истопники, которые иногда, вмѣсто боярынь и старицъ, принимали приносимыя къ великой старицѣ драгоцѣнныя вещи изъ царской казны. Бокъ-о-бокъ съ хоромами царевой матери текла обычная монастырская жизнь, подъ начальствомъ игуменьи Ефимьи Полтевой и старицы-келаря Мароы Колычевой. Такимъ образомъ Мароа Ивановна стояла какъ бы внѣ монастырскаго начала, а монастырь придавалъ двору ея окраску, необходимую для государыни-инокини.

Записки кроильныхъ книгъ, ровно какъ и записки верховому взносу, даютъ возможность познакомиться съ обычаями великой старицы. Дома Мароа Ивановна носила ряски и охабни черной камки, съ зеленою и синею тафтяною опушкою, съ нашивкою спереди традцати-трехъ пуговицъ. Для выхода и пріема Мароа Ивановна имѣла охабни цвѣтныя, иногда багроваго атласа, иногда синяго веницейскаго бархата. Шуба у нея была черной тафты на горностаяхъ, упоминается и другая лисья, покрытая объярью таусиною. Одѣяло у нея была песцовое, покрытое зенденью темно-синею съ темно-зеленою опушкою. Подушки для сидѣнья были обиты червчатою камкой.

Возокъ ея, или избушка, былъ обитъ англійскимъ лазоревымъ сукномъ. Каптана ея, или карета, была обита багро-

вою камкой и соболями. Въ молельнѣ ея былъ большой образъ Нерукотвореннаго Спаса, и тамъ же для поклоновъ была устроена обитая чернымъ сукномъ поклонная колодочка... Для богомольныхъ путешествій пѣшкомъ, въ жаркое время, для великой старицы устраивали большой зонтикъ, или солночникъ изъ англійскаго гвоздичнаго сукна на подкладкѣ киндяковой. На солночникъ, который несли надъ путешественницею, требовалось до 15 аршинъ ткани.

Деньги, по приказанію великой старицы, доставлялись ей на руки дьякомъ царицыной палаты: для ея государынина дѣла. По ея же непосредственному распоряженію, уплачивались деньги торговымъ людямъ и ремесленникамъ, позолотчикамъ, знаменщикамъ, денежныя подачки на приданое—дочерямъ придворныхъ служителей и тому подобное. Великая старица, какъ видно изъ расхода бѣлой казны, посылала полотна въ убогіе домы...

Но болѣе всего отпускалось изъ царской казны въ хоромы Марѳы Ивановны церковныхъ вещей. Покровы, оплечья ризъ, запоны или пелены съ изображеніями святыхъ, съ тропарями, вышитыми золотомъ или жемчугомъ—залежавшіяся и неоконченныя работою, равно какъ и старыя, запасныя, приводились въ порядокъ въ хоромахъ великой старицы и тамъ же получали назначеніе. Тамъ же, на верху, у великой старицы дѣвицы ея вышивали золотомъ, серебромъ и жемчугомъ мужскія и женскія одежды для царскаго обихода, для подарковъ и, наконецъ, когда помолвили царю невѣсту, для его царской радости.

Есть случайныя свидѣтельства и о грамотности Марѳ Ивановны. Разъ, отпущенъ былъ лоскутъ сафьяну старц Іосифу «на молитвенникъ для Марѳы Ивановны». Въ дру гой разъ великая инокиня потребовала себѣ «книгу печатну въ десть, Василья Кесарійскаго въ переплетѣ бараньей кож да псалтырь письменную съ слѣдованьемъ, оболочену сафь номъ синимъ».

III.

(1619—1631).

Посылки къ Филарету въ Литву.—Возвращеніе митрополита изъ плѣна и возведеніе въ патріархи. Богомольное путешествіе Мароы Ивановны и Михаила къ Макарію на Унжу.—Другія богомольныя путешествія ихъ.—Переписка съ патріархомъ.—Невѣсты царя Михаила.—Двѣ свадьбы его.—Отношенія Мароы Ивановны къ царицѣ-невѣсткѣ.—Кончина ея.

Уже 20-го октября 1613 года, великая старица нашла возможность послать въ Литву посылку къ плѣнному митрополиту Филарету. Въ двѣ вьючныя сумы уложила она изготовленный ею охабень—объяри таусинной на темно-синей шелковой подкладкѣ, да шубу вишневаго цвѣту на соболяхъ. Для сохранности вещи эти были обернуты въ зеленое сукно. Въ другой разъ Мароа Ивановна послала Филарету мантію чернаго грубина съ источниками на лазоревой подкладкѣ, да еще верхнюю одежду на бобровомъ мѣху, да комнатную рясу гвоздичной камки, съ тафтяными нашивками, съ тридцатьютремя пуговицами.

По утишеніи внутреннихъ смутъ и послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ отраженій польскихъ дружинъ, русскіе вступили въ переговоры съ Литвою. Грамоту царскую повезъ въ Варшаву Желябужскій, которому велѣно повидать плѣннаго митрополита и справить ему поклоны отъ царя и великой старицы. Желябужскаго допустили къ Филарету, жившему въ домѣ Льва Сапѣги. Митрополитъ началъ съ упрека: зачѣмъ, безъ его вѣдома, выбрали сына на царство, да еще въ то время, когда онъ, отецъ избранника, находится въ Литвѣ въ качествѣ посла къ Владиславу? Желябужскій отвѣчалъ ему на это, что царственное дѣло не останавливается и что перемѣнить его нельзя, и сдѣлалось оно Божьею волею, а не хотѣньемъ сына его. Узнавъ отъ посла о положеніи дѣлъ въ государствѣ, Филаретъ перемѣнилъ рѣчь и твердо сталъ на томъ, что ему въ отвѣтной грамотѣ слѣдуетъ именовать сына царемъ. Но плѣну Филарета еще не скоро пришлось окончиться. Война съ поляками возобновилась. Въ 1617 году, Владиславъ пошелъ на Москву добывать оружіемъ престолъ.

Москва съ царемъ своимъ была вновь въ страхѣ и смятеніи и тѣмъ болѣе, что нѣкоторые воеводы русскіе склонялись на сторону Владислава.

Наступившее холодное время и содѣйствіе перебѣжавшихъ въ Москву французовъ-петардщиковъ помогло отразить враговъ отъ стѣнъ бѣлаго-города, наканунѣ праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Въ память новаго спасенія Москвы отъ поляковъ, царь заложилъ церковь Покрова въ любимомъ подмосковномъ селѣ своей матери, Рубцовѣ. Неудачи Владислава принудили поляковъ вступить съ русскими въ переговоры, и въ трехъ верстахъ отъ Сергія-Троицы, въ Деулинѣ, заключено было перемиріе на 14 лѣтъ. Размѣнъ плѣнныхъ былъ однимъ изъ существенныхъ условій перемирія. Много было по этому поводу споровъ и пререканій, но бояре уступали во многомъ съ цѣлью избавить, какъ можно скорѣе, царскаго отца изъ плѣна. Однако же дѣло о плѣнныхъ тянулось еще около года, и только въ іюнѣ 1619 года Филаретъ былъ выданъ русскимъ подъ Вязьмою, въ глухомъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Поляновкѣ.

Первую ночь митрополитъ провелъ съ соотечественниками въ сторожкѣ; но на другой день его встрѣтили бояре съ архіепископомъ во главѣ, нарочно для того посланные царемъ. Три подобныя же встрѣчи привѣтствовали страдальца на пути къ Москвѣ. 14 іюня увидалъ Филаретъ церковныя маковки роднаго города, а за рѣкою Прѣснею его встрѣтилъ царь со множествомъ народа. Отецъ и сынъ поклонились другъ другу въ ноги, радовались и проливали слезы. Царь пѣшій пошелъ передъ санями, въ которыхъ везли митрополита, за санями шелъ Шереметевъ съ боярами. Филаретъ остановился на Троицкомъ подворьѣ, откуда черезъ десять дней переѣхалъ въ патріаршіе хоромы. Санъ патріаршій предложили Филарету владыки вмѣстѣ съ царемъ, и самое постановленіе совершилось 24 іюня, черезъ патріарха Іерусалимскаго Ѳеофана, тогда гостившаго въ Москвѣ. Патріархъ Филаретъ сталъ называться, подобно сыну-царю, великимъ государемъ. Русь видѣла въ немъ «строителя и помогателя царству», чѣмъ онъ и сталъ на самомъ дѣлѣ, взявшись крѣпкою рукою за управленіе дѣлами духовными и свѣтскими.

Соловьевъ говоритъ, что, съ возвращеніемъ Филарета, въ Москвѣ началось двоевластіе.

Вскорѣ по поставленіи патріарха, царь съ матерью поѣхалъ на богомолье на Волгу поклониться новоявившемуся святому Макарію Унженскому. Въ этомъ путешествіи можно видѣть исполненіе обѣта, который сынъ и супруга дали Богу, молясь о возвращеніи дорогаго имъ плѣнника. Переписка царя съ патріархомъ, обрисовывающая отношенія членовъ царскаго семейства, доноситъ до насъ подробный отчетъ объ этомъ богомольномъ странствованіи. Михаилъ и Мароа, впервые послѣ шести-лѣтняго государствованія, могли оставить Москву надолго и мирно совершить дальнюю поѣздку. Это былъ ихъ первый отдыхъ послѣ смутъ и тревогъ военнаго времени. Сынъ съ матерью отправились въ путь 23 августа (1619 г.). Уже на другой день патріархъ отправилъ путешественникамъ на благословеніе освященную имъ самимъ воду и просфору. На третій день путешественники прибыли въ Троице-Сергіевъ монастырь. Тотчасъ по прибытіи инокиня Мароа написала патріарху о благополучномъ достиженіи ими обители. На другой день царь писалъ ему о томъ же. Они прибыли къ Троицѣ только на третій день, потому что совершали путь пѣшкомъ и подолгу отдыхали на перепутьѣ. Отъ 26 августа писали они изъ Сергіевой обители; отъ 29 извѣщали уже о благополучномъ прибытіи въ Переяславль-Залѣсскій, гдѣ они успѣли поклониться мѣстнымъ чудотворцамъ. Путешествіе, послѣ Сергіева монастыря, очевидно, было въ экипажахъ. 1-го сентября, высокіе путешественники были въ Ростовѣ, гдѣ и встрѣтили новое лѣто. «Доидохомъ града нашего Ростова—писалъ царь патріарху—здраво, августа 31 къ вечеру и на утрѣе, сентября 1 числа, начало новому лѣту обновихомъ съ пѣніемъ и хвалами и цѣлбоносному гробу великаго святителя Леонтія молебное пѣніе принесохомъ». Въ Ярославль путешественники прибыли 6 сентября поутру, а вечеромъ слушали всенощную у гроба св. князей Өеодора, Давида и Константина. «А изъ Ярославля, государь,—пишетъ царь отцу своему,—пойдемъ сентября 7-го, или кончѣе 9-го. А помѣшками въ Ярославлѣ произволили есмя для ненастья и великихъ дожжей и для перевозу». Изъ Костромы Мароа

Ивановна писала патріарху, просила помолиться, чтобы Богъ помогъ ей съ сыномъ совершить благовременно путешествіе, по обѣщанію, ко гробу великаго отца Макарія. Царь просилъ патріарха возсылать Богу молитвы, чтобы подалъ воздуху яснину и теплоту.—Путь къ Макарію лежалъ на Домнино, вотчину Марѳы Ивановны, гдѣ путешественники отдохнули три дня и откуда оба они писали патріарху, извѣщая его о благополучномъ странствованіи.—Сентября 20-го, богомольцы достигли обители преподобнаго Макарія и тѣмъ исполнили свое обѣщаніе. Долго пробыть въ этой обители они не могли, потому что погода испортилась. 7-го октября, мы видимъ ихъ на обратномъ пути, въ 30 верстахъ отъ Макарьевой обители. «А идемъ, государь, съ опочивомъ для нашихъ ратныхъ людей и для дожжей и грязей, а на Кострому чаемъ придти октября въ 10-й день, въ недѣлю». Чаяніе ихъ сбылось: они достигли Костромы въ 10-й день октября, но только «поздно на вечеръ». А идемъ, государь, мѣшкотно, потому что дожжи и снѣги идутъ многіе и грязи велики, и идемъ, льготя людямъ нашимъ». Тоже самое пишутъ изъ Ярославля, радуясь, что благополучно переѣхали «великую рѣку Волгу». Льготя людямъ, и для угожева мѣста остановились путешественники на три дня въ селѣ Великомъ, и молодой царь задумалъ поохотиться. «А похотѣлъ есмя потѣшитися въ поляхъ». Но и по истеченіи трехъ дней, путешественники не могли выѣхать. «И по грѣху, государь моему,—пишетъ Михаилъ—государыня моя матушка, благородная великая старица инока Марѳа Ивановна понемогла: припомянулася прежняя болѣзнь, да и къ тому кабы лихорадка». Черезъ два дня однако же великая старица оправилась, и путь продолжался по-прежнему съ большою медленностью. Переписка послѣднихъ дней путешествія не сохранилась, и мы не знаемъ дня возвращенія въ Москву. Послѣднее письмо изъ извѣстныхъ намъ принадлежитъ Филарету; изъ него видно, что 1-го ноября путешественники были еще далеко, и день прибытія ихъ въ столицу еще не былъ опредѣленъ.

Большая часть писемъ этихъ состоитъ изъ искусственно изобрѣтенныхъ пожеланій здоровья и изъявленія надежды на родственное свиданіе. Марѳа Ивановна обыкновенно извѣща-

етъ Филарета Никитича о здоровьѣ сына, Михаилъ—о здоровьѣ матери. Оба съ точностью доносятъ патріарху о своемъ передвиженіи и горячо просятъ его молитвъ. Патріархъ наполняетъ свои письма молитвенными возгласами и напутственными благословеніями. Высокое положеніе этихъ лицъ обязывало ихъ, главнымъ образомъ, краснорѣчиво выражать другъ другу должное почтеніе, и они ухищрялись разнообразить искусственныя фразы привѣтствія. Для образчика прочтемъ вступительныя части ихъ писемъ.

Инокиня пишетъ патріарху: «Всесвятѣйшему и великому въ архіереѣхъ, боходухновенному въ человѣцѣхъ, крайнему святителю, неблазненну во Христѣ страдальцу, прежде убо по сочетанію законнаго брака свѣту очію моею, государю и супругу, нынѣ же по призванію ни отъ человѣкъ, ни человѣки, но Богомъ и отцемъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ государю и отцу, Филарету Никитичу, Божіею милостію патріарху московскому и всея Русіи, старица Мареа вашему святительству челомъ бью».

Царь начиналъ письмо къ отцу слѣдующимъ, или тому подобнымъ образомъ: «Честнѣйшему и всесвятѣйшему о Бозѣ отцу отцемъ и учителю православныхъ велѣній, истинному столпу благочестія, недремательну оку, церковному благолѣпію—прежь убо по плоти благородному нашему родителю, нынѣ же превосходящему святителю, ходатаю ко всемогущему въ Троицѣ славимому Богу, великому господину и государю, святѣйшему Филарету Никитичу, Божіею милостію патріарху московскому и всея Русіи, сынъ вашъ царь и великій князь Михайло Θеодоровичъ всея Русіи равноангельскому вашему лицу, сердечными очима и главою цѣлуя вашего преподобья, челомъ бью».

Патріархъ обыкновенно называлъ сына полнымъ царскимъ титуломъ и по плотскому рожденію сыномъ и о святѣмъ дусѣ возлюбленнѣйшимъ сыномъ своего смиренія. Писемъ отъ Филарета къ Мареѣ не сохранилось, но въ письмахъ къ сыну патріархъ обыкновенно называетъ ее «государевою матерью и своею по закону бывшею женою и дщерью о святѣмъ Дусѣ, старицею Мареою», не прибавляя къ имени ея отчества. Изрѣдка проглядываетъ въ этихъ письмахъ и про-

стота, и искренность отношеній, и живыя стороны быта. Извѣщая о болѣзни своей,—Филаретъ заболѣлъ во время путешествія сына къ Макарію Унженскому лихорадкою и камчюгомъ въ ногѣ—патріархъ, послѣ соболѣзнованія о нездоровьѣ инокини Мароы, прибавляетъ: «и вамъ бы, великому государю, объ нашихъ старческихъ болѣзняхъ не кручинитися: то наше старческое веселіе, что болѣзни съ радостью терпѣти». Въ другомъ письмѣ патріархъ, выражая сыну благодарность за присылку боярина для освѣдомленія о состояніи его здоровья, пишетъ: «отъ лихорадки есть немного полегче, а камчюгомъ, государь, изнемогаю и выйти изъ кельи не могу. Молю ваше царское благородіе, чтобы вы, великій государь, мать свою, а мою по закону бывшую жену, нынѣ же о святѣмъ Дусѣ дщерь нашего смиренія, старицу Мароу утѣшалъ, чтобы, она съ разсужденіемъ бы о насъ скорбѣла и полагала бы на судьбы Божьи». Мароа писала мужу: «писалъ еси, государь, ко мнѣ въ своей святительской грамоткѣ: отъ немощи вашей, отъ лихорадки есть мало полехче — и азъ о томъ обрадовалася. Что ножка больна комчюгомъ, и о томъ зѣльно скорбимъ и конечною жалостью въ плачь нисхожу». Послѣ перваго извѣстія о болѣзни патріарха, Мароа и Михаилъ немедленно послали къ нему боярина.

На Волгѣ путешественники приказали при себѣ закинуть сѣти и первую ловитву своихъ трудовъ послали Филарету Никитичу—били челомъ ему «осетрами, калужкою, ковригою да стерледями живыми». Изъ Троице-Сергіевой обители, царь послалъ отцу 220 яблокъ: «И тебѣ бы, государю, пожаловать—велѣть приняти и кушати на здоровье».

На слѣдующій годъ Михаилъ и Мароа отправились снова на богомолье въ Угрѣшскій Никольскій монастырь, но уже весною, въ первой половинѣ мая. Отсутстіе ихъ продолжалось недѣлю, но ежедневная переписка съ Филаретомъ тѣмъ не менѣе тщательно велась. Потомъ царь отправлялся обыкновенно на богомолье къ Троицѣ-Сергію и совершалъ это путешествіе по два раза въ годъ, весною и осенью. Мать всегда сопровождала сына. Путешествіе къ Троицѣ было обыкновенно пѣшее. Разъ, отъ ходьбы Михаилъ заболѣлъ, «помянулся прежній конскій убой» мать тревожно и отчетливо

писала о томъ Филарету. Ежегодныя и кратковременныя путешествія къ Троицѣ тѣмъ не менѣе были поводомъ къ перепискѣ царя съ патріархомъ. Письма Филарета принимають иногда дѣловой характеръ, преимущественно же по дѣламъ иностраннымъ, которыми Филаретъ занимался самостоятельно. Въ такихъ письмахъ обыкновенно не встрѣчаемъ многословныхъ привѣтствій, а только въ концѣ письма помѣщается просьба извѣщать подробно «о путномъ шествіи».

Въ большинствѣ же случаевъ, письма были повтореніемъ благожеланій, отчетомъ со стороны царя о молитвахъ при гробѣ угодника, со стороны патріарха — о молитвахъ въ Москвѣ за царя, о благоденствіи стольнаго города. За нѣсколько дней до возвращенія царскаго, Филаретъ освѣдомлялся — гдѣ и на какой верстѣ встрѣчать царя боярамъ и духовенству?

Съ возвращеніемъ Филарета Никитича Мароа Ивановна получила второстепенное значеніе; но внутренняя жизнь царскаго двора и все царицыно хозяйство зависѣло отъ нея по прежнему.

Царь Михаилъ, не смотря на двадцати-двухъ лѣтній возрастъ, не былъ женатъ, и мать не спѣшила женить сына послѣ того, какъ свадьба его съ дѣвицею Хлоповою разстроилась. Еще въ первые годы царствованія, Мароа озаботилась о женитьбѣ царя и съ этою цѣлью взяла къ себѣ на жительство молодую дѣвицу, отецъ которой, Хлоповъ, былъ при царѣ Борисѣ приставомъ Романовыхъ, когда они, возвращенные изъ ссылки, жили въ своей Клинской вотчинѣ. Мать молодой дѣвушки была изъ роду преданныхъ Романовымъ Желябужскихъ. Когда настало, по усмотрѣнію великой старицы, время—объявить избранную невѣсту царевною, позвали къ царю родню дѣвицы и царь изрекъ имъ свое произволеніе «взять себѣ для сочетанія законнаго браку Иванову дочь Марью а они бъ при немъ служили и были при немъ б л и з к о».

Невѣсту помѣстили въ верхнихъ хоромахъ государя и назвали царевною Анастасіею въ память первой царицы изъ роду Романовыхъ. Первый мѣсяцъ прошелъ благополучно. Царь совершилъ богомольное путешествіе къ Сергію-Троицѣ съ матерью и невѣстой. Послѣ того, великая старица праздновала новоселье во вновь отстроенныхъ хоромахъ, а госу-

дарыня царевна Настасья Ивановна всея Русіи челомъ ударила великой старицѣ Мароы Ивановнѣ: два сорока соболей. Но новые близкіе къ царю люди, родственники невѣсты, не поладили съ другими близкими людьми, племянниками великой старицы, двумя братьями Салтыковыми. Смѣлое слово Гаврилы Хлопова, сказанное въ присутствіи царя Михайлѣ Салтыкову, подало поводъ къ сильнѣйшей ненависти. Чрезъ двѣ недѣли послѣ того слова, невѣста заболѣла желудкомъ отъ непривычныхъ сладкихъ яствъ и не смотря на то, что два доктора, нѣмца, не нашли въ ея болѣзни ничего опаснаго, Михайло Салтыковъ убѣдилъ царя, что Хлопова больна неизлечимымъ недугомъ и къ его царской радости негодится.

Салтыковы вліяли, сколько могли, и на мать цареву и повели дѣло такъ ловко, что цѣлый соборъ рѣшилъ сослать нареченную царицу съ верху. Черезъ 10 дней, не смотря на то, что разжалованная невѣста выздоровѣла, ее отправили, подъ прежнимъ именемъ Маріи, въ ссылку, въ Тобольскъ вмѣстѣ съ бабкой ея, Желябужскою, теткою и двумя дядьями.

По возвращеніи своемъ изъ плѣна, Филаретъ Никитичъ озаботился дѣлами милосердія и признательности. Крестьяне, облегчавшіе участь страдальца Михаила Никитича Романова въ отдаленной Пермской землѣ, радѣвшіе о Мароѣ Ивановнѣ въ Заонежьѣ братья Глездуновы, зять Ивана Сусанина, положившаго животъ за Михаила, и многіе другіе были взысканы милостью великихъ государей: царя и патріарха. Въ свое время вспомнили и объ изгнанной невѣстѣ и перевели ее изъ Тобольска въ Верхотурье, значительно улучшивъ ея положеніе.

Съ охлажденіемъ царя къ Салтыковымъ совпадаетъ новая милость къ бывшей невѣстѣ, которой указано было жить въ Нижнемъ Новѣгородѣ, причемъ она въ царской грамотѣ названа по прежнему Анастасіей (въ 1620 г.). Милость оказана была ей царемъ «для отца своего великаго государя патріарха Филарета Никитича». Издавна недружелюбный къ Салтыковымъ Филаретъ, казалось, догадывался о ихъ крамолѣ.

Въ 1621 году, Филаретъ задумалъ женить сына на иностранной невѣстѣ царской крови. Сперва онъ послалъ пословъ къ датскому королю Христіану съ предложеніемъ цар-

ской руки одной изъ королевскихъ племянницъ. Когда же сватовство это кончилось ничѣмъ, отправлено было новое посольство къ шведскому королю Густаву Адольфу, съ цѣлью высватать за Михаила сестру королевы, принцессу Бранденбургскую. Но несогласіе короля на то, чтобы свояченица его перемѣнила вѣру, какъ того требовалъ женихъ, прекратило дѣло въ самомъ началѣ.

Послѣ такихъ неудачъ вспомнили о той, которая уже носила царское имя. Есть лѣтописное свидѣтельство о томъ, что Михаилъ горько сожалѣлъ о Хлоповой и «не восхотѣ иную пояти», а когда отецъ и мать заговаривали съ нимъ о бракѣ, то онъ говорилъ, что ему уже обручена царица. Носились разнорѣчивые слухи о болѣзни Хлоповой—и вотъ, въ 1623 году, въ сентябрѣ, черезъ семь лѣтъ со времени обрученія, патріархъ рѣшился изслѣдовать дѣло о здоровьѣ царевны-невѣсты.

Ясные отвѣты медиковъ и сбивчивыя показанія Салтыковыхъ заставили патріарха и государя призвать къ допросу отца и дядю невѣсты и, наконецъ, ея духовника. Злыя козни Салтыковыхъ обнаружились. Тогда бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, въ сопровожденіи духовныхъ лицъ, дьяковъ и медиковъ, былъ посланъ въ Нижній Новгородъ, чтобы удостовѣриться въ здоровьѣ Маріи. Оказавшаяся здоровою, Хлопова вновь стала царскою невѣстою. Деньги, хлѣбные и медвяные запасы и другіе богатые кормы привезены были къ ней въ домъ. Бояринъ Шереметевъ находился при ней, ожидая со дня на день царскаго указа о переѣздѣ въ Москву. Въ Москвѣ же, между тѣмъ, происходилъ судъ надъ Салтыковыми, которые за крамолу свою подверглись ссылкѣ, вмѣстѣ съ матерью ихъ, почетною старицею Вознесенской обители. Опала Салтыковыхъ такъ огорчила великую старицу Марѳу Ивановну что она рѣшилась воспротивиться торжеству Хлоповыхъ.

Марѳа клятвами себя закляла, что не быть ей въ царствѣ передъ сыномъ, если Хлопова будетъ царицею. Черезъ недѣлю послѣ ссылки Салтыковыхъ, Шереметевъ получилъ въ Нижнемъ грамоту, въ которой государь приказывалъ ему сказать Ивану Хлопову, что дочь его, Марью, взять за себя не изволилъ, а самого его, Шереметева, царь отзывалъ въ Мо-

скву. Царевна осталась жить въ Нижнемъ на иждивеніи царя; ей былъ отданъ въ собственность домъ, принадлежавшій знаменитому Кузьмѣ Минину.

Забота о женитьбѣ сына была первою заботою матери. Въ одной грамотѣ монастырю она просила игумена съ братіею молиться, чтобы Богъ подалъ государю царю скорое и незамедленное сочетаніе законнаго брака и плодъ чадородія — наслѣдіе скипетра *).

Царю Михаилу довелось вступить въ бракъ только на двадцать девятомъ году жизни, но и этотъ бракъ былъ несчастливъ. Невѣсту избрала сыну сама Мароа Ивановна. Въ сентябѣ 1625 года, въ Вознесенскомъ монастырѣ кроили бархаты и атласы для «его государевой радости». Государыня-княжна Марья Володиміровна Долгорукая готовилась стать царицею всея Руси. А въ январѣ того же года, въ томъ же монастырѣ кроили багрецовыя сукна на гробницу молодой царицы, а въ хоромахъ великой старицы приспособляли застѣнокъ съ образомъ Пречистой Бовородицы — Умиленіе, весь изукрашенный жемчугомъ, для пелены на тотъ же гробъ.

Черезъ два года послѣ того, царь избралъ самъ для себя невѣсту изъ числа многихъ, привезенныхъ на смотрины дѣвушекъ. Дочь бѣднаго дворянина, Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева оказалась прочною для государевой радости.

Женитьба царя не отдалила Мароы Ивановны отъ сына. Вліяніе свекрови замѣтно въ царскомъ хозяйствѣ по прежнему. Свадебный вѣнецъ царицы Евдокіи Лукьяновны хранился за печатью великой старицы. Службы церковныя въ комнатахъ царицы и при посѣщеніи царицею московскихъ святынь совершаетъ всегда духовникъ Мароы Ивановны. Дьякъ, состоявшій все время при свекрови, состоитъ и при невѣсткѣ-царицѣ. Мароа Ивановна постоянно сопровождаетъ на богомолье царственную чету и, сверхъ того, ѣздитъ съ невѣсткою по московскимъ церквамъ и обителямъ и въ любимое свое село Рубцово-Покровское. Когда народились царевны и царевичъ, бабушка заботилась о нихъ. Мамою у каждаго изъ нихъ была боярыня изъ числа близкихъ къ Мароѣ Ивановнѣ лицъ.

*) Грамота Соловецкому монастырю.

Въ расходныхъ книгахъ сохранилась замѣтка: «къ государынѣ великой старицы Мареѣ Ивановнѣ въ Вознесенскій монастырь царевнѣ Ирины на потѣшныя куклы 20 лоскутовъ атласныхъ, золотыхъ и серебряныхъ, и камчатныхъ и тафтяныхъ; приняла старица Олена Языкова».

Въ 1629 году, Михаилъ ходилъ къ Троицѣ одинъ, безъ семьи, а въ слѣдующемъ, 1630 году, очередь богомольнаго путешествія дошла до патріарха. Зимою отправился Филаретъ Никитичъ въ монастыри: Саввинъ Сторожевскій и Пафнутьевъ Боровскій. Страдая рукою, патріархъ искалъ исцѣленія. Ежедневно посылалъ онъ письма къ царю и царицѣ и освѣдомлялся о здоровьѣ ихъ семейства, причемъ каждого изъ внуковъ своихъ именовалъ полнымъ его титуломъ. Предъ возвращеніемъ, Филаретъ, требовавшій отъ царя точнѣйшихъ свѣдѣній о времени въѣзда въ столицу, теперь заботится о томъ, гдѣ и какъ будутъ встрѣчать его самого, великаго государя патріарха, и самъ же поименно назначаетъ бояръ для своей встрѣчи. На слѣдующую весну Филаретъ Никитичъ предпринялъ путешествіе къ Троицѣ-Сергію и во Владиміръ. Царица Евдокія Лукьяновна, извѣщая о здоровьи всего царскаго семейства, писала и о великой старицѣ, что она здорова. Повидимому, здоровье Мареы Ивановны не предвѣщало близости ея кончины, которая, однакоже, воспослѣдовала черезъ семь мѣсяцевъ послѣ упомянутой поѣздки Филарета.

1631 г., января 27, на память возвращенія мощей Іоанна Златоуста—«съ четверга противъ пятницы, въ 7 часу нощи, преставися великаго государя Михаила Θеодоровича всея Русіи мать великая государыня инокиня Мареа Ивановна». Погребена она была въ усыпальницѣ рода Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ. Родившейся вскорѣ послѣ того царевнѣ было дано имя бабки.

Филаретъ немногими годами пережилъ свою бывшую супругу. Онъ скончался 1 октября 1634 года. Года рожденія ихъ обоихъ неизвѣстны, но судя по году ихъ свадьбы, можно съ достовѣрностью полагать, что Мареа Ивановна скончалась шестидесяти лѣтъ или около того, а Филаретъ шестидесяти пяти. Память бабки своей чтилъ и царь Алексѣй Михайловичъ. При немъ вселенскій патріархъ Паисій, вмѣстѣ съ

патріархомъ всея Руси Іосифомъ, совершалъ панихиду надъ гробомъ Мароы Ивановны. Имя великой старицы до сихъ поръ припоминается съ провозглашеніемъ вѣчной памяти въ соборныхъ церквахъ нашихъ въ день торжества православія.

При взглядѣ на портретъ Мароы Ивановны, сохранившійся въ Романовской галлереѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, въ полумонашескомъ костюмѣ, съ драгоцѣнными перстнями на рукахъ—легко представляешь себѣ эту испытанную судьбою личность властной царевой матери. Крупныя черты круглаго лица едва сохранили слѣды мужественной красоты молодой боярыни Ксеніи. Росту, судя по сохранившимся даннымъ, Ксенія Ивановна была небольшаго, но могла славиться истинно русскою красотою и дородностью.

Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти [1]).

Путь изъ Петербурга до устья р. Ояти.—Описаніе погостовъ, расположенныхъ по берегамъ этой рѣки.—Описаніе мѣстности и промысловъ жителей.—Особенности мѣстнаго говора.—Нравственность и религіозность жителей.—Остатки старинной одежды.—Свадебные обычаи.—(Поминки).—Повѣрья.—Народный пѣвецъ.—Памятники народной словесности.

Если сѣсть на пароходъ у пристани Александро-Невской лавры или у Литейнаго моста, въ два часа по полудни, въ лѣтній день, то къ утру при благополучномъ ходѣ, вы оставите за собою рѣдко спокойное Ладожское озеро, и передъ вами засинѣютъ покрытые кустарникомъ берега широкаго, едва уловимаго глазомъ устья Свири. Когда вступите въ самую Свирь, увидите на правомъ берегу селеніе. Большія избы, высокія и некрасивыя, часто подъ рядъ съ купеческимъ раскрашеннымъ домикомъ, тянутся вдоль вдавшейся въ Свирь косы или «наволока». Селеніе это, *Носокъ*, составляетъ часть волости *Сермаксы*, растянувшейся съ небольшимъ на пять верстъ вдоль рѣки Ояти, впадающей въ Свирь съ лѣвой стороны, не много пониже Носка. Лѣтомъ пароходъ стоитъ у Носка около часу; осенью тутъ ночуетъ, если дѣло къ ночи,—такъ какъ свирскіе пороги надо непремѣнно пройти засвѣтло. Сермаксы, хотя бы только по имени, останутся въ памяти путешественника, какъ первая пристань послѣ открытаго моря, то есть, Ладожскаго озера. Тому, кто на почтовыхъ слѣдуетъ по архангельскому тракту (дорога, какъ извѣстно, идетъ вдоль южнаго берега Ла-

1) Читаны въ засѣданіи Отдѣленія Этнографія, 2 февраля 1867 г. Напечатано въ Запискахъ Имп. Рус. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. II, 1868 г.

При печатаніи тестъ значительно дополненъ авторомъ, а въ примѣчаніяхъ помѣщены еще нѣкоторыя, заимствованныя изд. «Олонецкихъ Вѣдомостей» дополненія о правахъ оятскаго побережья, чтобы такимъ образомъ сгруппировать въ одномъ изданіи все, что писано по этнографіи этой мѣстности.

дожскаго озера), приходится переѣзжать Волховъ, Сясь, Пашу и, верстахъ въ десяти отъ послѣдней, Оять—все въ тѣхъ же Сермаксахъ, но только съ противоположной Носку стороны. Самая почтовая станція стоитъ на берегу Ояти, а на супротивъ ея, каменный столбъ, граница Олонецкой губерніи. До самаго впаденія въ Свирь Оять раздѣляетъ двѣ губерніи, такъ что одна часть Сермаксъ находится въ Петербургской, а Носокъ и слѣдующія за нимъ селенія въ Олонецкой губерніи. Путешественникъ на лошадяхъ, слѣдуя по архангельскому тракту, переѣдетъ, еще не достигнувъ Свири, четыре рѣки. Волховъ извѣстенъ всѣмъ отъ истока до устья. Сясь, болѣе всѣхъ покрыта судами, наплывающими въ нее изъ Тихвинки, далеко не такъ извѣстна въ своихъ верховьяхъ, какъ Волховъ. Область Паши гораздо менѣе извѣстна, чѣмъ область Сяси. А мнѣ, ѣхавшему съ Ояти, сказалъ житель береговъ Паши: «Да, изъ глухой же вы сторонки!» Значеніе рѣкъ и озеръ такъ велико во всей этой странѣ, что жители только и знаютъ, что о рѣкахъ да озерахъ: онъ—съ Паши, я—съ Ояти, этотъ—съ озера Чукъ и т. д. И дѣйствительно, все населеніе тянетъ къ рѣкамъ и къ большимъ озерамъ. Разсказывать о жителяхъ одной рѣки, значитъ разсказывать о цѣломъ краѣ.

И вотъ, я рѣшаюсь представить вниманію Отдѣленія Этнографіи то, что знаю о цѣломъ глухомъ краѣ береговъ Ояти, рѣки, которая своимъ протяженіемъ около 250 верстъ [1]) и шириною равняется иной большой, главной въ цѣлой губерніи рѣкѣ, какъ напримѣръ Сейму (Семи) въ Курской губерніи. Прошу замѣтить, что я въ разсказѣ моемъ слѣдую вверхъ по рѣкѣ, отъ устья къ истоку.

За Носкомъ, гдѣ пристаютъ пароходы, слѣдуетъ второе селеніе—*Сермакскій* погостъ, съ церковью и базаромъ [2]). Да-

---

1) Въ «Геогр. словарѣ Росс. Имп.», изд. нашимъ Обществомъ, длина Ояти на основаніи Штукенберга, показана въ 185 верстъ; но показаніе т. Хрущова должно считать болѣе вѣроятнымъ, ибо онъ сходится съ результатами измѣренія по картамъ военно-топографической съемки. *Прим. редакціи.*

2) «Погостъ», въ мѣстномъ значеніи, есть центръ близъ лежащихъ маленькихъ селеній; селенія всегда расположены такъ: двѣ, три избы рядомъ, черезъ версту десятокъ избъ, опять двѣ, три избы и т. д. Всѣ эти поселки въ совокупности зовутся именемъ погоста, но въ то же время каждый изъ нихъ, какъ бы малъ ни былъ, имѣетъ свое особое названіе. *Ив. Хр.*—Извѣстно ста-

лѣе идутъ порядочные домики рядомъ съ покривившимися избенками. Особнякомъ стоитъ большой двухэтажный купеческій домъ. Видъ Сермаксъ чрезвычайно непріятенъ: ни одного дерева на всемъ ихъ протяженіи; избы высоки и безобразны; купеческіе дома съ претензіями на вкусъ еще безобразнѣе ихъ. Среди послѣднихъ какъ-то плачевнѣе кажутся покривленныя избы. Въ Сермаксахъ живутъ купцы лѣсопромышленники и рыбопромышленники; двое изъ нихъ, при этихъ промыслахъ, ведутъ хорошую торговлю колоніальными товарами; купцы строятъ амбары на Носкѣ для выгрузки хлѣба съ судовъ, идущихъ по Свири, сооружаютъ тихвинки и лѣсныя гонки и отдаютъ первыя въ наемъ для провоза хлѣба въ Петербургъ. Многочисленные караваны судовъ, слѣдующихъ по Маріинской системѣ, останавливаются въ Сермаксахъ. Крупные хлѣбные торговцы дѣлаютъ тамъ большія дѣла; въ Сермаксахъ живутъ прикащики нѣкоторыхъ значительныхъ домовъ. Лѣтомъ въ Сермаксахъ большее движеніе. Отъ Сермаксъ ежедневно ходятъ трешкоты въ Петербургъ; заворачивая изъ устья Свири въ Свирицу, они идутъ извѣстнымъ путемъ каналовъ Маріинской системы до Шлиссельбурга [1]). За Сермаксами Оять круто поворачиваетъ.

Второй погостъ на Ояти — *Никольскій* или *Никольщина* въ 15-ти верстахъ отъ Сермаксъ, на олонецкомъ берегу [2]).

ринное значеніе погостовъ Новгородской области, какъ главныхъ мѣстностей въ особыхъ правительственныхъ округахъ и въ то же время какъ центровъ приходовъ. Изъ словъ г. Хрущова видно, что на Ояти связь между селеніями, составлявшими извѣстный погостъ, сохраняется понынѣ, не смотря на то что центральное значеніе погоста въ административномъ отношеніи уничтожилось. Нѣкоторые изъ погостовъ, а равно и другихъ поселковъ, описанныхъ г. Хрущовымъ, встрѣчаются въ обозрѣніи новгородскихъ погостовъ по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, К. А. Неволина («Записки Имп. Р. Г. Общества», т. VIII), принадлежащими къ пятинѣ Обонежской. О Сермаксскомъ или *Введенскомъ* погостѣ см. тамъ, стр. 163 и въ приложеніяхъ, стр. 148—150 и 387.

Прим. редакціи.

1) Тутъ слѣдуетъ сказать слово о томъ, какъ трудно трешкоту сдѣлать 10 верстъ отъ Сермаксъ до Свирицы. Перевалъ черезъ Свирь на веслахъ; лошадь застрѣваетъ въ кустахъ, вязнетъ въ болотѣ, идетъ въ воду, при чемъ терпитъ побои; за невозможностью слѣдовать на бичевѣ, лошадь принимается на трешкотъ, потомъ выпускается снова на берегъ, мокрая и избитая. Мальчикъ, измученный не менѣе лошади, подвергается истязанію, пробираясь сквозь кусты надрываясь въ своемъ немилосердномъ понукиваньи. Прежде тутъ былъ устроенъ бичевникъ, но въ слѣдствіе споровъ на счетъ суммы—съ кого брать ее, уничтоженъ.

2) «Записки И. Р. Г. Общества», т. VIII, стр. 163 и въ прил., стр. 150—151 и 387.

наклонно къ рѣкѣ, то постепенно возвышаются, отклоняясь
берега. Въ рѣку текутъ изъ лѣсовъ обильные ручьи; ме
ними есть желѣзистые и сѣрные ключи. Берега по боль
части каменисты; рѣка на всемъ своемъ протяженіи порожи
За 30-ть верстъ отъ устья пороги прекращаются, и начи
ются отмели; берега песчаные. На этомъ песчаномъ ложѣ О
перемѣняетъ направленіе: въ послѣдніе двадцать лѣтъ она з
чительно (на $^1/_2$ версты) отклонилась слѣва на право, т
что къ берегу Петербургской губерніи прибавилось нѣскол
луга, а отъ берега Олонецкой отмыло, возлѣ Имоченскаго
госта, пожни. Рѣка не обильна рыбою; окуни, ерши, писка
язи и «поскакухи» (порода мелкихъ лососей); всего бо
щукъ. Въ лѣсныхъ ручьяхъ ловится форель, по мѣстному
рѣчію «лавьяны». Въ лѣсахъ—ель, сосна, осина, рябина,
рескъ; ягоды—малина, морошка («глажи»), брусника («б
сница»), клюква («жировина»), земляница и мамура («ку
ника»). Среди сѣверной растительности въ глубинѣ лѣс
частыя озера, то группами—по два, по три рядомъ, или одно п
тивъ другого—то по одиночкѣ, большія (на 7 верстъ и бол
глубокія, обильныя рыбой. Около нѣкоторыхъ изъ нихъ, к
будто чудомъ какимъ разрослись вязы, клены, дикія яблон
липы. Такою растительностью окружено напримѣръ Мал
зеро, верстахъ въ 4-хъ отъ Ояти. По лѣсамъ водятся медв
ихъ видятъ и около селеній, и часто на прогулкѣ напада
на медвѣжій слѣдъ. Иногда появляются лоси; въ верховь
ихъ очень много. Рысь попадается также въ верховья
Нечего и говорить о лисицахъ, бѣлкахъ и зайцахъ. Д
множество: «рябы», тетерева, утки. Осенью появляются лебе
иногда видятъ орла. Но, подвигаясь далѣе отъ погоста къ
госту, я буду имѣть возможность еще нѣсколько очертить мѣ
ность.

Между Сермаксой и Никольщиной, о которой уже упомян
выше, на берегу Петербургской губерніи находится *Введенс*
монастырь, хорошо обстроенный, но не представляющій нич
лыбопытнаго [1]). Нѣтъ въ немъ ни древнихъ вещей, ни г
мотъ, ни любопытной легенды. Въ немъ гроба родителей св. А

---

1) «Записки Имп. Р. Г. Общ.», т. VIII, прилож., стр. 149.

ксандра Свирскаго. Ближніе къ монастырю жители ходятъ косить монастырское сѣно, по обѣщанію угоднику и Богородицѣ.

Третій погостъ—*Имоченскій* [1]). Съ нимъ связано воспоминаніе о явленіи Тихвинской Божіей Матери. Самое событіе явленія случилось въ 1383 году, то есть въ послѣдніе годы княженія Димитрія Донскаго. Короткое извѣстіе о явленіи этой иконы находится въ «Древнемъ лѣтописцѣ» (часть II, стр. 92), а болѣе подробное въ особомъ «Сказаніи о явленіи чудотворныя Пресвятыя Богородицы иконы, нарицаемыя Тихвинскія въ предѣлахъ Великаго Новагорода». Кромѣ того мнѣ удалось найти отдѣльную краткую статью о явленіи Тихвинской Богоматери, съ упоминаніемъ Имоченицъ, въ одномъ сборникѣ XV столѣтія, въ библіотекѣ Московской духовной академіи, № 414. Такимъ образомъ еще задолго до появленія полнаго «сказанія» существовали краткія письменныя замѣтки о Тихвинской иконѣ. По современному мѣстному преданію, икона прежде всего явилась въ Ширничахъ, 7 верстъ ниже Имоченскаго погоста. На мѣстѣ, освященномъ этимъ воспоминаніемъ, стоитъ часовня, и ежегодно, въ Успеньевъ день, бываетъ въ нее изъ Имоченскаго погоста крестный ходъ [2]). Уже въ другой разъ явилась икона на томъ мѣстѣ, гдѣ въ XIV вѣкѣ была церковь Рождества Богородицы и келіи. Теперь тутъ двѣ церкви: одна Рождественская, другая Николая Чудотворца. Обѣ стоятъ рядомъ, одна возлѣ другой, первая причислена къ олонецкой епархіи, вторая къ петербургской. Прихожане послѣдней живутъ на противоположномъ берегу Ояти, то есть въ Петербургской губерніи. Настоящая церковь Рождества Богородицы, разумѣется, несовременна древнему извѣстію; она перестроена изъ прежней, обветшавшей, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Отъ прежней церкви сохранились многія иконы очень древняго письма; въ числѣ ихъ большая икона Тихвинская. Въ церкви Николая Чудотворца сохраняется водосвятная чаша; на ней вычеканена вязью надпись: «лѣта 7108, маія въ 8 здѣлана бысть сія чаша при бла-

---

[1]) О погостѣ Имоченицкомъ см. тамъ же, стр. 167 и въ прил., стр. 151 и 387.

[2]) Надобно замѣтить, что всѣ Богородичные праздники раздѣлены между деревнями Имоченицкаго погоста; такъ 1-го октября, Покровъ, празднуется на Бору, Успеніе—на Ширшиничахъ и пр.

говѣрномъ цари и великомъ князи Борисе Өедоровичи всея Руси, при митрополите Исидоре великаго Новаграда и великихъ Лукъ въ честную обитель пречистые Богородицы, честнаго и славнаго ея рожденія, въ Вымоченицы». Къ этимъ историческимъ свѣдѣніямъ и по поводу ихъ, прибавлю еще, что на Ояти много кургановъ; въ нихъ часто находятъ кости. Мѣстные жители говорятъ, что тутъ съ Литвою бились.

Четвертый погостъ *Гедевскій* или *Гедевичи* [1]). Тутъ церковь Архангеля Михаила. На супротивъ Городковскій погостъ, Петербургской губерніи. Рѣкою отъ Имоченицъ до Гедевичей 20-ть верстъ.

Пятый погостъ—*Соцкій*, 25-ть верстъ отъ предъидущаго [2]). Въ немъ церковь великомученика Димитрія, о пяти главахъ. Мѣстность дикая, непроходимо лѣсистая; начинаются высокіе кряжи; самая церковь на косогорѣ. 9-ть верстъ выше этого погоста по лѣвому берегу (для насъ по правому, потому что идемъ вверхъ, отъ устья къ истоку), Новоладожскій уѣздъ Петербургской губерніи смѣняется Тихвинскимъ Новгородской. Выше Соцкаго погоста начинаютъ говорить по чудски.

Слѣдующій шестой погостъ—*Ярославичи*, въ 16-ти верстахъ отъ Соцкаго [3]). Здѣсь церковь Святителя Николая. Мѣстность вся такого же характера, какъ и около Соцкаго погоста, но при этомъ въ высшей степени разнообразна. Десять верстъ ниже погоста кончается Тихвинскій уѣздъ Новгородской губерніи: оба берега рѣки становятся олонецкими, Лодейнопольскаго уѣзда. Жители тутъ говорятъ по чудски и по русски.

Седьмой погостъ—*Виницкій*, въ 25 верстахъ отъ Ярославичей, съ церковью Рождества Богородицы [4]). Съ Виницкаго погоста прекращается помѣщичье населеніе, и такъ до самаго истока. Въ Виницкомъ погостѣ говорятъ болѣе по русски, чѣмъ по чудски. Виницы—это какъ бы главное селеніе всего верховья Ояти. Тутъ Оять вновь приблизилась къ архангельскому почтовому тракту (35 верстъ до Юксовской станціи). На по-

1) См. «Записки И. Р. Г. Общества», стр. 167 и въ прилож. стр. 151—152 и 387.
2) См. тамъ же, стр. 167 и въ прилож. стр. 152—153 и 387.
3) См. «Записки И. Р. Г. Общества», стр. 169 и въ прилож., стр. 180 и 387.
4) О погостѣ *Ильинскомъ* въ Виницахъ см. тамъ же, т. III, стр. 169 и въ прилож., стр. 179—180 и 388.

гостѣ славныя лавки; торгъ хлѣбомъ и краснымъ товаромъ значителенъ. Мѣстность тутъ относительно много населенная; на протяженіи 15 верстъ все тянутся маленькія деревушки, почти не прерываясь. Въ 7-ми верстахъ отъ Виницкаго погоста, среди непроходимыхъ болотъ, находится приписанная къ тамошнему приходу церковь Введенія, на р. Шакшѣ; древле тутъ была такъ называвшаяся *Паданская пустынь* или *Колмовъ монастырь* [1]); отъ нея остались двѣ кельи; въ церкви гробница святаго мужа, игумена-основателя пустыни Корнилія, ученика преподобнаго Александра Свирскаго.

Восьмой погостъ—*Немжинскій*, по сухому пути въ 10-ти верстахъ отъ Виницкаго, по рѣкѣ въ 50-ти. На пространствѣ этихъ 50-ти верстъ, на всемъ откосѣ Ояти, нѣтъ человѣческаго жилья. Тутъ настоящая, дѣвственная пустыня. Лѣсъ огромный, карабельный, много всякаго звѣрья. Приходъ Немжинскій самый бѣдный: онъ состоитъ изъ пяти маленькихъ деревушекъ (всего 130 душъ); кругомъ деревушекъ непроходимыя болота. Церковь во имя великомученика Георгія.

Девятый погостъ—*Озерскій*, 10-ть верстъ отъ Немжинскаго. Двѣ церкви: Богоявленія и Святителя Николая съ предѣломъ Александра Свирскаго. Мѣстность безлѣсная; берега Ояти отлогіе. Приходъ весь въ кучѣ. Говорятъ какъ и въ Немжинскомъ, больше по чудски; бабы не понимаютъ по русски. Лѣсъ около этого погоста нѣсколько отдалился отъ береговъ Ояти.

Между Озерскимъ и слѣдующимъ погостомъ опять по лѣвому берегу Ояти начинается Тихвинскій уѣздъ.

Десятый и послѣдній погостъ на Ояти—*Оятско-Ладвинскій*, въ 15-ти верстахъ отъ Озерскаго. Мѣстность ровная, лѣсистая. Погостъ и селеніе на острову, между Оятью и Ладвозеромъ. Жители почти вовсе не понимаютъ по русски. 7-мь верстъ выше погоста Тихвинскій уѣздъ смѣняется Бѣлозерскимъ. Тутъ начинается обширное, безлюдное и страшное по дикости пространство—область большихъ лѣсовъ и многочисленныхъ озеръ. Оять вытекаетъ изъ группы озеръ, верстъ 25-ть

---

1) См. тамъ же, прилож., стр. 179—180 и «Памятную книжку Олонецк. губ. на 1867 г.», отд. III, стр. 19.

выше погоста. Главное срединное озеро этой группы носить названіе Маткозера. Изъ этой же области озеръ вытекають рѣчки Колыжма и Суда.

Въ сторону отъ Оятской Ладвы [1]) верстъ на 80-тъ нѣтъ жилья. Только одна дорога ведетъ къ Колыжмскому погосту Лодейнопольскаго уѣзда. До этого погоста 40 верстъ, и на всемъ протяженіи этой дороги встрѣчается одна деревушка. Верстахъ въ 35-ти отъ Оятской Ладвы лежитъ озеро Высокозеро; на немъ островъ, на острову церковь, Высокозерскій приходъ. Прежде тутъ была иноческая обитель [2]). Лѣтъ пятнадцать назадъ большіе колокола были вывезены оттуда въ Александро-Свирскій монастырь. На Высокомъ озерѣ живетъ чудь (200 душъ въ Высокозерскомъ приходѣ).

Въ окрестностяхъ Оятской Ладвы водятся во множествѣ медвѣди, рыси и лоси. Въ 1851—52 году былъ въ этихъ мѣстахъ «баринъ», то есть человѣкъ въ городскомъ костюмѣ, съ деньгами въ карманѣ, въ сопровожденіи двухъ, трехъ служителей. Священникъ Оятской Ладвы насилу вспомнилъ его фамилію. Англичанинъ (судя по фамиліи), этотъ юноша два лѣта къ ряду охотился въ лѣсахъ по верховьямъ Ояти. Одинъ изъ здѣшнихъ крестьянъ былъ у «барина» въ Петербургѣ и видѣлъ у него чучело убитаго въ окрестностяхъ Ладвы медвѣдя. Говорятъ, что онъ живетъ хорошо, богато. Широко давалъ помогавшимъ ему на охотѣ крестьянамъ, равно какъ и тѣмъ, кто наводилъ его на слѣдъ звѣря. Другого барина посѣтителя Оятская Ладва не запомнитъ [3]). По берегамъ Ояти еще не такъ давно водились разбойники. Знаменитый Рямза былъ уроженецъ этихъ же мѣстъ, и долго онъ тутъ скитался со своею шайкой. Его мѣстопребываніе было въ окрестности деревни Пальгиной, въ 7-ми верстахъ отъ Ояти. Говорятъ, что онъ щадилъ хорошихъ и грабилъ только дурныхъ. Онъ щедро платилъ за услугу; щадилъ женщинъ и дѣтей. Разсказываютъ о

---

[1]) Есть еще Ладва Ивинская, Петрозаводскаго уѣзда, на р. Ивинкѣ, 40 верстъ въ сторону отъ Педасельги.

[2]) См. о ней «Памят. книжку Олон. губерніи на 1867 г.» отд. III, стр. 13.

[3]) Недалеко отъ р. Ояти р. Сандала, вытекающая изъ Расозера, впадаетъ въ Суду. Въ Расозеро впадаетъ р. Черная, вытекающая изъ Шатозера. Между Высокозеромъ и Шатозеромъ узкій перешеекъ. Существовалъ проектъ соединенія Суды съ Оятью.

его необыкновенной силѣ, передаютъ подробности его поимки и изчезновеніе его шайки.

Русскіе обитатели береговъ Ояти говорятъ тѣмъ стариннымъ русскимъ языкомъ, который отчасти знакомъ читателямъ памятниковъ нашей старинной письменности: та же простота, та же образность и роскошь въ словопроизводствѣ и, наконецъ, такое обиліе древнихъ терминовъ, котораго не встрѣчается въ среднихъ губерніяхъ. Словъ татарскаго происхожденія вовсе нѣтъ въ употребленіи: такъ напримѣръ, слова «лошадь» и «кнутъ» многимъ, не бывавшимъ въ городахъ, совершенно не понятны. Мѣстное отличіе оятскаго говора отъ новгородскаго состоитъ въ томъ, что звукъ *ч* не такъ часто замѣняется звукомъ *ц*, какъ напримѣръ въ Боровичахъ; звукъ *ѣ* въ корняхъ словъ почти всегда замѣняется звукомъ *и*. Въ склоненіи существительныхъ замѣтна стойкость въ употребленіи для пад. винит. единств. числа существительныхъ именъ женск. р.— флексіи пад. именит., напримѣръ: «надо корова купить»; творит. падежъ множ. числа, не имѣя своей особой флексіи, сходствуетъ съ пад. дательнымъ. Напримѣръ: «ёна за курамъ смотритъ». Въ спряженіи отбрасывается окончаніе 3-го лица *тъ* (бере, чеше) въ единств. ч. всегда, а въ множеств. числѣ когда передъ *тъ* стоитъ *я*, а не *у*, напримѣръ: «топя» вмѣсто топятъ. Образцы языка буду имѣть случай предложить ниже, говоря о вѣрованіяхъ и пѣсняхъ.

Народъ на Ояти не отличается церковностью, съ истинами религіи мало знакомъ. Церковь въ праздники всегда пуста. Посты строго соблюдаютъ; оказываютъ непритворное уваженіе къ памяти Александра Свирскаго. «Память» его 30 августа,—это ихъ праздникъ; говорятъ: «варить пиво къ памяти», «онъ былъ здѣсь о памяти» [1]). Нравственность можно назвать хорошею; пьянство только по праздникамъ. Изъ старинной одежды «штофники» (штофные сврафаны и кофты) надѣваютъ преимущественно на невѣсту, въ день свадьбы; старухи носятъ на головѣ «полетушки», родъ малороссійскаго очипка. Вообще же нарядъ русскій оставляется. Женщины начинаютъ одѣваться очень нарядно,—носятъ французскіе ситцы и шелкъ.

1) Преп. Александръ самъ былъ уроженецъ оятскаго края: онъ родился въ д. Мандерѣ, принадлежавшей къ Введенскому погосту.

Но бытъ жителей, не смотря на эти новшества, все
сохранилъ свой свободный и старинный характеръ. О
старинные соблюдаются съ полной вѣрой въ значеніе
Свадебный обрядъ на Ояти представляетъ много люб
наго для наблюдателя этнографа. Свадебное торжеств
чинается съ «рукобитья» на канунѣ свадьбы въ домѣ
вѣсты. Отецъ ея кладетъ полу своего кафтана въ полу
хова отца роднаго, отца крестнаго, дружекъ и прочихъ
нихъ родныхъ, которыхъ всѣхъ съ этой минуты сажаю
передній «большой» уголъ и называютъ «свадебщикам
«поѣзжанами», женщинъ же со стороны жениха «брюд
Выводятъ невѣсту изъ «малаго» задняго угла двѣ женщ
мать крестная и наемная плакальщица. Жениха съ пр
положной стороны выводятъ дружки. Начинается торгъ
каждаго шага, изъ-за каждой половицы; одинъ изъ друж
плакальщица ведутъ споръ; противники съ трудомъ дѣ
другъ другу уступку, переступая съ одной половицы н
гую. Изба въ это время полна народу; зрители под
ваютъ если дружко хорошо «заводитъ» свадьбу. Приход
свадьбу всѣ могутъ: по мѣстному выраженію, «и ком
муха вали!». Сближеніе жениха и невѣсты начинаются
что дружко подноситъ имъ стаканъ меду, который они
по глоткамъ: то одинъ хлѣбнетъ, то другая; при каждомъ
широкій русскій крестъ; въ зрителяхъ умиленіе и мертво
чаніе. Когда стаканъ выпитъ до дна, женихъ бросаетъ в
монету; невѣста беретъ ее, и они въ первый разъ пу
цѣлуются. Тутъ опять торжественное рукобитье роди
одинъ изъ дружекъ звонитъ въ колоколъ и тѣмъ повѣщ
свадьбѣ.

Поѣзжанамъ накрываютъ столъ, подносятъ въ даръ по
ца, а невѣста между тѣмъ подымаетъ свой громогласный

А ни въ колоколъ ударили,
Ни во вся и затрезвонили,
Какъ ударилъ родный батюша
Со чужимъ да сочужателемъ.
Ёнъ ударилъ рука объ руку,
Ёнъ ударилъ пола о полу.

Въ день свадьбы по утру дружки везутъ дары невѣстѣ и ея роднымъ, мужчинамъ—рукавицы, женщинамъ—чулки. Дружекъ долго не сажаютъ за столъ, распрашиваютъ—откуда они и пр. Потомъ братъ невѣсты продаетъ ее старшему дружкѣ. Невѣста съ каждаго гостя сбираетъ себѣ на подмогу съ слѣдующимъ причитаньемъ.

Пойду я потихошеньку,
Поклонюсь я понизешеньку:
Ты, дороднiй добрый молодецъ,
Ты стоишь да обритаешься!
На ти шуба соболиная,
Поволочка сукна тонкаго,
Опоясочка шелковая!
На тиби то, добрый молодецъ,
Двои, трои желты кудерки,
Первы кудерки разсчесаны,
Други кудерки завитыи,
На всякой на кудерочки
По скатной по жемчужинки!
Дарить—таки дари, добрый молодецъ;
Не дарить—такъ прочь отказывай;
Не томи такъ красной дѣвушки,
Ужь я такъ да притомиласи.

За столомъ въ домѣ «князя молодого», послѣ вѣнца, дружки съ невѣсты плетью снимутъ платъ, которымъ лицо ея завѣшано, при чемъ спросятъ: «Хороша ли наша молодая княгиня?» Зрители во всю мочь закричатъ: «хороша», а старшiй дружка возьметъ плеть, постучитъ ею въ «грядку» (полку или воронецъ) и прокричитъ такое слово:

Слушайте, послушайте!
У Михайлы Ефимовича есть въ домѣ радость:
Сына женитъ, невистку въ домъ бере,
Насъ, своихъ родныхъ, буде дарамъ(ми) дарить,
А васъ, всихъ крещеныхъ, пивомъ да медомъ поить.

За этимъ столомъ дружка раздаетъ дары, привезенные отъ молодой, и подаетъ ихъ непремѣнно на плети, при чемъ при-

говариваетъ: «У князя молодого въ домѣ есть родна матушка Овдотья Филипьевна (или *сестра, тетушка, братъ*); князь молодой дарамъ даритъ, княгиня молодая низко кланяется». Плеть играетъ вообще большую роль: ею крестъ на крестъ сѣкутъ подушки, на которыхъ молодые сидятъ во время пира: сѣкутъ ею и постель новобрачныхъ. Молодыхъ кладутъ спать при всѣхъ гостяхъ; свекоръ передъ тѣмъ поитъ ихъ пивомъ, произнося молитву. Молодая обращается поочередно ко всѣмъ роднымъ мужа съ просьбой «оборонить ее отъ темной ночьки».

На другой день свадьбы у женихова отца «княжой столъ», на третій у тестя «наблѣбины». Свадьба съ дарами и угощеніемъ обходится дорого: невѣста издерживаетъ болѣе ста аршинъ холста, всего свадьба самая обыкновенная стои́тъ обѣимъ сторонамъ не менѣе 200 рублей [1]).

1) Заимствуемъ въ извлеченіи изъ «Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей» 1867 г., № 31, описаніе еще одного обряда, существующаго на берегахъ Ояти: «поминокъ», и соединенныхъ съ нимъ вѣрованій о душахъ умершихъ людей.

По понятіямъ народа, покойникъ составляетъ что-то нечистое и скверное, и всякій, прикасающійся къ нему, такъ же сквернится, какъ равно и мѣсто, гдѣ онъ лежалъ въ домѣ, и самый домъ. Такое оскверненіе, по мнѣнію народа, продолжается до сороковаго дня и раньше быть очищено не можетъ. Въ сороковой день совершается очищеніе, съ особенными обычаями. Вѣрятъ, что тогда самъ покойникъ отпускается въ родной домъ погостить на сутки. Родственники его дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать для такого гостя. Еще на канунѣ сороковаго дня весь домъ вымывается самымъ тщательнымъ образомъ, и все лишнее изъ дому выносится вонъ. Вечеромъ, въ сумерки, въ большой уголъ стелется чистая постель съ бѣлою простынею и накрывается одѣяломъ. Эта постель приготовляется для спанья ночью, умершаго, и къ ней никто уже не смѣетъ прикоснуться, не только лечь. Въ самый же сороковой день съ ранняго утра начинаютъ приготовлять обѣдъ, и старшій или большакъ въ домѣ идетъ къ священнику приглашать его для поминовенія и на обѣдъ. Около двѣнадцати часовъ собираются родные и знакомые умершаго, и накрывается столъ, за который, въ ожиданіи священника, никто не садится. Послѣ всѣхъ приходитъ священникъ съ причтомъ. Ихъ встрѣчаетъ на крыльцѣ вся родня умершаго; впередъ выступаютъ двѣ плакальницы и начинаютъ причитывать и приплакивать однообразный причетъ. Священникъ во время причитанья одѣваетъ на себя эпитрахиль, беретъ кадило и начинаетъ служить тутъ же на дворѣ литію, по окончаніи которой всѣ входятъ въ домъ. Тутъ начинается обѣдъ. Обѣдъ отличается тѣмъ, что для него не жалѣютъ ничего: что есть въ печи—все на столъ мечи; особенно много бываетъ вина. Хозяинъ и хозяйка сами за столъ не садятся: ихъ дѣло подчивать гостей. Первое мѣсто за столомъ, разумѣется, занимаетъ священникъ; съ правой его стороны остается пустое мѣсто, гдѣ подъ скатертью примѣтны тарелка, хлѣбъ, пироги, ложка и вилка, а на столѣ противъ того мѣста стоитъ полная рюмка вина и деревянный стаканъ пива; нечего и говорить, что весь этотъ приборъ приготовленъ для умершаго, о которомъ утвердительно вѣрятъ, что онъ, такъ же какъ и живые, ѣстъ, пьетъ и сидитъ за столомъ, хотя и невидимъ, для глазъ, и пользуется особымъ вниманіемъ хозяина и хозяйки—подчиваніемъ наравнѣ съ священникомъ. «Кушай-тко, батюшка», говоритъ обыкновенно хозяинъ или хозяйка, обращаясь къ священ-

На Ояти живо, какъ задушевное народное вѣрованіе, представленіе о лѣсовикахъ, баенникахъ, ригачникахъ и пр. Антропоморфическій характеръ этого вѣрованія особенно любопытенъ.

«Лѣсовика» часто встрѣчаютъ въ лѣсу; о немъ множество разсказовъ. Его встрѣтила въ лѣсу Пѣшкина тетка, Ивановъ отецъ, Марьина свекровь. Иногда онъ высокъ — наравнѣ съ деревомъ, иногда наравнѣ съ вересовымъ кустомъ. Чаще всего является въ образѣ мужика, непремѣнно длинноволосаго и завитаго, «колпачекъ какъ у священника». Марьина свекровь встрѣтила его на лошади. Его можно отличить отъ обыкновеннаго крестьянина, потому что у лѣсовика лѣвая пола закинута на правую, а не на оборотъ. Онъ «гогочетъ въ лѣсу, шумитъ». Къ Маринѣ Ильишнѣ не вернулась изъ лѣсу корова. Дѣло было къ ночи; Марина испугалась и стала говорить: «Лисъ праведный, чего ты коло миня мутишь, коло бидной вдовы? По лѣсу гулъ пошелъ ёнъ-то сміется». Лѣсовикъ охотникъ до коровъ и водитъ ихъ цѣлыя стада, но онъ плохо ихъ содержитъ: коровы у лѣсовика «томныя», тогда какъ у водяника «сытыя». Стада крестьянскія пасутся въ «лисяхъ», но они ограждены отъ жаднаго до нихъ лѣсовика «отпускомъ». Пастухъ получаетъ отпускъ отъ ворожника. По полученіи отпуска, въ лѣсу дѣлаются такъ называемые «воротца», и сквозь нихъ прогоняется все стадо. Иной разъ въ силу отпуска первая корова идетъ въ жертву лѣсовику, отъ чего въ скоромъ времени и исчезаетъ. Главная цѣль отпуска, чтобы «звирь не крянулъ животину» [1]. От-

---

нику,—«кушай-тко, родименькой», прибавляютъ они, кланяясь порожнему мѣсту и обращая свои слова къ умершему. Послѣ обѣда за разъ же начинается отправка души умершаго на вѣчный покой, опредѣленный ей отъ Бога, откуда она не можетъ уже выдти никуда и никогда. Всѣ обѣдавшіе поднимаются изъ-за стола; священникъ опять надѣваетъ эпитрахиль, беретъ кадило и идетъ на улицу; здѣсь онъ опять служитъ литію и, по возглашеніи вѣчной памяти усопшему, отправляется или опять въ домъ, или домой. Между родственниками начинается на улицѣ плачъ; по ихъ вѣрованію, душа покойника прощается въ это время со всѣми и за тѣмъ отходитъ отъ нихъ безвозвратно. Отходитъ она, обыкновенно, въ ту сторону, гдѣ стоитъ церковь, чтобы тамъ проститься со своею могилою. Родственники направляютъ туда же свои взоры. Проводы кончились. Родные входятъ для дальнѣйшаго угощенія опять въ домъ, гдѣ, на свободѣ, безъ присутствія покойнаго, угощаются до вечера и истребляютъ остатки обѣда и вино. *Примѣч. редакціи.*

[1]) Отпускъ произносится ворожникомъ обыкновенно за извѣстную плату и говорится въ ночь передъ самымъ выпускомъ скота, на пастушій рогъ, на

пускъ держится въ строгой тайнѣ; получившій его пастухъ принимаетъ на себя нѣчто въ родѣ послушанія: или онъ не долженъ ѣсть ягодъ, или не долженъ брать ничего прямо изъ рукъ другаго человѣка, или не смѣетъ лазить сквозь изгороду, въ щель, а долженъ непремѣнно черезъ нее перепрыгивать.

«Водяной» хорошо держитъ коровъ, которыя ходятъ иногда по берегу около рѣки. Часто разсказываютъ про «водяную». «Сидитъ она на берегу, чеше гребнемъ голову, волоса по песку далеко». Она бѣлая, полная, садится подъ сосну. Моя разсказщица видѣла ее подъ вечеромъ на берегу; какъ въ Ширшиничи идешь. Отцу же ея она показалась въ видѣ Михѣвны: «несе зыбку; ёнъ ска [1]): «Михѣевна, ты куда? А ёна съ зыбкой въ воду бултыхъ—только и видѣли. Тою осенью спустили мы жеребенка—конь былъ хорошій—волки и съили его: вотъ ёна къ чему привидилась».

«Баенникъ»—злой. «Не ходи въ байню ночью. Мужчина ёнъ черный, лохматый; старичка подъ полокъ затискалъ; два раза въ байню сходишь, а на третій не ходи: ёнъ моется».

«Ригачникъ»—добрый духъ. Онъ обороняетъ отъ колдуновъ и умрановъ. Волоса у него подрѣзаны и завиты, ходитъ въ оборваномъ платьѣ, всегда черный, запачканый. Бережетъ ригачи и гумно, отчего и зовется ригачникомъ и гуменникомъ.

«Умранъ»—покойникъ, встающій по ночамъ изъ могилы. Катается бѣлымъ шаромъ и наводитъ страхъ больше на женщинъ, рѣдко на мужчинъ; какъ только пѣтухи пропоютъ—часъ его кончается, и онъ «не можетъ быть».

«Дворенникъ» никогда не показывается въ своемъ видѣ; является же въ образѣ крысы, лягухи, гада. У одного крестьянина всѣ коровы пали отъ того, что онъ убилъ крысу, въ видѣ которой пришелъ къ нему дворенникъ. Этого надо «ладить»; онъ мститъ за дурное слово, за побранку, сказанную

трубу или на ремень. Народъ вообще различаетъ отпуски на божественные и чертовы, соотвѣтственно ихъ содержанію: въ первыхъ призываются на помощь небесныя силы, а во вторыхъ,—темныя. Когда говорятъ отпускъ божественный пастухъ долженъ стоять передъ образомъ и полагать земные поклоны (см. «Олонецк. губ. вѣд.» 1867 г.; № 32). *Примѣч. редакціи.*

1) «Ска» вм. «сказалъ»; это сокращеніе весьма часто употребляется въ разговорѣ. *Ив. Х.*

скотинѣ. Онъ очень любитъ кошку, по ночамъ выглаживаетъ ей шерсть. Если корова не по двору, то дворенникъ взлохматитъ ей шерсть, и надо скорѣе продавать ее. Онъ сидитъ около большой скотины и иногда зажигаетъ фонарь въ конюшнѣ.

Сказки въ оятскомъ краѣ встрѣчаются довольно рѣдко. Народъ оставляетъ ихъ и перестаетъ ими интересоваться. Ихъ знаютъ немногіе старики, изъ которыхъ одинъ Александръ Филипьевъ, въ Имоченицкомъ погостѣ, еще привлекаетъ въ зимніе вечера толпу слушателей. Въ его сказкахъ замѣтны свѣжіе слѣды былины, и мѣстами сохранился былинный складъ. Длинная сказка объ Ильѣ Муромцѣ содержитъ въ себѣ весь циклъ былинныхъ сказаній объ этомъ богатырѣ. За то на Ояти еще любятъ духовные стихи, и безъ нихъ рѣдко обходится деревенскій храмовой праздникъ. Одинъ изъ пѣвцовъ, ихъ поющихъ, Богодановъ, посѣщаетъ по праздникамъ всѣ оятскіе погосты. Его стихъ о душѣ, какъ съ тѣломъ разставалася, особенно любимъ народомъ.

Никита Богодановъ изъ деревни Саксоницъ, въ Валданицахъ, Гедевскаго погоста, хромецъ, пятидесяти лѣтъ, научился пѣть стихи отъ слѣпыхъ стариковъ изъ Боровичъ, Ивана и Гаврилы, прозвища которыхъ онъ не знаетъ. Самъ такъ освоился со стихомъ, что владѣетъ имъ вполнѣ и варіируетъ по своему. Знакомство съ учителями своими онъ свелъ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, гдѣ садился какъ самъ выражается, «подъ губами поющихъ». Онъ поетъ обыкновенные заздравные и заупокойные стихи, «Книгу голубиную» со всѣми подробностями, кончая правдой и кривдой въ видѣ двухъ зайчиковъ; поетъ сполна «Алексія божьяго человѣка», «Елисафу Царевну» или стихъ о Егоріѣ Храбромъ; стихъ — какъ душа съ тѣломъ разставалася, стихъ о страшномъ судѣ, о пятницѣ, о суботнихъ баенщикахъ или о будущихъ мукахъ. Болѣе ничего не поетъ, говоря, что не научился стиху о Соломонѣ, и что о Асафѣ царевичѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ совсѣмъ не поютъ, не знаютъ пѣть.

Стихъ объ «Алексіѣ божьемъ человѣкѣ», въ пересказѣ Богоданова мало чѣмъ разнится отъ пересказовъ извѣстныхъ по сборнику г. Безсонова. Приведу изъ него нѣкоторыя мѣ-

ста, наиболѣе выдающіяся по выразительности или по формамъ словъ.

Какъ во славномъ городѣ во Римѣ,
При цари при второмъ при Онореѣ,
Жилъ былъ князь великій Евфиміанинъ;
У него не было дѣтища;
Онъ пошелъ во соборную церковь
Со своею обручною княвиной.

Молитва родителей. Зачатіе, рожденіе младенца, при чемъ князь ходилъ по городу и созывалъ поповъ-священниковъ.

Пеленали младена во поясы,
Во поясы младена во шелковы,
Во пелены младена во камчатныи,
Попы священники въ крещеную вѣру приводили.
Священники имя нарекали,
Называли младена Олексіемъ,
Олексіемъ божьимъ чуловикомъ.

Семи лѣтъ его отдали въ наученье грамоты:

Ему грамота, свиту, даласи,
Ёнъ скоро читать, писать научилси;
Ёнъ святую книгу евангельскую разумѣетъ.

Свадьба Алексія, вѣнецъ его и брачный пиръ.

Сажали его, свита, за трапезу,
За скатерти свита, за браныя;
Вси князья-бояре воскушаютъ,
Одинъ Олексій не воскушаетъ.

Рѣчь отца:

«Не по разуму тебѣ питья медвяны,
«Али молода княвина не по мыслямъ?»

Слезы Алексія и его отшествіе въ ложницу. Прощанье съ молодой женой:

«Ты положи поясъ на ютробу,
«На свое ютробное мистечко».
«И на то княвина умолчала.

Алексій пошелъ
По славному городу Пріиму;

Садится на корабликъ, погода переноситъ его
Ко славному городу Курдею.

Онъ идетъ въ церковь соборную, молится Богородицѣ объ отращеніи волосъ и бороды, чтобы его не узнали. Слуги Ефиміана

Всю Турецкую землю обходили,
Приходили къ городу Курдею
Ко святой соборной Божьей церкви.
Они Олексія увидали,
Они Олексія не юзнали.

Черезъ семнадцать лѣтъ Богородица Алексію голосомъ гласила:

«Поѣзжай ты въ Римское царство,
«Тиби полно отца—матери томити».

Свиданіе Алексія съ отцомъ на паперти соборной церкви, и просьба Алексія поселиться на дворѣ у отца и выстроить келью.

Смертъ Алексія:

Молодой его келейникъ
Приносилъ чернила, листъ бумаги;
Олексій сталъ свое житіе писати,
Чудеса міру объявляти.
Богородица голосомъ гласила
Свѣтлѣющимъ патріархамъ...

Патріархи съ соборомъ пошли въ келью усопшаго, и сталъ патріархъ читать рукописанье:

Ёнъ дочелся до города до Рима,
Да князя до Ефиміана.

Плачь отца, матери, невѣсты. Мать
Свой жалобный гласъ выпущае,
Умильными словами причитае:
«Для чего ты матери не сказалси:

«Не держали бы мы тебя въ чернитѣ,
«Выстроили бы келью, да не такую».

Стеченіе народа при выносѣ мощей.

От святыхъ мощей Господь давалъ прощеніе,
А слипымъ давалъ Господь прозрѣніе,
А безрукимъ давалъ Господь руки, и т. д.

«Стихъ о Егорьѣ Храбромъ». Три беззаконныхъ царства было и три города: Содомъ, Гоморъ и царство Рахрынское. Два первые города провалились сквозь землю, на третье посылалъ Господь змѣя пещерскаго. Метали жребій, и жребій палъ наконецъ на самаго царя Агапія.

Прикручинился царь, припечалился,
Ёнъ понизилъ свою буйную голову
Да пониже плечъ могучихъ.

Жена его утѣшаетъ тѣмъ, что можно вмѣсто себя отдать змѣю на съѣденіе

Дочь единую, дочь немилую,
Красну дѣвушку Елисафію,
Елисафію Агапіевну:
«Она Богу вѣруетъ не нашему,
«Она вѣруетъ распятому».
А и царь самъ радостію принаполнилси.

Они велятъ дочери на завтра нарядиться и обѣщаютъ ее выдать замужъ за человѣка ея вѣры.

Красна дѣвица она радовалась,
Всю ночь она Богу молиласи.
Вставала она очень ранешенько,
Умываласи очень бѣлешинько,
Снаряжаласи очень хорошехонько.
Глядитъ: на дворѣ стоитъ телѣга черная,
Запряженъ стоитъ жеребчикъ неученый,
Сидитъ, правитъ молодчикъ поваленый.

Явленіе Егорія Храбраго дѣвицѣ. Появленіе змѣя:

Сине море всколыбнулось,
По морю да волна расходиласи,

Змѣя люта стала появлятися,
Дви головы-то человѣчески,
Третья — лошадиная.

ѣда дѣвицы надъ зміемъ, по указанію Егорія, кото-
ебуетъ отъ царя построенія трехъ церквей: одну — Спа-
гую — Богородицѣ и Николаю, третью — Егорію свято-
у.

Слыветъ та гора зміина
Отъ нынѣ и до вѣку.

хъ о мукахъ адовыхъ носитъ названіе «Суботней бай-
ни) на томъ основаніи, что въ немъ изображается,
прочими адскими муками, и кара, которой подвергнут-
щіе въ баню по субботамъ. Появленіе этого стиха на
, равно и самое заглавіе его можно объяснить тѣмъ,
нѣкоторыхъ деревняхъ по Ояти считается страшнымъ
посѣщать баню по субботамъ. Обычный день для ба-
гакомъ случаѣ пятница. Знатокъ оцѣнитъ предлагаемые
ы этого не разъ изданнаго стиха.

Съ восточной стороны
А идутъ праведни
А идутъ труждающи.

рѣчаютъ ихъ небесный Царь и приглашаетъ въ свой
:ный рай.

А идутъ грѣшныи.
А идутъ беззаконныи,
А идутъ проклятыи

просятъ Царя небеснаго принять ихъ въ небесный
что Царь небесный имъ отвѣчаетъ:

Подите вы, грѣшныи.
Подите, проклятыи,
Къ отцу-сатанѣ;
Вамъ мисто адово,
Вамъ пропасть глубокая,
Вамъ смола кипучая.

и пали на сыру землю:

«А и мать сыра земля,

«А и наши родители!
«На что насъ породили,
«На что насъ не учили
«На дѣла на добрыи?»

Тутъ идетъ исчисленіе мукъ адовыхъ:

Попамъ, діаконамъ—
А имъ печи мѣдныи,
Затворы желѣзныи;
Старцамъ и блудникамъ—
Зла смола кипучая;
Дѣвицамъ-душегубицамъ —
Зміи поѣдаемы,
Груди выѣдаемы;
Ворамъ, разбойникамъ —
Имъ пилы терзаніе,
Костья раздираніе;
Субботнимъ баенщикамъ—
Имъ полки горячіи,
Прутья желѣзныи;
Корчевникамъ пьяницамъ—
Чады горькіи,
Смороды великіи;
Языпникамъ-клеветникамъ—
За языкъ повишанье
На уды на мидныи,
На древа на каленыи.

Стихъ «какъ душа съ тѣломъ разстается» записал
ликомъ, какъ поетъ его хромецъ, при чемъ старался
сти всѣ оттѣнки произношенія не всегда одинакова
въ однихъ и тѣхъ же словахъ.

Стихъ этотъ весьма интересенъ по чертамъ, обрис
щимъ народную нравственность. Начало его поэтичн
лы плывутъ по рѣкѣ, на встрѣчу имъ идетъ Іисусъ Х

Изъ Ильменя-озера протекла Іорданъ рѣка;
Какъ по этой рѣкѣ плывутъ андела,
А на встрѣчу имъ Іисусъ Христосъ;
И выспрашивае у нихъ, и выпытывае:

«Гдѣ вы были, ходили, похаживали?
«Гдѣ вы были, ходили, погуливали?
«Гдѣ что видѣли, гдѣ что слышали,
«Анделы вы мои, святые архандельі?»
«Ай ты, истинный Христосъ, нашъ любимый Царь,
«Мы были, ходили на вольноемъ свиту.
«Столько видили, столько слышали,
«Какъ душа съ билымъ тиломъ разставаласи;
«А разставши, душа съ тиломъ не простиласи,
«Не простивши, душа назадъ воротиласи,
«Воротивши, душа къ тилу приложиласи;
«Приложивши, душа съ тиломъ распростиласи:
«—Ты прощай-ка, прощай, тило билое мое!
«Ты пойдешь, тило билое мое, во сыру-мать землю,
«Твое круто костье злы черви выточатъ,
«До второва, до Христова до пришествія.
«Я пойду душа въ темное мисто въ муку вичную».
«—Почему ты, душа, грѣхи угадываешь?»
«Я жила-то была на вольноемъ свиту,
«Разохвоча была по подоконью стоять;
«По подоконью стояла, много слухивала,
«Я не видила—скажу: видила,
«Я не слышала—скажу: слышила;
«Изъ бесёды на бесёду висти снашивала;
«Я сусида на сусида много смучивала,
«Ужь я хлопоты—брани много сваживала;
«Безкорыстный сиби грихъ душа получила,
«Я во тыхъ грихахъ не каялась,
«На духу отцу-священнику не сказывала.
«Я еще, душа, грѣшно Богу согришивала:
«Чужу полосу за межу зажинивала,
«По насердки [1]) зороды [2]) зажигивала,
«У коровъ молоко отнимывала,
«Подъ горьку осину выливывала;
«Безкорыстный сиби грихъ, и т. д.
«Я еще душа Богу согришила:

[1]) Со злости.
[2]) Зародъ—стогъ ржи, овса или сѣна.

«На солнышки, на мисяци пробовыла,
«Луну свѣтлу Господню запарчивала [1]),
«Во ютробѣ младена затушивала,
«Змія люта ко билымъ грудямъ припускивала,
«Бизкорыстный сиби грихъ душа получила, и т.
«Я еще душа Богу согришила:
«Кума съ кумой много сваживала,
«У хлиба спорыни отнимывала,
«По путямъ, я по дорогамъ много хаживала,
«Безъизвистныхъ головушекъ погубливала
«Бизкорыстный сиби грихъ, и т. д.
«Еще я душа Богу согрѣшивала:
«Разохвоча была по свадьбамъ ходить,
«Я молоду жену съ мужемъ разлучивала
«За рюмочку, за чарочку зелена вина.
«Бизкорыстный сиби грѣхъ, и т. д.
«Я ходила душа по царевымъ кабакамъ,
«Выпивала душа много зелена вина;
«Умерла теперь душа, безъ попа, безъ дара,
«Безъ покаянія!
«Есть у этой души гриховъ лютая гора,
И пошла она въ трійисподніи земли,
«Въ тріисподніи земли, въ тартарары;
«Викъ ей буде молиться — не отмолитьси,
«Вѣкъ каяться буде—не откаятьси,
»Вѣкъ плакать—не отплакатьси,
«Отъ нынѣ и до вику.

---

[1]) Любопытно, что пѣвецъ не могъ объяснить этихъ выраженій, но залъ, что такъ поется изстари, и что дѣло идетъ о ворожбѣ.

Дѣтскія пѣсенки.

О «Матеріалахъ для этнографіи уличной жизни дѣтей», собранныхъ въ городѣ Лаишевѣ К. С. Рябинскимъ [1]).

Заглавіе, данное г. Рябинскимъ своей статьѣ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Не уличная жизнь дѣтей, а пѣсенки, присловья, прибаутки во время игръ и описаніе этихъ послѣднихъ составляетъ предметъ его сборника. Составитель внимательно наблюдалъ игры дѣтей, преимущественно мальчиковъ, и со словъ ихъ записывалъ матеріалъ свой.

Составитель подраздѣлилъ записанное имъ на слишкомъ большое число отдѣловъ и надо сознаться — безъ особой системы [2]).

При обзорѣ труда г. Рябинскаго только сначала послѣдуемъ за собирателемъ въ порядкѣ, имъ установленномъ.

Прежде всего встрѣчаемъ прозвища. Всякому извѣстенъ пріемъ народной рѣчи сближать слова чужестраннаго происхожденія (имена собственныя) по сходству звуковъ съ родными реченіями. Особенно хорошо коренятся у насъ уменьшительныя собственныя имена — родныя поросли издали прине-

---

[1]) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 17 апрѣля 1885 г. Напечатано въ Запискахъ Отдѣленія того-же года.

[2]) Отдѣлы эти суть слѣдующіе: Предисловіе.— Общія замѣчанія о дѣтскомъ обществѣ на улицѣ.— Прозвища.— Отвѣты на прозвища.— Остроты.— Передразниванья — Непрямые отвѣты.— Загадки.— Скороговорки. — Стишки суевѣрные.—Славильные стишки.—Риѳмованныя сказочки.—Небывальщины.— Притча о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ.—Вопросо-отвѣтные стишки.—Пѣсенки.— Чередовыя прибаутки.—Игры и забавы.—Наказанія.

сеннаго слова; напримѣръ: На Мокея мокро. Всякой Еремей про себя разумѣй. Ерема, Ерема сидѣлъ-бы ты дома, и т. д. Собиратель даетъ много звуковыхъ совпаденій, которыми дѣти въ Лаишевѣ дразнятъ другъ друга. Собственныя имена своею формою производятъ впечатлѣніе, звуковая ихъ сторона подъискиваетъ себѣ образное представленіе. Дѣти всѣмъ общеупотребительнымъ именамъ придаютъ смыслъ. Намекъ укрѣпляется за именемъ вмѣстѣ съ эпитетомъ, напримѣръ: Алексѣй—безпятый, или чаще съ риѳмой: Гришка—елова шишка; Андрей—воробей, не пугай голубей; Гаврюха—большое брюхо; Иванъ—болванъ.

Иное имя даетъ мотивъ цѣлому стиху, напримѣръ, объ Иванѣ дуракѣ въ связи съ Иванушкой дурачкомъ въ сказкѣ:

Иванъ дуракъ
Покатился въ оврагъ,
Тамъ кошку дерутъ
Ему лапку даютъ;
Тамъ его били
Въ четыре дубины;
Пятая осина
По бокамъ возила,
Шестой кнутъ—
Для запаса бьютъ.

Имена собственныя въ сказкахъ о звѣряхъ составляютъ, каждое неотъемлемую собственность того или другого животнаго. И въ разсматриваемомъ нами матеріалѣ котъ является съ именемъ Васьки, медвѣдь—Мишки, пѣтухъ—Петьки. Стихъ:

Филя, филя простота.
Купилъ лошадь безъ хвоста,

даетъ объясненіе выраженію: «простофиля».

Если собственное имя даетъ поводъ къ насмѣшкѣ, получающей всенародное, эпическое значеніе, то и выдающійся физическій недостатокъ также возбуждаетъ полновѣсное остроумное присловье. Мы не думаемъ, чтобъ эти присловья были произведеніемъ особаго дѣтскаго мірка. Шутливыя прозвища, какъ и все легкое, смѣшное, переходятъ къ дѣтямъ и хра-

нятся между ними, подобно тѣмъ обломкамъ древнихъ миѳическихъ пѣсенъ, которыя легкостью склада и игривостью содержанія привлекали дѣтское вниманіе и перешли отъ взрослыхъ дѣтямъ, какъ забава, какъ шутка.

Самыя ѣдкія насмѣшки надъ рыжимъ:

Рыжій—красный
Человѣкъ опасный.
Печеный ракъ,
Полѣзай въ колпакъ

Рыжій отъ страсти,
Рыжій отъ напасти,
Рыжій отъ грыжи,
Рыжій отъ кражи,
Рыжій отъ пропажи,
Рыжій отъ всего!

Рыжій семерыхъ изъ дому выжилъ,
Самъ восьмой вышелъ.
Рыжій краснаго спросилъ
Чѣмъ ты бороду красилъ?
Я—не краской, не замазкой,
Изъ лахани помеломъ.

Достается и косому, котораго непремѣнно уподобляютъ *зайцу*, подобно какъ глухаго—*тетереву*, а длинноногаго — *журавлю* и *кулику*.

Народный юморъ выражается въ насмѣшкѣ надъ всякаго рода званіемъ и положеніемъ, надъ извѣстною мѣстностью по отношенію къ обывателямъ.

Дѣти падки на шутку, но не имъ принадлежитъ насмѣшка надъ жителями Лаишева:

Лаишевски мѣщане
Приходили къ намъ за щами.

Это можно сопоставить съ поговорками: Новоторы—воры, Осташи—торгаши и т. п.

Выраженіе о купцѣ, въ недавнее время еще подлежавшемъ тѣлесному наказанію до зачисленія въ гильдію, имѣетъ юридическое значеніе.

О чиновникѣ: Чиновникъ чиненый.
О священникѣ: Попъ—толоконный (осиновый) ло
О татаринѣ: Татаръ якши,
Продай лапши,
Купи вина,
Напой меня.
О полицейскомъ: Дневной хранитель,
Ночной грабитель.
О портномъ: Портной—ротъ четвертной.

Можетъ быть, городскимъ дѣтямъ принадлежитъ насмѣш
надъ гимназистомъ:

Синяя говядина
По грошу за пудъ,
Котору собаки не жрутъ.

Въ Лаишевскомъ матеріалѣ много риѳмованныхъ пого
рокъ, совсѣмъ не остроумныхъ, порою безсмысленныхъ.

Подъ рубрикой «Остроты» г. Рябинскій помѣщаетъ р
ныя издѣвки, иногда связанныя съ неожиданнымъ ударомъ
го, къ кому направленъ хитрый вопросъ. Главный смы
этихъ шутокъ—одурачить малютку или новичка въ игрѣ. В
эти шутки имѣютъ слишкомъ сложное подраздѣленіе у на
го собирателя и не представляютъ интереса. Много соли п
падаетъ отъ пропуска непечатныхъ словъ.

Наиболѣе богатый по содержанію въ рукописи г. Рябі
скаго—XIV-й отдѣлъ (пѣсенки). Вмѣстѣ съ предыдущимъ (XI
и съ послѣдующимъ (XV), четырнадцатый отдѣлъ представ
етъ цѣлый рядъ юмористическихъ измышленій, иной разъ
лишенныхъ чертъ вѣковой старины. Въ такъ называемыхъ д
скихъ пѣсняхъ, прибауткахъ и причитаньяхъ къ играмъ т
и сямъ блещутъ черты всенароднаго эпоса.

По поводу выраженія «дѣтскія пѣсни» сдѣлаемъ огово
Пѣсни такъ названныя — собственно не дѣтскія, а весе
пѣсни взрослыхъ, доставшіяся въ наслѣдье дѣтямъ. Это
чество хороводовъ, посидѣлокъ и святочныхъ игръ. На
немъ сѣверѣ (въ Олонецкой губерніи) намъ не разъ
лось встрѣчать кадансированныя причитанія къ обыкнове
играмъ парней и дѣвушекъ, даже къ горѣлкамъ.

Наши дѣтскіе горѣлки, жгуты, коршунъ и голуби не были забавой исключительно дѣтскою въ древнее время.

Весь матеріалъ упомянутыхъ выше трехъ отдѣловъ Лаишевскаго сборника мы раздѣляемъ по содержанію на двое: 1) на отрывки просто веселые—акомпаниментъ пляски, и 2) на насмѣшки. Послѣднія составляютъ какъ бы особый эпосъ народнаго юмора, эпосъ балагуровъ, скомороховъ, перешедшій въ народную каррикатуру лубочныхъ картинокъ. Въ такъ называемыхъ дѣтскихъ пѣсенкахъ съ приплясываніемъ встрѣчаются архаическія черты. Подобно тому какъ французскія *rondes* и нѣмецкія *Ringen* до сихъ поръ рисуютъ передъ нами средневѣковое рыцарство и изобилуютъ архаическими терминами, и наши круговыя пѣсни и словомъ, и намекомъ, и исходомъ игры хороводной твердятъ намъ о древней, живущей въ сельскихъ обрядахъ, заринѣ. Для ясности приведемъ примѣры.

Въ Южной Франціи, въ окрестностяхъ По, донынѣ водятъ хороводъ: la *Marjolaine*.

Qui est ce qui passe ici si tard
De sur le gué?
Mesdames, c'est un chevaliier
Compagnon de la Marjolaine—
De sur le gué.
Que nous veut ce chevalier,
Compagnon etc. etc...
Il demande filles à marier...
Point de filles à marier
On m'a dit que vous en aviez...
Choisissez dans la quantité...

Такимъ образомъ, тутъ является и рыцарь феодалъ, и фея Morjolaine, превращенная въ цвѣтокъ.

Нашъ хороводъ имѣлъ повсюду названіе «Плетня». «Заплести плетень» значило: завести хороводъ. Всѣмъ извѣстна съ успѣхомъ перенесенная на сцену Верстовскимъ московская пѣсня съ соотвѣтствующей пляской:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, трава шелковая...

Но мало кто знаетъ другія слова, приспособленныя къ той же пляскѣ-игрѣ. Въ Олонецкой губерніи московскій плетень *andante* переходитъ въ оживленное *allegro*; танцующіе перебѣгаютъ одинъ за другого, переплетаясь руками, и поютъ:

Завивай, мой завивай!
Хорошенькой завивай.

За этимъ припѣвомъ идетъ наборъ словъ, по бѣглому ходу шутливыхъ фразъ напоминающій такъ называемыя дѣтскія пѣсни разбираемаго матеріала Лаишевскаго собирателя. Въ этихъ послѣднихъ нерѣдко встрѣчается слово: *плетень*, и тамъ, гдѣ оно встрѣчается, замѣтны и слѣды этой всенародной игры. Припѣвъ:

Ай тень, потетень,
Выше города плетень,

въ Лаишевѣ тотъ же самый что́ и въ Курской губерніи. Подъ этотъ припѣвъ, въ хороводахъ, во время самой пляски, запѣвалой и двумя, а иногда и тремя лицами, находящимися въ кругу, изображаются различныя положенія, различныя сценки домашняго быта. Человѣкъ является тутъ во всѣхъ возрастахъ. Въ Лаишевскихъ пѣсняхъ мальчикъ:

На полички рукавички,
На приступкѣ калачи,
Какъ огонь горячи.
Подошелъ мальчикъ,
Обжегъ пальчикъ,
Побѣгъ на базаръ,
Всему міру разсказалъ.

Въ Олонецкой губерніи парень и дѣвушка:

Я хорошую милую
Два разъ, три разъ поцѣлую,
Я дурную, не милую,
Одинъ разъ да цѣловалъ,
За хорошу спочиталъ.

Въ Курской губерніи старикъ и старуха въ смѣшномъ положеніи

Подъ повытьемъ, на соломѣ...

Лаишевскій матеріалъ даетъ рядъ житейскихъ картинокъ, входившихъ въ рамку «Завивая» или «Плетня». Такъ татары украли шапочки у какой-то артели мастеровъ швецовъ (портныхъ); они «кроятъ шапочки, шьютъ рубашечки». Вотъ мужикъ сманиваетъ дѣвушку приворотнымъ зельемъ:

Пошелъ мужикъ по воду,
Нашелъ чашку солоду.
Распарилъ кулажку,
Подманилъ Дуняшку.

Вотъ шутливое изображеніе крестинъ какого-то Максима—въ четыре аршина. Вотъ барская дочка

Сидитъ на лоточкѣ,
Плететъ городочки (кружева).

Ея никто не видитъ, эту барскую дочку; только птичка подлетѣла къ ея высокому терему и приноситъ о ней вѣсточку.

Пичуга, пичуга,
Куда ты летала
Како чудо видала?

Особенно замѣчателенъ мужикъ-баринъ, а иногда воронъ: онъ сидитъ то на дубу, то на краю, играетъ во трубу; у него носъ трясется, глаза выскочить хотятъ. Около него собаки злыя; у него шестеро ребятъ, всѣ по лавочкамъ сидятъ, кашу масляну ѣдятъ. Это похоже на гнѣздо Соловья-разбойника съ его соловьиными малыми дѣтушками.

А вотъ не совсѣмъ ясными штрихами набросана сценка супружеской невѣрности, гдѣ являются три лица: Ерема, жена его и Илюша, и гдѣ вступленіе состоитъ изъ двустишія, ставшая народною поговоркой.

Ерема, Ерема,
Сиди-ка ты дома,
Точи веретена.
Твоя жена пряха.
Тоненько напряла

Коробка упала,
На Илюшу сказала.

За обыденными сценами видимъ картину похоронъ
ки-горемыки:

А кто надъ нимъ поплачетъ?
А кто надъ нимъ повоетъ?
Два волка мохнатыхъ,
Два медвѣдя злые,
Двѣ собаки борзыя.

А вотъ повтореніе типа бабы-яги, страшилища мол
парней, матери красивой гулящей молодой женщины: н
верѣ она—Кузькина, Устюшкина мать, на югѣ —Чебот
мать,—и повсемѣстно распространенное о ней четверост

Собиралась умирать,
Умереть не умерла,
Только время провела.

Въ Лаишевскомъ матеріалѣ есть слѣдующій замѣчате
варіантъ о похоронахъ этой, не усмирившейся и въ
вѣдьмы:

Ее стали хоронить,
Она стала говорить;
Ее стали отпѣвать,
Она стала танцовать;
Стали гробъ тесать,
Она стала плясать;
. . . .

Прежде, чѣмъ разстаться съ пѣснями «Плетня», обр
вниманіе на одну изъ нихъ о разрушеніи «Плетня». С
венно расплетеніе плетня составляло, такъ сказать, *вт*
фигуру хороводнаго *танца*. Сперва завьется плетень,
томъ среди него происходятъ игры, при чемъ играющихъ
повенно двое (рѣдко трое), соотвѣтственно содержанію
водныхъ стиховъ. Когда нѣсколько паръ поочередно око
свои прибаутки, наступаетъ торжественное разрушеніе п
Подъ Москвой онъ тихо и плавно *расплетается*, въ

нецкой губерніи *развивается*, то есть, разрушается скорымъ обратнымъ бѣгомъ.

Въ старину онъ «развивался» лицами, не участвовавшими въ хороводѣ, отдѣльною партіей. На это есть намекъ во многихъ такъ называемыхъ дѣтскихъ пѣсняхъ. Въ особенности распространена во многихъ варіантахъ пѣсня о разрушеніи плетня *чужими рябятами*, съ которыми завязывалась занимательная борьба.

Теперь обратимъ вниманіе на вторую категорію, по нашему дѣленію, на скоморошьи шутки, остроты, прибаутки, не имѣющія никакого отношенія въ хороводной пляскѣ.

Въ Лаишевскомъ матеріалѣ, во-первыхъ, есть довольно ловкіе остроумные наброски близкой къ намъ современности. Такъ, подъ № 2 читаемъ:

— Кто тамъ?— «лѣкарь,
«Изъ подъ Каменнаго моста аптекарь» [1]).
— Зачѣмъ пришелъ?
«Головушка болитъ,—
«Черепъ спилить,
«Мозгу убавить,
«Опилковъ прибавить!
«Принимаю на ногахъ,
«Отправляю на дровняхъ» (саняхъ).

Съ неменьшимъ юморомъ въ нѣсколькихъ варіантахъ изображается женщина въ положеніи, что называется; «лежитъ на рогожкѣ, кричитъ какъ съ ковра»:

А Машенька модная,
Третій день голодная;
Захотѣла чаю пить,
Чаю не на что купить,
Продамъ лисій воротникъ,
Куплю чаю золотникъ и т. д.

Есть также, имѣющій свои особенности, довольно богатый варіантъ «Хорошо, да не дюже, худо, да не больно». Въ этомъ

[1]) Очевидно московское происхожденіе пѣсни.

варіантѣ, какъ и во многихъ другихъ Лаишевскихъ пѣсняхъ, стрѣлы современной сатиры направляются на попа;

Поповы собаки повадились свѣжину таскать,
Да и вытаскали.
    Вотъ это худо!
— Худо, да не дюже.
    А чтожъ?
— Я тѣхъ собакъ убилъ,
Да женѣ шубу сшилъ.
    Вотъ это хорошо!
— Хорошо, да не дюже.
    А чтожъ?
— Пошла моя шельма жена
Мимо попова двора,
Попъ-то узналъ,
Да шубу-то снялъ.
    Вотъ это худо!
— Худо, да не дюже.
    А чтожъ?
— Я съ попомъ судился,
Да сиваго мерина,
Да рыжую собаку цапъ-царапъ:
Мое-то дѣло и выгорѣло!

Довольно извѣстна форма стиха, въ которомъ отвѣтъ, оканчивающій строку, даетъ поводъ къ новому вопросу въ слѣдующей строкѣ:

Гдѣ была? — Коней пасла.
Гдѣ кони? — За воротами.
Гдѣ ворота? — Водой снесло.
Гдѣ вода? — Быки выпили...

Въ Лаишевскомъ матеріалѣ (№ 1 отдѣла XIII) подобный стихъ оканчивается смѣхомъ, въ которомъ слышны слезы:

Гдѣ мужья? — Въ солдаты ушли.
Гдѣ солдаты? — Примерли.
Гдѣ гроба ихъ? — Пригнили.
Гдѣ могилы? — Заросли.

такъ называемыхъ дѣтскихъ стихахъ, то есть въ отрыв-
іѣсенъ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и въ цѣлыхъ поэти-
ъ комбинаціяхъ встрѣчается искусное уподобленіе жи-
ъ людямъ. Изображая животныхъ какъ людей, народъ
аетъ послѣднихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ художественно схва-
ъ ужимки и свойства первыхъ. Стоитъ вспомнить въ
«Каково птицамъ жить на Руси» (въ сборникѣ Рыб-
) этого медвѣдя-кожемяку, эту сороку-кабацкую женку,
ія петербургскаго, или строки:

Солеталися птицы стадами,
Садилися около рядами,
Въ одну сторону головами.

разсматриваемомъ Лаишевскомъ сборникѣ подробнѣе
ъ пѣсня о банѣ, комарѣ, блохѣ и вошкѣ, причемъ это
нее насѣкомое играетъ главную роль:

Два братца, два Кондратца
Нову баньку строили;
Двѣ лисицы, двѣ сестрицы
Нову баньку крыли;
Журавлицы долгоноги
Полки настилали;
Блошка банюшку топила,
Гнидка щелоку варила,
Комаръ воду возилъ,
Въ грязи ноги завязилъ;
Вошка парилася,
Съ полки брякнулася,
На ушатъ бочкомъ попала,
Изувѣчилася:
Безъ перста нога,
Безъ мизинца рука.
Тараканы отпѣвали,
Мухи голосомъ кричали:
Хорошо, что околѣла,
Всему міру надоѣла,
Попу шею переѣла!

Похороны ея—вотъ готовый пріемъ для сатиры: Мыш кота хоронятъ. Въ постройкѣ бани участвуютъ не одни на сѣкомыя, но птицы и звѣри.

Во многихъ другихъ стишкахъ Лаишевскаго матеріала м не встрѣтили оригинальныхъ чертъ. Даже описаніе игръ и за бавъ не представляетъ особаго интереса.

Если въ игрѣ въ «жгутъ» сохранилась прекрасная припѣвка

Заря, заряница
По полю гуляла,
Ключи потеряла,—

то въ игрѣ въ «уголки» подобная присказка (кумушка-голубушка продай уголокъ и т. п.) не сохранилась, и игра осталась «сухою» то есть, безъ припѣва. Къ игрѣ «коршунъ и голуби» приклеен пѣсенка о попѣ и злыхъ собакахъ, не подходящая къ дѣлу. В извѣстныхъ намъ многихъ варіантахъ этой игры одинъ изъ голубей подходитъ къ коршуну съ вопросами въ формѣ вышеуказаннаго вопроснаго стиха:

Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?
Ямочку рою.
Зачѣмъ тебѣ ямочка?

и т. д., пока дѣло не дойдетъ до огорода, плетня, который будто бы дѣти голубя, или голубиной матки, разрушили. Такимъ образомъ игра оканчивается разрушеніемъ «плетня-города» и поэтому стоитъ въ связи съ всенародною, главнѣйшею по значенію, игрою хоровой пляски.

Въ присказкѣ къ игрѣ стоитъ отмѣтить образный и характерный эпитетъ:

«Старыя старушки—
Подвязаны ушки».

Въ пѣсенкахъ, обращенныхъ къ солнцу и дождю, достойно замѣчанія слѣдующее:

1) Пѣсенка о дождѣ очень изящна:

Солнышко въ долинкѣ—
Разодрались оринки;

Солнышко въ овражкѣ —
Разодрались барашки;
Солнышко въ полянкѣ —
Разодрались иванки.

При этомъ надо замѣтить, что оринки — это длинныя, полотнообразныя облака; барашки — облака густыя, кругловатыя; иванки — просвѣты яснаго неба среди густыхъ облаковъ.

2) Въ воззваніи къ дождю встрѣчаемъ утраченное въ другихъ мѣстахъ миѳическое окончаніе этой пѣсенки-заклинанія.

Намъ извѣстна она была въ такомъ видѣ. Желая прекратить сильный дождь, поютъ:

Дождикъ, дождикъ, перестань.
Мы поѣдемъ въ Іордань (въ Рязань)
Богу помолиться,
Царю поклониться...

Это какъ-то неясно, и въ заклинаньѣ преобладаетъ христіанскій характеръ, тѣмъ болѣе, что вмѣсто «царю» попадается: «Христу поклониться». Но въ Лаишевѣ сохранился древній языческій изводъ заклинанья къ дождю:

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Я поѣду въ Арестань
Богу молиться,
Царю поклониться.
У царя-то сирота
Отворяетъ ворота
Ключикомъ-замочкомъ
Золотымъ платочкомъ.

Это хорошо извѣстный по заговорамъ образъ дѣвицы-зари съ ключами отъ росы и облаковъ.

I.

Живой глаголъ русской археологіи.

Описаніе Тверскаго музея. Археологическій Отдѣлъ А. К. Жизневскаго съ примѣчаніями графа Уварова. Москва. 1888 г. *).

Русскимъ археологамъ извѣстенъ Тверской музей, составленный любителемъ, отдавшимся дѣлу собиранія древностей съ рѣдкою приверженностью, со страстью. Посѣщающіе Тверской музей имѣютъ обыкновенно вожатаемъ самого его учредителя **). А. К. Жизневскій показываетъ предметы наиболѣе выдающіеся, отмѣчая тутъ же ихъ значеніе и особенность находки, такъ что посѣтитель уноситъ съ собою цѣлый запасъ впечатлѣній: множество данныхъ о тверской старинѣ, о княжескихъ удѣлахъ сего великаго княженія, объ историческихъ извѣстныхъ живыхъ лицахъ, о забытыхъ и неизвѣстныхъ въ наукѣ иноческихъ обителяхъ—наконецъ объ иконописцахъ Тверской земли, о производствахъ: токарномъ, кузнечномъ въ древнія времена, о тканяхъ роскошныхъ и обыденныхъ, о женскихъ нарядахъ Торжка, или Осташкова, объ искусствѣ вышиванья и узорахъ, наконецъ объ утвари домашней и о постройкахъ.

Въ настоящее время въ музеѣ находится внесенныхъ въ описи 4668 предметовъ мѣстныхъ древностей и 3587 рукописей (15 окт. 1888 г.).

Нынѣ появилось въ свѣтъ описаніе Тверскаго музея, какъ отдѣльный оттискъ «Древностей», издаваемыхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ. Это цѣлый томъ in 8° большаго формата въ 242 и XVIII страницъ, съ добавленіемъ къ нему 18-ти таблицъ рисунковъ хромолитогра-

*) Читано въ засѣданіи Императ. Археологическаго Общества. Напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ 1892 года.

**) Александръ Казиміровичъ Жизневскій скончался 19 марта 1896 года.

фій, литографій и фотографій. Сверхъ того въ текстѣ много политипажныхъ изображеній.

Трудъ г. Жизневскаго представляетъ много живаго интереса, почему и не лишнее подѣлиться съ читателями этимъ замѣтнымъ явленіемъ въ области археологіи, широкой, общей по разносторонности описанныхъ предметовъ и узкой, тѣсной лишь по отношенію къ данной мѣстности.

Это — описаніе древностей тверскихъ, исключительно тверскихъ. Вещи не тверскаго происхожденія принадлежатъ или тверской почвѣ въ собственномъ смыслѣ слова т. е. найдены въ землѣ, или были во владѣніи жителей городовъ и селъ нынѣшней Тверской губерніи. Идея мѣстнаго музея одушевила собирателя, и она же придала особый интересъ собранію.

Не считая себя вполнѣ свѣдущимъ, А. К. Жизневскій, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, намѣренъ былъ ограничиться собираніемъ, предоставляя описаніе другимъ. Только согрѣтый сочувствіемъ покойнаго графа А. С. Уварова и ободренный имъ, собиратель рѣшился приступить къ описанію музея. Въ 1877 году въ «Древностяхъ», издаваемыхъ Моск. Археологическимъ Обществомъ, появилась первая часть этого, нынѣ довершеннаго описанія. Покойный гр. А. С. Уваровъ снабдилъ тогда трудъ г. Жизневскаго рисунками и примѣчаніями. Въ 1883 году появилось въ томъ же журналѣ продолженіе, остановившееся за тѣмъ до нынѣшняго года.

Описаніе Тверскаго музея дѣлится на 10 отдѣловъ: I) древности первобытныя (каменныя орудія и курганные предметы) II) камни съ надписями и изображеніями, III) каменный гробъ, IV) каменные кресты, V и VI): церковные памятники: иконы, кресты, покровы, фелони, епитрахили, поручи, свѣчи, подсвѣчники, паникадила и проч. — Статья о крестахъ весьма обширна и дѣлится на двѣ части: кресты наперстные и кресты ручные. Самое большое принадлежитъ первой части, систематизированной слѣдующимъ образомъ:

Отдѣленіе I. Кресты четырехконечные, равноконечные, иначе византійскіе (курганные) безъ христіанскихъ изображеній. Отдѣленіе II. Кресты съ христіанскими на нихъ изображеніями. Эти, въ свою очередь, подраздѣляются на кресты четырехконечные, осьмиконечные, семиконечные безъ верхняго конца,

такіе же съ выступами и—кресты шестиконечные двухгранные, или двойные.

Кресты четыреконечные подраздѣляются на 9 родовъ, и каждый родъ имѣетъ по нѣскольку опредѣленныхъ видовъ. Къ статьѣ о крестахъ прибавлено весьма интересное описаніе остатковъ мастерскихъ для отливки отдѣльныхъ крестовъ.

VII отдѣлъ—домашняя утварь. Въ немъ слѣдующія рубрики: серги, перстни, пуговицы, запонки, наряды, посуда, вѣсы, домашнія принадлежности, письменныя принадлежности, портреты.

VIII отдѣлъ— оружіе и доспѣхи. IX — строительный отдѣлъ и X отдѣлъ — нумизматическій, — съ рубриками: иностранныя монеты, найденныя въ Тверской губерніи; монеты великаго княжества Тверскаго, монеты тверскія безъ имени великихъ князей, монеты городскія, кашинскія, микулинскія, монеты московскія, рязанскія, разныхъ удѣльныхъ князей, новгородскія, псковскія. За тѣмъ идутъ царскія монеты серебряныя и мѣдныя, съ означеніемъ мѣстъ вкладовъ, найденныхъ въ Тверской губерніи. Изъ этого оглавленія уже отчасти видна система описанія и содержаніе труда г. Жизневскаго.

Послѣ крайне интересныхъ примѣчаній гр. Уварова, въ текстъ описанія входятъ опредѣленія вещей со словъ извѣстныхъ спеціалистовъ археологовъ или же ссылки на ученую археологическую литературу. Собиратель, если не обладалъ подлинникомъ какого-нибудь замѣчательнаго и завѣдомо тверскаго памятника, то пріобрѣталъ для музея его точный снимокъ. Такъ рядомъ съ подлинниками древнихъ рогатинъ въ музеѣ помѣщенъ и снимокъ, а въ книгѣ описана рогатина великаго князя тверскаго Бориса Александровича, хранящаяся въ Оружейной палатѣ. Такъ въ ряду брачныхъ вѣнцовъ помѣщены точные снимки на деревѣ съ вѣнцовъ XV вѣка, которыхъ нельзя было добыть для музея. Вѣнцы эти изъ церкви погоста Кожина, Кашинскаго уѣзда. При описаніи ихъ намъ сообщается народное къ нимъ уваженіе въ приходѣ Кожинскомъ и даются свѣдѣнія о древней церкви, около которой погребены родители и жена св. Макарія Калязинскаго.

Серьги, найденныя, при рытіи пня близъ деревни Мазловой, Корчевскаго уѣзда, очень своеобразныя, другія, хранящіяся въ кубышкѣ, вмѣстѣ съ монетами Бориса Годунова, сопоставлены въ музеѣ (и въ книгѣ) съ серьгами, оставшимися послѣ смерти одного огнепоклонника гебра, переселившагося въ Петербургъ и умершаго въ домѣ извѣстнаго президента Академіи Художествъ, Оленина.

При описаніи наиболѣе выдающихся и уже отмѣченныхъ наукою памятниковъ, хранящихся въ Тверскомъ музеѣ, г. Жизневскій даетъ страницы—двѣ убористой печати, посвященныя исторіи вопроса по опредѣленію предмета, иногда отъ Карамзина до гр. Уварова, при чемъ примѣчаніе послѣдняго имѣетъ рѣшающее значеніе. Таково, между прочимъ, описаніе *Бѣжецкаго камня*, таковы поясненія Старицкаго и другихъ камней съ трехконечными крестами и мнѣніе о Стерженскомъ каменномъ крестѣ 1133 года. При поясненіи крестовъ авторъ «Описанія» опирается на извѣстнаго знатока и владѣтеля первостепенной коллекціи крестовъ, Подключникова и на знаменитаго археолога-москвича Филимонова,—въ другихъ церковныхъ древностяхъ на того же Филимонова и Берсенева. Нужно ли говорить, что при описаніи гирекъ мы встрѣчаемся съ именемъ Прозоровскаго, при опредѣленіи восточнаго клада—съ именемъ барона Тизенгаузена.

Свои собственные выводы г. Жизневскій главнымъ образомъ подкрѣпляетъ сравненіемъ. Такъ напр., на одномъ бронзовомъ орнаментѣ онъ находитъ сходство въ изображеніи бѣгущаго звѣря съ подобнымъ же изображеніемъ на монетѣ тверскаго вел. кн. Михаила Борисовича. На мѣдномъ медальёнѣ фигура пляшущаго человѣка съ мечемъ въ одной рукѣ, и ножнами въ другой, сходствуетъ съ подобнымъ же изображеніемъ на тверскихъ монетахъ.

Всѣ подписи, какія встрѣчаются на предметахъ иконописныхъ, изваянныхъ, чеканеныхъ, битыхъ, рѣзныхъ, тканыхъ, вышитыхъ,—точно и внимательно передаются въ книгѣ, и при этомъ отмѣчаются особенности правописанія, а собственное имя вызываетъ иногда и цѣлое изслѣдованіе о лицѣ.

Въ нумизматическомъ отдѣлѣ, при перечисленіи сокровищъ музея дѣлаются ссылки на №№ ученыхъ каталоговъ и

описаній: барона Шодуара, Черткова, Солнцева, графа Толстаго и другихъ. Въ этомъ отдѣлѣ для русской науки особенно важно мѣстонахожденіе большихъ кладовъ. При каждой монетѣ упомянуто, гдѣ таковая найдена. Обрѣзками монетъ (XVI в.) и рѣзаными деньгами оканчивается отдѣлъ и самая книга.

Таковы ученые пріемы автора «Описанія Тверскаго музея». Изъ книги этой получается цѣлая картина тверскаго края, съ археологической точки зрѣнія,— полная живыхъ красокъ.

Могилы и городища съ курганами каменныхъ орудій, вмѣстѣ съ точнымъ опредѣленіемъ положенія скелетовъ особенностей и череповъ, при пояснительныхъ примѣчаніяхъ графа Уварова, обогащаютъ многими данными вопросъ о каменномъ вѣкѣ въ мѣстностяхъ Верхне-волжскаго края.

Вниманію историка представляется прежде всего *Окскій лѣсъ*, упомянутый въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»— въ Осташковскомъ уѣздѣ, съ урочищами *Оковцы* и *Оковецкое*. Тутъ водный путь на сѣверъ — къ Новгороду. Тутъ найденъ и крестъ-камень, занимающій второе мѣсто послѣ пресловутаго Тмутараканскаго камня—знакъ на водномъ пути, поставленный тамъ, гдѣ Волга довольно узка и мелководна; на немъ надпись: *6641 года мѣсяца Июля 14 почахъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ съ поставихъ.*

Крестъ этотъ поставленъ близко истоковъ Волги и истоковъ Западной Двины и Днѣпра—сообщеніе между Смоленскомъ, Полоцкомъ и Великимъ Новгородомъ.

Двѣнадцатый вѣкъ представленъ и крестами съ надписями, и изображеніями (мѣдною двустворчатою панагіею съ распятіемъ и предстоящими) и еще нѣкоторыми другими вещами.

Татарскія времена даютъ печать Узбека, печати великихъ и малыхъ князей и намѣстниковъ великокняжескихъ и Великаго Новгорода. Возникаютъ передъ нами мало извѣстныя княжества: Микулинское, Городецкое. Мы видимъ вещи великихъ князей Тверскихъ,—изображенія на иконахъ и на надгробіи св. Владиміра и Агрипины, князя и княгини Ржевскихъ. Это было потомство Мстислава Торопецкаго—послѣдніе удѣльные князья города Ржева, который находился на рубежѣ земель и потомъ уже не имѣлъ князей, а управлялся намѣст-

никомъ, то подъ властью Новгорода, то подъ Тверью, иногда подъ Литвою, пока не достался Москвѣ.

Художественно написанный извѣстнымъ иконописцемъ Ушаковымъ, ликъ св. Аркадія Новоторжскаго становится въ рядъ съ изображеніями Ржевскихъ чудотворцевъ. Есть и другая икона, гдѣ тотъ же св. Аркадій изображенъ вмѣстѣ съ св. Ефремомъ Новоторжскимъ; икона съ надписями и видомъ Торжка.—Городъ Старицу полюбилъ Іоаннъ Грозный, пробывшій тамъ нѣсколько недѣль во время ливонской войны. Описаніе не сохранившагося, разобраннаго въ прошломъ вѣкѣ и строеннаго при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, Старицкаго собора и самый планъ его находимъ также въ книгѣ г. Жизневскаго.

Снимокъ съ находящагося въ музеѣ паникадила, вырытаго въ 1871 году въ селѣ Оковцахъ, напоминаетъ также пору Грознаго. Это мѣдное паникадило состоитъ изъ нѣсколькихъ шарообразныхъ и овальныхъ частей, надѣтыхъ на желѣзный стержень съ двумя рожками для свѣчей. Орнаментъ его—рыцарскія головки съ двуглавымъ орломъ на матицѣ. Древнія царскія двери того же столѣтія—изъ упраздненной церкви села Покровскаго Вышневолоцкаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Цны—даютъ матеріалъ для цѣлаго этюда по иконописи и орнаментикѣ XVI столѣтія. Г. Жизневскій сближаетъ нѣкоторыя изображенія съ рисунками на таблицѣ, приложенной къ сочиненію Н. П. Кондакова: «Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей». Описаніе музея даетъ свѣдѣнія о церквахъ, нынѣ уже не существующихъ и объ иноческихъ, упраздненныхъ обителяхъ. Память объ иныхъ изъ нихъ доносится случайнымъ намекомъ археологическаго памятника, а иногда и рукописнымъ свидѣтельствомъ. Въ такомъ случаѣ, г. Жизневскій подтверждаетъ на мѣстѣ—народнымъ преданіемъ, или остаткомъ постройки—слѣды забытаго и давно не существующаго монастыря. Близъ села Опекалова, Старицкаго уѣзда, онъ напалъ на каменныя ступени, по которымъ монахи спускались къ рѣкѣ Бойнѣ черпать воду.

Семнадцатое столѣтіе было у насъ вѣкомъ *возрожденія*. Церковныя познанія воплощались въ иконописи. Явились иконы сложныя по компановкѣ, полныя богословскаго содер-

жанія. Явилось изящество въ ликѣ святаго; духовная сторона оживила традиціонныя нѣмыя очертанія, и техника достигла невиданной дотолѣ красоты. Для исторіи символики книга г. Жизневскаго представляетъ не мало данныхъ. Болѣе всего интересно подробное и отчетливое описаніе иконы «ангела-хранителя» съ похожденіями. Это — наглядная и понятная передача религіозныхъ идей, изложенныхъ въ «Словѣ отъ видѣнія ап. Павла о денно-нощной молитвѣ». Икона преп. Іоанна Лѣствичника есть какъ бы микрокозмъ монашескаго міросозерцанія. Икона св. мучениковъ Флора и Лавра — всадниковъ съ ножами въ рукахъ и съ лошадьми, пьющими воду, наглядно поясняетъ народное вѣрованіе. Икона: «О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь», искусно, мастерски написанная, есть какъ бы хвалебное пѣніе въ лицахъ.

На стр. 49 читаемъ описаніе иконы съ надписью, что писалъ ее *въ 7185 году изографъ Пименъ Ѳедоровъ, зовомый Симонъ Ушаковъ*. Икона поражаетъ одушевленными ликами святыхъ. Надпись даетъ имя и ученика: Ушакова Симона, Георгія Терентьева-Зиновьева, человѣка помѣщика Островскаго.

На стр. 45 является еще имя изографа, писавшаго въ 1720 году замѣчательную икону съ видомъ Торжка и Борисоглѣбскаго въ немъ монастыря. То былъ новоторжецъ, филиповскій пономарь, Евфимій Недоносковъ. Исповѣдныя росписки духовной консисторіи подтвердили г. Жизневскому, что дѣйствительно былъ такой пономарь при Филиповской церкви. Икона же важна для древней русской архитектуры, такъ какъ передаетъ видъ соборной церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 1038 г. и разобранной въ прошломъ столѣтіи.

Свѣдѣнія о знаменитомъ защитникѣ Троице-Сергіевой Лавры, архимандритѣ Діонисіи, чрезвычайно любопытны. Преподобный архимандритъ, какъ оказывается изъ описной книги, хранящейся въ Старицкомъ монастырѣ, былъ родомъ изъ Ржева, въ мірѣ звался *Давидъ Ѳедоровичъ Зобниновскій*. Онъ вскорѣ послѣ смерти своей былъ изображенъ многими изографами. Въ его книгѣ икона-портретъ современный (копія съ оригинала, находящагося во Ржевѣ). Черты крупныя, лицо круглое, съ виду напоминаетъ новогородскаго поселянина.

Отъ семнадцатаго столѣтія кромѣ того музей имѣетъ по-

длинный портретъ Нектарія, архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго. Къ тому же столѣтію относятся пушки Калязинскаго монастыря и тѣ малыя пушечки, которыми снабжалась волжская флотилія Стеньки Разина и сверхъ того множество бытовыхъ предметовъ: ткани, вышивки, серебряныя братины, оружіе холодное (сѣкиры, алебарды, протазаны, бердыши) и огнестрѣльное.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя покровъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича на св. дары, шитый, на дымчатой шелковой матеріи, золотомъ, серебромъ и шелками. На немъ изображенъ дискосъ, Іисусъ Христосъ въ видѣ младенца, Духъ Святой въ видѣ голубя; по угламъ ангелы съ рипидами, деисусъ и символы евангелистовъ; на боковыхъ каймахъ преп. Михаилъ Малеинъ, ангелъ царя Михаила Ѳеодоровича, а пониже преп. Ксенія—ангелъ матери его, великой государыни инокини Марѳы Ивановны, въ мірѣ Ксеніи; наконецъ ангелъ отца государева—мученикъ Ѳеодоръ и дѣда по матери—Іоаннъ Лѣствичникъ. На нижней каймѣ св. Ѳекла, а по краямъ Пятница (Параскева) и Акилина.

Покровъ этотъ хранился въ Преображенской церкви погоста Рогожи Осташковскаго уѣзда. На этомъ мѣстѣ существовалъ монастырь, называвшійся Пелагеиною пустыней.

XVIII-е столѣтіе ознаменовано въ музеѣ очень многими предметами. Издѣлія изъ слоновой кости тверской работы весьма искусны и затѣйливы. Одинъ изъ такихъ предметовъ представляетъ жертвоприношеніе Исаака. Типы лицъ совершенно русскіе — Исаакъ обстриженъ подъ гребенку и въ сорочкѣ; онъ лежитъ на жертвенникѣ со связанными руками. Искусство сравнительно новое, какъ видно, не искало тутъ новыхъ образцовъ. Совсѣмъ не то представляетъ слоновой кости гребень тверской же работы: на немъ два амура, стоящіе одинъ противъ другого; одинъ держитъ за ноги зайца, а другой стрѣляетъ въ него изъ лука—позади стрѣлка бѣжитъ собака.

Баулы, ящички для бѣлилъ и румянъ, зеркала, бокалы съ вензелями, разукрашенныя стклянки переносятъ всецѣло въ эпоху Анны и Елисаветы. То все вещи, бывшія достояніемъ богатыхъ горожанъ Твери и Торжка.

Помѣщичій бытъ того же времени представленъ фрагмен-

томъ дома. Два деревянные горельефа изображаютъ крестьянскія свадебныя сцены, благословенье молодыхъ и свадебный пиръ и пляску; всѣхъ фигуръ 35 и одна собака. Домъ этотъ находился въ селѣ Новосельцахъ Корчевскаго уѣзда, въ старой барской усадьбѣ Пассекъ.

Архіерейскій бытъ прошлаго столѣтія отмѣченъ остатками тверской архіерейской *капеллы* и епитрахилью съ латинскими надписями. Воеводы и воеводскія канцеляріи, приказы и подъячіе оставили музею чернильницы, печати. Выдающіяся личности, какъ механикъ-самоучка Волосковъ и строитель шлюзовъ Сердюковъ—въ подлинныхъ ихъ портретахъ.—Медаль величиною въ рубль съ портретомъ Екатерины и съ надписью «За храбрость на Финскихъ водахъ авг. 13, 1789 года».

Большіе стѣнные часы работы Терентія Ивановича Волоскова, сдѣланные прежде астрономическихъ часовъ, находящихся въ Ржевѣ у г-жи Образцовой.

Портреты и другія вещи бывшаго губернаторомъ въ Твери принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго и великой княгини Екатерины Павловны заключаютъ собою исторію Твери текущимъ столѣтіемъ.

Бытовой археологіи въ музеѣ также отведено мѣсто. Въ немъ, какъ и въ Германскомъ музеѣ (въ Нюренбергѣ), посѣ-
титель какъ бы входитъ въ домъ богатаго обывателя XVI
вѣка. Передъ нами и кувшинъ, и братина, и стопа, и шелко-
вая ткань съ золотою вышивкой, и набойка—золотомъ
холсту, серьги, запонки и перстни хозяйки, свадебныя ш
ринка и рукавичка. Мы видимъ, что домъ Торжковска
богача обладалъ и иноземными, преимущественно нѣме
кими, издѣліями, какъ напр., мѣдный ларецъ старинной
мецкой работы съ изображеніями Ревеки у колодца, дост
щей воду, чтобы напоить Авраамовыхъ слугъ и верб
довъ, ивстрѣчи Исаака съ нею. Мы видимъ, какая
у домохозяина копилка и какія монеты русскія, пол
и голландскія хранились въ ней. Кафель изъ бѣлой
ны украшалъ печь; рисунокъ на немъ былъ — розет
лиліями; клеймо на кафлѣ — римская цифра семь. Гл
орнаментъ съ узорами изъ цвѣтовъ украшалъ иногда
ружный входъ (найденъ на огородѣ въ городѣ Каши

ны въ домахъ были въ ризахъ сканой работы и съ надписью: моленье такого-то раба, или рабы. На затворахъ хозяйственныхъ сооруженій висѣли замки скичные, замки-личины, замки-глездуны. Цѣлая коллекція замковъ музея разсортирована и разъяснена въ книгѣ г. Жизневскаго. Въ добавокъ имѣемъ передъ глазами вѣсы, разновѣски, туалетныя вещи—щипчики, какими дергали волосы изъ уса, уховертки и проч.

Земледѣльческій бытъ былыхъ временъ оставилъ въ музеѣ косу въ 19 дюймовъ, загнутую къ верху, найденную въ землѣ. Такія косы еще сохранились въ глухихъ мѣстахъ Череповскаго уѣзда: онѣ прикрѣпляются къ короткой рукояткѣ подобно ножу, а не подъ прямымъ угломъ къ косовищу. Ими косятъ нагнувшись.

Мы передали впечатлѣніе свое, послѣ бѣглаго осмотра музея, оживленнаго идеей при его составленіи и пріуроченнаго къ извѣстной мѣстности. Такой музей, какъ Тверской, и такое его описаніе, какъ книга г. Жизневскаго можно назвать *живымъ глаголомъ археологической науки.*

О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи.

Читано 28 октября 1873 года въ засѣданіи членовъ Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ *).

Прежде всего, по живому воспоминанію, скажу нѣсколько словъ о цюрихскомъ обществѣ отечественныхъ древностей — Geselschaft der vaterländische Alterthümer.

Въ старинномъ, когда-то цеховомъ домѣ: «zum Wegen» каждую субботу собираются члены общества на засѣданіе — въ довольно просторной, но низкой комнатѣ, уставленной простыми столами, за которыми во время чтенія и преній собесѣдники вкушаютъ свою вечернюю порцію жаркова и запиваютъ кружкою мѣстнаго краснаго вина. Все украшеніе залы засѣданія составляетъ, замѣчательная по архитектурѣ и рисункамъ на кахели, печь XVII вѣка: на бѣлыхъ изразцахъ синею краскою изображены сцены изъ библейской исторіи съ латинскими надписями. Въ каждомъ засѣданіи читается статья одного изъ членовъ. Послѣ чтенія начинаются возраженія и пренія по существу вопроса. Бесѣда ведется живо, не отклоняясь отъ предмета, и тутъ же происходитъ судъ и редакціонный приговоръ. Прочитанное въ засѣданіи обыкновенно печатается въ изданіяхъ общества: отсюда и особый интересъ засѣданій. — Въ бытность мою въ Цюрихѣ предсѣдателемъ общества состоялъ д-ръ Келлеръ, извѣстный ученому міру по своимъ трудамъ о свайныхъ постройкахъ и о періодѣ каменныхъ орудій. Изъ остальныхъ членовъ общества назову профессора Бурсіана, проф. Мейера, дѣлающихъ розысканія по римскимъ древностямъ Швейцаріи, Фегелина и Пупикофера — изслѣдователей остатковъ средневѣковой старины. Прежде од-

---

*) См. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, книга первая. Кіевъ, 1879, стр. 272.

ımъ изъ ревностныхъ членовъ общества по части средневѣ-
ювой археологіи былъ извѣстный историкъ искусства Любке.
ъ трудахъ общества принималъ участіе и знаменитый Мо-
сенъ, который вслѣдъ за Орелли, объяснилъ римскія над-
иси, найденныя въ Швейцаріи. Изъ прежнихъ членовъ просла-
ились Троіонъ и Дюбуа по объясненію каменнаго вѣка, Виссъ,
нимавшійся объясненіемъ фамильныхъ и городскихъ гербовъ,
удившійся надъ исторіей монастырей Фегелинъ и профессоръ
тмюллеръ, пояснявшій памятники словесности въ связи
ъ археологіей.

Съ 1841 года общество начало издавать свой журналъ:
litheilungen der antiquarischen Geselschaft in Zürich»—въ
дъ двѣ-три тетради in 4° съ приложеніемъ политипажей и
юмолитографій. Всѣхъ выпусковъ отъ 1841 до 1870 года
ло около 100. Кромѣ того общество издаетъ особымъ вы-
скомъ отдѣльную статью—подарокъ къ Новому году съ ро-
ошнымъ приложеніемъ. Съ 1870 года предпринято издавать
стокъ: «Anzeiger für schweizerische Alterthumskunde».

Музей общества, устроенный въ «Wasser Kirche» даетъ
ное представленіе о древностяхъ Швейцаріи. Модель свай-
й постройки и осмысленное расположеніе остатковъ камен-
го вѣка возсоздаетъ эпоху, освѣщенію которой болѣе всѣхъ
угихъ ученыхъ способствовалъ предсѣдатель общества, упо-
нутый выше д-ръ Келлеръ. Проницательность этого ученаго
ивила эпоху, о которой никто не имѣлъ понятія въ пер-
й четверти XIX-го вѣка. Открытіе свайныхъ построекъ въ
вейцаріи, хотя и находится въ связи съ открытіями, сдѣлан-
ими нѣсколько ранѣе во Франціи, при источникахъ Гардоны
въ Копенгагенѣ и Лундѣ, но тѣмъ не менѣе оно предста-
ло, такія особенности и дало такое множество новыхъ бы-
выхъ данныхъ, что имъ начинается новая эпоха въ наукѣ
доисторическихъ обитателяхъ Европы. За Келлеромъ остает-
заслуга приведенія фактовъ къ одному знаменателю; до-
дки его стали аксіомами, и цѣлый рядъ изслѣдователей
угихъ странъ подтвердилъ его открытія.

Подъ впечатлѣніемъ цюрихскаго музея, въ то время, когда
по субботамъ посѣщалъ засѣданія въ цеховомъ домѣ «zum
Vegen», три года тому назадъ, составилъ я предлагаемую

статью, къ которой присоединяю нѣсколько словъ о слѣдахъ каменнаго періода въ нашемъ отечествѣ и преимущественно на югѣ Россіи.

Еще въ прошломъ столѣтіи найдены были въ Bielersee, или lac de Brienne, каменныя орудія и при нихъ нѣсколько глиняныхъ горшковъ. На берегу Боденскаго озера найденъ былъ каменный топоръ и нѣкоторыя вещи изъ кремня. Съ удивленіемъ посмотрѣли тогда на эти вещи, подумали, погадали о ихъ значеніи и не вывели никакого заключенія. Затѣмъ въ 1830 году (слѣдовательно послѣ открытій Томсена и Нильсона) нынѣшній изслѣдователь каменнаго періода д-ръ Келлеръ замѣтилъ въ деревнѣ Меннедорфъ, на берегу Цюрихскаго озера, передъ однимъ домомъ, кучу щебня изъ ила, обугленнаго дерева и животнаго изверженія. Щебень этотъ былъ вытащенъ изъ озера, и д-ръ Келлеръ тогда же высказалъ мнѣніе, что это—остатки жизни древнѣйшихъ обитателей Гельвеціи, которые—полагалъ онъ—жили на берегу озера. Въ томъ же, 1830-мъ году, была жестокая зима, и Цюрихское озеро совершенно замерзло.

Жители деревни Оберъ-Мейленъ (неподалеку отъ Меннедорфъ, но ближе къ Цюриху) захотѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы углубить свою малую лодочную гавань. Они вырубили ледъ, который достигалъ до самаго дна, и потомъ стали выкапывать илъ, находившійся подо льдомъ. Тутъ они нашли каменные клинья, шары и одинъ удлиненный камень съ правильнымъ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ. Они принесли домой эти вещи, подивились имъ и отдали дѣтямъ на потѣху.

Двадцать четыре года спустя, въ январѣ 1854 года, воды Цюрихскаго озера пали чрезвычайно низко. Близь селенія Штефа находится довольно глубоко подъ водою камень, и на немъ есть надпись, показывающая, что въ 1674 г. вода падала до этого камня. Въ 1854 г. вода опустилась еще на футъ ниже этой помѣтки. Дно озера обнажилось на довольно большое разстояніе отъ берега. Жители захотѣли воспользоваться столь рѣдкимъ случаемъ, чтобы углубить и расширить свои гавани и отмежевать отъ озера мѣсто подъ огороды. Два землевладѣльца, въ деревнѣ Оберъ-Мейленъ, Гробъ и Ринеръ

вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими принялись за такое дѣло. Для этой цѣли они соорудили каменный четыреугольникъ и внутренность его стали наполнять грунтомъ изъ озера, сухаго по обѣимъ сторонамъ этой постройки. Работники прежде всего срыли желтовато-сѣрый слой ила въ $1^1/_2$ ф. Подъ нимъ оказался черный гнилистый слой въ $2^1/_2$ ф. глубины.

Въ этомъ-то слоѣ нашлись различныя вещи изъ камня, кости и рогу, а также нѣсколько орѣховъ, сгнившая трава и листья. При дальнѣйшей раскопкѣ найдены были толстыя деревянныя *сваи*, которыя рядами торчали изъ самаго дна озера, находившагося непосредственно подъ тѣмъ чернымъ слоемъ, гдѣ найдены упомянутыя вещи. *Сваи* эти довольно толсты отъ 8—12 дюймовъ; онѣ найдены одна отъ другой на разстояніи отъ 1 до $1^1/_2$ фут. длины. На нихъ можно разглядѣть кору; онѣ оказались весьма легкими и мягкими. На этотъ разъ жители обратили болѣе вниманія на найденные въ озерѣ предметы.

Слухъ о находкѣ дошелъ до г. Эпли, школьнаго учителя, который не замедлилъ написать объ открытіи въ Цюрихъ, къ одному изъ членовъ археологическаго общества. Черезъ четыре часа послѣ отправки письма, нѣсколько членовъ общества и президентъ его прибыли на мѣсто открытія и принялись разсматривать собранныя въ одно мѣсто находки, которыя, по объясненію Келлера, оказались сѣкирами, долотами, шилами, молотами, орудіями шитья (костяныя заостренныя иглы) и другихъ ручныхъ работъ, точильными камнями, частями оборонительнаго оружія, обломками посуды для ѣды и питья. Стало очевиднымъ, что это—остатки быта людей, не знавшихъ употребленія желѣза.

Всѣ эти найденныя въ озерѣ вещи—или по крайней мѣрѣ большая ихъ часть—были не новостью для д-ра Келлера, который нашелъ ихъ схожими съ вещами, найденными имъ въ такъ называемыхъ кельтскихъ могилахъ, а равно и съ каменными орудіями, описанными копенгагенскими археологами.

Явился вопросъ объ отношеніи этихъ доисторическихъ людей къ сваямъ, найденнымъ въ озерѣ: всѣ вещи обрѣтены на днѣ озера и на значительномъ разстояніи отъ берега, среди свай, вбитыхъ въ грунтъ правильными рядами. Тогда д-ръ

Келлеръ напомнилъ о рыбачьихъ зданіяхъ, еще въ прошломъ вѣкѣ стоявшихъ среди водъ Цюрихскаго озера. Въ подобнымъ образомъ устроенныхъ жилищахъ, не на берегу, а *на водѣ* жили и владѣтели найденныхъ вещей. Такое предположеніе оправдалось и изъ гипотезы стало очевидностью въ слѣдующее затѣмъ лѣто, послѣ открытія тѣмъ же г. Келлеромъ свайныхъ построекъ въ Билерскомъ озерѣ.—Извѣстіе о первыхъ двухъ открытіяхъ Оберъ-Мейленскомъ и Билерскомъ, переданное въ Аугсбургской Газетѣ со словъ отчета д-ра Келлера, обѣжало всѣ страны. Открытіе это возбудило интересъ къ такого рода изысканіямъ; стали появляться извѣстія о свайныхъ постройкахъ и въ другихъ странахъ стараго и новаго свѣта. Но счастливѣе другихъ странъ была Швейцарія: на ея озерахъ въ періодъ времени отъ 1854 до 1864 года найдено до 200 свайныхъ деревень съ остатками быта древнѣйшихъ ея обитателей.

Причина почему древніе обитатели Швейцаріи строили себѣ жилища на водѣ объясняется беззащитностью и робостью. Человѣкъ, не владѣвшій желѣзомъ, не наступательно, а оборонительно относился къ остальной природѣ и избѣгалъ столкновенія съ врагами и звѣрьми. Удаляясь отъ берега на 20 или 30 футовъ, человѣкъ однако не разрывалъ связи съ сушею, гдѣ обработывалъ поля, сѣялъ хлѣбъ, пасъ скотъ, отваживался на звѣриный промыселъ и хоронилъ мертвецовъ своихъ.

Поэтому то свайныя деревни были всегда соединены с берегомъ мостами. Не довѣряясь материку, человѣкъ искал себѣ покоя и защиты на лонѣ спокойныхъ водъ: тамъ жил его семья, готовилась пища, ткалась одежда, сберегался д машній скотъ. Мѣсто для свайныхъ жилищъ избиралось н премѣнно тамъ, гдѣ дно озера было илистое, и сваи мог удобно вбиваться. Мѣсто это обыкновенно обращено на п день и неподалеку—отлогій, удобный для воздѣлыванія поле для пастбищъ берегъ.

Есть любопытный примѣръ искусственнаго острова, з нившаго на этотъ разъ вколачиваніе свай. На Билер озерѣ есть мель, и на ней возвышается небольшой у сложенный изъ круглыхъ камней человѣческими руками, эти привозились на лодкахъ на это мѣсто, и на нихъ

по остаткамъ, вѣроятно была устроена маленькая свайная деревня. Есть примѣры устройства свайныхъ деревень среди болотъ точно такимъ же образомъ, какъ и на озерахъ. Эти примѣры ясно говорятъ за то, что цѣль озерныхъ жилищъ была безопасность.

При открытіи озерныхъ жилищъ въ Швейцаріи вспомнили двухъ писателей, жившихъ на разстояніи 23 вѣковъ: отца исторіи и знаменитаго мореплавателя Кука.

Геродотъ разсказываетъ такимъ образомъ о нѣкоторыхъ обитателяхъ Азіи: «Тѣ, которые жили около горы Пангэосъ, и Доберы, и Агріане и Одоманты и по озеру Празіасъ, не были покорены Мегабазомъ, хотя онъ и пробовалъ покорить и тѣхъ, которые живутъ на самомъ озерѣ. А живутъ они слѣдующимъ образомъ: въ срединѣ озера стоятъ плоты на высокихъ сваяхъ, и соединены они съ берегомъ однимъ только мостомъ. Сваи, на которыхъ плоты покоятся, устроены въ древнія времена общими силами жителей. Потомъ постановили законъ и исполняютъ его такъ: для каждой жены, которую беретъ за себя мужчина, онъ обязывается принести съ горы три сваи и утвердить ихъ. И каждый беретъ за себя многихъ женъ.—Они живутъ слѣдующимъ образомъ: каждый имѣетъ хижину, и въ ней отверстіе, такъ, что онъ, не выходя изъ хижины, можетъ ловить рыбу. Дѣтей, чтобы они не попадали въ озеро, жители привязываютъ за ногу веревкой». Затѣмъ Геродотъ разсказываетъ о томъ, какъ эти свайные народы счастливы на рыбную ловлю: стоитъ только открыть половицу и опустить въ озеро пустую корзину и черезъ малое время вытащить ее изъ воды, какъ она непремѣнно наполнится рыбою.

Такимъ точно образомъ ловится рыба, размножающаяся въ большомъ количествѣ около рыбачьихъ хижинъ, устроенныхъ на плотахъ и въ нашемъ отечествѣ; какъ напримѣръ на Уралѣ и на Свири.

Второй писатель, посѣтившій Новую Зеландію въ 1769 году, капитанъ Кукъ, рисуетъ образъ жизни ея обитателей, не знавшихъ употребленія металловъ и жившихъ на водѣ, въ свайныхъ постройкахъ. Описанные имъ каменные топоры Новозеландцевъ и украшенія изъ кости и рогу чрезвычайно схожи, судя по описанію, съ подобными вещами, найденными

въ Швейцаріи. «Не имѣя металла, они употребляютъ для топоровъ черный твердый камень, а долото дѣлаютъ изъ человѣческихъ костей и списа... Всего дороже для нихъ топоры, и они ни за что не хотѣли намъ уступить одинъ изъ нихъ. Орудія точенья и сверленья—обыкновенно изъ яспиcа—употребляются ими до тѣхъ поръ, пока не иступятся. Потомъ они ихъ выбрасываютъ какъ вещь ненужную, потому что не имѣютъ чѣмъ наточить ихъ. Мы дали имъ кусокъ стекла, и они тотчасъ нашли средство просверлить его и употребить на ожерелье... Изъ листьевъ растенія они приготовляютъ снурки и носятъ на нихъ различныя украшенія, которыя выдѣлываютъ изъ костей птицъ, изъ зеленаго талька и изъ зубовъ собаки». Въ швейцарскихъ свайныхъ древностяхъ найдено множество волчьихъ и медвѣжьихъ зубовъ, просверленныхъ для нанизыванья на снурокъ.

Такимъ образомъ ясно, что въ Швейцаріи, на ея озерахъ, жили когда то люди, стоявшіе на одной степени культуры съ дикими островитянами капитана Кука и озерными обитателями Малой Азіи, о которыхъ говоритъ Геродотъ. Римскіе писатели, говорящіе съ подробностію о Гельветахъ и описывающіе ихъ деревянные дома, ихъ земляныя укрѣпленія, засады и города, ничего не знаютъ о свайныхъ постройкахъ. Гельветы-галлы при Юліи Цезарѣ имѣли сложившійся гражданскій бытъ и владѣли желѣзомъ съ давнихъ временъ. Стоитъ вспомнить взятіе Рима галломъ Бреномъ. Галлы основались въ Европѣ гораздо ранѣе основанія Рима, и нѣтъ повода думать, что они не знали употребленія желѣза, которымъ владѣли римляне во время основанія города. Взявъ во вниманіе, что желѣзо было извѣстно историческому міру за 18 вѣковъ до христіанской эры, ученые признали древность жителей свайныхъ построекъ въ Европѣ глубоко до-историческою.—Если обитатели свайныхъ построекъ не знали желѣза, то позднѣйшимъ изъ нихъ извѣстенъ былъ другой металъ — бронза, или точнѣе, латунь: смѣсь мѣди (4 части) съ цинкомъ (1 часть). Въ Вюльфлингенѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, въ свайныхъ постройкахъ нашли форму для литья топора, а въ Билѣ половину формы для литья бронзовыхъ большихъ булавокъ и колецъ. Въ другихъ мѣстахъ найдены бронзовые

топоры, ножи, пилы, стрѣлы, копья, кинжалы, долото, бронзовая пуговица и таковой же литой гребень. Бронзовыя вещи указываютъ на то, что свайный бытъ продолжался до того времени, какъ финикіяне привезли въ Европу бронзовыя орудія. Но бронзовыхъ вещей все таки гораздо менѣе, чѣмъ каменныхъ. Первыя были рѣже и драгоцѣннѣе послѣднихъ, почему могли существовать и совмѣстно съ ними. Общій выводъ о свайныхъ народахъ тотъ, что онѣ принадлежатъ къ періоду каменныхъ орудій, но существовали и въ періодъ бронзовый и даже дожили и до знакомства съ желѣзомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ: мечи, топоры, ножи, трезубцы и нѣкоторыя другія желѣзныя вещи, найденныя въ сравнительно небольшомъ количествѣ въ свайныхъ жилищахъ. Вещи эти могли принадлежать начальникамъ племенъ и не вошли въ общее употребленіе. Серебро попалось въ швейцарскихъ свайныхъ раскопкахъ одинъ только разъ.

Свайный бытъ продолжался и въ то время, когда историческій міръ уже владѣлъ желѣзомъ. Отдѣльности и замкнутости швейцарскихъ свайниковъ содѣйствовало самое географическое положеніе среди альпійской природы. Наконецъ свайныя деревни истреблены были огнемъ и, благодаря такому исходу, дно озеръ Швейцарскихъ сохранило обугленные остатки свайнаго быта. Уголь не гніетъ—и вотъ причина, почему зерна, орѣхи, ленъ, прядильныя ткани сохранились въ теченій тысячелѣтій.

Сваи дѣлались изъ дуба, вяза, сосны и березы. Къ низу онѣ нѣсколько заострены посредствомъ каменнаго орудія и частію обожжены. Онѣ обыкновенно утверждались попарно, въ нѣсколько рядовъ. Надъ водою на сваяхъ устраивался плотъ изъ бревенъ и досокъ, промежъ которыхъ— кучи щебня, или осколки деревьевъ и мелкіе каменья. На днѣ сваи укрѣплялись большими каменьями, находимыми между ними. Для вколачиванія свай употреблялись деревянные обухи, также найденныя въ пластѣ свайныхъ остатковъ. Сваи были оплетены вѣтками для того, чтобы могли выдерживать напоръ волнъ; крайнія сваи были съ выемками для утвержденія на нихъ поперечныхъ бревенъ плота. Сваи проходили сквозь плотъ, и на нихъ же утверждались крыши хижины, для которой потребно

было отъ 4-хъ до 6-ти свай. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торфъ покрылъ свайныя постройки, необыкновенно хорошо сохранилась поверхность плотовъ: древесина и кора сохранились такъ, что можно узнать какое дерево. Изслѣдованія Келлера (Pfahlbauten) и Троіона (Habitations lacustres) дали возможность съ точностью опредѣлить способъ утвержденія свай и разстояніе ихъ между собою, а равно и установить расположеніе хижинъ на свайномъ плоту. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою въ рисункахъ и моделяхъ планъ и видъ свайной деревни.—Рядъ свай всегда находятся въ одномъ мѣстѣ въ очень большомъ количествѣ—до 30 и 40 тысячъ. У Робенгаузена ихъ насчитываютъ до 100 тысячъ. Совокупность свай па одномъ мѣстѣ представляетъ остатокъ одной деревни.

Хижины были крыты соломою и сѣномъ. Форма постройки была четыреугольная. На обугленныхъ остаткахъ крышъ можно пересчитать стебельки соломы и узлы переплета. Полъ въ хижинахъ былъ изъ мелкихъ каменьевъ, песку и глины. Въ серединѣ помѣщался большой сложенный изъ камней очагъ; тутъ семья грѣлась и готовила себѣ пищу. Стѣны были изъ жердей и плетня снаружи и изнутри облѣплены глиной. Найдены куски отвердѣлой отъ огня глины, на которыхъ ясно видны отпечатки жердей и плетня.

На плотахъ, около хижинъ свайники берегли скотъ. Это видно изъ слѣдовъ домашнихъ животныхъ, найденныхъ въ свайныхъ остаткахъ. Скотъ безъ сомнѣнія пасся на берегу, съ которымъ деревня соединена была мостомъ. Находять остатки сѣна и соломы, которыхъ запасъ какъ видно хранился въ самой деревнѣ.—Самое большое число найденныхъ костей принадлежитъ коровѣ. По изслѣдованію проф. Рютимейера это животное было довольно малорослое и близкое къ породѣ горныхъ швейцарскихъ коровъ: только рога были нѣсколько короче, чѣмъ у нынѣшнихъ горно-швейцарскихъ коровъ. За коровою слѣдуетъ коза, но овца встрѣчается рѣдко. Найдена также кость лошадей довольно рослыхъ и осла. Кость лошади отполирована и вѣроятно служила для какого либо употребленія. Кость такая могла быть вымѣнена отъ другихъ народовъ, и нельзя полагать на основаніи найденныхъ полированныхъ костей лошади, что это животное служило для

работъ и ѣзды. Кошка была домашнимъ животнымъ, но встрѣчается довольно рѣдко. За то найдено множество череповъ и костей собаки. Кости собаки и черепа ея не переломлены, и не раздавлены, что говоритъ за то, что ея не употребляли въ пищу, а держали для защиты домовъ и стадъ.—Свинья попадается только съ бронзовыми остатками, а въ первоначальный каменный періодъ она, какъ видно, не была въ числѣ домашнихъ животныхъ.

Изъ дикихъ звѣрей, за которыми свайники охотились, извѣстны по остаткамъ: медвѣдь, волкъ, кабанъ, буйволъ, лиса, олень, лань, дикая коза. Зубы медвѣдя и волка находятся просверленными и отполированными для ожерелья. Рогъ буйвола служилъ вмѣсто стакана, а переломанныя кости кабана, находимыя въ большомъ количествѣ, доказываютъ, что этотъ звѣрь служилъ часто въ пищу обитателямъ свайныхъ деревень подобно оленю, лани и другимъ копытнымъ.

Изъ птицъ попадаются остатки ястреба, копчика, утки, гуся, лебедя, журавля, орла, чайки, лысухи, голубя. Изъ произрастеній чаще всего встрѣчается пшеница и зерномъ и въ колосѣ, затѣмъ ячмень и просо. Ржи и овса не встрѣчается. Зерна мололись или давились каменьями; хлѣбъ дѣлался прѣсный; пекли его, по предположенію изслѣдователей, по комкамъ между двухъ раскаленныхъ камней. Печеный хлѣбъ попадается часто; въ одномъ мѣстѣ (Абахъ) нашли его въ количествѣ 8 фунтовъ. Хлѣбъ этотъ преимущественно изъ худо смолотой и не очищенной муки ячменной и пшеничной. Лѣсныя яблоки и груши найдены разрѣзанными на половинки и четверти. Кедровые орѣхи находятъ иногда просверленными съ низу и верху, что заставляетъ предполагать, что ихъ нанизывали на нитку. Ленъ разводился жителями свайныхъ деревень: его находятъ сырымъ въ видѣ растенія, а равно въ ниткахъ, снуркахъ, веревкахъ, въ пряжѣ и въ ткани—въ кускахъ одежды. Находятъ часто и льняное сѣмя.

Перейдемъ теперь къ одеждѣ свайныхъ жителей. Они носили грубое полотно, покрывались звѣриными шкурами и употребляли деревянныя подошвы. Полагаютъ, что мущины носили при поясѣ полотняныя сумки, куда могли складывать

мелкую добычу охоты; одна изъ таковыхъ сумокъ сохран
лась. Одежда шилась иглами изъ рыбьихъ костей и рог
ткалась на станкѣ, приготовленномъ изъ дерева и дѣйствова
шимъ при помощи каменныхъ, оттягивавшихъ пряжу шаров
Г. Пауръ — фабрикантъ въ Цюрихѣ, возпроизвелъ моде
станка, при устройствѣ котораго можно было обойтись бе
желѣза. Найденъ челночекъ для тканья, сдѣланный изъ мѣ
вѣжьяго зуба.

При шитьѣ кожаныхъ одеждъ употреблялось шило, в
дѣланное также изъ кости. Попадаются иглы изъ костей бе
ушей, но съ головкою, около которой могла быть укрѣплен
завязанная узломъ нитка. Мы уже говорили объ ожерельях
Бронзовый періодъ богатъ украшеніями женщинъ—большим
головными булавками, запястьями, носимыми на рукахъ и н
гахъ.

Вещи изъ кости и рогу разложены въ Цюрихскомъ музе
съ большою обдуманностью и системою. Вы видите иглу и
острое каменное орудіе, какимъ продѣлывались въ ней ушк
Вы видите острые изъ кремня орудія точенья и сверленья
наблюдаете прогрессъ ихъ издѣлья—отъ грубаго, неуклюжа
каменнаго ножа до отшлифованнаго съ обѣихъ сторонъ пр
порціональнаго и красиваго кинжала, или ножа съ лезвіе
и рукояткой.

Швейцарскіе остатки каменнаго вѣка представляютъ
иболѣе полную картину быта первобытныхъ обитателей
ропы. Всѣ эти каменные топоры, молоты, орудія скоблені
сверленія и проч. и проч. удивляютъ насъ уже потому,
мы не въ состояніи бы были ихъ выдѣлать безъ помощи с
ныхъ машинъ. Тысячи лѣтъ протекли, пока человѣкъ не
решелъ отъ древнѣйшей эпохи къ позднѣйшей, отъ перв
ныхъ каменныхъ орудій къ отполированной стрѣлѣ съ
комъ, къ гладенькому отесанному гарпуну и къ другим
щамъ, которыя выдѣлывались острою каменною пилою
кояткою. Я уже назвалъ выше рядъ предметовъ то
замысловатыхъ, обрисовывающихъ бытъ обитателей
построекъ. Прибавлю къ этому еще общее предста
керамикѣ. Глиняные горшки разнообразныхъ, а
красивыхъ формъ, украшены узорами, нацарапанн

верхности, или вдавленными въ сырую глину прежде обжиганія. Узоры составлены изъ линій и точекъ, разнообразно расположенныхъ въ симметрическихъ концепціяхъ. Въ иные узоры входятъ группы вдавленныхъ треугольниковъ. Геометрическая правильность ихъ иногда напоминаетъ ткань паука *).

Недавно въ Эставайерѣ (Фрибургскаго кантона) нашли глиняные горшки, съ маленькимъ отверстіемъ въ нижней части, предназначенные для кормленія грудныхъ младенцовъ и притомъ еще и дѣтскую каменную ложечку. Тамъ же найдена бронзовая булавка съ головкой изъ оленьяго рога и крючокъ для вытаскиванья рыбы. Но, не увлекаясь свѣдѣніями о множествѣ предметовъ, оставившихъ впечатлѣніе, я перейду теперь къ общему опредѣленію, къ установившемуся въ наукѣ взгляду на остатки свайныхъ построекъ въ Швейцаріи. Прежде швейцарскихъ открытій главный матеріалъ для каменнаго вѣка дала Швеція и Данія. Томсенъ въ Копенгагенѣ и Нильсонъ въ Лундѣ первые, почти одновременно, пролили свѣтъ на періоды, названные вѣками каменнымъ, бронзовымъ и желѣзнымъ. Послѣ швейцарскихъ открытій ученая работа какъ археологовъ, такъ и естествоиспытателей надъ каменнымъ вѣкомъ привела къ раздѣленію его на двѣ эпохи: древнѣйшую палеолитовую, или делювіальную и позднѣйшую—неолитовую. Въ древнѣйшую эпоху европейскій человѣкъ жилъ одновре-

---

*) Въ послѣднее время изображенія человѣка, звѣрей, рыбъ и змѣй найдены на каменныхъ и роговыхъ предметахъ первоначальнаго делювіальнаго періода. Эти изображенія – иногда на мамонтовой кости, на зубѣ мамонта—своимъ относительнымъ совершенствомъ возбудили сомнѣнія. Открытыя преимущественно въ южной Франціи, у подошвы Пиринеевъ и въ Швейцаріи — они были систематизированы и пояснены французскимъ ученымъ Піэтомъ (Piette). Мы видѣли ихъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 года. На атропологическомъ конгрессѣ въ Констанцѣ въ 1857 году надъ этими предметами былъ произнесенъ ученый судъ, и они были неопровержимо отнесены къ первобытному, древнѣйшему періоду каменнаго вѣка. Послѣ того были найдены фигурки—пластическія изображенія изъ мамонтовой кости. Эти, еще болѣе поразительные проблески человѣческаго творчества древнѣйшей эпохи, находятся въ Британскомъ музеѣ, въ Парижѣ и въ провинціальныхъ музеяхъ. Пластическія изображенія (лежачаго оленя, мамонта), не смотря на ихъ схватывающее природу достоинство, признаны болѣе древними, чѣмъ рельефные и начертанные рисунки на кости и камнѣ, (въ нихъ изображенія человѣка болѣе древнія, чѣмъ изображенія животныхъ) а послѣднія болѣе древними, чѣмъ геометрическіе, украшающіе поверхность каменныхъ и роговыхъ предметовъ, узоры. (Piette: Anthropolie t. V. IX. Paris 1894—98. Hoernes: Urgeschichte der Menscheit. Stuttgart 1895.

(1901 г.).

менно съ мамонтомъ. За періодомъ мамонта, наступаетъ періодъ сѣвернаго оленя, густо населявшаго Европу къ сѣверу отъ Пиринеевъ (Dupont: Les tems préhistoriques en Belgique. L'homme pendant les âges de la pierre e. t. c. Bruxelle. 1875).

Жилье была пещера, естественная берлога, а иногда сооруженіе на вѣтвяхъ дерева, какъ бы гнѣздо. Человѣкъ былъ звѣроловомъ и рыболовомъ и не зналъ посѣва хлѣбныхъ злаковъ. Одежда состояла изъ звѣриной шкуры, а части ея связывались полосами той же шкуры, жилами и кишками. Украшенія были: камушки, кости, рогъ и древесная кора. Собака не была спутникомъ человѣка, и не было и домашнихъ животныхъ.

Вторая эпоха—неолитовая—эпоха полированныхъ каменныхъ орудій, керамики, посѣва, домашнихъ животныхъ. Этой эпохѣ принадлежатъ обитатели свайныхъ построекъ, сложенныхъ изъ большихъ камней жилищъ (дольмены), и наконецъ устроенныхъ въ сыпучемъ или известковомъ грунтѣ пещеръ.

Интересъ къ доисторическому періоду жизни въ Россіи былъ возбужденъ у насъ статьею академика Бэра: «О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ», въ приложеніи къ академическому мѣсяцеслову 1864 года. Статья эта знакомитъ читателя съ ходомъ открытій и изслѣдованій по древностямъ каменнаго вѣка съ полнотою и обстоятельностью. Здѣсь находятся указанія на слѣды каменныхъ орудій въ разныхъ мѣстахъ Россіи—въ Лифляндіи и Эстляндіи, въ Перми и Сибири—до такъ называемыхъ Чудскихъ могилъ; въ Литвѣ *), въ губерніяхъ Нижегородской, Кіевской и Екатеринославской и наконецъ въ Финляндіи близь Бьернборга, гдѣ былъ найденъ каменный отшлифованный ножъ—одно изъ перваго открытій, произведшее въ свое время впечатлѣніе на Копенгагенскихъ археологовъ—основателей науки о каменномъ періодѣ.

Ранѣе статьи Бэра нѣкоторые предметы каменнаго періода, найденные въ Россіи, были описаны въ Извѣстіяхъ Импер. Археологическаго Общества г. Лерхомъ. Археологическая Коммисія, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, издала

*) Коллекціи графа Тышкевича установили ясное представленіе о каменномъ вѣкѣ собственно въ Литвѣ.

подробные отчеты о разрываемыхъ курганахъ. Записки Географическаго Общества описали богатое открытіе, сдѣланное въ Вятской губерніи.—Послѣ статьи акад. Бэра появился капитальный трудъ графа Уварова: «Каменный періодъ», а затѣмъ профессора Иностранцева. «Доисторическій человѣкъ». Литература по этому предмету обогатилась многими статьями, донесеніями объ открытіяхъ на съѣздахъ и засѣданіяхъ археологическихъ обществъ.

Бэръ упоминаетъ о коллекціяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи; то были тогда: собраніе Олонецкихъ находокъ Бутенева, коллекція Императорской Академіи наукъ и небольшое собраніе при Имп. Географическомъ Обществѣ. Мы можемъ прибавить къ этому перечню находки графа А. С. Уварова и то, что хранится въ музеѣ нашего Университета *).

Для знакомства съ каменнымъ періодомъ у насъ остается много потрудиться—говоритъ академикъ Бэръ. При этомъ онъ дѣлаетъ выводъ, что большая часть каменныхъ орудій русской почвы принадлежитъ ко второй эпохѣ — эпохѣ отполированныхъ орудій. Это главнымъ образомъ относится къ находкамъ нашего сѣвера. На югѣ Россіи, не смотря на преобладающее количество предметовъ позднѣйшей эпохи, въ мѣстностяхъ мѣловой формаціи, попадаются и орудія древнѣйшей эпохи.

---

*) Нынѣ собраніе памятниковъ каменнаго періода въ Имп. Россійскомъ историческомъ музеѣ въ Москвѣ превосходитъ по количеству все то, о чемъ упоминалъ акад. Бэръ. Къ 1883 году тамъ уже размѣщено было, въ залѣ Второй, 1717 предметовъ съ обозначеніемъ мѣста ихъ находки, что особенно важно. Сверхъ того, Первая зала посвящена памятникамъ Азіатской Россіи, и для сравненія, каменнымъ орудіямъ изъ другихъ азіатскихъ странъ. Въ музеѣ представлены въ памятникахъ каменнаго вѣка не только средняя Россія, но и ея окраины по берегамъ Балтійскаго, Бѣлаго и Чернаго морей, а также Кавказъ, Сибирь и Туркестанъ. Сюда поступила (въ даръ) коллекція князя А. П. Путятина и нѣсколько богатѣйшихъ коллекцій изъ раскопокъ графа А. С. Уварова.

Вторая зала украшена фризомъ, писаннымъ В. М. Васнецовымъ и представляющимъ бытъ людей каменнаго періода. Одни шьютъ, другіе обиваютъ орудія изъ камня или лѣпятъ горшки, третьи варятъ пищу. Затѣмъ, приготовившись къ охотѣ и къ ловлѣ рыбы, обитатели пещеръ въ челнокахъ отправляются за добычей; наконецъ, поймавъ въ ямѣ мамонта, они убиваютъ его камнями (*см. Указатель къ первымъ десяти заламъ. Москва 1883 г.*). Образцы гончарныхъ издѣлій дали мотивъ для карнизовъ и наличниковъ залы. Въ дверяхъ—гончарный валикъ по рисунку сосудовъ, найденныхъ въ Кѣлецкой губерніи. Половая мозаика изъ двухъ цвѣтовъ, по рисунку издѣлій, найденныхъ у деревни Волосова, на берегу Оки (Уваровъ. Таб. 20 и 24). На наличникахъ оконъ сгруппированы: каменные молоты, наконечники стрѣлъ и копій и глиняные сосуды по образцамъ.

На сѣверѣ каменный вѣкъ продолжался долго, и инородцы Сибири познакомились съ желѣзомъ на памяти исторіи. На югѣ Россіи онъ исчезъ гораздо ранѣе. Геродотовы Скиѳы пахали землю плугомъ. Въ Московскомъ археологическомъ журналѣ г. Ревякинъ высказываетъ особое мнѣніе о каменныхъ орудіяхъ южной Россіи. Обративъ вниманіе на нѣсколько отполированныхъ каменныхъ предметовъ, онъ полагаетъ, что они употреблялись во времена Скиѳовъ рядомъ съ плугомъ для иныхъ работъ, какъ то: для прибиванія гвоздей и свай или употреблялись какъ заповѣдная и таинственная старина при богослуженіи.

Но тутъ напрашивается примѣръ изъ Швейцаріи. На берегу Женевскаго озера между Кларапомъ и Вильневъ, проводя желѣзную дорогу, прорыли холмъ, состоявшій изъ наносныхъ слоевъ. Въ четырехъ футахъ отъ поверхности встрѣтили параллельный съ ней толстый слой чернозема толщиною въ нѣсколько дюймовъ. Въ этомъ слоѣ на пространствѣ 15,000 квадратныхъ футовъ найдены были куски кирпича и монеты римскія. Но глубже на 10 футовъ открытъ былъ еще новый слой, и въ немъ нѣсколько горшковъ, бронзовый топоръ, сѣчка и вылитая изъ бронзы шпилька. На 19 футовъ глубже оказался третій культурный слой въ 6 и 7 дюймовъ толщиною—и въ немъ: уголь, разбитыя кости животныхъ и скелетъ человѣка. Такимъ образомъ римляне селились на мѣстахъ, съ глубокой древности обитаемыхъ. Это подтверждается многими подобными фактами. Цюрихъ, гдѣ было извѣстное римское поселеніе, хранитъ въ почвѣ своей остатки глубочайшей древности. На его доступныхъ и удобныхъ для всхода горахъ и по берегу озера находятъ остатки языческихъ кельтовъ, и наконецъ тамъ же отыскались остатки каменнаго періода.

Также и въ здѣшнемъ краѣ, (на югѣ Россіи) нѣкоторыя самой природою удобно устроенныя мѣстности сохранили слѣды жизни народовъ разныхъ періодовъ.

Во 18 верстахъ отъ Звенигородки, въ имѣніи г. Люпенка, нашлись замѣчательные остатки греко-скиѳскихъ древностей и также попались и каменные молоты.

Въ Каневѣ М. А. Максимовичъ собралъ свою коллекцію стрѣлъ, относящихся къ желѣзному и бронзовому вѣкамъ и между

прочимъ напалъ на каменныя стрѣлы. Дно Днѣпра и его прибрежье хранитъ въ себѣ остатки жизни доисторическихъ народовъ, а за ними уже слѣды скиѳовъ, вещи и монеты арабскія, и наконецъ и древне-русскіе клады.

Что касается до свайныхъ построекъ, то и ихъ надо предполагать на Руси. У насъ существуетъ повѣрье о нѣкоторыхъ озерахъ—будто бы они имѣютъ подземные ходы (попырь). Основаніемъ къ тому служитъ то обстоятельство, что со дна ихъ выплывали доски въ родѣ барочныхъ или карабельныхъ. Народъ говоритъ, что доски эти заносятся изъ моря попыремъ т. е. подземнымъ ходомъ. Въ Сѣвскомъ уѣздѣ есть озеро Бартынь, изъ котораго вытаскивали доски съ странными мѣдными т. е. бронзовыми гвоздями.

Но люди каменнаго вѣка жили и въ пещерахъ. Открытіе пещеръ при устьѣ Гарроны представило богатые количествомъ и значеніемъ слѣды каменнаго вѣка.

Ближнія и въ особенности Дальнія пещеры наши никакъ не есть дѣло трудовъ иноковъ. Въ самомъ древнѣйшемъ извѣстіи о св. Антоніи и Иларіонѣ (первымъ насельникѣ пещеръ) говорится о Варяжской, уже готовой, пещерѣ и о томъ, что Иларіонъ, когда былъ въ одиночествѣ, прокопалъ пещеру *малу, двусажену*. Обитель Печерская въ самомъ своемъ началѣ воспользовалась пещерами; въ одной изъ нихъ устроили церковь, а потомъ въ пещеры удалялись нѣкоторые подвижники и обратили ихъ въ общую усыпальницу. О трудахъ иноковъ по прорытію пространныхъ пещеръ нигдѣ въ древнѣйшемъ патерикѣ и не упоминается, даже при исчисленіи монашескихъ трудовъ и подвиговъ. Глухая отдаленная часть Дальнихъ пещеръ совсѣмъ не отмѣчена никакимъ историческимъ воспоминаніемъ и мѣста погребенія не дошли до нея.

Но не однѣ только пещеры нашей лавры находятся на берегу Днѣпра. Слѣды ихъ—около древне-Кирилловской обители и на Вышгородѣ и по другимъ высотамъ Днѣпровскаго прибрежья. Будущія изслѣдованія и вниманіе къ наукѣ о вѣкахъ желѣзномъ, бронзовомъ и каменномъ несомнѣнно откроютъ намъ остатки до-историческаго человѣка въ глубинѣ нашихъ, пока невѣдомыхъ, пещеръ.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія, что приложенная къ мѣсяцеслову и напечатанная мелкимъ шрифтомъ статья академика Бэра — вотъ уже девять лѣтъ, — не перепечатана и не распространена въ публикѣ. Она еще долго не устарѣетъ.....

Этимъ чаяніямъ пришлось сбыться вскорѣ. Въ книгѣ первой Чтеній въ историч. Обществѣ Нестора лѣтописца (Кіевъ 1879) помѣщенъ докладъ В. Б. Антоновича о 45 пещерахъ вдоль по теченію Днѣпра (около 100 верстъ). Геологическія данныя о формаціи холмовъ, заключающихъ въ себѣ пещеры и о слояхъ делювіальнаго наноса были сообщены г. Антоновичу профессоромъ А. С. Роговичемъ. О нѣкоторыхъ пещерахъ проф. Антоновичъ только собралъ свѣдѣнія, другія же, частію расчищенныя кладоискателями, частію заваленныя горными кучами, сохранили, по его свидѣтельству, бытовые древніе остатки, преимущественно такъ называемые кухонные: кости млекопитающихъ (лошади, свиньи и быка) и рыбъ. Изломы костей неправильны и произошли отъ раздробленія ихъ ударами большихъ камней. Кромѣ того нашлись (въ пещерѣ у Кирилловскаго монастыря) осколки глиняныхъ сосудовъ и каменныя орудія (стр. 245—250 упомянутой книги Чтеній).

Въ томъ-же Обществѣ Нестора, гдѣ читанъ былъ нашъ рефератъ, черезъ три года (19 Декабря 1876 г.) Д. Чл. А. А. Котляревскій прочелъ поминку о скончавшемся академикѣ К. М. Бэрѣ, гдѣ, при исчисленіи трудовъ этого ученаго, остановился на статьяхъ о древнѣйшемъ состояніи человѣка въ Европѣ: *Статьи эти другъ друга взаимно пополняютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ досель лучшимъ популярнымъ изложеніемъ предмета; лучшимъ уже и потому, что въ нихъ принятъ во вниманіе богатый матеріалъ, доставляемый Русской землей.*

Бѣлгородка и найденный въ ней змѣевикъ *).

Въ 19-ти верстахъ отъ Кіева, по прямому направленію на западъ, въ пяти верстахъ отъ Кіево-Житомірскаго шоссе, находится мѣстечко Бѣлгородка, расположенное на правомъ, весьма крутомъ въ этомъ мѣстѣ, берегу рѣки Ирпени, впадающей въ Днѣпръ нѣсколько выше предмѣстья Куреневки.

Еще Карамзинъ указалъ въ Бѣлгородкѣ древній Владиміровъ Бѣлгородъ, хотя и назвалъ ошибочно Ирпень «Рупенью» (Ист. Гос. Рос. I, 123 и пр. 468). Любимый городъ Св. Владиміра игралъ видную роль въ теченіи цѣлыхъ двухъ столѣтій. Епископскій столъ былъ учрежденъ въ Бѣлгородѣ одновременно со введеніемъ въ Россіи христіанства. Лѣтопись XI-го столѣтія сохранила имена Бѣлгородскихъ епископовъ при описаніи Кіевскихъ церковныхъ торжествъ. Десять таковыхъ именъ и донынѣ поминаются на проскомидіи каждой литургіи въ убогой Бѣлгородской церкви. Въ XII-омъ столѣтіи Бѣлгородъ давался въ удѣлъ князю, предназначавшемуся на великое княженіе Кіевское. Судьба Кіева часто зависѣла отъ «крѣпкаго» Бѣлгорода, какимъ называетъ его Карамзинъ. За то не мало осадъ выдержалъ Бѣлгородъ въ эпоху междоусобныхъ войнъ за золотой столъ Кіевскій. Великій князь Рюрикъ Ростиславичъ особенно любилъ Бѣлгородъ; онъ посадилъ тамъ старшаго своего сына Ростислава и соорудилъ каменный храмъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Епископомъ въ Бѣлгородъ онъ поставилъ своего духовника, игумена Выдубецкаго Адріана. При этомъ же великомъ князѣ совершилось въ Бѣлгородѣ бракосочетаніе его сына, Ростислава, съ знатной невѣстой сѣвера, Верхуславой, дочерью Всеволода—Большое

*) Докладъ въ Истор. Общества Нестора лѣтописца 11 Сентября 1877 года. Напечатано въ книгѣ первой чтеній этого Общества въ 1879 году.

Гнѣздо. Епископъ Максимъ съ Софійскими попами вѣнчалъ Ростислава въ церкви св. Апостоловъ.

Нынѣ въ Бѣлгородкѣ находится только одна церковь Воскресенія— деревянная, недавней постройки. Однакоже память о другихъ церквахъ, когда-то бывшихъ въ Бѣлгородѣ, еще сохранилась у мѣстныхъ жителей. Такъ одинъ пустынный холмъ зовется горбомъ св. Николая, а на то мѣсто, гдѣ древле была церковь св. Апостоловъ, ежегодно ходятъ святить вербу, не смотря на дальнее разстояніе отъ нынѣ существующей церкви.

Со стороны Кіева Бѣлгородку окружаютъ валы. Земляныя ворота и рвы сохранились со всею отчетливостію плана древнихъ укрѣпленій. Около нынѣшней церкви находится внутренній валъ съ весьма глубокимъ рвомъ, окружавшій въ древности княжій дворъ съ южной и восточной стороны. Подъ нетолстымъ слоемъ земли, поросшей травой, видна правильная кладка изъ дубоваго сруба, укрѣплявшаго насыпь.

Во многихъ мѣстахъ Бѣлгородки находятъ изразцы бѣлой межигорской глины и красной туземной. Попадаются изразцы съ узорами древняго стиля, а иногда и покрытые кафельною глазурью съ узоромъ. На западъ отъ церкви, какъ на западъ и отъ всей Бѣлгородки, нѣтъ ни валовъ, ни рвовъ. По крутому берегу Ирпени тянулась городская каменная стѣна, и она то и славилась своею крѣпостью.

Нынѣ по окраинѣ горы, возвышающейся надъ Ирпенью, идутъ огороды—и вотъ въ одномъ изъ нихъ, 11 іюня сего года, найдена была, превосходно сохранившаяся золотая медаль съ ушкомъ, подобная такъ называемой Черниговской медали. Подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нашлась медаль, на полтора аршина глубины найдено множество обломковъ и цѣлыхъ кусковъ кирпича—очевидные остатки городской стѣны. Среди нихъ попались и узорные изразцы; не мало и костей человѣческихъ и угля.

Найденная медаль имѣетъ съ лицевой стороны изображеніе Пресвятой Богородицы съ Младенцемъ на правой рукѣ. Около изображенія вокругъ находится, вырѣзанная внутрь, греческая надпись—сходная съ греческою непонятною надписью такъ называемой Черниговской медали:

ΥCΙΕΡΑΜΕΛΑΛΗΜΕΛΗΟCΟΦΗΕΗΝΗΕΚΕΟCΛΕCΝζΡΥΧΑ+

Вокругъ первой надписи—другая, тоже греческая, состоитъ изъ понятныхъ молитвенныхъ воззванiй и частiю изъ сокращенныхъ и неудобно разумѣваемыхъ словъ: ΘΚΕΦΡΟVΡΗΦVΛΑΤ ΤΕ ΩΠΟΦΩΚΤΙΕΑΗΝΩΛΗΗΗ ✝ На оборотной сторонѣ отчеканено гораздо рельефнѣе, чѣмъ на лицевой, изображенiе головы въ шлемѣ, окруженной 12-ти головымъ змѣемъ. Вокругъ надпись, какъ на Черниговской медали, съ малымъ отличiемъ: ΑΓΙΟΣΑΓΙΟΣΑΓΙΟΣΚΙΥΣΑΒΑΟΘΟΠΛΗΡΗΣȢΡΑΝΟΧ ✝

Вѣсъ медали 14 золотниковъ 87 долей.

Прилагаемъ при семъ обязательно сообщенное намъ знатокомъ древностей, преосвященнымъ епископомъ Порфирiемъ чтенiе и переводъ греческихъ надписей нашей находки.

А) На лицевой сторонѣ.

Κύριε φρούρη φύλαττε απφῶ
Господи обереги сохрани имя рекъ.
κτησάμενον ἀμήν
прiобрѣтшаго Аминь.
(привѣску, домъ, имѣнiе.)

В) На той же сторонѣ.

εἶς ἱερὰ μεδαντημήνη ὦ Σοφίη
Ты еси священная владычествующая о мудросте
ἡνιε καί ὡς δέσις βρόχα
обузданiе и яко сращенiе союзъ.

То есть:

О мудрость, священная, владычествующая, Ты, еси обузданiе, сращенiе и союзъ.

Догадываюсь, что привѣску съ такою надписью покупали женщины, испрашивавшiя у Богоматери обузданiя страстей и твердаго союза супружескаго.

Богоматерь вычеканена съ младенцемъ, яко Вседержителемъ.

На оборотной сторонѣ.

ἅγιος ἅγιος ἅγιος κύριος
Святъ святъ святъ Господь
Σαβαοθ πληρης οὐρανός
Саваоѳъ исполнь небо.

Эту пѣснь поютъ Серафимы, представленные въ видѣ змѣй. Въ серединѣ—Бога Саваоѳъ. У него волосы на головѣ и въ бородѣ пригладились отъ тренія такъ, что раздѣльностей волосинокъ не видать.

Добавленіе (1901 г.).

Мнѣніе проф. Дестуниса и В. А. Прохорова. Мнѣніе о чтеніи преосв. Порфирія было высказано въ изслѣдованіи «о змѣевикахъ» Прохорова, изданномъ Имп. Археологическимъ Общ̂ествомъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1878 году. Чтеніе надписи было признано неудовлетворительнымъ, или скорѣе, не вполнѣ доказательнымъ. Г. Прохоровъ не соглашается съ тѣмъ, что можно въ ѠПОФѠКТІЄ находить смыслъ: «пріобрѣтшаго сію» (вещь). По мнѣнію его, пріобрѣтеніе не могло считаться добродѣтелью, заслуживающею отъ Бога особой защиты. Да и пріобрѣсти т. е. купить, едва ли было можно, потому что подобныя бляхи не составляли товара, а производились мастерами по особымъ заказамъ. Проф. Дестунисъ въ вышеупомянутомъ греческомъ реченіи находитъ гадательно глаголъ ὀποφωκτίζε въ повелительной формѣ. Въ такомъ случаѣ надпись означала бы: Богоматерь (ΘΚЄ т. е. ΘЄΟΤΌΧЄ) стреги, храни, свѣти т. е. храни посредствомъ агнца (ἀμνῷ). Прочитать вторую надпись такъ какъ прочиталъ ее преосв. Порфирій—г. Прохоровъ не соглашается прежде чѣмъ будетъ сдѣланъ тщательный разборъ всѣхъ типовъ ея, въ которыхъ представляются разности, поставляющія отрывки полнаго первоначальнаго текста.

Опредѣленіе Бѣлгородской находки графомъ И. И. Толстымъ и Н. П. Кондаковымъ. Въ пятомъ выпускѣ «Русскихъ Древностей» на стр. 162 въ текстѣ изображена наша находка и тутъ же окрещена названіемъ «Бѣлгородскаго змѣевика». Бѣлгородскій змѣевикъ поставленъ рядомъ съ великолѣпнымъ экземпляромъ черниговскаго змѣевика и признанъ произведеніемъ чисто греческой работы. «Любопытно» говоритъ авторъ описанія змѣевиковъ, «что точная, и

грубая очевидно русская копія съ Бѣлгородскаго змѣевика, съ перепутанными греческими надписями, найдена въ 1887 году въ Смоленскѣ. Прибавимъ къ этому еще выдержку къ той же страницѣ: «Змѣевики—продуктъ, византійскаго суевѣрія, проникшаго въ родню одновременно съ христіанскою вѣрою или вскорѣ послѣ ея введенія. Употреблялись они въ качествѣ филактерій или амулетовъ противъ болѣзней. Это документально доказывается между прочимъ, кромѣ заклинательной молитвы, начертанной на многихъ змѣевикахъ, однимъ позднимъ, но копирующимъ старый образецъ мѣднымъ экземпляромъ, гдѣ голова, окруженная змѣями, снабжена четырьмя рускими буквами дъна «Дъна»—это нутро человѣка, которое является причиною всѣхъ недомоганій и болѣзней. Такимъ образомъ змѣевики являлись суевѣрнымъ средствомъ противъ всякой немочи безразлично у женщины или у мужчины, что объясняетъ присутствіе не только женскихъ, но на иныхъ экземплярахъ у мужскихъ именъ.

Изданія Бѣлгородскаго змѣевика. Онъ былъ изданъ четыре раза. Первый разъ отдѣльно и въ Извѣстіяхъ Импер. Археологическаго Общества, въ С.-Петербургѣ, въ 1878 году. Къ этому изданію присоединенъ также снимокъ съ найденныхъ мною въ Бѣлгородкѣ фрагментовъ съ кирпичей. Второй разъ Бѣлгородскій змѣевикъ былъ изданъ въ таблицѣ змѣевиковъ при изданіи изслѣдованія Прохорова тѣмъ же Археологическимъ Обществомъ, въ 1878 году. Въ третій разъ, вмѣстѣ съ фрагментами бѣлгородскихъ кирпичей въ первой книгѣ Чтеній Ист. Общ. Нестора лѣтописца при моемъ докладѣ—Кіевъ, 1879 г. Въ четвертый разъ изданъ въ текстѣ выпуска пятаго «Русскихъ Древностей въ памятникахъ искусства», издаваемыхъ графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, С.-Петербургъ, 1897 г.

Судьба находки. Въ 1877 году я нанималъ дачу въ Петрушкахъ, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлгородки. Мѣстность древняго Бѣлгорода привлекла мое вниманіе. Познакомившись съ мѣстнымъ священникомъ, я въ первый же пріѣздъ мой въ Бѣлгородку, узналъ отъ него, что нѣсколько дней тому назадъ, при копаніи гря ъ, найдена золотая иконка. Найдена она была женщиною, которая уже продавала ее жиду, однако

же до окончательной продажи она понесла показать священнику, который и пріобрѣлъ у нея находку за 40 рублей. Почтенный іерей охотно показалъ мнѣ вещь эту и предлагалъ купить у него. Сходство съ извѣстной мнѣ Черниговскою медалью—змѣевикомъ поразила меня, и я охотно купилъ ее за 100 рублей. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ погостить В. Д. Полѣновъ, шуринъ мой, который и сдѣлалъ точный рисунокъ съ медали, а равно и съ фрагментовъ, частію найденныхъ мною, частію сберегавшихся у священника, узорныхъ кирпичей. Послѣ моего реферата въ Обществѣ Нестора, я, какъ членъ Имп. Археологическаго Общества сообщилъ туда для изданія рисунокъ медали; а также и слѣпокъ съ нея и рисунки кирпичей, что и было издано этимъ Обществомъ. Юное, только что открытое, Общество Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, тогда еще не имѣло своихъ изданій. Въ Петербургѣ, куда я привезъ бѣлгородскую находку, вошелъ я въ сношеніе съ Императорскимъ Эрмитажемъ, желая помѣстить мой экземпляръ въ сосѣдство съ подобнымъ ему Черниговскимъ змѣевикомъ. Отъ 27 Ноября 1878 года я получилъ официіальное увѣдомленіе отъ Министерства Императорскаго Двора, за № 3648, что Господинъ Министръ Императорскаго Двора разрѣшилъ Императорскому Эрмитажу пріобрѣсти отъ меня древнюю золотую медаль. Нынѣ эта медаль хранится рядомъ съ Черниговскою.—Фрагменты кирпичей были переданы черезъ посредство В. Д. Полѣнова въ Россійскій Императорскій музей въ Москвѣ.

Другая находка въ Бѣлгородкѣ. Черезъ восемь съ небольшимъ лѣтъ, въ домъ того же священника принесенъ былъ перстень золотой, съ яшмой въ серединѣ его, золотая монета греческая и два обломка золотой серьги. Вещи эти были найдены вмѣстѣ, въ глиняномъ маломъ сосудѣ, или горшечкѣ, къ сожалѣнію не сохранившемся. Монета оказалась отлично сохранившимся экземпляромъ златицы Романа Аргира, царствовавшаго въ Византіи отъ 1028 до 1034 года. Перстень формою схожъ съ греческими перстнями керченскихъ раскопокъ, серьги того же типа, что серьги найденныя въ основаніи Десятинной церкви.—Эти три вещи находятся и донынѣ у меня.

О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстаго *).

Въ Обществѣ Нестора до сихъ поръ не было чтеній, относящихся до современной русской литературы. Сегодня мы помянемъ преждевременно скончавшаго 28 сентября творца поэтическихъ произведеній, заимствованныхъ изъ русской исторіи. Смерть графа Алексѣя Константиновича Толстаго вызвала литературныя поминки въ послѣдней книгѣ «Вѣстника Европы», за тѣмъ раздалась рѣчь проф. Д. Ѳ. Миллера—и въ слѣдъ за нею отзывы въ газетахъ объ этой самой рѣчи. Вспоминая заслуги поэта нѣсколько апологически, мы не можемъ въ краткомъ докладѣ исчерпать содержаніе произведеній почившаго поэта. Наше слово будетъ припоминаніемъ, преимущественно перелистываніемъ собранія его стихотвореній, отданіемъ нашего сочувствія его духу и направленію.

Біографія поэта кратко и отчетливо пересказана имъ самимъ въ письмѣ къ флорентинскому профессору—де Губернатисъ, намѣревавшемуся въ прошломъ году читать лекцію о драмахъ нашего поэта. И это то письмо, или авторская исповѣдь, помѣщена въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы». Припомнимъ главные факты изъ жизни поэта:

Онъ росъ въ деревнѣ своей, Черниговской губерніи, при матери и братѣ ея, Алексѣѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ, когдато извѣстномъ въ литературѣ подъ именемъ Погорѣльскаго. Любовь къ родной Малороссіи запечатлѣлась на мотивъ стихотворенія Гете: Kennst du das Land wo die Citronen blühen:

---

*) Читано въ общемъ засѣданіи общества Нестора Лѣтописца 14 декабря 1875 г. Напечатано въ Кіевлянинѣ 9 янв. 1876 года.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...

И въ концѣ:

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь костей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной,
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной

«Съ шестилѣтняго возраста—пишетъ самъ поэтъ —
чалъ марать бумагу и писать стихи—такъ мое вообр
поражено было произведеніями нашихъ лучшихъ поэтов
денными мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ. Скоро я
всю книгу наизусть: я упивался музыкою разнообр
ритмовъ и усвоивалъ себѣ ихъ технику. Какъ ни бы
лѣпы мои первые опыты, я долженъ однако сказать,
метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я прод
учиться такимъ образомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ,
вился въ печати только въ 1842 году, когда я дебюти
не стихами, но нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 185
я отдалъ въ различные журналы («Современникъ», «Р
Бесѣда») въ первый разъ мои эпическія и лирическія
творенія, а позже я помѣщалъ ихъ ежегодно въ «Вѣ
Европы» или въ «Русскомъ Вѣстникѣ».—Одиннадцат
графъ Алексѣй Константиновичъ былъ представленъ ко
Близость его къ царской фамиліи имѣетъ то особое з
для объясненія его характера, что онъ не заразился н
славіемъ, ни честолюбіемъ. Въ 1855 году онъ поступ
стрѣлки Императорской фамиліи, въ коронацію получилъ
флигель-адъютанта, но вскорѣ самъ просилъ Государя у
его отъ военной службы, и относительно скромнымъ пр
нымъ званіемъ ограничилась его служебная карьера на

Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
Глаголомъ вольнымъ Бога славить,

Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружинъ
Иные слышатся мнѣ звуки—
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ...
О отпусти меня, Калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

Эти слова, въ одномъ изъ безспорно лучшихъ произведеній поэта: «Іоаннъ Дамаскинъ», какъ нельзя лучше относятся къ самому поэту *). Тотъ же смыслъ отреченія скрывается въ разговорѣ Садка съ водянымъ царемъ:

Ты въ думѣ пригоденъ какъ разъ засѣдать,
Твою же прославлю я долю,
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непремѣнно изволю.
—Ты гой еси, царь-государь водяной!
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостоинъ морской,
Ужь очень къ землѣ я привязанъ.
Богатствомъ своимъ ты меня не держи,
Всѣ бъ роскоши эти и нѣги—
Я бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги.

Общественное положеніе и обезпеченное состояніе графа Толстаго, при самовольномъ отреченіи отъ почестей, открывали свободный путь къ вдохновенію. Въ литературныхъ кружкахъ другія страсти могли охватить его, но и тутъ онъ остался самимъ собою. Многое въ поэтѣ окрѣпло и выработалось въ раздольѣ и привольѣ русской лѣсной и степной природы, на

*) О. Ѳ. Миллеръ, указывая на это и еще на другое мѣсто въ произведеніяхъ Толстаго, по поводу стиховъ: «иные слышатся мнѣ звуки, неодолимый ихъ призывъ къ себѣ меня влечетъ все болѣ»—совершенно справедливо замѣчаетъ, что однимъ изъ двигателей покойнаго поэта было наслажденіе своимъ творчествомъ. Не хотѣлось бы видѣть въ этомъ хотя бы и легкаго укора. Наслажденіе въ трудѣ и въ творчествѣ есть самая законная награда труженику и поэту. Утилитаризмъ безжалостнымъ образомъ хотѣлъ бы посчитаться съ благороднымъ двигателемъ прогресса.

лонѣ которой, въ тѣсномъ общеніи съ народомъ, онъ п
дилъ время, благодаря страсти къ охотѣ. Вотъ вступите
акордъ въ его поэтической мелодіи о родинѣ:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты родина моя!
Гой ты боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Онъ самъ говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣла на
охотничья жизнь.

Одиноко стоялъ поэтъ въ своемъ направленіи, и
его одиночество, или лучше сказать, самостоятельность, л
на немъ укоромъ. О. Ѳ. Миллеръ сближаетъ его міро
цаніе съ тѣмъ настроеніемъ Пушкина, которое выразило
стихотвореніи: «Поэтъ и чернь». Для Толстаго обществ
интересы были быть можетъ ближе, чѣмъ для Пушкина
сходились въ томъ, что человѣкъ былъ для нихъ выше т
Иные видятъ въ этомъ эгоизмъ, но нельзя-ли видѣть и д
Какъ бы ни была симпатична масса, какъ бы ни дороги
ея интересы при томъ основномъ воззрѣніи, что индиви
есть продуктъ общества, въ которомъ онъ взросъ,—все
индивидуумъ, взятый въ отдѣльности, несравненно вы
интереснѣе, чѣмъ масса, въ которой онъ теряется. Ка
и заслуги возвышаютъ немногихъ надъ массою. Обществ
интересы сами по себѣ,—личные тоже существуютъ. Но
вопросъ—выиграютъ-ли общественные интересы, выиграе
прогрессъ толпы, если всѣ интересы отдѣльныхъ лицъ ума
до общаго, всѣмъ доступнаго?

Въ поэмѣ «Грѣшница» поэтъ изобразилъ тотъ перев
въ душѣ гетеры, который произвелъ Спаситель, нечаянн
явившійся въ толпѣ пирующихъ и устремившій проница
ный взоръ на смутившуюся въ первый разъ грѣшницу
лучше-ли бы было—указываютъ ему—взять другой мо
изъ евангельской исторіи, а именно, когда привели къ І

у, осужденную на побитіе камнями, поелику тутъ выска-
я Христосъ объ обществѣ. Не ослабляя значенія послѣд-
моментa, не разъ впрочемъ служившаго темой русскихъ
отвореній—почему же художнику не избрать своимъ сю-
мъ Магдалину, никѣмъ не осужденную, но саму осудив-
себя?

Страстный поклонникъ искусства, съ юныхъ лѣтъ часто
вшій за границу, гдѣ изучалъ художественныя произ-
нія искусства, нашъ поэтъ избѣгнулъ однако въ своемъ
чествѣ рутиннаго поклоненія красотѣ: у него нѣтъ сти-
орений, имѣющихъ предметомъ красоту природы, красоту
щины. Онъ съ первыхъ своихъ напечатанныхъ опытовъ
роизводитъ міръ души. Развивъ талантъ свой на прекрас-
, онъ нашелъ это прекрасное на родной почвѣ. Вотъ
исловіе къ его лирикѣ и вмѣстѣ опредѣленіе ея:

Люблю—говоритъ онъ въ посланіи къ Аксакову:

—Въ степи чумацкіе ночлеги
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ.
Люблю я тройку удалую
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу.

Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги
И гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ, по Волгѣ
Идутъ бурлацкія суда.

Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа,
И что ее, всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Какъ лирикъ, онъ нашелъ себѣ вдохновеніе въ народной
кѣ, а въ народномъ юморѣ—черты для сатирическихъ

вещей,—и въ этомъ его не малая заслуга. Сатирическій родъ указываетъ намъ на то, что общественные интересы не были чужды Толстому. Онъ не сторонился отъ злобы дня, а съ самаго начала своей литературной дѣятельности писалъ въ сатирическомъ родѣ. Но, говоря о немъ, какъ о лирикѣ, авторъ рѣчи въ Обществѣ Пособія нуждающимся литераторамъ какъ то нехотя упоминаетъ о сатирикѣ; онъ видимо не сочувствуетъ этой сатирѣ и стремится оправдать поэта за тотъ образъ мыслей, за который одинъ изъ литературныхъ лагерей не включилъ Толстаго въ число своихъ. Какъ бы въ утѣшеніе себѣ и для примиренія общества съ памятью поэта, О. Ѳ. Миллеръ намекаетъ на другія произведенія Толстаго, по большей части не напечатанныя и не противорѣчающія духу извѣстнаго лагеря. Такую неровность поэта авторъ рѣчи объясняетъ одинокимъ положеніемъ поэта, отстраненіемъ его отъ злобы дня. Намъ бы хотѣлось объяснить это независимостью, неподчиненностью деспотическому вкусу кружка.

Послѣднее подтверждается словами А. К. Толстаго въ авторской исповѣди. «Что касается нравственнаго направленія моихъ произведеній, то я могу характеризовать его, съ одной стороны—отвращеніемъ къ произволу, съ другой—отвращеніемъ къ тому псевдо-либерализму, который желаетъ не низкое поднять до высокаго, а высокое опустить до низкаго. Я полагаю, впрочемъ, что это мое двойное отвращеніе собственно есть одно и тоже чувство ненависти къ произволу, въ какой формѣ онъ ни представлялся бы мнѣ. Я могу къ этому присоединить мое отвращеніе къ плоской доктринѣ объ утилитаризмѣ въ поэзіи... Мое убѣжденіе таково, что миссія поэта состоитъ не въ томъ, чтобы принести людямъ барышъ, или непосредственную выгоду... Поэзія должна возвышать ихъ нравственный уровень, внушая имъ любовь къ прекрасному, которая сама съумѣетъ найти себѣ примѣненіе безъ, того, чтобы ей нужна была та или другая поддержка»,—и далѣе: «чтобы дать вамъ вкратцѣ понятіе о моемъ положеніи въ нашей литературѣ, я могу сказать, что я преслѣдуемъ одними и любимъ другими. Еще курьезный фактъ: между тѣмъ какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера».

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ появились первыя стихотворенія гр. Толстаго. То была пора въ нашей жизни, когда совѣсть общественная еще не помутилась, свободное движеніе впередъ не рванулось за предѣлы возможнаго, и ярко блистала въ близкомъ будущемъ заря 19 февраля. Все свѣтлое было впереди, мрачное позади насъ. Въ литературѣ обозначилось два направленія—«Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды». Еще «Современникъ» не вполнѣ высказался. Смѣлое слово, рѣзкое и сильное, оставалось за славянофилами. Въ вопросѣ эманципаціи они стояли за надѣлъ крестьянъ, возводили въ идеалы общину и тѣмъ пугали робкихъ. Народность заблистала слишкомъ яркими буквами на страницахъ «Паруса», и журналъ этотъ прекратился. Къ этому, такъ называемому славянофильскому времени принадлежатъ первые стихи А. К. Толстаго.

Къ нимъ принадлежатъ:

1) Ахъ пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная.
2) Ай кабы Волга матушка да вспять побѣжала.

Здѣсь въ 14 строкахъ высказаны задушевные вопросы пополамъ съ шуткою.

Ой ка-бы всѣ бабы были молодицы,
Кабы въ полугарѣ да меньше водицы,
Кабы всегда чарка доходила до рту *)
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да батюшка бы царь нашъ всю правду вѣдалъ.

Нельзя не согласиться съ О. Ѳ. Миллеромъ, что народнымъ складомъ писанныя стихотворенія Толстаго прямо голосъ народа.

Ахъ ты гой еси, правда матушка!
Велика ты, правда, широко стоишь,
Ты горами поднялась до поднебесья.

Юморъ сказался во многихъ изъ этихъ стихотвореній; изъ нихъ мнѣ особенно памятны:

*) Это было писано наканунѣ отмѣны откуповъ.

Ходитъ Спѣсь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень—
Ай зашелъ бы Спѣсь къ отцу матери,
Да ворота не крашены
Ай помолился-бы Спѣсь въ церкви Божьей,
Да полъ не метенъ.

Или вотъ еще нѣсколько строкъ:

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто,
Дурачье!—сказалъ дьякъ,—изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли.
. . . .
Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ ты отецъ
Бѣдныхъ—
Кабы ты мнѣ помогъ—видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ.
Я-бъ те всыпалъ, ей, ей, въ шапку десять рублей!
Шутка!
Сыпь сейчасъ, сказалъ дьякъ, поставляя колпакъ—
Нутка!

Въ посвященіи сборника стихотвореній есть намекъ на то, гдѣ Толстой нашелъ сочувствіе и поощреніе своимъ произведеніямъ:

Къ твоимъ, царица, я ногамъ
Несу и радость, и печали...
Припомни день, когда ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душою.
Я мыслилъ, пѣсни тѣ слагая,
Онѣ невѣдомо замрутъ,

Но ты дала имъ, о благая,
Свою защиту и пріютъ.

Вскорѣ творческое вниманіе поэта остановилось на пер-
›мъ царѣ, этомъ царѣ до мозга костей.

Личность Іоанна Грознаго съ его фанатическимъ воззрѣ-
емъ на свою власть, съ богатыми задатками отъ природы,
› худо направленною волею, получаетъ особый интересъ,
›гда мы припомнимъ, что то былъ первый царь. Сломленъ
›гъ знатному боярству рукою могучаго сокрушителя татар-
:аго, побѣдителя Новгорода, Твери и иныхъ. Крамолою, бо-
отступничествомъ заклеймены люди другой партіи. Вотъ цар-
вуетъ и сынъ Софіи Палеологъ, но еще не называется тѣмъ
іенемъ, которое не сходитъ съ устъ книжниковъ. Потомство
асилія предназначается къ вѣнцу царскому—и вотъ молятся
оди начитанные объ этомъ потомствѣ, посѣкаютъ безплодную
іоковницу—первую жену «Державнаго», но и отъ второй
ълые три года нѣтъ плода. Моленое и прошеное чадо—
›аннъ является какъ-бы политическимъ мессіею, долженство-
івшимъ осуществить идеалъ народа, почувствовавшаго свое
›личіе и жаждавшаго имѣть своего Давида, помазанника,
›еемника царей греческихъ. Около колыбели царственнаго
іаденца много идеальнаго. Трехъ-лѣтнимъ остался Іоаннъ отъ
ща и росъ онъ, готовясь быть царемъ Богомъ поставлен-
ымъ, источникомъ всѣхъ правъ и властей. Воспріимчивый,
'растный, поставленный силою обстоятельствъ и собственнымъ
іутреннимъ сознаніемъ, какъ орудіе Божіей власти на землѣ,
іиженный и гонимый въ дѣтствѣ, способный на великое и
:лонный ко всему дурному, Грозный царь совмѣщаетъ въ
ıмомъ себѣ цѣлую драму. На немъ-то остановилась мысль
6 лѣтняго Толстаго. Сперва стали появляться эпическія сти-
›творенія, въ которыхъ образъ Грознаго является такимъ,
ıкимъ отозвался о немъ народъ въ безискусственной пѣснѣ:

То не сырые боры разгоралися,
То не сине море всколыбалося,
Распалился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Лицомъ къ царю поставлены русскіе люди—его жертвы и жертвы своей доблести и протеста. Всѣ эти личности одного пошиба съ тѣмъ славнымъ мученикомъ, который недостаточно славится у насъ, хотя другой народъ давно преклонился бы передъ его памятью, святя въ немъ лучшее проявленіе гражданскаго подвига, какой только знаетъ исторія: я разумѣю Филиппа митрополита. Сознательно идущіе на муку герои стихотвореній Толстаго—не возмутители и не люди партіи. Они умираютъ за правду и только тогда вступаютъ въ борьбу съ произволомъ, когда насилуется ихъ нравственное убѣжденіе. Въ пьесѣ «Князь Репнинъ», поэтъ изображаетъ оргію царя, стремящагося заглушить угрызенія совѣсти разгуломъ. Вотъ повелѣваетъ онъ всѣмъ надѣть маски, и самъ хочетъ предводительствовать безстыднымъ хороводомъ. Униженіе священнаго сана царскаго и оскорбленіе религіознаго чувства, немирившагося съ бѣсовскимъ обычаемъ,—не подъ силу боярину: и онъ, издавна ненавидѣвшій опричину, только тогда выступилъ на явную смерть:

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь,
«Опричина да згинетъ»! онъ рекъ перекрестясь.
«Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь,
Да правитъ человѣки, какъ правилъ нами встарь.
Да презритъ какъ измѣну безстыдной лести гласъ!
Личины-жь не надѣну я въ мой послѣдній часъ».
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ.

По убіеніи Репнина, оргія продолжается, но ничто не развеселитъ Іоанна. Уже раскаяніе прихлынуло въ бурную душу: «Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!»

Второе стихотвореніе «Василій Шибановъ» еще шире по объему и замыслу. Вѣрный слуга Курбскаго прибылъ къ царю въ ту пору, когда, по выраженію Пушкина, кромѣшники:

Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.

Сцена чтенія письма, изъ котораго выбраны самыя живыя, язвительныя мѣста выдержана въ совершенствѣ. Царь оперся

желѣзнымъ оконечникомъ на ногу Шибанова, а послѣдній молчалъ. Изъ пронзенной ноги кровь алымъ струилась токомъ. И тотъ же, какъ и въ Репнинѣ, свѣтлый духъ незлобія дѣлаетъ образъ мученика колоссальнымъ. Но вотъ еще въ одномъ стихотвореніи передъ нами Грозный, а передъ нимъ пассивная жертва, заподозрѣнная въ измѣнѣ—Старицкій воевода,

—Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ—
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы возложилъ, и самъ на свой престолъ,
По шелковымъ коврамъ виновнаго возвелъ,
И взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты,
И въ землю кланяясь съ покорностью, трикраты,
Сказалъ: «Доволенъ будь въ величіи своемъ:
Се азъ твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!»
И вспрянувъ тотъ же часъ, со злобой безпощадной,
Онъ въ сердцѣ ножъ ему вонзилъ рукою жадной,
И ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
И въ очи мертвыя глядѣлъ—и съ дрожью зыбкой
Державныя уста змѣилися улыбкой.

Безцвѣтность жертвы производитъ потрясающее впечатлѣніе и даетъ особый колоритъ поступку Грознаго. Во всѣхъ трехъ стихотвореніяхъ Іоаннъ сопоставленъ съ боярами, съ дѣтства врагами его могущества, претившими ему гордынею и головою непоклончивою. То было кровавое перерожденіе слугъ въ холопи.

Движимый ненавистью къ произволу, поэтъ, такъ сказать, влюбился въ тему Грознаго. Послѣ популярнаго «Князя Серебрянаго» появились одна за другою три пьесы послѣдовательныя: «Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Θедоръ» и «Борисъ Годуновъ». Трилогія эта выясняетъ въ цѣломъ неравновѣсіе личныхъ достоинствъ царя съ земскимъ идеаломъ его власти. Произволъ чудовищный, отсутствіе воли въ милосердомъ царѣ и крамола въ достиженіи власти царской—вотъ темы всѣхъ трехъ пьесъ. Образъ смѣтливаго Бориса, проходя черезъ всѣ три драмы, объединяетъ ихъ. Замѣчательно то, что А. К. Толстой былъ такъ чутокъ къ народности, что его Іоаннъ дѣй-

ствуетъ по мотивамъ народныхъ воззрѣній, что безъ сомнѣнія, согласно съ дѣйствительностью. Смерть его вызываетъ на борьбу, какъ Анику воина, долго не смирявшагося передъ костлявымъ соперникомъ. Къ устамъ умирающаго авторъ подноситъ чашу фактовъ, виною которыхъ самъ—расчитывающійся за прошлое Грозный, царь Богомъ поставленный. Вслѣдствіе тоски, возбужденной сыноубійствомъ и вслѣдствіе бѣдъ, постигшихъ отечество Іоаннъ приходитъ къ сознанію, что онъ употребилъ во зло свои силы и способности и считаетъ себя недостойнымъ быть царемъ, т. е. отказывается отъ того, что слилось со всѣмъ существомъ его.

Его покаяніе нелицемѣрно; это истинное покаяніе, на которое способенъ человѣкъ недюжинный; онъ становится чутокъ къ слову искренней правды и къ слову придворной лести. Выносливо, благодушно выслушиваетъ онъ отъ Никиты Романовича осужденіе всего своего прошлаго:

Ты, государь—скажу тебѣ открыто—
Ты, съ юныхъ лѣтъ испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимыхъ смутъ
И подавилъ измученную землю,
Ты сокрушилъ въ ней все, что было сильно,
Ты въ ней попралъ все, что было разумъ.

Но вотъ, когда царь почувствовалъ близость смерти и рѣшился готовиться къ ней формально:

. . . . я успѣю покаяться (къ боярамъ).
Успѣю вамъ на зло!

Шуйскій, думая, что это новое испытаніе боярской вѣрности и преданности молвилъ:

. . . . помилуй Государь!
Тебѣ-ль у насъ прощенія просить?

Съ презрительнымъ гнѣвомъ крикнулъ на это Іоаннъ: «Молчи, холопъ! я каяться и унижаться властенъ предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай». И тутъ же, вслѣдъ за исповѣдью, онъ принимаетъ совѣты Никиты Романовича подумать о царствѣ; честно и мудро говоритъ съ сыномъ, отвѣты котораго отнимаютъ у него всякую надежду на хорошее будущее.

Грозный царь теперь весь въ дѣлахъ царства, но ему опереться не на кого: зловѣщія грамоты угрожаютъ новыми бѣдами со стороны Баторія и взбунтовавшихся черемисъ, но помощи ждать не откуда. Тогда-то онъ хватается за ту силу, которая, согласно народнымъ вѣрованіямъ, одушевляетъ безпомощныхъ, благословляетъ неопытныхъ богатырей, «изъ-за тѣхъ келій монастырскихъ». Передъ нимъ является схимникъ. Замѣчательная сцена не разсужденій, а какъ бы уголовнаго процесса. Гость изъ затвора, поправшій издавна связь со всѣми дѣлами міра, простодушными вопросами своими заставляетъ царя приводить на память всѣ случаи избіенія вѣрныхъ слугъ. Іоаннъ, самъ того не думая, сѣлъ на скамью подсудимыхъ. Предоставленный самому себѣ, Грозный желаетъ дѣйствовать, готовъ унизиться—лишь бы поправить бѣды, почему и предлагаетъ боярамъ заключить постыдный миръ. Но тутъ-то бояре единогласно встали насупротивъ, проявляя ту силу, которую не можетъ сломить и чудовищный произволъ:

Нѣтъ, Государь! Нѣтъ! Этого нельзя!
Ты въ нашихъ головахъ, въ имѣньи нашемъ,
Во всемъ воленъ: но въ нашей земской чести
Ты не воленъ.

Раздавленный неожиданнымъ протестомъ, склоняетъ больной тѣломъ и духомъ царь голову передъ Богомъ съ высокомѣрнымъ ропотомъ:

Боже всемогущій,
Ты своего помазанника видишь,
Достаточно-ль униженъ онъ теперь?

Драмы Толстаго, по языку и стиху, по историческому чутью, по духу народному, по глубокимъ психологическимъ чертамъ, возвышаются надъ другими современными произведеніями того же рода.

Изъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній поэта лучшими можно назвать всѣ писанныя народнымъ складомъ. Какъ причудливо, разнообразно и вмѣстѣ какъ кстати является во многихъ лирическихъ пьэсахъ наше русское «Горе—злосчастье». То оно издѣвается надъ молодцемъ, то—

Сѣчетъ Горе безъ умолку,
Безъ конца сѣчетъ, безъ отдыха.

То вгоняетъ въ апатію: то—могучіе размѣры
Лукаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.

то растетъ съ годами, то говоритъ оно молодцу, хотѣвш застрѣлить его:

Я не волкомъ бѣгу, не змѣею ползу,
Выступаю-то я красною дѣвицею,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, въ поясъ кланяюсь.
И ты самъ слѣзешь съ коня долой,
Выпьешь чару—отуманишься.
Отуманишься—сердцемъ всплачешься,
Ноги сѣрыя подкосятся.

То въ образѣ бабы-яги накидывается Горе на челов

Старая крѣпко меня за бока ухватила,
Сломится—такъ и гляжу—молодецкая сила,
Пусть бы хоть молча, а то вѣдь накинулась съ бра
Слухъ утомляетъ мнѣ сплетница всякою дрянью.

Краткость времени не позволяетъ намъ остановитьс балладахъ и притчахъ поэта. Одна изъ нихъ служитъ о верженіемъ тѣмъ, которые говорятъ, что А. К. Толстой ронился отъ злобы дня. Герой баллады сродни безобраз демону злосчастья въ русскихъ народныхъ стихахъ:

По русскому славному царству,
На клячѣ разбитой верхомъ,
Одинъ богатырь разъѣзжаетъ

. . . .

Прикрытъ онъ дырявой рогожей,
Мочалы вокругъ сапоговъ,
На брови подвинута шапка,
За пазухой пѣнника штофъ.

Богатырь, олицетворяющій пьянство, совершаетъ поѣ по Руси; поэтъ слѣдитъ за нимъ въ разныхъ кругахъ об ства. Успѣхи идутъ на встрѣчу темному всаднику:

Стучатъ и расходятся чарки...
Питейное дѣло растетъ,
Жиды богатѣютъ, жирѣютъ,
Блѣднѣетъ, худѣетъ народъ.

За сценой кроваваго раздора въ крестьянской семьѣ, слѣетъ иная печальная картина:

Сидѣлъ надъ картиной художникъ
Онъ ею и жилъ, и дышалъ.
Сгрустнулося разъ живописцу,
Онъ съ горя горѣлки хватилъ,
Забылъ онъ свою мастерскую,
Свою Богоматерь забылъ.
Весь день онъ валяется пьяный
И въ руки кистей не беретъ.

и далѣе:

Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ:
Любовью къ наукѣ влекомъ,
Семью онъ свою оставляетъ
И въ городъ приходитъ пѣшкомъ.
Однажды, въ дождливую осень,
Въ одномъ переулкѣ глухомъ.
Ему попадается всадникъ,
На клячѣ разбитой верхомъ.
«Здорово, товарищъ, дай руку!
Никакъ ты, бѣдняга, продрогъ?
Что жь выпьемъ за Русь и науку!
Я самъ имъ служу, видитъ Богъ».
Отъ стужи, иль отъ голодухи
Прельстился на водку и ты—
И вотъ потонули въ сивухѣ
Родныя, святыя мечты!

Прогрессъ питейнаго дѣла растетъ:

Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села,
И Русь затопляетъ оно.
Дерутся и рѣжутся братья,

И мать дочерей продаетъ,
Плачь, пѣсни, и вой, и проклятья—
Питейное дѣло растетъ.

Какъ сатирикъ-обличитель, поэтъ затрогиваетъ и высшіе круги общества, какъ напримѣръ въ стихотвореніи:

Поразмысливъ аккуратно
Я избралъ себѣ дорожку...

и во многихъ другихъ.

Притча: «Пантелѣй цѣлитель» и баллада «Потокъ-богатырь»—вотъ тѣ два произведенія, на которыя издали намекаютъ, какъ на уклоненіе поэта въ ретроградную сторону. Авторъ фельетона «Биржевыхъ Вѣдомостей», резюмируя рѣчь профес. Миллера, не сдается на то, что Толстой, колебался потому, что сторонился отъ злобы дня, что былъ поклонникомъ чистаго идеала; напротивъ того, онъ полагаетъ, что покойный поэтъ не умѣлъ цѣнить то, что прекрасно по своимъ послѣдствіямъ, хотя въ зародышѣ и не имѣетъ привлекательной формы. Другими словами, Толстому, какъ и всякому другому, надо было зажмурить глаза на темныя проявленія, въ основѣ которыхъ видны признаки живаго будущаго. Намъ-же кажется, что чѣмъ не изящныя проявленія ближе подходятъ къ доброй цѣли, тѣмъ лучше онѣ выдержатъ на себѣ стрѣлы сатиры, тѣмъ лучше будетъ и стороннимъ лицамъ распознать истинное отъ ложнаго. Припоминая Пантелѣя-цѣлителя, авторъ фельетона въ «Голосѣ» причисляетъ Толстаго къ не любимому имъ лагерю.

Изъ уваженія къ свѣжей могилѣ поэта, о «Потокѣ-богатырѣ» совсѣмъ не упоминается. Дѣйствительно Толстому тяжело было оставаться самимъ по себѣ и не поступить въ тотъ или другой литературный станъ, но не по нравственнымъ причинамъ, а просто потому, что приходилось переносить нападки со всѣхъ сторонъ. О. Ѳ. Миллеръ полагаетъ, что поэту становилось тяжело отъ неизмѣримаго кругозора, какъ-то выразилъ онъ въ стихотвореніи:

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра немного есть,

А сидитъ тамъ одно одинешенько,
Словно гвоздь обухомъ вколоченный.

Намъ кажется, что стихотвореніе направлено противъ узко-и, ведущей человѣка по дорогѣ къ его личнымъ цѣлямъ, къ «что онъ претъ впередъ, на проломъ идетъ. Давитъ трѣчнаго, поперечнаго»—и проникнуто горячимъ сочувстві-іъ къ такому человѣку, «кому Богъ далъ очи зоркія, кому ідѣть далъ во всѣ стороны, хотя люди его за это и корятъ-занятъ». Широко охватывалъ Толстой интересы человѣка, и)рою во всѣхъ литературныхъ лагеряхъ находилъ живое со-вствіе своему вольному голосу. Только сатира его не по-)авилась многимъ. Но кого-же онъ затронулъ въ ней и гдѣ іше право называть его ретроградомъ? Онъ затрогиваетъ въ мористической балладѣ «Потокъ» русскій бытъ въ послѣдо-тельномъ ряду картинъ изъ разныхъ эпохъ русской исторіи— современности. Задача сатирика, разумѣется, не хвала. И тъ, кто такъ горячо любилъ родину и съумѣлъ извлечь олько прекраснаго изъ матерьяла народной поэзіи—имѣлъ)аво посмотрѣть съ точки зрѣнія народа на нѣкоторыя явле-я и горько надъ ними посмѣяться. Протестъ уродливому ленію и притомъ кажущемуся прогрессивнымъ можетъ при-ести несомнѣнную пользу и пособить истинному прогрес-. Не надъ женскимъ трудомъ, не надъ любовью къ наукѣ)дшутилъ поэтъ, когда въ лицѣ Потока заставилъ русскаго ловѣка отчураться отъ сцены потрошенья мущинами и жен-инами, умышленно циничными, мертваго тѣла. Недоумѣвая, отокъ припоминаетъ образы знакомой ему Лысой горы. Умѣя внить и понимать въ женщинѣ человѣка, поэтъ не могъ ви-ть прекрасное въ томъ, что было крайне поверхностно и части нахально. Теперь, когда дѣло говоритъ уже за себя, бездѣлье и фанфаронство проходитъ, онъ не избралъ-бы енскихъ медицинскихъ курсовъ мѣтою для своей сатиры.—) многихъ стихотвореніяхъ поэта о женщинѣ высказано мно- глубокаго, человѣчнаго и нѣтъ ничего тщеславнаго, сладо-растнаго. Онъ страдаетъ горемъ женщины:

Томимая весь день душевною борьбою,
Отъ взоровъ и рѣчей враждебныхъ ты устала.

Образъ Донны Анны въ Донъ-Жуанѣ — образъ женщины глубокой, разумной и вмѣстѣ чистой, какъ Гретхенъ. Что поэтъ нашъ признавалъ нѣкоторую логичность несимпатичныхъ ему теорій, за это говоритъ роль сатаны въ Донъ-Жуанѣ. Въ рѣчахъ сатаны слышится сынъ вѣка сего. Поэтъ отдаетъ въ жертву злому началу свѣтлое, но слабое, доброе начало. Ангелы, проносясь черезъ драму, сливаясь съ красотою природы, не нарушаютъ естественнаго хода вещей.

А. К. Толстой не былъ идеалистомъ; онъ стоялъ на реальной почвѣ во всемъ и вездѣ, въ юморѣ и задушевномъ лиризмѣ, чуждъ былъ афектаціи; самая грусть выражалась у него въ мажорномъ тонѣ, какъ онъ удачно выразился самъ. Конечно, онъ скорѣе пѣвецъ индивидуальнаго, чѣмъ общественнаго, но интересы индивидуума у него не туманны и не отвлеченны, почему и близки каждому и имѣютъ жизненное значеніе. Въ сатирѣ поэтъ остался вѣренъ своему изреченію:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча.

Жалка была бы наша литература, если бы сатира дѣйствовала все въ одномъ и томъ-же направленіи, преслѣдуя однѣ и тѣже стороны общественной жизни. Нѣтъ, она всегда свойственна была русскимъ, и въ Екатерининское время по косточкамъ перебирала не одно отживавшее, но и то новое, что было символомъ прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ, неумѣло пересаженное на нашу почву, давало уродливые плоды. Никто не заподозритъ Гейне, а за нимъ и Некрасова, въ стремленіи уронить значеніе общественной благотворительности, а между тѣмъ они оба подмѣтили пошлую сторону и въ танцовальныхъ вечерахъ и въ обѣдахъ въ пользу бѣдныхъ. А. К. Толстой ни единымъ словомъ не далъ права укорить себя въ несочувствіи къ прогрессивному движенію русскихъ умовъ, но онъ не хотѣлъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что оскорбляло его душу. Не уклоненія въ ту или другую сторону, а положительную послѣдовательность вижу я въ желчи сатиры Толстаго.

Ни враговъ по службѣ, ни литературныхъ враговъ у него не было: у него были враги того, что онъ считалъ высокимъ, и онъ не могъ ужиться съ горделивостью, съ деспо-

тическимъ направленіемъ далеко не благодушныхъ и тѣмъ менѣе скромныхъ гонителей всего того, что не мирится съ узкостью взглядовъ кружка.

Врагъ произвола, въ какомъ бы видѣ онъ ни проявлялся, поэтъ не жаждалъ рукоплесканій толпы и не безъ задней мысли объ обществѣ нашемъ перевелъ (вообще онъ переводилъ и рѣдко, но мѣтко) слѣдующее четверостишіе Гейне:

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра;
Въ большомъ затрудненьѣ торчатъ флюгера:
Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
Въ которую сторону имъ повернуться.

Впечатлѣнія одного изъ депутатовъ на открытіи памятника Пушкину *).

Съ конца апрѣля я находился по дѣламъ службы въ Москвѣ, гдѣ мнѣ предстояло быть и депутатомъ на праздникѣ открытія. Уже не много дней оставалось до торжества. Работа около памятника кипѣла. Наконецъ сняты лѣса, вывезенъ мусоръ, и на выравненной площадкѣ появились изящныя чугунныя цѣпи, окружающія памятникъ; на пьедесталѣ можно было прочесть всѣ надписи. По сосѣдству съ памятникомъ въ Шевалдышевскихъ нумерахъ поселился Яковъ Карловичъ Гротъ съ семействомъ, а неподалеку въ «Дрезденѣ» Ѳедоръ Петровичъ Корниловъ—оба начинатели и совершители предпринятаго ими и другими бывшими лицеистами добраго національнаго подвига. Только еще статуя не выглядывала изъ окружавшихъ ее досокъ. Но вотъ и ея контуръ обозначился, укрытый полотномъ и рогожею. Готовили покрывало, долженствовавшее упасть черезъ нѣсколько дней въ глазахъ народа.

22-го мая, въ 5-мъ часу пополудни, вся Москва уже знала о кончинѣ Императрицы Маріи Александровны. Мысль объ открытіи памятника и самый срокъ естественнымъ образомъ уступили мѣсто благоговѣйной печали и молитвамъ, сопровождавшимъ до погребенія останки той, къ которой приложимо выраженіе Пушкина, когда онъ говоритъ:

Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.

Застигнутый врасплохъ за нѣсколько дней до открытія, комитетъ однако же долженъ былъ освидѣтельствовать работу и разсчитаться съ подрядчикомъ. И вотъ, ночью, въ четвер-

---

*) «*Берегъ*» газета политическая и литературная 1880 г. № 106 и 107.

томъ часу, въ присутствіи членовъ комитета и семейства поэта, былъ снятъ покровъ съ памятника, и превосходное изображеніе предстало предъ избранниками. Общее довольство выполненіемъ памятника и его постановкою было наградою трудившимся. Теперь надѣта была на мѣдную величавую фигуру какъ бы холщевая рубашка, и увязана была она веревкою. Пьедесталъ вновь скрылся изъ глазъ прохожихъ. Печальный видъ памятника, осужденнаго ожидать своего открытія, отмѣченъ былъ въ газетахъ, какъ что-то невыносимое и тяжкое для почитателей Пушкина.

Большая часть періодическихъ ежедневныхъ изданій—если не всѣ—поддерживала мысль о приближающемся днѣ открытія памятника статьями о поэтѣ, свѣдѣніями о его жизни, извѣстіями о разысканіи дома, гдѣ онъ родился, мѣста, гдѣ былъ убитъ. «Новое Время» предпослало открытію рядъ статей подъ названіемъ «Памяти Пушкина». Это былъ живой очеркъ и жизни и дѣятельности, обставленный выдержками изъ его стиховъ, поясняющихъ самыя обстоятельства жизни поэта, и стиховъ его товарищей «въ искусствѣ дивномъ». Мы, такъ называемые «словесники», съ удовольствіемъ читали эти статьи, эти выдержки намъ извѣстыя, но для другихъ, не словесниковъ — эти газетныя статьи были самою близкою къ цѣли публичною лекціею, освѣжавшею ихъ свѣдѣнія о Пушкинѣ и пополнявшею ихъ въ системѣ и при обиліи фактовъ. Голосъ поэта, звучащій только въ школахъ, раздался наконецъ и въ ушахъ читающихъ разные «содомы» и давно размѣнявшихъ интересы высокаго и прекраснаго на фабулы (или на истины—Богъ съ ними!) процессовъ Гулакъ-Артемовскихъ и прочихъ всякаго рода процессовъ.

Въ средѣ педагогической, на экзаменахъ словесности въ особенности, уже замѣтно было особенное оживленіе, подъемъ духа.

Въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній въ день выпуска произнесена была рѣчь, въ которой указывалось на совпаденіе выпуска съ событіемъ постановки памятника великому поэту, который нѣсколькими строфами воспѣлъ родную тетку (сестру матери) покинувшей насъ Покровительницы заведенія, Государыни Императрицы:

ныя копѣечныя изданія (Манухинскія, Шараповскія и проч.), ежегодно съ необыкновеннымъ упорствомъ появляющіяся въ продажѣ о Балакиревѣ. Среди анекдотовъ о шутѣ Петра Великаго много такихъ, гдѣ этотъ шутъ Петра Великаго хитрымъ измышленіемъ якобы смягчалъ гнѣвъ государя и находчивостью выручалъ многихъ изъ бѣды. Составился цѣлый книжный циклъ анекдотовъ о Балакиревѣ, и нельзя винить грамотниковъ, что они болѣе знаютъ шута Петра Великаго, чѣмъ Пушкина. Историческая обстановка эти народныхъ «жартъ»—Петръ и его Катенька и бывшій пирожникъ Меншиковъ—отстраняютъ всякое сомнѣніе о вымыслѣ, и народъ любитъ читать о Балакиревѣ, какъ о Суворовѣ, о Юріи Милославскомъ.

И въ англійскомъ клубѣ, и въ гостинныхъ дамъ-патронесъ было много толковъ о томъ—слѣдуетъ ли духовенству выходить на площадь съ провозглашеніемъ вѣчной памяти поэту и кропить монументъ святою водою. Многіе сильно возмущались слухомъ, что митрополитъ выйдетъ на площадь и до такой степени, что ѣздили къ генералъ-губернатору съ своимъ протестомъ, писали письма именныя и безъименныя. Они находили появленіе святителя невозможнымъ передъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ»—такъ выражались иные изъ этихъ современниковъ Онѣгина.

Наконецъ, прибылъ изъ Петербурга и ожидаемый поѣздъ, и 5-го числа съ утра уже толпились въ залѣ Думы—кто хлопоча о вѣнкѣ, кто о полученіи билета на площадь и въ церковь въ день открытія. Вопросъ о томъ, чтобы попасть въ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, уже давно занималъ многихъ. Иные старожилы, мужчины и дамы, тщетно хлопотали попасть въ засѣданіе: билеты были розданы, обѣщаны и припасены для депутатовъ.

Въ день пріема депутатовъ въ залѣ городской Думы кажется только и были, что одни депутаты: такъ ихъ было много.

Депутатовъ попросили въ сосѣднюю залу, откуда и вызывали насъ по заранѣе установленному порядку. Въ толпѣ, передъ затворенными дверями, которыя отворялись для впуска поодиночкѣ каждой депутаціи, особенно замѣтна была депуизъ юныхъ лицеистовъ. Выдавался убѣленный сѣдинами И. С.

Тургеневъ, который на другой день, т. е. въ день открытія, сталъ настоящимъ героемъ дня. Очень замѣтенъ былъ князь П. П. Вяземскій, прибывшій изъ Петербурга депутатомъ отъ Общества Любителей Древней Письменности. Это—присный Пушкину, сынъ ближайшаго его друга, князя Петра Андреевича. Пушкинъ возился съ нимъ еще съ ребенкомъ и написалъ ему стихи въ альбомъ. Князь Павелъ Петровичъ былъ мальчикомъ съ образомъ на свадьбѣ Пушкина.

Съ напряженнымъ вниманіемъ искали мы сыновей и дочерей поэта. Но ихъ пришлось намъ разглядѣть въ залѣ, гдѣ они сидѣли въ переднемъ ряду креселъ, около центральнаго стола. Широкое, покрытое ковромъ пространство между рядами стульевъ по обѣ стороны вело къ столу, надъ которымъ, среди густыхъ пальмъ и лавровыхъ деревьевъ, на драпированномъ красной матеріей пьедесталѣ, высоко красовался головной бюстъ поэта. За столомъ сидѣло четыре лица: его высочество принцъ Петръ Георгіевичъ, генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ и члены комитета: членъ государственнаго совѣта Ѳ. П. Корниловъ и академикъ Я. К. Гротъ.

Подойдя къ столу, депутаты говорили свое привѣтствіе и подносили адресы.

Депутаты оставались тутъ, на предназначенныхъ имъ мѣстахъ, и подъ конецъ всѣ прослушали любопытный отчетъ Я. К. Грота. Въ этомъ отчетѣ полно и ясно объяснена связь Пушкина съ Москвою. Изъ числа литераторовъ-москвичей, въ кругъ которыхъ вошелъ Пушкинъ, забыто одно имя, связавшее и самихъ-то литераторовъ этихъ въ тѣсный кружокъ—имя князя Петра Андреевича Вяземскаго, въ домѣ отца котораго и сплотился самый кружокъ этихъ московскихъ литераторовъ. Отчетъ. въ собственномъ смыслѣ этого слова, произвелъ впечатлѣніе чистотою своей, отсутствіемъ «бюрократическаго или приказнаго характера: дополнительныхъ пособій отъ казны и не была сбережена значительная сумма». Эти заключительныя слова какъ бы воплотили собою созрѣвшую, но невысказанную никѣмъ мысль, которую же однако слѣдовало высказать: праздникъ этотъ, предсѣдательствуемый двоюроднымъ братомъ Государя, есть праздникъ общественный, не правительственный.

Всѣ газеты, начиная съ «Московскихъ Вѣдомостей», или, лучше сказать, кончая «Московскими Вѣдомостями», признали общественное значеніе празднику, но въ самомъ благомъ, въ самомъ отрадномъ и для правительства смыслѣ.

Послѣ чтенія задвигалась публика, и можно было разсмотрѣть всѣхъ. Дамъ было очень мало: графиня Прасковья Сергѣевна Уварова съ дочерью, Александра Николаевна Стрекалова, да дочери и внучки поэта: графиня Наталья Александровна Меренбергъ, супруга принца Нассаусскаго (роднаго брата супруги царствующаго короля шведскаго), очень напоминаетъ отца. Но типичное очертаніе лица Пушкина и профиль его такъ смягчены, такъ усовершенствованы природой, что тутъ идетъ дѣло о безусловной красотѣ. Другая дочь поэта, Марья Александровна Гартунгъ, отчасти напоминаетъ отца, отчасти и типъ Гончаровыхъ. Лѣтъ 10—11 назадъ мы видѣли ее въ Тулѣ, гдѣ тогда служилъ ея покойный мужъ: она блистала красотою и молодостью. Теперь она очень измѣнилась и даже посѣдѣла: горе оставило на ней глубокій слѣдъ. Были тутъ и внучки поэта, дочери Александра Александровича Пушкина и молодой внукъ, мичманъ Дубельтъ, сынъ графини Меренбергъ отъ перваго брака. Этотъ юноша болѣе всѣхъ родныхъ нижнею частью лица похожъ на знаменитаго дѣда.

Сыновья Пушкина, Александръ Александровичъ, командиръ гусарскаго полка, стоящаго въ Козловѣ (а нынѣ уже бригадный и генералъ-маіоръ Свиты Его Величества) оживленнымъ лицомъ, напоминаетъ отца; Григорій Александровичъ, отставной военный, постоянный обитатель прославленнаго прелестью стиховъ Михайловскаго, менѣе другихъ походитъ на Александра Сергѣевича. Былъ тутъ еще и г. Павлищевъ, сынъ Ольги Сергѣевны.

На другой день поѣхали мы изъ нашего далекаго уголка на Дѣвичьемъ полѣ къ мѣсту открытія. У Никитскихъ воротъ была цѣпь жандармовъ, и никого не пускали вдоль бульвара.

Полицейскій офицеръ не соглашался пропустить и насъ, несмотря на депутатскій значекъ и вѣнокъ. Гдѣ же проѣздъ? Куда намъ ѣхать?—Не могу знать; у вашего кучера нѣтъ на

шапкѣ пропускнаго билета. — Пропустите, по крайней мѣрѣ, проѣхать вдоль бульвара до дома оберъ-полицеймейстера, тамъ добудемъ билетъ для кучера. — Извольте, только дальше васъ не пропустятъ, потому что съ бульвара проѣздъ закрытъ.

Въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера намъ безпрекословно выдали билетъ, и мы доѣхали до конца бульвара, т. е. до самой площади, гдѣ былъ протянутъ канатъ. Мы отпустили свой экипажъ обратною дорогой, съ приказаніемъ стать у Тверской, въ Брюссовскомъ переулкѣ. И вотъ, подойдя подъ канатъ — мы на самой площади торжества. — Меня прежде всего поразило отсутствіе толпы; я росъ въ Москвѣ и знаю эту московскую толпу во время встрѣчи Государя или особыхъ крестныхъ ходовъ. Тутъ на площади была публика съ пропускными билетами, а съ бульвара старалась пробраться кучка смѣльчаковъ, неимѣвшихъ билета. Бульваръ на всемъ протяженіи своемъ былъ пустъ. Будничный, рабочій день, оцѣпленная канатомъ и строгимъ дозоромъ площадь — все это сдѣлало, что народной массы не было. Было много публики, но нельзя сказать, чтобы «народъ на площади кипѣлъ». Во время самаго открытія публика наполняла площадь, но имѣла свободное просторное движеніе. Однако же на крышахъ были люди изъ сосѣднихъ домовъ, были зрители, и съ колокольни Страстнаго монастыря. Но никакъ нельзя было сказать: «вся Москва

Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ».

Даже нельзя сказать, чтобы народъ не пустили по направленію къ празднику. Нѣтъ, онъ не двинулся, какъ двигается въ Москвѣ въ народные дни. А видалъ я въ Москвѣ и оцѣпленное для оффиціальныхъ лицъ мѣсто, и море народа вокругъ, и унизанныя крыши и колокольни.

Къ Страстному монастырю подъѣзжали экипажи. Крутая лѣстница и все пространство отъ святыхъ воротъ до нея наполнялось двигавшеюся мундирною и фрачною толпою. Дамъ было очень немного, да и тѣ не входили въ церковь, а

толпились на крыльцѣ и по аллеѣ отъ святыхъ воротъ монастыря Обѣдня уже началась. Въ такъ называемой трапезѣ, отдѣленной отъ главнаго храма столпами и аркою, говорили, кланялись, приходили и уходили. Рѣдко кто слѣдилъ за ходомъ литургіи и крестился. Монахинь не было видно, кромѣ тѣхъ, которыя смотрятъ за свѣчами. Во время сбора на церковь нельзя было не обратить вниманія на груду ассигнацій, покрывавшихъ сборное блюдо.

Раздалось ясное, всюду слышное слово митрополита—слово ученаго іерарха, которому дорого просвѣщеніе родной земли. Послышались минорные звуки панихиды, и четыре архіерея *) предстояли служенію, возглашая по очереди имя «болярина Александра». Для насъ, родившихся послѣ смерти Пушкина, какъ то ново было это молитвенное сближеніе съ нимъ, въ присутствіи его семьи. Мысль воспроизводила его образъ, его года, его кончину. Какъ будто это была панихида надъ непогребеннымъ еще тѣломъ его. Но лишь только взоръ обращался вокругъ—и рядъ архіерейскихъ митръ, и мундиры, наполнявшіе храмъ, переносили мысль отъ самого человѣка на славу его, отъ живыхъ ощущеній друзей его, передавшихъ намъ подробности его послѣднихъ минутъ, на мѣдную хвалу его, какъ выразился въ тотъ же день за обѣдомъ И. С. Аксаковъ про памятникъ.

Но вотъ, принявъ благословеніе митрополита, принцъ Петръ Георгіевичъ, генералъ-губернаторъ и всѣ прочіе двинулись на площадь. Я поотсталъ отъ другихъ и выступилъ изъ святыхъ воротъ на площадь, когда уже раздавались звуки народнаго гимна.—На красномъ помостѣ, въ голубой лентѣ, въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ стоялъ Принцъ и генералъ-губернаторъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ—и возлѣ нихъ двѣ дочери Пушкина и оба сына его. Послѣ прочтенія Ѳ. П. Корниловымъ краткой рѣчи, сталъ подниматься С. М. Третьяковъ, еще молодой человѣкъ съ цѣпью городскаго головы на шеѣ. Раздалось «ура»; я повернулъ голову отъ помоста къ памятнику—и онъ уже стоялъ во всей красотѣ своей. Предстала наконецъ эта ожидаемая съ нетерпѣніемъ

*) Митрополитъ Макарій, преосв. викаріи его Амвросій и Алексій и преосв. Николай, нашъ японскій миссіонеръ.

фигура поэта, стройная, величественная, спокойная. Надо отдать справедливость художнику: Пушкинъ необыкновенно похожъ на себя и не лишенъ творческой идеализаціи. Заложивъ руки за жилетъ, онъ, не смотря на простоту костюма и позы, «священнодѣйствуетъ предъ алтаремъ Камены». «Русскій Вѣстникъ» (Іюнь, стр. 935) справедливо сказалъ: никакія рисунки не могутъ дать понятія объ этомъ прекрасномъ, достойномъ Пушкина изваяніи.

Въ эту минуту каждый изъ почитателей поэта, въ особенности изъ писавшихъ о немъ, ровно какъ и разъяснявшихъ его творенія передъ юношествомъ, чувствовалъ, что на его улицѣ праздникъ. Любимый, изученный, прочувствованный нами поэтъ, отъ котораго еще очень недавно силились отторгнуть симпатіи молодежи, возсталъ надъ толпою неколебимымъ, твердымъ ликомъ—и съ этихъ поръ начинается его новое народное значеніе.

Подъ звуки музыки все подходили да подходили къ памятнику изящныя знамена, и один изъ гласныхъ (г. Матвѣевъ) раскладывалъ на пьедесталъ безчисленные роскошные колоссальные вѣнки съ широчайшими лентами различныхъ цвѣтовъ. Сидѣвшіе на возвышенныхъ, продававшихся за деньги и нарочно построенныхъ мѣстахъ, говорили, что церемоніи весьма не доставало военнаго строя, хотя бы въ видѣ почетной стражи. Да, это былъ особый праздникъ гражданскій, совсѣмъ особаго характера, изящный, стройный, какъ та самая фигура, къ подножію которой попарно и строемъ подходили только дѣти, безспорно знающія наизусть по нѣскольку прекрасныхъ стиховъ поэта—предметъ уроковъ русскаго слова съ самаго младшаго возраста.

Чѣмъ то новымъ вѣяло отъ праздника, и газеты вѣрно передали, что тогда чувствовалось и переживалось. Я замѣтилъ лицо Александра Александровича Пушкина, смоченное слезами въ первыя минуты появленія вѣчнаго образа его знаменитаго отца.

Прежде чѣмъ покинуть площадь, остановлюсь на одномъ эпизодѣ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ былъ предметомъ общаго вниманія «Вонъ Тургеневъ! Гдѣ Тургеневъ?» — только [illegible]юсь изъ толпы не депутатовъ. Когда Иванъ Сергѣ-

евичъ пробирался отъ памятника къ своему экипажу, мы видѣли какъ окружили его, какъ кричали «ура», какъ махали шапками.—Это была непритворная, неподготовленная овацiя людей, въ лучшіе годы жизни своей пожиравшихъ произведенія Тургенева, какъ отцы ихъ когда то ловили съ жадностью новыя строки Пушкина.

Всегда привѣтливый и какъ то добродушно скромный Тургеневъ былъ взятъ, такъ сказать, врасплохъ; онъ былъ и сконфуженъ и растроганъ, и счастливъ. Но въ этотъ день ему пришлось испытать не послѣднюю овацію.

На площади нельзя было оставаться долго; надо было спѣшить въ университетъ. Въ университетской, издавна знакомомъ намъ залѣ, передъ портретами Императрицъ, были уставлены растенія, и посреди каѳедра. Вотъ уже всѣ усѣлись и ждутъ прибытія Принца. Послѣ прибытія его высочества нѣкоторое время еще ждали новаго министра Народнаго Просвѣщенія, посланнаго на праздникъ волею Государя Императора.

Н. С. Тихонравовъ на каѳедрѣ. Онъ еще не началъ читать, какъ раздались съ хоръ горячіе, громкіе апплодисменты. Провозглашеніе почетными членами Грота, Анненкова и Тургенева вызвало апполодисменты съ хоръ, рукопожатія и лобызанія со стороны представителей власти. Но конечно самое сильное, восторженное, долго неумолкавшее и много разъ возобновлявшееся, привѣтствіе пало на долю Тургенева. Такого могучаго привѣта — сказано было въ одной газетѣ — мы еще не слыхивали. Послѣ того Н. С. Тихонравовъ, ссылаясь на историческую замѣтку Пушкина, гдѣ высказанъ взглядъ на заслуги отцовъ и дѣдовъ по отношенію къ дѣтямъ и внукамъ, сердечно привѣтствовалъ отъ имени университета семейство чествуемаго поэта. Сопоставленіе Державина съ Пушкинымъ въ рѣчи Н. С. Тихонравова было очень мѣтко и отчетливо обрисовало заслугу послѣдняго; однако же мы ждали отъ почтеннаго ученаго подобнаго же сильнаго мѣста о ближайшихъ предшественникахъ поэта, о духѣ и направленіи того литературнаго союза, гдѣ созрѣлъ Пушкинъ. Но арзамасцамъ не посчастливилось на юбилеѣ «Сверчка» *). Одинъ только Я. К. Гротъ, дѣлая вступленіе въ отчетъ о сооруженіи па-

*) Арзамаское прозвище Пушкина.

мятника, слегка коснулся кружка московскихъ литераторовъ, къ которому примкнулъ Пушкинъ, да и то тутъ было опущено главное звено. Я разумѣю домъ, сближавшій Карамзина съ Димитріевымъ и Жуковскимъ,—домъ, гдѣ гацивалъ и былъ тепло принимаемъ Пушкинъ. Представитель этого дома—сынъ, соединявшій въ себѣ, по выраженію Пушкина:

Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой—

князь Петръ Андреевичъ Вяземскій былъ въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ Пушкинымъ, слѣдилъ за каждымъ стихомъ его и имѣлъ на него несомнѣнно большое вліяніе. Ихъ переписка лучше всего доказываетъ, что это была за близость, что это была за тѣсная дружба и общеніе мысли. Заключительныя слова Н. С. Тихонравова о Пушкинѣ-гражданинѣ обратили мысль слушателей на ту эпоху, когда созрѣлъ нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ. И какъ будто къ нашимъ днямъ, къ только что совершившейся перемѣнѣ, примѣнилъ ораторъ стихъ поэта:

Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!

И этотъ самый стихъ, въ художественной полнотѣ цѣлой строфы, черезъ нѣсколько часовъ, заключилъ рѣчь, произнесенную другимъ дарованіемъ и въ иномъ духѣ.

Рѣчь профессора Ключевскаго была лучшею изъ рѣчей юбилея, это—тонкая и вѣрная оцѣнка и вмѣстѣ съ тѣмъ мастерская группировка отчеканенныхъ Пушкинымъ типовъ русскихъ людей — послѣ Петровскаго времени, отъ Ганнибала и г. К. до законченнаго и продуманнаго Онѣгина.

Рѣчь эта войдетъ въ исторію русской литературы подобно тому, какъ вошли въ нее лучшія академическія рѣчи въ память Ломоносова, Державина, Карамзина и Крылова; рѣчь эта—цѣнное и новое данное для науки, своего рода открытіе, подчеркивающе замыслы и этюды той мастерской, гдѣ создался Онѣгинъ и Годуновъ. Да, рѣчь Ключевскаго—богатый коментарій къ твореніямъ Пушкина,—коментарій, пояснившій, какъ чутко проникалъ геній Пушкина въ различныя эпохи прошлаго столѣтія. И мы повторимъ вслѣдъ за профессоромъ, что всѣ эти Ганнибалы, Троекуровы, Мироновы и

Гриневы—есть превосходная иллюстрація къ отечественной исторіи и представляетъ большой интересъ для науки.

Рѣчь профессора Стороженка была посвящена, какъ извѣстно, изложенію отношеній Пушкина къ иностранной словесности. Можетъ быть и первая половина рѣчи давала много новаго для публики, но мы, грѣшные, придирчивые спеціалисты, не нашли въ ней новизны—и, утомленные впечатлѣніями, не въ силахъ были дослушать до конца ея второй части. Какъ часто на публичныхъ засѣданіяхъ забываютъ о физическихъ силахъ слушателей, и я не завидую тѣмъ, кому выпадаетъ на долю читать послѣднему, и читать довольно долго. Во всякомъ случаѣ, это была хорошая лекція, но все-таки лекція, которую слушать въ 4-мъ часу тѣмъ, кто съ 9 часовъ былъ въ напряженномъ состояніи и безъ минуты отдыха—было не по силамъ. А еще предстоялъ общественный обѣдъ и литературный вечеръ.

Заѣхавъ домой, я увидѣлъ № «Московскихъ Вѣдомостей» и особое къ нему прибавленіе, посвященное дню. На второй страницѣ его, послѣ прекрасно подобранныхъ отрывковъ стихотвореній Пушкина, взоръ упалъ на слѣдующее мѣсто передовой статьи: «У насъ теперь все толкуютъ о политическихъ партіяхъ. Не принадлежалъ ли и Пушкинъ какой либо партіи? Онъ принадлежалъ къ русской партіи. Самое слово «русская партія» есть слово Пушкина»...

Читать было некогда, до обѣда оставалось немного времени; надо было переодѣться изъ мундира во фракъ и проѣхать версты съ три. Слава Богу, думалось дорогой, все единодушно. Прекрасный духъ праздника не будетъ нарушенъ. Пора намъ отдохнуть душой. На именинахъ матери не вспоминаютъ о преступленіи сына—сказалъ покойный Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ въ Москвѣ, на съѣздѣ славянскомъ, когда кто-то за пиршествомъ пытался коснуться польскаго, тогда жгучаго, вопроса. Съ такими мыслями подъѣзжалъ я къ Россійскому Собранію.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть за крайнимъ столомъ поперекъ залы, такъ что центральный столъ былъ мнѣ хорошо видѣнъ; лицомъ къ намъ и ближе къ нашему краю сидѣли М. Н. Катковъ и А. А. Краевскій; ихъ раздѣляла О. А.

Новикова *) И. С. Тургеневъ сидѣлъ противъ нихъ. Моимъ сосѣдомъ былъ почтенный депутатъ изъ Петербурга, онъ мало знаетъ Москву и съ дѣтскою восторженностью говоритъ о красотахъ древней столицы. Онъ одушевленъ праздникомъ, онъ внѣ партій, какъ истый словесникъ добраго стараго времени. Вотъ вынулъ онъ изъ бумажника фотографію А. В. Никитенко: «нарочно привезъ, чтобы и онъ участвовалъ въ празднествѣ; былъ бы живъ, ужъ послушали бы мы его здѣсь».

Послѣ первыхъ тостовъ раздался наконецъ звучный голосъ И. С. Аксакова—хорошо извѣстная традиціонная интонація: «Стеклись сюда вы, послы и представители всенароднаго мнѣнія, чтобы предъ лицомъ всего міра всею Россіей поклониться великому, воистинну русскому поэту»...

Изъ всѣхъ этихъ мощныхъ, порою чрезмѣрно усиленныхъ выраженій, намъ запали въ душу и пожалуй довели до восторга слѣдующія слова:

«Пушкинъ—это народность и просвѣщеніе; Пушкинъ—это залогъ чаемаго примиренія прошлаго съ настоящимъ, это звено, органически связующее—хотя бы еще только въ области поэзіи—два періода нашей исторіи».

И «мѣдная хвала» и глубокій смыслъ того, что памятникъ поставленъ въ Москвѣ, и стихъ Языкова о подвижникѣ на полѣ книжнаго труда—все это округлило и закончило прекрасную рѣчь. Но въ рѣчи нашлось преувеличеніе, не совсѣмъ вѣрное мѣсто о небывалыхъ размѣрахъ праздника. «Настоящимъ торжествомъ, принявшимъ такіе неожиданные небывалые размѣры, превысившіе всѣ первоначальныя программы, во очію, всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ можетъ быть сокрытое, значеніе Пушкина для Русской Земли». Безспорно—праздникъ удался, это былъ прекрасный праздникъ, но чьи ожиданія онъ превзошелъ? Нѣкоторые университеты и не прислали депутатовъ, и не откликнулись на праздникъ.

Много у насъ военнаго сословія, и всѣ эти пажи, вос-

*) Дочь Кирѣевой, урожденной Алябьевой, современной Пушкину красавицы: «И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой»—въ Посланіи къ князю Юсупову. Поэтъ Красовъ въ прелестномъ стихотвореніи воспѣлъ красоту г-жи Кирѣевой.

питанники военныхъ гимназій и училищъ,—всѣ воспитаны на стихотвореніяхъ Пушкина. Но мы читали только одну телеграмму изъ Орла, откуда командующій корпусомъ, помянувъ Пушкина на соборной молитвѣ, откликнулся на нашъ праздникъ. Генералъ Столыпинъ, директоръ тульской гражданской гимназіи г. Новоселовъ, да рижскій епископъ Филаретъ—эти три лица, каждый въ своемъ положеніи, составляютъ исключеніе. Да и гдѣ же были послы со всѣхъ общественныхъ ступеней? Есть ли возможность поименовать всѣ мѣстности и даже учрежденія, откуда можно бы было ожидать отзыва празднеству, и его не было. Мы не хотимъ сказать, что праздникъ былъ глухъ. Нѣтъ, это одно изъ рѣдкихъ еще у насъ, еще новыхъ торжествъ. Праздникъ былъ одушевленно, единодушно, тепло справленъ, но онъ не превысилъ всѣ ожиданія. Вѣдь говорила же одна газета, что невѣроятныя толпы народа притекли къ памятнику въ день открытія. То, что мы говоримъ теперь о рѣчи Аксакова, было заглушено въ насъ прекраснымъ ея заключеніемъ.

Всталъ М. Н. Катковъ. Какъ то защемило сердце при мысли, что говоритъ Катковъ; невольно вспомнилось выраженіе Чижова объ именинахъ матери. Слова примиренія однако же съ самаго начала рѣчи разсѣяли опасенія. Но и эти слова дѣйствовали на иныхъ отрицательно: «не ему бы говорить это»—слышалось вблизи меня. Но могучее слово и свѣжая мысль чудныхъ стиховъ Пушкина:

Да здравствуетъ муза, да здравствуетъ разумъ!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ свѣтомъ безсмертнымъ ума—
Да здравствуетъ разумъ! да скроется тьма!—

взяли свое; раздались привѣтственные отклики, и съ М. Н. Катковымъ чокались многіе, подошедшіе слушать рѣчь, и черезъ столъ, и изъ-за стола.

Можетъ быть, предлагая сойтись всѣмъ безъ исключенія, М. Н. Катковъ намекнулъ на то, что онъ самъ повиненъ въ томъ, что не дѣлалъ исключенія и для тѣхъ, къ кому

бы было отнестись повнимательнѣе, поосторожнѣе, къ кому направлено слово Пушкина: «Да здравствуетъ муза»:

Какъ знать? Если это было такъ, то онъ совершилъ нравственный подвигъ. Говорили и писали иные: зачѣмъ было тутъ вередить живыя раны? Думаю, что ему нельзя было ограничиться объективнымъ созерцаніемъ Пушкина. Онъ слишкомъ замѣтенъ; онъ пріучилъ не только друзей, но и враговъ своихъ интересоваться его личнымъ настроеніемъ, его взглядомъ на событіе.

Какъ человѣкъ особенно чуткій къ общественному и правительственному настроенію въ данный моментъ, онъ не могъ своимъ словомъ не запечатлѣть этого настроенія, не могъ не отозваться на благое, какъ отзывался и на злобу дня. И въ его словахъ было много правды, когда онъ упомянулъ о недоразумѣніяхъ, о несчастной способности хорошее любить въ себѣ, а дурное ненавидѣть въ другихъ. Здѣсь не мѣсто, да еще и не время, разбирать увлеченія, часто вызванныя обстоятельствами, отъ которыхъ у всѣхъ кружилась голова и душа страдала, — осуждать за горькія практическія послѣдствія этихъ увлеченій. Но лучше того, что онъ сказалъ, онъ не могъ сказать, и никто въ его положеніи не долженъ былъ обойти при открытіи такого памятника, вопроса о примиреніи.

Раздался застольный голосъ архіерея. Преосвященный Амвросій старался помирить вѣрующихъ съ воззрѣніемъ на вольнодумнаго поэта. «Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни» — легло въ основу рѣчи. Говоря о стремленіи Пушкина къ возвышенному, объ исканіи имъ Бога, преосв. Амвросій припомнилъ конечно и о стихахъ къ митрополиту Филарету. Слово архіерея было необходимымъ и существеннымъ; оно могло дополнить то, что было сказано митрополитомъ. Но только къ застольной чашѣ какъ-то не подходилъ «елей рѣчей благоуханныхъ», поддержанныхъ, какъ и всѣ рѣчи, оркестромъ, сыгравшимъ тушъ. И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ «Hotel de Ville» и въ немъ банкетъ, положимъ, хоть въ память Беранже, и архіепископа Парижскаго, поднимающаго тостъ съ рѣчью объ отпущеніи грѣховъ, за талантъ и широту воззрѣнія... Можетъ быть наше сопоставленіе и

натянуто, но впрочемъ, все не бывалое и не случавшееся, въ силу установившихся понятій, кажется всегда страннымъ...

Преосвященный въ концѣ рѣчи припомнилъ утреннюю рѣчь профессора Ключевскаго и очень находчиво отъ Пушкина перешелъ къ Тургеневу, творцу новаго типа русскихъ людей, народившихся послѣ Онѣгина и еще болѣе оторванныхъ отъ русской почвы. Тургенева привѣтствовали за то, что онъ далъ образъ и самое названіе злополучному типу нашихъ временъ. Новая горячая, почти бурная овація Тургеневу.—Александръ Александровичъ Пушкинъ сказалъ свое слово складно, ровно, благозвучно — признательный отвѣтъ отъ лица семьи поэта, которая словами своего представителя признала себя поклонницею таланта отца. Рѣдко кто можетъ съ такимъ правомъ, какъ Александръ Александровичъ Пушкинъ провозгласить тостъ въ память знаменитаго отца своего; и А. А. Пушкинъ понялъ это свое драгоцѣнное право.

Вечеръ того дня въ большой залѣ Россійскаго Дворянскаго Собранія оставилъ впечатлѣніе количествамъ публики, и горячими оваціями Тургеневу, увѣнчанному лавровымъ вѣнкомъ. Чтеніе было неудачно: у кого болѣло горло, кто читалъ тихо, кто не хорошо, кто выбралъ ни съ того ни съ сего разсказецъ: Кирджали. Но публика была довольна выставкою всѣхъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Большинству въ первый разъ въ жизни пришлось видѣть всѣхъ тѣхъ, чьи имена и произведенія стали общимъ достояніемъ. Мельниковъ художественно исполнилъ романсъ: «Я здѣсь, Инезилья». Это былъ положительно лучшій музыкальный нумеръ вечера. Это было и превосходное пѣніе, и очаровательная, могучая и граціозная декламація.

Два засѣданія въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности были колоссальны по количеству слушателей въ залѣ громадныхъ размѣровъ. Преобладаніе статскихъ надъ военными, скромныхъ дамскихъ одеждъ надъ великосвѣтскими, хотя и траурными туалетами, придавало собраніямъ совсѣмъ отличный отъ Петербурга характеръ. Одна изъ рѣчей, произнесенная наизусть, поразила насъ напыщенностью, отсутствіемъ содержанія и нескладностью: только и слышалось «которая, кото-

рое, которыхъ» съ поминутными: «такъ сказать, такъ сказать». Къ тому же рѣчь была произнесена на Погодинскій маперъ, авторитетно, самодовольно; ораторъ расширялъ зрачки и улыбался самъ себѣ.—Трогателенъ былъ адресъ, или телеграмма сельскихъ учителей, кажется Московскаго уѣзда. Жалко, что мало было откликовъ отъ учителей; это былъ чуть не единственный. А вѣдь на ихъ улицѣ былъ праздникъ, какъ сказалъ за вторымъ обѣдомъ А. Н. Островскій о литераторахъ: это на нашей улицѣ праздникъ. Въ тѣ годы, когда Пушкинъ былъ какъ бы въ забвеніи, не въ модѣ—только школа, одна школа хранила его и воспитывала на образцахъ его мощнаго слова дѣтей.

На третій день лавровѣнчанный И. С. Тургеневъ уступилъ мѣсто Достоевскому. То былъ день тріумфа автора «Преступленія и наказанія»: его слова о Татьянѣ, мѣсто объ изгнанникѣ, сопоставленіе Алеко съ Онѣгинымъ—богатый вкладъ въ сокровищницу русской литературы со стороны формы и содержанія. Но о парадоксахъ мы умалчиваемъ. Какое наше право не клонить головы передъ кумиромъ дня? Талантъ Достоевскаго оказалъ услугу его парадоксамъ, увлекъ, подкупилъ насъ, и мы были въ упоеніи національнаго самообольщенія. И въ насъ, несмотря на чины нѣкоторыхъ изъ насъ, закипѣло негодованіе на всѣ эти четырнадцать классовъ, которые послужили козломъ отпущенія. Надо было въ страстной рѣчи намѣтить и жертву, какъ обойдтись безъ жертвы? И оная была найдена.—

Еще одинъ post-scriptum къ празднеству.

Въ 1859 году, въ ноябрѣ, Общество Любителей Россійской Словесности послало на столѣтній праздникъ Шиллера свое поздравленіе. Нѣмцы отвѣчали, что благодарятъ и желаютъ Россіи своего Шиллера. Я помню, какъ тогда обидѣлись въ Москвѣ мы всѣ (т. е. студенты), съ гордостью произнося имя Пушкина.

Теперь въ залѣ засѣданія того же Общества вслѣдъ за привѣтомъ г. Леже, ждали мы привѣта отъ музъ Германіи—и тѣмъ болѣе, что Пушкинъ за этотъ 20 лѣтній періодъ времени былъ не разъ поясненъ, охарактеризованъ въ курсахъ всеобщей литературы, обработанныхъ въ Германіи. Еще намъ

бы хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ москвичей за обѣдомъ, или на засѣданіи, помянулъ добрымъ словомъ превосходный переводъ Пушкина, сдѣланный москвичемъ—нѣмцемъ. Тщетно искали мы на праздникѣ величавую фигуру служителя Феба и Эскулапа, такъ близко, такъ художественно переведшаго «Цыганъ», «Полтаву», «Кавказскаго плѣнника», баллады и нѣкоторыя лирическія пьесы: «Буря мглою небо кроетъ», «Анчаръ»...

Пушкинскій праздникъ открылъ періодъ пропаганды Пушкина. Литература юбилея въ ежедневныхъ изданіяхъ популяризировала свѣдѣнія о немъ, возбудила живой интересъ къ нему и въ тѣхъ, кто мало зналъ или забылъ его; кружку же поклонниковъ его доставила удовлетвореніе. Спеціалистамъ историкамъ литературы праздникъ этотъ далъ то, что академіи, ученыя общества, въ мирномъ теченіи не дали бы и въ десятки лѣтъ.

На дняхъ ждемъ новыхъ, интересныхъ данныхъ о жизни Пушкина, почерпнутыхъ изъ вновь пошевелившагося, по случаю событія, Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ.

Черезъ 19 лѣтъ, кто будетъ живъ, снова соберемся въ Москву и московскій митрополитъ вновь отслужитъ панихиду по родившемся сто лѣтъ назадъ боляринѣ Александрѣ. Какія — грезится мнѣ—къ тому времени будутъ прекрасныя изданія Пушкина и съ учеными коментаріями, въ родѣ Гротова изданія Державина, и иллюстрированныя, и стереотипныя! Около памятника, по четыремъ угламъ, мечтается мнѣ, въ ростъ пьедестала, будутъ отдѣльныя группы, изображающія сцены и лучшіе образы, имъ созданные... Пименъ съ лѣтописаніемъ со стороны Страстнаго монастыря... Татьяна... какъ хорошо исполнена эта мыслящая дѣвушка, постигающая Онѣгина за книгой, по рѣзкой отмѣткѣ ногтей!

Тогда старцами будемъ вспоминать и горе, и радость, пережитыя нами, и въ туманѣ прошедшихъ лѣтъ—7 Іюня 1880 года будетъ отмѣчено у насъ свѣтлою звѣздочкой. Быть можетъ, съ гордостью скажемъ сыновьямъ, что праздникъ нашъ вызвалъ послѣ себя рядъ общественныхъ торжествъ во славу мысли и науки, рядъ празднествъ, періодически повторявшихся и соединявшихъ насъ во имя литературы—на пользу просвѣщенія не въ избитомъ, а въ животворномъ значеніи этого слова.

Одна изъ воспѣтыхъ Пушкинымъ *).

Когда то помню, съ умиленьемъ
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли—съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ покланяюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольномъ трепетомъ ношусь
И вашей славою и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

Это стихотвореніе къ Аннѣ Давыдовнѣ Баратынской было написано Пушкинымъ въ 1832 году. Заслужившая эти строки великаго поэта Анна Давыдовна была потомъ переводчицей на англійскій языкъ нѣсколькихъ его стихотвореній. Объ ней, какъ о переводчицѣ Пушкина, было недавно упомянуто въ замѣткѣ М. А. Веневитинова, объявившаго, что онъ открываетъ псевдонимъ той русской знатной дамы, которая издала въ Баденъ-Баденѣ свои стихотворные переводы русскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ на англійскій языкъ. Указаніе это совершенно вѣрно, но только раскрытіе псевдонима «a russian lady» было сдѣлано десять лѣтъ тому назадъ въ статьѣ моей, напечатанной въ «Новомъ Времени» на другой день по погребеніи Анны Давыдовны. Считаю теперь, въ пушкинскіе дни, своевременнымъ передать эту статью о лицѣ, двояко связанномъ съ поэзіею Александра Сергѣевича.

«Анна Давыдовна Баратынская, рожденная княжна Абамелекъ, скончалась въ Петербургѣ въ 1889 году, 13 февраля. Она была вдова сенатора генералъ-лейтенанта Ираклія

*) Харьковскій Университетскій Сборникъ. Въ память А. С. Пушкина, стр. V. Харьковъ 1900 г.

Абрамовича Баратынскаго, родного брата поэта Евгенія Абрамовича. Мужъ покойной, скончавшійся въ 1859 году, былъ нѣсколько лѣтъ казанскимъ губернаторомъ. Въ Казани до нынѣ памятенъ умъ и добрыя качества Анны Давыдовны.

Одна изъ первыхъ красавицъ, Анна Давыдовна съ юнаго возраста восхищала своею дивною наружностью и дарованіями нашихъ поэтовъ.—«Вы были дивное дитя»—писалъ къ ней Пушкинъ (въ 1832 г.), вспоминая, какъ онъ няньчилъ ее съ восхищеніемъ.

Но не въ одномъ Пушкинѣ она возбуждала чувства благоговѣйнаго обожанія; кн. П. А. Вяземскій взывалъ къ ней на чужбинѣ:

Любезной родины прекрасное свѣтило!
Привѣтствую тебя на чуждой сторонѣ!
. . . .
Ты радуешь красою свѣтозарной
И яркою игрой живыхъ твоихъ лучей.

Поэтъ называетъ себя богомольнымъ поклонникомъ возвышенной любви, когда, какъ онъ выражается,

Задумываюсь я, любуяся тобой.

Анна Давыдовна прекрасно владѣла стихомъ, художественно перекладывая на русскій языкъ любимые мотивы англійской и нѣмецкой лирики. Зная въ совершенствѣ англійскій языкъ, Анна Давыдовна необыкновенно точно и красиво передала размѣромъ подлинника нѣкоторыя произведенія Пушкина, Лермонтова, гр. А. Толстого и другихъ.

Пишущій эти строки припоминаетъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ ежедневно, раннимъ утромъ, Анна Давыдовна, въ Баденъ-Баденѣ, проходила съ квартиры своей въ безмолвный садъ виллы Гамильтонъ и тамъ проводила одинокіе часы, отдаваясь творческому вдохновенію художественныхъ переводовъ.

Анна Давыдовна любила читать св. Писаніе и Отцовъ церкви; литургію св. Іоанна Златоуста она изучала по греческому подлиннику, для чего выучилась греческому языку. Богато одаренная умомъ и красотой, Анна Давыдовна вмѣстѣ

› тѣмъ умѣла вліять со стороны прекраснаго и на окружаюихъ. Она читала стихи художественно и всѣ лучшія произденія Пушкина знала наизусть.—Кончина ея произвела немѣнимую пустоту въ кругу ея знакомыхъ; закрылся салонъ, › которомъ, благоговѣйно любуясь хозяйкой, можно было быться въ атмосферѣ возвышеннаго и прекраснаго. Нѣкорыя изъ Особъ нашей Императорской Фамиліи были связаы тѣсною дружбой съ Анной Давыдовной. Великія Княгини, › время долгой болѣзни, посѣщали ее почти ежедневно.

Анна Давыдовна скончалась съ молитвой на устахъ: твєдо и покорно, а подъ конецъ даже съ нетерпѣніемъ ожидаа вѣчнаго успокоенія.

И разомъ все пропало—
Листочки и цвѣты,
И лебедя не стало,
И въ небѣ нѣтъ звѣзды! *).

Небольшая брошюра: Translations from russian and gerıan poets by a russian lady (Baden Baden 1875—78)—залючаетъ въ себѣ переводъ стихотвореній гр. Алексѣя Толсто› (16 пьесъ), Пушкина (18 и 19 отвѣтъ митрополита Филаета Пушкину: «Не напрасно, не случайно, жизнь для жизи намъ дана»), Некрасова (Тройка), пяти стихотвореній Хоякова, трехъ Лермонтова, трехъ Тютчева, «Птички» Туманкаго и одного стихотворенія Апухтина. Выборъ оригиналовъ дѣланъ съ художественнымъ тактомъ, исполненіе часто поражаетъ близостью къ красотѣ подлинниковъ. Изъ Пушкина переведены: «Птичка Божія» и отвѣтъ стараго цыгана, когда алеко подошелъ къ нему со словами:

Отецъ! она меня не любитъ!

Затѣмъ извѣстныя лирическія стихотворенія:

1) Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ.

*) Переводъ изъ Гейне покойной А. Д. Баратынской. Баденъ-Баденъ 876 г.

2) Я васъ любилъ. Любовь еще быть можетъ
Въ душѣ моей погасла не совсѣмъ.

3) Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный...

4) Богъ помощь вамъ, друзья мои!

5) Телѣга жизни.

6) Демонъ:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...

7) Стансы:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.

8) Цвѣтокъ засохшій, безуханный
Забытый, въ книгѣ вижу я.

9) Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва...

10) Даръ напрасный, даръ случайный...

11) Въ часы забавъ иль праздной скуки

12) Я помню чудное мгновенье

13) Примѣты:

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны...

14) Стансы:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю...

и наконецъ Посланіе къ ней самой, даровитой переводчицѣ:

Когда-то, помню, съ умиленьемъ...

Чтобы дополнить представленіе о той, которою Пушкинъ гордился, какъ выросшей на его глазахъ красавицей, остановимся на поэтическихъ переводахъ Анны Давыдовны съ иностранныхъ языковъ *.

«Переводы нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ стихотвореній» изданы также въ Баденъ-Баденѣ въ 1876—1877 гу.

Двадцать пять стихотвореній изъ Гейне занимаютъ почти половину небольшой книжечки. Большая часть изъ нихъ сохраняютъ ароматъ пѣсенъ любви съ присущей поэту ноткой грусти.

Вотъ звѣздочка скатилась
Съ лучистой синевы,
И, падая, затмилась;
То звѣздочка любви.

Повѣялъ вѣтръ съ востока
На вешніе листы—
И съ яблони высокой
Посыпались цвѣты.

Тамъ лебедь ужъ печально
По озеру плыветъ,
И пѣснь себѣ прощальну
Чуть слышно онъ поетъ.

И разомъ все пропало:
Листочки и цвѣты;
И лебедя не стало,
И въ небѣ нѣтъ звѣзды!

Вотъ какъ передано дышащее весной извѣстное стихотвореніе:

Ты вся цвѣтокъ весенній—
Мила, свѣтла, чиста;
Любуюсь въ умиленьи
Тобой, мое дитя.

Молю, чтобъ въ вѣкъ не знала
Ни горя ты, ни зла,
Всегда бъ душой сіяла
И прелестью цвѣла.

Чрезвычайно удачна передача новаго періода роман которую можно назвать гейне-вагнеровскою:

Изъ сказочнаго міра
Подъ бѣлою рукой
Звучитъ мнѣ часто лира
И манитъ за собой.

Цвѣты тамъ неземные
Алѣютъ багрецомъ,
Какъ дѣвы молодыя
Подъ свадебнымъ вѣнцомъ;

О! еслибъ можно было
Мнѣ въ міръ тотъ улетѣть,
Забыть все, что не мило,
Душой повеселѣть!

Деревья тамъ тѣнисты
Любовну пѣснь поютъ,
Фантаны серебристы
Кипятъ и пѣной бьютъ,

Отвсюду льются звуки
Волшебной полноты,
И тонешь въ сладкой мукѣ
Умомъ и сердцемъ ты!

Но берегъ то блаженный
Мнѣ зрится лишь во снѣ,
Проснусь—и утомленный
Грущу наединѣ.

Почти всѣ безъ исключенія выбранныя переводч произведенія можно перечитать съ удовольствіемъ, н остановимся еще лишь на двухъ, указывающихъ на д ное ея настроеніе. Съ англійскаго (Миссъ Паркеръ).

Мать младая! ежечасно
За ребенкомъ наблюдай,
И съ любовью беспристрастной
Слову каждому внимай.

Часто и въ игрѣ безвинной
Зарождается порокъ,
Сохрани святымъ, невиннымъ
Этотъ свѣжій голосокъ!

Мать младая! кротко, нѣжно
Юнымъ сердцемъ управляй,
Съ раннихъ лѣтъ его прилежно
Правдѣ Божьей поучай.

Береги златое время
И заботливой рукой
Благотворное ты сѣмя
Сѣй для жатвы неземной.

Изъ Лонгфелло:

Въ часъ вечерній, лишь стихаетъ
Шумъ житейской суеты
И на душу съ неба льются
Благотворныя мечты;

Между тѣмъ какъ одиноко
Надъ печальнымъ комелькомъ
Я гляжу, какъ угасаетъ
Уголекъ за уголькомъ—

Часто мнится мнѣ, что въ двери
Входятъ стройною чредой
Все знакомыя мнѣ тѣни
И бесѣдуютъ со мной.

Вижу милыхъ незабвенныхъ,
Чую близость ихъ сердецъ:
Тотъ, что въ цвѣтѣ лѣтъ и славы
Палъ за истину борецъ;

И они въ сѣдыхъ сѣдинахъ,
Слуги вѣрные Христа,
Что безропотно носили
Бремя тяжкаго креста,

А за ними чистый геній,
Свѣтлый спутникъ юныхъ дней,
Та, чья жизнь была опорой
И оградою моей...

Долго очи неземныя
Нѣжно смотрятъ на меня
И, какъ звѣздочки ночныя,
Полны кроткаго огня.

На устахъ ея безплотныхъ
Вѣры пламенной печать,
И мнѣ на душу нисходитъ
Съ нимъ молитвы благодать.

Преклоняю я колѣна,
Жду безъ страха жизни той,
Лишь бы тѣ жь святыя тѣни
Здѣсь витали надо мною!

Въ сильныхъ страданіяхъ безтрепетно ожидала А. Д. Баратынская своей кончины. Вотъ что писалъ мнѣ ея двоюродный братъ, графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ за мѣсяцъ до ея смерти: «Анна Давыдовна слаба, но теперь менѣе страдаетъ, а бываютъ дни, когда и вовсе не страдаетъ. Боткинъ посѣтилъ ее вчера и нашелъ, что болѣзнь тяжелая. Умъ ея по прежнему свѣтлый, память огромная, безстрашіе передъ смертью изумительное. Она говоритъ о своей смерти хладнокровно и даже благодаритъ Бога, за то, что ея не боится» [1]). Таковъ образъ женщины, еще ребенкомъ обворожившей Пушкина.

---

[1]) См. И. П. Хм [illegible] ча И. Д. Делянова. СПБ. 1898 г., стр. 26.

Свое путешествіе по Россіи Великій Князь Наслѣдникъ началъ съ Петрозаводска, гдѣ я въ то время занималъ должность учителя русской словесности при гимназіи. Весна 1863 года едва ли не лучшая весна въ моей жизни. Послѣ нервической университетской жизни, послѣ тревожнаго раздумья—какую дѣятельность избрать, куда приложить свои молодыя силы, я на крайнемъ сѣверѣ отдохнулъ на работѣ, которая у меня спорилась,—по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ. Возможность близко узнать каждаго изъ учениковъ моихъ, теплое со стороны ихъ отношеніе, сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ моихъ товарищей по службѣ, патріархальная простота нравовъ, знакомство съ людьми въ высшей степени симпатичными, новизна природы сѣверной, полуэпическій разговорный языкъ простолюдиновъ—все это дѣлало для меня жизнь въ Петрозаводскѣ обаятельной. Кончилась хорошая, долгая и трудовая зима; въ концѣ апрѣля очистилось ото льда необъятное Онего. Съ возвышенныхъ мѣстъ видно, какъ оно синѣетъ въ дали.—Надо сказать, что я никогда не живалъ лѣтомъ на сѣверѣ, и блескъ петербургскихъ безлунныхъ ночей былъ мнѣ знакомъ только по Пушкину. Не живалъ я никогда около большихъ рѣкъ и озеръ, и потому понятно, что первая весна въ Петрозаводскѣ съ ея свѣтлыми, какъ день, ночами, давала мнѣ бездну новыхъ впечатлѣній. А тутъ еще синяя рябь необъятной массы воды, вечеромъ краски зари на озерѣ, къ которымъ глазъ не привыкъ; лебеди, чайки, бѣлопарусныя суда у пристани, и въ дали какъ чайки; дымокъ петербургскаго парохода виднѣется за два часа до прибытія «Геркулеса», и весь городъ, выступаетъ смотрѣть «парохода», какъ говорятъ тамъ. Къ этому нужно прибавить прогулки за городомъ по дикому, густому лѣсу, полному дичью, заваленному красивыми камнями. Среди лѣсовъ—озера, изъ-за деревьевъ выглядываютъ темныя кучи каменныхъ холмовъ и скалъ, полуобнаженныхъ, кой гдѣ покрытыхъ мохомъ, кустарникомъ, а иногда и деревьями...

Одна дорога на Кивачъ чего стоитъ! Въ одномъ мѣстѣ, по одной сторонѣ дороги тянутся озера, по другой лѣсистые холмы, крутые какъ стѣна; въ другомъ мѣстѣ десятки островъ въ обширномъ кругозорѣ, въ третьемъ — два боль-

шихъ озера разгорожены лѣсами; а вотъ и самый лѣсъ, по обѣимъ сторонамъ дороги — сгустился и въ перемѣжку со скалами гонится за вами непроглядной стѣной. За шесть верстъ до водопада плывешь въ лодкѣ противъ теченія тихою, многоводною Суною. Скоро ровныя, низкія берега ея смѣнятся горными, лѣсистыми; дикость мѣста поразитъ васъ, рѣка все вьется, и наконецъ вы заслышите шумъ. А тамъ на встрѣчу лодкѣ вашей, по всей поверхности рѣки, поплыветъ бѣлая, густая пѣна. Гористый берегъ еще болѣе высится, а за нимъ прячется Кивачъ, какъ «красная дѣвушка», по выраженію нашего лодочника. Еще нѣсколько минутъ, и вы на верху бесѣдки отдаетесь совершенно новому впечатлѣнію, которое смутно напоминаетъ картины изъ Мильтонова рая, наводитъ мысль на явленія допотопнаго міра, когда рѣки пролагали себѣ путь.

Поѣздка на Кивачъ, слегка очерченная мною, здѣсь у мѣста, потому что она переноситъ читателя туда, куда ѣздилъ любоваться Кивачемъ Тотъ, съ Кого мы начали и къ Кому немедленно перейдемъ.—Крестьяне деревни Вороновой, которые обыкновенно возятъ въ лодкахъ путешественниковъ на Кивачъ, разсказывали намъ, какъ они нѣсколько лѣтъ тому назадъ принимали у себя Государя Императора, посѣтившаго водопадъ. Въ отвѣтъ на это мы имъ сообщили о предстоящемъ пріѣздѣ Наслѣдника. Около того времени мы имѣли положительныя свѣдѣнія, что Николай Александровичъ начнетъ свое путешествіе съ Петрозаводска и ждали его въ началѣ іюня.

Въ ночь на 14-е іюня весь городъ не спалъ. Я въ третьемъ часу ночи былъ на пристани и, придя домой, едва заснулъ, какъ раздавшійся по городу звонъ разбудилъ меня. На утро Наслѣдникъ посѣтилъ соборъ, принималъ представленія, а мы, собравшись въ гимназическомъ залѣ, получили извѣстіе, что въ первомъ часу по полудни Онъ посѣтитъ насъ. Напряженное ожиданіе смѣнилось нѣкоторымъ смущеніемъ, когда подъѣхалъ Наслѣдникъ къ крыльцу гимназіи. Все притихло. И вотъ вошелъ Онъ. Дѣти дружно запѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя». Одна сторона зала занята была небольшею кучкою нашихъ гимназистовъ, по другой—стоя-

ли мы, преподаватели. Актъ былъ прибереженъ къ этому дню. Наслѣднику угодно было самому раздавать награды. Пока продолжалась раздача наградъ, намъ очень удобно было всматриваться въ Цесаревича и изучать его физіономію. Меня съ перваго взгляда поразила въ немъ мягкость, нѣкотораго рода застѣнчивость, которая такъ обаятельна въ его возрастѣ. Не знаю, на сколько это вѣрно на чужой глазъ, но мнѣ Онъ живо напомнилъ Государыню-мать свою: ее удалось мнѣ видѣть на очень близкомъ разстояніи въ Курскѣ (въ 1861 году).

Послѣ раздачи наградъ, во время которой Наслѣдникъ интересовался каждымъ награждаемымъ, я былъ представленъ въ числѣ прочихъ Его Высочеству. Потомъ Наслѣдникъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ было собрано уѣздное училище; Онъ долго былъ тамъ, раздавая награды, и о многомъ распрашивалъ директора. Когда Наслѣдникъ пошелъ осматривать библіотеку, кабинеты и проч., мы, преподаватели, послѣдовали за нимъ. Онъ тутъ же потребовалъ, чтобы гимназисты шли въ слѣдъ, и веселая, оживленная толпа дѣтей, которымъ Цесаревичъ предъ тѣмъ сказалъ привѣтливое слово, присоединилась къ намъ. При обзорѣ библіотеки и кабинетовъ, Цесаревичъ обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ вопросами; меня спросилъ о томъ, что именно проходится по русской словесности въ каждомъ изъ четырехъ старшихъ классовъ гимназіи.—При обозрѣніи зоологическихъ аппаратовъ, у Наслѣдника явилось желаніе подѣлиться съ нашей гимназіею учебными пособіями изъ своего собственнаго кабинета: въ февралѣ 1864 года, гимназія Петрозаводская получила отъ Наслѣдника дорогой препаратъ доктора Озу (полный организмъ человѣка изъ папье-маше). — Изъ нашей гимназіи мы прошли въ женскую. Тамъ я стоялъ снова близъ Наслѣдника и думалъ, что врядъ ли мнѣ придется еще разъ видѣть его такъ близко. Однако въ тотъ же день мнѣ пришлось видѣть его очень близко въ общественномъ саду: тамъ было много народу. Гуляя посреди толпы, Великій Князь быстро перемѣнялъ направленіе, толпа бросалась вслѣдъ за нимъ съ оглушительнымъ крикомъ: «ура». Этотъ маневръ былъ весьма оригиналенъ; Цесаревичъ смѣялся отъ души и о чемъ-то весело разговаривалъ съ дамою, хозяйкою города.

Утромъ другаго дня, въ то время, какъ Его Императорское Высочество осматривалъ горные заводы, у меня на квартирѣ пѣлись былины русскія старымъ слѣпцомъ, Кузьмою Ивановымъ Романовымъ *).

Я давно ждалъ случая услышать пѣвца былинъ. Пѣвцовъ этихъ теперь нѣтъ въ Петрозаводскѣ и окружныхъ деревняхъ. Съ открытіемъ весны нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Петрозаводскъ по своимъ дѣламъ на соймахъ изъ-за Онежья. Кузьма Ивановъ прибылъ въ Петрозаводскъ наканунѣ по своему дѣлу: ему слѣдовало получить изъ думы шесть рублей. Онъ немедлено отправился къ своему знакомому и покровителю П. Н. Рыбникову, а этотъ послѣдній привезъ Кузьму ко мнѣ. Г. Рыбниковъ умѣючи отрекомендовалъ меня недовѣрчивому старику, какъ своего пріятеля. Старикъ затвердилъ мое имя и отчество. Рыбниковъ передалъ мнѣ тотъ способъ, которымъ можно заставить Кузьму пѣть ту или другую былину, и вскорѣ уѣхалъ. Слѣпецъ былъ оставленъ на мое попеченіе, онъ въ тотъ день вечеромъ долженъ былъ уѣхать во свояси. Кузьма обѣдалъ у меня, пѣлъ былину за былиной, отдыхалъ у меня,—какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль: подѣлиться рѣдкимъ впечатлѣніемъ съ нашимъ привѣтливымъ, дорогимъ Гостемъ и просвѣщеннымъ графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, съ которымъ утромъ того дня я много и долго бесѣдовалъ; рѣчь, между прочимъ, коснулась и онежскихъ былинъ.

Но скажу нѣсколько словъ о былинахъ, какъ ихъ поютъ сказители. Впечатлѣніе этого пѣнія слишкомъ цѣлостно, вполнѣ передать его трудно. Рельефно выливаются слова — живые образы природы и вѣковой старины, голосъ приспособленъ къ содержанію, ощутительна каждая запятая. Вольги, Горе-Злосчастіе, Молодецъ безчастный, Добрыня,—различно дѣйствовали на меня, то умиляя святою безъискусственностію, художественной простотою дикціи, то поражая произношеніемъ твердымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ музыкальнымъ, причемъ и самыя красоты языка много выигрываютъ. Повѣяло какою-то невѣдомою стариною, но на старину эту былъ

*) Пѣвецъ этотъ или, по мѣстному выраженію, сказитель, знакомъ любителямъ нашей народной поэзіи по Сборнику Рыбникова.

отзывъ въ душѣ. Пѣніе это было и ново, и вмѣстѣ съ тѣмъ близко сердцу, какъ родное. Вздумалъ — и тотчасъ же отправился я къ графу Строганову и высказалъ ему желаніе—подѣлиться съ нимъ тѣмъ хорошимъ впечатлѣніемъ, которое я самъ впервые испыталъ сегодня. Когда я бесѣдовалъ съ графомъ, было слишкомъ шесть часовъ: оставалось менѣе часу до поѣздки Наслѣдника въ Соломино *). Графъ предложилъ взять старика на пароходъ; я былъ приглашенъ въ число гостей. Надо замѣтить, что старикъ не остался у меня на квартирѣ; онъ боялся, чтобы сойма безъ него не уѣхала: я до того, какъ заѣхалъ къ графу Строганову, доставилъ старика на пристань, причемъ попросилъ хозяина соймы обождать, на что крестьянинъ не охотно соглашался, такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ. Пріѣзжаю отъ графа Строганова на пристань— нѣтъ моего старика! Я бы долго проискалъ его, если бы мнѣ не помогъ хозяинъ моей квартиры, который тутъ случился. Мы нашли старика въ лавкѣ: онъ покупалъ варешки. Я повезъ его вдоль пристани къ самому пароходу. Ожидавшій Наслѣдника народъ, какъ узналъ я послѣ, былъ очень удивленъ этимъ появленіемъ старика; въ особенности дивились тому, что на него не надѣли суконнаго кафтана, что взяли его, какъ былъ: въ сермягѣ, лаптяхъ и дырявой шляпенкѣ. Но въ этомъ костюмѣ онъ былъ несравненно типичнѣе, какъ и срисовалъ его Боголюбовъ. Наслѣдникъ прибылъ чрезъ нѣсколько минутъ съ графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Пароходъ отчаливаетъ, графъ Сергій Григорьевичъ говоритъ со мной, вдругъ подходитъ Великій князь къ намъ.

«Я очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ мнѣ. Мы, надѣюсь, будемъ встрѣчаться»,—вотъ дословно его привѣтствіе. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, я въ ту же ночь записалъ въ дневникѣ своемъ почти слово въ слово все, что говорилъ Наслѣдникъ.

«Мнѣ губернаторъ говорилъ объ васъ, я слышалъ въ гимназіи фамилію вашу, но не успѣлъ съ вами поговорить. Какъ вы сюда попали? Развѣ не можете жить въ Петербургѣ?»

---

*) На противоположномъ Петрозаводску берегу широкой Онежской бухты въ 12 верстахъ отъ города при проливѣ Саломе находится гранитная скала, на ней церковь. Скала эта—была цѣлью прогулки.

И послѣ моихъ отвѣтовъ, Николай Александровичъ продлжалъ:

«Мы съ вами соученики; мнѣ говорилъ Сергій Григорьеичъ, что вы слушали Өедора Ивановича Буслаева».

Потомъ Наслѣдникъ спрашивалъ меня о томъ, какъ училя относятся къ ученикамъ, предполагалъ скуку Петрозадска, спрашивалъ, достаточно ли учительское жалованье. сѣ мои отвѣты Цесаревичъ выслушивалъ со вниманіемъ, вопросы его возникали въ связи съ отвѣтами.—За тѣмъ зговоръ перешелъ на окончившихъ курсъ въ нашей гимнаи; Наслѣдникъ спрашивалъ о тѣхъ молодыхъ людяхъ, на торыхъ онъ обратилъ вниманіе при раздачѣ аттестатовъ и градъ, особенно поинтересовался узнать, куда поступятъ, олучившіе аттестаты, два брата П., какія у каждаго изъ ихъ способности. Случилось такъ, что въ концѣ этого года былъ женихомъ сестры этихъ молодыхъ людей, о которыхъ оворилъ со мною Наслѣдникъ. Потомъ Цесаревичъ спрашилъ меня о моей матери, гдѣ живетъ она. Вслѣдъ за тѣмъ сказалъ Его Высочеству, что зналъ, кромѣ Буслаева, еще дного его преподавателя, Курьяра. Въ отвѣтъ на это Наслѣдикъ объявилъ мнѣ о смерти Курьяра и спросилъ меня, гдѣ встрѣчался съ Курьяромъ и когда я сказалъ, что у графа графини Толстыхъ *). Наслѣдникъ спросилъ меня, кого я це встрѣчалъ въ домѣ этой извѣстной ему особы. Потомъ Цесаревичъ спросилъ, встрѣчалъ ли я его самаго гдѣ либо; я твѣчалъ, что одинъ разъ въ жизни до Петрозаводска видѣлъ Его Высочество на Дворцовой набережной въ самый день бъявленія манифеста 1861 г. Цесаревичъ увлекся воспоминаіемъ объ этомъ времени. «Да, это было хорошее время», азалъ онъ, и потомъ прибавилъ: «и нынѣшній годъ много орошаго сдѣлано».—Наслѣдникъ пошелъ на другую сторону алубы, гдѣ сидѣли дамы. Мнѣ снова довелось бесѣдовать съ рафомъ Сергіемъ Григорьевичемъ, который, замѣтивъ, что мы одъѣзжаемъ, пригласилъ Великаго Князя на возвышеніе, устроное среди палубы. Народъ кричалъ «ура», на верху скалы вонила небольшая соломинская колокольня; на паперти ожи-

---

*) Графъ Александръ Николаевичъ и графиня Анна Михайловна, рожден-я *княжна* Хилкова, по первому браку княгиня Щербатова.

далъ священникъ съ крестомъ и святою водою; изъ церкви вынесли ветхія хоругви. По скалѣ деревянная лѣстница вела къ палаткѣ; лѣстница была усыпана травой и цвѣтами, крестьянскія дѣвушки бросали подъ ноги Цесаревичу букеты; вокругъ скалы и по скалѣ пестрѣли кучки народу. Когда, приложившись ко кресту и обозрѣвъ старинныя вещи (поясъ, вышитый царевною Софьею Алексѣевною), Великій Князь вернулся въ палатку, Кузьма Романовъ былъ уже въ ней, я стоялъ подлѣ него. Нужно было объяснить слѣпцу, что передъ нимъ Наслѣдникъ. «Кузьма Ивановичъ,—сказалъ я,—ты пѣлъ мнѣ нынче про царевича Ивана Ивановича и Өедора Ивановича?»

— Пѣлъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ передъ тобой стоитъ такой-же царевичъ, самъ Наслѣдникъ, Николай Александровичъ. Дряхлый слѣпецъ проговорилъ оробѣлымъ голосомъ: батюшка! По лицу Наслѣдника видно было, какъ онъ былъ заинтересованъ старикомъ; онъ съ удовольствіемъ дозволилъ усадить старика, и пригласилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ, придвинувъ стулъ близко къ намъ. Я ободрилъ старика, такъ какъ уже зналъ манеру говорить съ нимъ, и тотчасъ же навелъ его пѣть былину о Вольгѣ Буслаевичѣ:

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу,
Порождался Вольга сударь Буславичъ
На матушкѣ на святой Руси,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой землѣ:
Мать сыра земля сколыбалася
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
и т. д.

(Первая страница I тома Сборника Рыбникова).

Содержаніе былины такое: хитрый, мудрый Вольга, обучившійся всякимъ хитростямъ и мудростямъ, всякимъ языкамъ человѣческимъ, набралъ дружину добрую, храбрую, и набравши, пошелъ походомъ на Турецъ-землю.—Главный интересъ бы-

ы—это превращеніе Вольги въ различныхъ птицъ и звѣ-
Разговоръ турецкой царицы Панталовны съ мужемъ
эдается Кузьмою такъ живо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ наив-
что, слушая, нельзя не улыбаться. Старикъ пѣлъ какъ
да, иногда среди пѣсни простодушно смѣялся. Николай
ксандровичъ весь отдался новому для него впечатлѣнію,
лся со мною взглядами, жестами, говорилъ со мной о
инахъ, потомъ вскочилъ со стула и, обратясь къ графу
гію Григорьевичу, сказалъ, что непремѣнно надо будетъ
исать объ этомъ Ѳедору Ивановичу (Буслаеву). Потомъ
рилъ, что напишетъ объ этомъ «Матушкѣ».—За первой
иной слѣдовала другая о Добрынѣ Никитичѣ.

Порасплачется Добрыня—порастужится
Передъ своей государыней матушкой.

(См. Бой Добрыни съ змњемъ Горынычемъ 120 стр. I т. Рыбн.)

Третья былина была о добромъ молодцѣ и женѣ не-
чливой, поразительная по оригинальности напѣва. Ме-
былинами мнѣ пришлось сообщить Цесаревичу тѣ
тныя свѣдѣнія о былинѣ въ Заонежскомъ краѣ, которыя
олучилъ отъ П. Н. Рыбникова. Великій Князь подробно
прашивалъ о сказителяхъ и заинтересовался разсказомъ
Ильѣ Елустафьевѣ, давно умершемъ, знаменитомъ на все
нежье сказителѣ, отъ котораго заимствовалъ Кузьма Рома-
ь и другіе его современники-пѣвцы свое искусство. Разговоръ
ешелъ на самый напѣвъ, на содержаніе и историческое
іеніе былинъ. По разговору этому было видно, что На-
дникъ знакомъ съ нашей народной поэзіей; онъ вспомнилъ
тырей, представителей сословій, вспомнилъ, что у Алеши
овича: «глаза завидущіе, руки загребущія». Въ былинѣ
ольгѣ онъ обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто:

Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбу осетринку.

Онъ оживленно улыбался, передавая мнѣ свое впечатлѣніе
Добрынѣ) при словахъ:

Ахъ, вы дѣвицы, красавицы,
Бѣломойницы, портомойницы.

Въ «добромъ молодцѣ» онъ дѣтски улыбнулся при выраженіи:

Королевна душка Аннушка.

И замѣтно было, что улыбку его возбудило сопоставленіе слова Аннушка со словомъ королевна. Послѣ этой былины Наслѣдникъ спрашивалъ меня, знаетъ ли Кузьма былину о томъ, какъ «богатыри перевелись на Руси» и съ увлеченіемъ говорилъ о значеніи этой былины. Къ сожалѣнію, старикъ не зналъ этой былины. Тогда Наслѣдникъ сталъ спрашивать слѣпца, не зналъ ли онъ какъ перевелись богатыри на Руси? Кузьма отвѣчалъ, что они не перевелись, но только не показываются.

— Гдѣ же они находятся?

— Да поди знай гдѣ, отвѣчалъ старикъ.

— Да отчего же они не показываются? продолжалъ спрашивать Наслѣдникъ.

— Потрава огненная пошла, оттого имъ и быть нельзя.

— Mais pourtant c'est une éxplication—обратился ко мнѣ Цесаревичъ, довольный отвѣтомъ старика. И дѣйствительно отвѣтъ замѣчательный: огнестрѣльное оружіе уничтожило значеніе могучихъ плечъ богатырскихъ. Потомъ рѣчь перешла на Павла Николаевича Рыбникова, собравшаго эпическія пѣсни Пріонежскаго края; Цесаревичъ разспрашивалъ о немъ и о его сборникѣ.

Въ палаткѣ было очень небольшое общество, (кромѣ свиты Его Высочества, всего 9 человѣкъ, включая хозяина и хозяйку), что сообщалъ палаткѣ какой-то интимный, безцеремонный характеръ. Вечеръ былъ такой теплый, хорошій. Послѣ пѣнія былины раздалась на водѣ русская пѣсня; пестрыя толпы парней и дѣвушекъ разъѣзжали по озеру въ лодкахъ; на плотахъ горѣли огни. Послѣ чаю Наслѣдникъ отправился съ губернаторомъ и нѣкоторыми другими лицами въ лодкѣ на противуположный низкій берегъ, къ березкамъ, закидывать рыбную тоню. Возвратилась лодка.

«Поймали рыбъ, да только мелкихъ», сказалъ, слегка улы-

баясь своей симпатичной, отроческой улыбкой Наслѣдникъ; какъ теперь вижу его въ военномъ пальто на красной подкладкѣ, въ высокомъ бѣломъ жилетѣ съ башлыкомъ на плечахъ. Войдя въ палатку, Цесаревичъ снова обратился къ Кузьмѣ съ разспросами о Петрѣ Великомъ. Кузьма разсказалъ ему, въ отвѣтъ на это, былину о разграбленіи Румянцовскихъ монастырей. Въ отсутствіе Наслѣдника, Кузьма, съ которымъ графъ С. Г. Строгоновъ разговорился о религіи, спѣлъ стихъ о пустынѣ прекрасной. По возвращеніи Его Высочества, графъ, заинтересованный онежскимъ расколомъ, продолжалъ разговоръ съ Кузьмой. Одинъ отвѣтъ Кузьмы поразилъ эпическою свѣжестью.

— А въ церковь ты ходишь? спрашивалъ графъ.

— Молюсь за князей, за бояръ, за царски за сѣмена, — уклончиво отвѣчалъ старикъ. Трудно пересказать каждое слово живой бесѣды. Когда рѣчь коснулась того, что Добрыня,— представитель боярскаго сословія, Цесаревичъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «и самаго лучшаго сословія». Впрочемъ изъ переданнаго мною выше разговора видно, какъ Онъ былъ полонъ вниманія къ человѣку. Онъ старался, чтобы всѣмъ было по себѣ при немъ. Наконецъ пароходъ отчалилъ отъ Соломина. Весь обратный путь Наслѣдникъ бесѣдовалъ съ дамами. На другой день Цесаревичъ ѣздилъ на Кивачъ: тамъ много и долго любовался на водопадъ, и только вечеромъ того же дня простился съ Петрозаводскомъ; мнѣ не удалось проститься съ Нимъ. Я пошелъ на пароходъ вручить графу Строганову экземпляръ сборника Рыбникова. Графъ взялъ отъ меня книгу, обѣщая передать ее Наслѣднику. Едва простился я съ графомъ, какъ народъ оттеръ меня отъ борта. Наслѣдникъ подъѣхалъ съ губернаторомъ, но не глядѣлъ въ мою сторону. Черезъ два мѣсяца я былъ обрадованъ письмомъ моей матери, которая сообщила, что Цесаревичъ вспомнилъ обо мнѣ въ Курскѣ.

Два года еще не минуло, какъ 7-го апрѣля молитва за немощствующаго Цесаревича Николая Александровича болѣзненно сжала мое сердце. Послѣ обѣдни прочелъ я телеграмму. Не смотря на то, что мы подготовлены были къ горю телеграммами изъ Ниццы, первое слово о смерти прекраснаго

юноши—надежды нашей, сына и жениха, дало новое горестное чувство.

И вотъ недѣлю спустя послѣ первой панихиды, со всею живостью и полнотой вознобновилъ я въ памяти одинъ изъ лучшихъ дней моей жизни, возобновилъ, чтобы отдохнуть на свѣтломъ воспоминаніи. Но послѣ воспоминанія еще страшнѣе перенестись мыслью къ печальной эскадрѣ...

Остается одно утѣшеніе—то, которое предлагаетъ сѣтующій лѣтописецъ, оплакивая смерть Новгородскаго князя—жениха.

Можетъ быть въ отдаленномъ За-онежьѣ сказитель воспользуется готовымъ матеріаломъ, послушнаго ему языка, и народная поэзія, которую любилъ Онъ, откликнется на смерть царскаго первенца, подобно тому, какъ древле отозвалась она на смерть Московскаго царевича:

Упала звѣзда поднебесная,
Потухла въ соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало на Москвѣ царевича!

Новгородъ.
22 апрѣля 1865 г.

‹оролева Виртембергская Ольга Николаевна. *)

ождеіе, крещеніе, юношескіе годы.—Царскосельское училище.—Новодѣвичій онастырь.—Великая княжна-невѣста.—Замужество.—Русская церковь.—Отноше-я къ кн. П. А. Вяземскому и другимъ.—Личныя воспоминанія; 20 лекцій по сской литературѣ.—Посѣщеніе Королевою кн. Вяземскаго и его стихотвореніе къ ней.—Потеря близкихъ.—Заключеніе.

30-го августа 1822 года у великаго князя Николая Па-ловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны родилась орая дочь, получившая имя Ольги. Это благозвучное имя ятой княгини русской было внесено въ императорскую семью ператрицей Екатериною Второю, внука которой, великая яжна Ольга Павловна, жила всего три года. Во время рож-нія великой княжны Ольги Николаевны императоръ Алек-ндръ Павловичъ былъ въ путешествіи на Веронскій кон-ессъ. Манифестъ о рожденіи великой княжны былъ данъ «въ родѣ Вѣнѣ, въ 8-й день сентября». Въ Петербургѣ находи-ісь тогда изъ императорской фамиліи обѣ императрицы и ликій князь Николай Павловичъ съ супругой и дѣтьми: че-рехлѣтнимъ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ трехлѣтнею Маріею Николаевною.

Крещеніе великой княжны Ольги Николаевны совершено ыло и отпраздновано въ Таврическомъ дворцѣ, до возвраще-я Государя. Высоконоворожденная великая княжна—какъ казано въ «церемоніалѣ о св. крещеніи ея императорскаго ысочества великой княжны Ольги Николаевны»—изъ своего ворца привезена будетъ въ Таврическій дворецъ статсъ-дамою нягинею Волконскою въ каретѣ, въ сопровожденіи чиновъ вора ихъ императорскихъ высочествъ и принесется во вну-енніе покои государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Іорядокъ шествія былъ слѣдующій:

*) Напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ.—Январь и Февраль 1993 г. Но тамъ ачиналось со скорбной лѣтописи послѣднихъ дней Королевы и съ подробно-тей о ея погребеніи; здѣсь часть вторая, дополнительная помѣщается впереди.

Обѣ Государыни Императрицы; великій князь Николай Павловичъ; высоконоворожденный Младенецъ, «по изъясненному статсъ-дамою графинею Ш. К. Ливенъ препятствію», несенъ былъ статсъ-дамою княгинею А. Н. Волконскою; по сторонамъ шли, поддерживая подушку и покрывало, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ и генералъ отъ-инфантеріи князь Лобановъ-Ростовскій; герцогиня Виртембергская Антоанетта и принцесса Марія (невѣстка и племянница Императрицы Маріи Ѳеодоровны) замыкали шествіе.

Воспріемниками были: Императрица Марія Ѳеодоровна и заочно король Прусскій и Государь Императоръ. Священнодѣйствіе крещенія было отправлено духовникомъ Ихъ Величествъ соборне; литургію совершилъ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Серафимъ. Императрица Елисавета Алексѣевна поднесла Высоконоворожденную къ причащенію святыхъ Таинъ. Во время пѣнія «Да исполнятся уста наша» орденъ св. Екатерины былъ возложенъ на великую княжну Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Потомъ новокрещенный младенецъ былъ отвезенъ во дворецъ къ родителямъ. Обѣденный столъ съ заздравными тостами и обычными выстрѣлами изъ пушекъ былъ въ Таврическомъ дворцѣ, у Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Великой княжнѣ шелъ третій годъ, когда отецъ ея вступилъ на престолъ. Имя ея высочества въ первый разъ встрѣчается въ церемоніалѣ высочайшаго выхода, въ 1832 году, въ торжество крещенія ея младшаго брата, великаго князя Михаила Николаевича, котораго она и была воспріемницей, 10-ти лѣтъ отъ роду. Потомъ двѣнадцати-лѣтняя великая княжна участвуетъ въ выходѣ по случаю крещенія великой княжны Анны Михайловны и, какъ вторая воспріемница, занимаетъ мѣсто отсутствовавшей великой княгини Анны Павловны.

Великія княжны: Марія, Ольга и Александра Николаевны были поручены надзору Юліи Ѳедоровны Барановой. Ученіе ихъ высочествъ шло оживленно и правильно и принаровлено было къ программѣ Смольнаго. Великія княжны очень часто бывали въ этомъ заведеніи и сами причисляли себя каждая къ извѣстному классу. Когда Марія Николаевна была въ числѣ «*бѣлыхъ*» Ольга Николаевна считалась въ «*голу-*

быхъ». Ольга Николаевна какъ бы состояла въ выпускѣ 1838 года, первой шифрезой котораго была Сеславина (замужемъ за ген. Огаревымъ), племянница партизана, и одной изъ получившихъ шифръ была О. А. Энгельгардтъ (въ замужествѣ —Томилова). Къ этому же выпуску принадлежала и Ек. Н. Полтавцева, нынѣ статсъ-дама, графиня Адлербергъ. Каждая изъ институтокъ того времени выбирала себѣ подругу, съ которой дѣлила трудъ и игры, словомъ, вела особую дружбу. Подругой великой княжны по институту была А. П. Меркулова, дочь московскаго сенатора—по мужу Остафьева. Когда принцесса Прусская (впослѣдствіи Германская императрица) прибыла съ мужемъ въ Петербургъ, то императрица Александра Θеодоровна повезла свою невѣстку въ Смольный. Великія княжны къ тому дню изготовили себѣ институтскіе костюмы и стали каждая въ ряду своего класса. Это былъ сюрпризъ для принцессы, которая никакъ не ожидала встрѣтить своихъ августѣйшихъ племянницъ въ ряду воспитанницъ.

Духъ воспитанія, господствовавшій въ императорской семьѣ, достаточно извѣстенъ. Во главѣ воспитанія стоялъ Жуковскій.

Еще предъ нимъ раскрылся жребій славной:
Святой залогъ пріявъ изъ царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ [1].

Сама королева Ольга Николаевна говорила мнѣ (въ 1869 г.), какъ она любила уроки П. А. Плетнева. Вообще словесность и литературное направленіе были на первомъ планѣ, и ученіе съ годами становилось все глубже и увлекательнѣе. Изъ иностранныхъ литературъ наиболѣе видное мѣсто принадлежало, какъ кажется, французской. Искусствами великія княжны занимались также очень охотно. Ольга Николаевна играла на фортепьяно и на органѣ съ клавитурой. Въ Штутгартѣ былъ нѣкоторое время въ ходу маршъ ея композиціи.—Чарующее впечатлѣніе производила великая княжна, когда играла на органѣ. И слушать, и смотрѣть на нее, играющую, было великое наслажденіе, по словамъ А. А. Воейковой.

1) Стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго: Привѣтствіе В. А. Жуковскому (Полн. собр. сочин. томъ IV).

У той же фрейлины Воейковой и у камеръ-фрейлины Н. А. Бартеневой хранятся до сегодня маленькіе бюсты великой княжны Ольги Николаевны, ею самою вылѣпленные. Тогда академикъ Витали работалъ во дворцѣ, и Ольга Николаевна брала у него уроки. Великая княжна работала карандашемъ и кистью подъ руководствомъ Зауэрвейда. Въ день своего бракосочетанія она прислала въ даръ училищу дѣвицъ духовнаго званія картину своей работы: Пречистая Дѣва еще отроковицей, на колѣнахъ своей матери поучается Закону Божію.

Душа великой княжны роднилась со всѣмъ изящнымъ и возвышеннымъ. Обстановка вполнѣ благопріятствовала такому развитію: въ жизни семейства императора Николая Павловича было отсутствіе суеты.

Второе пятилѣтіе тридцатыхъ годовъ было порою юности Ольги Николаевны. Это были самые счастливые и самые славные годы царствованія Николая I-го. Царская семья состояла изъ четырехъ сыновей и трехъ прекрасныхъ дочерей. Въ ближайшемъ прошломъ были славныя побѣды. Муза Пушкина творила «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери». Миръ Европы былъ въ рукахъ царя, котораго слово было честно и грозно; клеветникамъ Россіи отвѣчало презрѣніе, а Государь дружественно посѣщалъ вѣнценосцевъ Европы. Въ тѣ годы праздновалось совершеннолѣтіе наслѣдника, а затѣмъ и замужество старшей великой княжны. Въ тѣ годы около двора было столько истинно царскаго блеска. Императрица и ея дочери были чѣмъ-то идеально прекраснымъ.—Тогда бывали блестящіе костюмированные балы. На одномъ изъ нихъ (2 февраля 1844 г.), было поставлено три кортежа; дворъ Калифа Гаруна аль-Рашида, гдѣ во главѣ дамъ была великая княжна Александра Николаевна въ тунисскомъ костюмѣ, потомъ слѣдовало шествіе Оберона, Титанію изображала великая княжна Екатерина Михайловна, а во главѣ ундинъ находилась великая княжна Ольга Николаевна [1]). Третій кортежъ былъ дворъ Карла Великаго. Нельзя во всю жизнь забыть красоту и грацію Ольги Николаевны,—говорятъ очевидцы—когда она изобража-

[1]) Остальныя лица въ этомъ кортежѣ были дѣвицы: Татьяна Ва[illegible] Энгельгардтъ, Тришатная 2, граф. М. Армфельдъ, княжна С[illegible] Строганова, Безобразова и княгиня Барятинс[illegible] Н. Лобанова-Ростовская.

ла Ундину. Ея бѣлокурые локоны были перевиты водяными растеніями, облѣплявшими ея бѣлое воздушное платье съ голубыми и зелеными переливами; въ рукахъ великая княжна держала жемчугъ и кораллы. Помнятъ ее и всадницей (съ кавалеромъ кн. Лобановымъ) на костюмированномъ каруселѣ, въ Царскомъ селѣ. Хотя и Александра Николаевна была очень красива,—говорятъ современницы—но въ Ольгѣ Николаевнѣ, при граціозной походкѣ, при идеальной чистотѣ взора, было что-то, право, какъ-будто неземное.

Преждевременная кончина великой княгини Александры Николаевны, только-что вышедшей замужъ за принца Гессенъ-Кассельскаго, была единственнымъ горемъ царской семьи въ эти годы. Глубоко огорченный родитель еще ближе, еще дружественнѣе сошелся съ оставшеюся въ живыхъ дочерью.

Вступившая въ 1841 году въ царскую семью Цесаревна Марія Александровна дружески сошлась съ Ольгой Николаевной. Ихъ связывала, между прочимъ, и искренняя привязанность къ православной вѣрѣ.

Великая княжна Ольга Николаевна вышла замужъ на 25 году. Такое сравнительно долгое дѣвичество великой княжны оставило по себѣ не мало воспоминаній о ея благихъ дѣяніяхъ. При Ольгѣ Николаевнѣ состояла съ 1838 года воспитательницей Анна Алексѣевна Окулова. Въ одно изъ путешествій по Россіи, государь Николай Павловичъ случайно встрѣтилъ эту дѣвицу,—уже не первой молодости, и узналъ въ ней воспитанницу одного изъ петербургскихъ институтовъ. Остроумный отвѣтъ Анны Алексѣевны на вопросъ Государя—отчего ея не было на вчерашнемъ балѣ? произвелъ впечатлѣніе. Потомъ г-жа Окулова была приглашена ко Двору и приставлена къ великой княжнѣ. Анна Алексѣевна была чистокровная русская и притомъ глубоко вѣрующая и чрезвычайно добрая. Она внесла съ собою ту національную стихію, которую любилъ Государь и которой противодѣйствовало иноземное вліяніе. Анна Алексѣевна знала хорошо нашъ чудный языкъ, любила читать все русское. Она занималась Закономъ Божіимъ съ Цесаревной, работая надъ усвоеніемъ уроковъ ...жапова. Русское чувство воспринято было душою впеча...юй и склонной къ нему: черезъ Анну Алексѣевну

Ольга Николаевна узнавала иногда и тѣхъ, кто, по положенію, не принадлежалъ къ придворному и даже великосвѣтскому кругу. Узнаетъ ли великая княжна объ особомъ талантѣ къ живописи или къ музыкѣ въ какомъ-либо достойномъ семействѣ, или объ особо нравственномъ направленіи молодой матери-воспитательницы—что̀ встрѣчалось тогда не очень часто —и этого было довольно для того, чтобы между этими лицами и великой княжной возникала нравственная связь, не порывавшаяся и долго послѣ, на чужбинѣ.

Всѣ лица, близкія къ Аннѣ Алексѣевнѣ, были и по смерти этой послѣдней всегда особо пріятны королевѣ.

Мысль о созданіи небывалаго еще на Руси училища для дѣвицъ духовнаго званія созрѣла подъ сѣнью кружка Ольги Николаевны. Великая княжна отдала̀сь съ полнотою чувства учрежденному ею заведенію. Она посѣщала его почти ежедневно и тогда, когда было всего 12 воспитанницъ, помѣщавшихся въ наемной квартирѣ, на углу Колпинской и Церковной улицъ.

Великая княжна стремилась дать религіозное воспитаніе и хорошую грамотность дѣвицамъ, чтобы онѣ могли учить въ послѣдствіи и своихъ дѣтей, стремилась пріучать ихъ къ трудамъ въ прачешной и кухнѣ—и ко всякому женскому рукодѣлію. Первая начальница Надежда Павловна фонъ-Шульцъ, рожденная Шипова, состояла въ родственной связи съ Анной Алексѣевной Окуловой. Къ лицамъ, потрудившимся при основаніи училища, принадлежалъ извѣстный въ Петербургѣ ученый протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ. Зять его, И. И. Базаровъ, впослѣдствіи избранъ былъ Ольгою Николаевною священникомъ въ Штутгартъ и до самой ея кончины былъ духовникомъ ея. Это указываетъ на сердечныя, такъ сказать, духовныя связи Ольги Николаевны съ любимымъ ею Царскосельскимъ училищемъ.

Мы не имѣемъ возможности говорить здѣсь о личныхъ достоинствахъ высоко нравственной первой начальницы упомянутаго заведенія, ни о томъ, какіе плоды принесла долголѣтняя неусыпная дѣятельность Н. П. Шульцъ. Скажемъ только, что выпущенныя изъ заведенія воспитанницы были потомъ матерями и воспитательницами цѣлаго поколѣнія

Өеофанія была тоже художницей, и иконы ея письма уже украшали Горицкую обитель.—Несомнѣнно, что любимая дочь Императора возлюбила дѣло, которое онъ такъ принялъ къ сердцу. Дворъ и свѣтъ и оффиціальная печать не подтверждаютъ этого участія великой княжны въ дѣлѣ учрежденія Новодѣвичьяго монастыря въ Петербургѣ. Но есть и доселѣ кружокъ людей, почитавшихъ и близко знавшихъ мать Өеофанію. Между ними живетъ преданіе о непосредственномъ участіи Ольги Николаевны въ богоугодномъ дѣлѣ устроенія обители.

«Великая княгиня Ольга Николаевна, въ 1849 году, 18 іюля, удостоила посѣщеніемъ своимъ игуменію Өеофанію въ ея келліяхъ, на Васильевскомъ острову—гласитъ монастырская лѣтопись—и, узнавъ о болѣзни вѣрнаго друга игуменьи, монахини Варсонофіи, пожелала ее навѣстить». Въ 1853 году великая княгиня Ольга Николаевна застала въ келліяхъ игуменьи монахиню за чтеніемъ псалтиря и спросила ее какую каөисму она читала, когда она вошла. Десятую—отвѣчала монахиня.—«Какимъ псалмомъ она начинается»?—На тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся во вѣки. На это великая княгиня сказала: «этотъ псаломъ мой отецъ очень любитъ, и когда онъ издалъ манифестъ предъ Венгерской кампаніей, то въ началѣ самъ написалъ этотъ псаломъ».

Въ 1856 году, въ четвергъ на пятой недѣлѣ великаго поста, въ третьемъ часу пополудни, великая княгиня Ольга Николаевна неожиданно прибыла въ обитель. Прямо вошла въ Аөонскую церковь и, увидавъ монахиню за чтеніемъ псалмовъ, спросила: дома ли матушка? и тотчасъ подошла къ иконѣ Богородицы «Отрада и Утѣшеніе» и стала на колѣняхъ горячо молиться. Въ 1858 г. великая княгиня благодарила игуменью Өеофанію трогательнымъ письмомъ за монастырское рукодѣліе.

Отдаленная отъ родины своей—писала она—я не лишаюсь доброй памяти своихъ соотечественницъ, богомольныхъ сестеръ Воскресенскаго монастыря, всегда близкаго моему сердцу. Риза обновлена сегодня, въ день причащенія моего Святыхъ Таинъ.—Въ 1858 году великая княгиня осматривала ризницу и мастерскія и изъявила желаніе взять съ собою въ Штут-

арть копію съ иконы Спасителя, находящейся въ домикѣ Іетра Великаго—работу сестеръ обители [1]).

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ открытія Царскосельскаго 'чилища и указа объ учрежденіи Новодѣвичьяго монастыря. Імя великой княжны, какъ воспріемницы, мы видимъ въ церемоніалахъ о крещеніи ея племянниковъ, дѣтей Цесаревича: Іиколая Александровича и Александра Александровича. Заѣмъ, Императрица Александра Ѳеодоровна отправляется, по ездоровью, въ Италію и зиму 1845—1846 года проводитъ ъ великою княжной въ Палермо. Туда прибылъ и кронъпринцъ Виртембергскій. Нѣмецкіе источники говорятъ о впеатлѣніи, произведенномъ на принца красотою великой княжны. Послѣ помолвки женихъ сопровождалъ Императрицу и евѣсту свою до Венеціи. Какъ-то разъ, на прогулкѣ, зашли ъ заѣзжему нѣмцу, снимавшему дагереотипные портреты. Во ремя сеанса нѣмецъ обращался съ великой княжной, какъ ъ обыкновенной дѣвицей: она была одѣта очень просто. Это бращеніе привело въ восхищеніе принцессу—повѣствуетъ ицо, сопровождавшее тогда кронъ-принца [2]).

Это напоминаетъ мнѣ, какъ игриво и живо (въ 1869 г.) Королева разсказывала,—какъ въ юности она со своими сетрами и воспитательницей отправились пѣшкомъ изъ Петерофа въ Сергіеву пустынь, а экипажамъ велѣли пріѣхать послѣ—и какъ имъ было весело, что ихъ не узнали. Когда же ріѣхали придворныя коляски, ихъ признали и быстро измѣились въ обращеніи.

Изъ Венеціи Императрица съ нареченною невѣстою направилась въ Зальцбургъ, куда прибыла и королева Виртембергкая—будущая свекровь, познакомиться съ невѣстой сына.

25-го іюня того же 1846 года, въ день рожденія Государя, въ Петергофѣ, было совершено торжественное обрученіе великой княжны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ Карломъ. Обрученіе было совершено въ церкви дворца митрополитомъ Антоніемъ. Въ Петровской залѣ Петергофскаго дворца былъ балъ въ тотъ же день—вечеромъ иллюминація.

1) «С.-Петерб. Воскр. женскій монастырь», стр. 226—228.
2) Лицо это былъ Гаклендеръ, сопровождавшій кронъ-принца и на бракосочетаніи.

1 іюля, въ день рожденія Императрицы, въ 8 часовъ утра, пять пушечныхъ выстрѣловъ дали знать, что того числа имѣетъ быть брачное торжество. Бракосочетаніе совершено было по обычному церемоніалу также въ Петергофѣ. По совершеніи вѣнчанія и пѣнія «Тебѣ Бога хвалимъ» шествіе направилось въ столовую залу, гдѣ было бракосочетаніе по обряду исповѣданія его королевскаго высочества, наслѣднаго принца Виртембергскаго, какъ сказано въ церемоніалѣ. Обѣденный столъ былъ въ Бѣлой залѣ, въ 8 часовъ вечера балъ, или куртагъ,— въ Петровской залѣ. Высоконовобрачныхъ въ ихъ аппартаментахъ встрѣчали Цесаревичъ и Цесаревна. Цѣлодневный звонъ и иллюминація, какъ въ столицѣ, такъ и въ Петергофѣ, были три дня. Гаклендеръ, сопровождавшій кронъ-принца, описываетъ поразившее нѣмцевъ великолѣпіе русскаго двора и не поддающуюся описанію иллюминацію парковъ и фонтановъ. До нынѣ въ Петергофскомъ дворцѣ сохранилась современная свадьбѣ отдѣлка комнатъ новобрачныхъ, и аппартаменты эти носятъ еще названіе «половины Ольги Николаевны». Въ Петергофѣ память Ольги Николаевны осталась и въ названіи «Ольгина острова», гдѣ маленькій домикъ напоминаетъ о великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, также какъ въ Царскомъ Селѣ домикъ на прудѣ напоминаетъ о младшей сестрѣ ея, Александрѣ Николаевнѣ. Замѣчательно, что въ самый день брака великая княжна пишетъ въ Царское Село начальницѣ Училища письмо и посылаетъ, названную нами выше, картину своей работы. Въ Петергофѣ есть и Ольгина улица.

Имя Ольги придано больницѣ для неизлѣчимыхъ въ Петербургѣ, близъ Смольнаго. Ольга Николаевна задумывала нѣчто широкое и обширное, но осталась небольшая больница. Въ ней и до сегодня есть кровать на средства королевы Виртембергской.

Осенью того же года великая княгиня, теперь уже кронъ-принцесса, была на берегахъ Неккара. Будучи невѣстой, Ольга Николаевна выписала изъ Штутгарта книги, которыя бы ознакомили ее съ исторіей и бытомъ новаго отечества. Бывшій тогда посланникомъ въ Штутгартѣ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ собралъ для великой княжны все, что

было нужно для этой цѣли, и будущая королева принялась изучать исторію и бытъ Виртембергскаго королевства.

Въ 1847 году Виртембергскую страну постигъ голодъ, и швабы тогда узнали свою кронъ-принцессу. По кончинѣ ея, черезъ 46 лѣтъ, припомнили они широкую энергичную дѣятельность Ольги Николаевны.

Въ слѣдующемъ году въ Штутгартѣ, какъ и въ другихъ городахъ Германіи, было неспокойно: начались уличныя сходбища и безпорядки. Разъ такое скопище въ теченіи нѣсколькихъ часовъ окружало дворецъ кронъ-принца. Тогда кронъ-принцесса вышла на болконъ и сказала народу нѣсколько словъ. Рѣчь начиналась тѣмъ, что она никого не боится, что она дочь Императора Николая — кончилась же разъясненіемъ безцѣльности сходки и просьбою разойтись по домамъ. Рѣчь произвела магическое впечатлѣніе; толпа разошлась съ восторженнымъ крикомъ: «Hoch dem Kronprinzen»! «Hoch der Kronprinzessin»!

Долго помѣщеніе кронъ-принца было не готово, и только въ 1853 г. былъ открытъ дворецъ, хотя не особенно просторный, гдѣ наконецъ устроена была съ нѣкоторымъ удобствомъ и православная церковь.

Ольга Николаевна часто ѣздила въ Россію въ пятидесятыхъ годахъ и позднѣе. Въ 1850 году она упомянута, какъ воспріемница великаго князя Алексѣя Александровича — быть можетъ и заочно. Въ 1851 году мы видимъ Ольгу Николаевну вмѣстѣ съ супругомъ въ Москвѣ, гдѣ Императоръ Нилай Павловичъ праздновалъ 25 - лѣтіе своего коронованія и куда, въ самый день этого торжества, пришло извѣстіе о рожденіи новой Ольги, дочери великаго князя Константина Николаевича, нынѣшней королевы Эллиновъ.

При крещеніи Ольги Константиновны Ольга Николаевна не присутствовала, но упомянута въ церемоніалѣ, какъ вторая воспріемница, послѣ Цесаревны.

Въ 1853 году великая княгиня опять была въ Петербургѣ лѣтомъ, а въ 1854 году и зимою. Тогда любимая дочь дѣлила съ Императоромъ Россіи его тяжелыя думы и великую скорбь. Тогда родилась великая княжна Вѣра Константиновна, — и вотъ какой разсказъ слышалъ я отъ самой Ко-

ролевы, въ 1869 году. Разговоръ зашелъ объ имени «Вѣра» и перешелъ на великую княжну. «*Ее хотѣли назвать Александрой. Помню, какъ батюшка Государь взялъ ребенка на руки, поднялъ глаза къ небу и сказалъ: пусть будетъ она моя вѣра*».—Ольга Николаевна съ супругомъ участвовала въ высочайшемъ выходѣ, по случаю крещенія великой княжны Вѣры Константиновны, и упомянута въ числѣ воспріемницъ.

Записная книжка князя П. А. Вяземскаго даетъ намъ такое свѣдѣніе: «30 августа (1854 г.) рожденіе великой княгини. Обѣдня, послѣ обѣдни поздравленіе; принцъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка; ѣздили на виллу смотрѣть подарки. Отъ Государя браслетъ съ бриліантовыми словами: *Вѣруй* и *надѣйся*» *).

Отношеніе Ольги Николаевны къ русскимъ заграницею было самое дружественное и сердечное. Не далеко отъ Штутгарта доживалъ послѣдніе годы Василій Андреевичъ Жуковскій. Великая княгиня переписывалась съ нимъ и во время его болѣзни принимала самое живое участіе во всѣхъ обстоятельствахъ его семейной жизни. Духовникъ о. И. И. Базаровъ былъ отпущенъ къ одру умирающаго, въ Баденъ, и оттуда давалъ ежедневныя извѣстія Ольгѣ Николаевнѣ.

Князь П. А. Вяземскій бывалъ въ Штутгартѣ очень часто, проводилъ тамъ Пасху и дни именинъ Государя и самой великой княгини. Въ 1855 году онъ встрѣчаетъ ее въ Веймарѣ, гостя у великой княгини Маріи Павловны. Тогда Ольга Николаевна возвращалась изъ Петербурга, отъ гроба нѣжно любимаго родителя своего. Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Петербургѣ князь Вяземскій снова заграницей—въ Штутгартѣ, и записываетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «6 октяря (1858). Обѣдали съ женою и Титовымъ у великой княгини.—10. Вчера прекрасный балъ на виллѣ. Смотрѣло и пахло Петербургомъ».

В. П. Титовъ былъ, послѣ князя А. М. Горчакова посланникомъ въ Штутгартѣ довольно долгое время. Ея Величество, въ 1869 году, не разъ говорила мнѣ о Титовѣ, кото-

*) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. X, стр. 138.

рый давалъ ей возможность слѣдить за всѣмъ выдающимся въ русской литературѣ.

Въ 1864 году Ольга Николаевна стала Королевой и переселилась въ большой королевскій дворецъ. Тамъ немедленно было приступлено къ устройству помѣстительной и благолѣпной православной церкви. Доступъ въ церковь былъ свободный для всѣхъ желающихъ, какъ представленныхъ, такъ и не представленныхъ ко Двору. Королева обыкновенно становилась между мѣстною иконою и правымъ клиросомъ, на особомъ мѣстѣ, такъ что ея не было видно. Послѣ каждаго богослуженія Королева, проходя по солеѣ въ свои покои, останавливалась и кланялась всѣмъ присутствующимъ, а иногда съ нѣкоторыми и говорила тутъ же. Всѣ обыкновенно не трогались съ мѣста, ожидая удовольствія взглянуть на Королеву. Присутствіе Королевы не стѣсняло никого при исполненіи требъ. Говѣли—кто когда хотѣлъ,—и на первой, и на послѣдней недѣлѣ великаго поста, и тогда причащались одновременно съ Королевой. Въ пасхальную ночь всѣ извѣстные Королевѣ русскіе приглашались еще съ вечера на розговѣнье. Въ 11 часовъ зала, не подалеку отъ церкви, наполнялась публикой, потомъ вслѣдъ за духовенствомъ, при пѣніи: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе», изъ церкви выходили Король и Королева съ зажженными свѣчами, и двери церкви затворялись, по обычаю, до радостнаго: «Христосъ Воскресе». Король оставался до конца литургіи. Къ Королевѣ всѣ подходили христосоваться. Евангеліе читалось діакономъ по церковно-славянски, а священникомъ по-нѣмецки.

Разговлялись въ двухъ залахъ. Многіе получали изъ рукъ Королевы фарфоровыя яйца съ миніатюрной живописью—работы Петербургскаго фарфороваго завода. Помню, какъ Ольга Николаевна, послѣ ужина и продолжительнаго обхода гостей, спросила у одной изъ приближенныхъ къ ней дамъ: *Со всѣми ли я говорила? Нѣтъ ли еще кого?* Нѣкоторыя изъ дамъ, напримѣръ, отъѣзжавшія, призывались Королевою еще на нѣсколько минутъ въ особую комнату и получали на память подарки, или фотографіи съ подписью. Въ этотъ день Королева всегда присутствовала на вечернѣ. Въ дни памяти

своихъ родителей Королева, вся въ черномъ, присутствовала всегда на заупокойной обѣднѣ.

Оканчивая заграничное путешествіе съ ученой цѣлью, въ концѣ 1868 года, я прибылъ въ Штутгартъ. На другой день пріѣзда мы (я и жена моя) увидали въ первый разъ Королеву въ королевскомъ паркѣ, около дворца. Вставъ со скамейки, Королева быстро направилась къ гулявшему тамъ же Королю. Ея видъ и величавая походка произвели на насъ обаятельное впечатлѣніе. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, Королева пожелала насъ принять. И вотъ, 23 декабря, пройдя рядъ залъ, очутились мы передъ дверьми приватной гостиной Королевы. Послѣ доклада, двери очень скоро отворились, и среди мебели, затканной цвѣтами съ бѣлымъ атласнымъ фономъ, въ довольно просторной и очень свѣтлой комнатѣ, убранной во вкусѣ Людовика XVI, стояла Королева *).

*Вы дочь т—те ***— не правда ли?* спросила она жену мою по-французски и продолжала: — *Я послѣдній разъ видѣла матушку вашу два года назадъ. Я не знала, что у т—те *** такая большая дочь—и замужемъ!* Потомъ ко мнѣ: *вы здѣсь по порученію министра съ ученой цѣлью?* Жену послѣ этихъ словъ посадила на кресло противъ своего диванчика; я сталъ поодоль—попросила и меня сѣсть.— *Давно ли вы изъ Россіи? гдѣ были заграницей?* Когда я упомянулъ Іену, было спрошено о профессорѣ Каро и прибавлено: «*Его знаетъ Елена Павловна*». Затѣмъ слѣдовали вопросы о моихъ занятіяхъ и такъ были поставлены, что я получилъ возможность въ краткихъ словахъ дать о нихъ отчетливое понятіе. При этомъ съ невыразимо пріятною улыбкою сказала, что не понимаетъ красотъ Niebelungen Lied. Хвалила учителя нѣмецкой словесности въ Штутгартѣ, который тогда занимался съ гостившимъ у Королевы племянникомъ ея, Сергіемъ Максимиліановичемъ, и совѣтовала посѣтить его уроки, но прежде записать его имя. Потомъ разспрашивала о томъ, кто теперь въ Петербургѣ увлекательно

*) Этотъ пріемъ насъ Королевой переданъ здѣсь такъ, какъ это было записано въ дневникѣ въ тотъ же день. Тутъ нельзя не подивиться такту и обаятельному умѣнью обойтись съ молодыми людьми, въ первый разъ представляющимися.

преподаетъ словесность. Рѣчь перешла со словесности на исторію. Ея Величество упомянула Стасюлевича: *Я слышала, что онъ отлично преподаетъ*. Разговоръ перешелъ на «Вѣстникъ Европы». Королева по этому поводу стала говорить съ сожалѣніемъ о томъ, что теперь ей никто не замѣняетъ В. П. Титова, что онъ указывалъ ей на все выдающееся въ русской литературѣ, и прибавила, что, по недостатку времени, ей самой выбирать себѣ чтеніе не всегда возможно. Потомъ говорила о поэтическихъ произведеніяхъ Майкова и прибавила, что новое стихотвореніе Некрасова «Въ лѣсу» она не очень-то понимаетъ. Затѣмъ Королева спрашивала, гдѣ я учился. При имени Буслаева перевела разговоръ на покойнаго Цесаревича, котораго все время называла: *мой племянникъ*. Продолжала распрашивать насъ о нашей роднѣ, кому изъ дѣтей передала матушка жены моей свой талантъ къ живописи, вспомнила ея эскизы въ давнемъ прошломъ. Когда мы сказали, что сынъ наслѣдовалъ талантъ матери, но пока еще проходитъ курсъ въ университетѣ, прибавила: «*Мнѣ это нравится. Марья Николаевна говорила мнѣ, что почти нѣтъ образованныхъ художниковъ*». Затѣмъ рѣчь зашла о довольно своеобразномъ происшествіи съ одной сироткой—нищенкой, помѣщенной въ Кудряшевскій пріютъ въ Петербургѣ. Королева просила разсказать, какъ это было, и по этому поводу спросила жену мою, читала ли она романъ «L'allumeur des réverbères», изображающій подобный случай—и посовѣтовала прочесть. Потомъ говорила о романахъ Тургенева, «Дымъ» не нравится; больше другихъ нравится «Отцы и дѣти», потомъ объ авторѣ ихъ, жившемъ тогда въ Баденъ-Баденѣ: *Теперь онъ что-то не ѣздитъ сюда. Ему сказали, что я на него сержусь за то, что онъ назвалъ героя именемъ моего духовника; но это не такъ: я говорила, что это было не очень-то пріятно*. Рѣчь перешла на о. Базарова. Королева говорила, какъ онъ соединяетъ въ себѣ чистую вѣру въ Бога съ образованностью и любовью къ Россіи, какъ старается привлечь въ составъ причта образованныхъ людей. Потомъ воспоминаніе о Царскосельскомъ училищѣ и нѣсколько словъ о Надеждѣ Павловнѣ Шульцъ; за тѣмъ разговоръ перешелъ на воспитаніе, и наконецъ Королева встала и, про-

щаясь, спросила, долго ли мы еще пробудемъ въ Штутгартѣ и куда ѣдемъ.

Выходя изъ дворца, мы были просто въ восхищеніи отъ этихъ разспросовъ, проникнутыхъ вниманіемъ, отъ милыхъ улыбокъ, живыхъ замѣчаній. Поразило насъ и начитанность и образованность Королевы, и вся эта оживленная бесѣда, такъ долго продолжавшаяся.

Черезъ десять дней послѣ того былъ русскій новый годъ. Послѣ обѣдни Королева принимала поздравленія въ залѣ, близъ церкви. Король былъ въ Андреевской лентѣ и со звѣздою, меня спросила Королева о предстоящей поѣздкѣ въ Тюбингенъ, жену, которая передъ тѣмъ хворала, — о состояніи здоровья.

Послѣ возвращенія моего изъ Тюбингена, куда я ѣздилъ на непродолжительное время и откуда направлялся въ Россію, О. А. Томилова, воспитательница великой княжны Вѣры Константиновны, передала мнѣ предложеніе Королевы остаться до лѣта въ Штутгартѣ для прочтенія лекцій по русской словесности въ присутствіи Королевы и ея августѣйшихъ племянницы и племянника. Лекціи эти начались черезъ недѣлю послѣ этого предложенія. На первой же лекціи Королева сказала, что она желаетъ этихъ лекцій и что ихъ не можетъ быть менѣе 20, по ея мыслямъ. Лекціи были по одному разу въ недѣлю, рѣдко по два, всегда въ 8 часовъ вечера. Въ угловой мраморной залѣ дворца поставленъ былъ столикъ и стулъ для лектора, а передъ нимъ — кресла въ два ряда. Слушателей кромѣ Королевы и ея августѣйшихъ племянницы и племянника, Сергія Максимиліановича, было человѣкъ 10—12 [1]).

Первая лекція была 9 февраля. Рѣчь шла о началѣ русской письменности, внѣ Россіи, а потомъ въ Кіевѣ. Королева послѣ лекціи высказала мнѣ свое удовольствіе и спрашивала о темѣ для второй лекціи и послѣ моего отвѣта, что коснусь памятниковъ литературы XII-го столѣтія, сказала:

---

[1]) Эти слушатели были: О. А. Томилова, двѣ ея племянницы и г-жа Боровская, въ замужествѣ Веневитинова, графиня Мусина-Пушкина, рожд. граф. Орлова-Денисова, Н. А. Столыпинъ съ супругою, графъ и графиня Толь, графъ Муравьевъ въ послѣдствіи Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, иногда и самъ о. Базаровъ и секретарь Королевы, покойный Р. Θ. Аделунгъ.

чему и были посвящены слѣдующія четыре лекціи. Послѣ одной изъ нихъ, я показывалъ новое тогда изданіе сочиненій Державина акад. Грота—первые три тома—и объяснялъ достоинство и интересъ такого еще небывалаго у насъ изданія. Ольга Николаевна спросила: *Это тотъ Гротъ, который училъ великихъ князей?* и послѣ утвердительнаго отвѣта: *А, знаю, онъ перевелъ Fritiof's Sage Тегнера.*

Потомъ, послѣ этой же лекціи, просила указать ей и прислать на домъ то мѣсто—о великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ,—на которое я намекнулъ при оцѣнкѣ комментаріевъ Грота: «Эродій на гробѣ праведницы»*). Тутъ же разговорилась объ Екатеринѣ Великой и просила меня отмѣтить наиболѣе выдающіяся мѣста изъ бумагъ Екатерины въ только что полученныхъ сборникахъ Историческаго общества.

Послѣ лекціи о Батюшковѣ Королева признавалась, что не знала прочитанныхъ мною прекрасныхъ отрывковъ: *Я только одно стихотвореніе его учила наизусть: «Я берегъ покидалъ туманный Альбіона».*

Послѣ каждаго чтенія о Пушкинѣ (послѣднія три лекціи) Королева обыкновенно говорила: *Сегодня было очень интересно!* Ея Величество разсказывала, что Плетневъ объяснялъ ей, называя всѣхъ кто тогда означенъ былъ звѣздочками въ стихотвореніи: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ». Ея Величество спросила меня: откуда я взялъ объясненіе стихотворенія: «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ», что будто бы оно относится къ Императору Николаю, зачитавшемуся Иліадой въ переводѣ Гнѣдича, во время бала въ Аничковскомъ дворцѣ. Я, разумѣется, указалъ на статьи Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ». Тогда Королева сказала, послѣ нѣкотораго раздумья: *Покойный Государь любилъ Пушкина—я это знаю, да онъ часто и призывалъ его къ себѣ.* Послѣ лекціи Королева иногда проводила остальную часть вечера и кушала чай у Ольги Александровны Томиловой на третьемъ этажѣ дворца. Тамъ бывало нѣсколько приглашенныхъ, преимущественно дѣвицъ; тамъ пѣли, играли на фортепьяно. Припоминаю одинъ изъ этихъ вечеровъ (12 марта), Короле-

---

*) Сочиненія Державина Изд. Академіи Наукъ т. II, стр. 583 и 727.

ва сѣла на большое кресло; къ ней придвинули столикъ. «*Les deux messieurs à ma table*». Это относилось къ состоявшему при Сергіи Максиміліановичѣ, В. Н. Зубову и ко мнѣ. Говорила о Филаретѣ Московскомъ и объ Иннокентіи Херсонскомъ, т. е. о ихъ проповѣдяхъ. Потомъ разговоръ перешелъ на Россію вообще и даже на Петергофъ. Разсказывала, какъ она любила восходъ солнца на морѣ—въ Петергофѣ, и потомъ объ той таинственной поѣздкѣ въ Сергіеву пустынь изъ Петергофа, о которой мною было сказано выше. Въ этотъ же вечеръ я читалъ Майкова «Поля», «Аспазію» и «Чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ». Послѣднія два стихотворенія она знала, но захотѣла прослушать; «Поля» слушала въ первые и очень хвалила.

Однажды вмѣсто вечера у О. А. Томиловой былъ вечеръ у Сергія Максиміліановича—и тоже послѣ лекціи. Тогда Королева, обыкновенно одѣтая по домашнему на лекціяхъ и у г-жи Томиловой—была въ вечернемъ блѣдно-голубомъ платьѣ съ бѣлой камеліей въ волосахъ. Несмотря на свои 46 лѣтъ, она была ослѣпительно хороша. Подошла ко мнѣ и, по обыкновенію поговоривъ о лекціи, прибавила: *Сергѣй Максимильяновичъ поручилъ мнѣ просить васъ кушать чай къ себѣ.* Сергѣй Максиміліановичъ, во фракѣ, со звѣздой, встрѣчалъ царственную гостью. Ему тогда шелъ 19 годъ; онъ былъ красивъ, оживленъ...

Дома онъ былъ любезенъ, какъ нельзя болѣе, угощалъ всѣхъ, оживлялъ бесѣдою. Въ тотъ вечеръ исполненъ былъ квартетъ: фортепіано, 2 скрипки и віолончель. Тутъ, въ числѣ гостей была принцесса Августа Саксенъ-Веймарская, сестра Короля, какъ теперь помню—въ платьѣ ярко-краснаго атласа. Когда г-жа *** сказала ей, что Королева ее проситъ къ себѣ, къ дивану, она быстро присѣла передъ дамой и стремительно побѣжала къ Королевѣ.—Простился я съ Королевой также на вечерѣ у О. А. Томиловой. Она была милостива по-обыкновенію. Пожелала, чтобы эти, здѣсь обработанныя лекціи послужили мнѣ добрымъ началомъ, вручила мнѣ фотографію съ собственноручною подписью. Но мнѣ было какъ-то особенно тяжело, нежданное чувство грусти наполнило

душу. Жена моя была растрогана до глубины души ласкою и особымъ вниманіе Королевы.

Послѣ того я видѣлъ Королеву еще только одинъ разъ, на нѣсколько минутъ, а именно—въ Кіевѣ, на станціи желѣзной дороги, въ 1872 году, и послѣдній разъ поцѣловалъ ея руку. Ея Величество ѣхала изъ Петербурга на югъ на одномъ поѣздѣ съ Государемъ. Въ томъ же году Королева посѣтила и Константинополь. Она долго стояла передъ мозаикой, что очищена на хорахъ св. Софіи. Съ нею былъ ея духовникъ, который прочелъ ей тамъ молитвы. Она сошла съ хоръ обливаясь слезами.

Прибавлю къ этимъ воспоминаніямъ и то, что Королева въ то время, какъ я былъ въ Штутгартѣ, читала «Войну и Миръ» Толстаго, вмѣстѣ съ О. А. Томиловой. При нѣкоторыхъ эпизодахъ Королева такъ и плакала — передавалъ мнѣ покойный Сергій Максимиліановичъ, присутствовавшій при чтеніи.

При чтеніи новаго романа Достоевскаго (не помню какой было тогда новый романъ), Королева сказала г-жѣ Томиловой: «*Когда же выйдемъ мы изъ этого мрака?*»...

Въ 1875 году я проводилъ часть лѣта въ Гомбургѣ, гдѣ часто видался съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Потомъ князь поѣхалъ въ Эмсъ, гдѣ тогда былъ покойный Государь и императоръ Вильгельмъ. Туда же прибыла и Королева Ольга Николаевна и пригласила князя въ Фридрихсгафенъ. Я имѣлъ удовольствіе получить отъ князя извѣстіе о пріемѣ, сдѣланномъ ему Королевой въ Фридрихсгафенѣ.

Вотъ строки изъ его записной книжки объ этомъ:

«Фридрихсгафенъ 17 (29) авг. 1875 г.

....Живу на дачѣ, бывшей Таубенгейма, нынѣ королевской. Прекрасное помѣщеніе, садъ, видъ на озеро. Полная прислуга королевская ожидала меня. Я сказалъ Королевѣ: que j'avais été recu et logé, non comme un prince Wiazemski, mais en prince de Wiazma. Вчера обѣдали здѣсь императрица Евгенія съ сыномъ и принцессой Матильдой....

Вечеромъ играли въ secrétaire, на вопросъ: êtes vous ci-

gale, ou fourmi? отвѣчала: je suis la bise. На мой вопросъ que dites vous de l'événement de la journée? то-есть прiѣздъ императрицы, Королева отвѣчала: *que la roue de la fortune tourne toujours*. Императрицы уже не было. Послѣ secrétaire читалъ (Королевѣ) изъ книги о Нелединскомъ: письма Марiи Ѳеодоровны и Екатерины Павловны».

«Понедѣльникъ 18 (30). Сегодня въ 11-мъ часу утра, я еще не былъ одѣтъ, мнѣ сказываютъ, что Королева пришла и ожидаетъ меня въ гостиной. На скорую руку и на скорую ногу кое-какъ одѣлся и вышелъ къ ней. Она была съ великой княгинею Вѣрою Константиновною. Непремѣнно хотѣла, чтобы я пилъ чай при ней, и сама пила. Пробыла около часа. Разговоръ историческiй, анекдотическiй; императоръ Павелъ, Александръ, Николай, Марiя Ѳеодоровна, королева Виртембергская Екатерина Павловна».

Изъ письма кн. Вяземскаго къ Королевѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, видно, что 80-лѣтнiй старецъ преклонилъ колѣно передъ своей прекрасной высокой гостьей и что князь долго оставался подъ впечатлѣнiемъ этого посѣщенiя. Нѣсколько ранѣе этого письма, князь Петръ Андреевичъ написалъ Королевѣ слѣдующее стихотворенiе:

Изъ родника воспоминанiй
Мила вамъ свѣжая струя:
Слышна вамъ въ голосѣ преданiй
Пѣснь стараго житья-бытья.
Хоть свѣтелъ день вашъ настоящiй,
Не чуждъ вамъ и вчерашнiй день:
Прекрасенъ солнца лучъ блестящiй,
Но привлекательна и тѣнь....
Вы съ ласковымъ долготерпѣньемъ,
Съ обычной прелестью своей,
Внимали разнымъ откровеньямъ
Болтливой памяти моей.
Все передъ вами развивалось,
Событья, люди, все что могъ
Собрать я, все что записалось

Въ мой календарь и каталогъ.
Мнѣ будутъ памятными днями
Тѣ дни, когда на Вашъ привѣтъ,
Я перелистывалъ предъ Вами
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ.
Тѣ дни я не надолго встрѣтилъ:
И возвратятся ли они?
Но ихъ я звѣздочкой отмѣтилъ,
Какъ сердца праздничные дни.

Эмсъ. Май. 1875.

Послѣдующія крупныя событія въ жизни Королевы были: свадьба великой княжны Вѣры Константиновны, празднованіе 25-лѣтія вступленія на престолъ ея супруга, рожденіе близнецовъ-дочерей Вѣры Константиновны, которыхъ она стала любить всей душой. Затѣмъ начались горестныя утраты и потери. Въ 1877 году великая княгиня Вѣра Константиновна похоронила молодого мужа своего, герцога Виртембергскаго. Передъ тѣмъ—кончина великой княгини Маріи Николаевны, во время предсмертной болѣзни которой Королева такъ долго прожила въ Петербургѣ. Внезапная смерть любимаго племянника, Сергія Максиміліановича отъ пули; кончина императрицы Маріи Александровны, съ которой Королева вела и дружбу и дѣятельную переписку, и наконецъ кончина Брата — царя-мученика.... Здоровье Королевы было потрясено за нѣсколько лѣтъ до кончины ея. Для здоровья своего и для короля она проводила зимы въ Ниццѣ, гдѣ была по обыкновенію солнышкомъ для русскихъ. Она принимала къ сердцу заботы о православной церкви въ Ниццѣ и объ организаціи общества вспоможенія нуждающимся русскимъ, преимущественно больнымъ на чужбинѣ. Тутъ кстати сказать, что покойная Королева искала случая сдѣлать добро. Какъ великой княжной она часто ходатайствовала передъ державнымъ отцомъ, такъ и до послѣдняго времени старалась помочь землякамъ и даже иногда спрашивала сама: не могу ли я быть вамъ полезной?

Въ послѣдніе годы пережила она свое вдовство, кончину двухъ братьевъ и невѣстки, великой княгини Ольги Ѳеодо-

ровны, которая вела съ ней постоянную переписку и была для нея живою связью съ Россіей. И не удалось ей исполнить свое пламенное желаніе — взглянуть на Петербургъ, на Петергофъ и поклониться могиламъ дорогихъ близкихъ.

II.

Послѣдніе дни жизни; кончина.—Рѣчь представителя столицы.—Погребеніе: въ Фридрихсгафенѣ, на желѣзной дорогѣ, въ русской церкви, въ мраморномъ залѣ.—Рѣчь надгробная.—На улицѣ, въ капеллѣ—два надгробныхъ слова.—Газеты о королевѣ.—Муза Уланда.

Боденское озеро (Boden-See, lac de Constance) пріѣзжающаго въ первый разъ къ его берегамъ поражаетъ чуднымъ зеленымъ цвѣтомъ своей воды. Оно не окружено горами, но горы глядятъ на него издали. Отлогіе берега озера оживлены городами и мѣстечками. На сѣверномъ берегу начинается земля Виртембергскаго королевства, и здѣсь стоитъ городъ Фридрихсгафенъ и близъ него королевскій дворецъ съ садомъ— съ широкимъ видомъ на озеро и на противуположный швейцарскій берегъ, гдѣ тянутся Альгейскія предгорья, а за ними цѣпь Апенцельскихъ альповъ со снѣжной вершиной Сентиса. Въ хорошую погоду съ башни, выстроенной въ саду королевскаго замка, видны еще и другія покрытыя снѣгомъ вершины. Фридрихсгафенскій замокъ былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ короля Карла I-го и королевы Ольги Николаевны, гдѣ они обыкновенно проводили весну и первый мѣсяцъ лѣта въ своей виллѣ —близъ Канштадта и Берга (въ окрестностяхъ Штутгарта), а потомъ переѣзжали въ Фридрихсгафенъ. Фридрихсгафенъ видѣлъ не разъ гостями королевской четы вѣнценосцевъ, начиная съ покойнаго Государя Александра Николаевича и всѣхъ близкихъ родственниковъ Ольги Николаевны.

Первое лѣто вдовства Королева провела въ Фридрихсгафенѣ всецѣло. Въ іюнѣ она предполагала поѣхать на родину въ Петербургъ, но болѣзнь, развившаяся въ теченіе нынѣшняго года, помѣшала ей исполнить свое пламенное желаніе. Въ августѣ болѣзнь настолько обострилась, что стали говорить объ опасности, но близкой кончины еще не предвидѣли. 21 сен-

тября (нашего стиля) у Королевы оказалось острое воспаленіе легкихъ. Это состояніе здоровья обнаружилось въ то самое время, какъ Королева собиралась въ Штутгартъ помолиться въ годовой день на могилѣ супруга. Врачи противились этой поѣздкѣ, въ особенности же посѣщенію склепа, а при новыхъ угрожающихъ симптомахъ и сама больная поняла, что ей не до поѣздокъ.

При Королевѣ находились великая княгиня Вѣра Константиновна съ двумя принцессами-дочерьми и духовникъ, протоіерей Иванъ Ивановичъ Базаровъ. Врачи и духовникъ, согласно заранѣе данному обѣщанію, объяснили Королевѣ опасность ея положенія. Покорно, безропотно приняла она это извѣстіе, какъ волю Божію, и уже 24-го сентября приступила къ исповѣди и причащенію Св. Таинъ. Слабѣвшая день ото дня, но въ полной памяти, Ольга Николаевна призывала къ себѣ всѣхъ близкихъ, со всѣми прощалась и каждому сказала нѣсколько утѣшительныхъ словъ—какъ только умѣла говорить она—озаряя собесѣдника ласкою и поразительнымъ вниманіемъ. Она знала не только горе, но заботу, тревогу каждаго изъ приближенныхъ къ ней. Въ эти дни вспоминала она и о русскихъ друзьяхъ своихъ, письменно черезъ приближенныхъ, освѣдомлялась о томъ, кто нездоровъ. Пересылала поклоны, сочувствіе... Въ эти же дни Королева вспоминала о своемъ дорогомъ Царскосельскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія.

Два дня спустя, послѣ причащенія Св. Таинъ, прибыла въ Фридрихсгафенъ королева Шарлота, супруга царствующаго короля, а 24-го прибыла принцесса Баденская Марія Максиміліановна. Ея высочество была связана тѣсною дружбою съ царственною теткой и въ это послѣднее лѣто подолгу проживала въ Фридрихсгафенѣ. 29 числа прибыла изъ Петербурга великая княгиня Александра Іосифовна.

1-го октября критическій періодъ воспаленія легкихъ миновалъ, послѣдовало улучшеніе. Тогда королева Шарлота уѣхала обратно въ Штутгартъ. Слѣдующія двѣ недѣли перемѣнъ въ ходѣ болѣзни не было. 13-го октября пріѣхала навѣстить августѣйшую больную изъ Зигмарингена великая княгиня Марія Александровна. 14-го было прекращено печатаніе бюлле-

теней; тогда и принцесса Марія Максимиліановна отбыла въ Кирхбергъ. Между тѣмъ силы королевы слабѣли: она съ трудомъ стала говорить, но все же находилась въ полной памяти.

18-го октября больная была уже въ забытьи, но скоро состояніе это перешло въ сонъ, какъ гласилъ бюллетень. «Послѣ трехъ-часоваго сна опять началось забытье, а потомъ усиленное дыханіе и мгновенное ослабленіе пульса». 18-го октября, въ седьмомъ часу вечера, у больной замѣчено было хриплое дыханіе. Отецъ Іоаннъ, духовникъ Ея Величества, успѣлъ прочесть отходную.

Въ 7 часовъ 5 минутъ наступила тихая, какъ сонъ, кончина. Придворные врачи Штигеле и Зикъ признали кончину отъ «Lungen und Herzlähmung», т. е. отъ паралича легкихъ и сердца. У постели умирающей находились великія княгини Александра Іосифовна и Вѣра Константиновна и юныя принцессы Эльза и Ольга.

На слѣдующее утро послѣдовало оффиціальное извѣщеніе о кончинѣ «Ея Величества вдовствующей Королевы Ольги». Она скончалась,—сказано въ немъ,—послѣ страданій, перенесенныхъ ею съ христіанскимъ терпѣніемъ и преданностью волѣ Божіей. «Кончина эта повергла въ глубокую печаль всю королевскую фамилію, въ особенности короля и королеву, которые были искренно дружны съ покойной и высоко чтили ее, а также и ея императорское высочество герцогиню Вѣру съ ея дочерьми, герцогиней Эльзой и Ольгой, которыя связаны были съ отшедшей въ иной міръ чувствами любви и нѣжности, какъ съ матерью. Самое сердечное участіе въ этой скорби принимаетъ вся страна, всенародно почитавшая почившую королеву—за ея высокій духъ стремленія ко всему чистому и прекрасному, за неустанныя попеченія о всеобщемъ благѣ, за ея великодушную благотворительность».

Въ тотъ же день было очередное собраніе въ палатѣ городскихъ общинъ. Предсѣдательствующій д-ръ Шаль открылъ собраніе слѣдующей рѣчью:

Почтенные господа.

«Прежде чѣмъ приступить къ очереднымъ дѣламъ, я долженъ раздѣлить съ вами наше общее горе, о которомъ съ утра

оповѣстилъ всѣхъ печальный звонъ колоколовъ. Ея Величество, нами такъ много любимая королева Ольга вчера вечеромъ тихо скончалась. Она избавилась отъ тяжкаго недуга и обрѣла вѣчное успокоеніе. Печаль нашего королевскаго дома раздѣляется всѣмъ, глубоко потрясеннымъ этою кончиною, населеніемъ столицы. Прибывшая къ намъ, 46 лѣтъ тому назадъ, изъ далекой чужой стороны, принцесса, супруга тогдашняго наслѣдника престола, была по истинѣ царственная жена и, какъ таковая, она въ сердцахъ всѣхъ нашихъ согражданъ покорила себѣ свое новое отечество. О ея неограниченной дѣятельности на почвѣ попеченія о бѣдныхъ и въ школьномъ мірѣ твердятъ оставшіеся у насъ на всегда памятники: цѣлый рядъ учрежденій, которыя *ея* починомъ, *ея* стараніемъ и покровительствомъ вызваны къ жизни. Я назову только: ясли Ольги—пріютъ для маленькихъ и грудныхъ дѣтей, лечебницу Ольги для больныхъ дѣтей и учениковъ, королевскій институтъ Ольги, и напомню вамъ о великомъ числѣ благотворительныхъ кружковъ и благотворительныхъ учрежденій, которые находились подъ покровительствомъ Королевы и пользовались отъ нея богатыми вспомоществованіями. Изъ нихъ назову лишь—общество спасанія младенцевъ, женское общество попеченія о дѣтяхъ, оставшихся безъ надзора, Николаевское попечительство о слѣпыхъ дѣтяхъ, глазную лечебницу для бѣдныхъ, школу для маленькихъ дѣтей и профессіональную школу въ Бергѣ, штутгартскій женскій кружокъ. Лучшимъ же памятникомъ все-таки будетъ то, что чувства теплой, искренней любви и уваженія къ почившей высокой Женѣ перейдутъ за границу ея могилы, а память о ней удержится и послѣ погребенія ея останковъ».

Въ тотъ же день въ Ульмѣ съ 9 часовъ утра неумолкаемо гудѣлъ такъ называемый «колоколъ-присяги» на высотѣ башни славнаго мюнстера. Съ 11-ти же часовъ начался общій звонъ колоколовъ всѣхъ церквей стараго имперскаго города. Въ Эслингенѣ, Тюбингенѣ, Биберахѣ, Эрлангенѣ, и всѣхъ прочихъ значительныхъ городахъ королевства, по полученіи печальной вѣсти, раздался также печальный звонъ и вывѣшены были траурные флаги.

На другой день кончины тѣло покойной Королевы стояло

въ комнатѣ, гдѣ она скончалась. Прекрасныя черты не измѣнились, на лицѣ было выраженіе сладкаго покоя. Только складки около глазъ и на лбу напоминали о перенесенныхъ страданіяхъ. Къ одру Королевы можно было подойти со всѣхъ сторонъ. Четыре серебряныхъ подсвѣчника, панихидный столикъ съ Распятіемъ да аналой, для чтенія псалтири—вотъ все, что было около покойницы. Чудныя розы были разбросаны любящею рукой. На груди лежалъ образъ Спасителя. Въ обычные часы совершались панихиды, и во весь этотъ день и въ слѣдующую ночь не умолкало чтеніе священниками Евангелія и свѣтскими—псалмовъ Давида. Въ числѣ читавшихъ каѳизмы былъ и генералъ А. А. Кирѣевъ, состоящій при великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ.

Погода въ этотъ день былъ чудная; вихрь обнажалъ деревья отъ послѣднихъ листьевъ и посыпалъ ими дорогу, какъ бы уготовляя путь къ завтрашнему печальному шествію. Только горы вдали были озарены волшебнымъ свѣтомъ и словно глядѣли на замокъ. Озеро было свѣтлое; на судахъ были до половины спущены флаги.

Глубокое впечатлѣніе—говоритъ одинъ изъ кореспондентовъ изъ Фридрихсгафена—производитъ обыкновенно веселый, свѣтлый, а теперь печально убранный здѣшній молитвенный домъ. Алтарь, каѳедра, хоры, всѣ окна, всѣ двери—большія входныя и малыя внутреннія, задрапированы чернымъ сукномъ. На возвышеніи передъ алтаремъ уже стоитъ пустой гробъ, обитый пурпуровымъ бархатомъ съ золотыми бортами на шести золотыхъ львиныхъ лапахъ. Гробъ этотъ—точное подобіе тому гробу, въ который, въ прошломъ году, было положено тѣло короля Карла. Группа экзотическихъ растеній въ возглавіи гроба и по обѣимъ сторонамъ хоръ придаетъ величавую законченность убранству. Впечатлѣніе довершается электрическимъ освѣщеніемъ.

Насталъ третій день (22 октября, 3 ноября). Почетный караулъ, дожностныя лица изъ Штутгарта, придворные чины, русское посольство наполняютъ замокъ. Утромъ было бальзамированіе. Къ 3-мъ часамъ по полудни августѣйшіе родственники собрались въ комнатѣ усопшей, и русское духовенство начало панихиду. Около 4-хъ часовъ 12 вице-фельдфебелей

пѣхотнаго императора Вильгельма полка понесли, уже лежавшее въ закрытомъ цинковомъ гробѣ, тѣло въ низъ, на главное крыльцо замка, въ предшествіи русскихъ пѣвчихъ и духовенства.

На дворѣ, передъ крыльцомъ, стояло мѣстное католическое и евангелическое духовенство въ облаченіи. Оно послѣдовало за колесницей. За духовенствомъ послѣдовали августѣйшіе родственники, мѣстныя власти, русское посольство, придворные и прислуга Королевы. Пѣніе русскими пѣвчими: «Святый Боже» не умолкало до самой церкви. Толпы народа—женщины въ черномъ—образовали шпалеры; разставленное рядами войско отдавало честь.

Церковь наполнилась до предѣловъ возможнаго. Когда свинцовый гробъ былъ поставленъ въ—парадный, съ него снята была крышка оберъ-гофмаршаломъ и тремя камергерами. Въ это время органъ заигралъ прелюдію, а хоръ католическаго духовенства исполнилъ потрясающее произведеніе Ромберга на слова изъ «Колокола» Шиллера (Dem dunkeln Schoos der heil' gen Erde vertrauen wir der Hände That...) Послѣ краткой проповѣди и заключительной молитвы всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ дежурства при гробѣ, оставили церковь—и начался впускъ народа: нѣсколько тысячъ человѣкъ было пропущено по-одиночкѣ къ открытому гробу Королевы. Старцы, женщины, юноши и дѣти благоговѣйно глядѣли на черты «матушки-королевы» (Landes Mutter), слышались искренніе вздохи и тихія рыданія.

Въ 6 часовъ гробъ былъ закрытъ, въ присутствіи августѣйшихъ родственниковъ, которые вслѣдъ затѣмъ отправились на станцію желѣзной дороги. Къ семи часамъ утра туда же подъѣхала погребальная колесница, украшенная балдахиномъ и короной—съ тѣломъ почившей. Гробъ былъ внесенъ въ большую пассажирскую залу и оттуда съ пѣніемъ и молитвами перенесенъ въ траурный вагонъ—обитый чернымъ бархатомъ, съ надписью серебромъ: «Have, pia anima!» (Привѣтъ тебѣ, благочестивая душа).

Въ 9 ч. 5 минутъ экстренный поѣздъ съ тѣломъ Королевы остановился въ Ульмѣ. Для встрѣчи собрался генералитетъ и всѣ офицеры стоящихъ тамъ частей. Ветераны фрей-

на, носящаго имя королевы Ольги, съ распущеннымъ знаменемъ и факелами въ рукахъ, стояли длинной вереницей вдоль рельсовъ. Знамя преклонилось передъ траурнымъ вагономъ.

Около полуночи въ Штутгартъ, на станцію желѣзной дороги, прибылъ король Вильгельмъ съ принцами. Онъ прежде всего встрѣтилъ поѣздъ, на которомъ прибыли великія княгини. Король подалъ руку великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ и довелъ ея высочество до экипажа: затѣмъ вернулся обратно для встрѣчи тѣла покойной Королевы. На гробъ, передъ постановкой его на колесницу, возложенъ былъ золотой покровъ, подбитый и отороченный горностаемъ. Въ церемоніалѣ шествія упоминается карета съ лицами, приближенными къ королевѣ, и ея духовникомъ (Beichtvater Probst von Bazaroff).

Тѣло было встрѣчено у главнаго подъѣзда большаго королевскаго дворца пятью православными священниками съ клиромъ.

То были: о. Морозовъ, второй священникъ Штутгартской придворной церкви, о. Измайловъ, изъ Карлсруэ, о. Протопоповъ, изъ Висбадена, о. Кардасевичъ, изъ Ирёма (близъ Пешта), бывшій прежде священникомъ въ Штутгартѣ, и о. Любимовъ, изъ Ораніенбаума, случайно находившійся заграницей. Оба послѣдніе по собственному побужденію прибыли ко дню погребенія Королевы. Всѣхъ священниковъ съ отцомъ Базаровымъ было при погребніи шесть, и сверхъ того—два діакона, два псаломщика и 14 человѣкъ пѣвчихъ.

Тѣло было прямо внесено въ русскую церковь, окна которой были украшены русскими и виртембергскими гербами. Церковь (т. е. стѣны и колонны) была изящно убрана зеленью и цвѣтами. Находящаяся передъ нею зала была драпирована трауромъ. Въ возглавіи гроба на высокомъ консолѣ была положена золотая подушка и на ней королевская корона. Въ ногахъ чорная скамейка съ золотой же подушкой со всѣми орденами, какія имѣла въ Бозѣ почившая.

Послѣ литіи—всенощное бдѣніе, а утромъ другаго дня (22-го окт.) въ 10 часовъ началась заупокойная обѣдня и отпѣваніе. На отпѣваніи кромѣ упомянутыхъ выше высочай-

шихъ особъ нашего царскаго дома присутствовали великій князь Владиміръ Александровичъ и принцесса Марія Максиміліановна, а также король Виртембергскій, королева и нѣсколько принцевъ и принцессъ.

Непосредственно послѣ православнаго богослуженія гробъ былъ перенесенъ въ большую мраморную (сѣраго мрамора) залу дворца. Среди великолѣпной четырехъ-угольной—въ стилѣ итальянскаго rénaissance—залы воздвигнутъ былъ катафалкъ и на немъ балдахинъ — чернаго бархата съ украшеніями изъ серебра. Куполъ балдахина былъ осѣненъ бѣлыми и черными страусовыми перьями. По угламъ были разставлены деревья—различныхъ видовъ пальмы, на плафонѣ зажженныя Канделябры, по угламъ подсвѣчники со множествомъ свѣчей. Въ залѣ лишь двери и печи завѣшаны были чернымъ; темный мраморъ въ полусвѣтѣ гармонировалъ съ трауромъ балдахина.

По старому обычаю рабочіе дворцовые внесли въ залу гробъ въ предшествіи духовенства и пѣвчихъ. Ожидавшіе въ залѣ издали слышали стройное пѣніе православныхъ пѣвчихъ. Отслужена была литія (ein kurzer gottesdienstlicher Akt) во время которой была снята крышка и тѣло покрыто горностаевымъ покровомъ. На груди королевы былъ образъ Спасителя— и на покровъ былъ возложенъ еще и образъ Св. Іоанна [1]). Въ возглавіи—корона, у ногъ—ордена, какъ и въ русской церкви. Лицо усопшей покрыто было легкою вуалью: рукъ уже не было видно. Сквозь вуаль благородныя черты лица были видны вблизи. Началось украшеніе подножія гроба и катафалка множествомъ вѣнковъ, пальмовыхъ вѣтвей и цвѣтовъ, съ лентами всевозможныхъ цвѣтовъ. Вѣнки эти подробно описаны въ мѣстныхъ газетахъ. Они отличались величиной и великолѣпіемъ лентъ, которыя нѣмцы называютъ въ этомъ случаѣ, по размѣру—«шлейфами». Гигантскій вѣнокъ, имѣвшій цѣлый метръ въ діаметрѣ—изъ лавра, орхидеевъ и гіацинтовъ, украшался «шлейфомъ» изъ бѣлаго атласа съ золотыми бортами; на лентахъ, повязанныхъ сверху шлейфа, кра-

---

[1]) Рыльскаго. Образъ этотъ даръ о. Іоанна Кронштадтскаго; онъ былъ поднесенъ Королевѣ уже на смертномъ одрѣ великою княгинею Александрою Іосифовною.

совались *W* и *A* подъ императорскою короною: то было приношеніе германскаго императора и его супруги. Такой же величины былъ вѣнокъ отъ эрцгерцога Альбрехта съ надписью «за вѣрную дружбу». Былъ вѣнокъ отъ королевы Датской, присланной чрезъ шефа двора; вѣнокъ отъ великаго князя Константина Константиновича. За вѣнками августѣйшихъ особъ были описаны въ отчетахъ о погребеніи и вѣнки полка королевы, разныхъ благотворительныхъ учрежденій, обществъ, сословій и пр.

Отъ часу до пяти по полудни въ залъ стали впускать публику. Церемоніалъ указывалъ простолюдинамъ быть въ воскресной одеждѣ, господамъ непремѣнно въ черныхъ перчаткахъ. Гробъ былъ окруженъ дежурствомъ, передъ залой теперь, какъ и передъ русской церковью, стоялъ почетный караулъ.

Вечеромъ того дня прибылъ въ Штутгартъ императоръ Германскій. Всѣхъ высочайшихъ и высокихъ особъ при погребеніи было 23 персоны мужскаго пола: одинъ король, одинъ императоръ, три великихъ князя (Владиміръ Александровичъ и Михаилъ и Александръ Михаиловичи), одинъ эрцгерцогъ, наслѣдные принцы Баденскій, Саксенъ-Веймарскій, Шаумбургъ-Липпе и затѣмъ принцы, по преимуществу Веймарскіе.

4 ноября (23 окт.)—обстановка залы приняла еще болѣе мрачный видъ. Гробъ былъ еще съ вечера запертъ: вмѣсто горностая на немъ лежалъ черный покровъ съ серебромъ по протестантскому обычаю. Только столикъ съ иконою и тарелка съ кутьею напоминали о русскихъ обычаяхъ. Однако же русское духовенство прибыло въ залъ съ пѣніемъ и съ свѣчами въ рукахъ. Наше духовенство стало между катафалкомъ и императоромъ съ одной стороны и королевской четой съ другой. Императоръ вошелъ въ залъ подъ руку съ королевой, за нимъ многочисленною толпою слѣдовали принцы и принцессы.

Оберъ-гофъ предигеръ прелатъ Шмидтъ произнесъ слово, начинавшееся славословіемъ и такою молитвою:

«Боже вѣчный, Господь господствующихъ и царь царствующихъ, отецъ Господа нашего Іисуса Христа и чрезъ Него и

нашъ Отецъ! Изъ сѣни смертной, окрестъ насъ обстоящей, возносимъ Тебѣ сокрушенныя скорбью и печалью сердца наши и молимъ Тебя, Отецъ нашъ, послать намъ сіяніе изъ того свѣта небеснаго, въ полный блескъ котораго нынѣ вступила нами любимая королева Ольга. Воззри Господи: мы приготовились совершить тяжкое шествіе; мы грядемъ перенести то, что̀ осталось отъ дорогой покойницы—прахъ и пепелъ—изъ мѣстъ, гдѣ она была высокимъ и дивнымъ украшеніемъ, въ ту безмолвную могилу, гдѣ покоится ея царственный супругъ, дабы она, по желанію ея сердца, почила около него до всеобщаго воскресенія. Ужь мы не будемъ встрѣчать въ этихъ мѣстахъ ея исполненный величія и сановитости образъ: уже не согрѣетъ насъ ея исполненный любви проницательный и оживляющій взоръ; уста ея, всегда правдивыя и вѣрныя, уже не изрекутъ мудраго совѣта и благаго одобренія: уже мы не будемъ свидѣтелями величавыхъ дѣлъ ея животворной любви, наполнявшей душу ея блаженствомъ и бывшей лучшимъ украшеніемъ ея короны».

«Скорбя надъ жертвою, которую мы приносимъ, мы однако же утѣшаемся тѣмъ, что видимъ ее теперь безболѣзненною въ свѣтлостяхъ небесныхъ и молимъ Тебя: о, Отче неба и земли! Ты исполняешь благословенія Твоего и объемлешь отеческою любовью горнее и дольнее отечество наше: не лиши насъ благословенія, которое Ты ниспослалъ намъ такъ обильно, когда даровалъ намъ нынѣ преставившуюся. Благослови и весь народъ нашъ, который ея не забудетъ. Такъ какъ она, по благодати Спасителя, къ которому она прибѣгала съ такою полнотою вѣры, жива передъ престоломъ Твоимъ, то дай, Господи, чтобы она жила еще и здѣсь въ плодахъ ея богатой дѣятельности и жила бы въ сердцахъ благодарнаго ей народа».

«Ей же самой, носившей земную корону съ такимъ царственнымъ величіемъ и съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ, ниспосли, Господи, по Твоему обѣщанію, которое Ты далъ тѣмъ, кто пребылъ вѣрнымъ даже до смерти, вѣнецъ вѣчной жизни о Христѣ Іисусѣ. Аминь».

Послѣ рѣчи духовнаго проповѣдника русское духовенство отслужило литію, причемъ отецъ протоіерей Базаровъ произнесъ молитву «Боже духовъ и всякія плоти» по-нѣмецки.

Погребальное шествіе изъ Новаго дворца въ церковь Стараго замка» сдѣлало большой кругъ, захвативъ частью и лавную улицу — Königstrasse. Дома были убраны траурными лагами и декораціями, растеніями, бюстами и потретами пойной Королевы, подъ балдахинами и занавѣсами. Впереди хали конные жандармы; за ними эскадронъ драгунскаго королевы Ольги полка съ музыкой; королевскій берейтеръ, два ейткнехта, гофъ-фурьеръ и прислуга королевы представляли ысшій персоналъ двора. За ними ѣхалъ оберъ-гофмейстеръ окойной и другіе состоявшіе при Ея Величествѣ особы. Два табъ-офицера несли—одинъ королевскую корону, другой поушку съ орденами; имъ по обѣимъ сторонамъ сопутствовали о два субалтернъ-офицера. Потомъ слѣдовалъ верхомъ королевскій шталмейстеръ и за нимъ два зательмейстера.

Далѣе безмолвно шло русское духовенство въ полномъ блаченіи — съ иконою, и за нимъ непосредственно печальная олесница—въ шесть лошадей; у каждой лошади по придворному конюшему; по сторонамъ по два камергера и по два табъ-офицера упомянутаго выше полка. Четыре угла покроа держали четыре сановника, имѣющіе королевскіе знаки ольшаго Креста. За гробомъ слѣдовало протестантское духовенство, а потомъ король, рядомъ съ императоромъ. За ними эцгерцогъ, великіе князья и всѣ принцы. Вслѣдъ за особаи, уполномоченными для присутствованія при погребеніи и осланниками, шли лица, состоящія при августѣйшихъ осоахъ. Потомъ слѣдовали представители высшаго сословія королевства, члены дипломатическаго корпуса, министры и члеы тайнаго совѣта, представители сословій, генералитетъ, выорные изъ духовенства разныхъ исповѣданій, городской голоа (Stadtdirector) и представители бюргеровъ. Затѣмъ начиался рядъ предсѣдателей и депутатовъ обществъ и благотвоительныхъ учрежденій, состоявшихъ подъ покровительствомъ оролевы. Послѣдними шествовали гости, приглашенные въ Мраморную залу по особымъ билетамъ и всѣ остальные, не азванные выше придворные чиновники. Королевскій затель- ейстеръ съ двумя рейткнехтами и эскадронъ драгунскаго полка мени Королевы замыкали шествіе. Эскадронъ остался у во-

ротъ Стараго замка, гдѣ во дворѣ ожидали депутаціи женскихъ благотворительныхъ учрежденій.

Въ самой церкви находилась королева Шарлота и всѣ августѣйшія дамы.

Рабочіе сняли гробъ съ колесницы и, предшествуемые гофъ-фурьеромъ съ траурнымъ жезломъ и духовенствомъ (протестантскимъ), внесли его въ соборъ и поставили передъ алтаремъ. Тутъ гробъ покрыли опять чернымъ покровомъ съ серебрянымъ крестомъ. Когда всѣ заняли предназначенныя мѣста, раздалось пѣніе королевскаго хора, и затѣмъ прелатъ Шмидтъ сказалъ новую рѣчь на текстъ изъ пророка Исаіи (60, 14, 20). «Не будетъ уже солнце сіять тебѣ свѣтомъ дневнымъ и мѣсяцъ свѣтить тебѣ, но Господь будетъ тебѣ вѣчнымъ свѣтомъ—и Богъ твой славою твоею. Не зайдетъ уже солнце твое и мѣсяцъ твой не скроется, ибо Господь будетъ для тебя вѣчнымъ свѣтомъ—и кончатся дни сѣтованія твоего».

Коснувшись происхожденія Королевы отъ приснопамятной и добродѣтельной Прусской королевы Луизы, ея родной бабки и прабабки присутствовавшаго императора, и близкаго родства покойной Королевы съ виртембергской благодѣтельницей Екатериной (Павловной), проповѣдникъ указалъ на то, какъ дивно перенеслись, 46 лѣтъ тому назадъ, на королеву Ольгу надежды народа и какъ блистательно эти надежды сбылись на ней. «Особый часъ времени потребовался бы на исчисленіе того, что почившая Королева сдѣлала для края. Но къ богатымъ учрежденіямъ и щедрой помощи мы присоединимъ еще и то, о чемъ никто не зналъ, кромѣ Бога, кромѣ ея самой и лицъ, получавшихъ помощь: тайная благотворительность Королевы утирала слезы тысячамъ и тысячамъ людей. Плоды эти она пожнетъ передъ престоломъ Божіимъ. Исполненная царственнаго величія, она была въ то же время смиренною христіанкою».

Послѣ того проповѣдникъ указалъ на семейныя добродѣтели, на то, что почившая имѣла въ любви къ себѣ близкихъ награду и на землѣ—на ея вѣрную преданность прежнему отечеству и на любовь къ новому. «И вотъ потому-то»,—заключилъ онъ,—«мы сегодня такъ глубоко скорбимъ и съ нами скорбитъ вся страна наша и широкій кругъ свѣтлѣйшихъ

друзей. О скорби этой безмолвно, но тѣмъ не менѣе красно-рѣчиво, свидѣтельствуетъ настоящее печальное собраніе. Но мы скорбимъ съ надеждою, вѣрою и любовью. Мы знаемъ, что Господь посѣянное и возвращенное имъ здѣсь на землѣ оросить небесною влагой, и оно дастъ цвѣтъ и плодъ свой. Любовь, отъ Бога исходящая, научаетъ насъ сказать: мы свидимся! И еще: память праведныхъ благословенна. Аминь».

Послѣ этой рѣчи настало время опусканія гроба въ склепъ.

При особомъ механическомъ приспособленіи гробъ спустился медленно и безъ шума въ подземелье. Въ это время королевскіе пѣвцы исполнили хоралъ, подхваченный всѣми присутствующими. «Совершилось! Тѣло пребудетъ прахомъ и тлѣніемъ. Я вѣдаю, что я прахъ, и пепелъ, но Іисусъ со мною; Онъ сладко успокоитъ меня во гробѣ и пробудитъ меня къ свѣтлой жизни. Свершилось!»

Въ это же время раздавались и пушечные выстрѣлы. Послѣ пѣнія хорала король, императоръ и всѣ высокіе родственники ихъ, въ предшествіи оберъ-гофъ-предигера, спустились по лѣстницѣ въ склепъ, гдѣ русское духовенство совершило литію и обрядъ преданія землѣ. Во время литіи въ склепѣ въ самой церкви пѣвцы исполнили «Отче нашъ» Львова. То было желаніе покойной Королевы. Когда всѣ возвратились изъ склепа, другой придворный проповѣдникъ, д-ръ Браунъ, произнесъ заключительную молитву; въ ней онъ возблагодарилъ Бога за все то благо, которое Онъ даровалъ въ королевѣ Ольгѣ ея супругу, роднымъ и всей странѣ. Благодарилъ онъ Бога и за то, что ей открыта была истина, что она дѣтски, смиренно вѣровала въ Іисуса Христа, видѣла въ немъ путь и истину, и жизнь; что она вѣровала въ искупленіе чрезъ Его крестъ и воскресеніе: что всегда была расположена къ покаянію, что Господь питалъ ее своимъ Божественнымъ словомъ и святыми Тайнами—и тѣмъ услаждалъ страдающую и обремененную--и соблюлъ ее до конца, какъ вѣрную послѣдовательницу Свою во исполненіе словъ: «кто хочетъ душу свою спасти—да отвергнется себя, возметъ крестъ свой и за Мной да послѣдуетъ».

«Ниспосли миръ твой на могилу уснувшей и въ сердца насъ, скорбящихъ, и изреки ко отшедшей во-свояси слово

сладчайшее: «Приди ко мнѣ, благословенная отца Моего Небеснаго, наслѣдуй царство, уготованное тебѣ отъ начала міра».

Молитва заключалась прошеніями о томъ, чтобы добрыя дѣла Королевы оставались въ достойныхъ рукахъ, чтобы печаль сего дня была бы на пользу душамъ. Въ заключеніе испрашивалось благословеніе Пресвятой Нераздѣльной Троицы и дарованіе вѣчнаго блаженства намъ живущимъ. Благословивъ присутствующихъ, пасторъ прочелъ: «Отче нашъ» и удалился. Тогда императоръ Германскій, а за нимъ и король Виртембергскій тихомъ голосомъ стали читать молитвы—и печальное торжество окончилось.

Во время похоронъ всякое движеніе было пріостановлено въ цѣломъ городѣ, даже почта заперла ящики и остановила свою никогда не прерывающуюся дѣятельность. Мѣстныя газеты наполнились статьями о покойной Королевѣ. Въ нихъ горячо, хотя и общими чертами, описывалась широкая благотворительность Королевы. Въ добавокъ къ перечисленію основанныхъ ею учрежденій, о которыхъ упомянуто было въ рѣчи предсѣдательствующаго въ городскомъ управленіи (см. выше), прибавлена была характеристика дѣятельности Ольги Николаевны, во время войны 1870 года. Королева сумѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ все движеніе на пользу раненыхъ. Дворецъ сталъ тогда мастерскою, куда сходились добровольныя работницы—дамы всѣхъ сословій. Сама Королева являлась на станцію желѣзной дороги встрѣчать поѣзды раненыхъ, распоряжалась размѣщеніемъ и потомъ, въ тотъ же день, навѣщала вновь прибывшихъ въ госпиталяхъ и въ организованныхъ ею же временныхъ помѣщеніяхъ. Тамъ склонялась она надъ изголовьемъ трудно больныхъ и своимъ чуднымъ взоромъ, привѣтливою улыбкою и словомъ умиленія, производила цѣлебное и поднимавшее духъ дѣйствіе. Сверхъ того, она принимала сердечное участіе въ горѣ семействъ, постигнутыхъ утратою мужей, сыновей и братьевъ. Денежныя пожертвованія тысячей мужчинъ и женщинъ направлялись къ ней, какъ къ живому центру дѣятельной помощи. Король Карлъ справедливо почтилъ царственную добродѣтель и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность всѣхъ женщинъ королевства, когда

учредилъ (27 іюня 1871 г.) особый *орденъ Ольги*, «какъ признаніе заслугъ на почвѣ доброхотной помощи ближнему во время войны и мира и въ воспоминаніе подвига добровольныхъ жерствователей и тружениковъ во имя любви къ ближнему, которые дѣйствовали въ 1870—71 году, по примѣру королевы Ольги».

Одинъ изъ авторовъ передовой статьи называетъ покойную Королеву «великимъ мастеромъ, виртуозомъ благотворительности». Въ листкѣ благотворительности» Blätter für das Armewesen» говорится, что «она была по Божьей милости королевой въ царствѣ любви». Нѣсколько листковъ останавливаются на томъ, какъ Королева любила дѣло воспитанія и какъ искусно умѣла вести его. Она доказала это заботами объ воспитательныхъ учрежденіяхъ Штутгарта, «въ особенности же это видно на ея племянницѣ, герцогинѣ Вѣрѣ, которая привезена была къ ней въ десятилѣтнемъ возрастѣ»

Здѣсь кстати добавить то, чего нѣтъ въ нѣмецкихъ газетахъ: Ольга Николаевна часто посѣщала созданное ею женское воспитательное заведеніе съ интернатомъ и экстернатомъ (Olga-Stift) и приглашала къ себѣ обѣдать преподавателей, разумѣется, поочередно. Такимъ ѳбразомъ она судила о любимомъ ей заведеніи не съ чужихъ словъ.

Газетныя статьи очерчиваютъ наружность покойной, ея царственную осанку. Онѣ признаютъ, что она получила дома прекрасное воспитаніе, была съ дѣтства научена любить все изящное и возвышенное; владѣла карандашемъ, рѣзцомъ и кистью, искусно вязала и шила для бѣдныхъ. Касаясь біографіи Королевы, газетныя статьи ставятъ на видъ ея происхожденіе отъ принцессы Виртембергской—императрицы Маріи Ѳеодоровны, и близкое родство ея съ ангеломъ кротости и добродѣтели, королевой Екатериной Павловной, первой супругой ея царственнаго свекра. Довольно живыми чертами вспомянутъ пріѣздъ новобрачной Ольги Николаевны въ королевство. Она поразила тогда всѣхъ красотою и царственнымъ видомъ.

Чрезъ дѣтей-сиротъ, слѣпыхъ и бѣдныхъ кронъ-принцесса стала скоро близка народу. Голодный 1847-й годъ показалъ въ ней прямую преемницу Екатерины Павловны, которую въ чудномъ надгробномъ стихотвореніи либеральный поэтъ назвалъ

«кормилицею народа». Насколько щедрая рука королевы Ольги Николаевны облегчала горе и смягчала нужду, настолько домъ ея въ Штутгартѣ и лѣтомъ вилла близъ Канштадта и Берга — были кровомъ музъ и дружбы. Юные таланты здѣсь поощрялись, художники и ученые были здѣсь желанными гостями, здѣсь читались выдающіяся литературныя произведенія, разыгрывались драматическія сцены, исполнялись квартеты и пѣли солисты.

До послѣднихъ лѣтъ жизни, Королева была неутомима въ изобрѣтеніи добра на пользу общую. Такъ, не задолго до смерти учредила она почетный знакъ—крестъ для женщинъ-служанокъ, которыя пробыли въ одномъ и томъ же семействѣ 25 лѣтъ. Насколько это поощреніе важнаго для благополучія семействъ постоянства соотвѣтствуетъ условіямъ тамошней жизни, видно изъ того, что, при первой раздачѣ знака, оказалось въ одномъ Штутгартѣ 40 женщинъ, достойныхъ знака отличія и получившихъ его на средства положеннаго Королевою фонда. Въ послѣднее время Королева озабочена была постройкою дворца для великой княгини Вѣры Константиновны, жившей доселѣ въ пристройкѣ большаго королевскаго дворца. Проектируемый дворецъ этотъ заранѣе радовалъ штутгартскихъ гражданъ, какъ будущее украшеніе столицы и главной площади—на мѣстѣ довольно плохихъ и старыхъ зданій. Въ усадьбѣ предположеннаго дворца, на пріобрѣтенной королевой землѣ, находится старинная церковь, повидимому безъ прихода, такъ какъ владѣлецъ мѣста получилъ право снести ее. Но святыня имѣетъ своихъ приверженцевъ, и Королева, по собственному почину, озаботилась о томъ, чтобы оберечь церковь отъ ломки, и даже поступилась мѣстомъ. Этотъ поступокъ отмѣченъ печатью съ сердечною признательностью.

Поминки Ольги Николаевны въ странѣ, гдѣ она провела 46 лѣтъ, достаточно и правдиво обрисовываютъ образъ царственной женщины нашего истекающаго столѣтія. Въ первой четверти вѣка, муза романтика поэта, тогда твердо ступившаго на почву новыхъ политическихъ и національныхъ вѣяній—съ нѣкоторою робостью и осмотрительностью подошла ко гробу, въ которомъ лежала молодая женщина въ пурпуровомъ одѣяніи и въ королевской коронѣ. Цѣлый рядъ

ылевъ многихъ столѣтій прошелъ передъ музой Уланда, ъ сонныя видѣнія, какъ тѣни, ничѣмъ не вдохновившія цовъ—«тогда какъ имена доблестныхъ гражданокъ еще жи- въ народной памяти».

И наконецъ строгая муза рѣшилась вопросить.

Достойно ли она вѣнецъ златой носила?
Сіялъ ли онъ добра и правды блескомъ?
И билось ли подъ пурпурною тканью
Возвышенное, царственное сердце,
Наклонное къ святому возбужденью?
И билось ли оно живою силой,
Стремясь къ добру на царственномъ просторѣ?
. . . .
Такъ вопрошаетъ муза, но заранѣ
Ей ужь извѣстенъ точный смыслъ отвѣта.
И вдругъ смутилась и умолкла муза.
Умолкнувъ, горе въ сердцѣ затаила
И на тяжелую корону королевы
Вѣнокъ колосьевъ зрѣлыхъ возложила.
Ты, просвѣтленная, прими мое даянье:
Оно не жемчугомъ, не золотомъ повито.
То не цвѣтовъ пахучихъ приношенье;
Я изъ плодовъ земныхъ вѣнокъ соткала;
Тамъ зерна тѣ, что ты, въ годину глада,
Подобная Церерѣ, разсыпала.
. . . .
Прославься жь тѣмъ, кормилица народа.

Уландъ написалъ свое стихотвореніе «Katharina» въ 1819 . и въ томъ же году Пушкинъ написалъ отвѣтъ на прось- іаписать стихи въ честь императрицы Елисаветы Алексѣ- і [1]). Было ли нашему поэту извѣстно стихотвореніе Улан- или оба сошлись во вдохновеніи, но только въ обѣихъ ахъ много общаго.

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ...

14 мая 1869 года, мнѣ пришлось, во время чтенія о лирическихъ произведеніяхъ Пушкина (перваго періода) прочесть и стихотвореніе императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Читалъ я передъ внимательно слушавшей меня королевой Ольгой Николаевной — и живо помню, какъ чувство и мысли перенеслись на нее, на мою царственную слушательницу, при произнесеніи строкъ:

Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.

Въ просвѣтленномъ образѣ предстала королева Ольга-благотворительница передъ оплакавшимъ ее швабскимъ народомъ, единодушно возгласившимъ, что она достойно совершила свое царственное теченіе и подвигомъ добрымъ подвизалась. Подвигомъ добрымъ подвизалась она и среди насъ—подтверждаемъ мы, русскіе, и къ этому прибавляемъ: *и вѣру соблюла*.

Считаю долгомъ принести благодарность лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ своими достовѣрными указаніями и пополненіями, а равно и сообщившимъ мнѣ листки штутгарской печати: княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Голицыной, камеръ-фрейлинѣ Надеждѣ Арсеньевнѣ Бартеневой, фрейлинѣ Александрѣ Александровнѣ Воейковой, Ольгѣ Александровнѣ Томиловой, Екатеринѣ Ильиничнѣ Татищевой, Александрѣ Алексѣевнѣ Майковой и Александру Ивановичу Базарову.

О преосвященномъ Порфиріи Успенскомъ.

Читано въ Имп. Археол. Обществѣ 28 апр. 1885 г. *).

Преосвященный Порфирій Успенскій родился въ Костромѣ, въ 1804 году, и тамъ же получилъ образованіе въ духовной семинаріи. Родной городъ оставилъ неизгладимыя воспоминанія въ душѣ «человѣка Божія и народнаго», какъ онъ любилъ называть себя. Такъ, по дорогѣ изъ Солуня на Аѳонъ, онъ дѣлаетъ такое сравненіе: въ одномъ греческомъ селеніи мужики, какъ наши, носятъ бѣлыя рубахи и лапти, а бабы и дѣвицы повязаны бѣлыми косынками; онѣ въ рѣчкѣ мыли бѣлье и выкалачивали его вальками, какъ это дѣлаютъ прачки костромскія, воспѣвающія Дунай, съ береговъ котораго пришли къ Солуню Славяне и, поселившись тутъ, удержали свой покрой одежды, а родной языкъ утратили, выучившись говорить по гречески съ грѣхомъ пополамъ».

Въ статьяхъ преосвященнаго Порфирія, а еще чаще въ бесѣдахъ, вспоминалась Кострома и ея простые нравы. Онъ помнилъ дословно пѣсни своего края и даже удержалъ въ памяти нѣсколько напѣвовъ. Въ юго-западномъ краѣ ему, откровенному костромичу, не любы были хитрые и молчаливые малороссы.—Своей костромской родинѣ, или лучше сказать своему земляку костромичу, митрополиту Кіевскому, нашъ епископъ былъ обязанъ лучшею порою своего общественнаго и матеріальнаго положенія, а именно—викаріатствомъ кіевскимъ,

*) Въ Запискахъ Имп. Археол. Общества т. II, стр. XXX: «Секретаремъ было донесено о кончинѣ почетнаго члена Епископа Порфирія, а дѣйствительный членъ И. П. Хрущовъ прочелъ характеристику Епископа Порфирія, которую собраніе, выслушавъ съ живымъ интересомъ постановило напечатать въ запискахъ общества» Протоколъ засѣданія.

на которомъ почти 12 лѣтъ держалъ его подъ крылышкомъ преосв. митрополитъ Арсеній. По кончинѣ послѣдняго Порфирій хотѣлъ переѣхать въ Кострому, хотѣлъ пожить со старушкой сестрой своей, но ему то не было дозволено.

Въ Костромской семинаріи Успенскій былъ отличнымъ ученикомъ и отличнымъ классикомъ.

Въ темномъ лѣсу, близь Аѳона, онъ тѣшилъ себя стихами Виргилія «кои наизусть заучены были мною еще тогда, когда училъ меня краснорѣчію и поэзіи Василій Ивановичъ Груздевъ».

«Не думалъ приснопамятный Василій Ивановичъ, что я, въ виду Аѳона, въ дремучемъ лѣсу Кассіанскомъ, буду повторять».

O Meliboe, deus nobis haec otia fecit.
Namque erit ille mihi semper Deus; illius aram
Saepe tener nostris ab uvilibus imbuet agnus.

Да и я, заучивая стихи Виргилія (которые онъ приказывалъ заучивать твердо, на твердо) не помышлялъ, что они потѣшатъ меня когда либо. О сладчайшій классицизмъ! Безъ тебя въ Холомутанскомъ дремучемъ лѣсу мнѣ было бы скучно, и страшно.

Въ С.-Петербургской Духовной Академіи Успенскій получилъ отъ товарищей прозвище «классика» за свои познанія и неустанное горячее чтеніе греческихъ и римскихъ писателей.

Курсъ окончилъ онъ въ 1829, со степенью старшаго кандидата и съ правомъ на степень магистра чрезъ годъ учительской службы. Въ томъ же году, принявъ монашество, онъ былъ рукоположенъ во іеромонаха и опредѣленъ преподавателемъ Закона Божія во 2-й С.-Петербургскій кадетскій корпусъ, и въ 1831 г. переведенъ на ту же должность въ Одесскій Ришельевскій лицей. Въ 1834 году онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Одесскаго второкласснаго монастыря—съ преобразованіемъ лицея былъ утвержденъ въ немъ профессоромъ Богословія церковнаго права и церковной исторіи. До 1840 года—цѣлыя девять лѣтъ—

пробылъ онъ въ Одессѣ. Тамъ сблизился онъ съ греками и усвоилъ себѣ и языкъ, и литературу новогреческую.

Тамъ между прочимъ бралъ онъ уроки итальянскаго языка и настолько усвоилъ его себѣ, что могъ въ послѣдствіи вставлять цѣлыя цитаты на этомъ языкѣ, и припоминать переданныя ему его одесскимъ учителемъ народныя венеціанскія легенды. Его дарованія и познанія заслужили ему избраніе въ миссію. Онъ былъ сперва приглашенъ въ Вѣну—въ посольство, а потомъ командированъ въ Іерусалимъ съ порученіемъ обнаружить настоящія нужды православія въ Палестинѣ. Въ 1845 году онъ посланъ былъ на Аѳонъ, потомъ былъ командированъ на Синай и наконецъ отправленъ начальникомъ духовной миссіи въ Іерусалимъ.

15 лѣтъ проведенные за границей составили славу архимандрита Порфирія, какъ ученаго. Онъ возвратился въ Россію съ неистощимымъ запасомъ познаній, съ драгоцѣннѣйшими рукописями, греческими и славянскими, съ богатымъ запасомъ палеографическихъ снимковъ съ многосложнымъ, готовымъ къ изданію, трудомъ о своемъ путешествіи.

По прекращеніи дѣйствій этой миссіи въ 1855 году, архимандритъ Порфирій былъ награжденъ пожизненною пенсіею въ 1000 р. и въ 1858 году вновь командированъ на Востокъ, гдѣ пробылъ до 1861 года. Около четырехъ лѣтъ пробылъ онъ въ Петербургѣ—и тогда то вступилъ онъ въ члены нашего общества.—Бывалъ онъ въ то время преимущественно въ средѣ ученыхъ и свѣтскихъ, болѣе чѣмъ духовныхъ. Тогда обратила на него свое просвѣщенное вниманіе великая княгиня Елена Павловна и даже избрала его духовникомъ своимъ. Къ этимъ годамъ пребыванія въ Петербургѣ относятся ученыя связи Порфирія съ отечественными собратьями. Потомъ связи эти ослабли—и въ Кіевѣ нашъ ученый оставался одинокимъ въ своихъ ученыхъ работахъ, словно совершалъ ихъ на Аѳонѣ. Въ 1865 году Порфирій былъ рукоположенъ во епископа и назначенъ викаріемъ Кіевской митрополіи, епископомъ Чигиринскимъ. Съ переѣздомъ въ Кіевъ настала желанная пора отдыха, какого онъ уже давно жаждалъ—отдыха въ смыслѣ безмятежнаго существованія, при полномъ обезпеченіи съ одной стороны, при возможности испол-

нить всѣ свои задушевныя желанія — помочь роднымъ, разобрать биліотеку — предметъ заботъ цѣлой жизни — привести ее въ порядокъ, устроиться со всѣмъ комфортомъ бывалаго человѣка и ученаго. Къ этому надо прибавить и заботы о ввѣренномъ ему монастырѣ по новому плану, о совершенствованіи хора пѣвчихъ, примѣняя къ дѣлу тѣ мотивы, что были имъ отмѣчены въ записной книжкѣ не только въ Греціи, но и въ Вѣнѣ, а когда то и въ родной Костромѣ. Порфирій всего этого достигъ въ Кіевѣ, въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ. По немногу стали открываться безчисленные ящики съ книгами и рукописями, пока устраивалось новое помѣщеніе и для пріема посѣтителей и для библіотеки и ученыхъ занятій. Устройство дома и помѣщенія было единственною утѣхою ученаго мужа. Какъ радовался, какъ торжествовалъ онъ свое новоселье! Его пріемныя комнаты украсились эмблемами архіерейскаго сана лѣпной работы съ позолотою. Это былъ настоящій епископскій дворецъ. Онъ какъ то поэтически относился къ представительности православнаго архіерея.

Но святилищемъ этой храмины былъ кабинетъ съ трехъсаженнымъ столомъ, около котораго бывало ходишь не находишься, разсматривая и рукописи, и снимки, и заграничныя иллюстрированныя изданія.

Преосвященный разсказывалъ, что онъ нашелъ братію въ нечистотѣ, съ невозможною кухнею. При немъ возникъ за архіерейскимъ домомъ параллельно саду, цѣлый мірокъ деревянныхъ изящныхъ строеній: баня, кухня, трапезная, портомойная, квасоварня, съ различными мостиками, переходами. Его обвиняли за церкви: они требовали ремонта. Но онъ собиралъ на это средства и хотѣлъ ремонтъ свой соединить съ реставраціей. Но это ему не удалось; не успѣлъ. Изъ того уже, что мы сказали, видно, что преосвященный не былъ похожъ вкусомъ на другихъ духовныхъ.

Эта нѣсколько рѣзкая своеобразность, развившаяся на просторѣ чужихъ странъ, и была причиной его преждевременнаго увольненія на покой, которое было для него скорбью и лишеніемъ.

Своеобразность его видна съ первыхъ строкъ его сочине-

нія: Путешествіе на Аѳонъ—и надо сказать она была не напускная, а искренняя. Въ научныхъ трудахъ его эта своеобразность была то простодушная, какъ капризъ, какъ причуда, то строгое, свободное и независимое сужденіе, какъ зрѣлый плодъ строгихъ ученыхъ изысканій.

На міръ и судьбы онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія византійскаго классицизма. Русская исторія была дня него частностью, и судьбы нашей церкви—эпизодомъ въ общихъ судьбахъ православнаго вселенскаго міра. Однакоже надъ разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи русскихъ и о славянахъ онъ думалъ много; изслѣдовалъ и мечталъ, справлялся съ древностью и со схоластикой и не вступалъ ни въ какое общеніе съ современными ему изслѣдованіями.

Онъ считалъ, что христіанство пришло къ намъ двумя путями—по Волгѣ и Окѣ, отъ Каспійскаго моря изъ Азіи, изъ Арменіи, и по Днѣпру отъ Чернаго моря, гдѣ издревле были христіане. Видимымъ знакомъ закаспійской церкви онъ считалъ иконостасъ, безъ котораго были всѣ первоначальныя церкви Южной Русси.

Крещеніе Ольги патріархомъ Фотіемъ считалъ онъ за искаженіе истины. Сестра болгарскаго князя Богаря была награждена животворящимъ крестомъ отъ Фотія,—въ день 11-го іюля.—Оставляя безъ особаго вниманія судьбы Россіи въ среднія вѣка, онъ привязывался мыслью къ Максиму Греку и къ патріарху Никону. Въ этихъ дѣятеляхъ ему видѣлась судьба русской церкви: съ одной стороны свѣтъ знанія, самоотверженіе въ служеніи истины, съ другой стороны невѣжество, самоволіе, стремленіе къ реформѣ не отъ источника мудрости, а отъ самомнѣнія. Строго порицая Никона, онъ видѣлъ истину въ протестѣ за языкъ старыхъ книгъ, языкъ, искаженный, по его мнѣнію, Никономъ. Потомъ ему видѣлся періодъ угнетенія церкви, періодъ протестанскаго, не православнаго ея устройства. Гоненіе на монашество при Аннѣ, отнятіе монастырскихъ имѣній при Екатеринѣ II указывалось имъ какъ наиболѣе крупные признаки этого порабощенія церкви. Но не касаясь его взглядовъ на современность, перейдемъ къ до-Владиміровскимъ временамъ, къ эпохѣ славянскихъ просвѣтителей, къ славянамъ.

Прежде всего должно быть упомянуто его мнѣніе о Кириллѣ, славянскомъ апостолѣ.

Славяне по своей природѣ склонные къ набожности, но нетерпѣливые въ изысканіи истины — торопливо принимали религіозное ученіе. Они, еще въ самое отдаленное отъ насъ время, сдѣлались разновѣрцами, разсорились и подпали подъ иго сильнѣйшихъ сосѣдей.

Неизвѣстны виновники разъединенія ихъ, но извѣстно, что одни вѣровали въ Бѣлбога, другіе въ Чернобога, одни были огнепоклонники, другіе водопоклонники. Даже христіанство не соединило ихъ, давно привыкшихъ къ разновѣрію.

Не славянамъ, а грекамъ предоставлялъ онъ будущее на Востокѣ. Константинополь съ придачею къ нему Ѳракіи и Малой Азіи до Никомидійскаго залива долженъ быть градомъ Божіимъ, городомъ постояннаго вселенскаго собора, въ которомъ должны присутствовать мужи мудрые и святые — не одни духовные, а и мірскіе — и давать направленіе всемірнымъ дѣламъ. Если намъ и суждено утвердиться въ Дарданеллахъ и Константинополѣ, такъ только для того, чтобы подготовить тамъ міровое дѣло.

Кирилла, просвѣтителя моравскихъ славянъ, брата Меѳодіева, смѣшали съ другимъ Кирилломъ. Вступая въ объясненіе этого смѣшенія, Порфирій указываетъ на другія смѣшенія одноименныхъ апостоловъ и святителей. Первый Кириллъ т. н., Солунскій, философъ Болгарскій, былъ грекъ, родившійся въ Кападокіи, и учившійся въ Дамаскѣ ранѣе 680 по Р. X. Онъ и былъ первый учитель Болгаріи и ввелъ церковно-славянскую азбуку — по начертаніямъ греко-іонійскаго письма. «Письмо это можно видѣть въ Синайской библіи VII в., въ моемъ Солунскомъ евангеліи 835 г. въ моей Палестинской псалтири и въ моихъ папирусныхъ и пергаминныхъ отрывкахъ, писанныхъ въ вѣкахъ IV, V и VI-мъ, въ Египетской Александріи, изъ которой пришелъ въ Солунь мой возлюбленный Кириллъ Каппадоко-Дамасскій». Его переводъ: «Въ началѣ бѣ слово», а не «исперва бѣ слово».

Былъ и другой Кириллъ Катанскій (Сицилія), извѣстный обращеніемъ предковъ нашихъ россовъ въ христіанство и введеніемъ у нихъ глаголицы (евангеліе русьскими письмены).

Затѣмъ Кириллъ—также Солунскій—ввелъ у моравянъ славянскую глаголитскую азбуку готовую. Боязнь Константина какъ бы не нажить себѣ еретическое имя въ глазахъ папы, уступки папѣ, и введеніе въ чинъ Богослуженія дополненія во славу первоверховнаго апостола Петра характеризуютъ его. Порфирій называетъ этого Кирилла умнымъ человѣкомъ—годомъ смерти его въ Римѣ считаетъ онъ 884. О подвигахъ Меѳодія и его святой борьбѣ Порфирій не высказывался. Его взоръ не заходилъ такъ далеко на западъ.

Чѣмъ досточтимѣе предметъ, тѣмъ правдивѣе должно быть сказаніе о немъ—говаривалъ Порфирій и эпиграфамъ къ своимъ книгамъ: «путешествіе на Востокъ» избралъ онъ стихъ Лафатера.

Die Wahrheit in dem Wahn su finden
Zu ahnen sie—sie zu empfinden
Mich aus dem Schutt emporzuheben
Sey meine Freude, mein Bestreben.

Добросовѣстное и прекрасное изысканіе сдѣлалъ онъ объ Иверскомъ сказаніи о пришествіи Богоматери на Аѳонъ. Кто знакомъ съ нимъ, тотъ станетъ конечно на сторонѣ Порфирія и его источниковъ и, ничто же сумняся, скажетъ, что это вымыселъ иверскихъ монаховъ, ухватившихся (въ XVI стол.) за смутное, занесенное грузинами повѣрье, что Иверская земля есть жребій Богоматери—и повелѣвшихъ одному изъ послушниковъ своихъ, знатоку эллинскаго языка, составить сказаніе какъ можно краше въ видахъ возвышенія своего монастыря въ глазахъ поклонниковъ. Богоматерь не покидала Іерусалима до кончины своей—доказываетъ Порфирій, ссылаясь на св. отцевъ, писавшихъ о ней съ VIII вѣка (Андрей Критскій). Повѣсть эта не должна быть вносима въ исторію сей горы. Не могу не припомнить какъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, на экзаменахъ, искренній и живой епископъ срѣзалъ небольшаго ростомъ законоучителя за этотъ навязанный ученицамъ эпизодъ, при чемъ досталось и учебнику. Эта характеристика той несдержанности Порфирія, въ силу которой онъ однажды готовъ былъ отлучить отъ церкви начальника края за нерадѣніе къ дѣлу Божьему. Онъ тогда гово-

рилъ во всеуслышаніе, какъ слѣдовало бы поступить, какъ обставить самую церемонію анаѳематствованія, если бы у насъ была церковная власть. Такія выходки были въ характерѣ этого не казеннаго и порою дѣтски простодушнаго архіерея.

Много бы надо было времени для характеристики ученыхъ заслугъ преосвященнаго Порфирія, какъ археолога, палеографа и археографа. Иногда узкій и упрямый въ своемъ воззрѣніи, онъ не щадилъ трудовъ для объясненія того, что случай давалъ ему въ руки изъ древней письменности. Онъ увлекался изслѣдованіемъ, заходя въ области посторонних познаній, увлекался юношески новымъ вопросомъ. Его занятія исходили отъ рукописей, зависѣли вполнѣ отъ матеріала. Оттуда и понятны такія слова его:

«Всѣхъ въ мірѣ профессоровъ лучше—старинныя рукописи; люблю я ихъ и читаю съ отличнымъ удовольствіемъ. Онѣ по своему обогащали мой умъ и мою память на Синаѣ и Сіонѣ, на Ливанѣ и Антиливанѣ—обогатили меня и на Аѳонѣ. Это рудники, изъ которыхъ добывается золото, серебро и всякіе металлы и многіе драгоцѣнные камни и жемчужины.

Но не однѣ рукописи вдохновляли его: памятники вещественные, развалины, предметы христіанскихъ древностей и языческіе остатки, слова и термины въ связи съ мѣстностью, все, подобно рукописямъ, вдохновляло, его къ изслѣдованію. Стоитъ вспомнить его критическую оцѣнку древле чтимыхъ иконъ аѳонскихъ лавръ и монастырей.—Отъ его вниманія не ускользнулъ ни венеціанскій левъ св. Марка, ни грузинскій типъ Богоматери на иконахъ, которыхъ невѣжество выдавало за греческую древность. Сколько пытливый взоръ его открылъ драгоцѣннаго для археологіи въ предметахъ не выставляющихся на показъ! Существеннымъ вкладомъ въ археологическую науку—былъ его «Языческій Аѳонъ». Это различные виды Афродиты, Димитры, Зевса, Вакха, и вліяніе ихъ культа на позднѣйшіе монастырскія преданія...

Выдержки его и замѣтки изъ славянскихъ рукописей важны для исторіи языка, а порой крайне любопытны.

Описанія отличались образностью, онъ подмѣчалъ красоты природы и чутокъ былъ къ прекрасному.

Послѣднимъ словомъ нашего поминанія будутъ слова по-
ойнаго:

«Гдѣ у меня конецъ одному умственному занятію, тамъ на-
инается другое такое же занятіе. Душа моя ни на минуту
е перестанетъ работать. Она какъ часовой маятникъ дви-
:ется то въ ту, то въ другую сторону».

И это то кипучее, неустанное стремленіе къ знанію, рѣд-
эе повсюду—и въ особенности рѣдкое у насъ—было плодомъ
ѣхъ лѣтъ не казенной обстановки, лѣтъ—высшей свободы ду-
а, которою такъ сказать надышался Порфирій въ прославлен-
ыхъ событіями мѣстахъ, вдали отъ дѣлъ, навязанныхъ необ-
одимостью, вдали отъ заботъ, подтачивающихъ душевныя си-
ы ученаго и мертвящихъ вдохновеніе.

Современныя дешевыя изданія для народнаго чтенія *).

I.

Кто заправляетъ книжно-народнымъ дѣломъ.

«Всякое убѣжденіе, всякая настроенность души, какъ бы ни были онѣ, повидимому, нелѣпы, имѣютъ корень въ ея существѣ и могутъ быть объяснены изъ развитія ея жизни... Для того, чтобъ понять какое-либо явленіе въ нравственномъ мірѣ, должно найти его источникъ и понять тотъ фазисъ въ развитіи внутренняго міра, который обнаруживается въ этомъ явленіи».

Такими словами начинаетъ Бѣлинскій небольшой трактатъ о суевѣріи, написанный по поводу появленія въ печати двухъ новыхъ книгъ: «Гадательная книжка. Москва, 1839 года» и «Чудесный гадатель, узнаетъ задуманныя помышленія. Изданіе четвертое. Москва, 1839 года». Распространившись о ненормальномъ состояніи духа людей суевѣрныхъ, не выходящихъ изъ тѣсныхъ ежедневныхъ впечатлѣній, Бѣлинскій вдругъ прерываетъ свои разсужденія:

«Записавшись, мы чуть-было не забыли о чемъ должна идти у насъ рѣчь, но слово «Гадательная книжка» заставило насъ невольно взглянуть на книжицы, лежащія передъ нами, а эти книжицы заставили насъ также невольно отвести въ сторону оскорбленные взоры... Намъ стало стыдно, что мы разговорились по поводу ихъ такъ серьезно».

*) Напечатано въ фельетонѣ газеты «Голосъ», 1880 года, въ №№ 277, 276 и 283.

Однако, не смотря на высказанное презрѣніе къ подобнымъ книгамъ, доброй памяти критикъ говорилъ о нихъ и по поводу ихъ, и вездѣ, гдѣ могъ, бросалъ мѣтко камень, по его выраженію «въ цѣлыя горы бумаги, ежедневно печатаемыя для народа, подъ названіями: «Похожденія Георга, аглицкаго милорда», «Похожденія Ваньки Каина», «Анекдоты о Балакиревѣ» или «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ».

По поводу книги «Сельское Чтеніе» въ составленіи которой принимали участіе князь Одоевскій, А. П. Заблоцкій, Вельтманъ и другіе литераторы, Бѣлинскій предъявляетъ свои требованія просвѣщеннымъ писателямъ народныхъ книгъ:

«Главное тутъ—не торопиться, не желать сдѣлать многое вдругъ, не высказать всего за разъ и всегда держаться въ уровень съ понятіемъ простолюдина. Избѣгая книжнаго языка, не должно гоняться и за мужицкимъ нарѣчіемъ: простолюдины обыкновенно недовѣрчивы къ собственному способу выраженія. Простота языка должна въ этомъ случаѣ быть только выраженіемъ простоты и ясности въ понятіяхъ и мысляхъ».

Въ сороковыхъ годахъ ежемѣсячныя періодическія изданія высоко держали знамя критики, и ихъ литературная лѣтопись и библіографическая хроника не пропускали ни спеціально-ученыхъ трудовъ, ни учебныхъ руководствъ, ни книгъ для легкаго чтенія публики и, какъ видимъ, ни книжицъ сѣробумажнаго дѣла, предназначенныхъ для развоза по ярмаркамъ. Каждое новое литературное явленіе удостоивалось тогда просмотра и соотвѣтствующей отмѣтки. Передъ читателемъ, напримѣръ, «Отечественныхъ Записокъ» того времени раскрывались всѣ появлявлявшіяся вновь изданія, съ интересною выдержкой, если то былъ новый историческій матеріалъ, съ добросовѣстнымъ отчетомъ, если то было ученое изслѣдованіе, съ эстетическимъ приговоромъ о языкѣ, ясности изложенія и, наконецъ, о содержаніи и о достоинствахъ и недостаткахъ автора,—былъ ли то поэтъ, составитель утилитарной книги, компиляторъ или переводчикъ.

Поневолѣ останавливаешься на этихъ свѣтлыхъ сторонахъ нашего литературнаго прошлаго, когда не было разрыва между учеными и литераторами, а въ публикѣ господствовало

справедливое уваженіе къ печати. Нельзя не сознаться, что въ наше время существуетъ какой-то разладъ между представителями науки и литературы съ одной стороны, между широкими интересами читающей массы и скупыми на рецензіи библіографическими отдѣлами журналовъ съ другой. Весьма малый процентъ новыхъ книгъ удостоивается отзыва. Во множествѣ появляющіеся переводы иностранныхъ писателей проходятъ безъ всякой оцѣнки; небрежность языка, невѣрное пониманіе текста въ нихъ зачастую проходятъ безнаказанно, да и выборъ переводимыхъ сочиненій часто бываетъ страненъ, непонятенъ. Что же касается книгъ, предназначаемыхъ для средней, по образованности, публики, то о нихъ трудно найти въ печати мнѣнія руководящей интеллигенціи.

Однакоже мы рѣшаемся подѣлиться съ читателями обзоромъ книгъ самой дешевой цѣны, самаго невзыскательнаго содержанія. Мы имѣемъ въ виду поговорить о томъ, что печатается для народа, что доступно ему по цѣнѣ и развозится по всей Россіи, чѣмъ торгуютъ коробейники и владѣтели книжныхъ ларей на сельскихъ ярмаркахъ и въ базарные дни въ городахъ и что расходится въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ. Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ тотъ же Бѣлинскій, осмѣявъ въ горько—шутливомъ тонѣ содержаніе книги «Могила инока» (Петербургъ, 1845 года), заключилъ свою рецензію восклицаніемъ: «И вотъ какія произведенія не перестаютъ еще появляться въ русской словесности!» *). И теперь, черезъ тридцать лѣтъ, еще не перестаютъ появляться книги, приводившія въ ужасъ Бѣлинскаго, а расходятся онѣ въ несравненно большемъ числѣ экземпляровъ. И теперь встрѣчаемъ на книжномъ рынкѣ «Исторію о Францылѣ Венеціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ», и, вмѣстѣ съ рецензентомъ «Отечественныхъ Записокъ» стараго времени, готовы сказать, что какъ ни безцвѣтна эта книга, а все же она *исторія*, какая бы ни была, и ее нельзя не предпочесть книжонкѣ «Прикащикъ хватъ да не въ попадъ», соотвѣтствующей

*) Сочин. Бѣлинскаго, т. X, стр. 219.

по содержанію «Разгулью купеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ» сороковыхъ годовъ.

Бѣлинскій и другіе рецензенты съ особымъ сочувствіемъ отнеслись къ такимъ попыткамъ, какова была Максимовича (кіевскаго) «Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ», или «Сельское чтеніе» князя Одоевскаго и Заблоцкаго.

Теперь подобныхъ попытокъ не мало. Мы думаемъ, что пятая часть издающихся для народа книгъ принадлежитъ обществамъ и учрежденіямъ, каковы «Постоянная комиссія народныхъ чтеній, министромъ народнаго просвѣщенія учрежденная», «Общество распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ», редакціи періодическихъ изданій: «Мірской Вѣстникъ», «Чтеніе для солдатъ,» «Досугъ и Дѣло» и нѣкоторыя другія издательскія фирмы полезныхъ книгъ для народа. Что бы ни говорили, въ послѣднія десять лѣтъ грамотность распространилась на Руси. Учится народъ ремесленный, фабричный и сельскій; учатся граматѣ солдаты, учатся женщины; учатся насчетъ правительства, на счетъ городскихъ думъ и различныхъ благотворительныхъ обществъ. Теперь рѣдко попадается неграматный подростокъ мужичекъ и горожанинъ, по крайней мѣрѣ, несравненно рѣже, чѣмъ неграмотный человѣкъ среднихъ лѣтъ. Прогрессъ въ дѣлѣ размноженія числа граматныхъ очевиденъ.

Но что же читаетъ граматный простолюдинъ? Онъ читаетъ то, что доходитъ до него путемъ разносной торговли и что доступно ему по цѣнѣ. И вотъ на эти-то книги мы обратимъ вниманіе читателя, конечно, не съ мыслью дѣлать имъ разборъ въ интересахъ литературы, а съ желаніемъ подѣлиться тѣмъ, что мы усмотрѣли въ нашемъ книжномъ дѣлѣ, насколько оно благотворно, живительно, а порою и вредно для народа.

Если о литературныхъ явленіяхъ прошлыхъ вѣковъ можно толковать съ профессорской каѳедры, не опуская какой-нибудь «Гисторіи Жанеты, произшедшей изъ мужички черезъ достоинство и чистоту въ достоинство маркизы», или «Сказанія о королевичѣ Брунцвикѣ и его великомъ разумѣ и храбрости», то почему же не обратиться къ тому, что до сихъ поръ еще живетъ, т. е. вновь пишется, издается въ великомъ множествѣ экземпляровъ и читается усердно при свѣтѣ сальнаго огарка и лучины? Всякое явленіе, повторимъ и мы,

имѣетъ свое оправданіе, а тѣмъ болѣе литературное, связанное или съ интересомъ читателя, или съ расчетомъ на возбужденіе въ немъ интереса. И сѣробумажныя изданія, съ извѣстной точки зрѣнія, интересны, какъ показатель развитія той авторской среды, которая находится въ распоряженіи издателей-книгопродавцовъ.

Впрочемъ, сѣробумажный видъ свой эти книжки уже утратили въ послѣднее время. Книжечки, брошюры, сбываемыя книгопродавцомъ-издателемъ коробочнику по 2 руб. и 1 руб. 50 коп. за сотню экземпляровъ, нынѣ уже не печатаются на оберточной бумагѣ. Бумага бѣлая, хотя иногда слишкомъ тонкая, печать отчетливая и не блѣдная, за небольшими исключеніями. Видъ книжонокъ гораздо болѣе опрятенъ, чѣмъ это было лѣтъ 10—15 назадъ. Къ сожалѣнію, виньетка на оберткѣ, по большей части, остается, попрежнему, грубою, традиціонно безобразною. Такая обертка даетъ худшее понятіе о содержаніи книжечки, иногда довольно сносной.

Граматность писателей для народа тоже сдѣлала успѣхъ— они пишутъ бойко и ошибокъ противъ языка дѣлаютъ мало. Но за то отличаются корректоры и невнимательные издатели. Иная книжечка написана грамотно, а на заглавномъ листѣ гигантскими буквами читаешь: «Битва на Куликовомъ поле»[1]) или: «Подвигъ рядоваго въ прошломъ году»[2]). Корректурныя ошибки въ иныхъ изданіяхъ жестоки для малограмотныхъ читателей: буквы перебиты, согласныя замѣнены гласными. Безграматность издателей и корректоровъ поражаетъ особенно въ изданіяхъ книгопродавца Яковлева. Прѣсновъ печатаетъ слишкомъ мелко; лучше и опрятнѣе другихъ Морозовъ и Манухинъ, а иногда и Шараповъ. Эти только что названныя нами московскія книгопродавческія фирмы, если присоединить къ нимъ торгующихъ по ярмаркамъ Глушкова, Орѣхова и Аврамова, заправляютъ всѣмъ книжнымъ дѣломъ для народнаго чтенія. Ихъ насиженное мѣсто знаютъ хорошо коробейники, разносящіе товаръ ихъ отъ моря и до моря, по Европейской Россіи и Сибири. Каждая книжка не печатается

[1]) Москва, 1876 годъ, изданіе Прѣснова.
[2]) Москва, 1879 годъ, изданіе Шарапова.

иначе, какъ сотнями тысячъ экземпляровъ иногда и до полумилліона.

II.

Книги духовнаго содержанія.

Книгопродавческія фирмы издаютъ, главнымъ образомъ, житія святыхъ. Житіе, обыкновенно, разсказано современнымъ литературнымъ языкомъ и всегда сокращенно, насколько это возможно. Сухость изложенія житія, какъ русскихъ, такъ и святыхъ православнаго Востока, составляетъ отличительное свойство въ изданіяхъ для народа. Лирическія мѣста, трогательные эпизоды, дававшіе въ древности тему народнымъ стихамъ, всегда пропущены, и по большей части, чтобъ не перейти границъ, отмежованныхъ для брошюры расчетливымъ издателемъ.

Не всегда недостатокъ мѣста даетъ прямой отвѣтъ на укоръ о сокращеніи. Почему, напримѣръ въ житіи Бориса и Глѣба (*«Святые мученики Борисъ и Глѣбъ, россійскіе благовѣрные князья»*. Москва. 1879 года, изд. Шарапова) выпущены чувствительныя мѣста и многія подробности при описаніи убіенія св. Глѣба, когда осталось довольно мѣста для описанія чудесъ? Положимъ, что чудо передъ битвой Александра Невскаго со шведами, или явленіе св. братьевъ передъ мамаевымъ побоищемъ умѣстны и въ своемъ родѣ поэтичны; но такія чудеса, какъ, напримѣръ, исцѣленіе слѣпого: «что-де одинъ слѣпецъ палъ передъ мощами и прозрѣлъ, и всѣ прославили Бога» есть общее мѣсто, а между тѣмъ, чудо это помѣщено, отступя на большое пространство отъ предъидущаго текста, съ крупнымъ особымъ заглавіемъ. На заглавномъ листѣ той же книжки изображены Борисъ и Глѣбъ—одного роста, оба съ бородою, тогда какъ Глѣбъ былъ 12-ти лѣтнимъ ребенкомъ и искони изображался безбородымъ. Мы, конечно, не предъявляемъ археологическихъ требованій въ изображеніи одеждъ, но съ любою иконою и самымъ житіемъ издателю обязательно было бы справиться.

Изъ житій святыхъ преимущественно издаются житія русскихъ святыхъ или нерусскихъ, но особенно чтимыхъ на Руси, какъ-то: житіе Николая чудотворца или Варвары великомученицы; появляется иногда Евстафій Плакида съ виньеткою, изображающею чудеснаго оленя, приведшаго его къ Богу. Видѣли мы не разъ въ книжныхъ народныхъ лавкахъ страданія, весьма чтимыхъ въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Орловской, святыхъ Кирика и Іулиты, наконецъ, Георгія Побѣдоносца.

Тридцать лѣтъ назадъ, очень распространено было житіе Іоанна Милостиваго, съ картинами. Теперь намъ попадается весьма распространенная книжечка: «Поучительные примѣры благотворительности» (изданіе Андрея Узанова, Москва 1877 года), гдѣ находятся только выдержки изъ житія Іоанна Милостиваго на ряду съ эпизодами изъ жизни другихъ святыхъ благотворителей, какъ-то: Серапіона, Григорія-двоеслова, Самсона-страннопріимца. Остановимся на этой книжечкѣ. Она написана тепло, и самые примѣры благотворительности подобраны весьма удачно. Каждый случай благотворительности снабженъ нравоученіемъ, естественно вытекающимъ изъ разсказа. И къ сожалѣнію подобныхъ выдержекъ изъ житія святыхъ мы не встрѣчали болѣе.

Интелигентныя общества, занимающіяся изданіемъ книгъ для народа, тоже издаютъ житія святыхъ; но въ этихъ опрятныхъ, иногда снабженныхъ изображеніями святыхъ, изданіяхъ, мы замѣтили сухость и сокращеніе. Редакція «Досугъ и Дѣло» издала житіе четырехъ евангелистовъ, Постоянная комисія народныхъ чтеній—житіе Николая чудотворца и жизнь Пресвятой Богородицы. Описанія русскихъ святыхъ мѣстъ (какъ, напримѣръ, «Кіевъ и его святыни», Опатовича), изданныя комисіей народныхъ чтеній, страдаютъ также сухостью и схоластическимъ пріемомъ—все разсказать, быть въ уровень съ учебниками исторіи и чисто церковными описаніями вкладовъ, взносовъ и монастырскихъ построекъ.

Столичные духовные писатели для народа стремятся, между прочимъ, ознакомить своихъ читателей съ первыми временами христіанства. Они также много пишутъ о таинствахъ и о богослуженіи. Такія книги имѣютъ успѣхъ. Такъ, Постоян-

ная коммисія народныхъ чтеній издала: «*О Богослуженіи*», священника Соколова, въ числѣ 12,000 экземпляровъ. Изданіе разошлось въ четыре года, и нынѣ это сочиненіе вышло вторымъ изданіемъ *). Та же коммисія издала: Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа». и «Слава Господа нашего Іисуса Христа». Обѣ книги тепло написаны и нравятся народу. Священникъ Василій Михайловскій, въ Петербургѣ, издалъ еще въ 1870 году «о Богослуженіи» отдѣльными брошюрами. Его «Божественная литургія» стоитъ двѣ копѣйки. Цѣлый рядъ брошюръ этого автора продается въ Казанскомъ соборѣ. Написанныя легко и доступно, произведенія о. Михайловскаго, къ сожалѣнію, не могутъ расходиться въ такомъ числѣ, какъ произведенія московской книгопродавческой печати. Однако, его «Объясненіе обрядовъ при совершеніи таинствъ» печатается шестымъ изданіемъ въ теченіи десяти лѣтъ.

Вообще повѣствовательный религіозный отдѣлъ народныхъ книгъ довольно бѣденъ содержаніемъ. Наибольшее же количество «житій святыхъ» для народа остается за московскими книгопродавческими фирмами. Онѣ же издаютъ и поученія: «Како стояти въ церкви», «како поминати умершихъ». На оберткахъ изображены священникъ и дьяконъ въ ризахъ и молящіеся простолюдины и горожане. Объясненіе обрядовъ преобладаетъ въ современной литературѣ для народа надъ сочиненіями поучительнаго характера.

Мы тщетно искали на народныхъ ларяхъ у Сухаревой башни и на другихъ подобныхъ торжищахъ нравственныхъ поученій, проповѣдей, писанныхъ для народа и равныхъ, по цѣнѣ, житіямъ святыхъ, т. е. отъ трехъ до пяти копеекъ книга. Въ каталогѣ книгъ св. Синода мы нашли нѣсколько поучительныхъ брошюръ, по пяти, по четыре и даже по двѣ и по одной копѣйкѣ. Это избранныя мѣста изъ твореній Василія Великаго, сочиненій Димитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго; «Указаніе пути въ царствіе Небесное» московскаго митрополита Иннокентія и нѣсколько житій, заимствованныхъ изъ чети-миней.

Отрывки изъ сочиненій св. Тихона Задонскаго издало, вмѣстѣ

*) Въ новый періодъ дѣятельности Коммиссіи книга эта была издаваема еще пять разъ, а разошлась въ количествѣ 80,000 экземпляровъ.

съ другими книжками поучительно-духовнаго характера, «Общество поощренія духовнонравственнаго чтенія», состоявшее, во время управленія генерала-адъютанта Тимашева, подъ особымъ покровительствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, поученія Тихона Задонскато изданы безъ измѣненія слога—слога дурной эпохи литературныхъ пріемовъ и неустановившагося языка. Проповѣди, предложенныя читателю въ видѣ притчъ «Пастухъ и овцы», «Перекличка, или какъ то будешь отвѣчать», выдержали по пяти и по семи изданій, впрочемъ, въ теченіи почти полустолѣтія. Такъ, намъ попалось второе изданіе «Переклички», появившееся въ 1834 году. Въ изданіи 1878 года нѣтъ ни малѣйшаго измѣненія. Противъ изданій «Общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія» можно сказать только одно: они не русскаго происхожденія, и самый складъ ихъ обнаруживаетъ въ переводчикахъ иностранное образованіе.

Въ складѣ изданій этого Общества нашли мы книжечки, изданныя графинею Рукополевою (Армфельдъ). Въ одной изъ нихъ, цѣною въ двѣ копейки, находимъ разсказы: «Сказка про воробья, который дѣлалъ все, что могъ», «Богатство», «Гдѣ грѣхъ, тамъ и плачъ», «Молитва Господня», Какъ аукнется, такъ и откликнется». Всѣ разсказы касаются болѣе дѣтей, совсѣмъ не народной среды, хотя и стоитъ на заглавномъ листкѣ «чтеніе для народа».

Въ монастыряхъ, не исключая и лавръ Кіево-Печерской и Сергіевой, издаются для народа, главнымъ образомъ, листы съ молитвами и изображеніями святыхъ угодниковъ, и только. Что касается Евангелія, то оно еще недавно было достояніемъ рѣдкихъ достаточныхъ и весьма книжныхъ простолюдиновъ. Въ послѣднія два десятилѣтія, св. Синодъ сталъ издавать по дешовой цѣнѣ для народа: новый завѣтъ, псалтирь и молитвенники. Потомъ и англійское Библейское Общество получило возможность распространять Евангеліе на русскомъ языкѣ. По дешевизнѣ, Евангеліе, издаваемое библейскимъ Обществомъ имѣетъ преимущество передъ изданнымъ св. Синодомъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ *«Обществѣ распространенія св. писанія въ Россіи»*, уставъ котораго высочайше утвержденъ въ 1869 году. Святѣйшій Синодъ отпускаетъ этому

бществу Евангеліе въ листахъ по удешевленной цѣнѣ и въ редитъ; то же самое дѣлаетъ и англійское Библейское Обще-тво. Кто бы желалъ познакомиться съ дѣятельностью по ра-пространенію книгъ въ народѣ и подвигомъ лицъ, послужив-ихъ дѣлу распродажи Евангелія, тому совѣтуемъ обратить ниманіе на брошюру: «Общество распространенія св. писа-ія въ Россіи и его книгоноши», изданную въ Москвѣ, Об-ществомъ распространенія полезныхъ книгъ, въ 1874 году одъ № 8-мъ, второго десятилѣтія.

Любитъ народъ нашъ путешествія къ святымъ мѣстамъ, о такихъ книгъ для него вновь не пишутъ, и онъ пользуется ашими старинными паломниками въ сокращеніи. Манухинъ здаетъ отрывки изъ путешествій «Василія Григорьевича Бар-каго», а Прѣсновъ путешественника XVI-го столѣтія «Три-она Коробейникова путешествіе въ Іерусалимъ и къ Синай-кой Горѣ» (Москва, 1870 года). Общество распространенія олезныхъ книгъ издало также «Коробейниковѣ». Мы имѣли лучай видѣть, какъ прѣсновскій «Коробейникова» поглощался рамотными крестьянами изъ молодыхъ.

III.

Книги повѣствовательныя нравственнаго характера.

Перейдемъ теперь къ повѣствовательной литературѣ наро-нокнижнаго рынка и начнемъ съ тѣхъ произведеній, кото-ыя пишутся съ цѣлью нравственнаго наставленія. Народъ юбитъ такія повѣсти, особенно если самая мораль входитъ ъ событія съ возможнымъ правдоподобіемъ. Прочитавъ раз-казъ, простодушный читатель самъ дѣлаетъ нравственный вы-одъ: «а вѣдь, Богъ вотъ какъ наказалъ его...», или: «за-ѣмъ возгордился? ништо ему». Чѣмъ разсказъ ближе къ жизни, ѣмъ большее производитъ впечатлѣніе. Но какъ же мало раз-казовъ для народа и какъ скупо дѣлятся съ народомъ изда-ели книгъ богатствами отечественной литературы! Достойнаго на самомъ дѣлѣ хорошаго не перепечатываютъ, не передѣ-

лываютъ, не сокращаютъ, а передѣлываютъ и перепечатываютъ рутинное, по большей части бездарное.

Бѣдность повѣствовательнаго творчества заказныхъ писателей видна, напримѣръ, изъ лежащей передъ нами книжечки: «*Бабушка Марѳа, или за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ*». Разсказъ этотъ является въ трехъ редакціяхъ, и три книгопродавца (Яковлевъ, Глушковъ и Прѣсновъ) разомъ издаютъ его. Героиня бабушка Марѳа остается, какъ и самая тема разсказа, неизмѣнною: видоизмѣняются только подробности разсказа и собственныя имена остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ лицѣ Марѳы изображена крестьянка-вдова, добродѣтельная, уповающая во всѣхъ скорбяхъ своихъ на Бога и Пресвятую Богородицу. Чаша претерпѣнныхъ ею горестей наполнилась, когда ея единственнаго сына несправедливо отдали въ солдаты. Дочь ея, послѣ того, взялъ на воспитаніе мѣстный священникъ. Сынъ же попалъ въ Петербургъ, въ гвардію, служилъ отлично и былъ, наконецъ, сдѣланъ унтеромъ. Къ Марѳѣ въ домъ нечаянно, въ непогоду, заѣзжаетъ отдохнуть проѣзжій офицеръ и, обогрѣваясь у нея, вступаетъ съ старушкою въ разговоръ о ея житьѣ-бытьѣ. Рѣчи ея, приведенныя въ разсказѣ, ея вѣра въ Бога, преданность къ царю такъ тронули сердце офицера, что онъ записалъ имя ея сына. Прошло нѣсколько лѣтъ. Дочь Марфы выросла и научилась въ домѣ священника наукамъ и рукодѣлью и за нее посватался сынъ ея воспитателя, пріѣхавшій навѣстить отца, «надворный совѣтникъ и кавалеръ», къ тому же, «профессоръ университета».

Въ день свадьбы зазвенѣлъ колокольчикъ, и, къ дому Марѳы подкатилъ офицеръ съ денщикомъ. Офицеръ этотъ и былъ сынъ Марѳы: онъ разсказываетъ съ большой наивностью о томъ, какъ учился по ночамъ, чтобъ стать образованнымъ, какъ отличали его по службѣ и какъ, наконецъ, самъ Государь, узнавъ о немъ и о Марѳѣ отъ проѣзжаго офицера, который былъ однимъ изъ приближенныхъ къ Государю лицъ, пожелалъ его видѣть.

Разсказъ «о бабушкѣ Марѳѣ» въ изданіи Прѣснова ведется отъ лица одного изъ грамотныхъ мужичковъ и начинается съ прославленія воли и освободителя Царя Александра

Николаевича. Въ этой редакціи проѣзжій офицеръ, разговорившійся съ Мареой, былъ самъ Императоръ Александръ Павловичъ.

Благодарственныя молитвы, возносимыя всею семьею къ Богу, столѣтній старецъ священникъ, дѣдъ жениха, вѣнчающій внука съ дочерью Мареы и повторяющій слова Симеона Богопріимца, составляютъ умильное заключеніе повѣсти. Эпилогомъ же является памятникъ, поставленный, по прошествіи многихъ лѣтъ, на могилѣ Мареы ея дѣтьми: сыномъ «генераломъ» и дочерью женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника такою то. На памятникѣ надпись: «За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ».

Образованіе въ «Бабушкѣ Мареѣ» поставлено авторомъ на первомъ планѣ; но все же идеальною наградою является высокій чинъ. Такая награда дѣтямъ крестьянки вдовы, своею необычайностью, должна производить, по разсчету автора, впечатлѣніе на его читателей. Авторъ, очевидно, семинаристъ: это видно изъ идеализаціи священника, профессора и изъ наивнаго разсказа о военной карьерѣ и о Государѣ. Однакожь, вещь эта нравится читателямъ и стала она даже предметомъ литературныхъ пересказовъ съ варіантами.

Успѣхъ «Бабушки Мареы» мы видимъ въ народности и нѣкоторой жизненной правдѣ. Не стремятся ли у насъ всѣ сколько-нибудь энергичные люди къ переходу изъ одного быта въ другой? Переходъ изъ низшаго сословія въ высшее до сихъ поръ былъ двигателемъ и наградою всякому, выходящему изъ ряда, дѣятелю.

Азартъ этотъ въ достиженіи повышенія въ положеніи весьма популяренъ на Руси. Не забудьте, что іерархи наши, украшенные звѣздами, часто дѣти сельскихъ дьячковъ. Поэзія карьеры не могла не задѣть духовенства. Духовенство же наше ближе къ простому народу, чѣмъ къ высшему сословію. Переходное движеніе изъ бѣдности въ знать, изъ батрачества въ капиталисты есть явленіе органическое въ русской жизни. Не будемъ говорить о хорошихъ сторонахъ постояннаго обновленія сословій черноземными силами; пожалѣемъ только, что идеалъ стремленій такъ же не высокъ, какъ дѣтская игра въ солдатики, также прозаиченъ и не нравственъ, какъ влеченіе

купить выигрышный билетъ съ надеждой выиграть тысячи. Исторически стремленіе перехода изъ низшихъ сословій въ высшія можно объяснить тѣмъ, что низшія и даже среднія сословія у насъ были слишкомъ принижены, хотя не закономъ, но обычаемъ. Но литературѣ, обязанной поднимать, сколько возможно, выше нравственный уровень, пора бы, кажется, искать другого идеала.

А «Бабушку Марѳу» издаютъ одновременно три издателя и каждый въ сотняхъ тысячъ экземляровъ. И читаютъ ее съ умиленіемъ и долго еще будутъ издавать ее и развозить по городамъ и селамъ.

Раскроемъ другую книжонку: «*Ай да ярославцы, вотъ такъ народецъ! Правдивый разсказъ о томъ, какъ одинъ ярославецъ пришелъ пѣшкомъ въ Питеръ, надулъ черта, одурачилъ нѣмца, сдѣлался буфетчикомъ и женился на старостиной дочери*». (Изданіе пятое. Петербургъ, 1876 года, у книгопродавца Шатаева). Эта книжечка распространена въ Москвѣ и повсюду. Ея забористое заглавіе заставило насъ подумать, что это пошлая, шутливая исторійка въ родѣ «Похожденія мазурика» (Москва, 1877 года, Прѣснова) или пошлыхъ потѣшныхъ шутокъ Миши Евстигнѣева, издаваемыхъ Морозовымъ, въ Москвѣ же. Мы рыскрыли книжку и стали читать:

«Эхъ, горе горькое, доля не легкая! Время ночное; вьюга такая, что свѣту божьяго не видно. А между тѣмъ, по проселку пробирается съ котомкой за плечами молодой парень лѣтъ двадцати двухъ или трехъ. Идетъ онъ, повѣсивъ голову... Еле вытаскиваетъ горемыка ноги изъ глубокаго снѣга да посматриваетъ только — только, какъ бы не сбиться съ дороги. Вдругъ подъ самыми ногами его на снѣгу что то зачернѣло»...

Разсказъ, какъ видите, хорошій и совсѣмъ не пошлый. Дѣло въ томъ, что парень этотъ, шедшій на заработки въ Петербургъ, нашолъ на дорогѣ узелокъ съ деньгами. Онъ обрадовался, что можетъ сѣсть на машину и будетъ имѣть кусокъ хлѣба, пока не станетъ на мѣсто къ хозяину. Вскорѣ онъ завидѣлъ огонекъ: то былъ постоялый дворъ.

«Богъ помочь, любезный человѣкъ! Куда путь держишь? спросилъ хозяинъ.—Въ Питеръ пробираюсь... поспать до утра

ельзя ли?—А разувайся, полѣзай на полати, а то, коли хочешь на печку. Да похлебать чего не хочешь ли? лапша есть, и есть, каша...—Спасибо, пообогрѣюсь прежде...—Парень нялъ котомку и присѣлъ на лавку.. Въ это время въ темомъ углу избы онъ замѣтилъ старуху, о чемъ-то горько плавшую.—О чемъ это, бабушка, печалишься? спросилъ онъ е.—Да вотъ болѣзная деньги, сказываетъ, потеряла, произнесъ озяинъ. Парень вздрогнулъ. Да, голубчикъ... Коровушку проила... Охъ! потеряла всѣ деньги-то... о-охъ, о о-хъ, горе мое! ъ платкѣ... охъ! Отдать, али не отдать? думалось парню. ѣлую ночь проворочался онъ съ боку на бокъ. Не давала іу спать находка. Старуха до утра все хныкала, а дьяволъ акъ и нашептывалъ ему: «не отдавай! на чугункѣ на чугункѣ, оѣдешь». Долго боролся парень. Наконецъ передъ самымъ азсвѣтомъ онъ тихо приподнялся съ палатей, перекрестился шепотомъ проговорилъ: «Бабушка, а бабушка!—Что тебѣ, одимый?—Охъ, грѣхи мои! Бабушка, я нашелъ твои деньги— отъ онѣ...

«Когда человѣкъ сдѣлаетъ доброе дѣло—продолжаетъ авоаръ—у него на душѣ хорошо и легко дѣлается. Андрей— акъ звали парня—слѣзъ съ палатей, умылся, помолился огу за то, что онъ не далъ дьяволу попутать его, и весело шагалъ по дороженькѣ. Утро было хотя и морозное, но мяель утихла, и идти было гораздо легче. Думалось Андрею и бъ томъ, какъ Богъ донесетъ его до Питера, да думалось акже и объ деревнѣ, гдѣ онъ оставилъ зазнобушку...»

Нравственное начало руководитъ авторомъ и далѣе, когда нъ повѣствуетъ о томъ, какъ Андрей спасъ собаку съ оторанною ногою и перевязалъ ей рану платкомъ. Читатель охотно ослѣдовалъ бы за Андреемъ, и далѣе, но, къ сожалѣнію, весь нтересъ перенесенъ на собаку, которая оказалась необыкновенно чуткою, охотницкою; она привязалась къ Андрею и дурачила нѣмца, который-было овладѣлъ ею. Все остальное объ Андреѣ скомкано въ нѣсколько строкъ. Выдержи авторъ разсказъ объ Андреѣ до конца, доведи его до успѣшныхъ аработковъ и счастливаго возвращенія въ девевню, и «Ярославецъ» былъ бы замѣтнымъ явленіемъ въ народной литературѣ и имѣлъ бы успѣхъ «Бабушки Мароы», при лучшемъ

направленіи и при умѣньѣ автора хорошо излагать. Едва ли и издатель стѣснялъ автора объемомъ: въ концѣ брошюрки нашлось даже мѣсто помѣстить стихотворенія крестьянина Шегаева, невѣроятныя стихотворенія:

«Господа; имѣйте сожалѣнье
Надъ жизнью бѣдственной моей,
Мое прочтите сочиненье
Судьбѣ несчастной сей.
Имѣйте состраданье
Къ жалкимъ бѣднякамъ·
Пишу для оправданья,
Публика, предъ вамъ.

Эта безграмотная нескладица есть вступленіе въ стихотворный разсказъ «Похожденіе ярославскаго Горюна Пройдохи». Горюнъ противопоставленъ Андрею! Онъ также пришелъ въ Питеръ, все заработанное пропилъ, прокутилъ, вернулся домой на нужду, бѣдность, на тяжелую работу. По исполненію, «Горюнъ»—несчастная нескладица; по мысли она близка народу и правдива. Здѣсь мы невольно припоминаемъ другую поэму, писанную для народа на тему о пьянствѣ, но писанную не самоучкою-крестьяниномъ, а лицомъ интеллигентнымъ, владѣющимъ хорошимъ стихомъ. Поэма помѣщена была въ «Мірскомъ Вѣстникѣ» (1864 года, книжка 1-я) и отдѣльно издана для народа редакціею того же журнала въ 1872 году. Названіе поэмы: «Повѣрье о старцѣ, бѣсѣ и водкѣ».

Въ лѣсахъ во дремучихъ, въ глуши неприступной,
Вдали отъ людей и отъ міра,
Въ тяжелыхъ веригахъ, босой, безъ одежды
Спасался въ пещерѣ пустынникъ...

И этотъ отказавшійся отъ міра человѣкъ впадаетъ во власть бѣса, летаетъ на черной лошадкѣ подъ облаками, совершаетъ преступленіе и погибаетъ на плахѣ, казненный рукою палача. Виною всему водка. Что можетъ быть не стройнѣе и не народнѣе такой темы? Народъ читаетъ въ любимыхъ имъ книгахъ не о томъ, какъ бѣсъ посрамилъ пустынника, а какъ пустынникъ посрамилъ бѣса. Пустынника народъ любитъ

и относится къ нему иначе. Къ чему пустынникъ замѣнилъ молодца, погибающаго отъ водки, въ жизни практической, среди искушеній, противостоять которымъ былъ не въ силахъ? Молодецъ народной поэзіи — добыча горя-злосчастья, есть неистощимая тема для народныхъ, пожалуй и стихами написанныхъ разсказовъ. Вотъ какъ безтактно иногда относятся къ народу писатели, владѣющіе литературнымъ образованіемъ.

Иногда въ копеечныхъ изданіяхъ нравоучительный разсказъ ведется отъ лица мужичка-разскащика. Передъ нами книжечка: «*Дядя Пахомъ не тужитъ о томъ, что дѣдушка Наумъ наводитъ міряна на умъ*» съ приличною виньеткой. (Москва, 1876 года, изд. Прѣснова), Разсказъ этотъ повѣствуетъ о похожденіяхъ трехъ братьевъ; двое изъ нихъ жили безпутно и попали въ Сибирь, третій же, по ремеслу портной, началъ съ того, что по дорогѣ прежде всего зашелъ въ часовню, усердно помолился, положилъ три поклона и пошелъ своею дорогой. Кончилъ же онъ тѣмъ, что зажилъ счастливо, спокойно и богато. Разсказъ довольно безцвѣтенъ и приправленъ благочестивыми наставленіями Наума.

Иныя книжечки пишутся людьми, вступающими въ борьбу съ народнымъ суевѣріемъ. Подобные разсказы хотя изрѣдка но все же попадаются въ копеечныхъ изданіяхъ. Умышленно прилаженныя ко вкусу народныхъ граматниковъ заглавія такихъ произведеній своимъ таинственнымъ смысломъ или плоскою шуткою, какъ маскою, прикрываютъ тенденціозное направленіе. Взглянемъ на желтенькую книжечку, изданную уже въ третій разъ въ Петербургѣ, съ таинственною виньеткой на оберткѣ: по заглавію, эту брошюрку можно отнести къ категоріи книжонокъ, подобныхъ «Страшной вѣдьмѣ» или «Волшебному кольцу» и т. п. Вотъ это заглавіе: «*Мертвецъ и пьянница, или чудесное избавленіе отъ пьянства съ прибавленіемъ разсказа о колдунѣ по прозвищу чорная кошка*». Первый разсказъ (Катаньева) повѣствуетъ о колдунѣ, какъ его одурачилъ нѣкій Степанъ, заставивъ выпить пиво съ табакомъ. Въ разсказѣ нѣтъ ни такта, ни умѣнья говорить народу, ни даже остроумія. Второй разсказъ начинается слѣдующимъ образомъ:

«Это давно, очень давно было. Было это въ одномъ

городѣ, въ которомъ былъ университетъ. Вы его, мои любезные читатели, называете иниверситетомъ и ерkситетомъ... ну, да это все равно; всетаки, вы знаете, что университетъ есть самое главное высшее училище, въ которомъ учатся парни уже бородатые, которые и безъ того много наукъ произошли, а въ это училище идутъ, чтобъ доучиться и чтобъ всякія самыя мудрѣйшія науки знать».

И, затѣмъ, о наукахъ: тутъ и чугунка, и телеграфъ, и барометръ, а потомъ о медицинскихъ наукахъ, хирургіи, анатоміи. Все это изложено языкомъ, поддѣлывающимся подъ народный говоръ, съ тяжелыми литературными оборотами, и направлено къ тому, чтобъ осмѣять страхъ сторожа, вынесшаго трупъ изъ анатомическаго театра. Народъ не любитъ такого языка, и покупатель обманутъ заглавіемъ книжечки, которая, безспорно, написана съ благою, просвѣтительною цѣлью.

Безъ сравненія лучше написана изданная Манухинымъ книжечка (Москва 1879 года): *«Денежка рубль бережетъ, а рубль голову стережетъ»*. Тутъ нѣтъ тошнаго подлаживанія подъ народный говоръ, нѣтъ и оговорокъ, поясненій, невыносимыхъ для читателя. Языкъ простъ и удобопонятенъ, безъ натяжки и искусственныхъ оборотовъ. Разсказъ незатѣйливъ и близокъ къ народнымъ понятіямъ, и что встрѣчается не часто, затрогиваетъ сельскіе жизненные интересы. Покончивъ базарныя хлопоты, собрались мужички у Николая Артамоновича, «мужика умнѣйшаго, граматнаго и хозяина заправскаго», пятеро односельчанъ—все хозяева степенные, кромѣ развѣ Филата, да и тотъ былъ бы ничего, кабы виномъ не зашибался частенько.

«Ну, извѣстно, начались у насъ разговоры по хозяйству. А ужь объ этомъ дѣлѣ только начни говорить, смотришь, началъ за здравіе, а свелъ за упокой. Пошли жаловаться, что урожай молъ вышелъ плохъ, доходъ годъ отъ года меньше становится, а отъ расходу просто не знаешь, куда и дѣваться. Хлѣбъ не успѣешь собрать, а ужь нужда гонитъ на базаръ— вези продавать по чемъ попало, потому платежи подступили, подати подавай, всякіе сборы внеси, а этимъ сборамъ да поборамъ и конца краю не видать, того и гляди, послѣднюю корову со двора сведутъ за недоимку.—И чудное это дѣло—

говоритъ Филатъ Ермолаевъ—платимъ мы, и не знаемъ даже хорошенько сколько, а какая намъ оттого польза, и куда все это дѣвается, про то не вѣдаемъ.—Усмѣхнулся Николай Артамоновичъ и говоритъ: а кто жь виноватъ, что ты не знаешь, сколько отъ тебя податей да сборовъ слѣдуетъ? Вѣдь въ волостномъ правленіи, чай, разсчотъ-то сдѣланъ, ты бы и полюбопытствовалъ, сколько молъ съ меня и за что берутъ, вѣдь, не няньку же къ тебѣ приставить, чтобъ она въ твоей мошнѣ твои же гроши считала».

И такимъ образомъ затягивается разговоръ, гдѣ Филатъ побѣжденъ логикой и наставленіемъ Артамоныча. Доходятъ они до старшинъ, до писарей, до сборовъ во всѣхъ ихъ видахъ. Артамонычъ доказываетъ, что въ дурномъ старшинѣ виноваты тѣ, которые его выбираютъ.

«А я тебѣ скажу, отчего у васъ все такъ выходитъ, ты только послушай. Какъ приходитъ вамъ время старшину выбирать, вотъ кто подѣльнѣй да позаправнѣй—сейчасъ и норовитъ въ сторону: у меня молъ много своего дѣла, а міру пусть другой кто служитъ» и т. д.

«И зачѣмъ эти сборы только выдуманы, удивлялся Филатъ.—Вѣдь, ежели сосчитать, сколько это денегъ соберется, ежели теперь по всей Россіи каждый мужикъ хоть по 10 руб. въ годъ заплатитъ, такъ это, можно сказать, страшные мильйоны. И куда это столько денегъ идетъ? Вотъ, Николай Артамонычъ, хорошо бы, кабы можно было знать, куда теперь и на что мой грѣшный рубль пошелъ?

«— Да ты это про который рубль-то спрашиваешь, про тотъ, что ли, что подъ елочкой въ заведеніи у Назарыча оставилъ?—Обидѣлся Филатъ. Я, говоритъ, если и выпью, то это на несчотный рубль, а я тебя спрашиваю про тотъ, значитъ, который я въ подати отдалъ.

«— На несчотный! А ты бы лучше его въ счотные переложилъ; или у тебя этихъ несчотныхъ много лишнихъ завелось?

И повелъ рѣчь Артамонычъ, куда и зачѣмъ идутъ деньги. Въ этой бесѣдѣ ясныя представленія о нуждахъ села и окрестности смѣняются поясненіемъ нуждъ земскихъ, какъ-то: дороги, больницы, управленіе. Потомъ дѣло доходитъ и до нуждъ государства.

«Больше нашей Россіи нѣтъ и царства на свѣтѣ, такъ ты и подумай, сколько денегъ нужно, чтобъ такую громаду въ порядкѣ держать! Подушная подать, да поземельная, только малая часть того, что для этого нужно. На нужды государства идутъ и пошлины съ товаровъ, и акцизные сборы, и много еще другихъ государственныхъ доходовъ—и всѣмъ имъ мѣсто и назначеніе есть. Если у тебя, одного человѣка, нуждъ немало найдется, то въ государствѣ и счесть трудно. Нашему батюшкѣ Царю обо всемъ надо позаботиться, все ко благу всѣмъ устроить. Забота, братъ, не мала, да и не легкая.

«— Это что и говорить? сказалъ Савва Кузьмичъ:—сердце царево широко: всѣмъ въ немъ мѣсто найдется. Онъ, батюшка, не только о насъ, своихъ подданныхъ, печется, а и для другихъ всѣхъ православныхъ защитой и помощникомъ. Вотъ хоть и теперь за славянъ православныхъ заступился: сколько заботъ принялъ въ войну турецкую».

Отъ войны, отъ вѣры и правды разговоръ вновь переходилъ на насущные интересы. Результатъ тотъ, что подати подушныя и оброчныя теперь не болѣе прежнихъ, а прибавились только земскіе да мірскіе сборы. «Но за то прежде обходился ты безъ больницъ и лекарей». Артамонычъ совѣтуетъ крестьянину увеличить свой доходъ трудомъ и трудомъ.

«Эти прогулы да празднованія да базарное шатаніе—вотъ нашъ врагъ. Иной на базаръ-то придетъ, товара на рубль продастъ да съ хорошей торговли потомъ пять пропьетъ». Потомъ идутъ совѣты о томъ, какъ надо быть зоркимъ на сходахъ, смотрѣть, чтобы мірскія деньги расходовались бережливо и шли въ прокъ.

«А гласные бы въ земскихъ собраніяхъ не жались бы на заднихъ скамейкахъ, не смѣя рта раскрыть».—«Хорошо, Николай Артамонычъ, да гдѣ же мы возьмемъ такихъ толковыхъ людей? У насъ, самъ знаешь, народъ все темный, мало кто и грамате знаетъ». Такимъ образомъ, дѣло доходитъ до вопроса объ ученьѣ».

Приведенныя нами выдержки достаточно говорятъ за жизненное значеніе книжечки, написанной лицомъ, близкимъ къ народу.

Интересы села затронуты еще глубже въ разсказѣ подъ

юмористическимъ заглавіемъ: «*Не любо—не слушай, или чортъ и унтерофицеръ Игнатъ Θеоклистовъ*» (Москва, 1879 года, изданіе Манухина). Тутъ представлена борьба отставного раненаго унтера, вернувшагося изъ-подъ Горнаго Дубняка, съ помощникомъ волостнаго писаря, по виду плюгавымъ маленькимъ человѣчкомъ, однако, виновникомъ всѣхъ бѣдъ въ деревнѣ: раздора, пьянства. Мѣтко очерчены въ немногихъ словахъ дурныя послѣдствія крестьянскихъ раздѣловъ. Разсказъ не лишенъ юмора, который можетъ тѣшить народъ.

Идеальнымъ представителемъ честности, безкорыстія является не разъ въ народныхъ литературныхъ разсказахъ *отставной солдатъ.* Его подвиги, труды, храбрость, раны, любовь къ родному селу—все это даетъ основаніе для идеальнаго представленія. Вернувшійся и настрадавшійся солдатъ—дѣйствительно народный герой. Онъ свой, родной, да къ тому же вездѣ побывалъ и многое видѣлъ. Съ этимъ же идеаломъ солдата подходитъ къ народу г. Карзуновъ, авторъ разсказа: «*Сафронычъ*» (Петербургъ, 1875 года, изданіе редакціи «Досугъ и Дѣло»). Здѣсь идеальный Сафронычъ вступаетъ въ борьбу съ содержателемъ кабака, заводчикомъ всякаго зла въ деревнѣ. Исподволь устроиваетъ онъ въ своей избѣ школу, устройству которой противились мужики, бывшіе подъ вліяніемъ кабака, и все въ деревнѣ подчиняется, наконецъ, доброму вліянію Сафроныча.

Разсказъ хорошо веденъ и хорошо изложенъ. Но разсужденія отъ лица автора мы непремѣнно исключили бы въ новомъ изданіи этого разсказа. То, что должно выходить изъ самой сути повѣствованія, лишнимъ бременемъ ложится на литературное произведеніе, когда исходитъ изъ устъ резонирующаго автора, особенно же при оснащеніи моральныхъ изреченій иностранными словами:

«Видимый почетъ отъ людей можно всегда пріобрѣсти богатствомъ или званіемъ, но пріобрѣсти уваженіе въ обществѣ подобныхъ себѣ можно только нравственною силой, и какъ ни была темна и невѣжественна среда (?), но она *инстинктивно* (?) сознаетъ эту силу въ человѣкѣ и преклоняется предъ ней».

Изрѣдка, но все же встрѣчаются слова: *иронія, эгоизмъ*.

Отъ этихъ словъ и ослабляющихъ впечатлѣніе разсужденій разсказъ освободить довольно легко. И это слѣдуетъ сдѣлать, потому что разсказъ хорошъ, простъ, складенъ и изложенъ съ достоинствомъ, безъ ужимокъ и натяжекъ въ языкѣ.

IV.

Сказки, повѣсти чувствительныя; поддѣлки и оригинальные историческіе романы.

Въ современной беллетристикѣ для народа мы повстрѣчались съ весьма разнородными произведеніями. Сказки издаются для народа въ великомъ множествѣ экземпляровъ, и изъ нихъ волшебныя, заимствованныя съ чужа, преобладаютъ надъ коренными русскими. Впрочемъ, и русскія сказки не забыты. «Сказка объ Ильѣ Муромцѣ» издана Морозовымъ, въ Москвѣ, въ 1878 году. Въ наше время печатный матеріалъ для составленія пересказа о похожденіяхъ Ильи Муромца весьма богатъ. Выбирай изъ сборника Рыбникова, Кирѣевскаго или Гильфердинга лучшія изъ былинъ, и Илья предстанетъ народу, въ мѣстностяхъ, гдѣ его не такъ помнятъ и знаютъ, во всей чистотѣ замысла и во всей красотѣ народной поэзіи, какъ сохранилась любимая *старинка* на дальнемъ сѣверѣ. Но едва ли издатель и знаетъ объ этихъ сборникахъ. Онъ предпочитаетъ сказку былинамъ, и сказкой, какъ видно, воспользовался во Владимірской, Ярославской или Костромской губерніяхъ; такъ, у него «кинешмскіе воеводы», вмѣсто «мужики-бекетовцы—черниговцы».

Сказка начинается съ рожденія Ильи отъ безплодныхъ родителей и кончается привозкой Соловья-разбойника къ Владиміру князю. Изложена сказка разговорнымъ не простонароднымъ языкомъ. Изрѣдка встрѣчаются и завѣтныя эпическія фразы. Авторъ не выбиралъ наиболѣе интересныхъ и живыхъ варьянтовъ изъ множества пересказовъ о борьбѣ Ильи съ Соловьемъ, а слѣдовалъ или пересказу той мѣстности, гдѣ живетъ онъ самъ, или прежде изданной сказкѣ, въ которой поно-

вилъ языкъ. Для примѣра языка и способа изложенія, приведемъ нѣсколько выраженій:

«Позволь, князь, тебѣ отвѣтъ держать; не вели казнить, а позволь правду вымолвить, сказалъ Илья Муромецъ. — Я еще никогда не вралъ да и врать не намѣренъ, а дѣло было такъ...

«Владиміръ и всѣ присутствующіе съ нимъ изумились, не ожидая такой удали и силы богатырской...»

Довольно. Портятъ граматѣи и смыслъ, и складъ народныхъ созданій. Кто знаетъ отвѣты Ильи Владиміру въ былинахъ, тому приходитъ на память стихъ: «Нѣтъ, мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный пародіей безчеститъ Алигіери». То, что въ былинѣ имѣетъ опредѣленный смыслъ, то въ искаженіи переходитъ въ безмыслицу: рявкнулъ соловей по куриному (вм. по звѣриному) и побилъ добрыхъ молодцовъ.

«Сказка о храбромъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ-Королевичѣ» (Москва, 1879 года, изд. Орѣхова) облеклась также въ новую форму языка на издательскомъ рынкѣ дешовыхъ книгъ. Ежегодно печатается эта любимая народомъ исторія, и интересъ къ прекрасной царевнѣ Дружневнѣ и вѣроломной Милитрисѣ Кирбитьевнѣ не ослабѣваетъ. Сколько эпохъ литературнаго языка пережила эта исторія, проходя черезъ редакцію переписчиковъ въ началѣ прошлаго столѣтія, и издателей ея лубочнымъ способомъ до чистенькаго, хотя и безграматно корректированнаго изданія нынѣшняго года (надѣлъ платьѣ; потрепавъ по шее, старый-пристарый). Содержаніе «Бовы-Королевича» не измѣнено, но только есть вставки, любопытныя для характеристики изложенія:

«Залъ, куда пришелъ виновникъ торжества, весь былъ залитъ огнями, которые свѣтились тысячами цвѣтовъ; музыка гремѣла побѣдоносный маршъ, вино лилось рѣкой, все веселилось и оваціямъ не было конца».

Мы взяли для сравненія «Бову-Королевича», изданнаго въ 1825 году (Петербургъ, типографія департамента народнаго просвѣщенія), и тамъ совсѣмъ подобнаго мѣста не нашли. Въ изданіи 1825 года читаемъ:

«И король Гвидонъ любяше жену свою Милитрису, а она же съ нимъ живяше съ великою лестію и начаше она Ми-

литриса къ королю Дадону писать грамоту: государь мой славный и великій король Дадонъ! прошу пожаловать тебѣ пріѣхать подъ нашъ славный градъ Антонъ... и посланный отъ ней слуга Личарда пріѣхалъ къ славному королю Дадону, отдалъ ему отъ прекрасной Милитрисы грамоту и честно поклонился ему».

Въ изданіи 1879 года:

«Всѣ радовались, но только не раздѣляла радость одна Милитриса Кирбитьевна: она по обыкновенію была задумчива и скучна. Удивлялись всѣ придворные, и было чему, не шутя. Потому чего ей не доставало? Одежи, сластей и всего у нея было много, а главное, она была любима мужемъ своимъ. Однажды она позвала Ричарда и, подавая ему письмо, приказывала отправить его къ князю Додону... Додонъ, получивъ письмо, очень удивился и спросилъ: неужели Милитриса замужемъ и уже родила сына? Совершенно вѣрно, сказалъ съ поклономъ Ричардъ. Вотъ содержаніе письма: любезный и храбрый князь Додонъ. Родителю моему угодно было отдать меня за князя Гвидона. Находясь въ такомъ непріятномъ положеніи, я прошу тебя, какъ нѣкогда бывшаго моего жениха и до нынѣ любимаго мною, съ помощью твоего непобѣдимаго войска освободить меня отъ мужа, котораго я ненавижу».

Такимъ же новолитературнымъ складомъ изложена и извѣстная во множествѣ пересказовъ и изданій сказка объ Иванѣ-дурачкѣ (изд. Прѣснова. Москва. 1874 года). Нестройно и нелѣпо въ этомъ пошловато-фельетонномъ языкѣ звучатъ завѣтныя слова: сивка-бурка, стань передо мною, какъ листъ передъ травою, или: конь осержался, отъ земли отдѣлялся, подымался выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Волей-неволей, эти сказки пріучаютъ народъ нашъ къ слогу дешовыхъ газетъ, и литературныя выраженія, модныя слова и фразы навязываются граматнику въ сказкахъ, снотолкователяхъ и особенно въ письмовникахъ.

Бо́льшая часть сказокъ, изъ нынѣ появляющихся въ народной печати, носитъ на себѣ отпечатокъ романическій, сантиментальный—то преимущественно волшебныя сказки. Онѣ не переведены съ иностранныхъ языковъ и не вымышлены издателями. Путемъ старинныхъ рукописей, а иногда и сло-

весныхъ заимствованій, онѣ перешли въ народъ и, прошедши черезъ нѣсколько поколѣній сказочниковъ, попали въ печать. Тѣ, кто изготовляетъ ихъ для изданій Манухина, Прѣснова и др., не нарушаютъ ихъ замысла: они сохраняютъ нить событій и не пропускаютъ главныхъ мотивовъ. Они только разводятъ водицею такія сцены, какъ пріѣздъ или пиръ, внося модныя выраженія и внѣшній колоритъ времени; эпическія же выраженія въ рѣчахъ, влагаемыхъ въ уста героевъ, сохраняютъ всецѣло (см. «Сказку о трехъ царь-дѣвицахъ волшебницахъ и крестьянскомъ сынѣ». Москва, 1879 года, изд. Шарапова).

«Еруслапъ Лазаревичъ» изданъ въ нынѣшнемъ году Орѣховымъ, въ Москвѣ—хорошая корректура, отчетливая печать, языкъ живой, разговорный, хотя скорѣе литературный, чѣмъ народный; картинка заглавнаго листа, какъ водится, безобразная.

Кстати упомянемъ о недавно изданной Манухинымъ «Исторіи о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ» (Москва, 1876 года), хотя это не сказка, а рыцарскій романъ, печатающійся на Руси со временъ Петра-Великаго.

«Между тѣмъ Ренцывена, зная отъ своего маршала, кто обладаетъ ея портретомъ и кольцомъ, со вниманіемъ разсматривала Францыла Венціана, и ея дѣвическое сердце почувствовало то неизъяснимое чувство, которое мы называемъ любовью; щеки ея алѣли и глаза опускались, когда на нее взглядывалъ Францель...» Это ли не чтеніе для дѣвицъ Таганки или прикащиковъ Охотнаго Ряда?

Сказки объ «Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ», о «Булатъ-царевичѣ», о «Бабѣ-ягѣ», о «Вѣдьмѣ и кольцѣ» и проч. и проч. появились въ послѣдніе годы въ изданіяхъ Шарапова. Нѣкоторыя сказки изложены безграмотнымъ риѳмованнымъ складомъ, какъ вирши лубочныхъ картинъ, какъ вирши лицъ, показывающихъ райки на гуляньяхъ. Такова, напримѣръ, нелѣпая сказка о «Кузьмѣ Сирафонтовѣ» (1879 года, Шарапова)—*какъ онъ прежде мухъ билъ, а потомъ за сильнаго богатыря прослылъ, какъ его всѣ боялись и угодить ему старались*». Образцомъ другихъ стихотворныхъ сказокъ слу-

житъ «Конекъ-горбунокъ», Ершова, который, впрочемъ, не издается теперь. «Булатъ-царевичъ и Баба-яга» (Прѣснова. Москва, 1876 года), писаны этимъ подражательнымъ Ершову стихомъ. Пошлый и грязный замыселъ сказки основанъ на страсти старой Бабы-яги къ Булату-царевицу. Убогій содержаніемъ стихотворный разсказъ невѣжественнаго автора мѣстами складенъ и живъ по языку. Поневолѣ пожалѣешь самородное дарованіе, а потомъ вздохнешь и о читателѣ. Баба-яга является предметомъ еще болѣе жалкаго стихотворства нѣкоего В. Шмитановскаго («Баба-яга», русская сказка въ трехъ частяхъ, Москва, 1878 года, и того же автора: «Страшная вѣдьма», въ двухъ частяхъ, Москва, 1879 года; оба изданія Шарапова). Въ авторѣ видѣнъ стихотворецъ-самоучка, а не писатель, поддѣлывающійся къ народу. Но въ самоучкѣ этомъ преобладаетъ городской элементъ: это языкъ трактирнаго лакея, кулачника - фабричнаго, увлеченнаго риѳмоплетствомъ. Безтолковы его сказки, безсмысленны сцены, имъ изображаемыя, и все это приправлено пустословіемъ изъ обыденной жизни:

И онъ сталъ тутъ стоять
На просторѣ разсуждать.
Разсуждалъ онъ часъ-другой,
И отправился домой.
Вотъ поужиналъ скорѣе,
Спать отправился живѣе,
Хорошенечко зѣвнулъ...

Неужели издатели не знаютъ сказокъ Пушкина и Жуковскаго? Или «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» и ей подобныя составляютъ запретный товаръ, находящійся во владѣніи издателей полнаго собранія сочиненій Пушкина и Жуковскаго? Что подѣлаешь съ спекулятивнымъ упорствомъ издателей стихотворныхъ сказокъ Шмитановскаго?

Но эти погудки на пошлый ладъ читаются праздно проводящими время сидѣльцами лабазовъ, отъ скуки, и, пожалуй, для процесса чтенія, да и то больше мальчишками. Сколько-нибудь серьезный простолюдинъ (намъ случалось встрѣчать и очень молодыхъ) не охочъ до подобныхъ книгъ, и его

есравненно болѣе влечетъ къ завѣтному «Бовѣ-королевичу», ѣмъ къ измышленіямъ самоучекъ.

Страшныя повѣсти романтическаго характера въ городахъ редпочитаются сказкамъ. Книги, въ родѣ «Могилы инока», а которую, сорокъ лѣтъ назадъ, нападалъ Бѣлинскій, еще кивутъ на рынкѣ народныхъ книгъ. Романтическія повѣсти — ли стариннаго происхожденія, какъ Бова, и «Сказка объ згнанницѣ царицѣ и о кормилицѣ львицѣ» (издана въ 1878 оду, съ ужасною, по безобразію, виньеткою), издревле переденныя на русскій языкъ, или новаго порожденія, временъ Іарлинскаго. Тридцатые годы были особенно плодовиты на сторическіе романы съ таинственнымъ и страшнымъ направленіемъ, на всякія похожденія и приключенія. За Загоскиымъ появились Поспѣловъ и Зряховъ съ романами для народа. 'емы романовъ тридцатыхъ годовъ до сихъ поръ пересказыаются въ издаваемыхъ московскими книгопродавцами книгахъ.

Отсутствіе сказочныхъ чудесъ, при нѣкоторой серьезности разказа, несмотря на баснословіе повѣсти, располагаетъ къ ней ростодушнаго чисателя. Онъ съ довѣріемъ, какъ истину, читаетъ «Исторію о Францылѣ Венціанѣ» и «О кормилицѣ львицѣ». Чудесное, но, по его понятію, возможное, его особенно лѣняетъ. Читаетъ онъ и «Громобоя», и «Прекрасную косожкую княжну Миловзору», ложно-классическо-славянскаго хаактера напыщенный и сантиментальный разсказъ; читаетъ Могилу Маріи», «Красавицу монахиню» и «Битву русскихъ ъ кабардинцами». Всѣ эти исторіи кончаются печально — мертью любовниковъ.

Дѣйствіе «Могилы Маріи» (изданіе Яковлева, 1876 года) роисходитъ въ Москвѣ, гдѣ молодой бояринъ, уже просваанный на боярышнѣ, влюбился въ польку Марію, жившую ъ братомъ въ окрестностяхъ Москвы. — «Битва русскихъ съ кабардинцами» выдержало множество изданій. Въ 1845 году. та повѣсть, озаглавленная нѣсколько иначе («Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга») и подпианная именемъ автора, Н. Зряхова, къ ужасу Бѣлинскаго, ыходила уже пятымъ изданіемъ. Нельзя сказать, что въ этой овѣсти не было своего рода чувствительности и занимательости. Дочь князя-горца полюбила русскаго плѣннаго офицера

и убѣжала изъ аула съ нимъ въ мужскомъ платьѣ. Потомъ ихъ свадьба, и перемѣна вѣры ея при содѣйствіи русскаго генерала; примиреніе съ отцомъ-горцемъ и, въ концѣ-концовъ, смерть офицера, котораго не могла пережить вѣрная его жена.

Сантиментальныя повѣсти иногда заключаются стихотвореніемъ, или въ нихъ вставляется у мѣста грустная русская пѣсня. Старый русскій боярскій бытъ занимаетъ видное мѣсто въ этихъ разсказахъ. Боярышня, теремъ ея, мамушки, похищеніе невѣсты посредствомъ сочувствующаго ей разбойника, все это указываетъ на основную тему разсказовъ—тему Натальи, боярской дочки, Карамзина (см. «Разбойникъ-сватъ». Москва, 1878 года. Изданіе Морозова).

Разбойники составляютъ любимую тему дешевенькихъ повѣстей. Иногда разбойники представляются невѣроятными злодѣями и въ концѣ повѣсти погибаютъ. Такова, напримѣръ, забористая повѣсть: «Лѣсной бродяга» (Москва, 1879 года, изданіе Шарапова). Послѣ цѣлаго ряда злодѣйствъ, Иванъ Кулакъ взятъ съ шайкою въ плѣнъ облавою солдатъ. Онъ хотѣлъ-было бѣжать изъ тюрьмы послѣ того, какъ судъ приговорилъ его цѣлую жизнь работать въ рудникахъ, но солдаты замѣтили его намѣреніе: съ размозженнымъ черепомъ Кулакъ упалъ мертвымъ. «Такъ окончилъ жизнь нераскаянный злодѣй и бродяга, всю жизнь свою бывшій страшилищемъ и язвою всего общества». Разбойники появляются въ иномъ свѣтѣ въ историческомъ романѣ: тамъ они одушевлены любовью къ родинѣ, къ раздолью, къ Волгѣ-матушкѣ и т. д. Ихъ самое положеніе вынужденное, приневоленное. Они въ «Ермакѣ» являются уже съ поэтическимъ ореоломъ.

Историческихъ романовъ издается вдоволь по дешевой цѣнѣ и народъ жадно хватается за нихъ. Но тутъ является, съ одной стороны, фальшь и до нѣкоторой степени возмутительная поддѣлка, а съ другой, впрочемъ изрѣдка, достойныя распространенія и увлекательныя для простолюдина произведенія

V

Книги повѣствовательныя нравственнаго характера.

Лицо, состряпавшее поддѣлку подъ романъ, заслужившій громкую извѣстность, обыкновенно не выставляетъ ни своего имени, ни имени популярнаго автора, а пользуется похищеннымъ заглавіемъ. Въ прошломъ году появился и «Кузьма Рощинъ», и «Юрій Милославскій». «Юрій Милославскій» (изданіе Морозова, Москва, 1878) состоитъ изъ искаженной одной только сцены ссоры служителя боярскаго съ полякомъ-паномъ изъ-за жареной утки, на постояломъ дворѣ, и изъ натянутаго безцвѣтнаго разсказа о совершившейся безъ всякихъ затрудненій пышной свадьбы Юрія Милославскаго съ знатною, какъ и онъ самъ, боярышней. Поневолѣ вспомнишь слова Хлестакова: «а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужь мой». «Это не настоящій Юрій Милославскій», сказалъ въ моемъ присутствіи хозяину книжнаго ларя у Сухаревой Башни молодой покупатель, повидимому, изъ мастеровыхъ, въ то время, какъ онъ перебиралъ быстро пальцами весьма немногочисленные листки тощей книжонки. —«Настоящаго и за рубль не достанешь—отвѣтилъ хмурый продавецъ—а то за пять копеекъ захотѣлъ настоящаго!» Припоминаю другой случай съ «Юріемъ Милославскимъ»: лѣтъ десять назадъ, мнѣ пришлось случайно встрѣтиться въ Троице-Сергіевой лаврѣ съ однимъ весьма пожилымъ землякомъ моимъ, едва грамотнымъ деревенскимъ жителемъ; помню, какъ этотъ простодушный старецъ спрашивалъ меня, какъ бы отъискать ему могилу Юрія Милославскаго. Для него Кирша, Алексѣй были живыя лица, и онъ зналъ романъ Загоскина въ мельчайшихъ подробностяхъ, предполагая и въ своемъ собесѣдникѣ такое же знаніе.

Народъ горячо и цѣльно относится къ историческому роману и живо воспринимаетъ тотъ оттѣнокъ, который авторъ придаетъ историческимъ событіямъ. Зная эту любовь народа къ отечественной исторіи, связанной съ судьбою нѣсколькихъ лицъ, московскіе книгопродавцы-издатели немало выпускаютъ

въ свѣтъ историческихъ повѣстей и разсказовъ, часто въ двухъ, трехъ и даже четырехъ частяхъ, что возвышаетъ цѣну книжечекъ до 20 и 25 копеекъ.

Иногда такія произведенія весьма слабы по замыслу и исполненію и даже, несмотря на *историческую* претензію, лишены всякой исторической почвы. Переставьте цѣлыя столѣтія, измѣните мѣстность, и разсказъ ничего не утратитъ. Таковъ, напримѣръ, «Добрыня Никитичъ, русскій богатырь временъ Владиміра» (изд. Яковлева, Москва, 1879 года). Громобой и Миловзора этого разсказа сродни туманнымъ образамъ сантиментально-романической или, вѣрнѣе, ложно-романической эпохи. Но «Добрыня» составляетъ почти исключеніе. Въ большинствѣ случаевъ, историческія повѣсти—едва ли не лучшее явленіе въ массѣ дешевыхъ книгопродавческихъ изданій: авторы ихъ по большей части знакомы съ курсомъ исторіи и пишутъ хотя и бездарно, но серьезно, безъ пошлостей и прибаутокъ. Иногда эти историческія повѣсти не что иное, какъ передѣлки историческихъ романовъ сороковыхъ годовъ; порою же въ нихъ замѣчаешь и новое перо.

Иныя изъ повѣстей сухи и не оживленны, словно уроки утомленнаго учителя въ классѣ.

Таковы, напримѣръ, разсказы: «Великій князь Василій Темный и Шемякинъ судъ» Н. С. П... (изд. Прѣснова), «Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита или борьба Москвы съ Тверью» (изд. Манухина). Прочитавъ изданную Прѣновымъ «Битву на Куликовомъ полѣ», мы сказали себѣ, что предки наши, читавшіе еще по рукописи въ XVII-мъ и даже XVIII-мъ столѣтіи одушевленное «Повѣданіе о мамаевомъ побоищѣ», были несравненно счастливѣе читателей изданной Прѣсновымъ съ безобразною оберткою книжки. За то намъ попался очень недурной разсказъ на тему куликовской битвы, изданный Манухинымъ: «Удалой наѣздникъ» (Москва, 1878 года). Разсказъ ведется отъ лица дѣдушки и тѣмъ самымъ даетъ возможность пояснять внукамъ событія:

«Въ теченіи 140 лѣтъ страдала Русь, страдала вдвойнѣ, внучекъ: она была подъ игомъ татаръ, выведенныхъ когда-то изъ Азіи. Этотъ грубый народъ держалъ въ рукахъ насъ, православныхъ, бралъ съ насъ тяжелую дань и т. д.... Впрочемъ,

это татарское иго, внучекъ, не было бы такъ страшно, еслибъ тому не вредило междоусобіе между князьями. Князья — гдѣ бы бороться съ общимъ ихъ врагомъ—заводили между собою ссоры».

Герой разсказа—разбойникъ, сдѣлавшійся таковымъ поневолѣ: нужда заставила. Этотъ разбойникъ является борцомъ за святую Русь на Куликовомъ полѣ. Событіе Мамаева побоища освящено ярко въ этомъ удачномъ разсказѣ для народа. Раскаяніе разбойниковъ и участіе ихъ въ битвѣ съ Мамаемъ составляетъ одинъ изъ эпизодовъ древняго «повѣданія» объ этомъ событіи. Авторъ хорошо воспользовался событіемъ и сдѣлалъ своего атамана истиннымъ героемъ. Стенька Разинъ *) и Ермакъ вотъ уже почти сорокъ лѣтъ не сходятъ со сцены историческихъ романовъ и разсказовъ для народа. Ермакъ появился въ 1875 году (изданіе Манухина) героемъ исторической повѣсти: «Именитые купцы Строгановы» (В. С...а въ двухъ частяхъ). Это живо и увлекательно написанное произведеніе проводитъ нравственную идею о томъ, какъ люди, сбившіеся съ пути долга, могутъ сдѣлаться лучшими поборниками добра и правды. Талантливый авторъ не забывалъ своей публики и не вышелъ въ своемъ разсказѣ изъ дѣтски простодушнаго міросозерцанія.

Въ изданіяхъ Манухина (Москва, 1876 года) намъ попался еще довольно живой разсказъ: «Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, или русскіе въ 1606 году». На сценѣ княгиня, мать Скопина, ея други и недруги. Начало разсказа при Лжедимитріи; конецъ — воцареніе Шуйскаго и предчувствіе грядущихъ бѣдъ и злополучной судьбы боярскаго царя. Исторія крещенія Руси съ живыми подробностями лѣтописи появилась въ разсказѣ съ неудачнымъ и неточнымъ заглавіемъ: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ» (Прѣсновъ, Москва, 1876). Мы назвали ее потому, что она напоминаетъ слишкомъ знакомое перо: словно Погодинъ говоритъ съ народомъ, говоритъ и дѣльно и просто, и пояснительно.

Общества и комисіи мало еще сдѣлали для этого люби-

*) Изданный Яковлевымъ «Стенька Разинъ» легко написанъ и законченъ; авторъ начинаетъ съ бесѣды разбойниковъ въ стану и подробно описываетъ осаду Астрахани.

маго народомъ рода словесности. Историческій разсказъ, къ сожалѣнію, стоитъ еще не на первомъ планѣ. Комисія народныхъ чтеній, министерствомъ народнаго просвѣщенія учрежденная, въ числѣ нѣсколькихъ біографическихъ и историческихъ чтеній, издала только одинъ разсказъ: «Купецъ Иголкинъ», задушевный и занимательный разсказъ—любимое народомъ чтеніе въ аудиторіи на Сѣнной.

Общество распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ издало въ нынѣшнемъ году: «Князя Серебрянаго», графа А. Толстого, въ сокращеніи и пересказѣ Н. А. Трескина. Г. Трескинъ сдѣлалъ нѣкоторыя весьма разумныя сокращенія, упростилъ, гдѣ нужно, слогъ, пояснилъ и сдѣлалъ вполнѣ доступнымъ для простолюдина, и по объему, и по содержанію, одно изъ лучшихъ произведеній современной литературы историческихъ романовъ. Передѣлка г. Трескина — примѣръ, требующій подражанія. Съ подобнымъ тактомъ и уваженіемъ художественности произведенія не только можно, но и должно передѣлывать для народа лучшія произведенія словесности. При передѣлкѣ слѣдуетъ пропускать то, что писано для людей, знакомыхъ съ исторіей, что выражено на языкѣ и въ мысляхъ людей образованныхъ. Но, конечно, нельзя нарушать содержанія въ его гармоніи и сокращать для сокращенія. Пояснительныя вставки необходимы, особенно тамъ, гдѣ есть присущіе разсказу намеки на историческіе факты. Словомъ, надо такъ передѣлывать, какъ поступилъ г. Трескинъ съ «Княземъ Серебрянымъ». Но есть и другой «Князь Серебряный» на московскомъ книжномъ торжищѣ, не имѣющій ничего общаго съ Серебрянымъ графа Толстого, кромѣ похищеннаго названія («Князь Серебряный», Москва, изд. Шарапова 1876) *).

Дешевая литература книгопродавческихъ изданій откликается на событія дня. Въ 1877 году появилась брошюрка о добровольцахъ, о св. константинопольской Софіи, о пророчествѣ на гробѣ Константина **). Въ 1878 году стали печатать

---

*) Желая быть самостоятельнымъ, авторъ поддѣлки перенесъ своего Серебрянаго въ эпоху Симеона Гордаго, но, всетаки, сбился на *Ливоніи* и *слугѣ царскомъ*.

**) «День паденія Константинополя, столицы Турецкой Имперіи» (изданіе Яковлева, Москва 1877 года). «Пророчество на гробѣ Константина Великаго», безъ означенія книгопродавческой фирмы, Москва, 1877 года.

о подвигахъ генераловъ нашихъ и солдатъ. Послѣ 2-го аппѣля нынѣшняго года появилась брошюрка: «Рука Всевышняго отечество спасла» (изд. Яковлева). Большею частью брошюрки эти составлены изъ газетныхъ статей. Въ нихъ мало самостоятельнаго, но, всетаки, не безъинтересно узнать, на кого изъ генераловъ-героевъ палъ выборъ издателей и каково содержаніе разсказовъ о русскомъ солдатѣ.

Намъ попадались не разъ слѣдующія пять брошюръ о генералахъ: 1) Генералъ-адъютантъ Шуваловъ, или русскіе герои въ Балканскихъ Горахъ въ 1877 году» (Москва, 1878 года, изд. Шарапова); 2) «Славныя побѣды генерала Гурко, или отважные походы русскихъ солдатъ въ нынѣшнюю войну» (Шарапова, 1878 года); 3) «Генералъ-лейтенантъ Ганецкій и его побѣда надъ Османомъ-пашою подъ Плевной, 28-го ноября 1877 года» (Москва, 1878 года, безъ означенія книгопродавческой фирмы) и 4) «Война Англіи и Турціи съ Россіею и генералъ-инженеръ Тотлебенъ, главнокомандующій въ 1878 году подъ Константинополемъ» (Москва, 1879 года, изд. Яковлева).

Брошюры эти имѣли своимъ живымъ источникомъ корреспонденціи съ театра войны; изложены онѣ всѣ, безъ исключенія, съ литературнымъ складомъ. Личности графа Шувалова и генерала Гурко слабо очерчены, но за то генералъ Ганецкій передъ читателемъ: онъ разъѣзжаетъ по боевымъ линіямъ и вступаетъ въ разговоръ съ солдатами. Переходъ черезъ Балканы (въ брошюрѣ: «Гурко») и ожесточенный артиллерійскій бой (въ «Ганецкомъ») изображены правдоподобно и живо. Къ сожалѣнію брошюрка о генералѣ Гурко непростительно напечатана, такъ что нѣкоторыя страницы (10-я и 11-я) съ трудомъ можно прочесть. Военными подробностями изобилуетъ брошюра о графѣ Шуваловѣ; она такъ же, какъ и брошюра о генералѣ Гурко, оканчивается патетическимъ обращеніемъ въ рускихъ *витязямъ*:

«О, русскіе витязи, вожди и предводимые, что остановитъ васъ въ движеніи вашемъ? Ни рѣки глубокія, ни горы великія и т. д.».

Потомъ авторъ влагаетъ въ уста русскаго воина слова пѣсеннаго склада:

«Ахъ, ты гой если, нашъ великой Государь! Не устануть мои ноженьки, вѣдь, я чую въ себѣ силу богатырскую, что дана была мужичку Ильѣ Муромцу, отъ него ли перешла ко мнѣ по наслѣдьицу».

Наиболѣе обдумана и закончена брошюрка «О генералѣ Тотлебенѣ». Въ ней поясняются простымъ и яснымъ языкомъ наши извѣстныя столкновенія съ турками. Потомъ поясняется ненависть къ славянамъ со стороны другихъ европейскихъ племенъ параболой сказки объ Иванушкѣ-дурачкѣ, который все стерпѣлъ, и Господь вывелъ его въ люди за простоту и смиренство. Новая война поставлена въ этомъ разсказѣ въ тѣсную связь съ крымскою войною. Лицо Тотлебена, принимавшаго участіе въ той и другой войнѣ, естественно связываетъ эти два событія. Очеркъ новой войны не многословенъ, но ясенъ. Не скрыта неудача подъ Плевной, куда, наконецъ, былъ вызванъ Тотлебенъ, за жизнью и подвигами котораго читатель слѣдилъ съ начала разсказа: «геній генерала ускорилъ паденіе Плевны». Восторженно говорится о побѣдахъ нашихъ и о санъ-стефанскомъ договорѣ.

«Но въ то самое время, когда наши бывшіе враги подписывали миръ, вблизи нашихъ войскъ, на водахъ Мраморнаго моря появились грозные военные корабли сильнѣйшей морской державы... Турки пріободрились и стали откладывать точное исполненіе условій договора. Но война съ ними прекратилась. Настало время дипломатическихъ переговоровъ и разсужденій».

Такъ авторъ выходитъ изъ нарушающихъ торжество финала событій и тутъ же обращается къ предпріятію добровольнаго флота, которому предрекаетъ великое значеніе «будущей борьбы морскаго казака за права угнетеннаго человѣчества».

Жаль одно: авторъ безусловно хорошаго произведенія о Тотлебенѣ не выдержалъ стиля. Началъ онъ простымъ, не приторнымъ, но легкимъ для народа языкомъ, а потомъ перешелъ въ тонъ газетныхъ статей, предназначающихся для совсѣмъ иныхъ читателей.

За генераломъ слѣдуетъ солдатъ — терпѣливый страдалецъ и подвижникъ, или же разудалый казакъ, хитростью и ловкостью избѣгшій смерти и плѣна.

Раскроемъ разсказъ: «Герой доброволецъ Михайловъ, или итва русскихъ съ турками» (Москва, 1877 года, издаіе Глушкова). Разсказъ веденъ самимъ героемъ, котораго разпрашиваетъ молодой новобранецъ.

— «Скажи-ка, дядя, вѣдь, не даромъ сербы не совладаи съ турками? Съ такимъ вопросомъ обратился одинъ молоой человѣкъ къ солдату среднихъ лѣтъ, съ мужественнымъ ицомъ и съ медалью Такова на груди. Погладивши небольіе усы, сербскій доброволецъ отвѣчалъ: «не будь Господней оли, не одолѣть бы насъ было туркамъ».

Сердечное отношеніе солдата къ генералу встрѣтили мы ъ разсказахъ о послѣдней войнѣ, гдѣ только появляется Скобеевъ. Доброволецъ повѣствуетъ о себѣ, какъ онъ прибылъ въ Серію, какъ поступилъ въ батальонъ сербской княгини и какъ обилъ двѣнадцать турокъ въ шанцахъ. Потомъ авторъ отъ ебя разсказываетъ, что бесѣдовавшій съ новобранцомъ доброволецъ—отставной унтеръ екатеринославскаго полка Михайовъ, служилъ курьеромъ коммисіи о построеніи храма Спасиеля въ Москвѣ. Когда русскій народъ (такъ говоритъ авторъ) ополъ защищать святое дѣло на дальнемъ Востокѣ, то и у Іихайлова всѣ мысли понеслись на берега Моравы, а 17-го вгуста онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Сербію на деньги, собанныя чиновниками, служащими въ коммисіи. Разсказъ этотъ мѣетъ источникомъ наблюденія очевидца, по крайней мѣрѣ, амъ, гдѣ дѣло идетъ о сербахъ, черногорцахъ о башибузуахъ и низамѣ. Разсказъ оканчивается благополучнымъ возвраеніемъ Михайлова, при содѣйствіи управленія курской жеѣзной дороги (черта исторически вѣрная), въ Москву, на режнее мѣсто.

Въ книжкѣ: «Унтерофицеръ Захарьинъ, или ночь на Баланскихъ горахъ передъ Рождествомъ 1877 года» (Москва, 878 года, изданіе Шарапова) читатель перенесенъ на приалъ усталаго войска, разлегшагося около орудій, которыя съ акимъ шумомъ и гамомъ тащили солдаты уже цѣлыя три ня. Повѣствователь прислушивается къ рѣчамъ солдатъ, подладывавшихъ подъ чайникъ сырой хворостъ:

«И ангелы божьи радовались, глядя на младенца, лежааго въ ясляхъ», сказалъ кто-то изъ сидящихъ въ кружкѣ,

на снѣгу, солдатъ. Это старикъ фейерверкеръ Захарьинъ разсказывалъ своимъ товарищамъ о рождествѣ Христа Спасителя».

Разговоръ переходитъ на семьи, на святое дѣло войны: «Идемъ, за гробъ господень, за крестъ идемъ!» послышались голоса. Открывается, что Захарьинъ пошолъ въ солдаты по обѣщанію еще въ севастопольскую войну, и далъ-то онъ обѣщаніе подъ самое рождество. Старикъ повѣствуетъ, что 30 лѣтъ назадъ, онъ былъ женатъ, имѣлъ малыхъ дѣтей, домъ, хозяйство, но взялъ привычку пьянствовать. Пьяному ему случилось быть невольною причиною смерти одного бѣднаго семейнаго чиновника, и эта бѣда случилась какъ разъ подъ рождество. Три года ходилъ онъ по острогамъ; въ острогѣ граматѣ научился и все божественныя книги читалъ. И стало его тянуть на войну, за крестъ честный пострадать, грѣхи свои откупить. Трогательный и дышащій правдою разсказъ былъ прерванъ молитвою.

«Слава тебѣ, Господи! Вотъ она, звѣзда-то; дождались. Всѣ поднялись, стали креститься, каждый, какъ будто, стряхнулъ съ себя тяжкое бремя. Многіе молились въ слухъ. И здѣсь, на недоступныхъ вершинахъ Балканскихъ горъ, среди страшныхъ пропастей, скалъ и лѣсовъ, торжественно и чудно звучали искреннія слова молитвы».

Въ издательскую лавку Шарапова попало нѣсколько подобныхъ разсказовъ о русскомъ солдатѣ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ подмѣчены лучшія нравственныя стороны русскаго мужичка-солдата, тѣ самыя стороны, надъ какими мы, да не одни мы, благоговѣйно умилялись въ госпиталяхъ въ недавнее время. Великодушный, простой, набожный и вмѣстѣ непоколебимо храбрый въ сраженіи, когда вокругъ него тысячи смертей, русскій солдатъ и воспроизведенъ таковымъ въ разсказахъ о послѣдней войнѣ, изданныхъ для народа.

Есть и авторское имя г. Н. Кассирова, подвизавшагося въ этомъ литературномъ родѣ. Одинъ изъ его разсказовъ, живо составленный по корреспонденціямъ, къ сожалѣнію, явился въ безобразной оберткѣ съ балаганнымъ заглавіемъ, нисколько несоотвѣтствующимъ повѣствованію о подвигахъ солдата Трофимова и о томъ, какъ его замучили башибузуки

(«Кровавый призракъ безъ головы или наказанное звѣрство башибузуковъ». Очеркъ изъ послѣдней войны Н. Кассирова. Москва, 1879, изд. Шарапова).

Не останавливаясь на всѣхъ разсказахъ о солдатѣ въ послѣднюю войну, мы, въ заключеніе, развернемъ еще одинъ изъ нихъ: «Герой удалецъ русскій солдатъ и пораженіе турокъ» (Москва, 1878 года, изд. Шарапова).

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Плевны, во время осады, и обнимаетъ періодъ съ того дня, когда Скобелевъ выбилъ турокъ изъ редута на зеленыхъ Горахъ до сдачи Османа и вступленія Скобелева во главѣ угличцовъ въ Плевну. Герой разсказа Колокольцевъ — какъ водится унтеръ — получилъ Георгія изъ рукъ любимаго генерала. Нѣсколько страницъ посвящено Скобелеву. Генералъ предвидитъ ночное нападеніе турокъ; къ вечеру у него готовы амбразуры, которыхъ еще не было. Скобелевъ спитъ въ ямѣ, и дождь какъ изъ ведра обливаетъ его:

«Около полуночи послышался какой-то шорохъ, потомъ тихій шопотъ. «Не стрѣляй», говоритъ кто-то: «свой!» — «Откуда?» спрашиваетъ часовой. — «Изъ секрета». — «Къ кому?» — «Къ генералу». — «Зачѣмъ?» — «Надо разбудить его, турки выступаютъ, строятся»...

«Еще солдатъ не успѣлъ договорить, какъ на брустверѣ раздался громовой голосъ: «Къ ружью, дѣти!». Это уже гремѣлъ Скобелевъ».

Послѣ приведенныхъ рѣчей Скобелева къ солдатамъ, авторъ подъ впечатлѣніемъ ихъ восклицаетъ:

«Удивительный человѣкъ этотъ генералъ. Одно его слово дѣлаетъ человѣка смѣлѣе. Глядя на его спокойствіе, распорядительность въ самыя опасныя минуты, чувствуешь себя непобѣдимымъ».

Первый подвигъ героя Колокольцева состоитъ въ томъ, что порученная его надзору работа амбразуръ была неимовѣрно быстро окончена. Потомъ читаемъ интересный эпизодъ, какъ Колокольцевъ и съ нимъ четыре солдата пошли рубить дрова въ лѣсъ, гдѣ и встрѣтились съ вооруженными турками, которыхъ они приняли въ колья и захватили одного плѣннаго. Узнавъ, что плѣнникъ голоденъ, Колокольцевъ накормилъ

его щами, кашей, обогрѣлъ да далъ еще пятачокъ изъ своего кошелька. Подъ впечатлѣніемъ этого поступка, авторъ дѣлаетъ отступленіе и приводитъ трогательный случай подъ Карсомъ. Одинъ раненый смертельно казакъ подозвалъ къ себѣ бѣгущаго драгуна, у котораго убили лошадь, и сказалъ ему: бери, землякъ, коня и скачи, потому турки нагонятъ и убьютъ.

«Я врать не хочу (повѣствуетъ драгунъ); совѣстно: тебѣ, казакъ, говорю, самому пригодится. А онъ торопитъ: скорѣй, говоритъ, слышишь турки скачутъ. Обо мнѣ ужь не заботься, я убитъ, а ты спасайся. Я и беру, значитъ, коня, напередъ помолившись Богу, сѣлъ на него, пожавши руку казаку, а онъ все меня торопитъ, чтобъ я ѣхалъ и только сказалъ: помяни душу казака Николая Снирова. Такъ я и спасся». Крупныя слезы покатились по щекамъ драгуна. Прослезился и офицеръ, слушая эти слова...»

Гуманное направленіе, проникшее въ копеечныя изданія о войнѣ—конечно, духъ времени. Литература эта встрѣтилась съ народомъ на дѣлѣ и выбрала, безъ излишней сантиментальности, то свѣтлое, что неоспоримо свѣтло, чему нельзя было не дивиться, надъ чѣмъ не умиляться стыдно, словомъ, чѣмъ были наполнены корреспонденціи и живые разсказы очевидцевъ. Даже и въ книжечкахъ, написанныхъ въ легкомъ, шутливомъ тонѣ, находимъ черты добродѣтели въ русскомъ солдатѣ. Такъ, въ разсказѣ про «Удаль казака Харитона Сафронова, какъ онъ воевалъ въ прошломъ году съ турками» (Москва, 1878 года, Шарапова), среди хитростей и удалыхъ дурачествъ, не пропущено, что онъ спасъ болгарку отъ башибузуковъ, да трехлѣтняго малютку отдалъ на попеченіе «краснаго креста».

Въ прямой связи, по содержанію, съ этими, изданными въ Москвѣ разсказами, стоитъ изданная редакціей «Досугъ и Дѣло» книжечка: «Подвиги русскихъ войскъ въ турецкую войну 1877—1878» (Спб., 1878) Много на этихъ 68 страничкахъ такого, надъ чѣмъ можно призадуматься. Послѣдній разсказъ съ Шипки художественъ по правдѣ, по чистотѣ стиля и по невымышленному, трогательному концу. Это разсказъ со словъ, опять-таки унтера, почерпнутый въ одномъ изъ го-

спиталей. Разсказъ этотъ отвлекъ бы насъ далеко въ сторону. Мы ограничимся выпиской его окончанія:

«— Въ Габровѣ мнѣ лубки дали... Тутъ гораздо полегче стало. А то какъ безо всего да на телегѣ — не дай Богъ больно... Кажется, лучше пѣшкомъ идти. Онъ замолкъ.

«— Ты мнѣ, всетаки, про самую Шипку скажи — заявилъ я.

«— Да что про нее разсказывать? я ужь все разсказалъ, отвѣтилъ онъ. Опять же я тамъ все время не выстоялъ... А описываютъ — я въ вѣдомостяхъ читалъ — то совсѣмъ справедливо. А намъ, вѣдь, разсказывать вовсе нечего; какъ мы находились постоянно въ цѣпи, такъ тутъ чего же мы видѣли? Только и было всего, что начнутъ турки лѣзть шибко — ну, мы ихъ не пускаемъ, а чтобъ чего особеннаго, такъ тамъ ничего такого не было...

«Я пересталъ разспрашивать и невольно задумался: «турки лѣзли, а мы не пускали... только и всего, а особеннаго ничего не было» — не уходили отъ меня послѣднія солдатскія слова. Эхъ, ты, простая душа! Ты и не подозрѣваешь даже, что за этимъ твоимъ «не особеннымъ» давно всѣми признанъ великій героизмъ и слава».

Намъ осталось еще сказать слово о военныхъ пѣсняхъ; но предупреждаемъ читателя, это введетъ насъ въ кругъ самыхъ худшихъ книжонокъ, издающихся для народа. Циклъ сложенныхъ солдатами военныхъ пѣсень за послѣднюю войну весьма обширенъ. Намъ пришлось ихъ слышать, ровно годъ назадъ, на одной изъ большихъ станцій фастовской желѣзной дороги. То были возвращавшіеся съ театра войны лейбъ-гренадеры. Безконечно длинная пѣсня велась запѣвалой, и нѣкоторыя риѳмованныя фразы показались мнѣ и мѣткими и остроумными. Такую солдатскую рапсодію о послѣдней войнѣ пришлось мнѣ слышать и въ Лѣтнемъ саду, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ день благотворительнаго гулянья. То былъ хоръ лейбъ-атаманскаго полка. Но пѣсни эти еще далеки отъ печати. Въ издаваемыхъ пѣсенникахъ мы встрѣчаемъ не живой голосъ запѣвалы, а бездарныя риѳмоплетныя нескладицы жалкихъ писакъ. Въ книжечкѣ: «Новыя военныя пѣсни и собраніе романсовъ и народныхъ пѣсенъ» (Москва, 1879 года, изданіе

Яковлева) мы нашли нѣсколько такихъ плохихъ стихотвореній: «Гренадеры подъ Плевною», «Лорисъ-Меликовъ» и пр Остальныя же военныя пѣсни взяты изъ старыхъ пѣсенниковъ временъ Александра I-го. Въ этомъ же сборникѣ помѣщены романсы, бывшіе въ модѣ въ пятидесятыхъ годахъ и перешедшіе теперь черезъ лакейскую въ трактиръ и кабакъ. Вообще въ сборникахъ пѣсень для народа видимъ смѣсь пѣсень ухарскихъ, такъ-называемыхъ цыганскихъ, съ сантиментальными романсами начала нынѣшняго столѣтія, а иногда и съ благозвучными стихами Фета и другихъ поэтовъ. Тутъ попадается и куплетъ, часто распѣваемый охриплымъ голосомъ въ увеселительномъ саду третьей руки, и несчастная попытка риѳмача создать свою пѣсню. Такъ было, впрочемъ, и всегда. Пѣсенники десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія помѣщали «Не бѣлы-то снѣги» и рядомъ куплеты: «Мужчины на свѣтѣ, какъ мухи къ намъ льнутъ» (см. «Новѣйшій и отборнѣйшій россійскій и всеобщій пѣсенникъ». Петербургъ. При 1-мъ кадетскомъ корпусѣ 1812 года).

Пѣсенники издаются безъ всякаго вниманія къ ихъ составу. Составители даже не стараются выбрать получше, хотя бы помузыкальнѣе, пѣсенку. Нѣкоторыя пѣсни отвратительны по своему содержанію. Такъ, напримѣръ, во многихъ пѣсенникахъ намъ попадалась пѣсня «Толокно»; пьянство жены и побои мужа составляютъ ея содержаніе. Досада беретъ на г. Баркова, московскаго издателя пѣсенниковъ. Сколько въ изящной литературѣ нашей лирическихъ произведеній, которыя пришлись бы и по сердцу, и по голосу народу, а между тѣмъ, г. Барковъ печатаетъ «Толокно» и перифразъ «Комаринскаго», какъ исполняютъ его балаганные пѣвцы увеселительныхъ садовъ (см. «Новый пе(ѣ)сенникъ, содержащій самыя веселыя пѣсни русскаго народа». Москва, 1879 года, изд. Барковымъ и пѣсня: «О чемъ задумался служивый? О чемъ ты плачешь завсегда»—тоже веселая и «Пѣсенникъ парнямъ на веселье, дѣвкамъ на гулянье, содержащій самыя любимыя пѣсни русскаго народа». Москва, 1878, изд. Баркова).

Съ этими пѣсенниками мы дошли до задняго двора литературы для народа, стоимъ у мусорной ямы Отсюда недалеко и до «сонниковъ». Не похвалимъ Прѣснова за его

«Толкованіе сновидѣній ста-шестилѣтняго старика Мартына Задеки» (Изданіе девятое. Сто-осьмая тысяча. Москва, 1879 года). Глупое и даже несвязное съ народными повѣрьями объясненіе по алфавиту видѣнныхъ во снѣ предметовъ. Напримѣръ, А. адскій огонь, видѣнный во снѣ, значитъ печаль.—Но нечего говорить о содержаніи. Насъ возмутила виньетка на оберткѣ: Въ русской избѣ, за столомъ, надъ раскрытою книгою сидитъ почтенный крестьянинъ съ бѣлою бородою и передъ нимъ три дѣвицы въ сарафанахъ, разспрашиваютъ его. Старичекъ деревенскій, если и разсудитъ сонъ, такъ ужь, конечно, не по книгѣ, и отъ суевѣрія его вѣетъ вольнымъ воздухомъ лѣсовъ и полей. А по книжонкѣ выходитъ, что старикъ крестьянинъ знаетъ граматѣ для того, чтобъ объяснить:

«Что армію видѣть во снѣ—знакъ большого неудовольствія; анютины глазки, во снѣ видѣнные, знакъ полученія чести».

Морозовъ, издавшій «Новѣйшій сонникъ», далъ такую виньетку: сидитъ не то обезьяна, не то медвѣдь, и развиваетъ свитокъ, на которомъ написано: «Сонникъ».

Съ бездѣльнымъ содержаніемъ этихъ сонниковъ и пѣсенниковъ близко граничатъ и другія книжонки, печатаемыя для забавы. Одно можно сказать въ ихъ пользу: въ нихъ нѣтъ того безстыднаго каскаднаго содержанія, которыми наполнены юмористическія книжонки, продаваемыя на желѣзныхъ дорогахъ и въ другихъ мѣстахъ, на потребу зажиточной публики. Восокая цѣна послѣднихъ пока еще оберегаетъ отъ ихъ грязи народъ, для потѣхи котораго и для потѣхи туго раскошеливающихся купцовъ-хозяевъ пишутся особаго рода произведенія. Такъ напримѣръ, издаются безъ измѣненія стародавніе «Анекдоты, шутки и выходки Балакирева» (изд. Морозова, 1878 года), на которыя негодовалъ Бѣлинскій сорокъ лѣтъ назадъ; или, «Продѣлки солдата Яшки» и просто «Продѣлки русскаго солдата» (изданія Шарапова, 1878 и 1879 годовъ). Пошлыя шутки, дурачества съ татариномъ, съ жидомъ съ нѣмцемъ составляютъ содержаніе эпопеи солдата Яшки, русскаго «пальяса».

Нѣкоторую долю народнаго юмора мы нашли въ брошюркѣ: «Борьба между чертомъ и женщиной». На виньеткѣ ея:

мужикъ вытягиваетъ изъ ямы чорта, человѣкообразнаго урода, покрытаго шерстью и съ рогами. На плечахъ у чорта баба, растрепанная съ злымъ лицомъ, одною рукою она держится за рогъ черта, другою, сжатой въ кулакъ, угрожаетъ мужику. Авторъ сказки, г. Кассировъ, воспользовался невинно-глупымъ чортомъ народныхъ юмористическихъ сказокъ, тѣмъ чортомъ, жителемъ болотъ, котораго изобразилъ и Пушкинъ въ «Купцѣ Остолопѣ».

Потомъ есть цѣлый рядъ мѣщанскихъ (рѣдко крестьянскихъ) балагурныхъ исторій. Это своего рода жанръ, изображающій міръ пьяныхъ свахъ, мелкихъ чиновниковъ,—называемыхъ въ Москвѣ стрикулистами, прикащиковъ—лавочниковъ. Довольно однихъ названій: «Дьявольскій апетитъ хоть кому повредитъ» (изд. Прѣснова, 1878 года). Это изъ крестьянскаго быта и ничто болѣе, какъ описаніе сватовства и взаимнаго угощенія сватовъ. «Похожденія мазурика Ваньки Проходилова» (изд. Прѣснова, 1877 года). «Забавный юмористистическій разсказъ. Вѣрнѣйшее средство задолжать и не заплатить долговъ» (изд. Прѣснова, 1877 года). «Старовѣрская борода. Побѣда моды надъ пьянствомъ. Военный разсказъ Миши Евстигнѣева» (изд. Морозова, 1878 года). «Прикащикъ-хватъ да не въ попадъ. Потѣшная штучка»—того же автора (изд. Морозова, 1876 года). «Назвался грибкомъ — полѣзай въ кузовокъ, или роспись приданаго» — того же автора, и проч. и проч.

Объ этихъ разсказахъ можно сказать, что они реальны. Авторъ хорошо знаетъ бытъ грязныхъ переулковъ, вѣрно малюетъ обычаи и пріемы лавочника и даже знаетъ нравы гостиной-вдовы, бѣдноватой чиновницы. Это, если хотите, сатира, но не цивилизующая, не карающая, а подольщающаяся... къ лабазу. Кто тутъ осмѣянъ? Напивающаяся сваха, забулдыга-дворянчикъ, или прикащикъ, не въ мѣру заважничавшійся передъ хозяиномъ? Поневолѣ спросишь, ужъ не въ угоду ли хозяевамъ-лабазникамъ пишутся эти пользительные и, будто бы, веселые разсказы? И эта-то грязь московскихъ переулковъ, воспроизведенная Мишею Евстигнѣевымъ, развозится, благодаря дешевой цѣнѣ, по всѣмъ городамъ и селамъ вмѣстѣ съ свѣтлыми разсказами о послѣдней войнѣ, съ неиз-

мѣнной бабушкой Мароой и тьмою пѣсенниковъ, сонниковъ, сказокъ и повѣстей.

Въ интересахъ читателей, принимающихъ къ сердцу дѣло народныхъ изданій, мы считаемъ нелишнимъ дополнить нашъ очеркъ итогами того, что сдѣлано на пользу этого дѣла правительственными и частными учрежденіями и обществами.

Послѣ св. синода, распространяющаго слово Божіе, и Общества поощренія духовнонравственнаго чтенія *), о которомъ мы упоминали выше, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ Постоянная Коммисія народныхъ чтеній, по высочайшему повелѣнію министромъ Народнаго Просвѣщенія учрежденная. Иниціаторомъ этой коммисіи первоначально былъ петербургскій градоначальникъ. Коммисія основалась въ 1872 году, на пожертвованія частныхъ лицъ при горячемъ участіи и содѣйствіи генерала-адъютанта Ѳ. Ѳ. Трепова. Она имѣла въ 1873 году до семи народныхъ аудиторій. Въ самое первое время аудиторія соляного городка отошла въ вѣдѣніе педагоговъ вѣдомства военноучебныхъ заведеній, въ которомъ находится и до сихъ поръ. Постоянная же коммисія до послѣдняго времени имѣла еще свою аудиторію на Сѣнной, въ домѣ Горсткина.

Съ 1872 года Коммисія эта начала благое дѣло изданія своихъ чтеній. Она издала 33 брошюры въ числѣ 396,000 экземпляровъ и сверхъ того пріобрѣла изданныя авторами брошюры, такъ что въ ея складѣ было полмильона экземпляровъ. Изъ 33 брошюръ, изданныхъ коммисіей, большая часть отечественно-историческаго содержанія. Одна брошюра повѣствуетъ о св. Владимірѣ, двѣ изъ эпохи татарскаго ига, три о смутномъ времени, двѣ о Петрѣ Великомъ и по одной о Екатеринѣ II-й, о Суворовѣ, объ Александрѣ I-мъ; двѣ объ отечественной войнѣ и одна о севастопольской. Лучшія произведенія принадлежатъ перу г. Рождественскаго. Потомъ г. Филоновъ составилъ очень удачно три брошюры: о Ломоносовѣ, о Крыловѣ и о Кольцовѣ. Г-жа Макарова прекрасно пересказала «Полтаву» Пушкина съ выдержками; брошюры: «Кіевъ и его святыни», «Троицкая лавра» и «Соловецкій монастырь» весьма различны по достоинству; изъ нихъ лучшая («Соловецкій монастырь») принадлежитъ перу извѣстнаго автора

*) Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Блисмера.

«Годъ на сѣверѣ», г. Максимову. Если прибавить къ этому брошюры: «Чай». «Какъ ѣда питаетъ наше тѣло», «Хива» и «Купецъ Иголкинъ», то передъ нами все, что издала комисія, включая сюда и 7 брошюръ религіознаго содержанія, о которыхъ намъ уже пришлось упомянуть. Нынѣ коммисія по удешевленной цѣнѣ продаетъ вновь «Богослуженіе» священника Соколова и приступила къ изданію двухъ новыхъ брошюръ «Богомольцы у святынь Кіева» и О взятіи Казани. Цѣна брошюръ (отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ) была до сихъ поръ отъ 10 до 20 коп. При каждой литографированныя раскрашенныя картинки, числомъ отъ 4-хъ до 10-ти. На оберткѣ изображена народная аудиторія, а наверху въ лучахъ надпись: «Народныя чтенія» *)

Чтенія въ соляномъ городкѣ издавались барономъ Косинскимъ. Въ 1874 году ихъ было числомъ 65, по закону божію, отечественной исторіи, отечествовѣдѣнію (Тарапыгина, Александрова и Максимова: Русскія морозныя страны», «Необитаемая страна», «Зимовка на Новой Землѣ»), по міровѣдѣнію, естественной исторіи, гигіенѣ и словесности («Кольцовъ» Николича). Намъ извѣстно еще изданіе «товариществомъ Общественная польза» чтенія въ Соляномъ Городкѣ: «Распространеніе и утвержденіе христіанства въ Россіи, священника Пѣвцова и другое чтеніе, изданное въ Москвѣ Торлецкимъ: «Взрывъ турецкаго броненосца,—подвигъ лейтенантовъ Ѳ. В. Дубасова и А. П. Шестакова». Составилъ В. А. Прокофьевъ— весьма хорошій разсказъ.

Вотъ уже шестнадцать лѣтъ издается ежемѣсячный народный журналъ: «Мірской Вѣстникъ» (цѣна 3 руб. съ пересылкою). Къ сожалѣнію, весьма малую долю статей, въ немъ помѣщенныхъ, редакція этого журнала издала отдѣльно. Отчего—не разъ спрашивали мы себя—журналъ этотъ, равно какъ и другой весьма хорошій журналъ, «Солдатское чтеніе», имѣли такъ мало вліянія на фабрику книгопродавческихъ изданій для народа? Тамъ пересказываютъ на всѣ лады «Бабушку Марѳу» и «Битву русскихъ съ кабардинцами» и совершенно обходятъ изящныя и часто вполнѣ народныя произведенія этихъ изданій. Хотя бы подъ вліяніемъ этихъ жур-

*) См. ниже. Дополненіе къ этой статьѣ.

наловъ перепечатывались стихотворенія Никитина или сокращались повѣсти Погосскаго? Но отвѣта мы не нашли. Битвы съ кабардинцами и Миши Естигнѣевы впились въ жизнь московскаго лабаза, и въ этомъ ихъ преимущество. А съ лабазомъ трудно конкурировать, хотя и возможно. Благодаря лабазу, русскій крестьянинъ продаетъ свое прямодушіе и честность на кулачество, благодаря ему, онъ не прочтетъ забирающей за душу любой повѣсти Погосскаго и не запоетъ пѣсни, сложенной Кольцовымъ, а будетъ пробавляться: «Дьявольскимъ апетитомъ», да пѣсенкой: «О чемъ ты плачешь завсегда».

На современномъ книжномъ рынкѣ мы однако замѣтили нѣсколько изданій «Мірскаго Вѣстника». То были брошюры религіознаго содержанія и историческія: «Мининъ и Пожарскій», «Зиновій Богданъ Хмельницкій» «Бородинская битва», «Смоленскъ въ 1812 году».

Изложеніе этихъ разсказовъ соотвѣтствуетъ потребности и интересамъ лицъ, прошедшихъ школу и даже среднее учебное заведеніе, и ихъ нельзя назвать народнымъ чтеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Редакція Народной библіотеки: «Досугъ и Дѣло», выходящей шесть разъ въ годъ (цѣна годовому изданію 6 руб.) издаетъ учебныя книжки и книжки для чтенія. Книжекъ для чтенія мы насчитали 22 названія. Всѣ—религіознаго или отечественно-историческаго и географическаго содержанія. Повѣстей почти нѣтъ. Впрочемъ, кромѣ упомянутаго нами выше «Сафроныча», мы встрѣтили еще повѣсть того же автора (Карзунова) «Пріемышъ—изъ воспоминаній стараго солдата». Пусть «длинныя вѣтви развѣсистой березы осѣняютъ послѣдній пріютъ» идеальнаго солдата и его образованной пріемной дочери, но мы не можемъ не удивиться выбору такой темы для народа. Нравственный старикъ и, прекрасно направленная, трудолюбивая Софья погибаютъ отъ пустаго волокиты. Хотя мы и не требуемъ, чтобъ добродѣтель была непремѣнно вознаграждена, а порокъ наказанъ, но конечно, стремимся къ торжеству трудолюбія, образованности надъ праздностью и невѣжествомъ какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ для народа. Съ особеннымъ сочувствіемъ можно относиться къ описательнымъ сочиненіямъ, изданнымъ редакціей «Досугъ и Дѣ-

ло» («Донъ и Донецъ», «Волга и Поволжье», «Киргизская Степь» и др.). Такихъ книгъ весьма мало, а польза ихъ и интересъ для народа очевидны.

Въ Москвѣ, въ 1874 году, Комитетъ Граматности издалъ для народнаго чтенія нѣсколько образцовыхъ повѣстей: Гоголя—«Утопленницу» и «Ночь передъ рождествомъ», Тургенева—«Пѣвцы» и «Бирюкъ» и графа Льва Толстого— «Разсказы о Севастопольской оборонѣ». Изданія эти были изящны и дешевы - отъ 4 копеекъ. Мы не знаемъ, отчего остановилось изданіе, починъ котораго едва ли не принадлежалъ А. И. Мамонтову. Нынѣ въ Москвѣ А. А. Торлецкій издаетъ чтенія «для народа» и отдѣльно «для войскъ и народа» *).

Общество распространенія полезныхъ знаній въ Москвѣ издаетъ книги для народа и дѣтей. Оно издало, какъ мы уже упоминали, нѣсколько житій святыхъ и другія полезныя брошюры для народнаго чтенія, но, все таки, въ 200-хъ изданныхъ этимъ обществомъ книжекъ едва наберешь 2% чтенія для народа **). Тутъ на первомъ планѣ—дѣти изъ публики и публика городская или деревенская, но стремящаяся сознательно къ образованію и привыкшая къ извѣстному печатному слову. Мы говоримъ это не въ укоръ обществу распространенія *полезныхъ*, а не *народныхъ* книгъ.

Народныя чтенія ведутся въ Москвѣ едва ли не лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Тамъ къ чтенію привлечено педагогическое сословіе, нѣтъ недостатка въ средствахъ, и аудиторій достаточно, а туманныхъ картинъ такъ много, что онѣ показываются даже въ антрактахъ между чтеніями. Но и тамъ жалуются на бѣдность репертуара для чтеній; чтенія должны быть предварительно одобрены, и конечно, изданы. Все же одобренное и изданное, какъ и у насъ, въ Петербургѣ, читано и перечитано. Теперь на очереди вопросы: какъ выз-

---

*) В. Манжина: «О разумномъ уходѣ за домашними животными», Р. С. Попова: «О болгарахъ», «О Малороссіи», Н. К. Шведова. Что такое обыкновенная соль, какъ добываютъ ее», А. В. Арсеньева: «Севастопольское сидѣнье», и, наконецъ, нѣсколько брошюръ о послѣдней войнѣ.

**) Недавно это общество издало, между прочимъ, два очерка Н. А. Трескина: «Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій» и «Императрица Всероссійская, Екатерина Алексѣевна, Вторая, Великая». Оба очерка просто, живо и по возможности, полно составлены. Но, къ сожалѣнію, цѣна дорога: 10 копеекъ за 22 крупныхъ страницы.

вать лучшія силы на авторство для народа? Какими мѣрами распространять хорошія книги въ народѣ и какимъ образомъ войти въ союзъ съ распространителями печатнаго слова въ народѣ—книгопродавцами-разносчиками? Но вопросы эти внѣ предѣловъ нашего, уже и безъ того затянувшагося, очерка.

Примѣчаніе. Въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ, послѣ написанія этой статьи, много было издано для чтенія народнаго книгъ, брошюръ и листковъ. Возникли цѣлыя издательства. Вотъ тому примѣръ. На стр. 364 мною упомянуто объ отсутствіи изданій для народа въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Черезъ четыре года послѣ того усердіемъ одного просвѣщеннаго инока начали издаваться вразумительные, живые по изложенію Троицкіе листы, заслужившіе большое распространеніе настолько, что въ лаврѣ основалась особая для нихъ типографія. Не останавливаясь на изданія Синода, на Дешевой Библіотекѣ Суворина и на многихъ другихъ изданіяхъ, какъ Читальня Народной Школы и проч. и проч., о чемъ потребна большая и обстоятельная статья, я считаю необходимымъ сказать ниже нѣсколько словъ лишь объ изданіяхъ Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній, о началѣ которой въ первый періодъ ея дѣятельности отъ 1872 до 187. года и о возобновившемся издательствѣ 1880 года упомянуто на стр. 393 и 394. Во время написанія статьи Коммисія эта только что вступала въ новый періодъ дѣятельности послѣ нѣсколькихъ лѣтъ застоя.

Литературная лѣтопись.

I.

Мемуары Каратыгиной.—Правовѣдъ.—Школьникъ у митрополита Филарета.—Печатаніе мемуаровъ.—Славянскій вопросъ.—«Старая Индія».—Князь обезьянскій и свадьба двухъ обезьянъ.—Пернатые и четвероногіе обитатели зимняго дворца.—Екатерина II-я въ одной статьѣ и двухъ историческихъ романахъ. *)

Мемуары то и дѣло появляются на страницахъ нашихъ ежемѣсячныхъ изданій. Нынѣшній же мѣсяцъ особенно счастливъ на нихъ. Въ послѣдней «Литературной Лѣтописи» (№ 160-й и «Голоса») было сообщено о посмертныхъ запискахъ іеросхимонаха кіевопечерской лавры Антонія, полныхъ глубокаго значенія и интереса. Въ той же книжкѣ «Русскаго Вѣстника» помѣщены послѣднія главы воспоминаній А. М. Каратыгиной; въ «Полярной Звѣздѣ» оканчиваются мемуары Т. Н. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Перо подруги Ника и Саши хорошо извѣстно публикѣ. Въ воспоминаніяхъ же артистки нѣтъ и тѣни того таланта, съ какимъ г-жа Пассекъ оживотворяетъ лица и событія. Въ воспоминаніяхъ Каратыгиной намеки, бѣглыя указанія замѣняютъ тѣ подробности, которыя только и составляютъ достоинство мемуаровъ. «Я въ дѣтствѣ у Бакуниныхъ видала Державина»—и больше ни слова, ни одной живой черты воспоминанія. Она видѣла въ Римѣ «Долли Фикельмонъ»—и только. Что же изъ этого? Кому это интересно? О графинѣ Фикельмонъ, внукѣ по матери князя Кутузова-Смоленскаго, или, скорѣе, о ея матери, Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, сохранились преданія въ петербургскомъ обществѣ, и не разъ вспоминались въ печати имена этихъ дамъ, въ прошломъ году, по поводу чествованія

*) Газета «Голосъ» 1881 г. № 167.

Пушкина. Но г-жа Каратыгина ни слова не прибавила къ извѣстію о своей встрѣчѣ съ «Долинькой».

Въ «Воспоминаніяхъ» есть нѣсколько живыхъ эпизодовъ, какъ, напримѣръ, угощеніе супруговъ Каратыгиныхъ въ Римѣ семьею русскихъ художниковъ; но и тутъ схвачены однѣ только внѣшнія черты. Въ путешествіи за г-жею Каратыгиной трудно поспѣть. Съ нѣкоторыми подробностями она останавливается на встрѣчахъ съ m-me Аланъ, Александромъ Дюма (отцомъ) и Ристори. Впрочемъ, она говоритъ, въ заключеніи своихъ воспоминаній, что не предполагала писать ихъ и потому подробно о себѣ не записывала. Потому-то читатель и осужденъ изъ десяти страницъ выбирать по десятку любопытныхъ строкъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что театральная жизнь добраго стараго времени, какою проглядываетъ она въ тусклыхъ воспоминаніяхъ артистки, была на высотѣ одушевленнаго артистическаго призванія. Дюма въ то время имѣлъ право сказать Каратыгиной: «Между поэтами, музыкантами, актерами, короче, между художниками разнородныхъ націй существуетъ родъ франмасонскаго братства».

Вслѣдъ за возвышеннымъ инокомъ (Антоніемъ), за артисткой (Каратыгиной) и многими другими, различными, по положенію, авторами мемуаровъ выступаетъ и литераторъ. Воспоминанія В. В. Стасова посвящены Училищу Правовѣдѣнія. Въ іюньской книжкѣ «Русской Старины» помѣщены заключительныя ихъ главы. Это — мемуары въ литературномъ значеніи слова, живо, горячо написанные и притомъ съ безъискуственностью, свойственною этого рода произведеніямъ. Въ послѣдней главѣ «Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ» г. Стасовъ переходитъ въ высшій курсъ, въ настоящее «святая святыхъ»

«Вотъ сейчасъ отдернутся какія-то завѣсы, вотъ мы, наконецъ, увидимъ тайны науки, великой, широкой, глубоко серьезной. Скоро мы убѣдились, что ожиданія были напрасны: никакихъ завѣсъ не отдернулось, и мы продолжали слушать то, что прежде слушали. Никакихъ новыхъ, болѣе широкихъ, взглядовъ не оказалось, продолжалась все таже узкость и ограниченность, только подъ другими заглавіями, что-то въ родѣ плохихъ гостинцевъ, завернутыхъ въ богатыя, цвѣтныя бумажки съ кружевомъ и золотомъ. Ничего живого, двигающаго впередъ, одухотворяющаго, раздвигающаго горизонтъ мысли—одна только самая ординарная схоластика».

Достается же отъ г. Стасова профессорамъ Училища! «О,

педантъ толстокожій!—восклицаетъ онъ про своего наставника—неужели такую чепуху читаютъ и взаправду въ нѣмецкихъ университетахъ» и т. д. и т. д. Къ такимъ воспоминаніямъ о заведеніи, alma mater, никакъ ужь не принаровишь стиховъ Пушкина:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ—
Къ устамъ поднявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Мѣтко схватилъ г. Стасовъ карикатурныя черты и обрисовалъ внѣшніе недостатки профессоровъ. Свой злой «ямбъ» автобіографъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ:

«И, вѣдь, за все за это намъ ставили баллы, и мы отвѣчали (иные даже хорошо и превосходно), иныхъ награждали за всѣ эти классы, другихъ наказывали. Но была ли, въ сущности, большая разница между знающими и незнающими, между высоко и низко отмѣченными по ученью, особливо по части права? Не думаю. Жизнь и служба совершенно иначе разсортировали впослѣдствіи гг. правовѣдовъ, и всѣ эти «энциклопедіи права» и многое другое—рѣшительно пошли прахомъ».

Въ концѣ главы г. Стасовъ срываетъ досаду на товарищахъ-правовѣдахъ: «Большинство товарищей моихъ (и по классу, и по училищу) ничуть не проявило того свѣтлаго взгляда, того прямого ума и пониманья, какія должна давать наука». Въ подтвержденіе своего взгляда, автобіографъ припоминаетъ лично затронувшій его литературный процессъ, гдѣ роль судьи принадлежала бывшему правовѣду, и въ такихъ выраженіяхъ отзывается о товарищахъ:

«О, вѣрные рабы Ѳемиды! О, неумытные оберегатели добрыхъ нравовъ, о, свѣтлыя головушки, о, стыдливые скромники, какъ я тогда жалѣлъ о пребываніи вашемъ въ судейскихъ креслахъ! Какъ мнѣ вы жалки были со своимъ устарѣлымъ правовѣдѣніемъ и съ темною своею головою» и т. д.

Этотъ личный элементъ, эта студенческая удаль не убѣждаютъ читателя ни въ чемъ другомъ, какъ только въ страстномъ характерѣ автобіографа. Эпизодъ, какъ ученикъ-правовѣдъ (Калайдовичъ) талантливо защищалъ, при постороннихъ, осужденную въ Парижѣ отравительницу Лафаржъ, ясно показываетъ, что не все же въ Училищѣ была одна мертвая схоластика. Живыя стороны школьной жизни читаются съ большимъ интересомъ въ воспоминаніяхъ г. Стасова. Чего стоитъ, напримѣръ, эпизодъ свиданія и бесѣды смѣльчака-школьника съ недосягаемымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ,

къ которому мальчикъ-правовѣдъ явился просить помощи въ темѣ, заданной законоучителемъ и затруднившей цѣлый классъ! Читатель присутствуетъ при торжественномъ выходѣ совершившаго богослуженіе митрополита, въ его Троицкомъ подворьѣ. Вотъ онъ приглашаетъ нѣкоторыхъ, принявшихъ его благословеніе, въ свои покои. Чинно и важно сидятъ сановные гости, барыни, и тутъ же юный правовѣдъ, котораго привела тетка, жмется на заднемъ стулѣ.

«Мы, наконецъ, остались вдвоемъ. Тогда митрополитъ ласково сказалъ мнѣ: «Ну поди сюда, сядь возлѣ меня; что тебѣ надо спросить у меня?» Я разсказалъ ему подробно все наше дѣло и что, вотъ, мы рѣшились прибѣгнуть къ помощи и разъясненію его высокопреосвященства, какъ высшаго духовнаго свѣтила всего нашего отечества. Но на этотъ разъ мои комплименты не достигли желаемаго результата. Митрополитъ разсердился. Его кроткіе, впалые глаза, столько мнѣ всегда нравившіеся на его желтомъ исхудаломъ лицѣ, зажглись огнемъ; исчезъ тотъ тихій и милый голосъ, какимъ онъ говорилъ съ графинями и произносилъ церковныя слова со своего амвона. Этотъ голосъ замѣнился тономъ сердитымъ и даже немножко грознымъ· «Что же это вы вздумали?— заговорилъ онъ—я долженъ рѣшать вамъ, мальчишкамъ, задачи для вашихъ классовъ? Мои слова должны потомъ идти на судъ законоучителя! Да подумали ли вы, къ кому вы шли? И позволительны ли такія выдумки?» Я молчалъ. Митрополитъ прошелся раза два по комнатѣ, все продолжая сердиться. Онъ смягчился, сѣлъ на диванъ и сказалъ: «Ну, хорошо, садитесь. Я вамъ скажу, что вы спрашиваете; но слушайте хорошенько и вѣрно передайте вашимъ товарищамъ». Я, съ раскраснѣвшимися щеками и порядочно-таки взволнованный, сталъ слушать тихую рѣчь, плавно и краснорѣчиво лившуюся, съ такимъ чувствомъ преданности, благодарности и почтенія, какъ будто бы который-нибудь изъ отцовъ церкви въ эту минуту собственною особою возвратился въ міръ и вѣщалъ мнѣ глубочайшія откровенія.. Когда митрополитъ кончилъ, онъ спросилъ: «Вы все поняли‘ что я вамъ говорилъ?—«Все, ваше высокопреосвященство», отвѣчалъ я съ такимъ увлеченіемъ и такимъ голосомъ, которые, повидимому, были пріятны владыкѣ. «Ну, такъ повторите». И я повторилъ, и такъ вѣрно и полно, что митрополиту Филарету пришлось поправить и пополнить очень немногое. Тогда онъ меня благословилъ и сказалъ на прощанье нѣсколько любезныхъ словъ»...

Исторія нашихъ школъ имѣетъ свой мартирологъ. Въ низшихъ училищахъ физическія страданія, въ высшихъ дисциплинарныя преслѣдованія въ связи съ шпіонствомъ и нравственною пыткою совѣсти, при угрозѣ уничтоженія всѣхъ заслугъ по ученью, т. е. при угрозѣ позорнаго исключенія— вотъ основныя черты этого мартиролога. Школьная печальная драма разъигралась незадолго до выпуска г. Стасова и въ училищѣ правовѣдѣнія. Автобіографъ живо изобразилъ ее, а въ ней и себя, честнаго юношу, употребившаго всѣ усилія, чтобъ не только не выдать товарищей, но чтобъ и другіе всѣ никакихъ раскрытій не дѣлали. Передъ читателемъ и «милый

товарищъ», цинично объявившій, что ему до другихъ дѣла нѣтъ—пускай ихъ выгоняютъ. «Неужели мнѣ черезъ другихъ терять девятый классъ?» Но изъ чего же произошла такая буря? Какія преступленія были совершены правовѣдами? Ничего болѣе, какъ то, что въ классѣ нашли несчастную бутылку съ мадерой и папироски. И за это прекратились всѣ классы, было схвачено съ десятокъ человѣкъ и разсажены въ одиночныя заключенія. Наряжена слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ священника, какъ человѣка суроваго, энергичнаго и рѣшительнаго.

Въ мемуарахъ самую важную роль играетъ личность автора, такъ что мы только посредствомъ его впечатлѣній принимаемъ участіе въ разсказѣ. И чѣмъ личность эта интереснѣе, тѣмъ мемуары любопытнѣе. Г. Стасовъ—литературная извѣстность. Онъ ломалъ копья въ ученыхъ спорахъ на страницахъ толстыхъ журналовъ, выступалъ не разъ судьею и рѣшителемъ задачъ русской живописи; въ музыкѣ онъ—одинъ изъ любителей-знатоковъ, по профессіи онъ—старшій библіотекарь публичной библіотеки. Онъ самъ по себѣ многообразенъ и интересенъ. Одновременно съ его мемуарами, печатается на страницахъ «Вѣстника Европы» имъ же составленная біографія Мусоргскаго. Само собою разумѣется, что его мемуары—весьма замѣтное литературное явленіе.

Но когда мемуары пишутся лицомъ не литературнымъ, къ нимъ предъявляются иныя и требованія. Простота, искренность замѣчательныхъ записокъ Антонія, наивность и смиренномудріе священника села Гореничъ, Кіевскаго уѣзда, чьи записки недавно окончились въ «Русской старинѣ»—все это, несмотря иногда на неудовлетворительную литературную форму, есть вкладъ въ область непосредственнаго изученія русской жизни. Но есть мемуары не цѣльные, вялые, скучные, хотя и не лишенные нѣкоторыхъ чертъ, важныхъ для изученія русской жизни; такіе мемуары могли бы только выиграть отъ сокращенія и обработки. Редакція, печатающая ихъ цѣликомъ, могла бы съ успѣхомъ ограничиться выдержками, наиболѣе характерными, и разсказомъ о цѣломъ содержаніи и личности автора оправдать цѣль помѣщенія ихъ на страницахъ журнала. Къ такимъ мемуарамъ мы относимъ «Исторію

своей жизни», разсказъ бывшаго крѣпостного крестьянина, которая обѣщаетъ долго тянуться на выносливыхъ страницахъ «Русской Старины».

«Историческій Вѣстникъ» придерживается обработанныхъ статей, вызванныхъ къ жизни новыми матеріалами. Въ іюньской книжкѣ журнала помѣщены, между прочимъ, первыя главы выдающейся статьи «Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ», г. Кочубинскаго.

Порабощеніе, во времена Священнаго союза, русской политики австрійскимъ интересамъ и послѣдовавшее затѣмъ уклоненіе отъ политики, намѣченной Петромъ-Великимъ, сложныя политическія отношенія и вопросы, съ которыми связано было, въ теченіи нынѣшняго столѣтія, возникновеніе полунезависимыхъ славянскихъ княжествъ—все это такъ живо и легко изложено, что статья прочтется съ интересомъ даже и тѣмъ, кто немного думалъ о славянорусскомъ вопросѣ. Образъ дѣйствія Меттерниха въ славянскихъ дѣлахъ такъ ловко отвелъ Россію отъ славянъ, что мы долгое время отъ головы до пятокъ были политиками европейскаго легитимизма—и гдѣ же? Въ Турціи и Австріи, гдѣ только и можно было намъ дѣйствовать самостоятельно въ интересахъ своего настоящаго и будущаго политическаго значенія.

«Было поздно, когда была распознана ошибка многихъ десятилѣтій: русскія войска поспѣшно отступили изъ-за Дуная и Прута, минами защищая себя отъ тыльнаго обхода австрійцевъ, когда императоръ Николай писалъ главнокомандующему, князю Горчакову, о «вѣроломствѣ спасенной имъ Австріи». Увы! Насталъ судъ. Подводились итоги...»

Одно перечисленіе историческихъ матеріаловъ, разработанныхъ и не разработанныхъ, помѣщенныхъ въ вышедшихъ около 1-го іюня книжкахъ журналовъ, было бы утомительно для читателя. Не ограничиваются новымъ, перепечатываютъ и старое, давно изданное. Несмотря на то, что существуетъ изданіе «Записокъ Порошина» (Петербургъ, 1844), съ которымъ нетрудно справиться занимающемуся эпохой Екатерины, «Русская Старина» вновь издаетъ, въ приложеніи, сполна, всецѣло этотъ любопытный, но, тѣмъ не менѣе, всѣмъ извѣстный дневникъ. Ужь не ждать ли намъ, въ приложеніи къ этому журналу, много разъ изданнаго, но еще болѣе любопытнаго дневника Храповицкаго? Какъ бы ни было, а все таки, рус-

ская исторія, въ ея источникахъ, въ непосредственныхъ памятникахъ старины и въ разработкѣ частныхъ вопросовъ, популяризуется, и публика пріучается вникать въ прошлую жизнь родной страны—жизнь, органически связанную съ настоящимъ и будущимъ Россіи.

«Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» мы обязаны статьею нашего санскритолога, профессора Минаева: «Старая Индія. Замѣтки на Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина». Этотъ важный памятникъ—путевыя записки русскаго торговаго человѣка XV-го столѣтія, издавался и пояснялся нѣсколько разъ. И. И. Срезневскій обратилъ особенное вниманіе на описаніе «Хожденія» Аѳ. Никитина, пробравшагося изъ Европы въ Индію нечаянно, такъ сказать стихійнымъ образомъ, ранѣе Васко де-Гама. Почтенный ученый нынѣ не только поясняетъ собственныя имена и мѣста, представлявшіяся намъ баснословными, но дѣлаетъ и полную провѣрку всѣмъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ нашимъ древнимъ авантюристомъ. Старые арабскіе писатели, англійскіе путешественники и изслѣдователи индійской исторіи и свѣдѣнія самого г. Минаева—все подтверждаетъ правдивыя показанія Аѳ. Никитина о мѣстностяхъ, путяхъ, торгѣ Индіи, о правахъ, обычаяхъ и племенномъ различіи ея обитателей.

Въ одномъ мѣстѣ Аѳан. Никитинъ упоминаетъ, что въ свитѣ Бахманійскаго султана шли въ процессіи сто обезьянъ, и тутъ же сообщаетъ объ обезьянахъ истинно индійскія свѣдѣнія: А обезьяны тѣ живутъ по лѣсу, да у нихъ есть князь обезьянскій, да ходитъ ратію своею».

«Въ этихъ словахъ—говоритъ г. Минаевъ—нѣтъ никакой надобности заподозрѣвать знакомство Аѳанасія Никитина съ извѣстнымъ индійскимъ эпосомъ Рамаяной: онъ могъ узнать о такомъ воззрѣніи индусовъ на обезьянъ изъ разговоровъ и разсказовъ о Богѣ Хануманѣ. Достаточно припомнить случай въ Надіѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ близко Аѳанасій Никитинъ подошелъ къ истинѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Надійскій царь Невара Чандра израсходовалъ сто тысячъ рупій на свадьбу двухъ обезьянъ. При этомъ, брахманами были совершены всѣ тѣ обряды, которые предписываются надійскими шастрами. Устроена была свадебная процесія со слонами, верблюдами, конями, паланкинами и свѣточами. Женихъ былъ посаженъ въ роскошный паланкинъ; на головѣ у него былъ вѣнецъ, а кругомъ его стояли люди съ опахалами. За его паланкиномъ слѣдовали пѣвицы, плясуны и музыканты. Во всемъ этомъ не слѣдуетъ видѣть одного шутовства, повторенія на берегахъ Бхагиратхаи петербургскаго Ледяного дома. Фактъ имѣетъ болѣе глубокое значеніе и объясняется только туземнымъ воззрѣніемъ на обезьянъ. Въ Индіи почитается не только царь обезьянскій, одинъ изъ героевъ Рамаяны, но и

ообще обезьяна—животное священное. Въ Бенаресѣ есть храмъ, посвящен-ый имъ, и всюду въ Индіи, въ мѣстахъ, гдѣ много обезьянъ, вѣрующіе при-осятъ туда вареный рисъ, плоды, вообще такое явство, до котораго обезья-ы лакомы; словомъ, чтутъ обезьяну, взирая на это животное именно такъ, акъ говоритъ Аѳ. Никитинъ».

Перенесемся, въ нашей экскурсіи по историческимъ стать-мъ, черезъ три столѣтія, отъ временъ великихъ князей мо-ковскихъ въ эпоху императрицы Анны. Въ журналѣ графа аліаса «Полярная Звѣзда» есть прекрасная статья профес-ора Осокина «Полтораста лѣтъ назадъ»—по поводу вышед-иаго, въ прошломъ году, изслѣдованія г. Д. Корсакова: «Во-ареніе императрицы Анны Іоанновны». Рецензентъ, разумѣет-я, усматриваетъ, и весьма основательно, ошибки, недосмот-ы, указываетъ на колебанія г. Корсакова въ приговорахъ бъ Аннѣ, о Биронѣ; вообще же, въ статьѣ своей переноситъ итателя въ тотъ историческій моментъ, когда верховники, ворянство и представители недовольныхъ столкнулись между обою въ политическомъ замыслѣ опредѣлить форму государ-твеннаго правленія.

Кратковременная эпоха правленія принцессы Брауншвейгъ-юнебургской оживаетъ въ статьѣ г. Карновича «Очерки рус-каго придворнаго быта XVIII-го столѣтія». Поводомъ къ татьѣ и источникомъ ея послужилъ недавно вышедшій сбор-икъ «Внутренній бытъ русскаго государства» съ 17-го апрѣ-я 1740 по 25-е ноября 1741 года, по документамъ, храня-цимся въ московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Импе-атрица Елисавета повелѣла уничтожить всѣ дѣла «съ извѣ-тнымъ титуломъ», т. е. гдѣ встрѣчались имена Іоанна Анто-овича и его матери. Изданныя нынѣ дѣла случайно уцѣлѣ-и и открыты были еще въ 1852 году.

Черпая факты изъ этихъ дворцовыхъ хозяйственныхъ до-ументовъ, г. Карновичъ даетъ полную картину обстановки дво-а Анны Леопольдовны. Молельня, спальня, библіотека, галерея ля торжествъ, костюмы, сервировка воспроизведены довольно иво и возможно вѣрно эпохѣ.

Любопытны идилліи зимняго дворца: «Для развлеченія ысокихъ обитателей и обитательницъ зимняго дворца имѣлись тицы «пѣвчія» и «ученыя». Въ числѣ «ученыхъ» были го-орливые попугаи, которыхъ учила говорить иноземка Вар-

ландъ. Въ комнатахъ императора Іоанна Антоновича была канарейка, которая выпѣвала *куранты*, а также соловьи «лучшіе и впредь надежные». Въ комнатѣ Правительницы были одинъ попугай, одна переклитка, одинъ египетскій голубь, ученый скворецъ и два соловья. Въ комнатѣ принца Антона два «заморскіе» снигиря, два чижа, и одинъ перепелъ». Изъ числа четвероногихъ обитателей зимняго дворца особенною извѣстностью пользовалась комнатная собачка императрицы Анны, Цетринька или Цытринька. Послѣ смерти государыни она перешла къ правительницѣ. При ней, для ухода и кормленія, было назначено особое лицо, князь Никита Волконскій. Содержаніе этой собачкѣ отпускалось особою статьею изъ дворцовой конторы, и ею собака была подчинена общему порядку, опредѣленному для выписки въ расходъ дворцовыхъ припасовъ. Цетринькѣ опредѣлено было на каждый день «по кружкѣ сливокъ молочныхъ», для полученія которыхъ приставникъ ея долженъ былъ ежедневно обращаться къ придворному кухоншрейберу и расписываться въ полученіи назначенной ей порціи.

Приживальцы и приживалки зимняго дворца обыкновенно отличались какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ, что можно видѣть изъ прозвищъ. Такъ, у одной приживалки была кличка «Горбуша», у другой «Безногая», у третьей «Долгая». Были также карлы, арабы, калмычата, дураки, шуты. Нѣкоторыя изъ приживалокъ были извѣстны подъ именемъ «сидѣльницъ» и «старухъ». Въ числѣ ихъ была представительница и духовнаго сана—монахиня Александра со своимъ пріемышемъ.

Что касается богатаго событіями и воспоминаніями вѣка Екатерины II-й, то нынѣшній мѣсяцъ въ журналахъ не обошелъ и его. Въ газетѣ «Русь» мы прочли статейку, весьма удачно составленную по письмамъ Екатерины къ Гримму—«Взгляды императрицы Екатерины II-й на основы Русскаго Государства». Тутъ сгрупированы взгляды Екатерины какъ на церковь, такъ и на сущность самодержавной власти. Дѣлая характеристику Орлова и Панина, вскорѣ послѣ ихъ смерти, и находя, что вода и огонь не столько представляютъ различія, сколько эти два государственные человѣка, Екатерина прибавляетъ:

«Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ каждый свое, и, однако дѣла шли и шли большимъ ходомъ. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого, и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-голопомъ между ними, придавали изящество и легкость дѣламъ величайшей важности».

Это блещущее остроуміемъ мѣсто напоминаетъ намъ, между прочимъ, и то, что Екатерина, вмѣстѣ съ Орловымъ и Панинымъ, является, какъ нарочно, въ глазахъ историческаго романа, да еще не одного, а цѣлыхъ двухъ романовъ, продолжающихся печатаніемъ. Романъ «Княжна Владимірская», въ «Русской Рѣчи», и «Петербургское дѣйство», графа Саліаса, въ «Полярной Звѣздѣ», разомъ, въ два пера, въ два дарованія изображаютъ Екатерину «великою», Cathérine le grand, какъ называли ее французы.

Въ «Княжнѣ Владимірской» государыня только что взошла на престолъ. Мы застаемъ ее въ тотъ интересный моментъ, когда она своихъ соумышленниковъ и способниковъ ставитъ на мѣста, награждая, лаская и, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе поднимаясь изъ ихъ среды на царственную высоту. Оба романиста пропитались богатыми матеріалами по исторіи восшествія на престолъ Екатерины (мемуары Екатерины, Дашковой, Бретейля, Болтина, записки Державина), заимствовали самый образъ выраженій Екатерины изъ ея интимныхъ писемъ, записокъ, собственноручныхъ указовъ. Главы «Княжны Владимірской», въ которыхъ является Екатерина, порою увлекательны, порою... порою слишкомъ наивны. Екатерина слишкомъ много говоритъ въ нихъ, высказываетъ то, что мы говоримъ за нее на основаніи разнородныхъ источниковъ. Есть такъ-называемыя сыромолотныя стороны (crudité). Панинъ не могъ поднимать вопроса о регентствѣ, когда Екатерина была возведена на престолъ. У Саліаса вопросъ этотъ поднимаетъ Тепловъ, задолго до роковыхъ іюньскихъ дней. Княгиня Дашкова, какъ извѣстно, приписывала переворотъ себѣ, а между тѣмъ, ей, какъ сестрѣ фаворитки Петра III-го, Воронцовой, не очень-то довѣряли. За нею и слѣдили, и употребляли ее въ дѣло, когда это было нужно. Екатерина въ своихъ мемуарахъ говоритъ:

«Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хочетъ присвоить себѣ честь этой революціи; но, не говоря уже о ея родствѣ, девятнадцатилѣтній возрастъ не позволялъ никому имѣть къ ней довѣріе. Она говори-

ла, что все доходило до меня черезъ нее; но впродолженіи шести мѣсяцевъ я сносилась со всѣми главами предпріятія прежде, чѣмъ она узнала первое слово».

Вотъ эти-то отношенія Екатерины къ Дашковой и дали г. Шардину тему для того, чтобъ набросать нѣсколько живыхъ сценокъ между занесшейся княгиней и тонкой, мягкой и вмѣстѣ сильной въ устроеніи новаго своего положенія, императрицею. Романъ г. Шардина имѣетъ характеръ хроники. Попадется ему гетманъ Разумовскій или кто другой, онъ тотчасъ разсказываетъ всю его исторію. Впрочемъ, хроникеръ вскорѣ опускаетъ занавѣсъ и переноситъ читателя на новое мѣсто дѣйствія, въ Парижъ, въ «отель дюковъ де-Праленъ», гдѣ іезуиты готовятъ для Россіи самозванку-императрицу, княжну Владимірскую.

Въ Романѣ графа Саліаса несравненно больше дѣйствія. Намеки, замѣчанія исторіи Соловьева, всѣ безъ изъятія, пошли въ прокъ автору «Петербургскаго дѣйства». Тутъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ—налицо съ принцомъ Жоржемъ Гольстинскимъ и со всѣми своими друзьями. Какъ ни смѣлы казались бы сцены забавъ и выходокъ Петра III-го, но онѣ не выдуманы и опираются на непреложныя свидѣтельства современниковъ. Сцена оскорбленія императрицы-супруги за столомъ, очень хорошо веденная авторомъ, оканчивается невѣрностью, опущеніемъ черты, важной для характеристики Екатерины. У Саліаса императрица заплакала:

«Государыня сидѣла, закрывъ лицо платкомъ. Эта внезапная и мертвая тишина накрывшая все какимъ-то тяжелымъ покровомъ и гнетомъ, лежала надъ всѣмъ, но вдругъ государь поднялся на своемъ мѣстѣ и провозгласилъ новый тостъ: «За друга моего, учителя и покровителя, короля Прусскаго» и, затѣмъ, прибавилъ по французски: à la santé du roi, mon maitre!»

У Соловьева же этотъ эпизодъ переданъ такъ: «Императрица сначала залилась слезами отъ такого оскорбленія, но потомъ, желая оправиться, обратилась къ стоявшему за ея кресломъ камергеру Александру Сергѣевичу Строганову и попросила его начать какой-нибудь забавный разговоръ для разсѣянія, что Строгановъ и исполнилъ».

Въ обоихъ романахъ Екатерина слишкомъ много говоритъ. On la prodigue trop, и сцены, гдѣ ее выводятъ авторы, не высокаго художественнаго пошиба. Судомъ объ этихъ произ-

веденіяхъ надо повременить—они еще не кончены. У графа Саліаса съ его «дѣйствомъ» переплетается какая-то не то драма, не то комедія. Центральное лицо въ ней—графиня Маргарита Скабронская. Эта дама устроила шкафъ, чтобъ прятать въ немъ своего любовника, Шепелева. Мужъ умеръ, а она все прячетъ любовника въ шкафъ; служатъ надъ тѣломъ умершаго графа панихиду, а любовникъ тутъ, въ шкафу, и никакъ не можетъ выйти. Это, видите ли, мститъ камердинеръ-французъ за покойнаго барина;—онъ унесъ ключъ отъ шкафа! Старикъ свекръ выручаетъ невѣстку и выпускаетъ любовника при попахъ, почему-то неотлучно пребывающихъ у гроба...

II.

«Уѣздъ», г. Колюпанова.—«Русскій рабочій». г Шашкова.—Иноки валаамской, обители или «крестьянскаго монастыря».—Съ Ладоги на Каспій.— Мірская душа и старый грѣховникъ *).

Журналы наши теперь заняты внутренними вопросами—о преобразованіи волостныхъ судовъ, о земствѣ, о крестьянствѣ, заняты великими земскими вопросами и экономическими очерками. Люди дѣла не молчатъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и не одинъ земецъ и хозяинъ становится писателемъ. Къ этому голосу лучшей части народа, проникнутой любовью ко благу отечества, нельзя относиться равнодушно, невнимательно.

Изъ статей, наиболѣе ясныхъ и доступныхъ неспеціалистамъ, укажемъ на помѣщенную въ «Русской Мысли» статью «Уѣздъ» Н. П. Колюпанова. Относясь съ практической, объективной стороны къ явленіямъ среды, окружающей его, какъ деревенскаго хозяина, авторъ въ статьѣ своей стоитъ на почвѣ дѣла: онъ даетъ намъ картину того, что̀ есть и что может и должно быть устроено въ организмѣ уѣзднаго хозяйства. Крестьянство наше, по мнѣнію автора, открытое славянофилами въ теоріи, во времена крѣпостничества, возведе-

*) Напечатано въ «Голосѣ»—1881 г. № 174.

но было въ исключительно русскій народъ во времена освобожденія. Все, что — некрестьянство, было признано за негодную шелуху. Находя такое воззрѣніе на крестьянъ и на некрестьянъ неправильнымъ, г. Колюпановъ не укоряетъ за него литературу годовъ освобожденія. Тогда нужна была защита только-что освобожденной массы, нужна была борьба съ крѣпостникомъ, еще стоявшимъ во всеоружіи. Жизнь культурнаго государства—говоритъ г. Колюпановъ—всего ближе можно сравнить съ растеніемъ, и Россія—не небывалое мужицкое, а общекультурное государство. Положеніе и обязанности полиціи, по мнѣнію автора, не соотвѣтствуютъ ея прямымъ задачамъ. Положеніе уѣзднаго предводителя, обремененнаго массой должностей, и изъ сословнаго представителя превратившагося въ правительственнаго чиновника, служащаго безвозмездно, но подъ административною отвѣтственностью, также представляетъ неудобства. Рѣдко попадаются люди настолько обезпеченные, чтобъ они могли для безвозмездной службы забросить свое хозяйство и, какъ добрая лошадь, везти на себѣ весь уѣздъ: предсѣдательствовать въ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, въ присутствіи по воинской повинности, въ училищномъ совѣтѣ, въ комитетѣ по охраненію народнаго здравія, въ коммисіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей и, наконецъ, въ мѣстномъ отдѣленіи попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Эти и другія ненормальныя обстоятельства уѣздной администраціи г. Колюпановъ разрѣшаетъ яснымъ и несложнымъ планомъ уѣзднаго устройства.

Онъ доказываетъ мертворожденность губернскихъ земскихъ собраній и жизненную силу уѣздныхъ. Но уѣздъ страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и губернскія учрежденія; уѣздъ — слишкомъ крупная единица для непосредственнаго земскаго хозяйства.

«Еслибъ управа могла, во всемъ своемъ составѣ, безпрестанно двигаться по уѣзду, изображая собою на самомъ дѣлѣ, perpetuum mobile, то и тогда, въ виду пространства, разсѣянности населенія и непривычки подчиняться требованіямъ, поступающимъ извнѣ, она не могла бы исполнить своими руками всѣхъ разнообразныхъ дѣлъ по земскому хозяйству уѣзда и надъ всѣмъ имѣть надлежащій надзоръ. Помощниками управы ни полиція, ни волостное управле-

ніе быть не могутъ: первая, какъ правительственный органъ, имѣющій опредѣленный кругъ обязанностей, второе, какъ сословное крестьянское учрежденіе, содержимое на ихъ деньги».

Уѣздъ слѣдуетъ раздѣлить на участки, средній діаметръ участка не долженъ, по возможности, имѣть свыше 50-ти верстъ. Къ статьѣ г. Колюпанова, трактующей объ организаціи участка, о предметахъ вѣдѣнія участковаго собранія мы отсылаемъ всякаго, интересующагося жизненными вопросами уѣзднаго устройства, а въ литературѣ будемъ ждать разбора крайне любопытнаго и не надуманнаго, а выхваченнаго изъ жизни плана г. Колюпанова.

Отъ крестьянина-земледѣльца одинъ шагъ къ крестьянину-фабричному. Помѣщенная въ журналѣ «Дѣло» статья г. Шашкова «Русскій рабочій» заслуживаетъ полнаго вниманія. Собственно говоря, это — сводъ статистическихъ изслѣдованій и отчетовъ земскихъ управъ, спеціальныхъ коммисій и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Картина, изображенная г. Шашковымъ, есть отраженіе дѣйствительности и имѣетъ за собою всю неопровержимость голыхъ фактовъ и безстрастныхъ цифръ. Нечего сердиться на зеркало, коли рожа крива. Не имѣй статья эта опоры въ офиціальныхъ фактахъ, можно было бы подумать, что въ ней единичныя явленія возведены въ общія. Во всякомъ случаѣ, вотъ основныя черты этой картины: непомѣрная и непосильная работа, скудная пища, постоянно держащая человѣка впроголодь, невообразимое жилище безъ воздуха и свѣта, жизнь и трудъ то въ холодѣ, то въ непомѣрномъ жару, отравленіе дыханія, низкая заработная плата и, сверхъ того, обсчитываніе рабочаго хозяиномъ и фактическая кабала; наконецъ, отсутствіе школы и больницы и даже невозможность посѣщать церковь. Работая въ душной и пропитанной міазмами атмосферѣ, рабочій часто и спитъ такъ же, у станка или машины. Жилища такъ тѣсны, что люди спятъ буквально человѣкъ къ человѣку, на палатяхъ или на полу, безъ подстилки, не стѣсняясь ни поломъ, ни возрастомъ. Считается хорошо устроенною та квартира, гдѣ помѣщеніемъ для женатыхъ служитъ какъ бы стойло за занавѣскою. Скученность помѣщеній доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Напримѣръ, въ селѣ Смоленскомъ (въ окрестностяхъ Петербурга),

въ комнатѣ, имѣющей десять аршинъ длины, восемь ширины и $4^1/_2$ вышины, помѣщаются 22 человѣка; слѣдовательно, на каждаго человѣка приходится немного болѣе $^1/_2$ кубической сажени воздуха. Хорошо еще, если есть и такое жилье! Бываетъ и такъ, что, проработавъ въ холодѣ и мокротѣ цѣлый день, бѣдный труженикъ не имѣетъ гдѣ осушиться и обогрѣться. Рабочій не только никогда не досыпаетъ, но никогда и не доѣдаетъ. 280 рабочихъ Мраморскаго завода Пермской губерніи никогда не ѣдятъ мяса; печенаго хлѣба у нихъ не бываетъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и они, покупая или выпрашивая по фунтамъ муку, дѣлаютъ изъ нея болтушку и тѣмъ питаются.

Отчетъ доктора Грязнова очерчиваетъ трудовой день уломскаго кузнеца. Онъ встаетъ въ два часа ночи, беретъ съ собою кусокъ хлѣба и идетъ въ кузницу. Послѣ двухъ трехъ часовъ работы, онъ съѣдаетъ этотъ кусокъ и, не отдыхая, продолжаетъ работать. Около семи часовъ утра—обѣдъ, состоящій изъ пустыхъ щей съ хлѣбомъ или картофелемъ, и отдыхъ до девяти часовъ. Потомъ работа до двухъ часовъ пополудни и новая скудная трапеза, затѣмъ ковка до семи часовъ вечера. 15 рабочихъ часовъ при такой пищѣ! Вотъ какимъ трудомъ производятся уломскіе гвозди и вотъ какъ тамъ заработывается насущный хлѣбъ!

Докторъ Эрисманъ даетъ свѣдѣнія о рабочихъ Клинскаго уѣзда: «У насъ круглый годъ постъ, говорили ему ткачи на фабрикахъ деревень Чексѣева, Никольской, Едневы.—Мяса они не употребляютъ, гречневая крупа имъ въ рѣдкость, а питаются пустыми щами, хлѣбомъ, картофелемъ и капустою. Пьютъ воду, зараженную отбросками фабрикъ и заводовъ, дышатъ воздухомъ, пропитаннымъ вредными испареніями. Нѣкотораго рода производства особенно опасны въ смыслѣ зараженія, и рабочіе этихъ заводовъ болѣютъ чахоткою, тифомъ и разносятъ свои недуги по деревнямъ». Особенно поражаетъ положеніе личильщиковъ и рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ. Личильщики (Владимірской губерніи), несмотря на то, что во время работы такъ завязываются, что одни глаза остаются незакрытыми, поголовно получаютъ, въ короткое время, злую чахотку и мрутъ, какъ мухи, рѣдко доживая до 30-ти

лѣтняго возраста, а если и переживаютъ этотъ срокъ, то слѣпнутъ, несмотря на искусство снимать съ глаза иголкою приставшій осколокъ стали или желѣза. Въ одной деревнѣ Лѣсниковой осталось 40 вдовъ послѣ личильщиковъ.

На спичечныхъ фабрикахъ устройство, большею частью, первобытное: фосфорные, сѣрные и стеариновые пары распространяются по всей фабрикѣ. Большая часть рабочихъ страдаетъ костоѣдой зубовъ, пораженіемъ надкостницы, опухолью десенъ. Эти медицинскія показанія о пострадавшихъ на спичечныхъ фабрикахъ, приводимыя г. Шашковымъ, напомнили мнѣ мое посѣщеніе Маріинской больницы въ Москвѣ, весною 1879 года. Въ одной палатѣ насъ поразили женщины и молодыя дѣвушки съ изморенными лицами, прогнившими личными костями, провалившимися губами, носами и лопнувшими глазами. «Это все со спичечныхъ фосфорныхъ фабрикъ», сказали намъ, и, притомъ, прибавили, что подвергшіеся такому страшному изуродованію люди постоянно появляются въ больницѣ, гдѣ терапія и хирургія примѣняютъ всѣ средства къ облегченію страданія этихъ жертвъ дешеваго подмосковнаго производства.—Механическія поврежденія, увѣчья очень часто происходятъ отъ несоблюденія хозяевами фабричныхъ правилъ. Коммисія, осматривавшая, въ 1879 году, петербургскія фабрики, замѣтила множество недостатковъ какъ въ устройствѣ фабричныхъ помѣщеній, такъ и во внутреннемъ распорядкѣ. Опасныя части машинъ не ограждены, какъ бы слѣдовало. Рабочіе допускаются къ машинамъ безъ объясненія имъ свойствъ механизма.

Не менѣе возмутительна эксплуатація рабочихъ хозяевами. Скудная плата уменьшается безпощадно посредствомъ чудовищныхъ условій найма и драконовскихъ размѣровъ штрафовъ. Нѣкоторые хозяева не выдаютъ всего заработка, удерживая значительную его часть на случай провинности, и разными придирками достигаютъ того, что вся наработанная сумма поступаетъ въ собственность конторы. Заработанная плата уменьшается еще обязательствомъ забирать всѣ припасы въ хозяйской лавочкѣ по непомѣрнымъ цѣнамъ, какъ можно судить по сравненію съ настоящею стоимостью припасовъ въ той же мѣстности. Въ Клинскомъ уѣздѣ крупа гречневая

стоитъ мѣра 1 р. 40 к., а въ хозяйской лавочкѣ 2 р., пудъ пшена въ лавочкѣ дороже на 20 к., фунтъ хлѣба на 1 к., сахаръ стоитъ 25 к., вмѣсто 18, свѣчи 23 к., вмѣсто 20 коп. и т. д.

«Что можетъ дать такой строй, кромѣ физическаго и нравственнаго страданія, всевозможныхъ пороковъ и преступленій?» восклицаетъ авторъ.

Этнографическіе этюды не перестаютъ оживлять страницы ежемѣсячныхъ изданій. Г. Немировичъ-Данченко, въ «Русской Мысли», оканчиваетъ очерки и впечатлѣнія своей лѣтней поѣздки на Валаамъ. Своеобразная картина «крестьянскаго монастыря» весьма интересна даже и послѣ Соловокъ. Два теченія, древне-монашеское, чисто иноческое, и промышленное, выработавшее изъ иноковъ хозяевъ вѣрно подмѣчены авторомъ. Борьба этихъ двухъ началъ и въ древнее время, въ золотой вѣкъ монашества (XVI-е—XV-е столѣтія). оканчивалась въ каждомъ вновь основанномъ монастырѣ побѣдою хозяйственнаго, строительнаго дѣла надъ аскетическимъ духомъ, побѣдою Мареы надъ Маріей. Такіе монастыри, какъ Соловецкій и Валаамскій, и теперь имѣютъ значеніе ничѣмъ пока не замѣнимыхъ промышленныхъ центровъ. Это—звенья духовной народной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живые примѣры напряженія силъ и способностей цѣлыхъ поколѣній. Сопоставляя типъ валаамскаго инока съ черноризцомъ соловецкимъ или святогорскимъ монахомъ, авторъ монастырскихъ очерковъ высказывается въ пользу перваго: валаамскій инокъ наиболѣе цѣленъ и полонъ. «Строгость устава, удачный, въ смыслѣ регламентаціи, выборъ игуменовъ. почти сплошное крестьянское происхожденіе монашествующихъ—все это нивелируетъ ихъ удивительно».

Строгій схимникъ, живо набросанный г. Немировичемъ-Данченко—все таки, одинокое явленіе среди монаховъ-рабочихъ. «Что толку въ схимникѣ? А по моему, кто, во имя святыя обители, колетъ камень въ горѣ, такъ онъ Господу Богу еще угоднѣе и милѣе», говоритъ искренній, не для своего прибытка, труженикъ. Повѣствованіямъ г. Немировича-Данченко мѣшаютъ порою, его анекдоты о купчихѣ и Буцефалѣ и т. п. Не будь ихъ, много выигралъ бы живой полный художествен-

ности колоритъ его произведеній. Валаамъ близко Петербурга, и авторъ подбиваетъ посмотрѣть эти массы гранитныхъ плитъ.

«Онѣ тянутся на нѣсколько верстъ извилистою стѣною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ стоятъ отвѣсами, въ другихъ осыпались и, точно отъ старой, обвалившейся крѣпостной башни, обломками легли далеко въ озеро... Прибой бѣлится между ними, взмыливаетъ бѣлую пѣну чуть не до зубцовъ этихъ первозданныхъ стѣнъ. Точно изъ тесаныхъ камней выложены эти стѣны. Вѣка давно уничтожили цементъ, скрѣплявшій ихъ, и каждый камень величиною въ утесъ отдѣлился отъ другого замѣтною черною полосою».

Отъ Ладоги холодной на волны Каспія переноситъ насъ авторъ очерковъ «Въ устьяхъ и въ морѣ», г. Бобылевъ. Кровавая драма убіенія, или казни русскими рыболовами пирата-казака составляетъ главный интересъ очерка. Золотое дѣльцо казаковъ состоитъ въ томъ, чтобъ собирать икорку прямо въ морѣ, отъ ловца, отъ труженика. Морская сцена, какъ промышленники русскіе отмстили стенькину отродью, описана увлекательно, со всѣми подробностями обстановки рыболововъ, причемъ схвачены и мѣстныя слова и выраженія. Мѣстами авторъ заговариваетъ народно-эпическимъ слогомъ и очеркъ его тогда кажется искуственнымъ, вымышленнымъ, нѣсколько натянутымъ. Черты каспійскаго рыболовнаго быта, все же схвачены очень ловко, и побольше бы намъ такихъ чертъ о разныхъ уголкахъ широкаго русскаго раздолья.

Мы не имѣемъ духа останавливать вниманіе на новыхъ главахъ большихъ романовъ. Дадимъ имъ окончиться. Маленькія повѣсти и разсказцы, появившіеся въ іюнѣ, далеко не всѣ на столько интересны, чтобъ по поводу ихъ разсуждать о какомъ-то неудавшемся бракѣ, Богъ знаетъ почему состоявшемся, объ умершей въ родахъ жертвѣ любви безцвѣтнаго студента или объ окончившей курсъ въ институтѣ дѣвицѣ, которая билась, билась да и вышла на улицу съ вызывающимъ взглядомъ, руки заложивъ въ карманы ватерпруфа...

Есть, впрочемъ, два разсказа не безъинтересные. Г. Свѣтилинъ продолжаетъ, въ журналѣ «Русская Мысль», свои народные очерки и на этотъ разъ изображаетъ сельскаго учителя—типъ «мірской души». Разсказъ очень простъ и вѣренъ жизни.

Григорій Ивановичъ сперва только пишетъ письма крестьянамъ безденежно, а потомъ втягивается въ ихъ интересы.

Это—добрая, прямая, безхитростная натура. Міроѣды начинають его ненавидѣть, однако водять съ нимъ хлѣбъ-соль. Изъ бесѣды Григорія Ивановича съ зажиточнымъ и, повидимому, хорошимъ мужикомъ читатель узнаетъ, что мірокъ деревенскій находится подъ гнетомъ сосѣда-помѣщика. Всѣ видятъ притѣсненіе, неправду, но доблести ни у кого нѣтъ, за міръ постоять никто не хочетъ изъ личныхъ выгодъ, изъ за пріязни съ сильными «мірка», т. е. съ кулаками. Смиренномудренно разсуждаетъ повидимому хорошій мужичокъ съ Григоріемъ Ивановичемъ о кривдѣ и правдѣ, но вѣруетъ-то только въ несокрушимую силу богатаго сосѣда.

Наконецъ, учитель съумѣлъ подѣйствовать на міръ, устроилъ стачку противъ разорительной наемной платы; но все дѣло пошло прахомъ. Прикащикъ сосѣда подкупилъ старшину; водка и угроза міру сдѣлали остальное, и Григорій Ивановичъ былъ удаленъ съ мѣста за возбужденіе среди крестьянъ сословной вражды къ помѣщикамъ.

Помѣщенный въ «Дѣлѣ» разсказъ «Старый грѣховникъ», право, стòитъ прочесть. Мало того: фрагменты этого разсказа, какъ, напримрѣъ, сцену *галдѣнья* молодежи на сходкѣ въ высшемъ учебномъ заведеніи, хорошо было бы прочесть публично. Главное лицо—директоръ какого-то высшаго учебнаго заведенія, директоръ, ищущій популярности. У него, какъ нарочно, очень ограниченный, исполнительный помощникъ, въ сравненіи съ которымъ онъ еще рельефнѣе, выступаетъ въ роли «уважаемаго начальника». Сцены сходокъ схвачены вѣрно и тонко. Тупицы, нахалы, завѣдомо грязные люди лѣзутъ впередъ; здравый смыслъ и юношеская чистота слышатся въ прорывающихся то тамъ, то сямъ замѣчаніяхъ и возгласахъ. Возмемъ любой моментъ этого галдѣнья на сходкѣ:

«Господа, позвольте! бойко заговорилъ кто-то.—Мнѣ кажется, вотъ еще средство-то для увеличенія доходовъ нашего будущаго комитета: средство-то это, кажется, имѣло бы косвенное вліяніе и на сближеніе... Видите ли: дѣло-то въ томъ, что не будетъ ли удобно всѣхъ оканчивающихъ курсъ обложить сборомъ, напримѣръ, по одному проценту съ рубля, что ли: такъ чтобъ, когда люди будутъ получать жалованье, то чтобъ не забывали, что есть другіе люди, которые его не получаютъ. Назовемъ этотъ сборъ копѣечнымъ, что-ли...

— На нихъ же возложить агитацію въ пользу нашего общества въ провинціи, кричалъ кто-то...

— Господа! Кто же будетъ ихъ контролировать?

- Лучше единовременный взносъ!

— Господа, что за поборы такіе!
— Тише, господа, слушайте!
— Господа! началъ Илья Андреевичъ не громкимъ, но выдѣляющимся голосомъ, такъ, что всѣ слышали—вы видите, какую массу вопросовъ приходится разсмотрѣть; но нельзя же вдругъ. Успокойтесь!
Однакожъ онъ успокоивалъ людей больше для виду. На самомъ дѣлѣ, это волненіе ему было на руку. Онъ внутренно тѣшился своимъ католическимъ тактомъ».

Такъ ведется сходка подъ предсѣдательствомъ директора. А онъ, «грѣховникъ»—онъ улыбается, выслушиваетъ, ласково останавливаетъ, тѣшитъ посторонними новостями, любитъ прихвастнуть анекдотиками о своемъ пребываніи въ Парижѣ въ 1848 году, умѣетъ уклониться отъ прямого отвѣта. Какъ ни вертитъ онъ колокольчикъ въ своихъ рукахъ, чтобъ угомонить галдѣнье, колокольчикъ не издаетъ ни единаго звука, точно прикусилъ себѣ языкъ.

Сцена самостоятельной сходки, безъ директора, не менѣе удачна. Но чѣмъ же кончился весь этотъ сумбуръ въ разсказѣ г. Плавскаго? Ужъ не признаетъ ли онъ всей молодежи за безсмысленную толпу? Нѣтъ, у него проглядываетъ симпатія къ здравому смыслу, притаившемуся на время, пока идетъ оргія нелѣпыхъ словоизверженій; у него проглядываетъ симпатія къ возрасту, способному дѣтски поддаваться живому, неподдѣльному смѣху при неудачной выходкѣ товарища. Авторъ намекаетъ, что далеко *не всѣ* ходили на эти засѣданія. И вотъ, одинъ юноша, котораго всѣ знали за искренняго, пробрался на каѳедру и сказалъ нѣсколько словъ, разомъ опрокинувшихъ всю фальшь растлѣвающаго, разнузданнаго броженія; онъ сказалъ:

«Господа, между тѣмъ какъ Россія собираетъ свои послѣднія крохи и говоритъ вамъ: Дѣти мои, я буду голодать, вотъ вамъ деньги: идите въ большіе города, узнайте тамъ все, что знаютъ самые мудрые. Узнайте, отчего не родится хлѣбъ, отчего рѣки мелѣютъ, лѣса не растутъ... Узнайте, все и вернитесь спасти меня. А я буду еще и еще голодать и терпѣливо ждать васъ. А вы, господа, я васъ спрашиваю: что вы дѣлаете? Вы заводите какой-то игрушечный комитетъ, въ которомъ у васъ пять рублей; вы ведете толки о какихъ-то коммисіяхъ съ рефератами и бюро; вамъ тычутъ въ глаза какими-то корпораціями, которыя бы васъ охраняли отъ уличнаго скандальничанья. Да васъ развращаютъ!

«Когда онъ умолкъ, никто не аплодировалъ и не возражалъ. Всѣ остались неподвижны, и въ залѣ была мертвая тишина».

III.

Славянская политика или русская?—Русскій и французъ о Кульджѣ.—Кулаки и міроѣды. — Старая правда и новая кривда.—Попъ-притѣснитель.—Хлѣбные идеалы *).

Новый мѣсяцъ принесъ намъ окончаніе статьи проф. Кочубинскаго «Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ». Статья рисуетъ событія отъ того момента, когда насталъ судъ нашей политикѣ и разсчетъ за меттерниховскій священный союзъ.

«Грустно касаться событій, непосредственно предшествовавшихъ 19-му февраля 1855 года. Грустно вспоминать, какъ ничтожныя обстоятельства повели насъ къ страшному финалу. Ужели утверждать, что безъ севастопольской жертвы невозможно было искупленіе и поворотъ? Время взяло бы свое, и исчезли бы и реакція европейскаго легитимизма, и самомнѣніе».

Авторъ рисуетъ то, что старики хорошо помнятъ, что было первымъ политическимъ понятіемъ нашего поколѣнія и о чемъ молодое поколѣніе до сихъ поръ не имѣло случая составить себѣ конкретное и живое представленіе. Вотъ, утверждаетъ князь Меншиковъ, что пора чинить куполъ церкви гроба господня, а Рэдклифъ ему на это: «Нѣтъ, по словамъ англійскихъ техниковъ, онъ можетъ простоять еще семь лѣтъ». Насъ задираютъ. Печать наша, стихи Глинки, Бенедиктова, Шевырева пророчатъ несомнѣнную побѣду. Дальновидный Воронцовъ указываетъ на нѣкоторыя уступки, пожертвованія. Наша самоувѣренность не допускаетъ отказа отъ *своего*. Безупреченъ остается русскій солдатъ со своимъ гладкоствольнымъ ружьемъ, и рядомъ съ нимъ обнаруживается негодность тогдашняго русскаго генерала.

Эпоха императора Николая вырабатывала самомнѣніе, не допуская выработки характера, самостоятельности: характеръ замѣщался одною добродѣтелью—повиновеніемъ. Осмысливъ на двухъ-трехъ страницахъ всю суть войны и невольныхъ уступокъ, г. Кочубинскій останавливается на одномъ пунктѣ Парижскаго трактата—на уступкѣ клочка Бессарабіи.

«Но скажутъ: что значилъ для Россіи уступленный клочекъ Бессарабіи? Этотъ клочекъ — устье Дуная. Онъ единственный, оставленный отъ исторіи

*) «Голосъ», 1881 г. № 188.

пунктъ, гдѣ еще встрѣчались лицомъ къ лицу Россія и Дунайское славянство. Развести навсегда этихъ сосѣдей, уничтожить послѣдній мостъ — вотъ первая цѣль затребованной уступки».

«Результаты политики Священнаго союза были налицо», говоритъ авторъ въ заключеніе главы о севастопольской трагедіи — результаты нашей крайней самоувѣренности, нашего самоублаженія. Кто думалъ о нихъ, когда у нихъ заходила рѣчь о починкѣ купола? Старикъ Воронцовъ ихъ предчувствовалъ, да предвидѣли ихъ немногіе опальные, напримѣръ, первые славянофилы.

«Россія собирается»—сказалъ князь Горчаковъ въ своемъ первомъ циркулярѣ, принявъ несчастное наслѣдіе Нессельроде. Этимъ онъ заявлялъ, что Россія ликвидируетъ свои счеты съ своею недавнею стариной въ вопросахъ о внутренней и внѣшней политикѣ».

Такъ начинаетъ новую главу г. Кочубинскій, очерчивая въ ней роль Россіи по отношенію къ Италіи въ годы пораженія Австріи. «Старая политика легитимизма Николая не допустила бы Россію стать на сторону недавнихъ «карбонаріевъ». Объединивъ Италію, обративъ молдовалаховъ въ румыновъ, Наполеонъ направилъ свою политику національности противъ Россіи. Въ этой новой главѣ авторъ поминаетъ добрымъ словомъ нашего вѣнскаго посла, Балабина. Это былъ единственный человѣкъ изъ лицъ, перебывавшихъ нашими послами въ Вѣнѣ, который оставилъ теплую, сочувственную память въ славянскомъ населеніи Австріи.

Франція выбросила національное знамя въ Польшѣ и среди хорватовъ поддерживала партію славянъ-католиковъ; среди забитыхъ болгаръ Наполеонъ поднялъ вопросъ о церковной уніи съ Римомъ: началось религіозное движеніе въ Македоніи. «Но оно не успѣло принять широкихъ размѣровъ, благодаря рѣшительной политикѣ новаго русскаго посла въ Константинополѣ, Н. П. Игнатьева, который, въ противодѣйствіе интригамъ Наполеона, принялъ горячо сторону болгарскихъ націоналовъ въ ихъ домогательствахъ независимой болгарской церкви». Оттѣнивъ значеніе рѣшительной политики графа Игнатьева, авторъ переходитъ къ сѣверному славянству: въ польской революціи мы подсѣкли жизненный ея нервъ освобожденіемъ *хлопа*.

Мы были въ сторонѣ, когда наступила борьба нѣмецкихъ

державъ, потому именно, что наши положительные интересы, основа политики князя Горчакова, еще не затрогивались. Войнѣ 1866 года г. Кочубинскій придаетъ большое значеніе для славянства, хотя и не довольно ясно обрисовываетъ положеніе славянъ въ удачно названной имъ «австро-венгерской комбинаціи». Но авторъ дошелъ уже до франко-прусскаго столкновенія. Событія этого времени — говоритъ онъ — такъ свѣжи въ памяти у всѣхъ, что на нихъ незачѣмъ особенно останавливаться. Но тѣмъ интереснѣе живое слово объ этихъ близкихъ къ намъ событіяхъ, и авторъ продолжаетъ однако свою одушевленную рѣчь и вноситъ въ нее свои личныя впечатлѣнія. Онъ былъ въ Берлинѣ въ 1869 году, когда кровавая война предчувствовалась, носилась въ воздухѣ и подъ небомъ Шиллера и Гете интересы барабана и «налѣво кругомъ» стали впереди всего. Ясно припоминаетъ онъ и жаркіе дни 1870 года. Тутъ приводится основная мысль, что мы не соблюли мѣры, что въ нашемъ вмѣшательствѣ 1870 года было что-то лишнее, когда Берлинъ такъ скоро перемѣнилъ къ намъ фронтъ.

Что могло бы случиться, задаетъ авторъ вопросъ, еслибъ не было знаменитыхъ четырехъ іюльскихъ словъ Императора Александра II-го: «Нейтралитетъ Австріи я обезпечиваю»?

Интересны личныя наблюденія автора въ 1875 году, когда онъ позднюю осень проводилъ въ Загребѣ. Австрія и Францъ-Іосифъ, своею собственною персоной, лелѣяли герцеговинское возстаніе. У нихъ тогда уже была намѣчена Боснія, куда они и проникли, но уже послѣ того, какъ мы рѣшили, что въ жертву славянъ не принесемъ послѣ того, какъ мы дошли до завѣтнаго Царьграда. Оскорбительно было русскому человѣку, когда мы явились въ свою Каноссу и передъ Европой искали унизительнаго согласія хоть на нѣкоторые результаты своего тяжелаго дѣла. За то вольно билось сердце у руководители нѣмецкой политики. Г. Кочубинскій опредѣляетъ только намеками политику будущаго. По его мнѣнію, это—Болгарія Сан-Стефанскаго договора; онъ желаетъ, чтобъ славянскій вопросъ понимался, какъ вопросъ внутренней жизни Россіи; онъ желаетъ, чтобы каждая пядь славянской земли на Западѣ, уступленная Европѣ, считалась поте-

рею для Россіи, потерею, которая усугубляется, а не возмѣщается нашимъ расплываніемъ на Востокѣ, въ Азіи; словомъ, для него интересы славянства стоятъ выше интересовъ Россіи; онъ какъ бы забываетъ, что Россіи, въ настоящее время, одинаково вредно расплываніе какъ на Востокъ, такъ и на Западъ, что ей необходимо сосредоточиться на самой себѣ.

Въ «Отголоскахъ» была помѣщена недавно статья о Кульджѣ и недавно же была статья о томъ же въ «Revue des Deux Mondes». Разсуждая о послѣднемъ договорѣ нашемъ съ Китаемъ, оба писателя существенно расходятся въ фактахъ. Французъ утверждаетъ, что хотя мы и уступили перевалы, открывавшіе намъ путь къ Китаю, но Россія, все таки, сохранила одну долину въ Илийской провинціи для переселенія туда дунгановъ, которые пожелаютъ перейти въ русское подданство, во избѣжаніе мщенія китайцевъ. Онъ же говоритъ, что Россія добивалась права провести дорогу отъ сибирской границы до Ханкоу, хотя и китайскаго города, но гдѣ русскіе купцы уже завладѣли торговлею и гдѣ теперь строятъ церковь, стоющую 250,000 франковъ. Г. Плошю придаетъ этой дорогѣ очень важное торговое и стратегическое значеніе. Оба эти факта русскому писателю неизвѣстны. Онъ только обвиняетъ нашу дипломатію въ отсутствіи выдержки, въ поспѣшности. Оба писателя говорятъ о другой статьѣ трактата, о свободномъ торговомъ движеніи и о правѣ торговли по всему пространству Небесной имперіи — о правахъ, которыхъ до сихъ поръ не имѣютъ ни Франція, ни Англія. Этою статьей договора, по мнѣнію г. Плошю, Россія наноситъ сильный ударъ торговлѣ другихъ странъ; Франціи и Англіи слѣдовало бы протестовать противъ этого пункта. Русскій же писатель въ этой статьѣ договора никакой особенной выгоды не видитъ, такъ какъ, по его мнѣнію, китайскія власти съумѣютъ превратить ее въ мертвую букву.

Отъ политики слѣдовало бы перейти, въ нашемъ летучемъ обзорѣ ежемѣсячныхъ изданій, къ чему-нибудь изящному, свѣтлому, что могло бы развлечь читателя. Но, нѣтъ, мы не выйдемъ изъ области серьезнаго. Время серьезное, строгое время наше; даже беллетристика скорѣе надрываетъ, чѣмъ успокоиваетъ душу. Она, по преимуществу—обличительнаго направ-

ленія и продолжаетъ развивать цѣлый циклъ сказаній о деревенскихъ кулакахъ. Для исторіи нашего времени это будетъ замѣтное явленіе. Представители изящной словесности теперь скорѣе мыслители, чѣмъ поэты. Они не вѣруютъ въ идеалъ и не даютъ ничего, кромѣ изображенія слабыхъ сторонъ жизни. Представитель этого новаго эпоса восьмидесятыхъ годовъ—кулакъ, сельскій кулакъ, міроѣдъ, губитель крестьянъ, паукъ, высасывающій прогорѣвшаго до тла помѣщика. Его господство основано на растлѣніи нравовъ, на томъ, что сами крестьяне, при сознаніи пользы общей, пользы такъ-называемаго міра, предпочитаютъ каждый, въ особь отъ другихъ, свою личную выгоду въ связи съ кулакомъ. Кулачество дробится къ низу, сосредоточивается и толстѣетъ къ верху.

Въ маленькой и нелишенной поэзіи повѣсти «Бабушка-генеральша» («Отечественныя Записки», іюнь), удачно схвачена деморализація, которую вноситъ въ деревню кулакъ—противоположность домовитой хозяйственной старушкѣ, которая была душою деревни, богатѣла—это правда,— но своимъ трудолюбіемъ; патріархально довѣряла своимъ должникамъ и никогда не требовала денегъ, пока человѣкъ не поправится. Когда же она видѣла, что должникъ можетъ отдать деньги и не отдаетъ, тогда происходила одна изъ тѣхъ сценъ, которыми было полно старое время.

Бабушка собирала стариковъ и отправлялась къ избѣ недобросовѣстнаго должника, клюкою своею стучала въ окно избы, и, когда должникъ выходилъ, она, грозно поднявъ одною рукою клюку, а другою ножъ, кричала:

— Хочешь, срѣжу?

Срѣзать съ клюки кресты и кружки, которыми записанъ былъ долгъ, значило совсѣмъ отказаться отъ полученія долга, и вотъ этимъ-то отказомъ генеральша (прозвище старушки, данное ей міромъ) и грозила. Осрамленный должникъ умолялъ:

— Не срѣзай, бабушка! отдамъ, вѣрь совѣсти, отдамъ. И дѣйствительно, долгъ возвращался въ самомъ непродолжительномъ времени.

Послѣ разсказа о томъ, какъ поселился въ селѣ кулакъ, какъ распустилъ тамъ свою паутину и сталъ строить избу на городской манеръ, авторъ приводитъ старушку въ столкнове-

ніе съ Хопромъ (прозвище кулака). Она не разъ давала ему въ долгъ деньги и получала обратно. Но пришло время, когда онъ почуялъ свою силу и рѣшилъ не платить ей долга. Та же сцена съ клюкою, но, увы! она окончилась по новому.

«Такъ чего же ты, непутевая старуха, лѣзешь ко мнѣ съ какимъ-то долгомъ, коли у тебя нѣтъ росписки? Это у васъ въ старину дураки дураками жили: нацарапаетъ на клюку да и толкуетъ: «долгъ! долгъ!» Нывьче, при образованіи-то, умные люди не такъ дѣлаютъ: есть у тебя росписка — значитъ, я долженъ, нѣтъ росписки—не объ чемъ и разговоръ вести..

«Но бѣда-то въ томъ, что старики молчали. Никто не вступился за ту, которая радѣла міру. Послышался, наконецъ, говоръ: Да, а мы-то умниками считались да вотъ безъ хлѣба и сидимъ. По нынѣшнимъ временамъ, жить такъ, какъ въ старину, нельзя — и такъ далѣе. Словомъ, вся дрянь, накопившаяся подъ вліяніемъ «нонѣшнихъ временъ», вышла наружу и сразу закрыла собою все хорошее, бывшее въ отношеніяхъ между шалашниковцами и генеральшей».

Патріархальное міросозерцаніе рухнуло разомъ, старушка затвердила: «Пора умирать. Будетъ, пожила!»

Мы остановились на этомъ разсказѣ потому, что въ немъ живо схвачено столкновеніе старой правды съ новою кривдой. Цивилизація проникаетъ въ деревню съ самоварами и съ городскими нарядами. Вождь этой цивилизаціи—кулакъ, кабатчикъ, торговый человѣкъ въ селѣ. Онъ покупаетъ землю, арендуетъ, торгуетъ чѣмъ можетъ и силою капитала (это теперь—народное слово) господствуетъ надъ селомъ. Это всегда такъ было. Прежде самоварная цивилизація лѣпилась по большимъ дорогамъ, по торговымъ селамъ, и съ нею объ руку шло кажущееся растлѣніе нравовъ. Теперь тоже самое явленіе видимъ въ глухихъ деревняхъ, гдѣ кулакамъ безпрепятственно можно распускать паутину. Кулаки сѣвера и евреи юга—одно и то же явленіе. Сотрите тѣхъ и другихъ съ лица земли—не знаю, будетъ ли лучше. Рухнетъ сила, возбуждающая въ народѣ новыя матеріальныя потребности, сила, заставляющая его быть на сторожѣ, блюсти свои интересы. И настанетъ время, когда и кулаку, и еврею придется быть осторожнѣе и считаться съ міромъ. Когда же это будетъ? Когда перестанутъ пить, когда будетъ въ семьѣ интеллигентная и болѣе нравственная сила— въ лицѣ ли судьи-посредника, какъ теперь предлагаютъ проектирующіе новое деревенское устройство мыслители, или въ лицѣ священника, сельскаго врача, деревенскаго учителя, помѣщика-дѣльца, но не кулака и, наконецъ, въ лицѣ ихъ всѣхъ,

вмѣстѣ взятыхъ. Въ помощь борьбѣ съ эксплуататорами низкой пробы выступитъ школа....

Но реальная беллетристика наша, пока еще не набрасываетъ намъ и контура этихъ животворныхъ дѣятелей! Кулакъ является передъ нами даже въ рясѣ. Отецъ Стефанъ (разсказъ «Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ» въ «Вѣстникѣ Европы», іюль), въ послѣднихъ главахъ разсказа изображенный полными жизни и правды красками, выступаетъ передъ читателемъ, какъ попъ-притѣснитель.

Авторъ разсказа — женщина. Приступая къ потрясающему эпизоду тиранства попа надъ крестьянами, авторъ не въ силахъ сдержать передъ читателемъ свои личныя чувства.

«Самое замѣчательное въ о. Стефанѣ — была его мстительность. Да, онъ умѣлъ мстить. Въ такихъ случаяхъ онъ ничего не разбиралъ, ни передъ чѣмъ не останавливался. Онъ пользовался саномъ; онъ самую религію заставлялъ служить своимъ низкимъ, себялюбивымъ интересамъ. Для него не было ничего достаточно святого, чтобъ внушить ему благоговѣніе, чтобъ удержать его. Это былъ атеистъ въ рясѣ священника. Это былъ служитель алтаря, въ которомъ для него не было божества. Онъ не вѣровалъ ни во что. Ты возмущаешься, читатель? Ты говоришь, что это не можетъ быть. Нѣтъ, это тяжелая, горькая правда. И еслибъ ты зналъ, какъ тяжело прикасаться къ этой грязи, какъ тяжело обнажать эти язвы! Я знаю, что многіе меня будутъ упрекать за мрачный характеръ разсказа. Многіе отвернутся съ негодованіемъ отъ грязи, въ которой копошатся люди, изображаемые мною... И рада бы я прибавить свѣту, провести свѣтлыя черты, но я ихъ потеряла».

Никакъ не можемъ заподозрить въ искренности эти слова, тѣмъ болѣе, что авторъ, самъ того не замѣчая, провелъ свѣтлыя черты въ своей картинѣ: это — горячія слезы старика-крестьянина, невинно преданнаго отлученію тираномъ-попомъ, это—вѣра непоколебимая, теплая, умѣющая отличать отъ лица священника то, чего онъ является представителемъ. Наконецъ, бѣдная дьячиха Гавриловна и простодушный, мягкій, хотя трусливый и женоподобный отецъ Иванъ, мужъ строгой и мстительной попадьи — все это никакъ не дѣлаетъ карикатуры изъ живого изображенія, чего опасается авторъ.

Въ обличительныхъ разсказахъ нашего времени почти нѣтъ юмора. За настроеніе авторовъ говорятъ только-что приведенныя нами слова одного изъ нихъ. Слезами растворены всѣ эти повѣствованія; авторовъ ихъ можно сравнить съ медиками, которые видятъ передъ собою однѣ раны, однѣ язвы и только о нихъ и читаютъ лекціи, да, притомъ, на-

даютъ духомъ отъ собственныхъ діагностическихъ, дѣйствительно потрясающихъ новичка, наблюденій. Мы не въ укоръ говоримъ имъ. Это — духъ времени. Это навѣяно переработкою всѣхъ условій жизни; это возбуждается стремленіемъ къ очищенію зараженнаго воздуха. Но, тѣмъ не менѣе, исключительное преобладаніе обличительнаго направленія въ беллетристикѣ наноситъ ущербъ литературѣ. Мы пересолимъ, отучимъ читателей отъ широкаго всесторонняго искусства, съузимъ творчество предвзятою мыслью и, въ концѣ-концовъ, погрѣшимъ противъ правды. Одни ѣдкія средства невозможны, по своей исключительности и острому свойству.

Но не одна сельская жизнь служитъ мишенью для обличающей зло литературы. Въ «Русской Рѣчи» читаемъ очерки жизни въ Парижѣ русскихъ скитальцевъ, голодныхъ, безпріютныхъ, оторванныхъ отъ почвы и, главное, отставшихъ отъ дѣла, отъ работы (Айдарова «Безъ пристанища»). Намъ невольно приходятъ на память слова Щедрина въ послѣдней части «За рубежомъ».

«Неужто все пропало, все? Вѣдь было же когда-то время, когда твердили, что безъ идеаловъ шагу ступить нельзя! Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій. Такъ неужто же и эти поэты, и эти мыслители: Шекспиры, Байроны, Сервантесы, Данте, были люди опасные, подлежащіе упраздненію»?

Это говорится по поводу *хлѣбныхъ* идеаловъ, по поводу раздавшейся проповѣди всеобщаго одичанія. Сатирикъ предвидитъ опасность и даетъ предостереженіе. Мы знаемъ, на кого направлены его стрѣлы: вотъ встрѣтится онъ въ вагонѣ съ земцомъ, который заподозритъ его въ непатріотизмѣ. Шкурные интересы — по выраженію Щедрина — высшая правда въ кандалахъ, конечно — неблагопріятныя условія для идеаловъ. А безъ идеаловъ возможно ли ждать не только писателей-Шекспировъ и т. п., но даже положительныхъ, *созидающихъ, не только разрушающихъ* мыслителей?

Своимъ земцомъ, произведшимъ на него колючее впечатлѣніе и затронувшимъ боязнь за шкуру, Щедринъ начинаетъ новую эпопею обличительныхъ разсказовъ и очерковъ. И появится цѣлый циклъ сказаній о земцахъ, которые съ утра до вечера суетятся и хлопочатъ, покупаютъ новые умывальники для

больницъ, чинятъ паромы — «они прилипчивы, самодовольны, но рѣдко недоброжелательны». Но послѣднее трудное время повидимому омрачило даже эту душевную ясность: земцы начинаютъ подозрѣвать и озираться. Рукомойники остаются нелужеными, паромы даютъ течь, потому что земецъ рѣшилъ, что это — дѣло второстепенное и что прежде всего слѣдуетъ смотрѣть въ глубь.

Поясненіе мыслей Щедрина о литературныхъ клоповникахъ мы видимъ въ только-что появившейся статьѣ «Ретроградная печать», прямо и откровенно указывающей на гг. Каткова и Аксакова, какъ на проповѣдниковъ реакціи, тождественной съ разложеніемъ, а принимаемой за жизненный процессъ. Статья эта такъ прямо и просто написана, что, вѣроятно, не останется безъ отвѣта, и нѣкоторыя недоразумѣнія, быть можетъ, сами собою уничтожаются. Но неужели гдѣ-нибудь, въ другой странѣ, возможенъ въ средѣ интелигенціи споръ о томъ, вредна ли эта самая интелигенція? Намъ стыдно даже ставить такой вопросъ. Конечно, и интелигенція можетъ ошибаться. Вѣдь, и церковь впадала въ ошибки или отъ ревности не по разуму (инквизиція), или отъ растлѣнія и нравственной порчи духовенства; но изъ этого не слѣдуетъ, что не она спасла цивилизацію отъ варварства въ средніе вѣка. Въ интелигентныхъ кружкахъ страсти, антагонизмъ — признаки жизни. Но вопросъ о вредности интелигенціи поневолѣ склоняетъ и небольшого охотника до сатиры присоединиться къ Щедрину, когда онъ вступается за интересы «средняго человѣка».

Что наши дѣти читаютъ? *).

На-дняхъ случайно попалась мнѣ на глаза изданная подъ редакціею профессора О. Миллера книга: «Русскимъ дѣтямъ изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго». Книга въ изящномъ переплетѣ, съ оттиснутымъ на немъ золотомъ портретомъ автора.

Мальчику, которому она подарена — 13 лѣтъ. Онъ любитъ читать, знаетъ наизусть, по своей охотѣ, цѣлыя сцены изъ историческихъ драмъ; лучшій подарокъ для него — нечитанный еще имъ романъ Вальтеръ-Скотта. Въ русской исторіи у него есть излюбленныя личности, герои. Мальчикъ этотъ — не баловень судьбы. Это семейство скорѣе бѣдное: отецъ цѣлые дни даетъ уроки, чтобы поддержать существованіе семьи; мать не выпускаетъ изъ рукъ иголки; лишеній не мало въ семьѣ, и дѣти переносятъ недостатки съ терпѣніемъ. — Это я долженъ сказать для того, чтобы не сочли награжденнаго не по лѣтамъ ученика за холенаго любимца счастья. — Мнѣ крайне любопытно было узнать, какъ отнесся знакомый мнѣ мальчикъ къ книгѣ. На мой вопросъ о томъ, читалъ-ли онъ ее, гимназистъ замялся и отвѣтилъ, что онъ прочелъ только самый маленькій разсказъ изъ нея — «Мужикъ Марей», а всѣ другіе показались ему не интересными. Я взялъ книгу съ собою на домъ. Достоевскій — и дѣти! Что тутъ общаго? Что можно выбрать изъ Достоевскаго для дѣтскаго чтенія? думалъ я дорогою, — и мнѣ невольно пришелъ на память разсказъ: «Мальчикъ у Христа на елкѣ». Я слышалъ этотъ разсказъ на литературномъ вечерѣ, въ залѣ Кононова, его читалъ покойный авторъ. Впечатлѣніе было сильное, раздирающее, — и я тогда же рѣшилъ, какъ и теперь повторяю, что это написано никакъ не для дѣтей.

*) «Спб. Вѣдомости» 1883 г., декабря 13. № 337.

По своему мотиву разсказъ — замерзаніе и переходъ отъ страданія къ сладкой грезѣ, за которою наступаетъ смерть—напоминаетъ «Морозъ» Некрасова. Но тамъ греза Дарьи не отрывается отъ дѣйствительности, здѣсь же греза переходитъ въ загробный міръ, а «Морозко», зацѣловавшій Дарью, замѣненъ,—христіанину трудно выговорить—кѣмъ. Греза мальчика развилась въ поучительную параболу, резонерствомъ нарушена эстетическая цѣльность общаго склада.

«Мальчики и дѣвочки всѣ были все такіе же, какъ онъ, дѣти; но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы къ дверямъ петербургскихъ чиновниковъ, другіе задохлись у чухонокъ отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у изсохшей груди своихъ матерей (во время самарскаго голода), четвертые задохлись въ вагонахъ третьяго класса отъ смраду,—и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь ангелы».

Но не одна эта фальшивая и въ высшей степени натянутая нота, а и самая елка на небѣ—крайне неудобная для христіанскаго ума мечта. Матери (въ разсказѣ) плачутъ тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзней, печали и воздыханій. Не имѣющая никакого религіознаго значенія, никакой почвы въ Россіи елка—Weinachtsbaum—получила здѣсь не свойственное ей значеніе. Смѣсь обличительнаго ямба съ высшимъ, неземнымъ; сопоставленіе безпощаднаго страданія немилосердно гонимаго судьбою ребенка, замерзшаго за дровами съ грезою объ елкѣ,—быть можетъ и годится для залы Кононова. Но художникъ и зналъ, къ кому обращалъ рѣчь. Онъ имѣлъ въ виду передъ собою людей, по его убѣжденію, дебелыхъ сердцемъ, опьяненныхъ праздностью, весельемъ, не чуткихъ къ чужому горю, равнодушныхъ къ вѣрѣ, пожалуй безбожныхъ. Ихъ потрясти, расшевелить, ущемить ихъ чувство—дѣло сатирика, въ высшемъ значеніи этого слова. И Достоевскій для того и написалъ своего «Мальчика у Христа на елкѣ», и впечатлѣніе было сильно и благотворно; фальшивыхъ нотъ произведенія, по отношенію къ вѣрованіямъ, можетъ быть никто и не замѣтилъ. Но неужели, – продолжалъ думать я,—разсказъ помѣщенъ для дѣтей безъ пропусковъ, такъ-что и гепербола смрада вагоновъ III класса, и задохшіяся у чухонокъ дѣти воспитательнаго дома, изъ него не выпущены? Но цензура издателя не дерзнула посягнуть на автора: въ разсказѣ ни-

чего не исключено, да и сверхъ того эта елка, появленіе которой въ обстановкѣ разсказа имѣетъ нѣкоторое оправданіе, возведена въ догматъ. Предисловіе къ изданію оканчивается слѣдующимъ образомъ:

«Книжка это—подарокъ къ елкѣ, той елкѣ, которая для цѣлаго множества дѣтей существуетъ только у Христа на небѣ. Но вѣдь Христосъ и самъ родился на землѣ, чтобы вполнѣ испытать человѣческое горе, но растворить его радостью любить другъ друга. Пусть же дѣти выносятъ изъ этой книжки святую Христову радость, пусть утѣшаются тѣмъ, что только бы поселилась она въ сердцахъ—и у всѣхъ на землѣ будетъ елка».

Такъ можетъ говорить человѣкъ, чуждый дѣтскихъ впечатлѣній русской жизни. Елка у насъ, для нашихъ дѣтей, все равно, что дѣтскій балъ, игры, шумныя веселыя переряживанья. Елка только и существуетъ, что въ большихъ городахъ, да и то бывало ея не устраивали никогда наканунѣ Рождества. Канунъ праздника проводился смиренно, тихо, и вниманіе дѣтей поглощала только праздничная всенощная. Это иносказательное и туманное представленіе объ елкѣ у Христа, внѣ разсказа Достоевскаго, уже совсѣмъ не вяжется въ мысляхъ и не покоряетъ воображенія. Но вынесутъ-ли дѣти изъ этой книжки примиряющее, христіански-радостное впечатлѣніе?—вотъ другой вопросъ. Оставивъ другія дѣла, сталъ я читать изготовленную для дѣтей книгу «загробный подарокъ Достоевскаго (по словамъ издателя) въ отвѣтъ на вѣнокъ, положенный на его гробъ отъ русскихъ дѣтей» *).

Первыя 25 страницъ отданы отрывку «Изъ записокъ Вареньки Доброселовой». Здѣсь сильными красками обрисовано ненормальное положеніе сиротскаго семейства, живущаго у женщины сомнительной нравственности на хлѣбахъ. Весь интересъ сосредоточенъ на студентѣ, грубомъ, раздраженномъ, но добромъ человѣкѣ. Студентъ этотъ умираетъ (надо сказать, что почти ни одинъ разсказъ не обходится безъ описанія смерти въ этой потрясающей книгѣ), и личность его отца выдвигается на первый планъ. Пьяненькій, униженный отставной чиновникъ рабски благоговѣлъ передъ сыномъ; чувство любви и уваженія къ сыну удерживало его иногда отъ пьянства. За

*) Какъ это все натянуто! И загробный подарокъ, и эти русскія дѣти, которымъ не было никакого основанія класть вѣнокъ на гробъ писателя, недоступнаго ихъ возрасту.

гробомъ сына онъ бѣжитъ безъ шапки, изъ кармана его поминутно падаютъ въ грязь книги, которыя ему удалось отнять у хозяйки, стремившейся удержать ихъ въ уплату за квартиру.

Обстановка бѣдныхъ похоронъ, страданія обезумѣвшаго отъ горя старика еще не исчерпываютъ несчастія. Пишущая свои воспоминанія дѣвушка, въ тяжкой тоскѣ, ищетъ утѣшенія въ объятіяхъ своей больной матери,—«но смерть уже стояла надъ бѣдною матушкою».

Ни одною мягкою нотою авторъ не умѣряетъ горькаго впечатлѣнія, и съ тѣмъ вмѣстѣ не выкупаетъ всей этой грязи, съ которою знакомится юный читатель. Нѣтъ ни проблеска вѣры, поддерживающей людей въ бѣдахъ и скорбяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго отдыха отъ сдавливающаго душу стихійнаго, безпощаднаго горя; это—тяжкія и не удобоносимыя бремена; ихъ сознавательно можетъ возложить на дѣтей только тотъ, кто хочетъ преждевременно истощить нравственную силу душевнаго организма, или же, кто и горя то истиннаго не знаетъ. Думалъ ли авторъ «Бѣдныхъ людей», что онъ свои, пропитанныя горечью, страницы пишетъ для дѣтей?

Дѣти любятъ полноту. Выдержавъ на горѣ людскомъ, поведите ихъ далѣе въ жизнь, дайте и поплакать отъ умиленія, укажите и на то, въ чемъ выражается милосердіе Божіе къ людямъ, и тогда они вынесутъ трезвое примиряющее впечатлѣніе изъ вашей повѣсти.

Въ этомъ пьяномъ отцѣ, въ этомъ высоконравственномъ студентѣ—предчувствіе Базарова (въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева). Это—разложеніе общества, которое мы хорошо помнимъ въ сыновьяхъ-студентахъ, когда первый геройскій шагъ въ ихъ жизни былъ укоръ родителямъ. Не говоримъ, повиненъ-ли писатель передъ житейскою правдою, когда останавливался на исключительныхъ явленіяхъ; когда онъ размягчилъ черствую душу взрослаго эгоиста нѣжностью пьяненькаго чиновника къ сыну-студенту; мы говоримъ о дѣтяхъ.

Отрывокъ: «Неточка и Катя» опять-таки совсѣмъ не дѣтское чтеніе. Здѣсь мастерски изображена въ ребенкѣ-княжнѣ будущая свѣтская женщина, maîtresse-femme. Въ ней всѣ задатки злости, кокетства, своеволія, умѣнья владѣть собою, задат-

ки чувственности. Натура Кати проявляется, между прочимъ, и въ способности играть чувствомъ, «чтобы тѣмъ болѣе имъ наслаждаться». Катя понятна намъ и интересна, она разовьется и напомнитъ собою Анну Каренину.

Возьмемъ на выдержку сцену горячаго страстнаго объясненія въ любви двухъ дѣвочекъ:

«Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и горничная вышла изъ комнаты. Вмигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ; я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ!—заговорила она, поднявъ меня съ постели.

Мгновенье спустя, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацѣловала меня въ пухъ. Рыданья, слезы, смѣхъ счастья, признанія въ страстной любви.

— Да за что же ты меня все любить хотѣла?

— Такъ... да что я говорю! вѣдь я тебя все любила! все любила! Ужь потомъ и терпѣть не могла: думаю, зацѣлую я ее когда-нибудь или защиплю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты эдакая!

И княжна ущипнула меня... и мы поцѣловались, плакали, хохотали; у насъ губы распухли отъ поцѣлуевъ».

Какое вліяніе могутъ имѣть такія сцены на впечатлительную читательницу-ребенка,—и тѣмъ болѣе, что Катя изображена въ привлекательномъ свѣтѣ,—предоставляемъ судить добрымъ и умнымъ родителямъ. Намъ же при чтеніи этихъ страницъ какъ-то невольно припоминается дѣтство Nana.

Третья статья-отрывокъ—«Разсказъ сиротки Нелли». Читателя вводятъ въ трущобы, въ мрачную область, въ разгаръ по неизвѣстнымъ для него причинамъ совершившагося разлада отца съ дочерью. Отецъ проклинаетъ дочь; внучка, въ свою очередь, проклинаетъ дѣда за мать, когда старикъ, не смотря на мольбы ея, не хочетъ придти къ своей умирающей дочери. Когда же онъ, наконецъ, пришелъ, то бѣдной женщины уже не было въ живыхъ. На томъ и конецъ безпощаднаго событія. Послѣ чтенія этого отрывка ребенокъ вновь придавленъ горестнымъ впечатлѣніемъ. Онъ узналъ неслыханныя, для него непонятныя, и во всякомъ случаѣ, анормальныя явленія. И намъ-то сверхъ нашихъ силъ не посылаются скорби, а дѣтей мы будемъ раздражать людскимъ непосильнымъ горемъ! Подобные отрывки изъ Достоевскаго могутъ воспитать (смотря по воспріимчивости ребенка) озлобленное чувство и никакъ уже не будутъ способствовать развитію нравственной силы. Замѣтимъ кстати, что въ первыхъ произведеніяхъ До-

стоевскаго совсѣмъ нѣтъ христіанскаго умиротворяющаго элемента.

Надъ чѣмъ же, вслѣдъ за тѣмъ, отдохнетъ юный читатель въ книгѣ, полученной имъ въ подарокъ на елкѣ? Онъ прочтетъ такое заглавіе четвертаго отрывка: «Лѣтняя пора въ тюрьмѣ. Изъ записокъ арестанта».

Въ христоматіи для старшаго возраста, среди статей разнообразнаго содержанія, этотъ отрывокъ можетъ быть былъ бы умѣстенъ, но здѣсь онъ придаетъ загробной книгѣ еще болѣе мрачный характеръ. Этотъ отрывокъ изъ «Мертваго дома» хорошъ развѣ только для чтенія дѣтямъ старшаго возраста, и то благодаря тому, что Жучка, Культяпка, Васька-козелъ и подстрѣленный орелъ въ острогѣ—невинныя утѣхи узниковъ—могутъ умилительно воздѣйствовать на душу читателя, смягчая мрачный колоритъ общаго.

Слѣдующая за тѣмъ статья—опять картина трущобныхъ нравовъ, которую можно сравнить смѣло съ послѣднею главою романа Золя «Pot bouille». Пьяница, отецъ обѣднѣвшей семьи, раздавленъ наѣхавшею на него каретою. Жена пьяницы, бывшая барышня, теперь неустанная работница, чахоточная, близка къ смерти. Она озлоблена до крайности, до неспособности смягчиться даже у изголовья умирающаго мужа. Въ ужасной обстановкѣ, среди страданій дѣтей, появляются священникъ, прибывшій напутствовать умирающаго, и студентъ, оказавшій на улицѣ помощь раздавленному лошадьми бѣдняку. Священникъ своимъ безсердечнымъ участіемъ только растравилъ горе вдовы...

Изъ этихъ норъ и трущобъ читатель выводится на улицу, чтобы присутствовать при замерзаніи мальчика, во снѣ перешедшаго къ Христу на елку.

Двѣ страницы мягкаго спокойнаго разсказа («Мужикъ Марей» не выкупаютъ 267 страницъ мрачнаго, раздирающаго душу, и вообще печальнаго повѣствованія.

Почти цѣлая вторая половина книги взята изъ «Братьевъ Карамазовыхъ».

Отрывокъ изъ воспоминаній старца инока Зосимы совсѣмъ не для дѣтскаго чтенія. Размышлялъ-ли 13-лѣтній ребенокъ о дуэли на основаніи «Онѣгина» и «Героя нашего времени»,

которыхъ онъ, предполагается, и не читалъ? Слѣдуетъ-ли ему преждевременно вдумываться въ общественные предразсудки? Самое повѣствованіе о поединкѣ, съ точки зрѣнія христіанина, не интересно для мальчика и не доступно его пониманію. Вообще исповѣдь отца Зосимы скучна для ребенка, да не про него и писана. Законченныя описанія жизни истинныхъ—не выдуманныхъ святыхъ—несравненно лучшій матеріалъ для чтенія: и проще, и доступнѣе, и ближе къ цѣли. Изъ нихъ-то возможно сдѣлать выборъ, если хотите дать въ руки дѣтямъ, по примѣру дѣдовъ нашихъ, «Училище благочестія».

Эпизодъ объ Илюшечкѣ, за исключеніемъ сцены «у постельки», какъ она была помѣщена съ большимъ тактомъ въ «Семейныхъ Вечерахъ», скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для дѣтей. Не дѣтей имѣлъ въ виду писатель, когда воспроизводилъ съ глубокимъ художественнымъ смысломъ характеръ будущаго дѣятеля, одного изъ тѣхъ, которые проходятъ передъ нами, оставляя трагическій слѣдъ своего существованія. Этотъ мальчикъ, ложившійся между рельсовъ, подъ поѣздъ, этотъ циникъ въ шуткахъ своихъ, Gavroche на улицѣ и дома, мастеръ дрессировать собаку, для забавы перерѣзавшій шею гусю, зрѣлый для глумленія надъ слабымъ, самолюбивый до крайности, и при всемъ этомъ съ душею, способною къ подвигу,—весьма интересенъ для насъ. Коля Красоткинъ на столько привлекателенъ, что можетъ увлечь 13-лѣтняго читателя. Къ чему же приведетъ ребенка знакомство съ нимъ, съ его гадкимъ жаргономъ, который въ одномъ мѣстѣ такъ порицаетъ Алексѣй Карамазовъ?

Что хотѣлъ сдѣлать съ Красоткинымъ Достоевскій—не знаемъ. Но гимназистъ фрондеръ идетъ уже по пути государственныхъ преступниковъ. Для читателя отрывка Красоткинъ остается въ идеальномъ свѣтѣ, и тѣмъ вреднѣе можетъ подѣйствовать сближеніе 13-лѣтняго читателя съ лицомъ его собственнаго возраста. Припомнимъ и обстановку семьи штабсъ-капитана, грязную до невозможности сцену «бороды мочалки». Или возьмемъ на выдержку такія мѣста:

«Перезвонъ, встрѣчаясь съ другими собаченками, съ необыкновенною охотою съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.

— Я люблю наблюдать реализмъ. Смуровъ,—заговорилъ вдругъ Коля.—Замѣтилъ ты, какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются...

— Ты, Илюша, слышалъ? Онъ женился, взялъ у Михайловыхъ приданнаго тысячу руб., а невѣста—рыловоротъ первой руки и послѣдней степени».

Выходки Коли противъ классицизма, который онъ презираетъ («глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость»), противъ всемірной исторіи («изученіе ряда человѣческихъ глупостей—и только») для неопытнаго читателя не достаточно опошлены. Коля Красаткинъ, повторяемъ, можетъ увлечь впечатлительнаго читателя до подраженія. Интересно бы было найти въ французской книгѣ для дѣтей всѣ похожденія Gavroch'а. Но до такого выбора статей для дѣтскаго чтенія французы еще не дошли.

Болѣе сказать о книгѣ, изданной О. Θ. Миллеромъ, нечего. Все это говоритъ само за себя.

И вотъ, что значитъ поклоненіе авторитету имени. Вѣроятно, лицо, подарившее эту книгу 13-лѣтнему мальчику, вполнѣ положилось на педагогическую и литературную опытность профессора университета, подобно тому, какъ и самъ этотъ профессоръ не дерзнулъ анализировать пригодность выбраннаго имъ матеріала для дѣтскаго чтенія, благоговѣя передъ именемъ извѣстнаго писателя.

Печальное недоразумѣніе.

(Письмо въ редакцію) *).

Съ нѣкотораго времени въ печати то и дѣло заявляется ◻бъ открытіи церковно-приходскихъ школъ въ разныхъ мѣст◻остяхъ Россіи. Нельзя не привѣтствовать увеличенія числа ◻ачальныхъ школъ въ особенности тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается ◻едостатокъ. Но по поводу возникновенія церковно-приход◻кихъ школъ встрѣчаются довольно странныя, преждевремен◻ыя восхваленія ихъ: школы эти ставятъ въ примѣръ и на◻иданіе другимъ школамъ—школамъ государственнымъ. Пере◻ать школу въ епархіальное вѣдомство — значитъ отдать ее ◻одъ кровъ церкви! Какъ будто у насъ, на Руси, въ свѣт◻кихъ школахъ существуетъ гоненіе на святыню, какъ будто ◻ъ нашихъ государственныхъ школахъ нѣтъ преподаванія За◻она Божія,—какъ это недавно введено во Франціи,—какъ будто ◻колы эти не стоятъ подъ наблюденіемъ церкви! Правитель◻тво, земство, города, общества желѣзнодорожныя и благотво◻ительныя, фабрики, заводы, всѣ вмѣстѣ тратятъ милліоны на ◻ачальныя училища — и неужели всѣ эти средства идутъ во ◻редъ чадамъ церкви, и неужели священный долгъ ревнителя ◻лагочестія предписываетъ ему передать свою школу, какъ бы ◻на ни была хороша и благоустроена, въ вѣдѣніе епархіаль◻аго начальства? Такое недоразумѣніе затмеваетъ истину и ◻граничиваетъ значеніе Церкви, которая не можетъ дробиться ◻о вѣдомствамъ. На дѣлѣ-то вѣдь совсѣмъ иное, чѣмъ то, на ◻то намекаетъ языкъ разыгравшихся страстей. Сельскій священ◻икъ не всегда имѣетъ возможность неопустительно давать уроки: ◻ него требы по приходу, хозяйственные труды, сложныя обязан-

*) «Новое Время» 1893 г., Іюня 6-го. Напечатано подъ псевдонимомъ: «От◻тавной учитель».

ности по офиціальной перепискѣ. Однакоже во всѣхъ нашихъ начальныхъ школахъ на первомъ мѣстѣ Законъ Божій; въ послѣдніе же годы усердно и съ успѣхомъ преподается и церковно-славянская грамота. Занимаясь болѣе 30-ти лѣтъ воздѣлываніемъ нивы просвѣщенія, я пережилъ многое, и въ моихъ воспоминаніяхъ не мало данныхъ о томъ, какое шатаніе въ дѣлѣ обученія было въ начальной школѣ... Да не только въ начальной школѣ, а въ средней и высшей — въ свѣтской и въ духовно-учебной. Но вотъ уже почти двадцать лѣтъ, какъ отрезвилась школа на Руси. Всякая свѣтская школа — будь то гимназія, корпусъ, институтъ, а тѣмъ паче начальная школа, стоитъ на незыблемомъ основаніи православнаго вѣроученія. Непритворное благочестіе воодушевляетъ наставниковъ народной школы; программы утверждены святѣйшимъ Синодомъ. Направляющія дѣло лица видятъ въ православіи и въ союзѣ съ церковнымъ началомъ все благо школы. Учительскія семинаріи — этотъ разсадникъ народныхъ учителей — закрѣпили за собою религіозный строй. Законоучитель въ учительскихъ семинаріяхъ составляетъ какъ бы центръ семьи педагоговъ. Участіе юношей въ богослуженіи--ихъ чтеніе и пѣніе — привлекаетъ жителей города и окрестныхъ селъ именно въ ту церковь, гдѣ съ особымъ благоговѣніемъ совершается служба законоучителемъ семинаріи для семинаристовъ. Воспитанникамъ этихъ заведеній сообщается такой отпечатокъ и навыкъ, что нерѣдко преосвященные архіереи избираютъ окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій въ свой клиръ и даже рукополагаютъ ихъ во діаконы. Такъ Церковь признаетъ достоинство свѣтскихъ школъ, которыя всѣ ею блюдомы и назидаемы. Ни внѣшняго, ни внутренняго разлада между Церковью и школою въ нашемъ государствѣ нѣтъ и не можетъ быть. И Церковь, общая всѣмъ мать, не подраздѣляетъ школы на вѣдомства и не отдаетъ предпочтенія епархіальному вѣдомству. Ей близки и дороги всѣ школы, и слова раздѣленія она не изрекаетъ. А слово такое ничто иное, какъ соблазнъ.

Стали появляться серьезныя статьи, въ которыхъ общія и дорогія для государства начала передаются въ достояніе только церковно-приходской школы. И слышимъ мы странное слово разъединенія въ родѣ такого выраженія, что епархіальное на-

чальство лучшій и вѣрный блюститель юныхъ чадъ нашей Церкви (*не въ школѣ вообще*) въ церковно-приходской школѣ исключительно. Такими словами оскорбляются всѣ воспитывающіе дѣтей подъ кровомъ Церкви въ школѣ государственной. Епархіальное начальство въ смыслѣ пастыреначальства и законоучительства, конечно, есть лучшій блюститель юныхъ чадъ Церкви, но не только въ школахъ епархіальнаго вѣдомства, а во всѣхъ русскихъ православныхъ школахъ. Кто въ правѣ такъ съуживать, такъ ограничивать призваніе пастырей Церкви? Кто въ правѣ набрасывать тѣнь на нашъ русскій школьный міръ? Недоразумѣніе можетъ дать свой ростъ и горькіе плоды: можетъ появиться новый толкъ, новое лжеученіе о непригодности государственной свѣтской (въ смыслѣ администраціи) школы. Вотъ отъ такихъ-то послѣдствій желаю я отъ всего преданнаго дѣлу школы сердца и отъ искренняго разумѣнія предохранить увлекающихся новшествомъ. Я убѣжденъ, что церковно-приходскія школы наравнѣ съ другими государственными начальными школами, будутъ приносить пользу — но Церковь на Руси объемлетъ и блюдетъ всѣ школы, и государственная школа не можетъ не имѣть у насъ должнаго церковнаго и народнаго характера. Отдѣлять государственное начало отъ церковнаго есть новшество, отъ котораго Богъ хранитъ насъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Канцлеръ князь А. А. Безбородко *).

Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко, въ связи съ событіями его времени Н. Григоровича. Томъ I. 1747—1787 г. Спб. 1879 г.—Томъ IV. 1788—1799 г. Спб. 1881.

Русское Историческое Общество поставило задачею разработку и печатаніе матеріаловъ ближайшаго историческаго прошлаго. Петръ I-й, Екатерина II-я, Александръ I-й и ихъ эпохи преимущественно сосредоточили на себѣ дѣятельность Общества, причемъ первое мѣсто, по количеству изданнаго, принадлежитъ эпохѣ Екатерины II-й. Три тома историческихъ свѣдѣній о Коммисіи депутатовъ, собранныхъ для составленія проекта новаго уложенія; письма Екатерины II-й къ Гримму; бумаги той же Государыни, хранящіяся въ государственномъ архивѣ; финансовые документы ея же царствованія — вотъ главные труды Общества, относящіеся къ эпохѣ Екатерины. Въ довершеніе, къ нимъ появилось ученое сочиненіе Н. И. Григоровича о дѣятелѣ великаго царствованія, князѣ Безбородкѣ. Первый томъ этого труда вышелъ въ 1879 году; второй и послѣдній—надняхъ, какъ XXIX-й томъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества» и какъ отдѣльное изданіе, посвященное А. А. Половцову, ревностно вліяющему на дѣятельность Общества, съ самыхъ дней его зарожденія, сперва въ качествѣ секретаря, а нынѣ въ ка-

*) Напечатано въ «Правит. Вѣстникѣ» 1881 г. 2 Іюня, № 181.

чествѣ предсѣдателя. Превосходная, исполненная въ Лейпцигѣ гравюра съ портрета кисти Лампи, вмѣстѣ съ другими приложеніями, украшаетъ этотъ томъ. Изящна фигура этого удивительнаго «хохла», какъ называли его шипѣвшіе на него враги, его современники, и какъ шутя обозвалъ его въ «Одѣ на счастье» Державинъ. Изящный вельможа сохранилъ навсегда простоту и даже акцентъ малоросса. Дѣлецъ и труженикъ былъ, въ тоже время, сибаритомъ, въ широкомъ смыслѣ того роскошнаго вѣка и тѣхъ распущенныхъ нравовъ. Какъ-то на все хватало силы у людей прошлаго вѣка, и умѣла же выбирать Екатерина себѣ исполнителей своей воли.

Собственнноручныя, самаго серьезнаго содержанія письма князя Безбородка изумляютъ числомъ и объемомъ. Проекты и записки его могли бы составить цѣлые томы, дѣла, имъ проштудированныя и рѣшенныя—цѣлый архивъ. Въ теченіи 16-ти лѣтъ, Безбородко разсматривалъ и докладывалъ Екатеринѣ всѣ просьбы, подававшіяся на высочайшее имя. Но недолго онъ ограничивался докладомъ челобитень. Увлеченная отчетливостью его устныхъ объясненій и выработанностью письменнаго изложенія, Государынл сдѣлала его докладчикомъ отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Черезъ его руки шли дѣла сената, синода, иностранной колегіи, не исключая секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу и проч.

«Близость и довѣріе, которыми Безбородко пользовался у Екатерины, естественно вели къ тому, что опытный, свѣдущій и трудолюбивый секретарь долженъ былъ получить при докладахъ рѣшительное вліяніе на характеръ рѣшеній Государыни. Подлинныя бумаги свидѣтельствуютъ, что дѣло именно такъ и было. Изъ числа 24,223 документовъ, изготовленныхъ въ канцеляріи Безбородко, 894 акта напечатаны въ 1-мъ полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи. Это положительно свидѣтельствуетъ о юридическихъ познаніяхъ Безбородка и позволяетъ повторить слова Устрялова, что рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородка».

Г. Григоровичъ вводитъ читателя въ лабораторію канцеляріи государственнаго человѣка, знакомитъ съ участіемъ въ его трудахъ и императрицы. Обрисовывая домашній бытъ и вкусы Безбородка, біографъ не опускаетъ и анекдотовъ о его любовныхъ похожденіяхъ, о его обычаяхъ. Однажды государыня прислала за Безбородкомъ изъ Царскаго Села. Гонецъ за-

сталъ его среди оргіи; Безбородко приказалъ себѣ пустить кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился и оправился. Государыня спросила у него: «Готова ли такая-то бумага?» — «Готова, ваше величество» отвѣчалъ Безбородко и, вынувъ изъ-за пазухи другую, какую-то бумагу, прочиталъ, что требовала Государыня. — «Хорошо — сказала она — только мнѣ хотѣлось бы самой пройти эту бумагу съ перомъ. Подайте ее». Онъ упалъ на колѣни и признался въ обманѣ. Такова была геніальная распущенность работника и, въ то же время, сибарита. Домъ Безбородка находившійся по Почтамской улицѣ, гдѣ нынѣ почтовый департаментъ, былъ изукрашенъ драгоцѣнными рѣдкостями искуствъ, славился картинною галереей и считался однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ домовъ столицы. Для этого дома былъ заказанъ Левицкому портретъ Екатерины, воспѣтый Державинымъ:

Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной. («Видѣніе мурзы»).

и нынѣ украшающій Ларинскую залу Публичной Библіотеки. Безбородко не жалѣлъ денегъ для пріобрѣтенія произведеній искусства. Въ то время лучшею картинною галереей считалась Строгановская. Но Безбородку пришлось довести свое собраніе до такого состоянія, что оно, по его словамъ, «превосходило Строгановскую галерею и числомъ, и качествомъ». Въ его спальнѣ было 22 картины одного Верне; потомъ въ его галереѣ былъ Сальваторъ Роза, которымъ не обладалъ даже Эрмитажъ.

Великолѣпный домъ князя Безбородка, по свидѣтельству очевидца, блисталъ чрезмѣрнымъ богатствомъ. Лѣстницы были устланы азіатскими коврами. Потолки горѣли люстрами; софы обиты атласомъ съ золотыми кистями и окна украшены шелковыми зановѣсами; вазы съ цвѣтами осыпаны перлами и изумрудами. Во время празднествъ стояли горы золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, въ шесть футовъ вышиною и три фута въ ширину.

Въ интимномъ кругу родныхъ и друзей Безбородко былъ развязенъ, веселъ, увлекателенъ и откровененъ. Онъ чрезвычайно любилъ уроженцовъ Малой Россіи. Пріемная его была вѣчно наполнена пріѣзжими изъ Полтавы и Чернигова, добры-

ми, полными своего особеннаго юмора, малороссами, являвшимися въ столицу искать мѣстъ или опредѣлять дѣтей на службу. Работая однажды у себя въ кабинетѣ, Безбородко услышалъ въ пріемной комнатѣ топанье ногъ и протяжное зѣванье съ разными переливами голоса. Осторожно взглянувъ въ полуотворенную дверь, онъ увидѣлъ толстаго земляка. Вельможа улыбался, глядя изъ-за двери, какъ посѣтитель, непривыкшій ждать никого; все потягивался, зѣвалъ, смотрѣлъ картины и, наконецъ, соскучившись окончательно, принялся ловить мухъ. Одна изъ нихъ особенно заняла малоросса, и онъ долго гонялся за нею изъ угла въ уголъ; улучивъ потомъ минуту, когда назойливое насѣкомое сѣло на огромной вазѣ, охотникъ поспѣшно размахнулся и хватилъ рукою; ваза слетѣла съ пьедестала, загремѣла и разбилась въ дребезги. Гость поблѣднѣлъ и потерялся, а Безбородко вышелъ въ пріемную и, ударивъ по плечу малоросса, ласково сказалъ: «Чи поймавъ?» Масса одолѣвавшихъ Безбородка просителей вынуждала его скрываться отъ нихъ или не сказываться дома. Но и въ этихъ случаяхъ хитрые малороссы изобрѣли возможность выразить ему свои нужды. Одинъ изъ его земляковъ, нѣсколько разъ не заставъ Безбородка дома, забрался въ его карету, стоявшую у подъѣзда. Безбородко крайне былъ удивленъ, нашедши въ каретѣ посѣтителя; но, узнавъ дорогой причину посѣщенія и самое дѣло, по которому землякъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлалъ ему угодное. Иллюстраціи быта Безбородка посвящена цѣлая глава сочиненія. Этою главою заключается царствованіе Екатерины.

Среди главъ о Верельскомъ мирѣ со шведами и о Ясскомъ мирѣ біографъ, какъ бы для разнообразія вставилъ главу объ отношеніи Безбородка къ писателямъ и просвѣщенію.

Въ трудѣ Григоровича Безбородко являлся до этой главы, какъ писатель-дипломатъ и какъ писатель историкъ.

«Въ письмахъ, запискахъ и другихъ документахъ мы его видимъ человѣкомъ, который излагаетъ мысли ясно, точно, а иногда съ увлекательною живостью. Таковъ же онъ и въ «Краткой лѣтописи Малыя Россіи», какъ историкъ. Можно думать, что, еслибъ Безбородко вступилъ на литературное поприще, изъ него вышелъ бы замѣчательный писатель своего времени. Державину, Хемницеру, Капнисту, Княжнину вельможа оказывалъ содѣйствіе, привлекалъ ихъ къ себѣ; Новикову былъ полезенъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, старался и достигъ смягченія приговора Радищеву».

Съ первыхъ страницъ разсматриваемаго нами тома, Безбородко является въ трудной роли лица, ведущаго иностранную политику въ критическое для государства время. Шведская война совпала со второю турецкою войною. Но Екатерина не падала духомъ. Она вела и тутъ свои политическія сношенія съ другими державами честно и благородно, и даже въ то время, когда нѣкоторыя изъ нихъ интриговали и старались подорвать ея вліяніе и значеніе, она предоставляла имъ полное право дѣйствовать какъ имъ заблагоразсудится. А взгляды Екатерины были взглядами графа Безбородка. Тонко понималъ графъ Безбородко настроеніе кабинетовъ того времени; онъ проникъ въ ходъ мыслей Англіи и начерталъ програму обращенія къ ней съ новымъ планомъ торговой конвенціи.—Развивая передъ читателемъ лѣтопись событій, авторъ оживляетъ свое повѣствованіе выдержками изъ писемъ Безбородка къ графу С. Р. Воронцову и изъ записокъ, которыя онъ подавалъ Императрицѣ, раскрывая въ нихъ состояніе тогдашнихъ политическихъ дѣлъ ясно и предусмотрительно.

Интимныя письма Безбородка открываютъ передъ нами закулисную жизнь двора. Государственному человѣку приходилось жить въ постоянной борьбѣ съ интригою. Въ фаворитѣ Мамоновѣ онъ имѣлъ явнаго недоброжелателя. Живо набросаны сцены недоразумѣній между Екатериной и Мамоновымъ изъ-за Безбородко. Вспышки фаворита и его рѣзкія выходки съ угрозою выйти въ «отставку» кончались свойственнымъ женщинѣ укоромъ: «ну, ну, ну, что же сердиться!», а иногда, наоборотъ, ругательствомъ на Безбородка, на всѣ его достоинства, на всю его злодѣйскую шайку. Зная глубокое нерасположеніе къ себѣ Мамонова, Безбородко сталъ избѣгать встрѣчи съ нимъ съ сознаніемъ, впрочемъ, своего достоинства. Разъ ему случилось читать докладъ Государынѣ, что онъ старался дѣлать въ отсутствіи Мамонова, и вдругъ входитъ Мамоновъ. Безбородко, по словамъ современника, Гарновскаго, пришелъ въ такую робость, что на чтеніе дѣлъ и голоса не хватило. Онъ извинился болью въ горлѣ и просилъ Государыню, чтобъ ея величество изволила прочесть сама принесенныя имъ бумаги, а самъ возвратился во свояси.

«Не робость — поясняетъ Григоровичъ—а иное чувство руководило въ этомъ случаѣ Безбородкомъ. Онъ не сробѣлъ передъ Императрицей даже тогда, когда на замѣчанія ея, что сенатскіе доклады выходятъ весьма медленно отвѣчалъ: я никогда къ вамъ не вхожу и не выхожу отъ васъ, Государыня, безъ дѣлъ; отъ васъ зависитъ оныя слушать».

Несмотря, однако, на всѣ усилія Мамонова сбыть Безбородка, его «недоброхота», съ рукъ, Государыня отстояла Безбородка, а фавориту поставила въ примѣръ Потемкина, «который всегда уважаетъ полезныхъ государству и мнѣ необходимыхъ людей». Стали опять твердить, что графъ Безбородко сдѣлался по комнатѣ силенъ. Вскорѣ насталъ, кратко, но мѣтко обрисованный въ дневникѣ Храповицкаго, разрывъ съ Мамоновымъ; состоялась свадьба его съ княжною Щербатовою, и онъ навсегда уѣхалъ отъ двора. Вслѣдъ за тѣмъ, при дворѣ появляется новое лицо—юный Зубовъ, имѣвшій основанія на первыхъ порахъ страшиться вліянія Безбородко.

Интриги двора и политическія событія шли своимъ чередомъ. Безбородко пишетъ двѣ замѣчательныя записки о возможности заключить миръ со Швеціей и Турціей и открываетъ дорожку, какъ повліять на Берлинскій дворъ и склонить его въ нашу пользу. Безбородко слѣдитъ за ходомъ дѣлъ съ особымъ вниманіемъ и особенно ярко обрисовываетъ настроеніе европейскихъ кабинетовъ въ письмахъ къ графу Воронцову.

Работая за одно съ Императрицей и держа въ рукахъ своихъ всѣ нити дипломатическихъ вопросовъ, Безбородко былъ главнымъ дѣйствующимъ—хотя и не на мѣстѣ конференціи—лицомъ при заключеніи мира со Швеціей. Онъ возведенъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ письмѣ къ племяннику своему, Милорадовичу, онъ называетъ это возведеніемъ на степень по статской службѣ non plus ultra. А между тѣмъ, впереди его ждали новыя почести. Турецкая война тоже подходила къ развязкѣ; блестящія побѣды русскихъ войскъ надъ турецкими предвѣщали миръ. Потемкинъ поѣхалъ заключать этотъ миръ. Онъ былъ снабженъ секретнѣйшимъ рескриптомъ съ любопытнѣйшими политическими разоблаченіями и съ подробнѣйшими наставленіями касательно веденія мирныхъ переговоровъ. Наставленія эти дышутъ мощью первокласснаго государства, дающаго ультиматумъ, и предусмотрительностью по отношенію къ туркамъ и *ихъ худой*

вѣрѣ въ обѣщаніяхъ. Секретный характеръ инструкціи позволялъ не стѣсняться въ выраженіяхъ: такъ, внушенія короля Прусскаго, дѣлаемыя Іосифу II-му, названы коварными и отвратительными; начались переговоры. Письма Безбородка, приведенныя Григоровичемъ, увлекаютъ читателя подробностями минувшихъ событій и ходомъ политическихъ дѣлъ. «Комеражи» и непріятности, въ то же время, преслѣдуютъ Безбородка, и онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ мира, чтобъ выйти въ отставку.

Но вдали отъ двора, на театрѣ войны совершилось вскорѣ событіе, заставившее графа отказаться отъ намѣренія оставить службу. Въ концѣ сентября, скончался въ Галацѣ принцъ Виртембергскій отъ желчной лихорадки; князь Потемкинъ, суевѣрный, мнительный и пораженный неожиданною смертью принца, на похоронахъ его, вмѣсто своихъ дрожекъ, ошибкою сѣлъ на дроги, привезшія тѣло принца; онъ вскорѣ захворалъ и поселился въ окрестностяхъ Яссъ; поправившись, возвратился въ городъ, вновь захворалъ тамъ и отправился въ путь. На другой день выѣзда, не доѣзжая до Николаева, онъ выпрыгнулъ изъ кареты съ босыми ногами, крича что умираетъ и ничего уже не видитъ, и черезъ пять минутъ предсмертнаго томленія испустилъ духъ на большой дорогѣ. Кому же другому можно было взяться за дѣло мирнаго договора, какъ не тому, «кто подъ высочайшимъ ея величества руководствомъ сіи дѣла производилъ», какъ выразился совѣтъ, обсуждая посылку Безбородка въ Яссы. Поѣздка эта даетъ возможность изложить дѣятельность Безбородка еще живѣе и полнѣе, на основаніи частой переписки между нимъ и Императрицею. Безбородко дѣлаетъ Екатерину какъ бы участницею конференціи, рисуетъ передъ нею пашей съ особенностями характера каждаго изъ нихъ. Дѣятельности ревностнаго секретаря вторитъ живое участіе въ дѣлахъ со стороны Императрицы, умѣвшей мыслью и словомъ помогать въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ международныя сношенія. Такъ, напримѣръ, визирь домогается бечевника, хоть на пядень, по сю сторону Днѣстра.

«Ему сего дать не должно—пишетъ Екатерина—понеже тогда уже Днѣстръ не граница будетъ. Да за пяднемъ пядень бы послѣдовалъ. Итакъ, Бога для,

ни вершка не давать имъ по сю сторону Днѣстра, а бечевникъ могутъ заводить на свою сторону, ежели хотятъ».

Въ письмахъ Безбородка много живыхъ подробностей; въ нихъ отпечатлѣлся и зоркій взглядъ его на внутреннее состояніе Россіи.

«Сколь ни малъ урожай въ Малой Россіи—пишетъ онъ Воронцову—по причинѣ худого умолота, столь, напротивъ, Екатеринославская губернія и прошедшій, а еще болѣе нынѣшній годъ, изобилуетъ хлѣбомъ». Но, несмотря на то, что житницы были полны, и бѣдные обыватели охотно продавали бы хлѣбъ для арміи, и цѣны были высоки, хлѣбъ оставался на рукахъ у бѣдныхъ. Такое явленіе Безбородко объясняетъ прямо, безъ околичностей:

«Графиня Браницкая, князь Сергѣй Голицынъ, графъ Витъ и тому подобные набрали еще премножество прислужниковъ, дерутъ съ казны цѣны пребольшія, напримѣръ, графиня Браницкая (племянница Потемкина) подрядилася поставить хлѣбъ въ таврическіе магазины четверть по 7 р. 50 к., имѣла уже на семъ подрядѣ барыша до 180,000 р., кромѣ того, что фуры ея на обратномъ пути должны были вывесть полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну; но симъ не удовольствовалась: требовала еще, чтобъ платежъ учиненъ былъ за все червонцами, полагая каждый на 3 р., когда они гораздо выше четырехъ рублей сюда изъ Варшавы приходятъ».

Не смотря на усталость отъ большой переписки съ Императрицей и другими, Безбородко не забывалъ дѣлиться новостями и съ друзьями своими и, въ то же время, заботился о заказахъ для украшенія своихъ домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Повѣствованіе г. Григоровича основано на фактахъ: факты достаточно говорятъ за себя, и біографъ имѣетъ право такъ заключать главу о Ясскомъ мирѣ:

«Намъ уже нѣтъ надобности останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородко Екатеринѣ и Россіи заключеніемъ Ясскаго мира. Брильянтовая масличная вѣтвь украсила шляпу Безбородка, а плечо—андреевская лента; но новыя интриги и охлажденіе Императрицы были слѣдствіемъ продолжительнаго отсутствія».

Хотя г. Григоровичъ и силится доказать, что уваженіе Государыни ни ослабло къ Безбородку, однако сознается, что онъ пересталъ быть ея ежедневнымъ совѣтникомъ, и она уже не смотрѣла на дѣла его глазами. Безбородко не выдержалъ и подалъ Государынѣ записку о своемъ желаніи оставить государственныя дѣла. Записка подана была черезъ дружелюбнаго ему камердинера, Зотова. При чтеніи записки, отмѣчаетъ

дневникъ Храповицкаго, «не сердились, но задумчивость была примѣтна». Императрица отвѣчала, что онъ напрасно обижается, что всѣ дѣла ему открыты. Екатерина нашла, что передъ нимъ можно и стоитъ оправдываться. Интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. А враговъ у него было не мало; даже Суворовъ былъ однимъ изъ его недоброжелателей и ѣдко о немъ отзывался.

Новый вопросъ — польскій вновь поглотилъ все вниманіе секретаря Екатерины, и ему трудно было отдохнуть — съѣздить въ Москву и по дорогѣ осмотрѣть почты, которыми онъ завѣдывалъ.—За труды по польскому дѣлу или по раздѣлу Польши Безбородко получилъ 50,000 рублей и, сверхъ того, пожизненную пенсію въ 10,000 руб.

Въ новомъ письмѣ къ Воронцову роскошный вельможа трезво взглядывается въ государственныя болячки, характеризуетъ недостатки военной и морской администрацій и строго порицаетъ расточительность двора: расходы двора безмѣрны; одно содержаніе Браницкой обходится до двухсотъ тысячъ рублей въ годъ; содержаніе графа Н. И. Салтыкова столько же стоитъ. Словомъ, трехъ милліоновъ, отпускавшихся въ придворную контору на годъ, было мало, и контора около двухъ милліоновъ въ долгу очутилась.

Внутреннія распоряженія по устройству польскихъ земель возложены были все на того же графа Безбородка, а тамъ дѣла курляндскія и новыя дипломатическія столкновенія съ Пруссіей; рядомъ съ этимъ шли труды по внутреннему управленію. Возсоединеніе уніатовъ поручено было ему же совмѣстно съ митрополитомъ Гавріиломъ и генералъ-губернаторомъ новоприсоединенныхъ областей, Тутолминымъ. По поводу разслѣдованія о пропавшихъ изъ заемнаго банка асигнаціяхъ, весною 1796 года, Безбородко былъ наименованъ первымъ въ устроенной коммисіи по разнымъ частямъ государственныхъ финансовъ. «Я знаю, какъ трудно добываются деньги—пишетъ онъ—по себѣ, оставшися послѣ бала своего при одномъ червонцѣ и при 50-ти рубляхъ разнаго серебра». Дѣятельность финансоваго вѣдомства Безбородко направилъ на обсужденіе мѣръ по продовольствію крестьянъ,

на разъясненія городническихъ злоупотребленій, на устройство дорогъ и почтовыхъ становъ.

Кончина императрицы Екатерины живо нарисована г. Григоровичемъ. Онъ тутъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на завѣщаніе Екатерины, по которому престолъ долженъ былъ перейти помимо сына, прямо къ внуку. Безбородко былъ опорою Павлу; онъ указалъ наслѣднику пакетъ, который былъ самимъ Государемъ, по жесту Безбородка, брошенъ въ каминъ. При Павлѣ, первый классъ титулъ князя свѣтлѣйшаго и санъ канцлера были наградою бывшему секретарю Екатерины. Вліяніе его на Императора было безпорно доброе, смягчающее, но не продолжительное. Потрясенія, испытанныя Безбородкомъ по случаю неожиданной кончины Екатерины, не прошли даромъ для его уже ослабленнаго трудами и тревогами жизни здоровья. У него обнаружилась желчная лихорадка. Оправившись отъ нея, онъ прожилъ еще три года, и эти три года были ознаменованы рядомъ дипломатическихъ плановъ и вопросовъ, разрѣшенныхъ съ быстротою геніальнаго ума, при знаніи дѣла и несравненномъ опытѣ.

Г. Григоровичъ, проводивъ излюбленнаго имъ государственнаго человѣка въ могилу, заставляетъ насъ ожидать отъ себя и другой подобной книги. Впрочемъ, сюжетъ уже намѣченъ. Молодой племянникъ Безбородка, будущій канцлеръ и князь, Кочубей, уже выглядываетъ изъ-за смертнаго одра дяди. Мы слышали, что Кочубеевскій архивъ въ Диканькѣ изучается г. Григоровичемъ, готовящимъ біографію Кочубея въ связи съ событіями его времени. Будемъ ждать картины временъ Александра Благословеннаго, на первомъ планѣ который рельефно выступитъ, нынѣ для насъ невыясненный еще образъ канцлера князя Кочубея *).

---

*) Ожиданіе это не сбылось; вскорѣ послѣ того Николай Ивановичъ Григоровичъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, за которою послѣдовала преждевременная кончина.

II.

Бояре Шереметевы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

«Родъ Шереметевыхъ». *Изслѣдованіе А. Барсукова. Книга четвертая, 1884.*

Бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ.—Его подвиги въ Бѣлоруссіи.—Его сыновья, Петръ Васильевичъ и Матвѣй Васильевичъ.—Военныя доблести Матвѣя Васильевича Шереметева.—Его славная смерть.—Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ.—Дрожипольская битва.—Его дальнѣйшая служба.

Обширная монографія, посвященная изслѣдованіямъ о древнемъ и знаменитомъ въ русской исторіи родѣ Шереметевыхъ, начата еще въ 1882 году. Въ первыхъ трехъ томахъ этого замѣчательнаго труда, добросовѣстно исполненнаго г. Барсуковымъ, были изложены свѣдѣнія о происхожденіи и первыхъ представителяхъ рода Шереметевыхъ, и о послѣдующемъ участіи его членовъ на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщѣ до царствованія Алексѣя Михайловича. На основаніи подлинныхъ актовъ и другихъ достовѣрныхъ источниковъ, было показано, какое мѣсто принадлежитъ этой фамиліи въ продолженіи всего знаменательнаго въ нашей исторіи періода образованія и роста Московскаго Государства. Въ теченіи болѣе трехъ вѣковъ Шереметевы постоянно участвовали въ важныхъ воинскихъ дѣлахъ и засѣдали въ царской думѣ, вели переговоры съ иноземными послами, присутствовали на дворскихъ торжествахъ, исправляли разныя службы и отличались дѣлами благотворенія, а потому понятно, что историческое изслѣдованіе о ихъ родѣ не могло быть изложено иначе, какъ въ связи съ общимъ ходомъ событій въ Московской Руси, съ XIV до второй половины XVII вѣка. Эта именно задача исполнена г. Барсуковымъ въ первыхъ томахъ его обширнаго труда.

Вышедшій на дняхъ четвертый томъ монографіи г. Барсукова заключаетъ дальнѣйшій разсказъ о представителяхъ рода Шереметевыхъ при государѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, также въ

связи съ событіями, въ которыхъ они принимали большее или меньшее участіе. Главное содержаніе этой части сочиненія составляетъ изложеніе хода войны съ Польшею, послѣдовавшей за подчиненіемъ Малороссіи Московскому государству и присягою Царю гетмана Богдана Хмельницкаго со всѣмъ украинскимъ казачествомъ. Въ этомъ побѣдоносномъ походѣ значительная часть военныхъ подвиговъ и отличій принадлежитъ нѣсколькимъ представителямъ рода Шереметевыхъ.

Прежде всего выдаются славныя дѣйствія боярина Василья Петровича Шереметева. Когда, послѣ сужденія на земскомъ сборѣ «о литовскомъ и черкасскомъ дѣлахъ» Царь Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ принять въ подданство Украйну и выдержать неизбѣжную при этомъ борьбу съ Польшею, Василій Петровичъ получилъ приказаніе идти въ Новгородъ и оттуда выступить съ ратными людьми въ походъ къ Литовской границѣ. Между тѣмъ какъ самъ Государь готовился съ главными силами направиться къ Смоленску, Шереметевъ съ особой ратью двинулся на Полоцкъ. Цѣлымъ рядомъ блестящихъ подвиговъ онъ вскорѣ далъ успѣшное направленіе всему походу. Овладѣвъ Невелемъ, онъ подступилъ къ Полоцку и взялъ его приступомъ. Это имѣло вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны и такъ обрадовало Государя, что онъ послалъ стольника Ромодановскаго къ боярину и его ратнымъ людямъ «со своимъ Государевымъ жалованнымъ словомъ за полоцкую службу, и о здоровьи спрашивать». Патріархъ Никонъ, при полученіи отъ Царя извѣстія объ этихъ успѣхахъ, предписалъ въ Успенскомъ соборѣ и во всѣхъ сорокáхъ Московскихъ пѣть благодарственные молебны и читать грамоту о побѣдахъ. Шереметевъ, между тѣмъ, обложилъ Витебскъ и овладѣлъ имъ послѣ «безмѣрнаго приступа», продолжавшагося цѣлыя сутки. Почти одновременно съ этимъ сдался Государю и Смоленскъ. Василій Петровичъ, обремененный уже годами и утомленный походомъ, по взятіи Витебска хотѣлъ оставить службу, но Государь не уволилъ его, и приказалъ идти въ Великія Луки для сбора ратниковъ къ предположенному походу въ Курляндію, чѣмъ и кончилось боевое поприще боярина Шереметева. Заслуги его были вполнѣ признаны Царемъ, который писалъ, что бояринъ Василій Петровичъ Шереме-

тевъ, «будучи на его Государевѣ службѣ, въ Литовскихъ походахъ ему Государю служилъ, многіе городы поималъ и литовскихъ людей многихъ побивалъ». Въ награду за эту службу онъ былъ жалованъ шубой, кубкомъ и деньгами. Оставя военное поприще, Василій Петровичъ занималъ, однако же, видный постъ при дворѣ Государя: во время пріѣзда въ Москву патріарха Антіохійскаго онъ участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ его въ Золотой палатѣ и обѣдалъ за государевымъ столомъ, а впослѣдствіи точно также былъ при парадномъ пріемѣ Грузинскаго царя Теймураза. Извѣстный путешественникъ Олеарій хвалитъ богатую обстановку дома и любезную обходительность маститаго боярина.

Сыновья Василія Петровича Шереметева, Петръ и Матвѣй, сначала несли дворскую службу, въ качествѣ стольниковъ присутствовали при торжественныхъ царскихъ столахъ, бывали съ Государемъ на охотѣ и участвовали въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Съ открытіемъ польскаго похода они, также какъ и ихъ отецъ, являются на боевомъ поприщѣ. Петръ Васильевичъ былъ воеводою ертоульнаго полка при движеніи главныхъ русскихъ силъ къ Смоленску, а впослѣдствіи участвовалъ въ походѣ подъ Ригу и при отступленіи отъ нея прикрывалъ главныя силы отъ преслѣдованія непріятеля, за что получилъ «Государево милостивое слово». Затѣмъ, уже въ чинѣ боярина, Петръ Васильевичъ былъ намѣстникомъ Смоленскимъ и участвовалъ въ Виленскомъ съѣздѣ при переговорахъ съ польскими комисарами объ условіяхъ избранія Царя Алексѣя Михайловича на польскій престолъ.

Особенными способностями въ военномъ дѣлѣ отличался его братъ, Матвѣй Васильевичъ. Отправясь въ походъ вмѣстѣ съ отцомъ, онъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ овладѣлъ нѣсколькими Литовскими городами и разбилъ на-голову многочисленное польское войско подъ предводительствомъ князя Лукомскаго, причемъ самъ былъ раненъ. Послѣ того онъ осадилъ сильно укрѣпленный Велижъ, который, послѣ упорной обороны, принужденъ былъ сдаться. Въ слѣдующемъ шведскомъ походѣ Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ былъ сотеннымъ головою царскаго полка и состоялъ при особѣ Государя, а затѣмъ посланъ воеводою во Псковъ, по близости котораго на-

ходились уже непріятели. Назначеніе во Псковъ при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, говоритъ нашъ авторъ, составляло какъ бы оцѣнку достоинствъ и заслугъ стольника Матвѣя Васильевича Шереметева. Такъ смотрѣли на это и иностранцы. Напримѣръ, историкъ Лифляндіи говоритъ, что въ то время Матвѣя Васильевича Шереметева считали самымъ лучшимъ воиномъ въ Россіи; а въ современной нѣмецкой реляціи замѣчено, что «сей генералъ Шереметевъ былъ весьма славенъ у Московитовъ». Здѣсь онъ выказалъ большую дѣятельность, сформировалъ рать, послалъ отрядъ къ Печорскому монастырю, что дало возможность освободить эту обитель отъ осады шведовъ, а самъ двинулся къ осажденному непріятелемъ замку Адзелю. Но этотъ походъ былъ роковымъ для молодаго воеводы. Подъ Валкомъ произошла та несчастная битва, въ которой немногочисленное войско, послѣ борьбы съ далеко сильнѣйшей шведской арміей, было истреблено или взято въ плѣнъ.

По свидѣтельству нѣмецкихъ писателей, русскіе держались весьма храбро противъ превосходныхъ силъ генерала Левена и подоспѣвшихъ на подкрѣпленіе его полковъ Глазенапа, Де-ла Гарди и Горна. По словамъ очевидца, «московиты особенно удачно дѣйствовали стрѣлами и холоднымъ оружіемъ». Но большую храбрость выказалъ самъ начальникъ отряда. Изъ нѣмецкой реляціи видно, что Шереметевъ былъ постоянно впереди; подъ нимъ убили лошадь, но онъ пересѣлъ на другую и продолжалъ своимъ примѣромъ одушевлять ратныхъ людей. Условія мѣстности были однако же такъ неблагопріятны, что русскій отрядъ наконецъ не выдержалъ и разсыпался. «Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ съ горстью храбрецовъ остался на полѣ сраженія и отбивался до тѣхъ поръ, пока не упалъ вмѣстѣ съ лошадью, пораженный двумя пулями въ животъ. Онъ былъ еще живъ; его тотчасъ же подхватили шведскіе драгуны и унесли въ свой станъ». Несмотря на внимательный уходъ за нимъ, онъ скончался черезъ сутки послѣ полученія ранъ и, по свидѣтельству нѣмецкой реляціи, былъ похороненъ съ почестями въ вольмарской церкви. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ очень огорченъ смертью своего любимаго стольника и храбраго воеводы.

Не менѣе выдающимся лицомъ изъ рода Шереметевыхъ

въ эту эпоху былъ племянникъ боярина Василья Петровича, Василій Борисовичъ. По своимъ качествамъ и дарованіямъ онъ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ лицъ того времени и былъ взысканъ особенными милостями Государя. Съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду онъ уже былъ пожалованъ въ бояре, и ему постоянно поручались важныя дѣла, требовавшія благоразумія и распорядительности. При началѣ войны съ Польшею Василій Борисовичъ былъ отправленъ съ особымъ отрядомъ на Бѣлгородскую линію для наблюденія за положеніемъ дѣлъ въ Украйнѣ, чтобы по первому призыву подать помощь гетману Хмельницкому. Его положеніе, по отдаленности отъ Москвы, обширности самой линіи и скудности въ продовольствіи было очень трудное, а опасеніе движенія со стороны поляковъ и крымскихъ татаръ требовало неустанной бдительности. Когда гетманъ Потоцкій вмѣстѣ съ крымцами вторгся въ Украйну, Шереметевъ соединился съ Хмельницкимъ и выступилъ противъ непріятеля. Недалеко отъ Умани произошелъ знаменитый Дрожипольскій бой, въ которомъ двадцать пять тысячъ москвитянъ и казаковъ зимою трое сутокъ боролись съ девяносто-тысячнымъ польско-татарскимъ войскомъ. Авторъ, описывая эту битву, справедливо называетъ ее *эпическою*. Опрокинутые въ первый день многочисленнымъ врагомъ, русскіе успѣли ночью укрѣпиться въ обозѣ, окруженномъ нагроможденными санями и замерзшими непріятельскими трупами, и въ этомъ укрѣпленіи отстрѣливались еще сутки, поражая враговъ. На третій день Шереметевъ и Хмельницкій, видя невозможность выдержать далѣе осаду, рѣшили пробиться. «Доблестные вожди придумали устроить каре съ тройнымъ рядомъ саней, соединенныхъ желѣзными цѣпями: конница была поставлена въ середину каре, а снятыя съ передковъ пушки размѣстили на саняхъ. Образовалось нѣчто въ родѣ «гуляй-города». Пѣшіе люди, приставленные по нѣскольку человѣкъ къ каждымъ санямъ, двигали ихъ впередъ, и останавливаясь, стрѣляли какъ изъ-за стѣны. Непріятель напиралъ со всѣхъ сторонъ, его всадники наскакивали на сани, но только теряли своихъ лошадей. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ аттакъ, полякамъ удалось прорвать цѣпь только на правомъ флангѣ и отнять семь пу-

шекъ. Въ крайнемъ случаѣ, русскіе вывертывали изъ саней оглобли и шли съ ними въ рукопашную. Неслыханная отвага нашихъ воиновъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: они разрѣзали сплошные ряды многочисленнаго войска Потоцкаго и выбрались на дорогу въ Бѣлую-Церковь. Непріятель и не пытался преслѣдовать ихъ. Такое отступленіе дѣйствительно стоитъ побѣды» *). Но Царь былъ недоволенъ тѣмъ, что Хмельницкій и Шереметевъ не предупредили вторженія Потоцкаго въ Украйну. По возвращеніи въ Москву Василій Борисовичъ, по необъяснимой достаточно причинѣ, подвергся царской опалѣ. Г. Барсуковъ полагаетъ, что онъ былъ жертвою обычныхъ въ то время интригъ. Но человѣкъ съ такими дарованіями не могъ долго оставаться не у дѣлъ. Въ походѣ 1656 года онъ отправился съ Государемъ и былъ оставленъ воеводою въ Смоленскѣ, а потомъ вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ на Варшавскій сеймъ по дѣлу объ избраніи Царя на польскій престолъ; когда же посольство было остановлено появленіемъ моровой язвы, ему было поручено «вѣдать всякія дѣла и вѣсти во всемъ княжествѣ Литовскомъ». По возвращеніи изъ Бѣлоруссіи въ Москву, Шереметевъ былъ назначенъ воеводою въ Кіевъ, въ такое время, когда, по словамъ Потоцкаго, «всѣ бояре уклонялись отъ порученія управлять этою несчастною провинціею и гдѣ сей герой, мужественно сражавшійся за Русское царство, твердо переносилъ бѣдственную участь, чтобы послужить отечеству». Этимъ оканчивается въ настоящемъ томѣ разсказъ о службѣ Василія Борисовича Шереметева.

Кромѣ этихъ, наиболѣе выдающихся лицъ изъ рода Шереметевыхъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ сочиненіи г-на Барсукова сообщаются извлеченныя изъ разныхъ актовъ свѣдѣнія и о другихъ членахъ этой исторической фамиліи. Здѣсь находимъ интересныя подробности не только о служебномъ положеніи и общественной дѣятельности Шереметевыхъ, но о домашнемъ ихъ бытѣ, о полученныхъ ими наградахъ и пріобрѣтенныхъ недвижимыхъ имуществахъ. Все это или является въ печати въ первый разъ, или служитъ дополненіемъ

*) Родъ Шереметевыхъ. Книга четвертая, стр. 154—155.

и исправленіемъ прежде появлявшихся свѣдѣній. Авторъ монографіи, кромѣ ознакомленія съ исторіею эпохи и фамильными актами, долженъ былъ дѣлать особыя розысканія, относительно того, чего нельзя почерпнуть изъ этихъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, сообщая изъ нѣмецкой реляціи о погребеніи Матвѣя Васильевича Шереметева въ Вольмарѣ, онъ для повѣрки справедливости этого извѣстія, не подверждаемаго русскими источниками, справлялся съ различными монастырскими синодиками. Нельзя не отдать справедливости автору въ томъ, что, слѣдя за событіями въ одномъ боярскомъ родѣ, онъ умѣлъ живо охарактеризовать каждую эпоху русской народной жизни, въ которой тѣ или другіе члены этого рода являлись болѣе или менѣе дѣятельными участниками. Это именно и даетъ его книгѣ общеисторическое значеніе.

При обзорѣ содержанія первыхъ томовъ уже было замѣчено, что «Родъ Шереметевыхъ» въ типографскомъ отношеніи принадлежитъ къ числу самыхъ изящныхъ и роскошныхъ изданій. При каждомъ томѣ помѣщаются пояснительныя художественныя приложенія. Такъ, при четвертой книгѣ, между прочимъ, приложены: рисунокъ ерихонской шапки, поднесенной царю Алексѣю Михайловичу бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ и хранящейся теперь въ московской Оружейной Палатѣ; чертежи московскаго двора боярыни Ульяны Петровны Шереметевой, урожденной княжны Пронской—съ подлинника, находящагося въ Государственномъ архивѣ; снимки съ грамоты патріарха Никона и съ собственноручнаго письма царя Алексѣя Михайловича. Всѣ эти приложенія исполнены художниками съ тѣмъ вниманіемъ и искусствомъ, какія требуются при воспроизведеніи памятниковъ историческаго и археологическаго значенія.

III.

Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова. Книга пятая. Спб. 1888 г.* *).

О трехъ первыхъ книгахъ рода Шереметевыхъ.—Василій Борисовичъ Шереметевъ.—Его дѣятельность въ Кіевѣ.—Битва подъ Конотопомъ.—Борьба съ Выговскимъ.—Измѣна Юрія Хмельницкаго.—Двадцатилѣтній плѣнъ.

Появленіе новаго тома «Родъ Шереметевыхъ» обязываетъ насъ припомнить то, что было нами высказано въ печати о замѣчательномъ трудѣ А. П. Барсукова, при появленіи первыхъ томовъ, и тѣмъ самымъ освѣжить въ памяти читателя какъ самое содержаніе, такъ и исполненіе, на первый разъ, какъ будто односторонней и сухой задачи.

Но это—не сухая генеалогія, не хвалебныя и пристрастныя повѣствованія, а правдивая, увлекательная исторія «одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ родовъ» рода, родственнаго дому Царя—народнаго избранника, равно какъ и роду величаваго страдальца за правду, св. митрополита Филиппа Колычева. Послѣ цѣлаго ряда любопытныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ повѣствованія ближняго стольника Степана Колычева и изъ другихъ источниковъ, читатель, въ *первой книгѣ*, знакомится съ боярами Кобылиными и Кошкиными временъ Донскаго, Темнаго—вплоть до правнука Андрея Кобылы, Константина Беззубцова, отъ котораго повелось поколѣніе Шереметевыхъ. Послѣ новаго ряда бояръ (уже Шереметевыхъ), появляющихся то въ походахъ, то въ торжественныхъ обрядахъ—при дворѣ державныхъ: Иванѣ III и сына его Василія—выступаютъ живые историческіе образы Шереметевыхъ — современниковъ Грознаго. Изъ нихъ особенно выдается Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ. Участникъ въ заговорѣ Шуйскихъ и въ произведенномъ ими переворотѣ, окольничій, полководецъ въ походѣ на Казань и на крымцевъ, раненный при осадѣ Полоцка, глава опальной земщины, воевода Московскій, пытанный царемъ и имъ же жалованный—бояринъ этотъ наконецъ

*) Напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ, Май 1888 г., подъ заглавіемъ: *Новыя страницы русской исторіи.*

постригается въ Кирилловомъ монастырѣ и тамъ, какъ инокъ Іона, служитъ предметомъ укоровъ и насмѣшекъ царя Ивана Васильевича, въ его посланіи къ игумену Козьмѣ. Сгруппированные около Шереметевыхъ факты даютъ выполненную живыми красками картину изъ царствованія Іоанна Грознаго. Владѣнія Шереметевыхъ, — ихъ отчины и помѣстья, вклады ихъ въ монастыри, завѣщанія и описи движимаго имущества— все это введено въ исторію «рода» съ подробностями, придающими особую цѣнность, окрашивающими данную эпоху бытовымъ колоритомъ.

Во *второй книгѣ* первое мѣсто принадлежитъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, и съ нимъ читатель переживаетъ смутное время отъ тѣхъ годовъ, когда у престола царя Ѳеодора стоялъ его дядя Никита Романовичъ, до поры возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича. Припомнимъ, что Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ привелъ все Низовье въ порядокъ и тѣмъ подготовилъ почву для славнаго Нижегородскаго движенія, что онъ сберегъ казну отъ поляковъ и что на него, какъ коса на камень, наткнулись враги, чаявшіе отвоевать права Владислава на престолъ Московскаго государства. Прибавимъ, что бояринъ стоялъ во главѣ посольства, отправленнаго отъ лица всей земли къ Михаилу и Мароѣ въ Ипатьевскій монастырь. Участіе Шереметевыхъ въ церемоніяхъ царскихъ выходовъ, пировъ и путешествій даетъ автору поводъ сообщать интересныя, затерянныя въ массѣ источниковъ черты быта царей. Участіе Шереметевыхъ въ войнахъ и договорахъ заставляютъ автора приводить читателю на память крупныя событія отечественной исторіи. Въ книгѣ г. Барсукова читатель избавленъ отъ труда переноситься къ доказательствамъ и справкамъ. Вмѣсто излишнихъ ссылокъ подъ строкою автора обыкновенно прямо въ текстѣ приводитъ выдержку изъ древняго писателя—современника, въ сомнительномъ же случаѣ приводитъ слова современнаго намъ писателя, чье мнѣніе онъ вполнѣ раздѣляетъ. Надо сказать, что русскіе источники и свидѣтельства иностранцевъ исчерпаны авторомъ по поводу затрогиваемыхъ имъ фактовъ. Такія же свѣдѣнія, какъ разсказъ о Судьбищенской битвѣ (походы противъ крымцевъ при Гроз-

номъ) по турецкой лѣтописи составляютъ прямо вклады въ науку.

Въ *III и IV книгахъ*, передъ нами раскрывается жизнь Москвы въ царствованіе Михаила и въ первые года Алексѣя Михайловича. Близость Шереметевыхъ къ Романовымъ — причина тому, что исторія первыхъ становится какъ бы исторіей царской семьи. Браки, сватовство, пріѣздъ жениха королевича — все въ въ семьѣ царской связано съ именами Шереметевыхъ. И Шереметевы вновь выступаютъ въ походахъ, переговорахъ, на воеводствѣ и во главѣ приказовъ *). Живыя сцены встрѣчъ того или другаго изъ Шереметевыхъ то съ Олеаріемъ, то съ протопопомъ Аввакумомъ—переносятъ читателя всецѣло въ жизнь Москвы XVII столѣтія.

Въ концѣ третьей *книги* знаменитый Ѳедоръ Ивановичъ принимаетъ иночество, у молодого стольника Петра Борисовича Шереметева родится сынъ, будущій фельдмаршалъ и будущій первый графъ изъ русскихъ, а на поприще дѣятельности выступаетъ тотъ Василій Борисовичъ, который дѣлается главнымъ героемъ нынѣ появившагося въ свѣтъ *пятой книги*. Въ дѣтствѣ своемъ любимый рында царя Алексѣя, потомъ быстро подвинувшійся въ чинахъ, Василій Борисовичъ выступаетъ передъ нами, какъ дѣятель, въ должности Тобольскаго воеводы. Съ его переселеніемъ въ Сибирь, авторъ открываетъ передъ нами, условія жизни далекой окраины, гдѣ Шереметевъ является водворителемъ новыхъ порядковъ, поборникомъ христіанскаго просвѣщенія въ языческой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатомъ, сумѣвшимъ ладить съ независимыми калмыками посредствомъ договоровъ и снарядившимъ первое посольство въ Китай.

Въ *четвертой книгѣ* исторіи рода Шереметевыхъ—трое изъ нихъ играютъ видную роль: дядя Василія Борисовича, Василій Петровичъ, сынъ его Матвѣй Васильевичъ и самъ Василій Борисовичъ. Старикъ ведетъ войско на Литву, беретъ Полоцкъ и послѣ долгой упорной осады — Витебскъ. На войнѣ онъ главный начальникъ, въ Москвѣ первый бояринъ. При встрѣчѣ пословъ, при пріемѣ царственнаго гостя, Грузинскаго царя

*) *См.* выше о четвертой книгѣ.

Теймурза и во многихъ случаяхъ, онъ главное лицо: сынъ его, храбрый воинъ, подъ рукой отца одерживаетъ побѣды и падаетъ на полѣ битвы въ сраженіи при Валкѣ. Василій Борисовичъ съ отдѣльнымъ отрядомъ войска въ польскую войну имѣетъ важную задачу—оберегать пограничную линію съ юга; потомъ онъ воеводой въ Смоленскѣ и наконецъ оберегаетъ Бѣлоруссію въ пограничномъ городѣ Борисовѣ отъ «ляцкихъ безвѣстныхъ приходовъ». Ему поручено было вѣдать всякія дѣла во всемъ княжествѣ Литовскомъ, въ государевыхъ городахъ и про всякія дѣла и про вѣсти писать къ великому Государю. Съ четвертой книги г. Барсуковъ пользуется на ряду съ другими источниками неизвѣстною до сихъ поръ рукописью римскаго архива іезуитовъ—Даровскаго: Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1667, списокъ которой сообщенъ графу С. Д. Шереметеву извѣстнымъ отцомъ Мартыновымъ. Рукопись служитъ источникомъ и для пятой книги—этой новинки послѣднихъ дней, обогатившей русскую исторію новыми страницами и русскій палладіумъ новымъ героемъ, котораго бѣдствія и мужество могли бы быть предметомъ своего рода Одиссеи или Энеиды.

Новый томъ, по обыкновенію изящно изданный, снабженъ портретомъ главнаго дѣйствующаго лица. Это — снимокъ съ современнаго портрета, приложеннаго къ сочиненію графа Галацо: Historia di Leopoldo Cesare. Vienna 1670.

Пятая книга начинается слѣдующими словами: «Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ назначенъ былъ воеводою въ Кіевъ, на смѣну Андрея Васильевича Бутурлина, 6 апрѣля 1658 года. Въ ту пору Малороссія представляла поприще кровавой междоусобицы, терзавшей страну съ самой кончины достославнаго гетмана Багдана Хмельницкаго. Равная по объему прежнимъ книгамъ пятая книга, передаетъ намъ событія только двухъ съ половиною лѣтъ. Обиліе источниковъ русскихъ и польскихъ: рукописный матеріалъ архива Министерства Юстиціи, книга Даровскаго и тщательно выбранныя и искусно сгруппированныя данныя изъ актовъ Юго-Западной Россіи освѣтили войну нашу—сперва съ Выговскимъ, а потомъ съ поляками и крымцами — новымъ, яркимъ свѣтомъ. Какъ Костомаровъ переносилъ читателя въ центры казачества

той же эпохи, такъ авторъ нашъ приводитъ насъ въ станъ русскаго воеводы и описываетъ подвиги и тяжкія испытанія того, кого царь Алексѣй Михайловичъ называлъ своимъ «благонадежнымъ архистратигомъ».

Василій Борисовичъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Кіевъ воеводою; онъ долженъ былъ вѣдать Украйну по уговору, по признанію со стороны гетмана, а между тѣмъ присягнувшій Царю гетманъ явился предводителемъ возстанія противъ царскаго воеводы. Шереметевъ оказался въ осадномъ положеніи и три раза выдержалъ въ Кіевѣ нападеніе Выговскаго. Подкравшаяся измѣна началась съ недоумѣній; поляки усердно раздували усобицу въ Малороссіи—и вотъ, наконецъ въ Кіевѣ началась тревога. Полкъ Павла Яненки сталъ собираться и вышелъ стоять подъ Кіевомъ, увѣряя боярина, что безъ его вѣдома не пойдетъ въ бой. Мѣщане кіевскіе пришли просить Шереметева велѣть имъ переселяться въ городъ. Наказной полковникъ Дворецкій подъ великою тайною, сообщилъ воеводѣ вѣсть о томъ, что у гетмана много татаръ и поляковъ и что онъ хочетъ идти войною на Кіевъ. «Между тѣмъ Выговскій быстро стягивалъ войска къ Кіеву, а въ кіевскій полкъ прислалъ въ прибавку «казаковъ пѣшихъ и многихъ людей» и велѣлъ ихъ оставить въ посадѣ, на мѣщанскихъ дворахъ. Наконецъ, мѣщане и всякіе жилецкіе люди начали вывозиться съ женами, дѣтьми и со всѣми пожитками изъ домовъ своихъ въ струги и байдаки на Днѣпрѣ, а иные многіе и поразъѣхались. Уѣхалъ изъ города, между прочимъ, и митрополитъ Діонисій». Такъ описываетъ,—переходя затѣмъ къ новымъ подробностямъ, — нашъ авторъ положеніе Шереметева въ Кіевѣ, которое день ото дня становилось труднѣе. Переживая, вслѣдъ за авторомъ, всѣ эти трудности изо дня въ день, мы видимъ, наконецъ, полное пораженіе гетманскаго войска и присутствуемъ во дворѣ воеводы, когда тамъ переписывались трофеи, взятые на полѣ битвы, и когда великодушный Шереметевъ изрекалъ прощеніе всѣмъ плѣннымъ черкасамъ, отпуская ихъ на свободу. За первой осадою Кіева была вторая, окончившаяся новымъ пораженіемъ гетманскаго войска, а вслѣдъ за тѣмъ сдѣлана и третья попытка завладѣть Кіевомъ, причемъ были перехвачены пути сообщенія. Не

только провіантъ, но и вѣстники не могли дойти до Шереметева; тогда преданный ему протопопъ тайно доставлялъ ему почту. Чѣмъ труднѣе было положеніе Шереметева, тѣмъ нерѣшительнѣе и медленнѣе двигалось къ Кіеву вспомогательное войско подъ начальствомъ князя Трубецкаго, и наконецъ произошла несчастная для русскихъ битва подъ Конотопомъ.

Припомнимъ, что говоритъ объ этой битвѣ Соловьевъ. «Цвѣтъ московской конницы, совершившей походы 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячъ пять... Никогда послѣ того царь Московскій не былъ уже въ состояніи вывести въ поле такое сильное ополченіе. Въ печальномъ платьѣ вышелъ Алексѣй Михайловичъ къ народу, и ужасъ напалъ на Москву... Царствующій градъ затрепеталъ за собственную безопасность: въ августѣ по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія Москвы... Шелъ слухъ, что государь уѣзжаетъ за Волгу, за Ярославль». Послѣ того авторъ Исторіи Россіи слѣдитъ за княземъ Трубецкимъ, передвинувшимъ свое войско въ Путивль, за рознью, проявившеюся между казаками, когда прошелъ слухъ о томъ, что молодой Юрій Хмельницкій ходилъ подъ Крымъ и тѣмъ посѣялъ раздоръ между конотопскими побѣдителями — татарами и казаками Выговскаго. О Шереметевѣ упоминается тутъ очень мало, и только дважды: онъ писалъ къ Хмельницкому, чтобы тотъ отступилъ отъ измѣнниковъ въ сентябрѣ, а въ октябрѣ прибылъ къ Трубецкому въ Переяславль, гдѣ состоялось избраніе Юрія Хмельницкаго въ гетманы. Только въ слѣдующей главѣ, послѣ разсказа о заключеніи мира съ Швеціей и эпизода объ измѣнѣ сына Ордина-Нащокина, Соловьевъ переходитъ къ малороссійскимъ дѣламъ и говоритъ, «что туча ужаснувшая Москву, пронеслась мимо, и годъ завершился удачею: въ декабрѣ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ изъ Кіева ударилъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ обозъ».

Но между тѣмъ, изъ книги г. Барсукова и приводимыхъ имъ свидѣтельствъ мы видимъ гораздо яснѣе виновника нашей удачи послѣ Конотопской бѣды. Василій Борисовичъ Шереметевъ предостерегалъ князя Трубецкаго; еще до Конотопской

битвы, онъ крѣпко удержалъ въ своихъ рукахъ Кіевъ и вмѣстѣ съ нимъ и царскую власть во взволнованной странѣ и искусно повелъ дѣло организаціи, въ средѣ самихъ малороссіянъ отпора Выговскому. Проницательному воеводѣ пришлось вести борьбу съ княземъ Трубецкимъ, который не терялъ надежды сойтись съ измѣнникомъ Выговскимъ путемъ мирныхъ переговоровъ Шереметевъ многократно просилъ маститаго вождя нигдѣ не останавливаться и прямо идти къ Кіеву, но князь Трубецкой не послушалъ Василія Борисовича и жестоко расплатился за это Конотопскимъ пораженіемъ. Шереметевъ подготовляетъ Переяславскую раду и, отмѣченный рельефными чертами у Соловьева, полковникъ Цецюра, по настоянію того же Василія Борисовича, поѣхалъ для переговоровъ въ Путивль къ князю Трубецкому.

Новое отраженіе Выговскаго отъ Кіева, увѣщаніе, разосланное Шереметевымъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и другія мѣры для усиленія положенія царскихъ войскъ привлекаютъ Шереметеву щедрыя награды, жалованье и похвалу и спросъ отъ царскаго имени о его здоровьѣ. А между тѣмъ Шереметевъ не дремлетъ и 4 ноября (послѣ Переяславской рады) выступаетъ изъ Кіева въ походъ на «измѣнника Ивашка Выговскаго и Андрея Потоцкаго»—какъ доноситъ самъ Царю. 26 ноября была одержана побѣда подъ Хмельникомъ на берегу Буга, гдѣ Выговскій былъ «зломленъ и разгромленъ вконецъ», по словамъ Украинской хроники. Дальнѣйшія свѣдѣнія о временномъ успокоеніи Украйны, находящіяся въ непосредственной связи съ дѣятельностью Шереметева, невольно заставили бы насъ, сокращая, пересказывать то, что такъ одушевленно и интересно изложено въ концѣ XIV главы пятой книги «Рода Шереметевыхъ».— Малороссійское затишье даетъ автору нашему возможность перейти къ другимъ Шереметевымъ и дополнить о нихъ прежнія біографическія свѣдѣнія.

Василій Борисовичъ во время затишья просился въ Москву, но царь отказалъ и отказалъ двукратно: тревоги на югѣ и осложнившіяся недоразумѣнія съПольшею были тому естественной причиною. Царь рѣшилъ двинуть войска въ Польшу подъ начальствомъ В. Б. Шереметева. Тутъ уже начинается

своего рода одиссея Шереметева, планъ котораго разбился объ измѣну Юрія Хмельницкаго. Сперва были удачныя схватки, кровопролитныя битвы, гдѣ личная храбрость «архистратига» удивляла враговъ, а наконецъ пошли неудачи, вынужденныя отступленія и новыя ожесточенныя битвы. Центромъ дѣйствія—городъ Чудновъ. Шереметевъ вступилъ въ него; поляки перехватили Чудновскій монастырь; Шереметевъ сжегъ городъ, и неподалеку, на рѣчкѣ Тетеревѣ, онъ былъ окруженъ поляками. Его положеніе, во время голода, при убійственномъ дѣйствіи польской артиллеріи, его вылазки на проломъ и вслѣдъ за тѣмъ новый подъемъ духа, когда обнаружилась измѣна Юрія Хмельницкаго, и новый кровопролитный бой затѣмъ—все это вмѣстѣ стоитъ Измаила и Севастополя.

Страницы, повѣствующія о русской доблести Чудновской эпопеи, настолько оживлены подробностями, настолько жизненны, что читатель незамѣтно доходитъ до развязки, до глубоко трогательной сдачи героя нарушившими честь договора поляками татарамъ, которые и увозятъ его въ Крымъ, какъ плѣнника.

Судьба двадцатилѣтняго томленія Василія Борисовича въ плѣну и возвращенія его на родину давно извѣстны. Но какъ мало извѣстны были до сихъ поръ его труды и доблесть! Не знали мы и обстоятельствъ, при которыхъ онъ дѣйствовалъ. А теперь онъ стоитъ передъ нами какъ одинъ изъ самыхъ живыхъ историческихъ образовъ XVII столѣтія, благодаря замѣчательнымъ *новымъ страницамъ* русской исторіи подъ талантливымъ перомъ А. П. Барсукова.

По поводу 14-й книги: «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. П. Барсукова *).

Прошлогодняя книга Н. П. Барсукова начинается вступленіемъ на престолъ Императора Александра Второго. Картина событій 1855 — 1856 года, какъ и предъидущія описанія. полна живого интереса и колоритна. Осада и взятіе Севастополя, битва на Черной рѣчкѣ, первыя поѣздки новаго Государя на театръ войны и въ Москву; все это передано живыми свидѣтельствами современниковъ и большею частію ихъ перепискою. Митрополитъ Филаретъ появляется не разъ съ своимъ авторитетнымъ словомъ на каѳедрѣ, а равно и въ письменныхъ бесѣдахъ съ намѣстникомъ лавры, архимандритомъ Антоніемъ. Херсонскій Иннокентій пребываетъ въ многострадальномъ Севастополѣ, гдѣ также особенно выдается личность протоіерея Лебединцева, выдержками изъ писемъ котораго нашъ авторъ освѣщаетъ свое повѣствованіе о Севастополѣ. Пользуясь, какъ и всегда, литературными свидѣтельствами, г. Барсуковъ вводитъ въ свою книгу и графа Льва Толстого, писавшаго о севастопольской оборонѣ, а послѣдній актъ севастопольской трагедіи мастерски очерченъ строками прибывшаго на Инкерманскія высоты князя Димитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, другъ Карамзина, а въ послѣдствіи и Пушкина, появляется въ XIV-й книгѣ, въ роли товарища министра Народнаго Просвѣщенія, какъ ходатай за литературу передъ правительствомъ. Появляются и новые литературные дѣятели, какъ Б. Н. Чичеринъ, и общественные — особаго, новаго типа, какъ В. А. Кокоревъ.

Сношенія между собою мыслящей и руководящей части

*) Напечатано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. 1901 г., № 54.

общества, въ годину гражданской скорби и перелома въ воззрѣніяхъ, представляютъ много новаго и любопытнаго. Въ первыхъ же главахъ выступаютъ И. С. Аксаковъ, А. С. Хомяковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Одинъ изъ нихъ излагаетъ свои мысли и чувствованія подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ войны, другой переписывается съ пріятелемъ о событіяхъ, тужитъ и уповаетъ на лучшее, третій выступаетъ съ проектомъ реформъ.

Лица не отъ литературнаго міра, лишь только они соприкасаются съ просвѣщеніемъ и общественнымъ движеніемъ, въ книгѣ г. Барсукова получаютъ оцѣнку или признательное упоминаніе. Такъ читаемъ мы о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ по поводу примѣчаній къ статьѣ Погодина о Нахимовѣ и по поводу энергическихъ заботъ о просвѣщеніи. Не забыты и женщины. Великая княгиня Елена Павловна обрисована въ ея сношеніяхъ съ московскими учеными, которые восхищались ея «мужскимъ умомъ и женскою душою». Болѣе другихъ женщинъ говорится о графинѣ А. Д. Блудовой, въ своихъ письмахъ къ Погодину затрогивавшей всѣ жгучіе вопросы времени. Писательница графиня Е. П. Растопчина выступаетъ дважды. Рѣзко и горячо порицаетъ она борьбу литературныхъ партій, превратившуюся въ распрю, а потомъ является, какъ патріотъ-ораторъ, на обѣдѣ, данномъ московскими дамами севастопольскимъ морякамъ. Въ четырнадцатой книгѣ уходятъ въ могилу Неволинъ, Грановскій, оба брата Кирѣевскіе, графъ Уваровъ, Раичъ. Современники, преимущественно самъ Погодинъ, оплакиваютъ ихъ и даютъ оцѣнку по заслугамъ.

Нить широкаго повѣствованія идетъ по прежнему отъ «Дневника» Погодина и отъ писемъ, имъ полученныхъ. Погодинъ уступаетъ, гдѣ бываетъ нужно, мѣсто другимъ дѣятелямъ, такъ что отъ одной фразы въ его «Дневникѣ» читатель часто переносится къ совсѣмъ другимъ источникамъ. Бываетъ и такъ, что на нѣсколькихъ страницахъ къ ряду имя Погодина и не упоминается. Мы не разъ слышали укоры г. Барсукову за то, что біографія Погодина якобы загромождена постороннимъ матеріаломъ. Но, по нашему мнѣнію, въ литературной исторіи гораздо болѣе интереса и значенія, чѣмъ въ утомитель-

ныхъ подробностяхъ объ одномъ лицѣ. Говори нашъ авторъ только о Погодинѣ, книги его были бы сухи и конечно не выдержали бы своей многотомности.

Дневникъ Погодина писанъ не для другихъ; языкъ его сжатъ и непонятенъ безъ коментаріевъ. Только обширныя свѣдѣнія и умѣнье группировать факты даетъ этому «дневнику» значеніе центральнаго пункта цѣлой литературной эпохи. Погодинъ самъ по себѣ не всегда интересенъ. Такъ, напримѣръ, въ разсматриваемой нами книгѣ есть эпизодъ о путешествіи его за границу. Пропустить этотъ эпизодъ біографъ не считалъ себя въ правѣ, а между тѣмъ, онъ вялъ и мало занимателенъ, и именно потому, что Погодинъ не былъ духовно связанъ съ западною Европою, и упомянутыя имъ имена иностранцевъ ничего не даютъ для иллюстраціи путешествія. Но за то въ своемъ отечествѣ Погодинъ былъ личностью, около которой сосредоточивались интересы литературы и публицистики. Онъ былъ въ постоянномъ литературномъ общеніи и съ Петербургомъ и съ другими центрами, съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе всего принадлежалъ Москвѣ. Біографія Погодина естественнымъ образомъ становится литературною исторіею.

Преслѣдуя задачи литературной исторіи, Н. П. Барсуковъ изучилъ источники и прекрасно разобрался въ нихъ. Книги о Погодинѣ даютъ читателю возможность переживать литературныя эпохи вмѣстѣ съ литераторами, въ ихъ домѣ, въ ихъ кругу. О событіяхъ, занимавшихъ умы, нашъ авторъ всегда говоритъ устами тѣхъ, которые ихъ переживали или были ихъ непосредственными свидѣтелями. Вообще книги о Погодинѣ стали основнымъ источникомъ, и не удивительно, что нынѣ не встрѣчается ни одной статьи по литературѣ погодинскаго времени, гдѣ бы не было ссылокъ на трудъ Н. П. Барсукова. Изслѣдователю и читателю помогаютъ обстоятельные указатели собственныхъ именъ, уже дважды приложенные къ томамъ.

Трудъ г. Барсукова есть удачный опытъ *литературной исторіи* нашей—отъ двадцатыхъ годовъ пока до 1856 года. Литературная исторія опредѣляется какъ особая отрасль науки: Litterarische Geschichte, Histoire littéraire.

Здѣсь писатели обрисовываются—на основаніи мемуаровъ, записокъ, переписки и преданій—у себя на дому, въ своемъ

особомъ литературномъ мірѣ. Эта отрасль науки служитъ подспорьемъ и источникомъ для исторіи литературы, имѣющей задачею самыя произведенія и оцѣнку писателей. Исторія литературы разсматриваетъ то, что остается въ наслѣдіе потомству; литературная исторія занята собственно лабораторіею литературы. Стоитъ раскрыть указатели къ VII и XIII книгамъ «Жизни и трудовъ Погодина», чтобы видѣть сколько ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, публицистовъ, а за ними и оффиціальныхъ лицъ, имѣвшихъ отношенія къ просвѣщенію, прошло чрезъ это повѣствованіе. Здѣсь видимъ возникновеніе ученыхъ коммисій, эспедицій, обществъ, редакцій повременныхъ изданій. Основные вопросы науки, полемика по нимъ, литературныя партіи, борьба на почвѣ честолюбія и корысти, успѣхи и паденіе виднаго дѣятеля—и вся подноготная литературнаго міра переданы намъ въ этой правдивой лѣтописи нашей литературной исторіи. Въ 14-й книгѣ Погодинъ выступаетъ впередъ ярко и характерно, во время чествованія севастопольскихъ героевъ, а въ особенности въ главахъ XXI и XXII, гдѣ излагается его привѣтственная статья новому Государю и опредѣляется успѣхъ этой статьи въ литературныхъ сферахъ. Переписка его съ Кавелинымъ по справедливости названа «историческою». Журнальная дѣятельность Погодина ослабѣваетъ, и «Москвитянинъ» таетъ по немногу. Возникаетъ «Русскій Вѣстникъ» Каткова и славянофильская—«Русская Бесѣда», а Погодинъ оживляется проектами; онъ причастенъ къ новымъ вѣяніямъ и въ то же время помышляетъ засѣсть за ученыя, оставленныя имъ давно, работы. Шестьсотъ страницъ литературной исторіи 1855—1856 года даютъ полную хронику литературныхъ явленій. Послѣ, въ высшей степени любопытнаго очерка возникновенія новыхъ періодическихъ изданій, въ концѣ книги, помѣщенъ упомянутый нами эпизодъ о путешествіи Погодина за границу.

Авторъ нашъ, скажемъ кстати, иногда не чуждъ юмора: онъ не пропускаетъ выходокъ Погодина, возбуждающихъ улыбку читателя. Такъ изъ путешествія своего Михаилъ Петровичъ возвратился съ отращенною бородою, вдохновившею М. А. Дмитріева написать саркастическое посланіе. Тѣмъ и заключена книга.

ПРИМѢЧАНІЯ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ статьѣ: «Первые германисты».

Статья «Первые германисты», или «Начало отечественной науки въ Германіи» была составлена мною въ пору, когда я занимался въ Германіи, около каѳедръ германистовъ: Царнке въ Лейпцигѣ, Келлера въ Тюбингенѣ, Этмюллера въ Цюрихѣ и Вакернагеля въ Базелѣ. Вращаясь въ обширной области германистовъ, послѣдователей Гриммовъ, я искалъ отвѣта на вопросъ о томъ, какъ совершился переходъ къ новой наукѣ, не существовавшей въ XVIII столѣтіи. На вопросъ мой въ научной литературѣ я не нашелъ прямаго отвѣта; пришлось разыскивать и собирать факты для того, чтобы яснѣе представить себѣ какимъ путемъ изъ броженія и открытій конца XVIII-го вѣка произошла эта новая научная эпоха, въ наше время имѣющая уже богатую литературу изслѣдованій, ученыхъ изданій и прочныхъ реальныхъ выводовъ. Намѣченный мною обзоръ національно-научнаго возрожденія въ Германіи встрѣтилъ сочувствіе покойнаго профессора Вильгельма Вакернагеля, одного изъ младшихъ сподвижниковъ Гриммовъ. Я читалъ ему мой набросокъ, когда провелъ съ нимъ двѣ недѣли, по его приглашенію, въ горахъ Юры, въ Лангенбрукѣ, близь Базеля, гдѣ пользовался его драгоцѣнными указаніями и разъясненіями многихъ занимавшихъ меня вопросовъ въ области литературныхъ изслѣдованій.

Въ нынѣшнемъ 1901 году появилось чрезвычайно любопытное собраніе писемъ изъ ранняго періода нѣмецкой филологіи—къ Георгу Фридриху Бенеке *).

---

*) Briefe aus Frühzeit der deutschen Philologie an Georg Fr. Benecke — mit Anmerkungen begleitet und herausgegeben V. Dr. Rudolf Baier Leipzig 1901 г.

Въ концѣ статьи моей упомянутъ этотъ ученый (стр. 38): «Его можно назвать однимъ изъ основателей германской филологіи. Онъ первый сдѣлалъ нѣмецкую литературу предметомъ строгой академической науки. Его «Beiträge zur Kenntniss der altdeutsche Sprache und Litteratur» были главнымъ подспорьемъ для Якоба Гримма.

Корреспонденты Бенеке представляютъ рядъ самыхъ блестящихъ именъ въ новой наукѣ германскаго языка и литературы. Въ началѣ встрѣчается письмо дѣятеля предыдущей эпохи Гейне (см. стр. 99 сего сборника), потомъ выступаютъ оба Гримма, Лахманъ и наконецъ мнѣ столь памятный В. Вакернагель.

Письма эти, какъ справедливо говоритъ ихъ ученый изслѣдователь, освѣщаютъ передъ читателемъ энергичную работу Бенеке, перваго методическаго изслѣдователя въ области отечественнаго языка и литературы. Отъ нашего времени, какъ отъ цвѣтущей эпохи германской науки, книга Баіера переноситъ читателя назадъ за цѣлое столѣтіе, въ пору, когда почва еще только подготовлялась, и начиналась созидаться грамматика и исторія литературы среднихъ вѣковъ, когда въ узкомъ кружкѣ избранныхъ получали первое освѣщеніе тогда отрывавшіяся произведенія нѣмецкихъ писателей XII, XIII и XIV вѣковъ, нынѣ уже ученымъ образомъ изданныя и разъясненныя.

Въ письмахъ къ Бенеке читатель слѣдитъ за сообщеніями о памятникахъ, появлявшихся тогда изъ мрака неизвѣстности или объ открытіи новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ списковъ важныхъ произведеній. Тогда В. Гриммъ находитъ во Франкфуртѣ «Лебединаго рыцаря» и «Розенгартенъ» Конрада Вирцбургскаго, а въ Кельнѣ ему попадается «Грегоръ» Гартмана въ неизвѣстной итальянской передѣлкѣ, а Як. Гриммъ обрѣтаетъ въ Лейпцигѣ обширную «Легенду святыхъ» — (патерикъ), а въ Готѣ онъ же находитъ перифразъ молитвы Господней Генриха Кролевица.

Возбудительно дѣйствуетъ на насъ страстность, съ которою любитель фрейгеръ фонъ Ласбергъ скупаетъ рукописи, и трогателенъ энтузіазмъ, съ которымъ онъ заботится объ изданіи этихъ сокровищъ посредствомъ ученыхъ друзей своихъ. Пріобрѣтя знаменитую такъ называемую Люгсбергскую рукопись

Нибелунговъ, Ласбергъ пишетъ къ Бенеке о своей радости, когда ему удалось вырвать эту драгоцѣнность въ Вѣнѣ изъ когтей библіомана лорда Спенсера. За открытіями идутъ ученыя изданія; ихъ рядъ начинается съ изданія «Бѣднаго Генриха» Гартмана, совершеннаго братьями Гриммами въ 1815 году; затѣмъ слѣдуетъ изданіе Бонерова «Edelstein» трудами самого Бенеке и, въ слѣдующемъ десятилѣтіи изданія Лахмана: Нибелунги, Вальтеръ-фонъ-деръ-Фогельвейде — и въ сотрудничествѣ съ Бенеке,—«Ивейнъ» Гартмана-фонъ-Ау.

Въ тридцатыхъ годахъ Лахманъ даетъ ученому міру изданіе «Геліанда» совершающее переворотъ въ наукѣ, и въ слѣдъ за тѣмъ изданіе Вольфрама фонъ Эшенбаха, а Гауптъ является съ работою о Гартманѣ-фонъ-Ау. Между этихъ крупнѣйшихъ трудовъ появляются изслѣдованія меньшихъ по объему и значенію произведеній. Ихъ авторы: В. Гриммъ, Моне, Гофманъ фонъ-Фалерслебенъ и нѣкоторые другіе, въ числѣ которыхъ видимъ и В. Векернагеля. На самомъ дѣлѣ — говоритъ издатель писемъ къ Бенеке — это послѣднее, ближайшее къ намъ прошедшее, эти первые десятилѣтія XIX вѣка просятся на сравненіе съ эпохою XV-го столѣтія, когда, при содѣйствіи вновь нарожденнаго искусства книгопечатанія, стали появляться въ свѣтъ, одно за другимъ, дивныя произведенія классической древности и приводили своимъ содержаніемъ въ удивленіе и восхищеніе нетолько однихъ ученыхъ, но и всѣхъ образованныхъ (мужчинъ и женщинъ) современниковъ. Въ юную пору нѣмецкой филологіи искра одушевленія касалась—сравнительно съ Возрожденіемъ XV-го вѣка—лишь очень малой кучки избранныхъ, радость которыхъ, при появленіи дотолѣ неизвѣстныхъ произведеній нѣмецкой старины, была не менѣе восторженна, чѣмъ радость гуманистовъ при появленіи вновь открытыхъ твореній грековъ и римлянъ.

Первое изъ писемъ къ Бенеке принадлежитъ перу Христіана Готлиба Гейне, и это обстоятельство имѣетъ особое значеніе потому, что старый Гейне въ доцентѣ англійскаго языка, Бенеке предугадывалъ вождя науки по нѣмецкой древности.

Бенеке не составляетъ величины среди тѣхъ, кто создалъ германистику, какъ науку, но онъ былъ центромъ, къ которому съ любовію примкнули тѣ германисты—изслѣдователи, ко-

торые въ послѣдствіи оказались первыми по значенію учителями и творцами своей науки. Есть доля правды въ словахъ Генриха Лео, обращенныхъ къ Бенеке, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея: «Совершенно новая наука, которой прародителемъ и въ то же время насадителемъ были Вы, выросла у насъ подъ вашимъ попеченіи и при вашемъ содѣйствіи».

Если заслугой Як. Гримма было открытіе и познаніе организма нѣмецкаго языка, если заслугой Лахмана исчерпана задача критики и возсозданія твореній изъ основныхъ рукописныхъ текстовъ, то заслуга Бенеке заключается преимущественно въ области объясненія значенія памятниковъ; его направленныя на эту цѣль работы заслужили ему имя тонкаго пояснителя древнихъ текстовъ и лексикографа нарѣчія средне-вѣковой нѣмецкой письменности.

Къ статьѣ: „Князь инокъ — Вассіанъ Патрикѣевъ".

Вассіану Патрикѣеву неправильно приписывали авторство «Бесѣды Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ», апокрифическаго памятника XVI-го вѣка, гдѣ обличаются иноки владѣющіе селами и порицается ихъ вмѣшательство въ мірскія дѣла. Мнѣніе о принадлежности этого памятника перу Вассіана было высказано профессоромъ Бодянскимъ, издавшимъ его въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей (1859 г. кн. III) и было опровергнуто проф. Павловымъ («Правосл. Собесѣдникъ», 1863 г.).

Въ книгѣ моей: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго» въ главѣ: «Новая борьба Іосифа съ ересью и инокъ Вассіанъ», я затронулъ, насколько это было нужно для моей задачи Вассіана Патрикѣева, но тѣмъ не менѣе образъ этого писателя, мною изученнаго, просился еще разъ подъ перо, въ особомъ очеркѣ. При составленіи нынѣ перепечатываемой статьи, мнѣ хорошо было извѣстно приписаніе «Бесѣды Сергія и Германа» Вассіану, но я считалъ это такою крупною ошибкою со стороны проф. Бодянскаго, что не счелъ нужнымъ вносить полемику съ Павловымъ по этому вопросу. Мнѣ казалось, какъ и теперь кажется, что приписаніе «Бесѣды» Вассіану для того, кто знакомъ съ его авторствомъ, кто вчитался въ него, невозможно. Вассіанъ на свои темы писалъ откровенно, выражался сильно и толково, а «Бесѣда» обнаруживаетъ писателя не опытнаго, не искуснаго въ расположеніи частей и въ самомъ изложеніи. Однако, несмотря на высказанное проф. Павловымъ, полемика

по этому вопросу еще нѣкоторое время продолжалась. Мнѣнія Бодянскаго придержался Невоструевъ въ разборѣ моей книги «О сочиненіяхъ Іосифа» (XII отчетъ объ Уваровскихъ преміяхъ 1869 г.). Ему возражалъ опять А. С. Павловъ въ историческомъ очеркѣ: «Секуляризація церковныхъ земель» (Одесса, 1871 г.).

Въ 1889 году «Бесѣда Валаамская» была издана Археографической Коммисіею по тринадцати спискамъ съ обстоятельнымъ введеніемъ В. Дружинина и М. Дьяконова. Этимъ изданіемъ и доводами введенія вопросъ объ Вассіанѣ, какъ авторѣ «Бесѣды», навсегда рѣшенъ—въ отрицательномъ смыслѣ.

Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ имѣетъ интересъ по отношенію къ Вассіану, какъ отголосокъ его воззрѣній на монашеское владѣніе.

Къ статьѣ: „Современныя дешевыя изданія для народнаго чтенія".

Объ издательской дѣятельности Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній и учрежденнаго при ней Общества за пятнадцать лѣтъ (1881—1896).

Пробужденіемъ къ жизни Коммисія обязана была совершенно особому обстоятельству. Въ концѣ 1879 года, въ Аничковскомъ дворцѣ, было засѣданіе по какому то особому вопросу подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Александра Александровича. на которомъ присутствовалъ и Министръ Народнаго Просвѣщенія. По окончаніи очередныхъ вопросовъ Цесаревичъ обратился къ графу Д. А. Толстому съ вопросомъ о томъ существуетъ-ли т. н. Треповская Коммиссія народныхъ чтеній и кто ею завѣдуетъ? Министръ затруднился отвѣтомъ и въ тотъ же день поспѣшилъ потребовать отъ Попечителя учебнаго округа справку. Оказалось, что по выходѣ въ отставку ген. ад. Трепова, Коммиссіею завѣдывалъ одно время преемникъ его ген. Козловъ, а затѣмъ она все рѣже и рѣже стала собираться подъ предсѣдательствомъ помощника Попечителя Учебнаго Округа. Одинъ изъ нихъ К. П. Яновскій (по его личному свидѣтельству) отстоялъ существованіе Коммиссіи передъ Министромъ, который, не сочувствуя народнымъ чтеніямъ, хотѣлъ ее упразднить. Учрежденіе это было какое-то прописное, не зарегистрованное, такъ какъ не прошло черезъ обыкновенное законодательное постановленіе и было результатомъ лишь совѣщанія трехъ министровъ. Безъ всякаго письменнаго распоряженія Коммиссія изъ непосредственнаго вѣдѣнія Министра перешла въ управленіе Учебнаго Округа. Много лѣтъ и по возобновленіи своемъ,

даже до послѣдняго времени, Постоянная Коммиссія народныхъ чтеній не значилась въ спискахъ учрежденій Министерства и не вносилась ни въ какіе календари и указатели. Положеніе этого учрежденія было и на самомъ дѣлѣ оригинально: это было не общество и не правительственное учрежденіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно носило на себѣ неудобства того и другого. Коммиссіи при ея основаніи вмѣнено было въ обязанность изыскивать средства для своей дѣятельности, сперва путемъ частныхъ пожертвованій, а потомъ продажею своихъ изданій. Пожертвованія частныхъ лицъ должны были дать средства для авторскихъ гонораровъ, для изданія брошюръ въ большомъ количествѣ экземпляровъ и наконецъ для устройства чтеній съ показываніемъ картинъ при помощи волшебнаго фонаря. Частныя, довольно крупныя пожертвованія, въ бытность градоначальникомъ Ѳ. Ѳ. Трепова и дали возможность дѣйствовать, издавать иллюстрированныя чтенія, изготовлять картины на стеклѣ и произносить въ наемныхъ помѣщеніяхъ самыя чтенія. Но когда пожертвованія прекратились, средствъ не оказалось. Члены Коммиссіи не были лица выбранныя, взносъ членскій не существовалъ, и запасный капиталъ не былъ основанъ. Съ другой стороны Коммиссіи, какъ правительственному учрежденію, не было дано никакой субсидіи. Трудъ первыхъ членовъ, заинтересованныхъ дѣломъ, былъ безвозмездный. Даже то лицо, которое сосредоточивало въ себѣ всѣ хлопоты по сложному дѣлу веденія чтеній, осталось, не смотря на свое бѣдное положеніе, безъ всякаго вознагражденія, за тяжелый трудъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Послѣ того, какъ Цесаревичъ поинтересовался Коммиссіей, былъ назначенъ Попечителемъ (не Министромъ) предсѣдатель въ лицѣ окружнаго инспектора В. И. Лапина и въ помощь ему и для замѣщенія его былъ назначенъ и я, переѣхавшій въ то время въ Петербургъ на службу изъ Кіева. Лапину и мнѣ прежде всего пришлось разыскивать Коммиссію, не имѣвшую квартиры. У одного изъ членовъ нашли мы, въ его помѣщеніи, нѣсколько процензурованныхъ рукописей, у другого остатки фонарей и нѣсколько коллекцій картинокъ на стеклѣ. Счетоводства, книгъ для записей не нашлось. Что было наиболѣе цѣннаго это—изданія; мы ихъ съ большимъ

трудомъ обрѣли отчасти попорченными въ сыромъ подвалѣ, въ зданіи нынѣ уже не существующей — Управы Благочинія. Завели мы книги, получили изъ Округа хранившіяся тамъ процентныя бумаги на сумму около тысячи рублей и начали дѣйствовать, издавать понемногу *) и понемногу устроивать чтенія съ картинами, которыя тогда назывались туманными **).

Съ 1882 года я сталъ предсѣдателемъ Коммиссіи и въ концѣ того же года при ней основалось Издательское Общество, котораго предсѣдателемъ былъ избранъ также пишущій эти строки.

Главнымъ пособникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ покойный графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ. Это было незадолго до его кончины. Въ самый день кончины, по утру графъ говорилъ сыну своему о новомъ обществѣ въ поддержку нашей Коммиссіи. Графъ Павелъ Сергѣевичъ не замедлилъ вскорѣ по кончинѣ отца явиться съ взносомъ въ 10,000 р. и тѣмъ положилъ начало Обществу. Съ тѣхъ поръ мнѣ открылась возможность примѣнять къ дѣлу тѣ вожделѣнія и мысли, какія высказаны въ выше помѣщенной и здѣсь дополняемой статьѣ.

Особенностью нашей редакціи была организація редакціоннаго Комитета, на который возложена была обработка статей, приспособленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ для народныхъ аудиторій, усовершенствованіе переиздаваемыхъ чтеній, заботы о заказѣ картинъ для фонаря и наконецъ выборъ и приспособленіе къ публичному чтенію для народа матеріала и не нами изданнаго.

Одобренное къ напечатанію произведеніе подвергалось въ редакціонномъ Комитетѣ самому внимательному разбору. Каждый членъ приносилъ въ засѣданіе корректуру съ своими замѣчаніями, при чемъ главная корректура была въ рукахъ члена редактора, а равно и самого автора. Черезъ такую редакцію прошли и чтенія, и всѣ книги для народа, напечатанныя на средства Издательскаго общества. Часто хорошій спеціалистъ не имѣетъ навыка излагать свой предметъ языкомъ

*) См. выше стр. 394.

**) По примѣненію друмондова свѣта къ фонарю, когда картины достигли передачи свѣто-тѣни и красокъ, мы стали въ публикаціяхъ о чтеніяхъ называть ихъ *свѣтовыми*, а не туманными.

простымъ и, при объясненіи научнаго факта, имѣетъ въ виду лицъ болѣе или менѣе подготовленныхъ и потому бываетъ мудренъ и не понятенъ для простолюдина; иногда у него остается безъ поясненія то, что для него самаго, какъ спеціалиста, кажется азбукой дѣла. — Остальные члены комитета, не спеціалисты, добивались отъ автора ясности и доступности каждой фразы. Десятки засѣданій, длившихся отъ 8 до 12 часовъ, посвящены были, помню, на обработку географической части Настольной книги для народа. Помню сколько трудовъ пошло на пересказъ и упрощеніе такихъ дѣльно и прекрасно составленныхъ трудовъ, какъ «Общедоступный Лечебникъ домашнихъ животныхъ Самборскаго», и его же «Дешевое и выгодное кормленіе домашнихъ животныхъ», или два чтенія объ электричествѣ (Электричество и его примѣненіе), гдѣ главнымъ лицомъ былъ Я. И. Ковальскій, подвергавшій охотно свой трудъ критикѣ комитета. Трудъ этотъ заслужилъ похвалу отъ проф Хвольсона за свою полноту и доступность, и до сихъ поръ остается въ своемъ родѣ единственною популярною книгою объ электричествѣ. — Въ изданіяхъ литературныхъ произведеній, въ описаніяхъ странъ, народовъ и русскихъ святыхъ мѣстъ принимало главное участіе какое нибудь отдѣльное лицо, изъ комитета. Переработкѣ и улучшенію подвергались повѣсти и разсказы. Такъ напримѣръ, «Архангельскіе китоловы», столь любимое и по всѣмъ мѣстамъ Россіи много разъ читавшееся съ большимъ успѣхомъ, чтеніе, было редактировано А. Н. Майковымъ; «Кавказъ и Закавказье» С. В. Максимовымъ, большая же часть мною и А. І. Кочетовымъ.

Теперь перейду къ очерку — конечно краткому — всего того, что было издано съ 1882 по 1896-й годъ. О первыхъ изданіяхъ мною уже упомянуто въ статьѣ о народныхъ книгахъ (см. выше стр. 393 и 394). Съ самаго начала своей дѣятельности, еще въ Треповскій періодъ, Коммиссія издала и произносила съ показываніемъ картинъ: «Уничиженіе Господа Нашего Іисуса Христа» и «Слава на землѣ Господа нашего Іисуса Христа». Оба чтенія написаны были свящ. Опатовичемъ. Въ нашъ періодъ первая изъ этихъ брошюръ была переиздана и слушалась народной аудиторіей съ умиленіемъ. Съ ней вмѣстѣ мы удержали изъ прежнихъ брошюръ чтенія священ-

ника Мих. Соколова: «Жизнь Божіей матери, Жизнь святителя чудотворца Николая, Великій постъ и о Богослуженіи». Чтенія эти подверглись также значительному улучшенію, по нашимъ просьбамъ, со стороны автора. Многіе священники произносили эти чтенія по иниціативѣ Коммисіи и въ ея аудиторіяхъ—пока наконецъ не открылось Общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

Успѣхъ нашихъ чтеній второго періода, произносившихся въ залѣ Городской Думы, имѣлъ непосредственное вліяніе на образованіе новаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Протоіерей о. Димитрій Яковлевичъ Никитинъ откровенно приписывалъ намъ свое вдохновеніе къ устройству новаго общества, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ нашъ сотрудникъ Мих. Ил. Соколовъ и, тогда еще юный, священникъ Вѣтвѣницкій. Къ творчеству по религіозному отдѣлу, во второй описываемый періодъ дѣятельности Коммисіи, относятся чтенія: «Церковь Христова со временъ апостоловъ (въ двухъ чтеніяхъ) А. І. Кочетова» и два чтенія Четыркина: «св. Василій Великій, и св. Григорій Богословъ» «св. Іоаннъ Златоустъ» Сахарова. Затѣмъ было издано написанное для Коммисіи чтеніе «О жизни св. Ксенофонта и Маріи и двухъ сыновей ихъ». Оно изложено было талантливымъ перомъ Евгеніи Туръ (графиня Саліасъ). Въ немъ поучительные образцы вѣры въ милосердіе Божіе, евангельской любви и терпѣнія.—Большимъ сочувствіемъ слушателей пользовалось прекрасно обставленное картинами чтеніе: *Отшельникъ*, также изданное Коммисіей. Жизнь Алексѣя Божьяго человѣка было излюбленной темой духовныхъ народныхъ стиховъ. Поэтъ Б. Н. Алмазовъ изложилъ это житіе въ звучныхъ стихахъ, художественно и просто въ томъ колоритѣ, который дѣлаетъ это произведеніе особенно близкимъ народу. Чтеніе «Іоаннъ Дамаскинъ» состоитъ изъ выдержекъ изъ поэмы графа А. К. Толстаго, выбранныхъ и соединенныхъ пересказомъ. Поэма эта со своими созерцательными эпизодами конечно не могла бы быть доступной для народной аудиторіи, для чтенія въ теченіи часа; послѣдовало-бы напряженіе вниманія, утомленіе. Въ приспособленномъ къ цѣли чтеніи живое поясненіе приводитъ къ выдержкамъ, къ прекраснымъ стихамъ, сопровождающимъ появленіе сюжета на экранѣ.

Картины къ этому чтенію были художественно скомпанованы и затѣмъ прекрасно исполнены главнымъ дѣятелемъ Коммисіи по части свѣтовыхъ картинъ, членомъ ея А. К. Ержемскимъ. Чтеніе о св. Кириллѣ и Меѳодіи было написано А. И. Желобовскимъ и также богато иллюстрировано.

Дать народной аудиторіи рядъ жизнеописаній св. угодниковъ и просвѣтителей, встрѣчающихся на протяженіи всей нашей исторіи, было основною задачею нашею. Одно перечисленіе изданныхъ чтеній о нихъ показываетъ, что—отъ Кіево-печерскаго первоначальнаго періода до XIX-го столѣтія включительно—рядъ чтеній нашихъ даетъ значительный вкладъ въ курсъ церковно-народной исторіи русской.

Стефанъ Пермскій, Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій, Тихонъ Задонскій—представляютъ рядъ чтеній, оканчивающійся почти современнымъ намъ Иннокентіемъ, просвѣтителемъ Камчатки и Алеутовъ. Послѣднее чтеніе, составленное по книгѣ И. П. Барсукова дало мотивы для самыхъ интересныхъ иллюстрацій на стеклѣ для волшебнаго фонаря.

Описанія св. мѣстъ и монастырей вслѣдъ за Соловецкимъ монастыремъ (Максимова) начались во второй періодъ дѣятельности Коммисіи упомянутыми выше «Богомольцами у святынь Кіева». Затѣмъ изданы были описанія, вмѣстѣ съ исторіей, Троицкой лавры, Почаевской лавры, Валаамской обители, Бѣлозерской обители, (двухъ авторовъ, въ различныхъ изданіхъ), Новаго Іерусалима, Московскаго кремля, святынь Ростова Великаго, святынь города Вильны. Три чтенія о Святой землѣ съ описаніемъ пути и одно о Синаѣ переносятъ слушателя въ излюбленныя святыя мѣста на чужбинѣ.

Переходимъ къ историческому отдѣлу. Кромѣ чтеній Рождественскаго о Петрѣ Великомъ и о Суворовѣ гжи Макаровой «Чему училъ народъ свой Петръ Великій» и Супонева о Севастопольцахъ—чтенія перваго періода не перепечатывались; вмѣсто нихъ были написаны на тѣ же темы (о татарскомъ нашествіи, о Екатеринѣ II о 1812 годѣ) новыя чтенія.

Въ 1884 году мы занялись преимущественно цѣлью изложить исторію Россіи для народной аудиторіи въ послѣдовательности, останавливаясь на важныхъ событіяхъ, гдѣ жизненныя силы народа, его твердость и возвышенное на-

строеніе помогали ему выходить изъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Выработкѣ этихъ чтеній и постановкѣ ихъ помогло одно повидимому случайное обстоятельство: Коммисія пользовалась тогда большимъ заломъ Думы для своихъ чтеній. Центральное мѣсто, просторъ, благопріятныя условія для отраженія картинъ на экранѣ большихъ размѣровъ—все это, при одушевленномъ, а часто художественномъ чтеніи, стало привлекать большое число слушателей, и въ толпѣ стала замѣтна привычка являться къ чтенію въ извѣстный день и часъ. Замѣчалось ядро постоянныхъ посѣтителей. И тогда еженедѣльно показывался рядъ *новыхъ* картинъ къ *вновь* составленному чтенію. Первое чтеніе бывало преимущественно историческое, второй же часъ посвящался литературному, приспособленному къ часовому пространству времени чтенію. Историческій курсъ прочитывался частію и по рукописи, такъ какъ издать рядъ новыхъ чтеній нельзя было вдругъ. Чтеніе по рукописи было своего рода проба, измѣреніе времени и испытаніе успѣха предлагаемой статьи. Въ это же время бросались въ глаза достоинства и недостатки картинъ, соотвѣтствующихъ содержанію. Чтеніе примѣнялось часто къ сюжету картины, если таковая была особенно выразительна и скопирована съ оригинала знаменитаго художника по части исторической живописи.

Черезъ пять лѣтъ Коммисія уже приступила къ второму изданію своихъ вновь написанныхъ въ 1884 году брошюръ и составила изъ нихъ сборникъ подъ названіемъ «29 чтеній по русской исторіи». Въ него вошли послѣдовательныя чтенія отъ начала христіанства на Руси до Александра II-го. Предисловіе къ этому сборнику ближе всего можетъ ознакомить съ его содержаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать понятіе и о самыхъ чтеніяхъ по русской исторіи, изданныхъ Коммисіей *).

«Чтенія эти изданы Постоянной Коммисіей по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ въ отдѣльныхъ книжкахъ небольшого формата. Многія изъ нихъ имѣли уже по нѣскольку изданій, и всѣ внесены Ученымъ Комитетомъ въ каталогъ книгъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и одобрены для начальныхъ

*) *Учрежденная по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянная Коммисія народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.* Двадцать девять чтеній по русской исторіи. Отъ начала христіанства на Руси до кончины императора Александра II-го. Спб., 1892 г.

училищъ. Въ предлагаемомъ изданіи нѣкоторыя изъ этихъ чтеній помѣщены не въ цѣломъ ихъ объемѣ, какъ того требовала задача изданія. Въ текстѣ устранены поясненія, вызываемыя потребностями народной аудиторіи и обращенія къ слушателямъ. Двадцать девять чтеній по русской исторіи представляютъ стройное цѣлое и могутъ служить пособіемъ при элементарномъ изученіи русской исторія. Онѣ могутъ быть подспорьемъ и тому, кто проходитъ систематическій курсъ, не всегда дающій возможность останавливаться на эпизодахъ и на отдѣльныхъ произведеніяхъ древней письменности».

«Наши чтенія изъ древняго періода русской исторіи имѣютъ между прочимъ ту особенность, что черезъ нихъ литературныя произведенія нашей древней письменности доходятъ—нѣкоторыя въ первый разъ—до читателя общедоступной книги. Уже во второмъ чтеніи «О сыновьяхъ святаго Владиміра» читатель встрѣчаетъ умилительную повѣсть Іакова монаха о св. Борисѣ и Глѣбѣ—памятникъ, сдѣлавшійся достояніемъ науки много послѣ Карамзина. Въ чтеніи «Кіево-Печерская обитель» передъ читателемъ основныя сказанія Патерика Печерскаго; въ чтеніи: «Владиміръ Мономахъ» передъ нимъ сказанія Кіевской лѣтописи о борьбѣ князей между собою, о походахъ на Половцевъ; посланіе Мономаха къ Олегу Черниговскому и выдержки изъ слова о полку Игоревѣ, въ которыхъ припоминается добытая Владиміромъ Мономахомъ слава за рубежемъ земли Русской. Завѣщаніе Мономаха здѣсь находится во всей полнотѣ его содержанія и мѣстами органически входитъ въ повѣствованіе».

«Лѣтопись, проповѣдь Серапіона и два древнихъ сказанія о двухъ славныхъ князьяхъ (Повѣсть о убіеніи тверскаго Михаила и Сказаніе о св. Александрѣ Невскомъ) служили непосредственными источниками при составленіи чтеній: «Нашествіе татаръ и князь Михаилъ Тверской» и «Александръ Невскій, святой благовѣрный князь». Рядомъ съ первыми Московскими князьями въ чтеніяхъ Аполлона Николаевича Майкова появляются святители Петръ и Алексій. Особое чтеніе посвящено преп. Сергію Радонежскому и еще особое просвѣтителю язычниковъ св. Стефану Пермскому по житіямъ ихъ, составленнымъ въ XV столѣтіи».

«Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ, какъ лучшій источникъ и какъ лучшее произведеніе литературы XV-го вѣка, послужило къ изложенію разсказа о Куликовской битвѣ, при чемъ сухая лѣтописная повѣсть, полная анахронизмовъ, равно какъ и хитросплетенная «Задонщина» оставлены въ сторонѣ».

«Повѣсть о взятіи Царяграда турками, имѣвшая столь важное значеніе для Руси и затронувшая историческое назначеніе Московскаго государства и притомъ крайне занимательная въ своихъ подробностяхъ, цѣликомъ передана въ чтеніи «Иванъ III». За статьями объ Іоаннѣ Грозномъ въ нашемъ сборникѣ слѣдуетъ очеркъ совсѣмъ новаго подвига, подвига просвѣщенія. Обзоръ трудовъ и невзгодъ перваго русскаго печатника, Ивана Ѳедорова проливаетъ свѣтъ на Русь западную, открывая передъ читателемъ подвиги православныхъ среди католиковъ. Въ двухъ чтеніяхъ о смутномъ времени мы слышимъ опять таки лѣтописцевъ современниковъ, и среди нихъ всего звучнѣе голосъ Авраамія Палицына».

«Два чтенія о первыхъ царяхъ дома Романовыхъ представляютъ собою только очерки выдающихся событій. За ними слѣдуютъ два другихъ чтенія о Петрѣ Великомъ, въ которыхъ опытный читатель усмотритъ выдержки изъ наиболѣе талантливыхъ современныхъ историковъ говорящихъ за себя живостью колорита и образностью. Къ чтенію «О преемникахъ Петра» присоединено чтеніе: О Ломоносовѣ, біографія котораго и сама дѣятельность есть лучезарная точка въ исторіи XVIII-го вѣка».

«Въ статьяхъ по новому періоду русской исторіи составители много заимствовали изъ литературы мемуаровъ и достовѣрныхъ анекдотовъ. За разсказомъ о славныхъ событіяхъ царствованія Екатерины Второй читателю предлагается живой очеркъ обычаевъ и права великой государыни. Очеркъ жизни и дѣятельности «Суворова» довершаетъ картину столѣтія».

«Въ обзоръ «царствованія Александра Благословеннаго» входитъ чтеніе о народной войнѣ 1812 года. Источниками для этого, живо написаннаго, чтенія послужили, кромѣ основныхъ сочиненій (Михайловскій—Данилевскій, Богдановичъ), современныя событію записки, преданія и художественныя повѣствованія нашихъ временъ. Повѣстью объ осадѣ Севастополя и двумя чтеніями о жизни и дѣяніяхъ Царя Освободителя нашъ сборникъ оканчивается».

По выходѣ этого сборника въ свѣтъ появились еще историческія чтенія «Императоръ Николай Первый». «Путешествіе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича на Востокъ—два чтенія»—и въ 1894 г. «О Благочестивѣйшемъ въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ Третьемъ». Особо стоитъ брошюра «Объ Уніатахъ въ западной Руси»—въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ второе носитъ названіе: «Холмская Русь». Мѣстная исторія русскихъ окраинъ сверхъ того вошли въ чтенія географическія.

Священное Коронованіе 1883 и—другое въ 1896 г. вызвали любимыя народомъ чтенія съ поясненіемъ обычаевъ, обрядовъ и молитвъ. Событіе 17 октября 1888 года вызвало чтеніе о немъ, составленное по живымъ разсказамъ свидѣтелей. Прочитываемое не разъ въ Думѣ, оно своимъ содержаніемъ, картинами и портретами вызывало восторги умиленія и громогласныя молитвы слушателей. Впечатлѣніе этого чтенія заслужило Высочайшее вниманіе покойнаго Государя. На эту брошюру было особенно большое требованіе. До 1896 г. она разошлась въ количествѣ 84,000 экземпляровъ.

Постановка памятника Славы на Забалканскомъ проспектѣ, постановка памятника Пржевальскому вызвали своевременно новыя чтенія. Когда печать, даже въ дешевыхъ газетахъ, горячо толковала объ Абиссиніи, явилось чтеніе объ этой странѣ. Выставка въ Чикаго перенесла слушателей за далекія моря. Юбилейный годъ Колумба далъ поводъ издать брошюру о его подвигѣ и рядомъ иллюстрацій познакомить слушателей съ Испаніей и островитянами Новаго Свѣта.

Отечествовѣдѣніе было также одною изъ главныхъ задачъ Коммисіи. Въ описываемый періодъ появились чтенія: Архангельскій край; Ладожское озеро; Олонецкій край; Псковъ; Уралъ; Волга; Кавказъ; о Крымѣ; Восточныя окраины русскаго царства; Амуръ; Уссури; Русскія владѣнія въ Средней Азіи; Бытъ и нравы киргизовъ; о Тамбовской старинѣ.—Выборъ мѣ-

стности зависѣлъ отчасти отъ автора, всегда лично знакомаго съ описываемымъ имъ краемъ. Такъ напримѣръ В. П. Желиховская передала свои кавказскія впечатлѣнія о природѣ и о племенахъ горцевъ; А. Н. Яхонтовъ далъ въ чтеніи о Псковѣ любопытныя страницы о рыбной ловлѣ въ Талабскомъ озерѣ.

Живыя представленія о горномъ дѣлѣ, о заводахъ и металлахъ представляетъ г. Овсянниковъ въ чтеніи «Уралъ». Болѣе широкія темы составлены по лучшимъ литературнымъ источникамъ, какъ напр. «Волга» по Рагозину, Монастырскому и другимъ.

Знакомство народной аудиторіи съ чужими странами и народами Европы и даже Азіи открыло собою новую вереницу чтеній географическихъ съ богатымъ числомъ картинъ, приспособленныхъ къ ихъ содержанію. Иныя изъ чтеній представляютъ собою какъ бы объяснительный текстъ къ панорамѣ. Такъ чтеніе: «Италія» есть объяснительное къ превосходнымъ 30 свѣтовымъ картинамъ.

Чтеніе «О Франціи и французахъ»— составлено и поставлено было для публичнаго произношенія тогда, когда дружественныя отношенія между Россіей и Франціей возбудили особый интересъ. И на самомъ дѣлѣ подробныя свѣдѣнія о Парижѣ, сообщенныя въ брошюрѣ, удовлетворили потребности слушателей узнать о Франціи и о французахъ.

Съ большимъ тактомъ и обдуманностью передана здѣсь въ общихъ чертахъ исторія Франціи. (Исторія Жанны д'Аркъ разсказана особо, въ главѣ о Парижѣ, по поводу памятника ей). Свѣдѣнія о сношеніяхъ нашихъ съ Франціей, начавшихся еще въ московскій періодъ, о посѣщеніи ея Петромъ Великимъ и т. д. изложены въ хронологическомъ порядкѣ. Авторъ отмѣчаетъ двѣ наши войны съ Франціей и заканчиваетъ свое чтеніе разсказомъ о посѣщеніи французской эскадрою Кронштадта.

Къ брошюрѣ приложена отчетливо выполненная карта.

Брошюра С. А. Вердеревской о «Голландіи и голландцахъ» начинается съ описанія географическаго положенія страны, съ отвоеванія почвы отъ моря и заканчивается Саардамомъ, гдѣ работалъ на верфи великій преобразователь Россіи. Характеристика голландцевъ, какъ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преданныхъ долгу, честныхъ и прямыхъ, основана

на примѣрахъ изъ жизни народа и производитъ нравственное цѣлостное впечатлѣніе.

Изъ чтеній по Азіи—Японія явилась въ годину ея войны съ Китаемъ, и въ тоже время появилось и чтеніе о Китаѣ а нѣсколько позднѣе объ Индіи и индусахъ. Свѣтовыя картины, изготовленныя къ этимъ чтеніямъ, послужили готовымъ матеріаломъ къ чтеніямъ о путешествіи Наслѣдника Цесаревича на Востокъ.

Изъ дополняемой здѣсь статьи (см. выше стр. 393) видно, что въ первый періодъ дѣятельности Коммисіи было весьма немного чтеній по отдѣлу *словесности*. Изъ нихъ «Купецъ Иголкинъ» и Филонова «Ломоносовъ» были не однократно переиздаваемы и во второй періодъ и имѣютъ до нынѣ живое обращеніе въ продажѣ. Въ новый періодъ, о которомъ ведемъ рѣчь, были изданы четыре историческихъ разсказа В. П. Лапина: «Русская правда, или судъ въ стародавнія времена». «Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома», «Невская битва и Ледовое побоище». «Изъ времени покоренія Сибири». Тогда же вышелъ «Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина» Филонова и «Тарасъ Бульба» въ пересказѣ В. П. Лапина.

Съ основанія Издательскаго Общества стали мы издавать разсказы г-жи Катенкампъ (рожденной Сѣтковой), изъ народнаго быта. Они были найдены мною въ журналѣ «Родина», гдѣ были озаглавлены довольно неудачно русскими пословицами, что скрывало ихъ интересъ, не разсудочный, но почерпнутый авторомъ, проведшимъ свою молодость въ различныхъ селахъ русскаго сѣвера, прямо изъ жизни. Въ выборѣ этихъ разсказовъ для народнаго изданія принималъ участіе покойный Ап. Ник. Майковъ. Онъ оцѣнилъ творчество этихъ глубоко нравственныхъ произведеній, простодушныхъ, не надуманныхъ, а вылившихся изъ подъ пера даровитой, наблюдательной, и при томъ незагроможденной познаніями писательницы.

Прежде всего изданъ былъ разсказъ: «Архангельскіе китоловы». Вотъ его начало:

«Весна; сѣверная Двина вскрылась и съ глухимъ грохотомъ катитъ свои темносинія волны въ бурливое Бѣлое море. Низменные берега Соломбала покрыты водою; въ затопленной пристани качаются корабли, двухмачтовыя и одномачтовыя суда: сообщеніе между городомъ Архангельскомъ и островами прекратилось. Нѣсколько зѣвакъ толпится у городской набережной и молча смотритъ на воду. Огромныя льдины несутся по рѣкѣ, то разбиваясь

одна о другую, то сплачиваясь вмѣстѣ въ одну широкую бѣлоснѣжную поляну. И далеко, далеко слышится отъ нихъ гулъ и несутся по вѣтру брызги разбивающейся пѣны. Къ толпѣ любопытныхъ горожанъ подошелъ рослый, худощавый парень лѣтъ девятнадцати; онъ тоже остановился и задумчиво смотритъ на рѣку»...

Изъ разспросовъ изъ толпы и отвѣтовъ парня узнаемъ, что юноша, Сергѣевъ, сынъ больной матери, пришелъ для поддержки семьи наниматься на китоловное судно. Дѣло это требуетъ особой отваги, да и попасть въ дружину отправляющихся въ океанъ—море смѣльчаковъ не легко. И вотъ мы переживаемъ всѣ опасенія и препятствія, встрѣчающіяся Сергѣеву и наконецъ вербовку и испытаніе новобранцевъ-китолововъ. Шкиперъ Климычъ и его помощникъ, закаленный морякъ и охотникъ, Архипъ—живые образы. Недоброжелательный соперникъ Сергѣева другой новобранецъ, Круторoговъ, является четвертымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти. Плаваніе, поимка кита, встрѣча съ бѣлой медвѣдицей, зимовка на Шпицбергенѣ—все это и живо и занимательно и стоитъ любого эпизода изъ Робинзона, но еще цѣннѣе и тѣмъ, что картина со всею обстановкою взята изъ русской жизни и изображаетъ нашихъ поморовъ. Подробности разсказа такъ живописны, что въ нихъ нашлись готовые мотивы для иллюстраціи въ свѣтовыхъ картинахъ. Подвиги Сергѣева не только въ борьбѣ съ китомъ, или съ медвѣдицей, но и въ уходѣ за заболѣвшимъ цынгою, во время зимовки, враждебнымъ къ нему Круторoговымъ возбуждаютъ простодушныя одобренія аудиторіи. Спасеніе зазимовавшихъ въ области льдовъ китолововъ и возвращеніе ихъ домой производитъ умилительное впечатлѣніе и нѣкоторый восторгъ въ слушателяхъ.

Поставленный, какъ чтеніе, разсказъ занимаетъ не болѣе часу времени. Произносился онъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ устраивались народныя чтенія, и вездѣ имѣлъ успѣхъ. Какъ-же велико было число лицъ, читавшихъ «Архангельскихъ китолововъ», видно изъ того, что требованіе на этотъ разсказъ было очень велико: его разошлось около 60,000 экземпляровъ въ семи изданіяхъ.

Равнымъ успѣхомъ въ народныхъ аудиторіяхъ Петербурга и другихъ городовъ и мѣстъ пользовалось другое произведеніе г-жи Катенкампъ «Старикъ Никита и его три дочери». Ху-

дожественно прочитанная повѣсть обходилась и безъ иллюстрацій и прослушивалась отъ начала до конца съ поразительнымъ вниманіемъ, причемъ слышались вздохи и всхлипыванья. По имени одной изъ дочерей Никиты повѣсть прозвали «Машенькой». Ужь про Машеньку-то еще прочитайте, говорили мнѣ иногда постоянныя слушательницы.

Содержаніе повѣсти — фабула, или легенда Лира, но не шекспировскаго Лира, а Лира легендарнаго, послужившая источникомъ Шекспиру. Легенда объ отцѣ и двухъ неблагодарныхъ дочеряхъ и еще другая—о слѣпцѣ (изъ «Аркадіи» Филиппа Сиднея) послужили Шекспиру матеріаломъ для созданія короля Лира. Легенды эти отразились въ народныхъ нѣмецкихъ сказкахъ, но въ русскую сказочную область онѣ не проникли, не смотря на свой общечеловѣческій простой и вмѣстѣ глубоко трогательный смыслъ. — Г-жѣ Катенкампъ было предложено нами взять первый мотивъ и изложить его въ плоти и крови русскаго деревенскаго люда, столь ей знакомаго. Оказалось, что г-жа Катенкампъ совсѣмъ не знала ни Лира, ни легендъ его. При прочтеніи драмы, по изданію Гербеля въ русскомъ переводѣ, г-жа Катенкампъ испытала великое наслажденіе и, находясь подъ обаяніемъ прочитаннаго, долго колебалась перейти къ предложенной ей задачѣ. Но наконецъ по готовой канвѣ ею намѣченъ былъ планъ, весьма схожій по простотѣ не съ драмой, а съ легендою о неблагодарныхъ дочеряхъ отца, раздѣлившаго между ними все свое имѣніе. Черезъ нѣкоторое время у меня въ рукахъ была рукопись: «Старикъ Никита и его три дочери». Не зная простоты легенды, послужившей источникомъ сперва для прозаическаго построенія повѣсти о Лирѣ въ хроникѣ Голиншеда, а потомъ и для Шекспира, авторъ по инстинкту остановился на самомъ несложномъ, простомъ замыслѣ и выразилъ его въ чертахъ русской жизни и крестьянскаго быта.

«Никита Пахомычъ былъ богатъ, очень богатъ; богаче Никиты Пахомыча не было въ волости крестьянина. У него и изба была лучше другихъ и угодья разныя: поля—глазомъ не окинешь, огородъ—грядъ не сосчитаешь, да мельница на горѣ, да лавочка среди деревни, да капиталъ въ банкѣ... Богатство его никому глазъ не кололо, потому что выросло безъ неправды, безъ мірскихъ слезъ, и самъ владѣтель былъ человѣкъ честный—за то всѣ оказывали ему почетъ.—Да и какъ было не почитать? Случись какая бѣда у сосѣда—у Пахомыча всегда совѣтъ и помощь готовы. Собьется кто съ пути, или провинится передъ міромъ, Пахомычъ острастку дастъ, наставитъ, научитъ, а за раскаявшагося замолвитъ доброе слово... Пахомыча за слова и

въ глаза хвалили и почитали, и почетъ этотъ сдѣлался до того ему привыченъ, что онъ не могъ обойтись безъ него».

Такими же вѣрными быту и нравамъ чертами обрисованы и отношенія Пахомыча къ дочерямъ, и столкновенія съ Машей, подъ вліяніемъ наговора кумы, и дѣлежъ имѣнія передъ всѣми гостями въ день поминокъ жены. — Въ уходѣ Никиты изъ дома—сперва одной дочери, потомъ другой—нѣтъ ничего натянутаго, чуждаго нашему быту.

Какъ образецъ авторскаго пріема возьмемъ сцену столкновенія Никиты съ первою дочерью.

«Въ хозяйство дѣтей онъ избѣгалъ вмѣшиваться, на мельницу и въ лавку заходилъ только случайно, къ работѣ рукъ не прикладывалъ... Власть дѣтей его со дня на день расширялась. Сначала они совѣстились при немъ возвышать голосъ, потомъ кричали не робѣя, а наконецъ и совсѣмъ перестали сдерживаться. Старикъ словно не замѣчалъ этого; что лежало у него на сердцѣ, онъ никому не сказывалъ. Родные и знакомые сперва навѣщали его, но онъ не зазывалъ ихъ. Матрена и Пелагея видимо тяготились отцовыми гостями...

Такъ прошло лѣто, миновали осенніе дни, настала вьюга съ изморозью... Пахомычъ ежился у Матрены на лавкѣ.

— Кабы сегодня свояки пришли,—пробормоталъ онъ зѣвая.—Скучненько становится.

— А на что тебѣ свояки?—сердито отозвалась Матрена—Хлѣба-соли некуда дѣвать чтоли?

— Ну не объѣдятъ тебя мои гости,—тихо возразилъ Пахомычъ.—На ихъ долю, чай, хлѣба хватитъ.

— Какъ бы не такъ! Къ тебѣ соберется вся деревня, а мнѣ кормить ее прикажешь.

— Эхъ, дочка! только и потѣхи у меня что перекинуться словечкомъ съ своими однолѣтками.

— А ты все еще за утѣхой гоняешься! Пора тебѣ батюшка, о смерти думать; полно пустое-то въ головѣ держать. Мнѣ твои гости надоѣли. Довольно ты съ ними за лѣто языкъ чесалъ, теперь пороги здѣсь обивать имъ нечего; только сплетни разносятъ въ народъ.

— Мои гости сплетенъ не вынесутъ. А если ты думаешь, что осудятъ тебя за непочтеніе къ родителю, такъ держись такъ, чтобы суда людскаго не бояться.

— Какого тебѣ еще почтенія надо—разгорячилась Матрена.—Ты сытъ, одѣтъ, въ теплѣ сидишь. Дѣла отъ тебя не спрашиваютъ, живешь какъ у Христа за пазухой.

— Что я сытъ и одѣтъ, дочка, да имѣю крышу надъ головою, такъ это не по твоей милости—возвысилъ голосъ Пахомычъ.—Я мозоли натеръ, вамъ добро собираючи. Кабы мнѣ въ шестьдесятъ лѣтъ дѣлами заниматься, не зачѣмъ было и сдавать вамъ на руки...»

Столкновеніе со второю дочерью, которая не хочетъ принять отца не въ очередь, потому что собирается на другой день ѣхать въ городъ и гонитъ его къ сестрѣ на ночь, подымаетъ бурю въ душѣ старика. У гордаго и прежде властнаго человѣка зашевелилось сознаніе своей неправоты передъ младшею

дочерью — и вообще передъ людьми. Отраженіе Шекспира согрѣло легенду.—Въ духѣ народнаго эпическаго вкуса повѣсть оканчивается трогательными сценами пребыванія старика у младшей дочери, безъ памяти привезеннаго къ ней отъ лѣсника, который пріютилъ его въ непогоду.

Заключается повѣсть нѣсколькими словами о благополучіи Маши, ухаживавшей за отцомъ до его послѣднихъ минутъ и намекомъ на судьбу ея сестеръ, которымъ и сосѣди при случаѣ бѣды нѣтъ—нѣтъ да и шепнутъ горькое слово: «По дѣломъ! отца старика на послѣдяхъ выгнали, чего и ждать вамъ».

Затѣмъ были изданы нами и другія повѣсти г-жи Катенкампъ. Всѣ онѣ нравственны и въ своемъ родѣ трогательны. Неправота въ наживѣ, неравный бракъ, раздѣлъ во вредъ хозяйству—вотъ темы повѣстей. «Роковой кладъ, Лучшая месть, Не въ деньгахъ счастіе»—вотъ ихъ названія. Черезъ нѣсколько лѣтъ г-жа Катенкампъ написала для Издательскаго общества еще три большія повѣсти: «Повѣсть о славномъ атаманѣ Бѣлякѣ и о юномъ княжичѣ Ѳедорѣ—изъ эпохи смутнаго времени», въ 291 страницу. «Болгарка Марица, или похожденія деньщика Ипата за Дунаемъ— изъ временъ турецкой войны» и «На Смоленской дорогѣ—изъ войны 1812 г.». Взятыя въ этихъ повѣстяхъ эпохи составляютъ ихъ главный интересъ. Первая изъ этихъ большихъ (каждая отъ 200 до 300 стр.) повѣстей даетъ идеалъ казацкой отваги и патріотизма, вторая затрогиваетъ современную войну, изображаетъ различные типы болгаръ и рисуетъ самоотверженный благородный характеръ русскаго солдата. Сюжетъ повѣсти несложенъ: молодой офицеръ отправляется на войну съ турками и беретъ съ собою въ качествѣ деньщика деревенскаго парня. Этотъ парень оказываетъ на войнѣ много услугъ офицеру, а самъ знакомится съ болгаркой Марицей, которой онъ спасъ жизнь. Ипатъ женится на Марицѣ, а молодой офицеръ на той дѣвушкѣ, родители которой ранѣе не соглашались на бракъ съ нимъ.

Въ третьей повѣсти на первомъ планѣ дворянская семья. Молодой храбрый офицеръ покидаетъ родной край при вступленіи враговъ въ Россію и вѣнчается съ избранницей своей

лишь тогда, когда совершилось изгнаніе двунадесяти языковъ. Повѣсть читается легко, и передъ читателемъ проходятъ событія: пожаръ Москвы, ополченія деревень и побѣды на Смоленской дорогѣ.

Вслѣдъ за произведеніями г-жи Катенкампъ слѣдуетъ назвать произведенія В. П. Желиховской.

Брошюра «Наши воины православные», съ портретомъ великаго князя Михаила Николаевича, содержитъ рядъ разсказовъ изъ закавказской жизни во время войны 1877 — 1878 годовъ и написана горячо, по слѣдамъ живыхъ наблюденій; оканчивается разсказомъ о славной смерти русскихъ трехъ героевъ: Осипова, Данилова и Никитина. «Ихъ подвиги извѣстны, но какое множество нашихъ воиновъ погибло не менѣе мужественно и славно, да только о смерти ихъ никто не узналъ».

Сидорычъ-безымянный—изъ разсказовъ «стараго кавказца». Здѣсь г-жа Желиховская живописуетъ Батумъ и Поти. Ею выведенъ типъ скромнаго героя, сторожа въ саду, отставного унтера Ивановскаго, который о себѣ не любитъ разсказывать, хотя грудь его увѣшана знаками отличія за походъ и храбрость. Этотъ Ивановскій передаетъ о подвигѣ Сидорыча, спасшаго редутъ—Кале въ 1804 г.

Того же автора «Гордѣй Лѣсовикъ» опять переноситъ насъ на Кавказъ. Повѣсть эта состоитъ изъ разсказовъ отставного унтера о своемъ боевомъ прошедшемъ. Послуживъ въ дѣйствующей арміи на Кавказѣ до старости, Гордѣй привязался къ семьѣ убитаго своего ротнаго командира и особенно къ сыну покойнаго Алешѣ. Алеша, ставъ на ноги, получилъ возможность наградить своего стараго дядьку и выхлопоталъ ему мѣсто главнаго надсмотрщика за лѣсомъ у богатаго помѣщика. Здѣсь, какъ и прежде, на Кавказѣ, Гордѣй не устаетъ дѣлать добро вокругъ себя. Онъ нашелъ себѣ смерть, кинувшись въ горящій домъ — спасать ребенка и имущество бѣдной вдовы.

Перу Н. И. Мердеръ (Северинъ) принадлежатъ изданныя нами же повѣсти: «Чистыя сердца» и «Старица Ѳіонія». Не смотря на литературныя достоинства и художественные образы сельскаго священника, отличнаго домохозяина, и чер-

нички, посвятившей себя благоустройству и сбереженію часовенки на большой дорогѣ, произведенія эти не произвели на кругъ нашихъ читателей такого впечатлѣнія какъ повѣсти г-жи Катенкампъ.

Затѣмъ были еще изданы нѣкоторые разсказы, заинтересовавшіе читателей, какъ-то «Пожарный» Смирнова, «Извощикъ Климъ» г-жи Куликовой и «Топулъ да выплылъ, или похожденія мужичка въ Питерѣ». Послѣдній — разсказъ подробностями петербургской жизни (ночлежный пріютъ, больница) особенно интересуетъ читателя. Самая тема — предпочтеніе деревенскаго труда и благосостоянія городской наживѣ — живо затрогиваетъ простолюдина. Чтеніе это было поставлено съ картинами — на стеклѣ для произношеніи въ аудиторіи и до сихъ поръ не потеряло интереса *).

Само собой разумѣется, что сверхъ выработанныхъ и изданныхъ ею чтеній Коммисія обставляла картинами и произносила въ своихъ аудиторіяхъ цѣльныя произведенія перво-классныхъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Гоголя, Тургенева, гр. Алексѣя Толстого, гр. Льва Толстого, — а также, какъ бы въ антрактахъ, стихотворенія Некрасова, Кольцова и проч. **). Ставили мы также повѣсти и разсказы не нами изданныя — когда это нужно въ сокращеніи и необходимой законченности ***). Отдѣльной брошюрой былъ изданъ нами списокъ изготовленныхъ для чтеній картинъ на стеклѣ ****). Изъ нихъ 164 серіи относятся къ чтеніямъ нашего изданія.

Не могу при этомъ не сдѣлать небольшого отступленія. Помню, какъ ко мнѣ явился съ упрекомъ по адресу Коммисіи

---

*) Въ Народномъ Домѣ Императора Николая II оно произносилось въ 1901 году.

**) Сказки Пушкина, Полтава, отрывки изъ Бориса Годунова, Капитанъ Боппъ, Свѣтлана, Судъ Божій надъ епископомъ и сказки Жуковскаго О сѣромъ волкѣ, О царѣ Берендеѣ. Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ; Іоаннъ Дамаскинъ; Садко, Тарасъ Бульба, Сорочинская ярмарка; Ночь наканунѣ рождества, Живыя мощи Тургенева; Кавказскій плѣнникъ гр. Льва Толстого и проч., проч.

***) Изданія Соляного городка, Дешевая библіотека Суворина изъ журнала «Мірской Вѣстникъ», изданія посредника, Кайгородова и проч.

****) «Списокъ свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ, произносимымъ въ аудиторіяхъ учрежд. по Выс. повелѣнію постоянной Коммисіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. С.-Петерб. 1898 г., стр. 148».

за малое количество чтеній одинъ изъ устроителей чтеній въ приволжскомъ краѣ. Онъ говорилъ, что всѣ *двѣнадцать* чтеній у нихъ перечитали, а новыхъ нѣтъ. Въ отвѣтъ на это я предъявилъ 80 чтеній, тогда уже прочитанныхъ и изданныхъ Коммисіей. А между тѣмъ каталоги наши печатались на обертках, публиковались въ газетахъ и разсылались по земствамъ. И по нынѣ слышится въ прессѣ ропотъ на недостатокъ народныхъ чтеній, а въ нашемъ «Спискѣ» еще въ 1895 году ихъ число достигало 300. Если принять, что въ самомъ благопріятномъ случаѣ, въ годъ выпадаетъ сорокъ праздничныхъ дней для чтеній, то чтеній хватило бы на десять и болѣе лѣтъ. А между тѣмъ лучшія изъ нихъ, подобно любимой театральной пьесѣ, должны повторяться. Обильный выборъ чтеній по нашему «Списку» достаточно говоритъ за отсутствіе тенденціозности и за предпочтеніе въ произведеніяхъ изящной литературы того, что доступно уровню пониманія толпы, желающей слушать, какъ читаютъ другіе... Тотъ, кто пожелалъ бы внести новую лепту, новый элементъ въ репертуаръ народныхъ чтеній, долженъ считаться со способностью всякого человѣка слушать чтеніе безъ перерыва не болѣе часа; долженъ зорко слѣдить, чтобы не ослабло вниманіе, не настала бы скука и утомленіе: тогда успѣхъ потерянъ. Туманныя или свѣтовыя картины тѣмъ и хороши, что онѣ поддерживаютъ вниманіе и оживляютъ аудиторію. Но и безъ нихъ успѣхъ чтенія возможенъ, когда читаютъ громко, толково, выразительно, а главное напередъ приготовляютъ то, что будутъ читать; а если посвящаютъ чтеніе словесному произведенію высшей пробы, то вырабатываютъ заранѣе какъ поясненія, такъ и выдержки, стремясь къ полнотѣ и изящной постройкѣ чтенія. Мы знаемъ, что народъ любитъ проповѣдь церковную и именно толпится къ каѳедрѣ, но толковый и практичный проповѣдникъ тѣмъ не менѣе знаетъ, что слово его не должно длиться долго, чтобы не ослабить духа.—Ни Тарасъ Бульба, ни Полтава не могутъ быть прочитаны за разъ, а раздѣлять чтеніе на два пріема не всегда удобно. Примѣромъ обработки высоко-художественнаго произведенія для народной аудиторіи могутъ служить изданные Коммисіею: Тарасъ Бульба и Полтава. Первыя два произведенія были изданы сперва въ пересказѣ и съ небольшими

выдержками, но при опытѣ не удовлетворили насъ *). Пришлось вновь составить эти чтенія, не загромождая излишними поясненіями и внося насколько возможно болѣе текста великихъ писателей. «Капитанская дочка» вышла въ свѣтъ съ должными и необходимыми пропусками, но притомъ во всей законченности и красотѣ произведенія.

Заботясь о книгахъ для народнаго чтенія вообще и для аудиторій въ особенности, мы задумали издать послѣдовательную историческую хрестоматію, собраніе выдержекъ изъ историческихъ романовъ русскихъ писателей. Въ предисловіи къ ней сказано:

«Предлагая хрестоматію, составленную изъ историческихъ повѣствованій (романовъ) русскихъ писателей, мы хотѣли устранить недостатокъ общій всѣмъ хрестоматіямъ, а именно отрывочность. Читатель, только что заинтересовавшійся какимъ либо описаніемъ, дѣйствующимъ лицомъ или сценой, и естественно желающій знать дальнѣйшій ходъ разсказа, видитъ повѣствованіе внезапно прерваннымъ. Въ издаваемой нами хрестоматіи недостатокъ этотъ устраненъ.—Книга начинается содержаніемъ изъ романа Загоскина: Юрій Милославскій. Ему предпослано краткое изложеніе фактовъ, предшествовавшихъ эпохѣ, составляющей предметъ романа. Это сдѣлано съ такимъ разсчетомъ, что переходы отъ одной главы къ другой ненарушаютъ цѣльности впечатлѣнія. Пересказъ пропущенныхъ главъ, не смотря на краткость, помогаетъ читателю не опускать главной нити.

Послѣ «Юрія Милославскаго» такимъ же образомъ изложены въ *первой* книжкѣ хрестоматіи слѣдующіе историческіе романы и разсказы въ нѣкоторой исторической послѣдовательности: «Женихъ царевны» Вс. С. Соловьева, «Царь Алексѣй съ соколомъ» Г. В. Данилевскаго», «Касимовская невѣста» Вс. С. Соловьева, «Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя» Г. В. Данилевскаго, «Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ» Фурмана.

Въ книгѣ *второй* (Время Петра Великаго). Изъ романа Вс. С. Соловьева «Царь дѣвица», изъ разсказовъ Н. В. Кукольника «Лихончиха», Фурмана «Саардамскій плотникъ», Пушкина «Арапъ Петра Великаго», Кукольника «Прокуроръ», Келсіева и Клюшникова «При Петрѣ»,

---

*) Первое изданіе Полтавы было въ 1876 г. С. М.; второе, г-жи Кислинской, въ 1886 г.—Тарасъ Бульба—въ пересказѣ въ 1881 г., и 1885 г. въ новой обработкѣ—въ 1890 и 1896 годахъ.

Фурмана — А. Д. Меншиковъ, — Соловьева «Юный императоръ».

Къ отдѣльнымъ изданіямъ по словесности можно присоединить и сборники стихотвореній. Сперва было издано три выпуска краткихъ балладъ, сказокъ и лирическихъ стихотвореній, поставленныхъ для чтенія въ аудиторіяхъ.

Позднѣе были изданы особые, болѣе пространные сборники. Первый изъ нихъ *Хвала Богу* состоитъ изъ частей: переложенія изъ новаго завѣта, переложеніе изъ церковныхъ пѣсенъ, переложеніе псалмовъ и наконецъ молитвенныя стихотворенія русскихъ поэтовъ. Въ немъ замѣченъ внимательный редакціонный трудъ и обработка.

Второй сборникъ состоитъ изъ поэмъ и разсказовъ духовно-нравственныхъ. Онъ начинается «Прощаніемъ св. ап. и евангелиста Іоанна съ Патмосомъ» Жемчужникова. Затѣмъ слѣдуютъ произведенія Надсона, Языкова, Бориса Алмазова (Щедрый богачъ), Жуковскаго (Судъ Божій надъ епископомъ, Капитанъ Боппъ, Бэда проповѣдникъ; Выборъ креста), Апухтина (Въ Монастырѣ—разсказъ монаха) и другія. Третій сборникъ подъ названіемъ: «*Слава родной земли*» состоитъ изъ частей: 1) Событія изъ русской исторіи въ стихотвореніяхъ Пушкина, А. Толстого, Рылѣева, Майкова и др.; 2) гимны и пѣсни славы. Четвертый сборникъ: *Пѣсни и бытовыя стихотворенія,* пятый—*Сказки и были* (три сказки Пушкина, Бояринъ Алтынъ и Несмѣяна царевна Сафонова; Садко и другія двѣ Гр. А. Толстого, Гр. Льва Толстого; Микулушка Селениновичъ.

Сверхъ матеріала для народныхъ аудиторій Коммисія издала цѣлый рядъ доступныхъ не умудренному наукой, любознательному читателю утилитарныхъ книжекъ. Изъ нихъ по объему и успѣху въ продажѣ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о двухъ томикахъ Д-ра Перфильева: «Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ» въ двухъ частяхъ и ветеринара Самборскаго: «Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ» (284 стр. и 48 стр. приложенія и 7 рисунковъ съ объясненіями). Послѣдній трудъ даетъ въ руки сельскаго грамотника и начинающаго ветеринара настольную, руководящую книгу. Потомъ того же автора [illegible]чевое и выгодное кормленіе животныхъ». Три изда-

нія имѣли брошюры Кн. В. Масальскаго «Изъ жизни растеній», два изданія Н. Кузнецова «О русскомъ лѣсѣ» въ двухъ частяхъ. Затѣмъ: «Электричество и его примѣненія», «Сельскія огнеупорныя постройки» Теплова, «Что такое каменный уголь и какъ его добываютъ» Животовскаго и еще нѣкоторыя другія.

Всѣ эти послѣднія брошюры хотя и вырабатывались для народной аудиторіи, но успѣха въ ней не имѣли. Онѣ имѣютъ однакоже читателей, что видно изъ того, что ихъ выписывали для библіотекъ, а на лечебники были требованія отъ земствъ и отъ частныхъ лицъ.

Теперь переходимъ къ самому обширному труду Издательскаго общества, а именно, къ «*Настольной книгѣ для народа* *)». Настольная книга представляетъ томъ въ 720 страницъ большаго формата, снабженный рисунками, картами и таблицами. Цѣна книги 1 р. 50 к. Такая цѣна едва окупаетъ типографскіе расходы, не говоря уже о гонорарѣ посороннимъ обществу лицамъ, который неминуемо долженъ былъ превышать обычный размѣръ, такъ какъ требовалась особо тщательная и пристальная работа. Средства на изданія книги были даны, во-первыхъ, частными лицами (А. Г. Кузнецовъ въ ознаменованіе совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, пожертвовалъ 6 тысячъ рублей), затѣмъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (три тысячи) и, наконецъ, самимъ Издательскимъ Обществомъ.

Трудъ Общества былъ внушенъ завѣтомъ нашей старины—

---

*) *Настольная книга для народа.* Отдѣлъ первый. *Календарь Православной Церкви:* а) Мѣсяцесловъ Православной Церкви Христовой, съ 4 приложеніями и указателями мѣстностей и иконъ; б) Кругъ Пасхальнаго года, съ четырьмя приложеніями и двумя таблицами. Отдѣлъ второй. Исторія всемірная и русская: а) Всемірная исторія или повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ въ мірѣ со временъ древнѣйшихъ; б) Лѣтопись русской исторіи. Отдѣлъ третій. Географія всеобщая и русская. Съ приложеніемъ четырехъ картъ: а) Общія понятія; б) Части свѣта и иностранныя государства; в) Россійская имперія. Отдѣлъ четвертый. Міръ Божій. Съ 37 пояснительными рисунками въ текстѣ: а) Небесныя свѣтила; б) Земля и явленія въ ней происходящія. Спб. 1891 г.

говоритъ, предисловіе. Мысль дать книгу знаній человѣку любознательному и грамотному, но не прошедшему курса школы, была въ ходу въ старинной литературѣ. Первая часть настольной книги — календарь. Въ немъ уясненъ церковный кругъ Богослуженія, дано понятіе о праздникахъ, о св. мужахъ и женахъ, прославляемыхъ Церковью. Тутъ же читатель найдетъ ключъ къ цѣлому кругу пасхальнаго года, найдетъ правила отступокъ для чтенія Евангелія и Апостола, и правила церковнаго устава о соединеніи дневныхъ и праздничныхъ чтеній. Такимъ образомъ ему открывается доступъ къ упрощенному и толковому пользованію неисходной пасхаліей. Полнота церковно-служебныхъ указаній, особенно дорогихъ для грамотниковъ, составила особую цѣнность календаря для всѣхъ церковныхъ людей: Монастыри, сельскіе священники—да и многіе городскіе—выписывали и до сихъ поръ выписываютъ нашъ календарь, какъ руководство.

Для любознательнаго грамотника этотъ календарь цѣлая наука, сводъ церковныхъ свѣдѣній.

Переходя къ другимъ частямъ «Настольной книги» предисловіе продолжаетъ:

«Въ нашемъ трудѣ мы вошли въ область міросозерцанія лица, прошедшаго начальную школу. Ему извѣстна исторія евангельская и отчасти и библейская; въ церкви онъ слышитъ псалмы и пѣснопѣнія. Вотъ элементы его историческаго сознанія. Поэтому отвѣтить его любознательности изложеніемъ всеобщей исторіи мы нашли возможнымъ прежде всего на этой почвѣ. Нашей задачей было органическое объединеніе понятій, преподаваемыхъ Церковію, съ современными свѣдѣніями изъ жизни народовъ. Другою задачей является самый выборъ этихъ свѣдѣній, исключеніе изъ нихъ всего далекаго и малодоступнаго нашему грамотнику..... Отъ древняго міросозерцанія мы унаслѣдовали тотъ методъ, который вводитъ священную исторію въ общую картину всемірной исторіи. Мы начали съ первыхъ людей, потопа, Ноя и его потомковъ. Проникнутая духомъ книги Бытія, первая глава наша такъ переходитъ во вторую: «Народы, болѣе образованные, составили благоустроенныя общества, называемыя государствами. Ассирія и Вавилонія были древними государствами». Имена эти знакомы по священному Писанію. Затѣмъ Авраамъ и земля Ханаанская опять возвращаютъ читателя къ библейскимъ сказаніямъ. Но до Моисея онъ знакомится съ Египтомъ; во главѣ о пророкахъ онъ встрѣчается со свѣдѣніями о Навуходоносорѣ и Кирѣ, съ восьмой главы передъ нимъ проходятъ греки и Александръ Македонскій. Потомъ выступаютъ на сцену Римляне и, наконецъ отмѣчаемое въ въ учебникахъ курсивомъ и обыкновенно только вскользь, великое міровое событіе—пришествіе Господа на землю. Въ нашей книгѣ здѣсь слѣдуетъ обстоятельное и пространное повѣствованіе о земной жизни Іисуса Христа».

«Данныхъ указаній вполнѣ достаточно для уясненія нашего метода. Ясно, что событія изъ исторіи Церкви—Константинъ Великій, вселенскія соборы—на первомъ планѣ. Затѣмъ идетъ Византійская исторія (Юстиніанъ)

и исторія просвѣщенія славянскихъ народовъ. Дальнѣйшее содержаніе книги составляютъ: магометанство, Карлъ Великій, феодализмъ и рыцарство крестовые походы, взятіе Турками Константинополя, происхожденіе новѣйшихъ европейскихъ государствъ».

Въ изложеніи событій новой исторіи разъясняются замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, а также истолковывается смыслъ характеризующихъ эту эпоху европейской исторіи умственныхъ движеній. Само собой понятно, что папство, реформація и всѣ другія явленія до новѣйшихъ временъ излагаются соотвѣтственно тому, что особенно затрогиваетъ любознательность простолюдина.

Русская исторія изложена подробнѣе и нѣсколько строже. Она есть сводъ главныхъ свѣдѣній по отечественной исторіи и служитъ справкою, необходимымъ дополненіемъ къ нашимъ же одушевленнымъ эпизодическимъ чтеніямъ по русской исторіи.

Третій отдѣлъ Настольной книги посвящается географіи, всеобщей и русской. Въ началѣ преподаются общія понятія, затѣмъ слѣдуетъ описаніе частей свѣта и иностранныхъ государствъ. Свѣдѣнія объ иностранныхъ государствахъ изложены, разумѣется, короче, нежели русская географія, причемъ о государствахъ, болѣе близкихъ къ Россіи, говорится подробнѣе, нежели о государствахъ отдаленныхъ. Слѣдуетъ отмѣтить введеніе къ этому отдѣлу («Общія понятія»), занимающее 18 страницъ убористаго шрифта и отличающееся какъ живымъ, вполнѣ литературнымъ изложеніемъ, такъ и строго научной оцѣнкой разсматриваемыхъ фактовъ. Въ отдѣлѣ русской географіи читатель находитъ статистическія данныя, изложенныя въ таблицахъ и, перечень всѣхъ уѣздовъ. Приложенныя карты составлены такъ, что въ нихъ не попадается именъ, не упоминаемыхъ въ текстѣ. Русская географія особенно живо и интересно изложена.

Четвертая часть—«Міръ Божій». Она распадается на два отдѣла: I) Небесныя свѣтила, II) Земля и явленія, на ней происходящія. 37 рисунковъ, сдѣланныхъ съ самымъ строгимъ выборомъ, помогаютъ читателю легко разобраться въ объясненіяхъ.

Каждый отдѣлъ имѣлъ цѣлый кружокъ работниковъ и прошелъ черезъ редакцію нашего Комитета. Протоіереи Д. П. Соколовъ, Л. П. Петровъ, Н. К. Смирновъ и І. Г. Покровскій труди-

лись по первому отдѣлу. Всеобщую исторію писалъ проф. Н. А. Астафьевъ, русскую—Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ. Географію главнымъ образомъ обработалъ А. П. Березинъ. Четвертая часть принадлежитъ профессору П. И. Броунову.

Просматривая списокъ лицъ, выписывающихъ Настольную книгу, мы видимъ, что Издательское Общество, предпринимая свой обширный трудъ, не ошиблось въ разсчетѣ. Книга расходится среди деревенскихъ грамотеевъ. Священники, причетники, волостные писаря, урядники, народные учителя, фельдшера, уѣздные чиновники и т. д. и т. д.—вотъ среда, въ которой распространяется Настольная книга.

Изданія Коммиссіи и Общества, какъ мы видѣли, многочисленны и разнообразны. Каждое изъ нихъ предназначено удовлетворять опредѣленной, строго намѣченной цѣли. Редакція, конечно, не можетъ быть судьею при оцѣнкѣ своей дѣятельности, но, стремясь къ возможно лучшему выполненію задачи, она старалась совершенствовать свою работу. Всякой разъ, какъ требовалось новое изданіе той или другой книги, редакція подвергала ее вторичному тщательному пересмотру, а иногда и коренной переработкѣ. Мы присматривались и къ нарождающимся умственнымъ запросамъ и стремились посильно удовлетворять ихъ.

Всѣхъ изданій Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и Издательскаго при ней Общества, до моего выхода изъ должности предсѣдателя, выпущено въ свѣтъ до 250 названій книгъ и брошюръ, въ 409 изданіяхъ, въ числѣ 3,413,700 экземпляровъ *).

---

*) Очеркъ дѣятельности учрежденной по Выс. повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній, за первое двадцатипятилѣтіе ея существованія, С.-Петербургъ 1897 г.

Къ статьѣ: „Бояре Шереметевы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ".

Въ 1888 году вышла въ свѣтъ, *книга пятая* рода Шереметевыхъ того же автора, въ 1892 году, *книга шестая*, а въ 1899 году *седьмая*. Въ этихъ трехъ книгахъ читатель переживаетъ событія отъ 1658 по 1672 годъ. Наиболѣе выдающеюся изъ Шереметевыхъ личностью былъ за это время бояринъ Василій Борисовичъ. Его назначеніемъ на воеводство въ Кіевъ начинается пятая книга; она же оканчивается картиной отъѣзда Шереметева изъ польскаго стана, когда, сопровождавшій его, конвой татаръ направилъ его въ Крымъ, къ хану, какъ плѣнника. Въ одной изъ послѣднихъ главъ седьмой книги авторъ вновь переноситъ вниманіе читателя на знатность плѣнника, уже 14-й годъ томившагося въ заключеніи. Послѣ описанія московскихъ торжествъ, при пріемѣ польскихъ пословъ, гдѣ дѣйствовали и другіе Шереметевы, авторъ такимъ образомъ начинаетъ свою XIX главу:

«Что бы ни происходило въ Москвѣ, но мысль невольно обращается къ Крыму, гдѣ томился въ тяжкой неволѣ одинъ изъ лучшихъ представителей рода Шереметевыхъ, бояринъ Василій Борисовичъ».

Во всѣхъ трехъ книгахъ передъ читателемъ проходятъ эпизодъ за эпизодомъ изъ событій юго-западной Руси, отъ выбора гетманомъ Юрія Хмельницкаго до украинской смуты, до Дорошенка и Многогрѣшнаго. Здѣсь много новаго, почерпнутаго изъ непосредственныхъ источниковъ.

За бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ выступаетъ бояринъ Петръ Васильевичъ Большой. Его трудное положеніе на Кіевскомъ воеводствѣ очерчено такъ же живо, какъ и всѣ бѣдствія тѣхъ лѣтъ, обрушившіяся на русскихъ. По поводу назначенія боярина Петра Васильевича въ Симбирскъ воеводою, непосредственно въ слѣдъ за поимкою Стеньки Разина, нашъ авторъ даетъ любопытныя свѣдѣнія, опредѣляющія значеніе Симбирска, какъ опоры государства на востокѣ. Бытовыми

свѣдѣніями изъ жизни московскаго двора, изъ семейнаго архива Шереметевыхъ упомянутыя нами книги не менѣе богаты, чѣмъ и книга четвертая. Здѣсь передъ нами рядныя и духовныя завѣщанія, связанныя съ до сихъ поръ находящимися во владѣніи графовъ Шереметевыхъ селами. Къ VI книгѣ приложенъ портретъ—снимокъ съ гравюры, къ VII-ой родословіе Шереметевыхъ и списокъ фамилій, породнившихся съ ними. Есть нѣсколько палеографическихъ снимковъ и таблицъ.

Намъ достовѣрно извѣстно, что и *восьмая книга* близится къ окончанію подъ перомъ того-же автора. Въ ней проходятъ послѣдніе четыре года царствованія Алексѣя Михайловича и эпоха царя Ѳеодора Алексѣевича.

Къ статьѣ: по поводу 14-ой книги: „Жизнь и труды М. П. Погодина“ Н. П. Барсукова.

Въ нынѣшнемъ 1901 году вышла въ свѣтъ *книга пятнадцатая* того-же изданія. Въ ней событія отъ коронованія императора Александра II-го до выступившихъ на сцену исторіи вѣяній освобожденія. Выступленіе Погодина на поприще политическихъ вопросовъ; западники и славянофилы; споры о сельской общинѣ; Чичеринъ, Герценъ—и наконецъ начало освобожденія крестьянъ и ходъ этого дѣла въ самое первое время. Вотъ вкратцѣ содержаніе новой, пятнадцатой книги, въ слѣдъ за которою скоро появится *шестнадцатая книга*, имѣющая окончиться 1859-мъ годомъ.

Къ статьѣ: „О просвѣтительной дѣятельности Екатерины Второй“.

Считаю не лишнимъ привести выдержку изъ письма ко мнѣ извѣстнаго писателя нашего, князя Петра Андреевича Вяземскаго, писавшаго мнѣ отъ 29 августа 1874 года изъ Гомбурга.

«Поздно отвѣчаю на любезное вниманіе ваше и присылку статьи: «О просвѣтительной дѣятельности Екатерины II». Не оправдываюсь, хотя и могъ-бы представить довольно убѣдительныя оправданія. Какъ бы то ни было, я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ вашу статью. Радуюсь за себя, что мы сошлись съ Вами въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ и отзывахъ о Екатеринѣ. Равно вмѣстѣ съ Вами помянули мы и Карамзина и похвальное слово его. Въ нашъ забывчивый вѣкъ—это рѣдкое явленіе. Въ доказательство, что я читалъ статью вашу со вниманіемъ, которое она вполнѣ заслуживаетъ, позвольте мнѣ предложить на благоусмотрѣніе ваше сомнѣнія и замѣтки, зародившіяся во мнѣ при чтеніи вашей дѣльной и любопытной статьи».

«Мнѣ кажется, что Вы слишкомъ строго отозвались о Императорѣ Александрѣ I. Возраженіе мое основано на собственныхъ вашихъ словахъ: по близорукости мы видимъ недостатки нашихъ предшественниковъ и не въ силахъ, въ пылу начинающейся собственной дѣятельности, опираться на то доброе, что досталось намъ въ наслѣдство».

«Вы говорите, что внукъ Екатерины *всегда колебался*. Въ двѣнадцатомъ году и въ слѣдующіе за нимъ два года, онъ не колебался. Нельзя не признаться, что царствованіе его имѣ-

ло свои прискорбныя страницы. Но общее дѣйствіе его было благотворно для Россіи. Почему сказано и на кого намекается: что *онъ не довѣрялъ* лучшимъ людямъ? Кто такіе эти лучшіе люди?»

«Записки Бибикова появились гораздо ранѣе послѣдняго десятилѣтія».

«Иниціатива Историческаго Общества не можетъ быть приписана Государю Наслѣднику (стр. 5). Уже позднѣе благоволилъ Онъ принять званіе Предсѣдателя Общества».

«Не хотѣлось бы мнѣ, во слѣдъ за Вами, упоминать о Бѣлинскомъ. Но неужели, только въ *сороковыхъ годахъ* и то благодаря горячему сердцу его, образованные люди и литераторы вспомнили и оцѣнили вѣкъ Екатерины и достоинство ея пѣснопѣвца? И что это за *сороковые года*, вошедшіе какою-то эгирою въ хронологію нашей литературы!»

«Простите мнѣ мои старческія и старовѣрческія придирки. Во всякомъ случаѣ, онѣ нисколько не умаляютъ уваженія и сочувствія моего къ вашему замѣчательному труду....»

Къ статьѣ: „О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстаго“.

Статья эта далеко не полный очеркъ дѣятельности поэта. Это было слово, раздавшееся надъ свѣжей могилой. Въ статьѣ замѣтенъ защитительный элементъ, что характеризуетъ эпоху, когда нельзя было высказать сочувствіе свободному отъ тенденцій писателю, не вступая въ полемику.

«Нетерпѣливо желаю прочесть статью Вашу о гр. Толстомъ. Отсюда хорошаго сказать нечего»—писалъ мнѣ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, отъ 9 января 1876 года, изъ Гомбурга, гдѣ онъ доживалъ свои послѣдніе года, въ старости маститой, но со свѣжею головою, и съ полнымъ вниманіемъ къ отечественной литературѣ.—По полученіи отъ меня оттиска статьи—черезъ двѣ недѣли послѣ предыдущаго письма—князь Петръ Андреевичъ вновь писалъ мнѣ (отъ 25-го января):

«Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я статью вашу о Толстомъ. Вы сказали о немъ, что слѣдовало сказать и что Вы сказать желали. Въ статьѣ небольшаго объема всего не выскажешь, а что сказано, то вообще сказано хорошо. Но Вы просите моихъ замѣчаній—извольте».

«Если въ числѣ *современныхъ произведеній* подразумѣваете Вы и Бориса Годунова, то во все горло протестую. Если говорите объ Островскомъ, Аверкіевѣ и tutti quanti, то не много чести Толстому, что онъ ихъ превзошелъ».

«Стр. 11 *). Чтобы примирить цензора съ Вами, нужно было бы прибавить: *подавлена самими же писателями*. Это ваша мысль, да и совершенная правда, по такомъ оборотѣ отклоняется подозрѣніе, что свобода подавлена правительствомъ. Вотъ кажется и все, что могъ выудить изъ вашей статьи».

---

*) Это относится къ вычеркнутой цензоромъ фразѣ, которая приходилась бы на 251 стр. Сборника.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
3	21	1848	1748
4	26	Гвидономъ Саксонскимъ ученымъ	Гвидономъ, саксонскимъ ученымъ
8	31	Stimmen der Volker	Stimmen der Völker
9	30	nordischen	nördischen
11	27	Доротея»,	Доротеи»,
13	3	и толкователя	истолкователя
15	10	des neuern Europa	der neuern Europa.
16	10	этого, богатаго	этого богатаго
21	13	отрываетъ	открываетъ
25	34	запутанны	запутаны
30	31	Яковъ	Якобъ
31	4	Якова	Якоба
—	33	положилъ	наложилъ
38		XII и XII	XII и XIII
49	2	и Леонида Николаевича	Леонида Николаевича
63	9	тѣму что,	тѣмъ, что
70	30	*общія* современности	современности
71	32	званія	знанія
76	3	Даютъ даютъ	Даютъ
107	26	также, видна	также видна
109	23	слово о полку Игоревѣ	слова о полку Игоревѣ
145	18	послѣдовали	послѣдовала
146	10	ухватится	ухватиться
175 примѣч.	6	о правахъ	о нравахъ
203	21	chevaliier	chevalier
233	23	Гардоны	Гарроны
примѣч.	17	послѣднія	послѣдніе
—	18	Anthropolie	anthropologie
237	19	первымъ	первомъ
397	15	изданія	изданіяхъ
409	19	грѣховникъ	грѣховодникъ
418	2	хлѣбные	хлѣвные

Списокъ трудовъ того же автора:

Изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго.

Спб., 1868 г., стр. 266.

О древнихъ русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ.

XI—XII столѣтіе. (Изслѣдованіе). Кіевъ, 1878 г.

О жизни и трудахъ Д. В. Полѣнова.

Съ портретомъ. Изданіе Имп. Археол. Общества. Спб., 1879 г.

Путешествіе Государя Императора Александра III-го въ первое лѣто его царствованія.

Спб., 1882 г.

Къ Исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II.

Спб., 1884 г., in 4°, съ портретами, снимками и картами. Изданіе А. С. Суворина.

Бесѣды о древней русской литературѣ.

I. До монгольская пора. II. Обзоръ литературы средняго періода. III. Народная устная словесность. IV. Отъ стараго къ новому. Спб., 1900 г. Изданіе Общества Ревнителей Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Ксенія Ивановна Романова. (Великая старица — инокиня Мареа).

Съ портретомъ. Изданіе второе. Спб., 1898 г.

Памяти графа Ивана Давыдовича Делянова.

Съ портретомъ. Спб., 1898 г.

Издаія Высочайше учрежденной Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній:

Богомольцы у святынь Кіева. Часть первая. **Лавра.** Изданіе пятое. 1890 г.

Богомольцы у святынь Кіева. Часть вторая. **Старый Кіевъ.** Изданіе четвертое. 1890 г.

Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. Съ тремя рисунками. Изданіе четвертое. 1890 г.

Нашествіе татаръ и Князь Михаилъ Тверской. Изданіе четвертое. 1890 г.

Святый Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій. Изданіе четвертое. 1892 г.

Сыновья св. Владиміра. Изданіе третье. 1900 г.

О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси. Съ рисунками и снимкомъ съ первопечатной книги. 1890 г.

Крестные ходы въ Москвѣ. 1886 г.

О Благочестивѣйшемъ въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III. Съ портретомъ. 1894 г.

Подъ редакціей И. П. Хрущова:

Собраніе сочиненій князя М. М. Щербатова.

Томъ I: Политическія сочиненія. Изданіе князя Б. С. Щербатова. Спб. 1896. Стр. 1060, цѣна 4 руб.

Проекты и голосы, подаванные отъ депутата Ярославскаго дворянства князя Михаила Щербатова въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Размышленіе о дворянствѣ.

Примѣчаніе вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестѣ.

Разныя разсужденія о правленіи. Размышленія о законодательствѣ вообще.

Размышленія о смертной казни. Статистика въ разсужденіи Россіи.

Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры.

Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1778 году почти повсемѣстномъ въ Россіи голодѣ...

Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 года, при началѣ Турецкой войны.

Проектъ о причинѣ язвы.

Проектъ о народномъ изученіи. Путешествіе въ землю Офирскую г-на Швецкаго дворянина.

Того-же изданія томъ второй: Статьи историко-политическія и литературныя. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 1898, стр. 630, цѣна 4 руб.

Оглавленіе II тома:

Отъ редакціи II тома «Сочиненій Князя М. М. Щербатова».

О древнихъ чинахъ, бывшихъ въ Россіи и о должности каждаго изъ нихъ.

Примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ могла Россія сама собою, безъ Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть...

Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго и другія мелкія статьи.

О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

Разговоръ о безсмертіи души.

О способахъ преподаванія разныя науки и другія статьи.

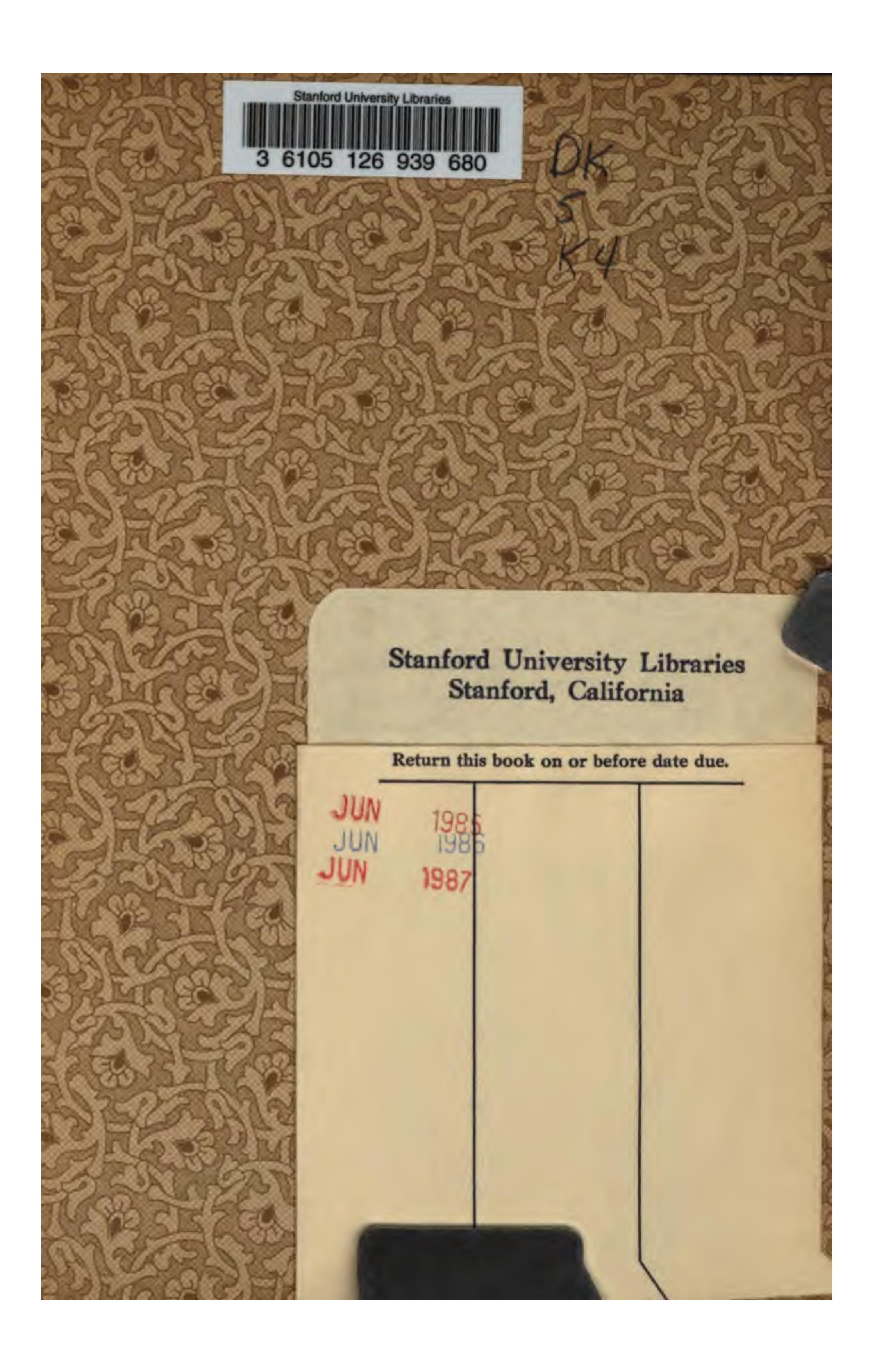
ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томы первый и второй. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. **Изданіе князя Б. С. Щербатова.**

40 печатн. листовъ больш. формата съ таблицами и указателемъ. Цѣна 6 р. Издано всего въ количествѣ 300 экземпляровъ. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5-я линія, 28.

Stanford University Libraries
3 6105 126 939 680
DK
5
K4
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
JUN 1985
JUN 1986
JUN 1987

